Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии

Восстановление Советской власти

В монографии рассматриваются и анализируются предпосылки социалистических революций в Литве, Латвии и Эстонии, их основные черты, общие закономерности и специфические особенности. Показаны революционная борьба трудящихся и руководящая роль в этой борьбе Коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, раскрываются внутренние и внешние факторы развития революционного процесса. В книге освещается процесс вступления Литвы, Латвии и Эстонии в братскую семью народов СССР и подчеркивается огромное значение этого акта для народов прибалтийских республик.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Академия наук СССР

Институты истории партии
при Центральных Комитетах Компартий
Латвии, Литвы, Эстонии —
филиалы Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Институты истории академий наук
Латвийской, Литовской и Эстонской ССР

Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии

Восстановление Советской власти

Издательство «Наука»

Москва 1978

С $\frac{10604-440}{042(02)-77}$ 44—77

Предисловие

Судьбы народов Прибалтики издавна связаны с историей других народов Советского Союза. Рабочие и крестьяне Прибалтики вместе с трудящимися всей России боролись против царизма, против гнета буржуазии и помещиков. Символом нерушимого единства этих народов являлось активное участие пролетариата Прибалтики в трех российских революциях.

В революции 1905—1907 гг. пролетариат Латвии, Литвы и Эстонии шел в первых рядах общероссийской революционной армии, потрясшей основы царизма и заложившей предпосылки для нового штурма старого строя. Большевики Прибалтики выдержали испытания первой мировой войны, сохранили свои нелегальные организации и вслед за выступлением рабочих и солдат Петрограда подняли трудящихся на свержение царизма в февральские дни 1917 г.

Под руководством Коммунистической партии, в союзе с русским пролетариатом трудящиеся Латвии, Литвы и Эстонии боролись за победу социалистической революции, принесшей им мир, землю, национальное равноправие, подлинную свободу и независимость. «Победа Октября,— говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— ознаменовала исторический поворот в судьбах народов нашей страны» [1].

В героические дни Великого Октября рабочие и крестьяне Прибалтики, солдаты Северного фронта и моряки Балтийского флота оказали существенную поддержку вооруженному восстанию в Петрограде, воспрепятствовав посылке контрреволюционных войск с фронта на подавление революции. В свою очередь победа вооруженного восстания в столице России обеспечила трудящимся Прибалтики под руководством большевиков условия для установления Советской власти в Эстонии, в северной и восточной части Латвии. Эта взаимопомощь и поддержка явились ярким выражением пролетарского интернационализма, объединившего рабочий класс России в борьбе за победу социалистической революции.

В 1918 г., вероломно прервав мирные переговоры в Брест-Литовске, германские войска вторглись в Советскую Россию и завершили оккупацию всей Прибалтики, где была восстановлена власть буржуазии.

Но уже менее чем через год пролетариат Прибалтики, опираясь на помощь Советской России, установил власть Советов на этот раз по всей Прибалтике. В декабре 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление о признании независимости Советских республик Эстонии, Латвии и Литвы.

Трудящиеся Прибалтийских стран с помощью Советской России приступили к преобразованию всех сторон политической и социально-экономической жизни. Вооруженные силы советских Прибалтийских республик в составе Красной Армии защищали завоевания Октября. Латышские, эстонские и литовские полки доблестно и самоотверженно сражались на всех фронтах гражданской войны, вписав много славных, героических страниц в историю борьбы против объединенных сил внутренней контрреволюции и иностранных интервентов.

Но существование Советской власти в Прибалтике было кратковременным: к началу 1920 г. под совместными ударами внешней и внутренней контрреволюции она пала. В ее свержении основную роль вновь сыграла иностранная интервенция, на этот раз англо-французская. Германский империализм уступил первенство своим соперникам — Англии, Франции и США, не отказавшись, однако, от соучастия в подавлении Советской власти.

Подавив при рещающей поддержке иностранных империалистов власть трудящихся, местная буржуазия объявила страны Прибалтики независимыми. Буржуазные правительства сделали все возможное, чтобы поставить Прибалтийские страны в полную зависимость от империалистических держав. Привязанные к капиталистической системе, эти страны разделили и судьбу мирового капитализма с его кризисами, безработицей, усиливающимся гнетом народных масс. Преступная политика прибалтийской буржуазии, оторвавшей свои страны от естественных экономических связей с Россией, вела к превращению Прибалтики в аграрный придаток экономически развитых империалистических стран, лишенный тяжелой промышленности, обреченный на отсталость.

Отказавшись от тесного экономического сотрудничества с СССР, прибалтийская буржуазия привела народное хозяйство в состояние упадка. Сохраняя видимость политической самостоятельности, буржуазные правительства стран Прибалтики на деле шли в фарватере антисоветских планов крупных империалистических держав.

Буржуазия Прибалтики, поддерживаемая и подстрекаемая империалистическими хозяевами, сделала все для искоренения всяких следов Советской власти. Обрушившись с репрессиями на коммунистов, господствующие классы стремились вытравить революционные традиции в народе. Буржуазия и ее мелкобуржуазные сообщники спешили заверить своих западных покровителей, что с влиянием Советской власти покончено, как вдруг, словно гром с ясного неба, в 1924 г. вспыхнуло восстание пролетариата Эстонии под лозунгом восстановления Советской власти. Восстание эстонских пролетариев было потоплено в крови, но оно осталось ярким свидетельством неистребимости в Прибалтике идеи Советской власти.

Находящимся в подполье коммунистам в странах Прибалтики приходилось вести работу в крайне сложной и тяжелой обстановке. Против них и революционного движения были использованы буржуазные карательные органы и военизированные националистические организации (в Латвии — айзсарги, в Литве — шаулисы, в Эстонии — кайтселийтчики), к усилиям которых были прибавлены ухищрения и зверства фашистских палачей. Коммунистические партии потеряли значительную часть своего основного состава — карателями были расстреляны и замучены стойкие революционеры, но оставшиеся на воле немногочисленные, преданные, испытанные большевики сумели создать широкий круг беспартийных активистов прежде всего на заводах, а также в деревне среди крестьянской бедноты и среди интеллигенции.

С приходом фашистов к власти были окончательно подавлены и без того урезанные буржуазные свободы. Это особенно остро чувствовали народные массы, чья жизнь становилась все более невыносимой. Недовольство стали проявлять и представители демократических слоев интеллигенции. Создавалась и крепла возможность объединения всех сил демократии и прогресса против фашизма. Коммунисты умело учитывали изменения в соотношении классовых сил, сплачивали под своим руководством широкие слои населения. Особенно усилился этот процесс после VII конгресса Коминтерна, четко и ясно определившего задачи компартий по созданию широкого антифашистского народного фронта.

Ни казни, ни тюрьмы, ни жесточайшие репрессии и переход власти к фашистам не смогли вытравить из сознания трудящихся Прибалтики

---

[1] О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 4.

освободительные идеи Советской власти. И когда трудящиеся стран Прибалтики в 1940 г. выступили против своих поработителей, пролетариат Литвы, Латвии и Эстонии, шедший во главе народных масс, под руководством компартий вновь поднял Красное знамя с лозунгом восстановления власти Советов.

Революции 1940 г. в странах Прибалтики вновь подтвердили правильность марксистско-ленинского учения о социалистической революции. Они явились закономерным результатом их внутреннего развития, подготовленным всем ходом революционной борьбы трудящихся Латвии, Литвы и Эстонии против буржуазии. Революции в Прибалтике — это первые социалистические революции на втором этапе общего кризиса капитализма. Революционному переходу от капитализма к социализму в странах Прибалтики были присущи общие для мирового социально-экономического развития закономерности, и вместе с тем революции в этих странах имели свои особенности. Развитие и углубление мирового революционного процесса, коренные изменения в развитии человеческого общества, начало которым было положено Великой Октябрьской социалистической революцией, наличие мощного социалистического государства — Советского Союза создали реальную возможность победы социалистической революции мирным путем. Эта возможность мирного развития революции, которую В. И. Ленин считал *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной [1], была осуществлена впервые в истории мирового революционного движения в ходе революций 1940 г. При отсутствии непосредственной вооруженной помощи извне путем вторжения сил международного империализма (в странах Прибалтики находились части Советской Армии, введенные по соглашению с прибалтийскими правительствами) буржуазия в Прибалтийских странах вынуждена была уступить власть народу без вооруженного сопротивления.

Исторически сложившиеся экономические, политические и культурные связи народов Прибалтики и Советского Союза, традиции совместной революционной борьбы явились причиной того, что трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии наряду с требованием восстановления Советской власти заявили о необходимости вступления Прибалтийских республик в состав СССР. Вступление Латвии, Литвы и Эстонии в состав многонационального Советского государства открыло перед народами этих стран широкий путь социального прогресса, путь к коммунизму. Вместе с тем социалистические революции в Прибалтике показали впервые возможность в новых условиях использования парламентских форм для перехода к социализму.

Исследуя историю социалистических революций в Прибалтике, авторы предлагаемого труда ставили перед собой задачу всесторонне осветить те внутренние и внешние условия, в которых созрели и развивались революции. Всестороннее освещение этих вопросов облегчает борьбу с клеветой буржуазии об «экспорте» революции в страны Прибалтики.

В книге дан критический анализ всей политики буржуазных правительств, раскрыт классовый характер их деятельности. С буржуазных деятелей сорвана маска «борцов за независимость» и организаторов «процветания». Убедительно показано, что на деле так называемая независимая политика буржуазных правительств вела к усилению все большей зависимости стран Прибалтики от империализма как в политике, так и в экономике. Авторы вскрывают подлинную суть буржуазного «процветания», которое на деле превратилось в мародерство, хищничество буржуазии и кулачества и привело к обнищанию масс, разорению трудящихся слоев крестьянства.

Особое внимание в книге уделяется освещению деятельности коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии как в условиях диктатуры буржуазии, так и в ходе революции и после ее победы. Авторы подробно останавливаются на вопросах партийного строительства и показывают, с какой быстротой были расширены и укреплены партийные организации и руководящие кадры.

В монографии всесторонне исследуются характер и движущие силы революции. Именно эти вопросы подвергаются наиболее интенсивному извращению не только со стороны реакционной прибалтийской эмиграции, но и в публикациях буржуазных советологов Запада. Специальные главы рассказывают о первых шагах строительства социализма.

Предлагая вниманию общественности труд, посвященный революциям 1940 г., авторы считают необходимым указать, что это исследование продолжает работу по изучению исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции; в 1967 г. была издана коллективная монография «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», вошедшая в юбилейную серию работ по проблемам Великого Октября.

Обобщающий труд о социалистических революциях 1940 г. создан учеными республик Прибалтики при участии историков Москвы. Он является совместным исследованием сотрудников институтов истории партии при ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии (филиалов ИМЛ

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 135.

при ЦК КПСС), институтов истории академий наук, а также ученых вузов Прибалтийских республик. Монография написана под руководством академика И. И. Минца авторским коллективом в следующем составе: предисловие и общее редактирование — И. И. Минц, 1-я глава — Б. А. Томан; 2-я глава — А. Ю. Гайгалайте, соавторы: по Латвии — А. И. Спреслис, по Эстонии — О. О. Карма; 3-я глава — В. Я. Сиполс, Р. Ю. Жюгжда, Х. Т. Арумяэ; 4-я и 5-я главы — С. А. Атамукас, соавторы: по Латвии — Л. П. Химелрейх, по Эстонии — А. Б. Либман; 6-я глава, § 1 — С. А. Атамукас, соавторы: по Латвии — Л. П. Химелрейх, И. А. Штейман, по Эстонии — А. Б. Либман, § 2 и 3 — И. А. Штейман, соавтор по Литве — В. А. Канцявичюс; 7-я глава — В. О. Миллер; 8-я глава — А. К. Панксеев, К. З. Сурблис, А. А. Эльвих; 9-я глава — В. А. Маамяги, соавторы: по Латвии — Э. А. Жагар, по Литве — Г. А. Шаджюс; заключение — В. А. Маамяги. Библиографию подготовили: Б. А. Томан, Э. А. Жагар, Е. А. Мертинене, Т. Э. Бреннер, Р. А. Пилисте.

Научно-организационную работу при подготовке монографии провели Е. В. Иллерицкая и Т. Ф. Кузьмина.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность всем научным организациям и отдельным лицам, оказавшим помощь в создании этой работы.

1

Историография революций 1940 г. в Прибалтике

История изучения революций 1940 г. • Публикация источников • Предпосылки социалистических революций • Социалистические революции и установление диктатуры пролетариата • Социалистические преобразования • Критика буржуазных фальсификаторов

1. История изучения революций 1940 г.

Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии явились поворотным пунктом в исторических судьбах народов Прибалтики. После двадцатилетнего господства буржуазии трудящиеся массы Прибалтийских стран под руководством коммунистических партий восстановили Советскую власть и стали равноправными членами великой семьи народов СССР. Революции 1940 г. вновь подтвердили всепобеждающую силу идей Великого Октября, открывшего новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества коммунизма. Проблемы революций 1940 г. в Прибалтике издавна находятся в центре внимания многих ученых.

Методологической основой изучения революций 1940 г. в Прибалтике являются труды В. И. Ленина, в которых исследователи находят ответ на важнейшие вопросы теории социалистической революции.

Разработка вопросов истории социалистических революций 1940 г. в Прибалтике происходит в неразрывной связи с общим развитием исторической науки в СССР и в особенности под влиянием изучения исторического опыта Великой Октябрьской социалистической революции. Исследуя революционный переход от капитализма к социализму в Латвии, Литве и Эстонии, советские историки изучают, как проявились в этом процессе общие закономерности классовой борьбы пролетариата с буржуазией и каковы были специфические особенности этого процесса в Прибалтике.

Специальных историографических работ, в которых рассматривалась бы вся совокупность исследований, посвященных социалистическим революциям 1940 г. в Прибалтике, до настоящего времени нет. Историографические обзоры по отдельным республикам приводятся в работах А. Бирона, А. Гайгалайте, О. Куули, В. Маамяги, И. Штеймана и др.[1] Итоги изучения революций 1940 г. в связи с рассмотрением этого вопроса

на научной конференции в мае 1969 г. в Таллине освещаются в статьях П. С. Кольцова и Б. А. Томана, Э. Янверк и С. Ахелик [2].

Уже в 20-е годы в работах руководящих деятелей коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии было показано значение социалистической революции и установления Советской власти в 1917—1918 гг. для народов Прибалтики, была дана оценка созданным в 1919—1920 гг. в Прибалтике буржуазным режимам, буржуазным и мелкобуржуазным партиям. П. Стучка, Я. Круминь-Пилат, З. Ангаретис, В. Мицкявичюс-Капсукас, В. Кингисепп, Я. Анвельт и др. внесли ценный вклад в разработку истории революционного движения в Прибалтике в период буржуазного господства. Их труды оказали большое влияние на работы целого поколения советских ученых Прибалтики.

Непосредственное изучение революций 1940 г. началось с июня 1940 г., с самого начала революционных событий, когда в периодической печати Латвии, Литвы и Эстонии стали публиковаться многочисленные очерки и статьи на эту тему главным образом публицистического и пропагандистского характера. Источниковедческой базой этих статей служили выступления руководителей коммунистических партий и народных правительств Латвии, Литвы и Эстонии и другие документы, а также напечатанные в газетах того времени воспоминания видных революционеров. Наряду с газетными публикациями уже летом 1940 г. появились брошюры и статьи на страницах всесоюзных журналов. В этих работах отмечалось огромное значение революционных событий 1940 г., провозглашения Советской власти и вступления Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, что обеспечило свободу, независимость и социальный прогресс народов Прибалтики. Авторы приводили многочисленные факты о героической борьбе трудящихся против фашизма и буржуазии, об исторических связях народов СССР и Прибалтики, о благоприятном влиянии внешних факторов на революционный процесс.

Характерной не только для того времени, но и для многих последующих лет была точка зрения, высказанная в статье Я. Ульриса «Советские социалистические республики в Прибалтике». Говоря о восстановлении Советской власти в Прибалтике, он отмечал: «Это событие, означающее новую победу дела социализма, является результатом двух основных факторов. Во-первых, это замечательный результат укрепления могущества Советского Союза и роста его притягательной силы во всем мире, результат его последовательной политики мира, несущей свободу и счастье народам. Во-вторых, это победоносный итог тяжелой и долголетней борьбы пролетариата и революционного крестьянства Прибалтийских стран против реакции и капиталистического рабства, за свободу и социализм» [3]. Вместе с тем в некоторых работах можно отметить известное преувеличение роли внешнеполитического фактора. Можно привести, например, статью М. Шугала и М. Афонина «СССР и Прибалтика» [4], в которой влияние и помощь Советского Союза рассматривались фактически в качестве единственного решающего фактора в свержении буржуазных диктатур в странах Прибалтики.

Уже в первых выступлениях партийных и государственных деятелей и опубликованных статьях встречаются попытки дать научно обоснованную политическую оценку происходящих событий, проанализировать их политическую направленность и, в частности, показать мирный характер развития революции[5].

В статье М. Каммари «О пролетарском интернационализме и советском патриотизме» отмечалось, что трудящиеся Прибалтики «совершили свою социалистическую революцию»[6]. Как правило, однако, термин «социалистическая революция» и даже просто «революция» встречается в первых работах редко, хотя выражения «свержение власти буржуазии», «свержение эксплуататоров», «завоевание власти трудящимися» и т. п. употреблялись повсеместно.

Вскоре после восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии издательство политической литературы выпустило в свет три брошюры, содержавшие краткие историко-экономические сведения о Прибалтийских советских республиках[7]. В брошюре М. Ефимова, в частности, отмечался мирный характер революции в Эстонии: «Революция победила в Эстонии без жертв потому, что в мире существует великая социалистическая держава...»[8]

Первой обобщающей работой, рассматривающей революционные события в странах Прибалтики с точки зрения создания в них советской государственности, была статья И. Трайнина «Конституции Прибалтийских советских социалистических республик». Подчеркивая значение деклараций о государственной власти от 21 июля 1940 г., И. Трайнин писал: «Так было положено в Прибалтике начало развитию социали-

---

[1] *Gaigalaitė A.* Lietuvių tarybinė istoriografija.— В кн.: Mokslas Tarybų Lietuvoje. Vilnius, 1961; *Гайгалайте А. Ю., Гришкунайте Э. В.* Историческая наука Советской Литвы.— «Вопросы истории», 1971, № 6; *Маамяги В. А.* О разработке истории социалистического и коммунистического строительства историками Эстонской ССР.— В кн.: Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962; *Штейман И. А.* Освещение тактики КПЛ 1920—1940 гг. в работах историков Советской Латвии.— «Ученые записки Даугавпилсского педагогического института». Рига, 1965, т. 12. Серия общественных наук, вып. 2; *Kiuli O.* 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis (Historiograafiline ülevaade).— В кн.: Töid EKP ajaloo alalt, 1. Tallinn, 1965; *Бирон А. К., Дорошенко В. В.* Советская историография Латвии. Рига. 1970.

Автор выражает благодарность А. Гайгалайте за некоторые сведения о литературе на литовском языке.

[2] *Кольцов П. С., Томан Б. А.* Проблемы истории социалистической революции 1940 г. в Прибалтике.— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 11; *Янверк Э., Ахелик С.* О спорных вопросах истории социалистической революции 1940 года в Прибалтике.— «История СССР», 1969, № 6.

[3] «Коммунистический Интернационал», 1940, № 7, с. 23.

[4] «Большевик», 1940, № 11—12.

[5] Подробнее см. § 4 данной главы.

[6] «Большевик», 1940, № 15—16, с. 40.

[7] *Ефимов М.* Советская Эстония. М., 1940; *Григорьев К.* Советская Литва. М., 1940; *Марков М.* Советская Латвия. М., 1940.

[8] *Ефимов М.* Указ. соч., с. 48.

стической системы и социалистической собственности на орудия и средства производства»[9].

Видный деятель Коммунистической партии Латвии П. Дауге в 1940 г. опубликовал ряд статей, посвященных революционному движению латышского пролетариата с начала XX в. до восстановления Советской власти в 1940 г.[10] В конце 1940 — первой половине 1941 г. появились первые статьи Я. Крастыня, Ф. Деглава, А. Сипсакаса и других ученых, посвященные началу социалистических преобразований в Прибалтике.

Таким образом, уже в первый год после восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии было положено начало научному изучению проблем революции 1940 г. в Прибалтике. В течение этого года происходило накопление в исторической науке фактического материала, терминология еще не была унифицирована, однако уже были предприняты первые попытки теоретически обобщить характер и особенности революции 1940 г.

В годы Великой Отечественной войны вопросы революции 1940 г. и восстановления Советской власти в Прибалтике поднимались, как правило, в работах прибалтийских историков и руководящих деятелей партии, посвященных темам патриотизма, дружбы народов, защиты социалистического отечества. В Москве был издан ряд брошюр, призывавших трудящихся оккупированных республик Прибалтики к борьбе против фашистских оккупантов. В брошюрах В. Нюнки «Год Советской Литвы», В. Лациса «Латвия год назад и теперь» и других были описаны успехи, достигнутые трудящимися Прибалтики в 1940—1941 гг. благодаря восстановлению Советской власти.

В послевоенные годы в республиках Советской Прибалтики были созданы условия для широкого развития исторической науки, в том числе и для изучения истории социалистической революции 1940 г. Прежде всего следует отметить создание в Прибалтийских республиках крупных научных центров — институтов истории академий наук Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и институтов истории партии при Центральных Комитетах компартий Литвы, Латвии и Эстонии. В то же время было начато издание теоретических журналов «Большевик Советской Латвии», «Большевик Эстонии» и «Коммунист» (Вильнюс). Появилось новое поколение историков Прибалтики — выпускников советской высшей школы.

Коренная перестройка научной работы в области истории, усвоение марксистско-ленинской методологии проходили в обстановке острой классовой борьбы против националистической идеологии и буржуазных фальсификаторов истории.

В конце 40-х — начале 50-х годов научный интерес к разработке вопросов революций 1940 г. в Приблатике заметно усилился. Образование и укрепление мировой социалистической системы выдвинули на передний план необходимость изучения опыта социалистической революции и социалистических преобразований как в СССР в целом, так и, в частности, в республиках Прибалтики, где революционные события в

1940 г. происходили в условиях, во многом схожих с теми, в каких осуществлялись позднее социалистические революции в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Число исследовательских работ в это время было еще относительно невелико. В научно-популярных брошюрах и статьях освещалось прежде всего положение рабочего класса в буржуазных государствах Прибалтики и его революционная борьба, приведшая к свержению фашистских правительств в июне 1940 г. В Латвии над этой темой работали А. Вейнберг, В. Гудзука (Канале), Ф. Деглав, А. Дризул, Я. Крастынь И. Штейман. Революционная борьба трудящихся Литвы в буржуазный период освещалась в работах З. Балявичюса, А. Гайгалайте, К. Домашявичюса, Ю. Жюгжды, А. Маяускайте-Гульбинскене, В. Нюнки, Н. Чернявской, Р. Шармайтиса. В Эстонии вопросы подготовки и проведения революции 1940 г. были рассмотрены в работах М. Вильберг, С. Кутсар-Забродской, А. Либмана, В. Маамяги, Г. Наана, И. Саата, И. Сильдмяэ. Начинается также исследование вопросов, связанных с состоянием экономики буржуазных республик Прибалтики. В эту область наряду с историками значительный вклад внесли экономисты. В Латвии появились монографии Л. Стародубского и С. Удачина. В Литве вопросы экономики этого периода рассматривали Ю. Булавас, М. Грегораускас, В. Нюнка, Л. Чайко.

Разработка вопроса о социалистических преобразованиях 1940—1941 гг. к середине 50-х годов еще только начиналась — в трудах А. Дризула (Латвия), Ю. Жюгжды, М. Пожарскаса (Литва), В. Маамяги (Эстония) и других историков [11].

В эти годы заметно усилился интерес к теоретическим проблемам революции 1940 г.: определению ее общих и специфических черт, мирного характера, оценке деятельности народных правительств. Широкий обмен мнениями способствовал повышению интереса к этим мало изученным вопросам.

С конца 40-х — начала 50-х годов институты истории академий наук Прибалтийских республик приступили к созданию крупных обобщающих трудов по истории Латвии, Литвы и Эстонии. В 1952 г. вышла «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)», в которой революционным событиям 1940 г. посвящена глава «Восстановление Советской власти в Эстонии». Это был первый в Эстонии обобщенный обзор истории революции 1940 г. и первых социалистических преобразований.

Важной вехой в изучении истории революций 1940 г. явилась третья объединенная сессия историков Прибалтийских советских республик,

---

[9] «Большевик», 1940, № 22, с. 77.

[10] Названия упоминаемых здесь и ниже работ даются в библиографическом указателе.

[11] Более подробно и конкретно разбор литературы о предпосылках революции 1940 г., ее подготовке и проведении, о первых социалистических преобразованиях дан в § 3, 4 и 5 данной главы.

состоявшаяся в конце октября 1954 г. в Таллине. На сессии были заслушаны и обсуждены доклады А. Дризула «Установление Советской власти в Латвии в 1940 г.» и Ю. Жюгжды «Уничтожение фашистского режима и восстановление Советской власти в Литве».

В 1955 г. в Таллине состоялась научная конференция историков и экономистов республик Прибалтики. Доклады на конференции, как правило, были посвящены обширным темам — итогам индустриализации, коллективизации, современному состоянию экономики. В некоторых докладах рассматривалось также состояние экономики буржуазных Латвии и Эстонии, освещались аграрные преобразования в Советской Литве и Эстонии [12].

Значительное увеличение выпуска литературы, посвященной революциям 1940 г., приходится на 1955 г., в связи с 15-летним юбилеем восстановления Советской власти. В журналах было опубликовано много статей, защищено несколько кандидатских диссертаций.

Крупным событием в исторической науке наряду с выходом в 1952 г. «Истории Эстонской ССР» явилось издание в 1955 г. «Истории Латвийской ССР (с древнейших времен до 1953 г.)». Эти краткие курсы сконцентрировали в себе все достижения советской исторической науки в Эстонии и Латвии. В «Истории Латвийской ССР» отмечалось, что в июне 1940 г. в Латвии возникла революционная ситуация, а 20 июня началась социалистическая революция [13].

Эти принципиальные положения утвердились в исторической литературе. В книге рассматриваются и первые социалистические преобразования.

Научно-исследовательская работа по истории революционного движения и социалистических преобразований 1940—1941 гг., проделанная литовскими советскими историками до 1956 г., была обобщена в сборнике статей «Революционное движение в Литве», подготовленном Институтом истории партии при ЦК КП Литвы и вышедшем в 1957 г., к 40-летию Октября. В сборнике опубликованы речи руководящих работников республики А. Снечкуса, Ю. Палецкиса, М. Шумаускаса, М. Гедвиласа в Народном сейме 21—23 июля 1940 г. а также статьи Р. Шармайтиса, посвященные событиям 1940—1941 гг.

В Москве в середине 50-х годов были изданы краткие историко-экономические очерки об Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР [14], в которых специальные главы были посвящены истории стран Прибалтики в период буржуазной диктатуры и восстановлению Советской власти. События 1940 г. нашли отражение в статьях о Латвии, Литве и Эстонии в Большой Советской Энциклопедии [15]. В них говорится о свержении фашистских правительств, о вступлении Прибалтийских республик в состав СССР. Правда, четкая характеристика революций 1940 г. и сущности народных правительств в этом издании энциклопедии еще отсутствует.

Таким образом, ученые Советской Прибалтики с 1940 г. до середины 50-х годов в своих трудах накопили уже значительный фактический

материал о революциях 1940 г. Наиболее подробно в эти годы были рассмотрены вопросы революционного движения, а также состояние экономики буржуазных государств Прибалтики. Были сделаны первые попытки научно проанализировать характер революций 1940 г. и деятельность народных правительств. Относительно слабее были разработаны вопросы истории коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, первых социалистических преобразований 1940—1941 гг., внешней политики стран Прибалтики. Следует отметить, что многим научным работам тех лет были присущи и определенные недостатки: фактологический характер изложения, ограниченность источниковедческой базы, обусловленная слабым использованием архивных материалов, которые хранились еще в необработанном виде в текущих архивах учреждений.

Со второй половины 50-х годов начинается новый этап в развитии советской исторической науки. Решения XX съезда КПСС способствовали творческому подъему во всех областях исторической науки. Расширились проблематика исследований и их источниковедческая база. Истории были возвращены многие славные имена революционеров и деятелей Коммунистической партии, незаслуженно преданных забвению.

Дальнейшее развитие получило и изучение истории революций 1940 г. Новый качественный скачок был подготовлен, с одной стороны, достигнутым ранее уровнем исследований и накопленным за полтора десятилетия большим фактическим материалом, а с другой, что было связано с дальнейшим укреплением мировой системы социализма,— усилением интереса к теоретическому осмыслению и обобщению опыта социалистических революций, в особенности в условиях, приближенных к современным. Выступая на XX съезде КПСС, первый секретарь ЦК КП Эстонии И. Кэбин коснулся вопроса о формах перехода различных стран к социализму. При характеристике революции 1940 г. в Эстонии он подчеркнул, что «существование великой социалистической державы — СССР, его пример, моральная поддержка имели решающее значение в победе эстонского народа, укрепляя его уверенность в борьбе, парализуя контрреволюционные выступления буржуазии... Таким образом, история борьбы эстонского народа, а также других народов Прибалтики за социалистическую революцию подтверждает возможность в известных условиях мирного перехода власти в руки трудящихся для проведения коренных социальных преобразований»[16].

---

[12] К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. Таллин, 1956.

[13] История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955, с. 481, 483.

[14] *Лилль В., Маамяги В.* Эстонская ССР. М., 1955; *Андерсоне Э., Дзерве П., Драудин Т.* Латвийская ССР. М., 1956; *Жюгжда Р., Смирнов А.* Литовская ССР. М., 1957.

[15] Большая Советская Энциклопедия, т. 24. М., 1953, с. 328; т. 25, с. 259; т. 49, с. 210.

[16] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет, ч. 1. М., 1956, с. 443—444.

Расширение источниковедческой базы исследований произошло прежде всего потому, что стали в большей мере изучаться документальные материалы по истории революций 1940 г., собранные в архивы. Кроме того, с конца 50-х до середины 60-х годов в Эстонии, Латвии и Литве были изданы сборники документальных материалов, посвященные как общим вопросам борьбы трудящихся против буржуазии, так и конкретно революций 1940 г. Заметно увеличился выпуск мемуарной литературы. Были изданы воспоминания многих коммунистов-подпольщиков, активных участников борьбы за восстановление Советской власти [17].

Результатом дальнейшего творческого освоения историками марксистско-ленинской методологии и расширения источниковедческой базы исследований явились новые достижения в изучении истории революции 1940 г. Увеличилось число и объем работ, повысился их научный уровень. Если первые исследования 40-х — начала 50-х годов имели преимущественно описательный характер, то с середины 50-х годов ученые стремились ко все более углубленным теоретическим обобщениям, анализу общих закономерностей и особенностей социалистических революций 1940 г. О возросшем научном уровне исследований свидетельствует, в частности, и тот факт, что ряд ученых, непосредственно занимающихся вопросами социалистических революций 1940 г. в Прибалтике, защитили докторские диссертации (А. Дризул, О. Куули, Б. Левин, В. Миллер, К. Навицкас, В. Рянжин, В. Сиполс, И. Штейман); многие исследователи защитили кандидатские диссертации.

За последние два десятилетия было опубликовано много крупных монографий, посвященных вопросам, мало изученным ранее.

Особенно расширились и углубились исследования по историко-партийной тематике. В работах 40-х — начала 50-х годов, посвященных, как правило, гражданской истории, историко-партийный материал излагался зачастую фрагментарно, схематично. Со второй половины 50-х годов стали все чаще появляться работы, детально освещавшие основные вопросы стратегии и тактики коммунистических партий, их деятельность. В них убедительно и всесторонне показаны ведущая роль коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии в борьбе трудящихся за свержение власти буржуазии и восстановление Советской власти, их организаторская и идеологическая деятельность в революции 1940 г., рост рядов партий и укрепление их авторитета, руководство социалистическими преобразованиями. Ценный материал по этим вопросам содержат работы С. Атамукаса, А. Буткуте-Рамялене, А. Дризула, В. Канцявичюса, С. Кутсар-Забродской, А. Либмана, А. Панксеева, Л. Химелрейха, Р. Шармайтиса, И. Штеймана и других историков.

Большая группа ученых занимается вопросами социалистических преобразований в экономике и культуре республик Прибалтики. Среди них следует отметить М. Грегораускаса, А. Ефременко, Э. Жагара, В. Маамяги, К. Мешкаускаса, К. Сурблиса, Г. Шаджюса.

Весьма плодотворно велись общая разработка ряда теоретических проблем (характер революций 1940 г., сущность народных правительств

и т. д.) и конкретное изучение вопросов создания советской государственности, организации органов Советской власти юристами К. Домашявичюсом, В. Миллером, В. Рянжиным, В. Чиркиным и др.

Вопросы внешней политики буржуазных правительств, ее антинародный характер, борьба СССР за мир и жизненные интересы народов Прибалтики нашли аргументированное отражение в работах Ю. Жюгжды, К. Навицкаса, М. Пести, В. Сиполса, А. Дризула.

Развитие исторической науки в Советской Прибалтике получило свое дальнейшее отражение в подготовке крупных обобщающих исследований. Наряду с завершением работы по созданию сокращенных курсов истории Латвии, Литвы и Эстонии развернулась работа по подготовке многотомных изданий.

В 1958 г. вышла из печати «История Литвы. С древнейших времен до 1957 г.», в которой был дан научный анализ социально-экономических отношений и классовой борьбы в Литве. Значительное место уделялось освещению революции 1940 г. и первых социалистических преобразований. В 1958 г. вышло второе издание «Истории Эстонской ССР», в котором по сравнению с первым изданием была дополнена и уточнена характеристика событий 1940—1941 гг.

В Латвии в 1958 г. был издан 3-й том «Истории Латвийской ССР». Многие важные положения, отмеченные еще в сокращенном курсе (о характере революции 1940 г., ходе социалистических преобразований), получили в новой работе дальнейшее обоснование. В 1971 г. вышло второе, расширенное и переработанное издание сокращенного курса «Истории Латвийской ССР». 3-й том «Истории Литовской ССР» вышел в свет в 1965 г., 4-й — в 1975 г., а 3-й том «Истории Эстонской ССР» — в 1971 г. (в 1974 г.— на рус. яз.). Главы, посвященные буржуазному периоду истории, революции 1940 г., отражают современное состояние разработки этих проблем историками Литовской и Эстонской ССР. Интересный новый материал о социалистической революции содержится в первой главе монографии «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1940—1945» и в первом томе книги «Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945)».

К созданию крупных обобщающих трудов приступили институты истории партии при Центральных Комитетах компартий Латвии, Литвы и Эстонии — филиалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1963 г. в Эстонии, а в 1966 г.— в Латвии были изданы вторые части очерков истории республиканских партийных организаций (в Литве в 1977 г.— макет второй части Очерков), в которых показана борьба коммунистических партий стран Прибалтики в условиях буржуазной диктатуры, освещены вопросы партийного строительства, стратегии и тактики компартий, их деятельность в условиях созревания революционной ситуа-

---

[17] Подробнее об этом см. § 2 данной главы.

ции и начала социалистической революции. В 3-й части «Очерков истории Коммунистической партии Эстонии» (1970 г.) и в макете XVI главы 3-й части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии»[18] убедительно показана деятельность компартий Эстонии и Латвии в новых исторических условиях, их руководящая роль в революциях и социалистических преобразованиях.

Принципиальное значение для разработки вопросов деятельности Коммунистической партии Латвии в период фашистской диктатуры имела статья «За правильное освещение истории Компартии Латвии», опубликованная в журнале «Коммунист», а затем перепечатанная на страницах республиканских газет и журналов[19]. В статье по-новому рассматривалась данная в 1936 г. оценка тогдашнего положения в Компартии Латвии, в результате которой были распущены руководящие органы КП Латвии и образован Временный секретариат. Статья в «Коммунисте» оказала влияние и на работу эстонских и литовских историков партии.

Достигнутый к настоящему времени научный уровень в исследовании революций 1940 г. нашел отражение в статьях о компартиях Латвии, Литвы и Эстонии, о борьбе трудящихся против фашизма и буржуазии, о социалистической революции и вступлении республик Прибалтики в состав СССР, опубликованных в республиканских энциклопедиях.

Актуальность проблем революций 1940 г. объясняет и то положение, что и в годы Великой Отечественной войны, и в послевоенные годы вопросы борьбы трудящихся против буржуазии, свержения фашистских правительств, восстановления Советской власти, социалистических преобразований затрагивались в работах партийных и государственных деятелей[20]. 21 июля 1950 г. в «Правде» десятилетию восстановления Советской власти в Прибалтике были посвящены передовая «В братской семье народов Советского Союза» и статьи первых секретарей Центральных Комитетов компартий Прибалтийских республик — Я. Калнберзина, А. Снечкуса, И. Кэбина. В том же году в Вильнюсе вышел сборник «10 лет Литовской Советской Социалистической Республики», где были опубликованы юбилейные статьи А. Снечкуса, М. Гедвиласа и Ю. Палецкиса.

Материалы о вступлении прибалтийских народов на путь строительства социализма нашли отражение в работах руководителей коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, посвященных историческому пути и развитию республик Прибалтики в братской семье народов СССР[21]. Вместе с тем эти работы имеют важное значение для пропаганды торжества идей марксизма-ленинизма в Советской Прибалтике.

С конца 50-х годов этим вопросам стало уделяться значительно большее внимание во всесоюзных исследованиях. В первом издании «Истории КПСС» (1959 г.), как и в последующих изданиях, отмечалось, что в июне 1940 г. трудящиеся Прибалтики выступили с требованием восстановления в их странах Советской власти и воссоединения с СССР, что под воздействием народных масс в этих странах произошла смена правительств и власть перешла в руки прогрессивных сил[22].

В 1-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», изданном в 1963 г., подробно аналазируется международное положение, сложившееся в Европе в конце 30-х годов в связи с возрастанием угрозы фашистской агрессии и началом второй мировой войны, показаны борьба СССР против фашизма и войны, рост международного авторитета Советского Союза и укрепление его обороноспособности. В книге широко освещается воздействие внешних факторов на события 1940 г. в Прибалтике. Вместе с тем в ней еще не проанализирована с достаточной глубиной роль внутренних факторов.

Подготовке и проведению революций в Прибалтике, вступлению Прибалтийских республик в Советский Союз уделено значительное место в 1-й книге 5-го тома «Истории КПСС» и 9-м томе «Истории СССР»[23].

В «Истории КПСС» авторы основное внимание сосредоточили прежде всего на раскрытии внутренних факторов, определивших ход и характер социалистических революций в Прибалтике. «Социалистические революции в Прибалтийских странах — Латвии, Литве и Эстонии,— отмечается в 5-м томе,— явились закономерным результатом их внутреннего развития»[24]. Здесь конкретно показывается, при каких условиях в странах Прибалтики сложилась революционная ситуация и как вторая мировая война резко ускорила ее вызревание. Авторы отмечают, что революционному переходу от капитализма к социализму в Прибалтийских странах были присущи общие для мирового социально-экономического развития закономерности, но вместе с тем революции в этих странах имели свои особенности. «Революции в Латвии, Литве и Эстонии представляли собой первый тур социалистических революций, осуществленных в условиях начавшегося второго этапа общего кризиса капитализма. Победа в этих революциях была достигнута мирным путем, без вооруженной борьбы и кровопролития»[25]. Мирный путь развития рево-

---

[18] «Коммунист Советской Латвии», 1973, № 4—8.

[19] «Коммунист», 1964, № 12; «Коммунист Советской Латвии», 1964, № 9; «Cīņa», 3.IX.1964.

[20] *Kalnbērziņš J.* Latvju tauta cīņā ar vācu iebrucējiem. M., 1943; *Vares J.* Aasta nõukogude võimu Eestis. Moskva, 1942; *Vares J.* Nõukogude Eesti taassünd. Vaimik artikleid ja sõnavõtte (1942—1945). Tallinn, 1945; *Калинин М.* Литовский народ на новом пути. Вильнюс, 1946; *Суслов М. А.* Союз и дружба народов СССР — основа их свободного развития. Вильнюс, 1946; *Lauristin J.* Esimena nõukogude aasta Eestis. Tallinn, 1946; *Karotamm N.* Eestimaa Kommunistliku (Bolševike) partei ajaloo küsimusi.— Ettekanded Eesti NSV Teaduste Akademie sessioonil 25 apr. 1947.— В кн.: Sotsiaalistlikul teel. Tallinn, 1949, lk. 10—47; *Палецкис Ю.* Советская Литва. М., 1949; *Калнберзин Я.* Десять лет Советской Латвии. Рига, 1950.

[21] *Восс А.* По заветам Ленина. Рига, 1968; *Снечкус А.* Советская Литва на пути расцвета. Вильнюс, 1970; *Кэбин И.* Эсния—прошлое, настоящее. Таллин, 1970.

[22] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 449.

[23] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 87—107; История СССР с древнейших времен до наших дней. Вторая серия, т. 9. М., 1971, с. 470—488.

[24] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 104.

[25] Там же, с. 105.

люций в Прибалтийских странах стал возможен благодаря наличию могучего социалистического государства — Советского Союза. Присутствие советских войск в Латвии, Литве и Эстонии удержало буржуазию от развязывания там гражданской войны. Значительное место в 5-м томе «Истории КПСС» отведено анализу международной обстановки, в которой происходили революции в странах Прибалтики, подчеркивается, что подлинными организаторами и руководителями борьбы против фашизма и буржуазии за восстановление Советской власти в странах Прибалтики выступали коммунистические партии. В условиях революционного кризиса они сумели поднять трудящихся на борьбу против буржуазии и соединить это движение с движением всех прогрессивных сил своих стран против фашизма и угрозы войны.

В 9-м томе «Истории СССР» рассказывается о положении трудящихся в буржуазных государствах Прибалтики, обострении классовой борьбы, показаны значение пактов о взаимопомощи между СССР и государствами Прибалтики, восстановление в этих странах Советской власти и первые социалистические преобразования.

Изучая проблемы социалистической революции 1940 г. в своих республиках, историки Латвии, Литвы и Эстонии в последние годы все чаще обращаются к региональным исследованиям в масштабе всей Прибалтики, что дает возможность наиболее полно и всесторонне рассмотреть процессы социалистических революций, происходившие в сходных условиях, выявить их общие черты и специфические для каждой республики особенности, широко показать интернациональный характер социалистических революций 1940 г.

Первым опытом исследования социалистических преобразований во всех трех республиках явилась статья В. Маамяги [26].

Работа В. Миллера «Победа Советской власти в Прибалтике в 1940 году» (Рига, 1974) освещает широкий комплекс вопросов государственного строительства в Латвии, Литве и Эстонии в 1940—1941 гг. В коллективном труде группы юристов Советской Прибалтики [27] содержится ценный материал о сломе буржуазной государственной машины в Литве, Латвии и Эстонии в 1940—1941 гг.

Важные теоретические вопросы о характере революций в 1940 г. в Прибалтике, о переплетении социалистических и демократических задач в деятельности народных правительств, о постепенном установлении диктатуры пролетариата и другие рассматриваются в статьях И. Штеймана [28].

В 1972 г. историки Прибалтики опубликовали несколько статей, посвященных 50-летию образования СССР. В них особое внимание уделялось проблемам пролетарского интернационализма, совместной борьбы за социализм. В статье А. Дризула и В. Маамяги подчеркивается, что вступление в состав СССР отвечало интересам как народов Прибалтики, так и всего советского народа [29].

Работа А. Панксеева, К. Сурблиса и А. Эльвиха [30] является первым региональным монографическим исследованием, посвященным одной из

важнейших проблем революций 1940 г.— партийному строительству в республиках Прибалтики в 1940—1941 гг.

Вопросы революций 1940 г. в Прибалтике рассматривались также на многих совместных прибалтийских научных конференциях. Среди них следует отметить совещания историков партии в Таллине (в 1958 и 1971 гг.), конференцию, посвященную 20-летию восстановления Советской власти в Прибалтике (1960 г.), межреспубликанскую научную конференцию, посвященную 50-летию образования СССР (1972 г.), и в особенности научную дискуссию на тему «О характере революции 1940 г. в Прибалтике», состоявшуюся в мае 1969 г. на совместном заседании секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, отделений общественных наук академий наук Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, институтов истории партии при Центральных Комитетах коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, а также ветеранов революционного движения. Научная сессия в мае 1969 г. явилась самым представительным форумом исследователей революций 1940 г. в Прибалтике, На сессии выступили И. И. Минц, А. А. Дризул, Э. А. Жагар, Ю. И. Жюгжда, В. А. Канцявичюс, А. В. Кооп, В. А. Маамяги, В. О. Миллер, А. К. Панксеев, Ю. А. Поляков, И. М. Саат, И. А. Штейман, И. Д. Янковский и многие другие ученые. После всестороннего обмена мнениями о характере революций 1940 г.[31] участники сессии пришли к единой точке зрения о необходимости объединения усилий всех исследователей, работающих над данной проблемой.

Исходя из рекомендаций сессии, секция общественных наук Президиума АН СССР и ИМЛ при ЦК КПСС 18 июня 1969 г. приняли решение совместными услиями институтов истории академий наук Латвийской, Литовской и Эстонской ССР и институтов истории партии при Центральных Комитетах коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии создать обобщающий труд о революции 1940 г. в Прибалтике, построенный по проблемному принципу.

---

[26] *Маамяги В. А.* О некоторых особенностях перехода Прибалтийских советских республик к строительству социализма (1940—1941 гг.).— «История СССР», 1962, № 6.

[27] Очерки развития государственности советских Прибалтийских республик (1940—1965 гг.). Таллин, 1965.

[28] *Штейман И. А.* Социалистическая революция 1940 г. в Прибалтике.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6; *Schteiman J.* Charakter und Besonderheiten der Revolution 1940 in den Baltischen Ländern.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, Berlin, 1971, Heft 3.

[29] *Дризул А., Маамяги В.* В согласном и могучем хоре. Историческое значение вступления республик Прибалтики в состав СССР.— «Коммунист» (Вильнюс), 1972, № 8.

[30] *Панксеев А., Сурблис К., Эльвих А.* Жизненная сила ленинских принципов партийного строительства. О некоторых вопросах партийного строительства в коммунистических партиях Литвы, Латвии и Эстонии (июнь 1940— июль 1941 гг.). Таллин, 1975.

[31] О ходе дискуссии см. § 4 данной главы.

*

К настоящему времени накопилась уже довольно значительная литература, специально посвященная исследованию революций 1940 г. В ней можно условно выделить следующие три группы проблем: 1) предпосылки социалистической революции и возникновение революционной ситуации; 2) социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата, основные черты революций 1940 г. в Прибалтике; 3) социалистические преобразования в Прибалтике в 1940—1941 гг. Отдельно можно рассматривать публикации источников — документов, выступлений партийных и государственных деятелей, воспоминаний, а также периодическую печать, поскольку эти публикации, как правило, относятся ко всем трем названным группам проблем.

2. Публикация источников

В настоящее время ученые, исследующие проблемы революций 1940 г. в Прибалтике, опираются на солидную источниковедческую базу.

Важнейшими источниками по истории революций 1940 г. являются решения, постановления и обращения Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, компартий и правительств Прибалтийских республик. Издание этих материалов было широко организовано в ходе самих социалистических революций. Они печатались в республиканской прессе, выходили отдельными изданиями. Прежде всего следует отметить стенограммы заседаний народных сеймов Латвии и Литвы, Государственной думы Эстонии и Верховных Советов республик. Законодательные акты органов государственной власти Прибалтийских республик, в первую очередь их конституции, публиковались в республиканской печати, в различных сборниках в качестве приложений, а позднее вошли в специальные собрания законов.

Важнейшие законодательные акты публиковались во всесоюзной прессе. Так, в «Правде» 22 июля 1940 г. были напечатаны декларации Латвийского и Литовского сеймов и Эстонской Государственной думы, провозгласившие установление Советской власти в этих республиках. Общность революционных процессов, происходивших в этих республиках, нашла отражение в одновременном (21 июля) принятии деклараций, близких по содержанию. В «Правде», а также в стенографическом отчете о VII сессии Верховного Совета СССР 1—7 августа 1940 г. были опубликованы Законы Верховного Совета СССР о принятии Литовской, Латвийской и Эстонской социалистических республик в состав СССР, а также доклад председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г.

Выступления партийных и государственных деятелей Прибалтийских республик Я. Калнберзина, А. Кирхенштейна, А. Снечкуса, Ю. Палец-

киса, И. Вареса и других публиковались как в периодической печати, так и отдельными изданиями. В Литве в 1941 г. был опубликован Отчетный доклад А. Снечкуса на V съезде КП Литвы о работе ЦК КП(б) Литвы и другие документы, в Латвии—отчет Я. Калнберзина на IX съезде КП(б) Латвии и т. д. В 1941 г. отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Литвы выпустил несколько сборников материалов «В помощь агитаторам», в которые вошли доклады и выступления руководящих деятелей Компартии Литвы, а также некоторые постановления Совета Народных Комиссаров Литовской ССР. В сборниках освещены некоторые итоги социалистических преобразований в Советской Литве.

Документальные сборники о революциях 1940 г. во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы не издавались. Но со второй половины 40-х годов начинается большая работа по сбору, систематизации и научной обработке документальных материалов в партийных и государственных архивах, что имело важнейшее значение для создания широкой источниковедческой базы исследований. Публикация этих материалов началась во второй половине 50-х годов.

Институты истории партии при Центральных Комитетах компартий Латвии, Литвы и Эстонии развернули особенно энергичную работу по изданию документальных материалов, освещающих революционное движение и в первую очередь — борьбу коммунистических партий против буржуазии. В Латвии был издан сборник «Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии Латвии» за период с 1920 по 1940 гг. В сборник вошли: резолюции VII, VIII и IX съездов КП Латвии, материалы партийных конференций (от XVIII до XXVI), пленумов ЦК, платформа Блока трудового народа на выборах в Сейм в июле 1940 г.

В Латвии и Литве были опубликованы листовки и воззвания коммунистических партий за период буржуазного господства. В четырехтомный сборник «Листовки КП Литвы» за 1918—1940 гг. вошли также листовки и воззвания комсомола, Красной помощи (секция МОПР), профсоюзных и других организаций, работавших под руководством Компартии Литвы. Следует отметить также 4-й том сборника «Источники истории Литовской ССР», в котором помещены документы за 1919—1940 гг.

Ценные сведения о численности и составе Компартии Литвы впервые введены в научный оборот в сборнике «Коммунистическая партия Литвы в цифрах. 1918—1975». Отдельные данные о численности КП Латвии в те же годы имеются в сборнике «Коммунистическая партия Латвии в цифрах. 1904—1971».

Интересные материалы содержит сборник «История комсомола Латвии в документах. 1917—1971». Во 2-й раздел сборника вошли документы о борьбе комсомола в 1920—1939 гг., информация о съездах комсомола, воззвания КСМЛ. В 3-м разделе содержатся документы о деятельности комсомола в 1940—1941 гг., обобразовании комсомольских организаций, о работе в легальных условиях, об участии комсомола в строительстве новой жизни.

Бесправное положение трудящихся характеризуют материалы сборника «Трудовые «права» в буржуазной Латвии».

Ряд публикаций непосредственно относится к революции 1940 г. В 1960 г. в журнале «Исторический архив» № 3 были помещены две публикации, посвященные возникновению революционной ситуации в Эстонии в 1939—1940 гг. и первым социалистическим аграрным преобразованиям в Прибалтике в 1940—1941 гг.

Особенно расширило источниковедческую базу исследования проблем революций 1940 г. издание сборников «Социалистическая революция 1940 года в Эстонии», «За власть трудового народа. Документы о социалистической революции 1940 года в Эстонии», «Победа социалистической революции в Латвии в 1940 году» и «Восстановление Советской власти в Литве в 1940—1941 годах». Эти публикации о революционных событиях 1940 г. в Прибалтике содержат документы о деятельности коммунистических партий Эстонии, Латвии и Литвы — организаторов борьбы трудящихся против буржуазии, за победу социалистической революции и восстановление Советской власти, материалы о деятельности народных правительств и массовых организаций трудящихся. Значительный интерес представляют документы о подготовке выборов в народные сеймы в Латвии и Литве и в Государственную думу в Эстонии, постановления этих органов, провозгласивших в Прибалтийских республиках Советскую власть и вынесших решения о вступлении их в Советский Союз, материалы о проведении национализации промышленности, аграрных преобразованиях и др. Литовский и эстонский сборники содержат материалы за 1938—1941 гг., которые характеризуют рост революционного движения масс в этих республиках, руководящую роль коммунистических партий в революционной борьбе, показывают, как складывалась революционная ситуация. Латвийский сборник охватывает только период с 20 июня по 6 августа 1940 г., в нем не нашли отражения вопросы социалистического строительства, как это сделано в литовском и эстонском сборниках. Однако материалы латвийского сборника особенно основательно освещают проблему укрепления Советской власти в республике.

Ценным и незаменимым источником по истории революций 1940 г. являются воспоминания участников революционных событий. Они помогают воссоздать многие важные события, документов о которых не сохранилось. Мемуарная литература — важнейший источник изучения классовой психологии. Своей непосредственностью, образностью и эмоциональностью воспоминания помогают нарисовать яркую картину героических дней, показать активность народных масс при свержении старого строя и строительстве новой жизни. Особую ценность представляют воспоминания для изучения вопроса о назревании революционной ситуации, так как документов об этом сохранилось немного.

Большую и ценную работу по систематическому сбору и изданию воспоминаний революционеров провели Институт истории партии при ЦК КП Литвы и издательства республики. Помимо сборников воспоми-

наний «Ветры революции», «Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920—1939 гг.)», в республике вышли свыше пятидесяти воспоминаний активных участников революционной борьбы в 1920—1940 гг.: Л. Александравичюте, Б. Баранаускаса, Э. Билявичюса, А. Венцловы, Ф. Вайшнораса, Б. Пранскуса-Жалениса, Б. Пушиниса, Ю. Стимбуриса и др.

В Латвии издано много сборников воспоминаний о деятельности коммунистов и комсомольцев Латвии в подполье, важнейших эпизодах революционной борьбы трудящихся. Среди них следует отметить сборники «Голоса борьбы» (о революционной прессе в Латвии в годы господства буржуазии), «Революционная Пардаугава», «Видиена в огне», «Коммунисты Латгалии в годы подполья», «Долой оковы!» и др. Были опубликованы также мемуары Г. Ильина, В. Невлера (Вилина), Г. Рапопорта, М. Свердлова и др.

Революции 1940 г. посвящен сборник «Мы новый мир себе построим», первый том которого вышел в 1972 г., второй — в 1975 г. В 1975 г. был издан сокращенный однотомник на русском языке — «Мы наш, мы новый мир построим», в который вошли воспоминания о том, как складывалась революционная ситуация в Латвии, как победила революция, как была восстановлена Советская власть. Часть воспоминаний посвящена деятельности Коммунистической партии и комсомола Латвии. По характеру материалов и затронутым в них вопросам этот сборник приближается к сборнику «Наступил день... Воспоминания участников революционных событий 1940 года в Эстонии». О борьбе эстонских коммунистов, заключенных в тюрьмах буржуазной Эстонии, рассказывается в сборнике «За решеткой». Издан сборник воспоминаний комсомольцев 20—30-х годов «За околицей».

При общей оценке мемуарной литературы следует иметь в виду, что в большинстве своем она была написана спустя 15—20 и более лет после происходивших событий. Время стерло из памяти немало подробностей и фактов. Поэтому многие воспоминания написаны со значительным использованием архивных источников и периодической печати и приближаются к категории исторических исследований.

Особо важное место среди источников о революционных событиях 1940 г. занимает периодическая печать[32]. Следует иметь ввиду, что архивных материалов за это время сохранилось сравнительно немного. Часть из них пропала в годы Великой Отечественной войны. К тому же нужно учитывать, что во время революций, из-за огромного объема ра-

---

[32] См.: *Деглав Фр.* Газета «Циня» в первый период социалистического строительства.— В кн.: «Циня». К пятидесятилетию выхода первого номера. Рига, 1954; *Жагар Э. А.* Периодическая печать Латвии как источник по истории социалистической революции и социалистического строительства в 1940—1941 гг.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968; Eesliinil. Tallinn, 1962.

боты в быстроменяющейся обстановке, события редко фиксируются в документах. В военное время плохо сохранились многие газеты и журналы, однако ввиду их массового тиража положение здесь все же значительно лучше, чем с архивными документами.

Ход революции 1940 г., ее основные события получили освещение в центральной, республиканской и местной периодической партийной и советской печати Прибалтийских республик. В первую очередь следует отметить органы Центральных Комитетов компартий Латвии, Литвы и Эстонии — газеты «Циня», «Тиеса» и «Коммунист».

В периодической печати публиковались многие официальные документы, решения партии и правительства, информация о важнейших событиях, о ходе социалистического строительства. Газеты широко освещали ход земельной реформы, национализацию крупных промышленных предприятий, торговли, транспорта, культурную жизнь. В этих материалах нашли отражение руководящая роль партии во всей жизни Прибалтийских республик, работа народных правительств, выборы в сеймы в Латвии и Литве и в Государственную думу в Эстонии, широкие народные манифестации в дни революции и во время выборов. Ярко показана та огромная помощь, которую молодые советские республики получали от братских республик СССР.

Важнейшие материалы о революциях 1940 г. публиковались и во всесоюзной периодической печати, в первую очередь в «Правде», «Известиях», журнале «Большевик».

Рассматривая периодическую печать как источник, следует иметь в виду, что обобщающие оценки происходивших событий в ней, как правило, отсутствуют. Нужно учитывать и то, что подготовленные в обстановке острой классовой борьбы материалы республиканской печати в силу ряда обстоятельств не могут дать полного представления о всех сторонах жизни партийных организаций, об экономике и т. д.

Научное исследование по истории революции 1940 г. может базироваться только на анализе всей совокупности различных видов источников, взаимно дополняющих друг друга,— документальных публикаций, мемуарной литературы и периодической печати. Однако главным условием дальнейшей углубленной разработки всех аспектов проблемы является изучение и использование архивных материалов, хранящихся в партийных и государственных архивах Латвии, Литвы и Эстонии, а также в некоторых всесоюзных архивах.

3. Предпосылки социалистических революций

Предпосылки революций 1940 г. в Прибалтике рассматриваются в большинстве работ как общего, так и частного характера, касающихся различных сторон истории Латвии, Литвы и Эстонии за двадцатилетний период господства буржуазии — (1920—1940 гг.).

Международной реакции при активной поддержке буржуазных националистов удалось задушить Советскую власть в Латвии, Литве и

Эстонии. Трудящиеся Прибалтики своей героической борьбой против контрреволюции в 1917—1919 гг. внесли вклад в дело защиты Советской власти в России. Создание и упрочение первого в мире социалистического государства, успешное строительство социализма в СССР, в котором приняли активное участие многие латышские, литовские и эстонские коммунисты, явилось мощным фактором дальнейшего развития мирового революционного процесса. Народы Прибалтийских стран не смирились с утратой своих политических и социально-экономических завоеваний. Под руководством коммунистических партий они продолжали упорную борьбу против господства буржуазии, за восстановление Советской власти, за объединение с братскими народами СССР, от которых были насильственно отторгнуты.

Начало второй мировой войны, обостривщее общий кризис капитализма, ухудшило экономическое положение стран Прибалтики, принесло народам новые бедствия и лишения, усилило классовые противоречия. В условиях возросшей угрозы со стороны фашистской Германии в сознании народов Латвии, Литвы и Эстонии крепла вера в то, что только Советский Союз может защитить их от агрессии германского фашизма.

Коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии, выражая волю трудящихся, твердо и последовательно выступали против фашизма, за демократические свободы, за сохранение национальной и государственной независимости. Они оказались единственными политическими партиями в своих странах, способными возглавить борьбу народных масс против обанкротившихся фашистских режимов, за социалистическую революцию.

Общая картина этого периода воссоздана в упомянутых выше обобщающих трудах по истории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР и в очерках истории компартий Латвии, Литвы и Эстонии. В них на основе большого фактического материала разработана периодизация истории стран Прибалтики в 1920—1940 гг., показано состояние экономики Латвии, Литвы и Эстонии, раскрыта внутренняя и внешняя политика правящих кругов этих стран, освещены революционное движение и деятельность коммунистических партий.

Некоторые вопросы складывания социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции, революционной борьбы трудящихся рассматриваются в монографиях и кандидатских диссертациях, посвященных периоду господства буржуазии в Прибалтике до установления фашистских диктатур. Среди трудов латышских историков, посвященных этому этапу, можно отметить работы А. Варславана о внедрении английского капитала в буржуазной Латвии, А. Свикиса об аграрном вопросе, Б. Гиршфельда и А. Спреслиса о рабочем движении, А. Арнте, Б. Берковича, С. Зиемелиса, И. Капениеце, Э. Лидаце и И. Штеймана о деятельности Компартии Латвии. О попытках создания «Балтийского союза» (антисоветского союза буржуазных государств Прибалтики и Польши) рассказывается в монографии К. Поча. Классовой борьбе под руководством Компартии Литвы посвящены

монографии А. Гайгалайте, Ч. Манчинскаса, С. Лопаева, А. Марцялиса и других, кандидатские диссертации С. Норейкене и Р. Шармайтиса. Вопросы внешней политики буржуазной Латвии рассмотрены в работах В. Сиполса, Литвы — Р. Жюгжды, Эстонии — Х. Арумяэ и А. Коопа. Революционное движение в Эстонии показано в работах О. Куули, Х.-А. Леббина, А. Либмана, Х. Саарнийта, А. Сунилы, Ы. Эланго и др. Во всех этих работах освещалось положение стран Прибалтики после установления господства буржуазии, прослеживались отрицательные последствия их изоляции от Советского государства, проникновение в страны иностранного капитала и подчинение их экономики империалистическим державам. Основную часть литературы составляют труды, посвященные классовой борьбе трудящихся и деятельности коммунистических партий. Во всех исследованиях отчетливо проходит мысль о том, что в ходе классовой борьбы трудящиеся Латвии, Литвы и Эстонии стремились к коренным социальным изменениям, к восстановлению Советской власти, подавленной иностранными интервентами и белогвардейцами в 1919 г. Они сознавали свою интернациональную общность с народами Советского Союза и понимали, что только объединение с ними в единой братской семье может создать надежную гарантию прогрессивного развития во всех областях экономической, политической и культурной жизни.

Наибольший интерес для изучения предпосылок революции 1940 г. представляет литература, в которой освещаются факты и события в странах Прибалтики во второй половине 30-х годов. Это были годы фашистской диктатуры (установленной в Латвии и Эстонии в 1934 г., а в Литве — еще в 1926 г.), годы нарастания угрозы второй мировой войны и назревания революционного кризиса. К такой литературе относятся исследования по экономической истории (состояние промышленности, торговли, финансов, аграрные отношения), о внутренней и внешней политике правящих кругов, революционном движении и деятельности коммунистических партий.

Широкий комплекс вопросов экономической и политической жизни в Латвии в период буржуазной диктатуры исследуется в фундаментальной монографии А. Дризула «Латвия под игом фашизма». На основе большого фактического материала автор раскрывает классовую сущность фашизма, разоблачает предательскую внутреннюю и внешнюю политику латышской буржуазии, рисует картину тяжелого положения трудящихся. Основное внимание в монографии уделено исследованию революционной борьбы рабочего класса под руководством Коммунистической партии против буржуазии.

Состояние промышленности, ее упадок и зависимость от иностранных монополий, экспансионистская политика империалистических держав в Латвии исследованы в монографиях Л. Стародубского, А. Лейта, П. Гуляна, кандидатских диссертациях Л. Яунземе, Я. Аболиня, М. Шмулдера. Авторы показывают противоречивость промышленного развития, рост государственно-монополистического капитализма, усиление экономиче-

ской зависимости Латвии от импералистических держав и процесс ее превращения в их аграрно-сырьевой придаток.

Исследователи аграрных отношений буржуазной Латвии, как правило, ограничиваются изучением буржуазной аграрной реформы и ее воздействия на дальнейшее развитие сельского хозяйства страны. В монографии С. А. Удачина «Земельная реформа в Советской Латвии» отмечается, что напуганная Октябрьской революцией буржуазия стремилась посредством реформы, наделив часть крестьян землей, предотвратить новый революционный взрыв и усилить свое экономическое и политическое господство. Все исследователи подчеркивают ограниченный классовый характер реформы. Значительно меньше написано работ об аграрных отношениях в годы фашистской диктатуры. Подробнее эти вопросы исследовала Д. Калныня.

Положение трудящихся в буржуазной Латвии показано во многих работах, посвященных характеристике экономической и политической жизни. Специально этим вопросом латышские историки стали заниматься уже в первые послевоенные годы, когда были выпущены популярные брошюры Ф. Деглава, Г. Клявы, А. Яблонского. Об ухудшении положения рабочего класса, росте безработицы и усилении эксплуатации рассказывает в своей книге А. Вейнберг.

Экономическое положение Литвы в период фашистской диктатуры, состояние промышленности, сельского хозяйства, усиление экономической зависимости буржуазной Литвы от империалистических держав рассматривается в работах экономистов В. И. Большакова и А. Виткунаса. В книгах и брошюрах З. Балявичюса, Ю. Булаваса, С. Вансевичюса и Е. Майминаса показано тяжелое положение рабочих и крестьян в буржуазной Литве. Всеобщей политической забастовке 1936 г. в Каунасе посвящена работа П. Штараса.

Эстонские историки и экономисты также уделяют значительное внимание изучению экономической жизни буржуазной Эстонии периода фашистской диктатуры. Общее состояние экономики, зависимость ее от иностранных держав, влияние монополий на политику буржуазного государства прослежены в работах Э. Брандта, О. Сепре. Р. Антонс подробно анализирует положение сельского хозяйства и аграрные отношения в буржуазный период. В работе Х. Тийдо рассмотрено положение крестьянства. В ряде работ (Ф. Саукса, Х. Паутса) показано состояние внутренней и внешней торговли Эстонии.

Довольно основательному изучению подверглось материальное положение пролетариата Эстонии. В брошюре К. Каска и работах Г. Реккера приведены данные об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, о безработице.

К настоящему времени в ходе исследования социально-экономических предпосылок социалистических революций 1940 г. в Прибалтике советскими историками и экономистами в наибольшей степени изучены следующие вопросы: усиление зависимости Латвии, Литвы и Эстонии от империалистических держав; ухудшение экономической обстановки в

связи с началом второй мировой войны; социальное и экономическое положение трудящихся. Исследования советских историков убедительно доказывают, что экономические трудности, ухудшение материального положения трудящихся, антинародная политика правящих кругов обостряли классовую борьбу.

В то же время требуют более глубокого изучения и теоретического обобщения общие закономерности развития экономики буржуазных государств Прибалтики. Необходимы специальные исследования о социально-экономической политике фашизма в Латвии, Литве и Эстонии, о состоянии сельского хозяйства и аграрных отношениях в период фашистских диктатур.

Большое актуальное значение имеет исследование природы, сущности и особенностей фашизма в странах Прибалтики. Рассмотрение этих вопросов помогает разоблачить «научные изыскания» некоторых буржуазных ученых, предпринявших в последние годы попытки реабилитировать фашизм, доказать, что в определенных условиях он имел в какой-то мере положительное значение.

Приход фашистов к власти, классовая сущность фашизма, его связь с монополиями в странах Прибалтики исследованы в вышеупомянутой монографии А. Дризула «Латвия под игом фашизма», в работах историков Литвы — Ю. Жюгжды, И. Лемпертаса, М. Максимайтиса, А. Марцялиса и Эстонии — А. Раадика, П. Вихалема, О. Куули, М. Пести. В них показаны безуспешность попыток буржуазии найти выход из кризиса и, как следствие этого, установление фашистской диктатуры. Значительно слабее исследованы теоретические аспекты фашизма в странах Прибалтики, генезис фашизма, его общие черты и специфические особенности, определенные аспекты экономического и политического развития Латвии, Литвы и Эстонии.

В последние годы усилился интерес к истории мелкобуржуазных партий. В работах советских историков раскрывается их антинародная политика и политическое банкротство. Представляет интерес работа А. Рудевица «Банкротство меньшевизма в Латвии (1903—1944)», в которой автор разоблачает буржуазный режим и предательскую политику социал-демократов. Из эстонских историков наиболее подробно показал деятельность мелкобуржуазных партий Х.-А. Леббин в своих монографиях «Банкротство социал-демократизма в Эстонии» и «КПЭ в борьбе против реформистской деятельности мелкобуржуазных партий». Критике идеологии и политики социал-демократии посвятил свою кандидатскую диссертацию литовский историк Р. Чяпас. О борьбе КП Литвы против буржуазии говорится в монографии С. Лопаева «Отношение КПЛ к буржуазным партиям Литвы».

Определенный интерес для изучения классовой борьбы в буржуазный период представляют монографии З. Балевица «Церковь и государство в буржуазной Латвии» и А. Гайгалайте «Клерикализм в Литве», в которых исследуется политический аспект истории церкви, ее связь с буржуазным государством, реакционная деятельность духовенства.

Советскими историками уже проделана определенная работа также в деле исследования внешнеполитических причин, способствовавших созреванию к лету 1940 г. революционной ситуации в Латвии, Литве и Эстонии.

Впервые в масштабе всей Прибалтики на фоне общего развития международных событий в Европе внешнеполитическая деятельность буржуазных правительств Латвии, Литвы и Эстонии, место и роль Прибалтики в международных отношениях рассматриваются в книге В. Сиполса «Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939». Интересный новый материал о ходе обсуждения вопроса о гарантиях Прибалтийским странам в 1939 г. имеется в книге М. Панкрашовой и В. Сиполса «Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года». В статье И. К. Кузьмичева «Борьба Советского Союза за мир и безопасность, против распространения фашистской агрессии (апрель 1940 — июнь 1941 г.)» приводятся новые материалы (дневники и донесения советских полпредов) об антисоветских действиях правящих кругов Прибалтийских стран в конце 1939 — начале 1940 г. [33]

Внешняя политика буржуазной Латвии за весь период ее существования детально изучена в работах В. Сиполса. В них подробно освещается история советско-латвийских отношений, раскрывается антинародная направленность внешней политики правительства Ульманиса, разоблачаются агрессивные замыслы империалистических держав в отношении Латвии. В статьях П. Б. Бамбитиса проанализирован внешнеполитический курс правящих кругов Латвии в 1939—1940 гг. Влияние международной обстановки в условиях начавшейся второй мировой войны на обострение революционной ситуации в Латвии в кандидатской диссертации рассмотрел А. Дризул.

К. Навицкас в своей монографии разоблачает агрессивные замыслы гитлеровской Германии в отношении Литвы и показывает, что заключение советско-литовского договора о взаимопомощи от 10 октября 1939 г. и введение в Литву 15 июня 1940 г. дополнительных частей Красной Армии спасли Литву от гитлеровской оккупации в 1940 г. Вместе с тем он подчеркивает, что историческое значение мер, принятых Советским правительством, заключалось не только в том, что в тот момент были сорваны агрессивные замыслы гитлеровской Германии в отношении Литвы: они одновременно явились помощью литовскому народу в его борьбе за социальное освобождение, за свержение фашизма и капитализма, за победу социалистической революции. Ю. Жюгжда в своей брошюре рассказал о помощи Советского Союза литовскому народу, которая сыграла решающую роль в защите его свободы и независимости. Анализу внешней политики буржуазной Литвы посвящена кандидатская диссертация В. Гущина.

---

[33] «История СССР», 1974, № 1, с. 28—29.

2 Заказ № 2523

Вопросы внешней политики буржуазной Эстонии в период фашистской диктатуры рассмотрены в работах М. Пести. О Балтийской антанте говорится в статье Ю. Егорова.

В трудах советских историков раскрыта агрессивная сущность политики империалистических государств в отношении Прибалтийских стран, показаны антинародный характер внешней политики фашистских правительств Ульманиса, Сметоны и Пятса, их попустительство агрессорам, освещена дружественная по отношению к народам Прибалтики политика Советского Союза. Вместе с тем в более глубоком освещении нуждаются прежде всего вопросы взаимоотношения Прибалтийских стран с Советским Союзом. Остаются малоисследованными их отношения с Англией и Францией, хотя позиция английского и французского правительств играла весьма важную роль в определении общего политического курса буржуазных правительств Прибалтийских стран.

Из широкого комплекса проблем истории второй половины 30-х годов наиболее широко и основательно освещены вопросы классовой борьбы и революционного движения, и в первую очередь — вопросы истории коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, возглавлявших борьбу трудящихся против буржуазии.

Среди историко-партийных работ прежде всего следует отметить упомянутые выше очерки истории компартий Латвии и Эстонии и макет «Очерков истории КП Литвы», в которых подробно освещается политическая, организационная и идеологическая деятельность компартий, раскрыта их руководящая роль в борьбе против фашизма и буржуазии.

Общие вопросы классовой борьбы, рабочего движения, создание единого антифашистского народного фронта, обострение классовых противоречий и назревание революционной ситуации в Латвии нашли широкое отражение в работах А. Дризула. Основное внимание в них уделяется анализу руководящей роли Компартии Латвии в борьбе против фашизма.

История Компартии Литвы второй половины 30-х годов освещается в работе С. Атамукаса. В ней и в кандидатских диссертациях В. Канцявичюса и К. Тишкевича рассматривается возникновение революционной ситуации в Литве, которая связывается с началом второй мировой войны, ухудшившей экономическое положение страны, резко обострившей классовые противоречия и усилившей угрозу агрессии со стороны германского фашизма. В статье Р. Шармайтиса «Компартия Литвы во главе революционной борьбы народа и социалистического строительства в республике» впервые была раскрыта организационная структура руководящих органов Компартии Литвы в период подпольной деятельности.

Общие вопросы революционной борьбы трудящихся Эстонии против фашизма и деятельность Компартии Эстонии в годы фашистской диктатуры исследованы в статьях О. Куули, этой же теме посвящена и его докторская диссертация.

В ряде работ [монография И. Штеймана «Коммунистическая партия Латвии в борьбе за большинство рабочего класса (1920—1940)», Б. Су-

давичюса «Борьба КП Литвы за единство рабочего класса (1934—1937)» и кандидатская диссертация К. Медведевой о едином фронте против фашизма в Латвии] главное внимание уделяется борьбе компартий стран Прибалтики за сплочение рабочего класса в борьбе против фашизма.

Интересной и малоизученной теме — борьбе политзаключенных в тюрьмах буржуазной Литвы — посвящена книга Е. Яцовскиса.

Основательно изучены многие вопросы тактики компартий стран Прибалтики. Из работ латвийских авторов на эту тему в первую очередь следует назвать монографию И. Штеймана «Тактика Коммунистической партии Латвии в борьбе за восстановление Советской власти». И. Штейман прослеживает, как Компартия Латвии определяла свою тактику в соответствии с конкретно-историческими условиями. В книге много материалов о сочетании легальных и нелегальных форм партийной деятельности, о тактике коммунистов в борьбе за единство рабочего класса, о борьбе за демократические свободы и ее значении для определения тактики КПЛ в ходе революции 1940 г., приведены новые данные о составе Коммунистической партии Латвии.

Особенности стратегии и тактики Коммунистической партии Литвы в борьбе против фашизма анализирует в своих статьях и кандидатской диссертации И. Лемпертас. Отмечая, что особое влияние на изоляцию правящих кругов Литвы оказал советско-литовский договор о взаимопомощи от 10 октября 1939 г., он подчеркивает, что выработанная в соответствии с этими конкретными условиями тактика Коммунистической партии Литвы была тактикой объединения масс для свержения фашизма. По мнению И. Лемпертаса, воззвание Каунасского комитета Компартии Литвы от 3 июня 1940 г. «Ко всем жителям Литвы!», в котором был выдвинут лозунг «Требуем отставки правительства», было фактическим призывом к действию, требованием замены фашистского правительства народно-демократическим правительством. В. Канцявичюс считает, что Коммунистическая партия Литвы начала ориентировать трудящихся на «борьбу за социалистическую революцию, т. е. за одновременное свержение диктатуры фашизма и буржуазии вообще», с декабря 1939 г., когда ЦК КП Литвы разослал местным комитетам партии директивное письмо о необходимости изменить тактику партии в соответствии с изменившейся внутренней и международной обстановкой [34].

В кандидатской диссертации А. Толка анализируется тактика Компартии Эстонии.

В книге Я. Калныня «Экономическая платформа Коммунистической партии Латвии в 1920—1940 гг.» показано становление экономической политики Компартии Латвии в годы буржуазного господства и ее роль в мобилизации трудящихся на борьбу против буржуазии. Подобный же

[34] *Kancevičius V.* LKP kova už socialistinės revoliucijos pergalę Lietuvoje (1935—1940 m.) — В кн.: Spalio revoliucijos keliu. Vilnius, 1967, p. 47—59.

круг вопросов рассматривается в работах литовского экономиста А. Венгриса.

О борьбе коммунистических партий за союз рабочего класса и крестьянства, руководящей роли партии в революционном крестьянском движении, вовлечении крестьянства в единый антифашистский фронт рассказывается в работах Ю. Жюгжды, Ю. Леонавичюса, Т. Себеженковайте, А. Марцялиса (Литва) и В. Савченко (Латвия).

В последние годы появился ряд трудов об интернациональных связях компартий Латвии, Литвы и Эстонии. Связи КП Литвы с Коминтерном рассматриваются в кандидатской диссертации Е. Гловацкене «Роль Коминтерна в организации борьбы Компартии Литвы за народный фронт, против фашизма (1933—1937 гг.)», в статьях М. Тамошюнаса и Р. Шармайтиса. В Эстонии специально этому вопросу были посвящены 5—6-й тома «Трудов по истории КПЭ» и ряд статей А. Либмана. О составе и деятельности Польско-прибалтийского лендер-секретариата написаны статьи А. Бацисом, Р. Малюкявичюсом и А. Либманом. Вместе с тем можно отметить, что роль Коминтерна в деятельности прибалтийских компартий изучена еще недостаточно.

Вопросы идеологической деятельности компартий Латвии, Литвы и Эстонии в период господства буржуазии и, в частности, в годы фашизма исследованы еще слабо и неравномерно. По вопросу об интернациональном воспитании трудящихся Литвы следует отметить монографию А. Бержинскайте. Литовскими историками более подробно изучены вопросы организации подпольной партийной и комсомольской печати, раскрыта ее роль в борьбе против фашизма, в укреплении влияния партии в массах. Этой теме посвящены работы А. Гульбинскене (Маяускайте), Л. Жеймантаса, О. Завецкене, С. Янкунаса. В кандидатской диссертации С. Левитана содержится анализ подпольной печати КП Латвии в годы господства буржуазии.

Малоисследованному вопросу деятельности Коммунистической партии Литвы по подбору и расстановке кадров посвящена монография С. Атамукаса. В ней показана подготовка и состояние государственных, научно-технических кадров, положение интеллигенции в буржуазной Литве, рассматривается рост и воспитание кадров Компартии Литвы. В специальной главе освещается состояние партийных и государственных кадров в Советской Литве в 1940—1941 гг.

Деятельность массовых организаций трудящихся исследована относительно слабо, за исключением профсоюзов. В. Латвии, Литве и Эстонии помимо уже упомянутых сборников документов и воспоминаний о деятельности профсоюзов опубликованы работы И. Штеймана, С. Чепулене, С. Черняускаса и совместная монография О. Куули, А. Либмана и Х. Саарнийта.

Возрастает число работ научного характера о борьбе комсомола и молодежи против фашистской диктатуры. Среди них можно отметить брошюру Г. Райнес, кандидатские диссертации К. Мартинсона и А. Тикуйшиса. В связи с 50-летием ВЛКСМ был издан сборник статей «Ком-

сомолу Литвы 50 лет». В сборнике помещена статья Р. Шармайтиса «Путь комсомола Литвы» и другие о деятельности комсомола Литвы в период господства буржуазии и в последующие годы. Истории комсомола Литвы посвящен и другой сборник — «Комсомол Литвы». Наиболее основательно исследована деятельность комсомола Эстонии в годы господства буржуазии, революции 1940 г. в первом томе «Очерков истории ЛКСМ Эстонии».

В исследовании истории классовой борьбы и деятельности компартий в годы фашистской диктатуры достигнуты уже значительные успехи. В наибольшей степени изучены вопросы стратегии и тактики компартий, их ведущая роль в борьбе рабочего класса против буржуазии и фашизма. Собран большой фактический материал.

Вместе с тем следует отметить, что ряд проблем изучен еще недостаточно. К ним относятся прежде всего вопросы партийного строительства: организационное построение и состав компартий, изменения форм и методов работы. Требует дальнейшего изучения деятельность компартий по созданию антифашистского народного фронта. Вопросы идеологической работы компартий в период господства буржуазии только начинают исследоваться. Мало освещена деятельность компартий среди крестьян и солдат. Слабо изучено партийное руководство комсомолом.

Подводя общие итоги рассмотрения литературы о предпосылках революций 1940 г., следует отметить, что на основании анализа состояния экономики в странах Прибалтики в период господства буржуазии в 1920—1940 гг,. внутренней и внешней политики правящих кругов, обострения классовых противоречий советские историки пришли к выводу о том, что буржуазия Прибалтийских стран за годы своего господства оказалась неспособной разрешить насущные вопросы внутренней и внешней политики. В то же время в их работах широко показана многогранная деятельность коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, анализируются вопросы их стратегии и тактики, освещена борьба против фашизма и буржуазии и выявлена их ведущая роль в революционном движении. На конкретном материале раскрыта историческая обусловленность и неизбежность социалистических революций в странах Прибалтики.

4. Социалистические революции и установление диктатуры пролетариата

В Латвии, Литве и Эстонии к середине 1940 г. сложилась революционная ситуация, созрели условия для свержения фашистских режимов. В такой обстановке в июне 1940 г. в этих странах начались социалистические революции. Они представляли собой первый тур социалистических революций, происшедших в условиях начавшегося второго этапа общего кризиса капитализма.

В революциях 1940 г. ярко проявились основные закономерности социалистической революции: руководство трудящимися массами со

стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции; установление диктатуры пролетариата; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся. Эти общие закономерности проявились в Прибалтике в специфических формах, обусловленных конкретной исторической обстановкой.

Решающий перевес революционных сил над силами реакции в Прибалтике в середине 1940 г. создал реальную возможность победы социалистических революций мирным путем. Такая возможность была использована в ходе революций 1940 г. Победа в них была достигнута мирным путем, без вооруженной борьбы и кровопролития. Этот путь стал возможен благодаря наличию первого в мире социалистического государства — Советского Союза. В той международной обстановке, которая сложилась летом 1940 г., буржуазия Прибалтийских стран не могла рассчитывать на помощь извне, как это имело место в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в России, поскольку главные империалистические государства или уже воевали между собой, или находились на пороге войны.

В то же время присутствие советских войск удержало буржуазию от развязывания гражданской войны. Однако мирный переход власти в руки рабочего класса отнюдь не означал отсутствия насилия, классовой борьбы. Буржуазия вела борьбу против Советской власти в скрытой, замаскированной форме.

Своеобразие форм и методов реализации общих закономерностей социалистической революции в конкретных условиях Прибалтики проявилось в специфической форме осуществления рабочим классом своей руководящей роли, в особенностях организации новой власти (в частности, в постепенном сломе буржуазной государственной машины и использовании некоторых старых конституционных норм), в ускоренных темпах социалистических преобразований экономики и культуры. В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» [35]. История социалистических революций 1940 г. в Прибалтике обогатила опыт борьбы за социализм.

События лета 1940 г., ход социалистических революций, их черты, восстановление Советской власти, образование Литовской, Латвийской и Эстонской советских республик и вступление их в Советский Союз широко освещены в трудах историков, юристов, философов и экономистов республик Советской Прибалтики. В настоящее время по этим вопросам собран уже обширный фактический материал, сосредоточенный как в обобщающих исследованиях и в отдельных работах, посвященных предпосылкам революции 1940 г., так и в ряде специальных трудов. В масштабе всей Прибалтики вопросы государственного строительства рассмотрены В. Миллером в работе «Победа Советской власти в Прибал-

тике в 1940 г.». В ней показаны деятельность народных правительств в Литве, Латвии и Эстонии, выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и Государственную думу Эстонии, провозглашение Советской власти, образование Литовской, Латвийской и Эстонской советских социалистических республик и вступление их в состав СССР, конституции новых республик, анализируются общие закономерности и специфические особенности государственного строительства в Прибалтийских советских республиках.

Революционные события лета 1940 г. в Латвии, организаторская и руководящая деятельность Коммунистической партии Латвии наиболее полно раскрыты во многих работах А. Дризула. Он детально останавливается на таких важных вопросах, как выступления трудящихся против диктатуры Ульманиса, образование Народного правительства, массовые демонстрации в поддержку этого правительства, показывает деятельность Компартии Латвии и мероприятия Народного правительства, раскрывает общие закономерности и особенности социалистической революции в Латвии.

Свержению фашистской диктатуры и восстановлению Советской власти в Латвии посвящены работы В. Гудзука (Канале). В брошюре «Крах фашистской диктатуры в Латвии» она приводит новые материалы о кризисе фашистского режима, обострении классовой борьбы, о конкретном ходе революционных событий. В работах Э. Жагара, И. Штеймана и Л. Химелрейха дано описание июньских событий 1940 г., массовых демонстраций и победы трудящихся, а также мероприятий по демократизации общественно-политической жизни в Латвии.

Наряду с историками значительное внимание проблемам восстановления Советской власти в Латвии в государственно-правовом аспекте уделяют юристы — В. Скултынь, Л. Бирзиня, Э. Стумбиня и др. Они показывают, как в результате революции 1940 г. сложилась новая, советская государственность, анализируют процесс ломки старого государственного аппарата и строительство нового, отмечая при этом, что на работу в новый государственный аппарат были выдвинуты лучшие представители трудящихся. Наиболее подробно эти вопросы исследованы в монографиях В. Миллера.

Широкий круг вопросов революции 1940 г. рассматривается в трудах литовских историков. Восстановлению Советской власти в Литве посвящена монография М. Пожарскаса. Революционная активность трудящихся, руководящая роль Компартии Литвы в революционном процессе, особенности революции 1940 г. освещаются в работах Ю. Жюгжды, С. Атамукаса, А. Буткуте-Рамялене, К. Тишкевича, Т. Анбиндериса, Н. Чернявской. Внешнеполитические и внутренние условия, в которых проходили революционные события, свержение фашистской диктатуры

---

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 123.

и образование народного правительства показаны в монографии В. Канцявичюса «Июнь 1940 года в Литве» и в ряде его статей. В некоторых работах литовских юристов и экономистов (К. Домашявичюса, Б. Расина и др.) также рассмотрены вопросы революции 1940 г.

Эстонские историки в свою очередь уделили большое внимание изучению революционных событий лета 1940 г. Помимо перечисленных выше обобщающих трудов, статей и брошюр А. Либмана и И. Саата, а также работ, посвященных в основном предпосылкам социалистической революции, многие из них специально исследовали революционные события, деятельность Компартии Эстонии и народных правительств летом 1940 г. Эти вопросы освещаются в кандидатских диссертациях и работах И. Сильдмяэ, В. Маамяги, Л. Вильберг, И. Янковского. Подробно исследовала деятельность Коммунистической партии Эстонии в революции 1940 г. С. Кутсар-Забродская. Особо следует отметить ее брошюру «Коммунистическая партия Эстонии в период свержения фашистской диктатуры и восстановления Советской власти» и монографию «Коммунистическая партия Эстонии в социалистической революции 1940 г.». Различные вопросы тактики КПЭ, расстановки ее сил накануне и в ходе революции освещены в статьях О. Куули, А. Резева, И. Янковского. Деятельность народных правительств и становление советской государственности в Эстонии рассматривают Б. Левин, В. Рянжин и др.

Накопление большого фактического материала о революционных событиях 1940 г. в Прибалтике вызвало необходимость теоретического анализа общих черт и особенностей социалистической революции 1940 г. Это явилось для советских историков задачей большой научной и политической важности.

Уже в 1940—1941 гг. в выступлениях партийных и государственных деятелей, в первых работах историков были сделаны попытки проанализировать характер революции 1940 г. Одним из первых, кто дал оценку событиям лета 1940 г. в Эстонии как революции, носившей мирный характер, был известный ученый, заместитель премьер-министра Эстонии, депутат Государственной думы Эстонии Х. Круус. На заседании Государственной думы 22 июля 1940 г. он сказал: «В эти часы мы присутствуем при рождении Эстонской Советской Республики. Эта революция рождается по воле победы эстонского трудового народа. Этот исторический поворот происходит не в условиях военных ужасов, испепеляющего огня и безвинно пролитой крови. Эта революция не жаждет крови и мести. Этот переворот стремится к гуманности и новому строю жизни, где будет покончено с эксплуатацией человека человеком. Он обеспечит подлинную свободу и демократию самым широким массам народа» [36]. В воззвании ЦК Компартии Литвы от 24 июля 1940 г. говорилось: «Никогда еще история не знала таких примеров, когда порабощенные массы освободились бы от поработителей без кровавых схваток, без кровопролития, без жестокой гражданской войны, которая всегда требует много жертв» [37]. В воззвании была подчеркнута роль СССР в обеспечении мирного характера революции. Глубокую оценку характе-

ра революции 1940 г. дал А. Я. Пельше на I съезде писателей Советской Латвии в июне 1941 г. Он осветил внутренние и внешние предпосылки революции и указал на обострение и особенности классовой борьбы в условиях мирного развития революции. «Особые исторические условия и своеобразная международная обстановка,— говорил А. Я. Пельше,— создали пролетариату Латвии возможность установить свою диктатуру, высоко поднять знамя социализма почти без физических столкновений с врагом, без грома революционной войны. Враг капитулировал, не сделав выстрела, не подняв меча. Но капитулировать еще вовсе не означает исчезнуть с исторической арены» [38]. А. Я. Пельше обратил внимание на то, что враг после победы революции «начал борьбу против трудового народа самыми различными средствами и приемами» [39].

В периодической печати 1940—1941 гг. обычно употреблялся термин «установление Советской власти», но вместе с тем постоянно подчеркивалась преемственная связь революции 1940 г. с революционными событиями 1917—1919 гг. П. Плесум, член Полномочной комиссии Латвийского сейма, заявил на сессии Верховного Совета СССР в августе 1940 г.: «Латвийские рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция самоотверженно боролись за Советскую власть в годы Великой Октябрьской социалистической революции и на фронтах гражданской войны. Полки латышских стрелков стояли в передовых рядах доблестной Красной Армии... Нам не удалось в то время сохранить Советскую власть в Латвии. Советская Латвия была утоплена буржуазией в крови рабочих и крестьян. Я лично хорошо помню слова Владимира Ильича Ленина, сказанные им на собрании 9-го Латышского стрелкового полка 22 года тому назад в связи с вопросом о Брестском мире, когда Владимир Ильич предсказал неизбежность утверждения Советской власти в Латвии, как следствие победоносной социалистической революции в России. Пророческие слова нашего великого учителя — товарища Ленина сбылись. Мы пошли по пути, указанному Лениным, и этот путь привел нас к победе» [40].

Таким образом, еще очевидцы отмечали мирный характер социалистической революции 1940 г. в Прибалтике и ее преемственную связь с борьбой за Советскую власть в 1917—1919 гг. Эти положения были развиты и углублены в научных трудах историков Советской Прибалтики.

В конце 40-х годов в республиках Советской Прибалтики широко отмечалось 30-летие установления Советской власти. В выступлениях партийных и государственных деятелей, в периодической печати, в работах историков все определеннее подчеркивалась преемственная связь революционных событий 1940 г. с Великим Октябрем и установлением

---

[36] Riigivolikogu II kooseis. I istungjärk. I.— 13. koosolek. Stenograafilised aruanded. Tallinn, 1940, lk. 43.

[37] «Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai», t. 4. Vilnius, 1963, p. 480.

[38] «Cīņa», 17.VI.1941.

[39] «Cīņa», 19.IX.1940.

[40] «Правда», 1940, 6 августа.

Советской власти в Прибалтике в 1918—1919 гг. Не случайно поэтому в конце 40-х — начале 50-х годов в Литве, Латвии и Эстонии в научный оборот вошел термин «восстановление Советской власти в 1940 г.». Об этом, в частности, говорилось в докладе В. Нюнки 15 декабря 1948 г. о революционных событиях в Литве в 1918—1919 гг., в брошюре А. Дризула «Борьба за свержение фашистской диктатуры и образование Советской Латвии в 1940 г.», в «Истории Эстонской ССР».

В это же время в работах историков Советской Прибалтики много внимания уделяется теоретическому анализу общих закономерностей и особенностей революции 1940 г. В статье А. Либмана «Революционные события летом 1940 г. в Эстонии», в брошюре А. Дризула и ряде других работ были проанализированы предпосылки революции, ее движущие силы, руководящая роль коммунистических партий в революционной борьбе, отмечался мирный характер революции и причины, его обусловившие. При этом подчеркивалось, что мирный характер революции 1940 г. отнюдь не означал отсутствия классовой борьбы, она проявлялась в специфической форме. Этот вопрос рассматривался, в частности, в книге В. Гудзуки (Канале) «Крушение фашистской диктатуры в Латвии» (1960 г.) и в статьях Э. Жагара «Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны», Г. Шаджюса «Революция 1940 г. и некоторые вопросы классовой борьбы в Литве» и др. В монографии А. Ракунаса «Классовая борьба в Литве в 1940—1941 годах» в специальной главе, посвященной событиям 1940—1941 гг., говорится о различных формах классовой борьбы, которые использовали свергнутые эксплуататорские классы против трудящихся в ходе социалистической революции, в процессе социалистических преобразований, в идеологической борьбе; о начале создания буржуазно-националистического подполья.

Большое внимание советские историки уделяли исследованию антифашистского движения народных масс за свержение фашистских диктатур. В работах А. Дризула рассматривается создание антифашистского Народного фронта, его классовая база, показаны союзники пролетариата в революции. И. Штейман и Л. Химелрейх отмечают участие в революции антифашистски настроенной интеллигенции, а Э. Жагар — трудящихся национальных меньшинств.

Требовали разрешения такие сложные вопросы, как: была ли революция 1940 г. социалистической с самого начала или же она стала социалистической позднее, в ходе своего развития; каков характер и социальная сущность народных правительств и когда установлена в странах Прибалтики диктатура пролетариата; завоевана ли власть пролетариатом парламентским путем; является ли период деятельности народных правительств определенным этапом или периодом в революционном процессе и каковы его черты [41]. Все эти вопросы тесно взаимосвязаны.

Среди эстонских историков в конце 40-х годов утвердилось мнение, что социалистическая революция в Эстонии началась 21 июня 1940 г. и

что образованное в этот день Народное правительство И. Вареса выполняло функции диктатуры пролетариата. Об этом говорилось, в частности, в передовой статье журнала «Большевик Эстонии» [42], в статье И. Сильдмяэ [43], в его кандидатской диссертации и в ряде других работ.

С начала 50-х годов высказывались иные точки зрения. В. Маамяги в соответствующей главе «Истории Эстонской ССР» и в других работах утверждал, что 21 июня был свергнут фашистский режим, но буржуазная власть еще не была ликвидирована, вопрос о социалистической революции реально встал лишь после победы трудящихся на выборах в Государственную думу, правительство И. Вареса не было правительством диктатуры пролетариата [44]. Этого же мнения придерживался и И. Саат [45]. С. Забродская писала, что 21 июня началась народно-демократическая революция, которая затем переросла в социалистическую [46]. Л. Вильберг отмечала, что правительство И. Вареса осуществляло демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства [47].

Во второй половине 50-х годов в статьях И. Янковского и М. Пести, в монографии С. Забродской, кандидатской диссертации А. Радика и других работах подчеркивалось, что революция 1940 г. была с самого начала социалистической и что в период деятельности Народного правительства происходил процесс становления и упрочения диктатуры пролетариата. И. Янковский показал переплетение социалистических и демократических задач в деятельности Народного правительства.

Юрист В. Рянжин утверждал, что до 21 июля революция еще не затронула основных устоев эстонского буржуазного общества и что развитие революцонных событий в Эстонии прошло три этапа: 1) 21 июня — 16 июля — этап антифашистской, демократической революции, в ходе которой в Эстонии была установлена диктатура трудового народа по типу народного фронта; 2) 17—21 июля — перерастание демократической антифашистской революции в социалистическую; 3) 21 июля — 25 августа — этап социалистической революции. При этом В. Рянжин

---

41 *Kuuli O.* 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis (Historiograafiline ülevaade).— В кн.: Töid EKP ajaloo alalt, 1. Tallinn, 1965; *Маамяги В. А.* К трактовке революционных событий 1940 года в Эстонии.— «Известия АН ЭССР», 1966, т. XV. Серия общественных наук, № 3; *Штейман И. А.* Социалистическая революция 1940 г. в Прибалтике.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6.

42 «Eesti Bolševik», 1949, № 13.

43 «Edasi», 21.VI.1950.

44 Eesti NSV ajalugu (koige vanemast ajast tänapäevani). Tallinn, 1952, lk. 384; Eesti NSV ajaloo periodiseerimisest. Tallinn, 1954, lk. 70—87; 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Tallinn, 1960, lk. 12.

45 *Saat J.* Eesti töörahva voitlus ona suveräänse rahvus riisi loomise eest.— «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised». Ühis Pkonnateaduste seerija, 1960, № 2.

46 *Zabrodskaja S.* Eestimaa Kommunistlik partei fašistliku diktatuuri kukutamise ja nõukogude võinu taastamise ajajärgul. Tallinn, 1954, lk. 31; «Советская Эстония», 1951, 21 июня.

47 *Вильберг Л. М.* Образование Эстонской Советской Социалистической Республики в 1940 г. Автореф. канд. дис. М., 1954.

писал, что социалистический парламент в Эстонии появился в недрах буржуазного государства благодаря всеобщим демократическим выборам и что революция произошла не только мирным путем, но и на легальной основе [48].

Историки Советской Латвии рассматривали революцию 1940 г. как единый процесс социалистической революции, начало которому было положено созданием народного правительства А. Кирхенштейна 20 июня. При этом ввиду сложности и недостаточной изученности некоторых проблем не все историки сразу разделили эту точку зрения. Так, И. Штейман в 1959—1960 гг. еще придерживался мнения, что революцию 1940 г. не следует рассматривать как социалистическую с самого начала [49], но впоследствии он также стал считать началом социалистической революции 20 июня [50].

Литовские историки единодушно считают, что июньские события 1940 г. с самого начала носили характер социалистической революции. Свержение фашистской диктатуры означало и свержение власти буржуазии. Народное правительство выполняло функции диктатуры пролетариата.

Мнение большинства историков Советской Прибалтики о том, что революция 1940 г. уже с момента образования народных правительств носила социалистический характер и что с этого времени начался процесс установления диктатуры пролетариата, нашло отражение во многих обобщающих трудах [51].

В то время как большинство историков рассматривают революцию 1940 г. как единый процесс, некоторые экономисты, юристы и часть историков придерживаются другой точки зрения. Так, юрист К. Домашявичюс и экономист Б. Расин в Литве выделяют период деятельности Народного правительства как этап антифашистской революции и демократических преобразований [52]. Подобная точка зрения выражена и в коллективном труде юристов Латвии, Литвы и Эстонии «Очерки развития государственности советских прибалтийских республик». В обобщенном виде в книге проанализировано восстановление советской государственности и деятельность народных правительств в республиках Прибалтики. Обращая основное внимание на государственно-правовую сторону вопроса, зафиксированную в официальных документах, авторы выделяют период деятельности народных правительств как особый этап в революции 1940 г.

К середине 60-х годов в трудах крупнейших специалистов по проблеме революций 1940 г. при рассмотрении основных теоретических вопросов — о характере революции и деятельности народных правительств — неизменно рассматривались и анализировались различные точки зрения по этим вопросам.

Такова, например, историографическая статья О. Куули «Социалистическая революция 1940 года в Эстонии» [53], в которой автор, останавливаясь на дискуссионных вопросах, высказывает мнение, что политическая власть перешла в руки рабочего класса 21 июня и делить рево-

люцию 1940 г. на две революции и даже на два этапа неверно, так как нет достаточных оснований считать, что революция произошла «на легальной основе».

Дискуссионным вопросам революции 1940 г. была посвящена и опубликованная в 1966 г. статья В. Маамяги «К трактовке революционных событий 1940 г. в Эстонии». В. Маамяги придерживается того мнения, что народное правительство И. Вареса не выполняло функций диктатуры пролетариата, которая была установлена лишь после восстановления Советской власти. Он писал, что «до победы на выборах в Государственную думу революция носила преимущественно демократический характер. Победа на выборах ознаменовала момент перерастания этапа революции с преобладанием демократического характера в этап, на котором революция приняла полностью социалистический характер». По мнению В. Маамяги, власть была завоевана трудящимися парламентским путем: «Советская власть была восстановлена решением парламента»[54].

Сходные взгляды изложил в 1967 г. В. Миллер в своей книге «Создание советской государственности в Латвии». Он писал, что в ходе революции 1940 г. «борьба за разрешение демократических и социалистических задач в Латвии не превратилась в две отдельные революции, а составила два этапа единого революционного процесса — вначале народно-демократического, а затем и социалистического. Такое развитие революции в этот период было характерно и для Литвы и Эстонии»[55]. Делая вывод о сближении двух этапов революции, В. Миллер подчеркивает, что «движущими силами революции на ее демократическом этапе... были не только рабочий класс, но и крестьянство, демократическая

---

[48] *Rjanžin V.* 1940 aasta sotsialistliku revolutsiooni iseloomulikud jooned ja isearasused Eestis.— В кн.: Eestis NSV Kahekummendale aastapäevale puhendatud ma jandusteadusliku Konverentsi etukannets teesid. Tartu, 1960; *Рянжин В.* Социалистическая революция 1940 г. в Эстонии и преобразование Государственной думы Эстонии в Верховный Совет Эстонской ССР.— «Известия высших учебных заведений». Правоведение, 1960, № 4.

[49] *Штейман И.* О восстановлении Советской власти в Латвии.— «Ученые записки Даугавпилсского педагогического института» (Рига), 1959. Серия гуманитарных наук», вып. 2; *Šteimanis J.* Iūnija dienās. Rīga, 1960. 17 lpp.

[50] *Штейман И.* Тактика Коммунистической партии Латвии в борьбе за восстановление Советской власти (1920—1940 гг.). Автореф. докт. дис. М., 1965.

[51] История Латвийской ССР, т. 3. Рига, 1959, с. 468; Lietuvos TSR istorija. Vilnius, 1965, p. 360; Очерки истории КП Эстонии, ч. 2. Таллин, 1963, с. 401; Очерки истории КП Латвии, ч. 2. Рига, 1966, с. 433; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945), т. 1. Таллин, 1973, с. 86.

[52] *Домашявичюс К.* Развитие советской государственности в Литве. Вильнюс, 1966; *Расин Б.* В борьбе за Советскую власть.— «Советская Литва», 1957, 20 июля.

[53] Tõid EKP ajaloo alalt, 1. Tallinn, 1965.

[54] «Известия АН Эстонской ССР. Серия общественных наук», 1966, № 3, с. 333.

[55] *Миллер В. О.* Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967, с. 405.

интеллигенция, средние слои городского населения, отчасти и мелкая буржуазия». Отмечая, что рабочий класс был гегемоном и что это накладывало и на первый этап революции «пролетарский отпечаток», В. Миллер вместе с тем считает, что на первом этапе революция еще «не затрагивала основных устоев буржуазного общества», что в «июне условия для разрешения социалистических задач еще не созрели» [56], что до провозглашения Советской власти в Латвии существовала «революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства» [57].

Первая попытка проанализировать общие для Прибалтики в целом процессы социалистической революции 1940 г. предпринята в статье И. Штеймана «Социалистическая революция 1940 г. в Прибалтике» [58], в которой подводятся некоторые итоги дискуссии. В статье теоретически обосновано своеобразие революционного процесса 1940 г. и дано объяснение тактики компартий стран Прибалтики до провозглашения Советской власти. Отмечая переплетение демократических и социалистических задач в революции 1940 г., И. Штейман, как ранее эстонский историк И. Янковский и юрист В. Чиркин (который в 1966 г. писал, что «процесс постепенного и мирного установления диктатуры пролетариата начался с момента образования народных правительств») [59], подчеркивает постепенный характер установления диктатуры пролетариата. Анализируя характер революции 1940 г. в Прибалтике, происходившие в ходе ее процессы, общие закономерности и специфические особенности, И. Штейман в монографии «Тактика Компартии Латвии в социалистической революции 1940 года» сопоставляет события в Прибалтике в 1940 г. с аналогичными событиями в некоторых странах Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 40-х годов.

Возросший уровень научных исследований, рост научных кадров, накопление большого фактического материала — все это дало возможность провести в мае 1969 г. в Таллине плодотворную дискуссию «О характере революции 1940 г. в Прибалтике».

Научную дискуссию открыл академик И. И. Минц, выступивший с докладом об основных чертах ленинской теории социалистической революции. В докладе была подчеркнута актуальность изучения опыта Великого Октября и общих закономерностей социалистической революции для исследования характера революций 1940 г. в Прибалтике.

В ходе дискуссии выявилась общность точек зрения ее участников по многим важным вопросам. Почти все они признали, что революция 1940 г. с самого начала имела социалистический характер. Являясь продолжением революционного процесса, которому положил начало Великий Октябрь, революция 1940 г. в Прибалтике подтвердила основные закономерности пролетарской революции. Она еще раз со всей наглядностью и убедительностью показала: определяющую роль марксистско-ленинской партии в руководстве борьбой пролетариата за свое освобождение; необходимость диктатуры пролетариата для победы социализма; значение прочного союза рабочего класса с непролетарскими трудящимися массами, в первую очередь с крестьянством; важность соблюде-

ния принципов пролетарского интернационализма для успеха борьбы каждого из отрядов всемирного пролетариата.

В то же время революции в Прибалтике, как было подчеркнуто участниками дискуссии, отличались рядом особенностей, которые были вызваны конкретными условиями внутренней и международной обстановки. На ход революций влияла не только расстановка классовых и партийных сил в той или иной из Прибалтийских стран, но и в неменьшей степени расстановка сил социализма и капитализма в мировом масштабе и, прежде всего, близость могучего социалистического государства — Советского Союза. Революционная ситуация, сложившаяся в Прибалтике в 1939—1940 гг. и обусловленная в первую очередь внутренними причинами, созревала и развивалась в условиях второго этапа общего кризиса империализма, начавшейся второй мировой войны, развязанной фашистской Германией, в период, когда мировое рабочее и коммунистическое движение наряду с опытом Великого Октября располагало арсеналом новых теоретических обобщений, сделанных на основе практики революционного рабочего движения. Особую ценность в этом отношении представляли положения, содержавшиеся в решениях VII конгресса Коминтерна. Все это предопределяло своеобразие революций 1940 г. в Прибалтике, сказалось на особенностях тактики коммунистических партий данного района, формах и методах их руководства ходом революционного процесса, на темпах осуществления социальных преобразований после свержения буржуазных правительств и взятия власти трудящимися.

Выступавшие участники дискуссии внесли много нового в конкретизацию отдельных, уже установившихся в научной литературе положений, привели большое количество свежего фактического материала, подняли ряд проблем, которые ранее не затрагивались или не получили достаточно глубокого освещения.

Оживленный обмен мнениями вызвали такие вопросы, как соотношение демократических и социалистических задач в первый месяц революции, использование народными правительствами атрибутов буржуазного государства, время установления диктатуры пролетариата.

Обсуждение показало, что большинство докладчиков (И. Штейман, В. Канцявичюс, Э. Жагар, Ю. Жюгжда, И. Янковский и О. Куули) и участников дискуссии считают, что образование народных правительств означало начало социалистической революции. Власть была сосредоточена в руках рабочего класса, руководимого коммунистическими партиями Латвии, Литвы и Эстонии — единственными правящими партиями. Деятельность народных правительств характеризовалась тесным переплетением социалистических и демократических задач в ходе единого

[56] Там же, с. 409—411, 414.

[57] Там же, с. 417. (См. также рецензию в «Cīņa», 1968, 23.maijā).

[58] «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6.

[59] *Чиркин В. Е.* Формы государства, переходного к социалистическому типу. М., 1966, с. 118.

процесса социалистической революции при использовании некоторых атрибутов буржуазного государства и права. В это время происходило становление диктатуры пролетариата.

В. Маамяги и В. Миллер высказали точку зрения, что единая социалистическая революция включала два этапа—демократический (до победы на выборах) и социалистический. На первом этапе народные правительства еще не выполняли функции диктатуры пролетариата, а являлись, по мнению В. Маамяги, «правительствами переходного к диктатуре пролетариата этапа».

В заключительном слове академик И. И. Минц подчеркнул необходимость тщательного изучения опыта Великой Октябрьской социалистической революции, опыта первых социалистических преобразований в Советской России, освоения ленинского теоретического наследия для всестороннего и глубокого анализа характера и особенностей революций 1940 г. в Прибалтике [60].

Дискуссия 1969 г. продемонстрировала успехи советских ученых в разработке вопросов истории революции 1940 г. в Прибалтике. Основным итогом дискуссии явилось сплочение ведущих специалистов для создания крупного обобщающего труда, посвященного этой проблеме.

После дискуссии 1969 г. некоторые ее участники опубликовали ряд работ, в которых по отдельным вопросам углубили или уточнили свои точки зрения.

В начале 70-х годов защитили докторские диссертации О. Куули и В. Рянжин. В. Рянжин, пересмотрев свою точку зрения по вопросу о трех этапах в ходе революции 1940 г., высказал мнение, что революция прошла два основных этапа: 1) антифашистский, демократический и 2) этап социалистической революции, начавшийся после выборов и завершившийся в политической области установлением диктатуры рабочего класса в форме Советской власти [61].

Большую статью о революции 1940 г. опубликовал Э. Жагар [62]. В ней была усилена аргументация основных положений его доклада на дискуссии 1969 г. Подобный же характер носила статья И. Штеймана [63], в которой в связи с 50-летием образования СССР подчеркивалось огромное значение вступления республик Прибалтики в Советский Союз в 1940 г. В совместной статье А. Либмана и В. Маамяги говорилось о том, что в период буржуазной диктатуры трудящиеся постоянно связывали борьбу за свое социальное освобождение с борьбой за объединение с братскими народами Советского Союза. Касаясь вопроса о характере революционных событий лета 1940 г., авторы отмечают, что «фашистская диктатура в Эстонии была свергнута 21 июня», а «день 21 июля стал днем освобождения эстонского народа от капиталистического рабства, днем, открывшим путь к социализму» [64].

Таким образом, подводя итоги обзору литературы о характере и особенностях революции 1940 г. в Прибалтике, можно отметить, что к настоящему времени советские историки уже выявили и аргументированно обосновали ее основные черты. Подробное рассмотрение основных

событий революций 1940 г., их движущих сил, руководящей роли коммунистических партий, деятельности народных правительств дало возможность глубоко проанализировать характер революций 1940 г., показать их место в мировом революционном процессе, вклад компартий Прибалтики в развитие ленинской теории социалистической революции. Создание обобщающего труда о восстановлении Советской власти в Прибалтике подводит итог этой работе.

5. Социалистические преобразования

Республики Советской Прибалтики позднее других республик Советского Союза вступили на путь построения социализма. Строительство социализма в Латвии, Литве и Эстонии характеризовалось поэтому рядом особенностей, изучение которых важно для обобщения всего опыта строительства социализма в СССР. Учитывая это, объединенная научная сессия по истории народов Прибалтики послеоктябрьского периода, состоявшаяся в Таллине в октябре 1954 г., указала в своем решении на необходимость углубленного исследования вопросов, связанных «с особенностями в осуществлении социалистических преобразований в Прибалтийских республиках после восстановления Советской власти в 1940 г.» [65]

Широкое освещение первых социалистических преобразований в политической, экономической и культурной жизни, проводившихся при помощи братских народов СССР, показывает грандиозную работу, проделанную трудящимися под руководством коммунистических партий, и свидетельствует о том, что идеи социализма глубоко проникли в умы и сердца латышского, литовского и эстонского народов, что в ходе строительства социализма упрочилась их дружба со всеми народами нашей страны.

О начале строительства социализма в республиках Прибалтики в различной степени рассказывается во всех обобщающих трудах по истории советского периода Латвии, Литвы и Эстонии, в работах по истории народного хозяйства в целом, промышленности, сельскому хозяйству, культуре. Вместе с тем растет число исследований, специально рассматривающих первые социалистические преобразования в Прибалтике.

---

[60] Подробнее о ходе дискуссии 1969 г. см.: *Кольцов П., Томан Б.* Проблемы истории социалистической революции 1940 г. в Прибалтике.— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 11.

[61] *Ряншин В. А.* Кризис буржуазной конституционной законности и восстановление советской государственности в Эстонии. Л., 1971, с. 59—60.

[62] *Жагар Э. А.* Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Известия АН Латвийской ССР», 1970, № 8.

[63] *Штейман И.* На основе свободного волеизъявления.— «Коммунист Советской Латвии», 1972, № 7.

[64] *Либман А. Б., Маамяги В. А.* Борьба трудящихся Эстонии за вхождение в состав Союза ССР.— «Вопросы истории», 1972, № 5, с. 35, 37.

[65] Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 4. М., 1955, с. 156.

Советские историки прослеживают, как в конкретных условиях республик Прибалтики проявлялись общие закономерности социалистического строительства: ликвидация капиталистической и установление общественной собственности на основные средства производства, постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства, осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры, создание трудовой интеллигенции, преданной делу рабочего класса и социализма, установление дружбы между народами, защита социалистических завоеваний от покушений внутренних и внешних врагов.

В центре внимания исследователей находятся прежде всего следующие вопросы: общее и особенное в первых шагах социалистического строительства в Прибалтике, партийное строительство, слом старого и построение нового государственного аппарата, национализация промышленности и банков, аграрные преобразования, забота Советской власти о повышении благосостояния трудящихся, культурное строительство.

В целом по Прибалтике весь комплекс перечисленных проблем рассмотрен В. Маамяги в статье «О некоторых особенностях перехода прибалтийских советских республик к строительству социализма (1940 — 1941 гг.)». Автор отмечает, что такие факторы, как победа социалистической революции мирным путем, активная и всесторонняя помощь республик Советского Союза братским Прибалтийским республикам, использование опыта построения социализма в СССР, оказали благоприятное воздействие на первые социалистические преобразования в Прибалтике.

По отдельным республикам весь период социалистического строительства в 1940—1941 гг. дан в обобщающих трудах, из которых по глубине исследования проблем и обилию использованного материала следует особо отметить 3-ю часть «Очерков истории Коммунистической партии Эстонии», макет XVI главы 3-й части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии»[66], 3-й том «Истории Эстонской ССР», 3-й том «Истории Латвийской ССР» и 4-й том «Истории Литовской ССР».

Наиболее крупным специальным исследованием периода 1940—1941 гг. является фундаментальная монография Э. Жагара «Социалистические преобразования в Латвии. 1940—1941» (Рига, 1976), в которой подробно рассматриваются такие вопросы, как победа социалистической революции в Латвии в 1940 г., слом буржуазного государственного аппарата, национализация промышленности в 1940—1941 гг., аграрная реформа 1940 г., начало культурной революции, деятельность Коммунистической партии Латвии.

Изучению и обобщению всего процесса социалистических преобразований в Латвии, Литве и Эстонии, их теоретическому анализу, выявлению общих закономерностей и особенностей посвящены статьи многих историков и экономистов. По Латвии — это работы А. Дризула, Ф. Деглава, Э. Жагара, по Эстонии — кандидатская диссертация А. Васька, работы Э. Брандта, по Литве — статья Б. Глика, докторские диссертации К. Сурблиса, В. Германа, А. Бенджюса, монография А. Ефременко.

Всеми авторами отмечается, что исследование опыта первых социалистических преобразований в Прибалтике помогает решить важную теоретическую проблему о соотношении задач, вытекающих из общих закономерностей построения социализма и из местных особенностей в борьбе за построение социализма. Особо подчеркиваются два обстоятельства, обусловившие успешное проведение первых социалистических преобразований: руководящая роль Коммунистической партии в их осуществлении и широкая помощь братских советских республик.

Основательно проанализированы деятельность Коммунистической партии и партийное руководство в проведении всех социально-экономических преобразований в работах эстонских историков. В 3-й части «Очерков истории Коммунистической партии Эстонии» в главе XIV «Коммунистическая партия Эстонии в период социалистических преобразований (июль 1940 — июнь 1941 г.)» освещена работа партии в новых условиях после победы социалистической революции, показана ее руководящая роль в сломе буржуазной государственной машины и создании нового государственного аппарата, в проведении национализации промышленности и аграрной реформы, в первых шагах по созданию новой, социалистической культуры.

Вопросы партийного строительства в Эстонии в 1940—1941 гг. наиболее подробно рассматриваются в монографии А. К. Панксеева «На основе ленинских организационных принципов». В книге показаны рост партии, создание и укрепление партийных организаций, подчеркивается, что основным моментом, определившим новую стратегию и тактику Компартии Эстонии, явилось превращение ее в правящую партию, руководящую и направляющую силу общества. Ряд вопросов партийного строительства нашел отражение в монографии С. Кутсар-Забродской.

Деятельность Коммунистической партии Литвы в 1940—1941 гг. рассмотрена в кандидатской диссертации К. Тишкевича и монографии А. Буткуте-Рамялене, статьях Р. Шармайтиса и в сборнике «Триумф ленинизма в Литве». Состав Компартии Литвы и ее организационная работа исследованы в статье В. Канцявичюса «Некоторые вопросы партийного строительства КП Литвы в 1937—1940 гг».

Богатый материал и ценные обобщения о партийном строительстве в Латвии содержатся в статье Э. Жагара «Коммунистическая партия Латвии во время социалистических преобразований в августе — декабре 1940 г.» В ней раскрываются задачи Компартии Латвии после восстановления Советской власти, показаны состав партии, ее структура, сеть парторганизаций, перераспределение партийных сил. Автор освещает значение IX съезда КП Латвии в жизни партии и всей республики.

Первым региональным исследованием по истории партийного строительства в Советской Прибалтике, специально посвященным 1940—

---

[66] «Коммунист Советской Латвии», 1973, № 4—8.

1941 гг., является монография А. Панксеева, К. Сурблиса и А. Эльвиха «Жизненная сила ленинских принципов партийного строительства». В ней уделяется особое внимание таким вопросам, как рост и укрепление рядов коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии, создание партийного аппарата, подбор, расстановка и воспитание партийных кадров, организационная и идеологическая деятельность партийных организаций, партийное руководство общественными организациями. Монография создана на обширном фактическом материале, основная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Еще недостаточно полно исследованы вопросы идеологической работы Компартии Латвии, Литвы и Эстонии в рассматриваемый период. Из работ литовских историков эта тема нашла отражение в диссертациях и статьях М. Бурокявичюса, С. Макаускаса и Л. Хоманскене. Интересная и важная сторона идеологической деятельности Компартии Латвии в 1940—1941 гг. рассматривается Э. Жагаром в статье «Использование революционных традиций в коммунистическом воспитании трудящихся Советской Латвии в 1940—1941 гг.» В ней говорится об издании и изучении произведений В. И. Ленина, о пропаганде революционных традиций международного пролетариата, об изучении революционного прошлого, об утверждении революционной тематики в произведениях литературы и искусства.

Недостаточно изучен вопрос о молодежном движении, о комсомоле в Латвии и Литве. О деятельности Союза трудовой молодежи Латвии в 1940—1941 гг. рассказывает в своей брошюре О. Споге. Она описывает организацию и налаживание идейно-политической и воспитательной работы в комсомоле, вступление СТМЛ в октябре 1940 г. в ВЛКСМ, участие комсомольцев в хозяйственной и политической жизни республики. В сборнике «Комсомолу Литвы 50 лет» опубликована статья С. Макаускаса о роли комсомольской печати и статья К. Сурблиса об участии литовских комсомольцев в первых социалистических преобразованиях.

Советские историки единодушно отмечают активную роль государства, руководимого Коммунистической партией, в преобразовании базиса, в создании социалистических производственных отношений, в развитии экономики и культуры. Поэтому понятен и тот большой интерес, который вызывают исследования процесса слома старого государственного аппарата и создания советской государственности в Прибалтике. В коллективной работе «Очерки развития государственности советских прибалтийских республик» государственно-правовому строительству посвящена отдельная глава, в которой говорится о провозглашении Латвии, Литвы и Эстонии советскими социалистическими республиками и о вступлении в состав СССР, анализируются их конституции, рассказывается об организации наркоматов, судебных органов и других элементов государственного аппарата. Создание и деятельность советского государственного аппарата рассмотрены в кандидатских диссертациях Э. Ранник, Э. Труувяли, Р. Станисловайтиса, в статье А. Васька и других работах прибалтийских историков и юристов.

В монографии С. Юонене «Местные органы государственной власти в Литве в 1940—1951 годах» значительная часть отведена строительству органов государственной власти на местах в 1940—1941 гг.

Малоисследованные вопросы о демократизации армий буржуазной Эстонии и Латвии и преобразовании их в территориальные корпуса Красной Армии рассмотрены К. Мангом и В. Савченко.

Должное внимание уделяется проблеме ликвидации капиталистического базиса в Латвии, Литве и Эстонии. Эта проблема включает такие важные вопросы, как национализация промышленности, банков, торговых предприятий, преобразование финансовой системы, аграрная реформа и другие мероприятия, заложившие основу советской экономики в республиках Прибалтики.

Социалистическую национализацию промышленности в Прибалтике рассматривает Г. Шаджюс в статье «Промышленность и рабочий класс прибалтийских республик после восстановления Советской власти (1940—1965 гг.)». Он отмечает, что уже в 1940 г. было национализировано подавляющее большинство промышленных предприятий. Благодаря включению Прибалтики в экономическую систему Советского Союза и помощи союзных республик началось быстрое расширение производства и рост выпуска продукции. Все это отразилось на положении рабочего класса. Г. Шаджюс характеризует 1940—1941 гг. как период небывалого численного роста рабочего класса и начало коренных изменений в его составе, а также возрастающую роль рабочего класса в общественной жизни.

Одному из важнейших вопросов социалистического преобразования экономики стран Прибалтики посвящена статья К. Сурблиса «К вопросу о социалистической индустрии Прибалтийских республик».

Из латвийских историков наиболее основательно исследовал вопросы социалистического преобразования экономики Э. Жагар. В его работах, базирующихся на новом фактическом материале, показаны подготовка и проведение национализации промышленности. Социалистические преобразования, как отмечает автор, вызвали ожесточенное сопротивление свергнутых классов. Важное значение для развития экономики Советской Латвии имело установление и укрепление ее связей с другими союзными республиками.

Следует отметить и статьи юристов В. Миллера, В. Скултынь, Э. Мелькисиса о роли новых государственно-правовых норм в создании социалистической экономики.

Изменение классовой структуры общества, формирование рабочего класса Латвийской ССР, укрепление его союза с крестьянством, формирование социалистического отношения к труду рассматриваются в работах Л. Зиле, В. Савченко и Л. Думпе.

Литовские историки и экономисты также занимаются рассмотрением вопросов, связанных с национализацией промышленности, ростом производительных сил, складыванием новых производственных отношений и изменением в классовой структуре общества. Посвятив свою работу из-

менениям в классовой структуре населения Литвы в 1940—1941 гг. после осуществления социально-экономических преобразований, Л. Труска отмечает, что буржуазия полностью утратила свои позиции в системе кредита, транспорта и оптовой торговли. Социалистический уклад хозяйства занял решающее место в промышленности и розничной торговле. Произошли изменения и в классовой структуре общества, увеличилась численность рабочих и служащих, сократилось число сельскохозяйственных рабочих.

Ход социалистических преобразований в промышленности, изменения в положении рабочего класса показаны в монографиях К. Мешкаускаса «Индустриализация Советской Литвы» и К. Сурблиса «Рабочий класс Советской Литвы», а также в диссертациях С. Стачёкаса и В. Трейгене. Вопросы установления новых общественных отношений рассматриваются в статье В. Нюнки «Борьба Коммунистической партии Литвы за укрепление союза рабочего класса с крестьянством», в работах А. Ефременко и других ученых.

Проблема социалистического преобразования промышленности в Эстонии затронута в диссертации Л. Вильберг и в монографии А. Веймера «Комплексное развитие и специализация промышленности Эстонского экономического административного района».

Ряд работ о партийном руководстве организацией социалистической экономики написал В. Руус. Он рассказывает о деятельности и роли КПЭ в социалистическом хозяйстве, в соревновании, в торговле и потребительской кооперации. Диссертация К. Пюсса посвящена начальному периоду организации советской торговли. И. Мялль исследовал вопрос о создании новой финансовой системы.

В последние годы появились специальные работы, посвященные мероприятиям Советской власти по повышению материального уровня трудящихся Прибалтийских республик. В статье Г. Шаджюса показана борьба Компартий за ликвидацию безработицы в Советской Литве, в статье В. Байкова — рост заработной платы рабочих и служащих в Эстонской ССР.

Наиболее подробно в своих работах историки Советской Прибалтики останавливаются на проблеме аграрных преобразований в республиках в 1940—1941 гг. Но, если не считать статьи Я. Крастыня «Некоторые итоги земельной реформы в Прибалтике», которая была написана без использования архивных материалов еще в 1941 г., обобщающих работ в маштабе всей Прибалтики по этой проблеме пока нет. Кратко останавливается на этой теме В. Н. Яковцевский в своей книге «Аграрные отношения в СССР в период построения социализма» (М., 1964), где высказывается мысль о том, что в ходе проведения земельных реформ в Прибалтийских советских республиках решались как общедемократические (искоренение остатков помещичьего землевладения), так и социалистические задачи (ограничение капиталистических элементов, создание социалистических хозяйств и др.).

Особенно много внимания уделяют анализу аграрных преобразо-

ваний в 1940—1941 гг. историки Советской Литвы, что является следствием различных оценок аграрных отношений в Литве накануне социалистической революции. Некоторые авторы (А. Буткуте-Рамялене, Е. Майминас) преувеличивают значение помещичьего землевладения в экономике страны. Однако в основном в современных трудах историков и экономистов все более определенно высказывается мысль о том, что аграрные отношения в Литве накануне 1940 г. были типично буржуазными (М. Грегораускас, Л. Труска). Эту точку зрения разделяет и А. П. Ефременко. В своей фундаментальной монографии «Аграрные преобразования и начало социалистического строительства в литовской деревне в 1940—1941 гг.» он подробно анализирует положение крестьянства в буржуазный период, освещает ход и социально-экономические результаты земельной реформы 1940 г., раскрывает экономическую политику Коммунистической партии и Советской власти в литовской деревне, показывает организацию совхозов, начало колхозного строительства.

В связи с различной оценкой аграрных отношений в буржуазной Литве по-разному расценивается и характер аграрной реформы 1940—1941 гг. Одна группа историков (в частности, В. Нюнка) считает, что в ходе реформы решались задачи буржуазно-демократической революции в сельском хозяйстве[67]. Другие авторы (А. Булота, А. Гайгалайте, В. Н. Яковцевский), отмечают, что аграрной реформой одновременно с общедемократическими решались и задачи социалистической революции — устранялись капиталистические элементы, создавались основы социалистического сельского хозяйства. И наконец, третья группа авторов (прежде всего А. П. Ефременко) считает, что аграрные преобразования в 1940 г. следует рассматривать как преобразования социалистического характера. Эта точка зрения нашла отражение и в «Истории Литовской ССР».

Об аграрной политике Компартии Литвы говорится также в кандидатской диссертации Л. Чайко.

Аграрные преобразования в Советской Латвии первым исследовал С. А. Удачин, выступивший уже в конце 40-х годов с большой монографией «Земельная реформа в Советской Латвии». В своей книге, материалы которой относятся главным образом к 1920—1938 и к 1944—1947 гг., С. А. Удачин показывает, что социалистическая аграрная реформа привела к коренному изменению всех аграрных отношений. О политике Советской власти в деревне, начале организации социалистических хозяйств рассказано в статьях В. Савченко и Э. Жагара.

Эстонские историки аграрным преобразованиям в своей республике посвятили ряд кандидатских диссертаций и несколько статей. В диссер-

---

[67] *Нюнка В. Ю.* Борьба Коммунистической партии Литвы за укрепление союза рабочего класса с крестьянством в переходный период от капитализма к социализму.— «Коммунист» (Вильнюс), 1955, № 3.

тациях Х. Тидо и А. Васька, в статьях В. Матина рассмотрены некоторые общие проблемы организации социалистического сельского хозяйства в Эстонской ССР, анализируются аграрная политика Компартии Эстонии и проведение земельной реформы.

Социалистические преобразования в области народного образования и культуры, вопросы культурной революции и культурной жизни в Прибалтике в 1940—1941 гг. еще не нашли отражения в специальных монографических исследованиях.

Одним из первых эстонских историков опубликовал на эту тему статью «Культурная революция в Эстонии» В. Маамяги. Политика Компартии Эстонии в области культуры рассматривается в статье Ф. Кинкара. Подготовке педагогических кадров и реорганизации школьной системы посвящены работы Э. Шмидт и Э. Томассона.

Культурные преобразования в Советской Латвии в 1940—1941 гг. рассмотрены в кандидатской диссертации и статьях Я. Партизпанян. В ее работах показана деятельность Коммунистической партии в проведении перестройки народного образования и культурной жизни.

Литовские историки создали ряд работ, посвященных преобразованию в области просвещения, науки и культуры в 1940—1941 гг. Этот вопрос рассматривается в работе В. Книвы и Ю. Жюгжды «Просвещение в Советской Литве», в докторской диссертации А. Бенджюса «Народное образование в Советской Литве в 1940—1970 гг.», его монографии и в ряде других работ. Определенное место вопросу о начале культурной революции в Советской Литве в 1940—1941 гг. отводит М. Бурокявичюс в своей монографии «Идеологическая работа Коммунистической партии Литвы среди интеллигенции в 1940—1965 гг.» Вопросы эти поднимаются и в общих трудах, хотя в них еще явно недостаточен анализ культурной жизни Литвы в 1940—1941 гг.

В целом лучше всего исследованы мероприятия в области народного образования, по созданию культурно-просветительных учреждений. Политика Советской власти в области науки, литературы и искусства в Советской Прибалтике изучена еще недостаточно.

*

В изучении первых социалистических преобразований 1940—1941 гг. достигнуты определенные успехи. Накоплен большой фактический материал. Наиболее подробно исследованы такие проблемы, как национализация промышленности и аграрные преобразования. Вместе с тем вопрос об условиях перехода к социализму в прибалтийской деревне нуждается в более углубленном рассмотрении. Во всех трудах подчеркнуты решающая роль партийного руководства и помощь братских союзных республик в успешном проведении всех социально-экономических и культурных мероприятий. Основательно исследованы вопросы партийного строительства. Слабее других проблем изучены вопросы культурной революции.

Требуется дальнейшее углубленное исследование особенностей классовой борьбы при проведении социалистических преобразований в условиях, когда социалистическая революция победила мирным путем, без вооруженного восстания и гражданской войны.

При изучении социалистических преобразований в 1940—1941 гг. необходимо повысить общетеоретический уровень исследований. Обращение к данной тематике в масштабе всей Прибалтики помогает выявить не только общие черты социалистических преобразований в целом, но и их специфические особенности в каждой республике.

6. Критика буржуазных фальсификаторов

Всестороннее и глубокое исследование проблем революции 1940 г.— необходимое условие разоблачения клеветнических измышлений буржуазных фальсификаторов, стремящихся извратить революционные события 1940 г. в интересах антикоммунистической пропаганды. Буржуазная фальсификация истории социалистической революции в Прибалтике является одним из звеньев в цепи фальсификаций истории СССР, подчиненных общим задачам идеологической борьбы против первого в мире социалистического государства — Советского Союза. Критике антинаучных фальсификаций истории социалистической революции 1940 г. в Прибалтике советские историки уделяют в своих работах значительное место [68].

Восстановление Советской власти в Прибалтике было враждебно встречено как местной буржуазией, так и ее зарубежными покровителями в правящих кругах империалистических государств.

В Германии фашистские историки и пропагандисты, а также буржуазные националисты, перешедшие в лагерь германского фашизма, выступили с яростной клеветой на события 1940 г. в Прибалтике.

Под покровительством фашистских оккупантов буржуазные националисты выпустили ряд грязных антисоветских изданий. Так, В. Бальчю-

---

[68] См., например: *Кооп А.* О некоторых зарубежных «изысканиях» в области истории Прибалтики.— «Коммунист Эстонии», 1959, № 6; *Дризул А.* Как извращается история социалистической революции в Латвии прислужниками империализма.— В кн.: Советская Прибалтика в братской семье народов СССР. (Материалы межреспубликанского семинара-совещания в г. Риге 6—10 июня 1960 г.). IV. Рига, 1960; *Юргинис Ю.* Фальсификаторы истории литовского народа.— Там же; *Маамяги В.* Против фальсификации истории Эстонии буржуазно-националистическими эмигрантскими историками.— Там же; *Миллер В. О.* Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967, с. 346—361; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 104—105; *Brolišs J.* Antikomunisms un nacionālais jautājums. Rīga, 1970; Buržuazinė propaganda: taikinys — jaunimas. Vilnius, 1970; *Миллер В. О.* Становление советской государственности в Прибалтике и зарубежные фальсификаторы.— «Коммунист Советской Латвии», 1974, № 7.

нас, положительно писавший в 1940 г. о советской аграрной реформе в Литве [69], при оккупантах стал выступать с гнусной клеветой на нее.

В Соединенных Штатах особую активность проявляли бывшие сотрудники дипломатических представительств буржуазных правительств Латвии, Литвы и Эстонии, в частности бывший посланник Латвии в США А. Билманис. Для них были характерны восхваление буржуазного господства в 1920—1940 гг. и отрицание успехов социалистических преобразований в республиках Прибалтики в 1940—1941 гг.

Всем этим фальсификаторам присущи были общие основные черты: крайний антисоветизм; отрицание роли народных масс; стремление извратить революционные события 1940 г., постановления Народных сеймов Литвы и Латвии, Государственной думы Эстонии о вступлении Прибалтийских стран в состав СССР.

Советскими историками и публицистами был дан всем этим измышлениям достойный отпор. В ответ на клеветническую кампанию буржуазных националистов за границей Г. Зиманас в 1942 г. написал работу «Ложь и правда о Литве» [70], в которой разоблачал вымыслы о Советской Литве 1940—1941 гг., показал их связь с гитлеровской антисоветской пропагандой. Работа Г. Зиманаса под псевдонимом В. Рудминас была издана прогрессивными литовскими организациями в США в 1943 г. и сыграла положительную роль.

Вскоре после окончания второй мировой войны империалистические круги развернули широкую кампанию клеветы против Советского Союза. В США и ряде стран Западной Европы было создано несколько центров по «изучению» Советского Союза. Республикам Прибалтики в них уделяется особое внимание. Латышским, литовским и эстонским буржуазным националистам только в Соединенных Штатах предоставлены страницы двух специальных журналов — «Джорнэл оф сентрал-юропиан афферс» и «Балтик ревю».

Широкий размах получило «изучение» революции 1940 г. в Западной Германии и в некоторых скандинавских странах, прежде всего в Швеции. Здесь осело некоторое количество буржуазных националистов из Прибалтики, бежавших за границу в годы второй мировой войны. В Западной Германии, в Мюнхене, в 1950 г. был создан специальный институт якобы для изучения истории и культуры СССР. На страницах журнала «Остфоршунг», издаваемого этим институтом, периодически публикуются клеветнические измышления в адрес республик Советской Прибалтики. Существующие на средства Центрального разведывательного управления и госдепартамента США радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» отравляют эфир антисоветской клеветой.

В клеветнической кампании против Советского Союза, в фальсификации истории Прибалтики буржуазные националисты проявляют особую активность. Издаются многочисленные мемуары бывших деятелей буржуазных режимов, а также «научные исследования». Характерно, что главари организаций националистов открыто признают антикоммунистическую направленность всей своей деятельности. В 1951 г. один из

руководителей комитета «Свободной Европы» Фредерик Долбер писал: «Прибалтийские группы в составе комитета «Свободной Европы» созданы с целью пробуждать надежды народов за железным занавесом и оказать им помощь в свержении ига коммунизма»[71].

Буржуазные националисты и их империалистические покровители неустанно твердят о наличии «балтийского вопроса», тщетно стремясь оживить в республиках Советской Прибалтики националистическую идеологию. Они никак не могут примириться с тем, что свободным волеизъявлением народов Прибалтики, восстановивших Советскую власть и вступивших в братскую семью народов СССР, «балтийский вопрос» давно уже снят с повестки дня истории.

В современной буржуазной историографии нет работ, которые были бы специально посвящены революционным событиям 1940—1941 гг. в Прибалтике. Однако различные аспекты этих событий затрагиваются многими авторами, представляющими их, как правило, в искаженном виде.

По каким же основным направлениям осуществляется в буржуазной историографии фальсификация истории революций 1940 г. в Прибалтике?

Буржуазные фальсификаторы прежде всего идеализируют период господства буржуазии в республиках Прибалтики в 1920—1940 гг и приукрашивают состояние экономики, жизненный уровень населения в это время, отрицают экспансию иностранного капитала. Превознося буржуазное прошлое Прибалтийских республик, националисты одновременно расточают похвалы в адрес политики США в отношении Прибалтийских стран. Они стремятся доказать, будто в Латвии, Литве и Эстонии царил классовый мир, будто там не сложилась революционная ситуация и не было внутренних сил, способных осуществить социалистическую революцию.

Факты убедительно опровергают эти несостоятельные утверждения. Многочисленные стачки, забастовки, высокий накал классовой борьбы, выразившийся, в частности, в восстании эстонского пролетариата в декабре 1924 г., всеобщей политической забастовке рабочих Каунаса в июне 1936 г.— все это ярко свидетельствует о том, что борьба пролетариата Прибалтики за свои права, за революционное преобразование общества никогда не прекращалась. В страхе перед революционной активностью масс буржуазия установила в странах Прибалтики фашистский режим — сначала в 1926 г. в Литве, а затем в 1934 г.— в Латвии и Эстонии. Однако, несмотря на все репрессии и лживую демагогию, в сознании трудящихся Латвии, Литвы и Эстонии жила память о Совет-

---

69 См.: «Žemės ūkis», 1940, Nr. 12 (208).

70 *Rudminas V.* Melai ir tiesa apie Lietuvą. [Niujorkas], 1943.

71 См.: *Горис А.* Латышские буржуазно-националистические эмигранты — орудие антикоммунистической политики империалистической реакции.— В кн.: Антикоммунизм — орудие империалистической реакции. М., 1967, с. 205.

ской власти, существовавшей в 1917—1920 гг., и вся их борьба была направлена на ее восстановление. Действительность не имеет ничего общего с буржуазными легендами о «классовом мире» и «всенародном единстве» в странахПрибалтики накануне революций 1940 г.

Яростным нападкам фальсификаторов истории подвергается деятельность коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии в 1920—1940 гг. При этом они не останавливаются перед прямым искажением и игнорированием фактов. С помощью ссылок на малочисленность компартий стараются преуменьшить размах их деятельности, отрицают их влияние в массах и ведущую роль в борьбе против фашистских режимов, тщетно пытаются изобразить социал-демократов последовательными борцами против фашизма. И это делается несмотря на то, что вся история классовой борьбы буржуазного периода убедительно свидетельствует о стойкости коммунистов — истинных выразителей интересов трудящихся, руководителей их борьбы против буржуазии и фашизма, в то время как различные мелкобуржуазные партии, придерживавшиеся политики примирения с буржуазией и фактически служившие ее интересам, потерпели закономерный крах и исчезли с политической арены.

Отрицая роль внутренних факторов, приведших к революции 1940 г., буржуазные фальсификаторы от замалчивания революционной борьбы — приема, которым они пользуются при описании периода буржуазного господства,— переходят к яростным нападкам на внешнюю политику Советского Союза, пытаясь гальванизировать миф об агрессивности СССР, о мнимой угрозе с его стороны малым народам (кстати, версия о мнимой агрессивности Советского Союза в отношении Прибалтийских стран не является «открытием» современных фальсификаторов: еще в годы второй мировой войны ее пустили в ход гитлеровские идеологи). Буржуазные фальсификаторы извращают общую международную обстановку второй половины 30-х годов, отрицают, что Англия и Франция, стремясь направить агрессию фашистской Германии против Советского Союза, отказались от системы коллективной безопасности. Фальсифицируется и внешняя политика Прибалтийских государств. Буржуазные авторы утверждают, будто пакты о взаимопомощи, заключенные между СССР и Прибалтийскими странами в 1939 г., не соответствовали национальным интересам народов этих стран, хотя, как известно, заключение договоров о взаимопомощи отвечало коренным жизненным интересам как народов Прибалтики, так и народов Советского Союза: оно помешало гитлеровской Германии еще в 1939 г. оккупировать Прибалтику и подготовить плацдарм для нападения на Советский Союз.

Несостоятельны также утверждения, будто правительства Прибалтийских стран выполняли все условия договоров о взаимопомощи с СССР. Фактически буржуазные круги, хорошо понимая революционизирующее влияние этих договоров на массы трудящихся, сознательно шли на их нарушение, устраивали различные провокации в отношении гарнизонов Красной Армии, расположенных на базах, отведенных им в соответствии с договорами. Таким образом, явно оставалась опасность,

что Прибалтика может быть втянута в империалистические авантюры [72].

Отрицая роль народных масс в истории, преувеличивая значение внешних факторов, буржуазные фальсификаторы тщатся доказать, будто восстановление Советской власти в странах не являлось результатом внутреннего развития. Несостоятельность подобных утверждений очевидна. Факты говорят о том, что именно революционная активность трудящихся масс под руководством коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии сыграла решающую роль в событиях лета 1940 г. в Прибалтике. Трудящиеся этих стран видели в советских войсках защитников своих интересов. Части Красной Армии не вмешивались во внутренние дела стран Прибалтики, но их присутствие удержало местную буржуазию от попыток развязать кровавую гражданскую войну, а империалистическую буржуазию зарубежных стран — от прямого военного вмешательства, как это было в 1919 г., когда Советская власть в Прибалтике была подавлена главным образом силами интервентов. «Не присутствие советских войск, а прежде всего обострение классовых противоречий, банкротство внутренней и внешней политики правящих кругов, их изоляция от сил международного империализма привели к победе социалистической революции» [73].

Насквозь лживы также утверждения фальсификаторов о «незаконности» народных правительств и «недемократичности» выборов в Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственную думу Эстонии в середине июля 1940 г. Фактически избирательное право на этих выборах было предоставлено значительно более широкому кругу лиц, чем в годы буржуазного господства. Выборы ярко продемонстрировали возросшую политическую активность трудящихся, осознание ими ответственности за судьбы своих стран. Восстановление Советской власти в странах Прибалтики явилось подлинным выражением воли трудящихся Латвии, Литвы и Эстонии.

Буржуазные фальсификаторы относительно мало пишут о социалистических преобразованиях, осуществленных в республиках Советской Прибалтики в 1940—1941 гг., отрицая при этом все положительное, что было достигнуто, умалчивая о первых шагах на пути коренных перемен в экономике и культуре.

Современная действительность является лучшим опровержением этих измышлений. Встав в 1940 г. на путь социалистического развития, республики Прибалтики за годы Советской власти при братской помощи всех республик в единой многонациональной семье Советского Союза достигли подлинного расцвета во всех областях экономической и культурной жизни.

---

[72] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1977, с. 449.

[73] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 105.

2

Трудящиеся Эстонии, Латвии и Литвы под гнетом буржуазии (1919—1939 гг.)

Трудящиеся Эстонии, Латвии и Литвы под гнетом буржуазии • Прибалтийские буржуазные государства в 1919—1929 гг. • Экономический кризис • Углубление кризиса диктатуры буржуазии в Прибалтике (1930—1939 гг.)

1. Прибалтийские буржуазные государства в 1919—1929 гг.

В 1919 г. объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции Советская власть в Эстонии, Литве и Латвии была подавлена. Пришедшая к власти с помощью империалистов Запада и осуществившая реставрацию капитализма эстонская, литовская и латвийская буржуазия господствовала в образовавшихся в Прибалтике буржуазных республиках свыше двадцати лет. В ее руках была сосредоточена вся экономическая и политическая власть. Это была диктатура буржуазии над эстонским, латышским и литовским народами.

В период 1919—1922 гг. прибалтийская буржуазия всесторонне оформила свой государственный аппарат, т. е. машину угнетения масс. В апреле 1919 г. состоялись выборы в Учредительное собрание Эстонии, в апреле 1920 г.— в аналогичные органы в Латвии и Литве. В начале 20-х годов были приняты конституции, определившие государственное устройство буржуазных республик в Эстонии, Латвии и Литве.

С помощью конституций буржуазия юридически закрепила свое политическое и экономическое господство. В основу этих законодательных актов были положены буржуазно-демократические конституции западноевропейских стран. На словах они провозглашали буржуазно-демократические свободы, на деле же плодами этих свобод могли пользоваться лишь имущие классы.

Ограничив буржуазную демократию до минимума, правящие круги Прибалтийских государств с первых же дней своего господства стали осуществлять политику террора против революционного пролетариата и его авангарда — коммунистических партий. Так, после жестокого подавления Советской власти в Риге в мае 1919 г. за короткое время было убито несколько тысяч человек. С 15 июня 1919 г. буржуазное латвийское правительство ввело для расправы с революционными рабочими и

крестьянами военно-полевые суды[1]. В Эстонии в годы гражданской войны жертвами буржуазного террора пало до 2000 человек. Тысячи борцов за рабочее дело томились в оставшихся от немецких оккупантов концентрационных лагерях в Пяэсюла, на острове Найсаар и в других местах[2]. Жертвами буржуазного террора стали 25 наиболее активных делегатов состоявшегося в августе 1919 г. I съезда профсоюзов Эстонии. В Литве активные участники революционного движения и сторонники Советской власти зачастую расстреливались без суда. Так были убиты писатель-революционер В. Рекашюс, учителя С. Грибас, Д. Шепута. В имении Пакряунис Рокишкского уезда военные власти вынесли смертный приговор 130 гражданам, работавшим в советских учреждениях и тут же в лесу привели его в исполнение. В Седаской волости было замучено свыше 200 рабочих и служащих. Озверевшие буржуазные офицеры и полицейские практиковали массовое избиение активистов и сторонников Советской власти. Село Сувекас Зарасайского уезда было сожжено за то, что его жители поддерживали Советскую власть[3].

Буржуазная избирательная система ущемляла права трудящихся. Коммунистические партии лишались возможности участвовать в выборах. Сами выборные органы отнюдь не были полноправными. Так, законы, принятые парламентами Латвии и Литвы, могли быть отвергнуты президентом и возвращены на дальнейшее обсуждение. По эстонской конституции не предусматривался институт президента. Высшим органом государственной власти там был парламент — государственное собрание, перед которым отчитывалось правительство, возглавляемое «старшиной государства» (премьер-министром). Эти буржуазно-демократические органы были призваны прикрывать подлинное содержание буржуазной диктатуры. На выборах в I государственное собрание Эстонии в 1920 г. участвовало 10 политических партий и группировок. В Латвии в Учредительное собрание было избрано 150 депутатов, образовавших 21 фракцию[4].

Представителей трудящихся масс буржуазия стремилась не допустить в парламенты. Характерный случай имел место в Латвии. Активный участник революционного движения 1905 г., депутат Учредительного собрания В. Дерманис в 1922 г. по приказу министра юстиции социал-демократа меньшевика В. Холцманиса был арестован по ложному обвинению в распространении фальшивых денег. Депутатом Учредительного собрания В. Дерманис был избран по социал-демократическому списку, но действовал в соответствии с указаниями ЦК КП Латвии. Он решительно встал на защиту интересов революционного пролетариата и в августе 1921 г. вышел из социал-демократической партии. Путем гряз-

---

[1] *Drīzulis A.* Cīņā par brīvību. Rīga, 1956, 8.lpp.

[2] Очерки истории КП Эстонии, ч. 1. Таллин, 1961, с. 374.

[3] Очерки истории КП Литвы, т. 1. Вильнюс, 1973, с. 501—502.

[4] *Drīzulis A.* Указ. соч., с. 10.

ной провокации правительственные круги при прямой поддержке социал-демократов «избавились» от присутствия в Учредительном собрании единственно подлинного представителя трудящихся. Протест трудящихся масс спас В. Дерманиса от расправы над ним, однако ему не удалось избежать высылки за пределы Латвии[5].

В Литве в I сейм в 1922 г. вопреки всем стараниям буржуазии было избрано 5 представителей трудящихся «куопининков», которые образовали революционную оппозицию, отстаивавшую интересы трудового народа. Депутаты сейма от клерикальных партий всячески препятствовали деятельности «куопининков», прерывали их речи, изыскивали всевозможные предлоги для устранения их от участия в заседаниях. Более того, активнейший рабочий представитель К. Доминас по ложному обвинению был лишен мандата. После того как I сейм был распущен ранее положенного срока, все включенные в списки кандидатов от рабочих во II сейм (1923 г.), около 100 человек, накануне выборов были арестованы[6].

В Латвии к выборам в I и II сеймы (1922 и 1925 гг.) представители революционного пролетариата не были допущены. Накануне выборов в I сейм было арестовано около 800 активистов левых профсоюзов[7]. Буржуазные власти старались воспрепятствовать выдвижению революционных кандидатов. В I сейме из 100 депутатов 38 было представителями социал-демократов, 17 — членами реакционного Крестьянского союза[8], а остальные являлись представителями многочисленных мелких буржуазных партий и группировок[9].

На выборах в государственное собрание Эстонии весной 1923 г. коммунисты все-таки получили 10% всех депутатских мест, хотя списки кандидатов трудового народа в избирательных округах Таллина и Нарвы были аннулированы.

Установив свою диктатуру, буржуазия резко нарушила экономическое развитие Прибалтийских стран. Промышленность Эстонии, Латвии и Литвы, насильственно оторванная от сырьевых ресурсов Советской России и ее рынка, была обречена на однобокое развитие, на приспособление к интересам узкого внутреннего рынка и местного кулацкого сельского хозяйства.

Аграрный характер экономики Прибалтийских государств нашел отражение в структуре населения, значительное большинство которого составляли сельские жители (табл. 1). Если в Латвии и Эстонии разница между удельным весом городского и сельского населения еще не была такой внушительной, то Литва по доле населения, занятого в промышленности и торговле, занимала последнее место в Европе. По данным переписи населения 1923 г., в городах Литвы с численностью населения более 2000 человек в то время проживало лишь 14,9% жителей[10], 78,9% населения было занято в сельском хозяйстве, 6,1% — в промышленности и 3,3% — в торговле и транспорте. При таком положении большинство пролетариата Литвы составляли сельскохозяйственные рабочие, разбросанные по кулацким хозяйствам. Из них всего 27,4% работали у

хозяев, владевших более чем 50 га земли и нанимавших в среднем по 5 батраков. В менее крупных кулацких хозяйствах трудились по 1—3 человека, незначительная часть сельскохозяйственных рабочих нанималась к крестьянам-середнякам.

В Литве буржуазия — кулаки, промышленники, коммерсанты, финансисты — составляла 10—12% всего населения. Наиболее многочисленной ее прослойкой являлось кулачество. Мелкая буржуазия — крестьяне-середняки, ремесленники, мелкие торговцы — составляли в Литве около 60% населения [11]. С одной стороны, они были связаны с буржуазией, с другой — ее представители трудились сами и эксплуатировались крупной буржуазией. Подобное положение в значительной мере наблюдалось и в Эстонии. В Латвии как в сельской местности, так и в городе классовая дифференциация и поляризация были более значительными. Правящие круги буржуазии могли удержаться у власти лишь при условии привлечения на свою сторону мелкобуржуазных слоев населения. В то же время и для пролетариата было крайне важно установить союз с эксплуатируемой частью мелкой буржуазии и вовлечь ее в борьбу за свержение буржуазного строя.

В Латвии и Эстонии многочисленными были партии социал-демократов, представлявшие мелкобуржуазное направление в рабочем движении. Наряду с ними существовал целый ряд «средних» партий, выражавших интересы среднего крестьянства и городской буржуазии. В Латвии, например, в 20-х годах существовала партия новохозяев во главе с А. Блёдниеком, партия средней и мелкой буржуазии «Демократический центр», руководимая П. Юрашевским, и др. Кроме того, в Латвии и Литве в 20-х годах существовали также партии и группы фашистского типа, которые стремились захватить власть. В Литве такой крайне реакционной была партия таутининков, в Латвии — партия «Национальное объединение», предводительствуемая А. Бергом. Эти партии прямо высказывались за ликвидацию буржуазной демократии.

В Литве господствующее положение до 1926 г. занимали христианские демократы — клерикальная партия сельской и городской буржуазии, тесно связанная с католической церковью. На выборах в Учредительный сейм, а также в I и II сеймы она получила большинство голосов и образовала правительство вначале в коалиции с ляудининками — партией либеральной буржуазии, представлявшей интересы средней и мелкой (в основном сельской) буржуазии, а позднее управляла страной безраздельно.

---

[5] История Латвийской ССР, т. 3. Рига, 1958, с. 236.

[6] *Adomonienė O.* Parlamentinių priemonių panaudojimas darbo žmonių kovoje 1920—1926 metais.— В кн.: Už socialistinę Lietuvą. Vilnius, 1960, p. 206—240.

[7] *Šteimanis J.* Cīņā pret kapitālu. Rīga, 1959, 16.lpp.

[8] История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1971, с. 484.

[9] Там же.

[10] Lietuvos gyventojai, XXV. Kaunas, 1925, p. 1—2.

[11] Lietuvos TSR istorija, t. 3. Vilnius, 1965, p. 138.

3 Заказ № 2523

Таблица 1. Распределение самодеятельного населения прибалтийских стран по роду занятий в первой половине 20-х годов (в тыс.)

Страна	Род занятий					
	сельское хозяйство	промыш. и кустарное производство	торговля	морская торговля	транспорт, связь	армия
Латвия (1925 г.)	767,3	124,8	54,1	2,3	31,2	18,9
Эстония (1922 г.)	410,2	83,7	21,0	2,4	13,0	12,0
Литва (1923 г.)	1088,8	84,9	32,5	—	13,0	23,1

Страна	Род занятий				Итого
	государств. и обществ. управление	свободные профессии	прислуга	остальные занятия	
Латвия (1925 г.)	14,5	26,8	28,8	59,7	1128,3
Эстония (1922 г.)	11,6	13,0	15,2	42,8	626,9
Литва (1923 г.)	8,4	12,9	73,6	34,8	1372,0*

* Latvijas statistiskā gada grāmata. 1928. Riga, 1929, 440.—441. lpp.

В Латвии основной правящей партией являлся Крестьянский союз, члены которого возглавляли большинство кабинетов министров. Социал-демократическая партия имела самую сильную фракцию в сейме и входила в состав нескольких правительств, одним из которых руководила. Однако, не обладая в сейме абсолютным большинством, она обычно была вынуждена формально находиться в оппозиции, хотя, по существу, активно сотрудничала с буржуазией, являясь проводником мелкобуржуазного влияния в рабочем движении.

В Эстонии до начала 1920 г. у власти находились народная и трудовая партии, представлявшие среднюю и мелкую буржуазию. В итоге выборов в государственное собрание было сформировано правое коалиционное правительство, лидерство в котором принадлежало кулацкому «Объединению аграриев», находившемуся у власти до марта 1924 г. Затем было создано правительство средних буржуазных группировок. После подавления восстания трудящихся 1 декабря 1924 г. вновь было образовано правительство коалиции правых буржуазных партий.

Правительства в странах Прибалтики менялись часто, но политика кабинетов министров и буржуазных партий, равно как и социал-демократов, оставалась прежней: она всегда была направлена на укрепление позиций буржуазии, основ капитализма. Частая смена правительств явно свидетельствовала о слабости социальной базы буржуазии, неустойчивости ее власти.

Для защиты буржуазного строя в государствах Прибалтики были созданы армии, которые использовались и для подавления «внутреннего врага» — революционного движения. Помимо регулярной армии существовали военизированные буржуазные организации: в Эстонии — кайтселийт (союз защиты), в Латвии — айзсарги (защитники), в Литве — шаулисы (стрелки). В их обязанности входило оказывать помощь полиции в подавлении революционного движения народных масс. Буржуазия не всегда доверяла армии, так как среди солдат было немало революционно настроенных рабочих и крестьян. Военизированные формирования объединяли не только мужчин, создавались также аналогичные женские и молодежные организации. Члены военизированных организаций носили специальную форму, оружие, обучались военному делу. Руководство и основное ядро этих формирований составляли представители кулачества, городской буржуазии, отставные офицеры и унтер-офицеры.

В Прибалтийских странах продолжали некоторое время действовать судебные законы царской России и бывшего буржуазного Временного правительства. Впоследствии в эти законы были внесены некоторые поправки и дополнения, а затем буржуазными правительствами Эстонии, Латвии и Литвы были изданы новые — «свои» законы.

В уездах основные полицейские функции выполняли уездные начальники, префекты и, назначенные центральной властью по законам военного времени военные коменданты. В буржуазной Литве почти все время сохранялось военное положение и приказы уездных военных комендантов были обязательны для всех, в том числе и для выборных местных самоуправлений, разного рода обществ и организаций. Коменданты имели право закрывать митинги и собрания, не допускать их проведения, запрещать или задерживать на некоторое время издание газет и журналов, распускать общества и организации. Широкие юридические права, которыми наделялись военные коменданты, позволяли им заниматься преследованием активных членов организаций трудящихся, профсоюзов, коммунистических партий. Так, Каунасская военная комендатура в период 1919—1929 гг. отправила в концентрационные лагеря 378 человек, принудительно выслала из Каунаса 374, а из Литвы — 981 человека [12].

Наряду с установлением военно-полицейского режима буржуазия Прибалтийских государств стремилась укрепить свое влияние с помощью экономических мероприятий.

В 1920—1921 гг., когда в западноевропейских капиталистических странах свирепствовал послевоенный экономический кризис, в разоренном войной народном хозяйстве Прибалтики также ощущались весьма большие трудности. Промышленное производство Латвии, Литвы и отчасти Эстонии переживало сложный период восстановления и пере-

---

[12] Kauno karo komendantūra 1919—1929 m. Kaunas, 1930, p. 58.

ориентации на узкий внутренний рынок и обеспечение нужд сельского хозяйства.

Первые годы господства буржуазии в Прибалтийских республиках сопровождались острым кредитно-финансовым кризисом. Невиданная валютная инфляция, которую переживала Германия, сразу же сказалась на финансовом положении Прибалтики. Бывшие здесь в обращении со времен немецкой оккупации остмарки обесценились, точно так же, как царские рубли и керенки, признававшиеся платежным средством наряду с остмаркой. Из-за инфляции повышались цены на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию. В то время как покупательная способность трудящихся из-за возросшей дороговизны сильно снизилась, буржуазии инфляция принесла большие прибыли. Крупные торговцы и спекулянты вывозили из Эстонии, Латвии и Литвы легально и контрабандным путем сельскохозяйственные продукты, скот, лес и лен. Когда выгоды от инфляции были в общем исчерпаны, правительства Прибалтийских стран начали стабилизировать валюту.

В марте 1920 г. в Латвии была введена своя денежная единица — латвийский рубль. Правительство санкционировало эмиссию 200 млн. латвийских рублей. Латвийский рубль был приравнен к полутора русским рублям, но не был обеспечен золотом и не имел прочной экономической основы. Естественно, что он стал обесцениваться, и инфляция продолжалась. В августе 1922 г. был принят закон о золотой основе денежной системы Латвии. Была введена новая, получившая золотое обеспечение денежная единица — лат, который был приравнен к 50 латвийским рублям [13—14].

Подобным путем денежная реформа и стабилизация валюты были проведены и в Литве. Еще в декабре 1918 г. буржуазная Литовская тариба (совет) получила от немецких оккупантов заем в 10 млн. марок, а спустя несколько дней,— еще в 100 млн. марок. По договору с правительством Германии Немецкий банк получил право выпуска денежных знаков для Литвы и регулирования дальнейшего хождения остмарок в Литве. В феврале 1919 г. буржуазное правительство изменило название денег: марка стала называться «ауксинасом», а пфенниг — «скатикасом». С падением курса немецкой марки понизился и курс ауксинаса, цены росли, усиливалась инфляция. В августе 1922 г. Учредительный сейм принял закон об организации Литовского банка, которому было предоставлено право эмиссии денег. После получения, согласно Московскому мирному договору от 12 июля 1920 г., 3 млн. рублей золотом от Советской России правительство Литвы ввело с 1 октября 1922 г. новую денежную единицу — литас (лит). Введение новой валюты с золотым обеспечением укрепило финансовую систему Литвы. Однако после того, как лит был объявлен единственным платежным знаком, на рынок было выпущено небольшое количество этих денег — всего около 50 млн., так что на каждого человека пришлось не более 12 литов, или 2,5 золотого рубля, в то время как до первой мировой войны на одного жителя приходилось не менее 30 золотых рублей в год [15]. Это отрицательно сказы-

валось прежде всего на жизненном уровне трудящихся, вынуждало их экономить на всем, отказываться от самого необходимого. Промышленная же и торговая буржуазия увеличивала задолженность иностранным державам и допускала проникновение их капитала в Литву. Это имело отрицательные последствия, так как экономика Литвы становилась еще более зависимой от крупных капиталистических хищников.

В Эстонии в первое время после немецкой оккупации наряду с германской остмаркой также остались в обращении русские рубли. В конце 1918 г. были пущены в оборот первые эстонские (1 марка=10 пенни) и финские марки, полученные в долг от Финляндии. Сначала эстонская марка официально приравнивалась к 1 немецкой марке или 50 копейкам, а с января 1919 г.— к 1 рублю. До сентября 1919 г. 1 фунт стерлингов по официальному курсу приравнивался к 45 эстонским маркам, но с ростом эмиссии последних курс их быстро падал, и к концу 1920 г. фунт стерлингов обменивался уже на 1350 марок. На основе Тартуского мирного договора Эстония получила в 1920 г. от Советской России 15 млн. рублей золотом, что позволило стабилизировать на некоторое время курс марки. Однако для пополнения государственной казны в оборот пускались все новые миллионы марок ассигнациями, и если в начале 1920 г. в обращении их был 591 млн., то в начале 1921 г.—2,1 млрд., а в мае 1923 г.— уже 3,9 млрд. Затем была предпринята попытка предотвратить дальнейшую эмиссию путем реализации золотого запаса. В середине 20-х годов была достигнута стабилизация марки на новом уровне, причем 375 марок были приравнены к 1 доллару. Одновременно начались переговоры с ведущими капиталистическими странами о получении внешнего займа, необходимого для финансирования денежной реформы. При содействии Лиги наций она была проведена лишь в 1927 г. С реализацией 7%-ного займа было получено 1,36 млн. фунтов стерлингов[16]. Этот кредит предстояло покрыть в течение 40 лет. С 1 января 1928 г. в Эстонии была введена новая валюта — крона (1 крона= =100 центам), получившая золотое обеспечение[17].

В прибалтийских губерниях и северо-западных районах России преобладало крупное помещичье землепользование. Почти половина земли принадлежала помещикам, другая, несколько меньшая ее часть,— крестьянам, около 10% — государству и незначительная доля, немного превышавшая 1%,— церкви, а также городам и разным организациям. Владельцами помещичьих земель в Латвии и Эстонии были немецкие бароны за исключением Латгалии, где преобладали польские магнаты. В Литве подавляющее большинство помещиков были польские магнаты или ополячившиеся литовские крупные землевладельцы. Основную массу крестьянского населения Прибалтики составляли безземельные или малоземельные крестьяне, но бо́льшая часть земли, прежде всего в

[13—14] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 487.
[15] «Lietuvos ūkis», 1923, Nr. 9, p. 14.
[16] «Riigi Teataja», 1927, № 48, lk. 657.
[17] Там же.

Эстонии и Литве, принадлежала кулакам. В реультате классовой дифференциации часть крестьянства богатела, другая — нищала и оказывалась в рядах сельскохозяйственного пролетариата, уходила в города, эмигрировала за границу или переселялась в восточные районы России.

Первая мировая война нанесла сельскому хозяйству Прибалтики огромный ущерб. Особенно пострадало сельское хозяйство Латвии и Литвы, территории которых являлись театром военных действий и длительное время были оккупированы немецкой армией. Сотни тысяч крестьян Латвии и Литвы покинули родные края и двинулись на восток. Так, население Курземе (Курляндской губ.) сократилось более чем наполовину[18]. В западных районах Литвы и Латвии было уничтожено много крупного рогатого скота, перестала обрабатываться часть земли, резко снизились урожаи, ощущался недостаток в сельскохозяйственных продуктах. Ряды деревенской бедноты пополнила та часть рабочих, которая во время войны вернулась из городов. В итоге в деревне скапливались большие массы безземельного сельскохозяйственного пролетариата.

Помещичье землевладение в Прибалтике было ликвидировано советскими правительствами Эстонии, Латвии, и Литвы в 1919 г. После поражения Советской власти помещики попытались вернуть свои владения и права, однако восстановить старые, отжившие аграрные порядки было уже невозможно. Прошедшие в деревне социально-экономические перемены настоятельно требовали проведения аграрных реформ. Правящая буржуазия Прибалтийских стран решилась на отчуждение и раздел помещичьих земель, опасаясь того, что сельский пролетариат может решить земельный вопрос революционным путем. Одновременно этим мероприятием она надеялась укрепить свои классовые позиции в деревне.

Закон о земельной реформе был принят в Эстонии 10 декабря 1919 г., в Латвии — 16 октября 1920 г., в Литве — 15 февраля 1922 г. Согласно этим законам, разделу подлежали земли баронов, польско-литовских магнатов, церквей и государства. В Эстонии и Литве предельная норма неотчуждаемой земли была установлена в 80 га, в Латвии — в 50 га. При этом в Латвии земли кулаков, сельской буржуазии отбирались лишь в том случае, когда их площадь превышала 100 га. В Литве после фашистского переворота предельная норма земли на основании закона 1929 г. была повышена до 150 га, а тем помещикам, имения которых уже были разделены, выплачивались большие суммы денег, выделялись участки леса и т. п. Некоторые имения, находившиеся в государственном или в частном пользовании, во всех Прибалтийских странах были оставлены неразделенными в качестве «показательных» опытных хозяйств, некоторая их часть была выделена сельскохозяйственным школам и т. п.

Законами о земельной реформе во всех Прибалтийских странах была предусмотрена выплата компенсации за отчуждаемую землю. В Литве выплата помещикам производилась с первых же лет осуще-

Таблица 2. Распределение хозяйств в Литве, Латвии и Эстонии по количеству земли

Размер хозяйства, га	Литва (1930 г.)		Латвия (1929 г.)		Эстония (1929 г.)	
	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%
1—2	12 862	4,68	12 141	5,40	23 500	17,6
2—5	36 943	13,44	23 188	10,32		
5—10	74 738	27,20	43 814	19,50	21 600	16,2
10—15	57 517	20,93	36 875	16,42	35 000	26,2
15—20	32 155	11,70	35 870	15,97		
20—30	33 125	12,05	33 080	14,72	24 200	18,2
30—50	19 822	7,21	23 632	10,52	22 200	16,6
50—100	6 181	2,24	14 886	6,63	6 400	4,8
Свыше 100	1 472	0,55	1 184	0,53	500	0,4
	274 795	100,00	224 670	100,00	133 400	100,00*

* Таблица составлена по: Lietuvos statistikos metraštis, 1939, t. 12, Kaunas, 1940, p. 94—95. *Кирш Ю.* Аграрная революция Прибалтики. М., 1931, с. 120. Eesti majandus 1937, a., Tallinn, 1938, c. 70.

ствления реформы, в Эстонии она была начата с 1925 г., в Латвии же в 1924 г. по настоянию социал-демократов был принят специальный закон, отменяющий выплату компенсации.

Сразу же после опубликования закона о земельной реформе безземельные и малоземельные крестьяне в массовом порядке стали подавать заявления с просьбой предоставить им землю. Но получили ее далеко не все. Землей наделялись прежде всего офицеры и солдаты буржуазных армий, участники подавления революционного движения в Прибалтике, арендаторы и лишь в последнюю очередь — безземельные и малоземельные крестьяне. В Латвии землю не получили 30 тыс. человек из числа лиц, изъявивших желание иметь свое хозяйство, в Эстонии осталось без наделов около половины крестьян, подавших заявления, а в Литве — 31,5% всех желающих.

По данным переписи (в Эстонии и Латвии — в 1929 г., в Литве — в 1930 г.), земельные участки новохозяев (новоселов, новопоселенцев) по своим размерам были мелкими. В ходе земельной реформы в Эстонии, Латвии и Литве появилось значительное количество крестьянских хозяйств небольших размеров, имевших примерно от 1 до 10 га земли. Во всех трех странах преобладали хозяйства размером в 10—20 га (данные по Литве, Латвии и Эстонии — в табл. 2).

[18] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 357—358.

Получившие землю крестьяне были вынуждены вносить выкупные платежи. В Латвии они, например, составляли 191,7 млн. латов. Государство оказывало помощь лишь некоторой части крестьян, поэтому вскоре очень многие новохозяева оказались в полной зависимости от ростовщиков, банков, которые безжалостно продавали их хозяйства с молотка. Состоявшийся в 1923 г. пленум ЦК Коммунистической партии Литвы так оценивал сложившееся положение: «Господствующая литовская буржуазия и кулачество вовсе не думают о том, чтобы удовлетворить требования всех сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян о получении земли: прежде всего при ликвидации имений польских помещиков имущие классы стараются как можно больше земли захватить для себя, а сельскохозяйственным рабочим и безземельному крестьянству кулацкая власть дает лишь такие наделы, какие необходимы для того, чтобы отвлечь их от революционного движения, привязать к клочку земли и таким образом обеспечить кулаков и литовских помещиков дешевым ручным трудом. Выгоду извлекла лишь небольшая горстка крупных хозяев-кулаков, способных вести свои хозяйства по-капиталистически»[19]. Действительно, в Литве уже в 1930 г. 35,4% новохозяев не владели выделенной им во время реформы землей, а к 1937 г. их число увеличилось до 45%[20].

В результате реформы возросло количество середняцких хозяйств, среди которых происходил непрерывный процесс социального расслоения. Несколько сократилась численность сельскохозяйственного пролетариата, однако количество бедняцких хозяйств значительно увеличилось, особенно в Литве и в восточной части Латвии — Латгалии. В Латвии более 17 тыс. крестьянских хозяйств не имели лошадей и коров, а 34 тыс. хозяйств были вообще безлошадными[21].

В экономическом отношении аграрные преобразования подорвали крупное помещичье землевладение в Прибалтике, укрепили капиталистическое производство и позиции национальной сельской буржуазии.

Сельское хозяйство Прибалтийских стран стало приспосабливаться к рынкам западноевропейских государств и вначале развивалось довольно интенсивно. После первой мировой войны возрос спрос на зерно и лен, поэтому были значительно увеличены посевы льна, озимой ржи и других зерновых культур. Наряду с этим активизировалось производство животноводческих продуктов, выращивалось больше крупного рогатого скота. С середины 20-х годов сельское хозяйство Прибалтики вынуждено было несколько изменить свое направление. В силу изменившейся конъюнктуры западноевропейских рынков особое внимание обращалось на увеличение производства сливочного масла и свинины — бекона. Собственного зерна не хватало, поэтому все три страны были вынуждены его импортировать. Недостаточное производство зерна обусловливалось невысоким уровнем культуры земледелия, а также неурожаями. Средняя урожайность ржи за 1924—1935 гг. в Эстонии составила с одного гектара 15,6 ц, в Литве — 13,5 ц, в Латвии — 15,4 ц[22]. В поисках выхода из создавшегося положения крестьянство

стало изменять структуру посевов. Больше земли отводилось под яровую пшеницу, которая давала более высокие урожаи.

В связи с ростом животноводства увеличились земельные площади, занятые кормовыми травами. Почти вдвое повысилась их урожайность. Основным продуктом экспорта Эстонии, Латвии и Литвы с середины 20-х годов, по официальным данным буржуазной статистики, стали молочные продукты. Вывоз сливочного масла из Латвии в 1929 г. составил по стоимости 21,4% всего экспорта, а в 1932 г.— даже 32,11%[23]. В 1929 г. из Латвии было экспортировано 14 830 т масла, из Эстонии — 1235 т, из Литвы — 4084 т[24]. Вторым основным продуктом экспорта Прибалтийских стран был бекон. В 1932 г. из Литвы, например, еженедельно вывозилось 10—12 тыс. голов свиней. На 100 га угодий в 1932 г. в Литве приходилось более 31, в Латвии — 10, в Эстонии — 9 голов свиней.

После проведения земельной реформы в Прибалтике продолжался процесс дифференциации крестьянства. Буржуазные правительства из доходов от экспорта выделяли дотации крупным кулацким хозяйствам, поставлявшим масло и бекон. В Литве и Латвии в виде экспортных премий кулакам выплачивалось от 20 до 45 млн. литов или латов ежегодно. В то же время мелкие и средние крестьяне, сельскохозяйственная продукция которых не шла на экспорт, были лишены подобной помощи. В результате с каждым годом катастрофически росла их задолженность. Если в Латвии в 1924—1925 гг. на 1 га сельскохозяйственных угодий приходилось 48 латов долга, то в 1928—1929 гг. долг увеличился до 162 латов. Задолженность на каждый гектар земли в Литве составляла 130 литов. Около 1000 хозяйств ежегодно продавалось с молотка, общая сумма их задолженности достигла 4—7 млн. литов[25].

В годы господства буржуазии изменился характер промышленного производства в Прибалтике.

До первой мировой войны Латвия и Эстония были высокоразвитыми в капиталистическом отношении районами царской России. Здесь размещалось много крупных промышленных предприятий, имелся многочисленный фабрично-заводской пролетариат. Крупным центром промышленного производства и внешней торговли был город Рига. Через латвийские порты — Ригу, Лиепаю и Вентспилс проходило более четверти всего экспорта России. Война нанесла производительным силам Прибалтики, в первую очередь Латвии и Литве, тяжелый удар. Почти вся фабрично-заводская промышленность Латвии и 260 предприятий Литвы были эвакуированы в глубь России, остальное разграбили и раз-

---

[19] «Komunistas», 1924, Nr. 1, p. 11—12.

[20] «Žemės ūkis», 1937, Nr. 11—12, p. 480.

[21] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 489.

[22] Latvijas statistiskā gada grāmata. 1935. Rīga, 1936, 280.lpp.

[23] Latvijas statistiskā gada grāmata. 1933. Rīga, 1934, 172.lpp.

[24] Latvijas statistiskā gada grāmata. 1929 Rīga, 1930, 468.lpp.

[25] По данным «Lietuvos statistikos metraštis», 1931 и др.

рушили немецкие оккупанты. После войны экономика Прибалтийских стран была оторвана от своей естественной базы — российского рынка сбыта и сырья. Вовлеченная в систему западноевропейского капиталистического хозяйства, она оказалась в тяжелом положении. Западноевропейские государства, в первую очередь Германия и Англия, с которыми Прибалтийские страны поддерживали теснейшие связи, требовали сельскохозяйственных продуктов: масла, бекона, птицы, льна и лесоматериалов. Промышленные товары они изготовляли сами и были заинтересованы в приобретении для них новых рынков сбыта. Приток дешевых импортных товаров еще более сузил внутренний рынок для промышленных изделий Прибалтийских стран. Так, Литва в 1929 г. импортировала промышленных товаров на 169 млн. литов, тогда как продукция была выпущена лишь на 89 млн. литов [26]. Восстановление и развитие промышленного производства в Эстонии, Латвии и Литве происходило сравнительно медленно и было направлено в первую очередь на обеспечение узкого внутреннего рынка и нужд сельского хозяйства.

Наиболее значительное развитие в Прибалтийских странах получили предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, по выпуску сельскохозяйственных орудий и машин, а также товаров широкого потребления. В промышленности Литвы и Латвии видное место стали занимать деревообделочные и текстильные предприятия. В Эстонии постепенно были ликвидированы находившиеся в Таллине крупные судостроительные заводы, а также вагонный завод «Двигатель» и химический завод Майера. Мощность остальных крупных заводов и фабрик использовалась лишь частично. Утрата связей с российским рынком особенно резко сказалась на объеме производства Кренгольмской мануфактуры (Нарва), где вместо занятых прежде 10,5 тыс. рабочих осталось 2—3 тыс. В то же время появились различные новые мелкие предприятия, изделия поглощал преимущественно внутренний рынок (кондитерские, табачные, ткацкие фабрики). Самой перспективной отраслью промышленности в Эстонии ввиду острого послевоенного топливного кризиса являлась сланцевая промышленность. Свое производство увеличила также целлюлозно-бумажная фабрика в Таллине, причем основным покупателем бумаги являлся Советский Союз. Несмотря на общий рост количества промышленных предприятий, численность рабочих в промышленности Эстонии составляла в 1925 г. всего 70% довоенного уровня.

Во второй половине 20-х годов в народном хозяйстве Эстонии, Латвии и Литвы усилилось влияние иностранных монополий. Прибалтика привлекла иностранных монополистов как выгодный рынок сбыта промышленных товаров, источник получения сельскохозяйственных продуктов и прибыльный объект размещения капитала. В Литве, например, процент прибавочной стоимости из-за дешевизны рабочей силы равнялся 250 [27]. Сходное положение наблюдалось в Эстонии и Латвии. Зарубежные монополисты проникали в экономику Прибалтики разны-

ми путями: скупали акции промышленных предприятий, создавали филиалы своих заводов, опутывали их сетью займов и кредитов, подчиняли своему влиянию их внешнюю торговлю. Вначале наиболее распространенной формой проникновения были займы, которые Англия, Франция, Германия и США предоставляли Прибалтийским государствам в виде товаров и денежных средств. Впоследствии иностранный капитал внедрился в экономику Прибалтийских стран через различные монополистические объединения, число которых из года в год росло. В 1921 г. в Литве, например, функционировало 14 иностранных обществ и их отделов, а в 1926 г. их было уже 85[28]. В Латвии с 1925 по 1929 г. доля иностранного капитала во всех отраслях народного хозяйства удвоилась и составила более 50% основных акционерных капиталов[29].

Капиталисты Запада вкладывали свои капиталы в бумажную, полиграфическую, текстильную и кожевенную отрасли промышленности. Иностранный капитал проникал также во вновь создаваемую пищевую, шелкоткацкую (искусственного волокна) и другие отрасли. Спичечная промышленность оказалась в руках шведско-американского треста Крейгера, за спиной которого стоял американский миллиардер Перси Рокфеллер.

В 1923 г. трест Крейгера учредил свое отделение — специальное акционерное общество в Литве, которое сразу же стало конкурировать с местными спичечными фабриками. Оно добилось установления определенной квоты для экспорта литовских спичек и монопольного права для треста Крейгера на поставку оборудования для спичечной промышленности. В 1930 г. литовское правительство передало тресту Крейгера монополию на изготовление спичек[30]. Еще в 1928 г. то же произошло и в Латвии. Латвийское правительство заключило с трестом Крейгера договор, по которому вся спичечная промышленность страны на 35 лет передавалась в руки шведско-американских монополистов за предоставление займа в размере 6 млн. долларов[31]. В Эстонии трест Крейгера перекупил все пять спичечных фабрик и учредил в 1928 г. акционерное общество «Спичечная монополия Эстонии». За предоставление монопольного права на производство спичек эстонское правительство получило от шведского коццерна 4 млн. эстонских крон и заем в размере 7 млн. крон. В интересах треста Крейгера были закрыты четыре спичечные фабрики и после соответствующей реконструкции продолжала выпуск продукции лишь одна отечественная фабрика — в Вильянди.

За инвестированные в их экономику иностранными монополиями капиталы Прибалтийские страны были вынуждены выплачивать этим мо-

---

26 «Lietuvos ūkis ir rinka», 1930, Nr. 2—4, p. 22.

27 Подсчитано на основании данных, приведенных в книге: *Meškauskas K.* Tarybų Lietuvos industrializavimas. Vilnius, 1960, p. 60.

28 «Lietuvos ūkis», 1923, Nr. 11, p. 44; 1926, Nr. 2, p. 52.

29 История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 505.

30 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4. Vilnius, 1961, p. 382—393.

31 История Латвийской ССР, т. 3, с. 251.

нополиям миллионные суммы. По далеко не полным данным, в Литве иностранный капитал в 1924—1934 гг. получил в виде процентов и дивидентов 66,4 млн. литов [32].

В торговле сельскохозяйственными продуктами господствовал национальный капитал. Растущая местная буржуазия охотно вкладывала свои капиталы в торговлю, прежде всего в торговлю сельскохозяйственными продуктами, оборудованием, минеральными удобрениями и т. п. Подобная коммерческая деятельность быстро приносила прибыль и не требовала больших капиталовложений. Во второй половине 20-х годов в Прибалтийских странах отмечалось интенсивное образование буржуазных кооперативов и акционерных обществ по продаже и экспорту сливочного масла, переработке и продаже мяса, зерна, льна, сахарной свеклы и т. п. В Литве единственным экспортером зерна был «Летукис» — союз сельскохозяйственных кооперативов. Через его руки проходило также 50% экспорта семян и 40% экспорта льна. Он был основным импортером сельскохозяйственного инвентаря и промышленного сырья, через него шло 100% импорта удобрений, 85% — соли, 50% — цемента, 27% — железа [33]. Кооперативные общества занимались не только экспортом и импортом, но и внутренней торговлей. Литовским акционерным обществом «Майстас» за период с 1923 по 1936 г. было продано мясных продуктов на 235 млн. литов за границей и на 67 млн. литов — на внутреннем рынке [34].

Монопольные объединения, финансируемые правительствами из государственной казны, осуществляли концентрацию основных и оборотных капиталов и укрепляли позиции крупной буржуазии, разоряя тысячи мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников и крестьян.

Главными импортерами сельскохозяйственных продуктов Прибалтики были Англия и Германия. Продукция Эстонии и Латвии в 20-х годах в основном шла в Англию, Литвы — в Германию. В 30-х годах положение изменилось: Литва увеличила экспорт в Англию, а Эстония и Латвия — в Германию. Так, в 1922 г. на долю Германии приходилось 3,9% всего экспорта Эстонии, на долю Англии — 78,7%; Литва в 1926 г. вывозила в Германию 46,9%, а в Англию — 17,4% всей экспортируемой продукции; Латвия в 1930 г. в Германию экспортировала 26,6%, а в Англию — 28,4% вывозимой продукции. Основная доля ввоза также поступала из этих стран. В 1930 г. 37,1% всего импорта Латвии приходилось на Англию и 8,5% — на Германию [35]. Литва основную часть необходимых товаров ввозила из Германии.

Такой односторонний характер торговых отношений давал Англии и Германии возможность диктовать Прибалтийским государствам условия торговли и виды продаваемых товаров, цены, количество вывозимой сельскохозяйственной продукции. Поступавшее, например, из Прибалтики в Англию сливочное масло на лондонском рынке продавалось по самым низким ценам.

Заметное оживление в экономику Прибалтийских стран внесла транзитная торговля Советского Союза с западноевропейскими страна-

ми через порты Балтики. Более тесные торговые связи с Советским Союзом Прибалтийские государства установили в конце 20-х годов. Местная буржуазия вынуждена была пойти на это из-за нараставших экономических трудностей. Советско-латвийский торговый договор, подписанный в 1927 г., стимулировал оживление в Латвии металлообрабатывающей промышленности, в частности производство велосипедов, сельскохозяйственных машин, электротехнического оборудования. В Литве благодаря заказам Советского Союза увеличился выпуск продукции деревообрабатывающей промышленности Клайпеды и кожевенных фабрик города Шяуляй. В 1928 г. через Литву было перевезено 73,6 тыс. транзитных советских товаров [36].

Дорожному строительству в Прибалтике уделялось слабое внимание. Однако основной причиной этого являлся не недостаток средств, а то обстоятельство, что вложенные в сооружение дорог капиталы не могли сразу приносить ощутимую прибыль. В Эстонии в 1928 г. был принят закон о расширении сети железных дорог, но в условиях наступившего вскоре экономического кризиса едва удалось справиться только с первой частью плана строительных работ (наряду с завершением узкоколейной линии Лелле — Пярну были проложены ширококолейная ветка Тарту — Петсери и узкоколейная — Рапла — Виртсу) [37]. В Литве некоторые узкоколейные железнодорожные ветки в начале 20-х годов были даже закрыты. Протяженность вновь проложенных до 1928 г. дорог составила лишь 114 км [38]. По развитию железнодорожной сети Прибалтийские государства занимали последние места среди капиталистических стран Европы.

Еще менее радужным было положение с шоссейными дорогами. В Литве, например, до 1928 г. было вновь проложено всего лишь 5 км шоссе (близ Паланги) [39].

Прибалтийские государства занимали последние места в Европе и по развитию автомобильного транспорта.

В силу того, что промышленность и сельское хозяйство не обеспечивали всех работой (в 1926 г. в Литве было около 9 тыс. безработных, в Латвии в среднем ежемесячно оставалось без работы 2794 человека, в Эстонии — 2145), определенная часть населения была вынуждена эмигрировать в Латинскую Америку, Африку, Австралию и т. д. Из Эстонии в 1925—1928 гг. эмигрировало в среднем ежегодно 2,5 тыс. человек [40]. Особенно значительной была эмиграция из наиболее слабораз-

---

32 «Tautos ūkis», 1934, Nr. 11, p. 290.
33 *Gregorauskas M.* Tarybu Lietuvos žemės ūkis 1940—1960 m. Vilnius, 1960, p. 25.
34 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 640.
35 *Деглав Ф.* Кто были подлинные хозяева буржуазной Латвии. Рига, 1947, с. 19.
36 «Lietuvos ūkis ir rinka», 1932, Nr. 9, p. 37.
37 *Гусарова В., Карма О., Лукин Г.* 100 лет железных дорог Эстонии. Таллин, 1970, с. 117—119.
38 «Lietuvos ūkis», 1928, Nr. 10, p. 325.
39 «Lietuvos ūkis», 1928, Nr. 12, p. 415.
40 Rahvastik ja tervishold Eestis. Tallinn, 1930, lk. 43.

витой в промышленном отношении Литвы. Так, в 1926 г. эмигрировавшие составили здесь 35,4% естественного прироста населения, в 1927 г. — 66,5%, в 1928 г. — 28,1%, в 1929 г.— 68,3%, в 1930 г.— 23,8%. Эмиграционные бюро выплачивали правительству Литвы за каждого эмигранта по 100 литов, в результате в казну ежегодно поступал примерно 1 млн. литов[41]. До мирового экономического кризиса из Литвы эмигрировало около 80 тыс. человек, а за весь период господства буржуазии — около 100 тыс.[41a] Буржуазные правительства поддерживали эмиграцию и даже высказывались за ее расширение. Для правящих кругов эмиграция являлась наилучшим способом сократить численность безработных и избавиться от революционно настроенных трудящихся.

Экономическая и политическая стабилизация буржуазных государств Прибалтики, за которую ратовала буржуазия, в силу господствовавших капиталистических отношений не могла быть продолжительной и устойчивой. Она была достигнута за счет постоянно усиливавшейся эксплуатации трудящихся масс и с помощью иностранного капитала. Экономические и политические бури, сотрясавшие весь капиталистический мир, неизбежно отражались на странах Прибалтики. Попытки буржуазии укрепить свое господство неизбежно вызывали усиление классовой борьбы. С целью подавления революционной активности трудящихся правящая буржуазия изыскивала новые формы укрепления своей власти.

В Литве до начала лета 1926 г. у власти стояла партия христианских демократов. Во время их правления буржуазная демократия ограничивалась все более и более, в стране продолжало сохраняться военное положение и террористический режим, жестоко преследовалась деятельность рабочих организаций. Клерикалы не оправдали надежд мелкой и средней буржуазии, так как игнорировали требования их политических партий. В результате на выборах в III сейм христианские демократы оказались в меньшинстве. Большинство мест в сейме получили ляудининки и социал-демократы, которые образовали летом 1926 г. коалиционное правительство.

Новое правительство под нажимом трудящихся масс выполнило некоторые предвыборные обещания, а также приступило к осуществлению программных требований своих партий. Были в определенной степени расширены свобода собраний, печати, слова, амнистированы политические заключенные, из государственных учреждений уволены некоторые реакционно настроенные служащие. Предпринимались некоторые меры по обеспечению безработных работой, совершенствованию системы народного просвещения, экономии государственных средств. У нелегальной Коммунистической партии Литвы появилось больше возможностей для работы среди народных масс, сложились более благоприятные условия для организации борьбы рабочего класса против эксплуататоров. В. И. Ленин указывал, что в капиталистическом обществе «демократия *не* устраняет классового гнета, а лишь делает

классовую борьбу чище, шире, открытее, резче... Чем более демократичен государственный строй, тем яснее рабочим, что корень зла — капитализм, а не бесправие»[42]. Рабочие Литвы, руководимые Коммунистической партией, усилили классовую борьбу против капиталистического угнетения, против власти буржуазии. Летом и осенью 1926 г. в городах произошли многочисленные забастовки рабочих, заставившие предпринимателей пойти на уступки. Таким образом, правительство ляудининков и социал-демократов не смогло преодолеть нараставшие в стране классовые противоречия. Его политика не обеспечила в сколько-нибудь заметной степени улучшения положения трудящихся масс. Были задеты интересы прежней правящей партии — христианских демократов. Правительство ляудининков и социал-демократов подробно ознакомило общественность с фактами хищения государственных средств бывшими министрами — клерикалами В. Пятрулисом и Ю. Пурицкисом. Следующей мерой, вызвавшей крайнее недовольство христианских демократов, было принятие правительством решения о прекращении с 1 января 1927 г. выплаты жалованья ксендзам.

Реакционные буржуазные круги принялись поносить парламентскую систему управления и всячески превозносить фашизм. Один из руководителей партии таутининков в сентябре 1926 г. в своей лекции открыто заявил, что в Литве нарастает угроза большевизма и что для устранения ее нужно последовать примеру Муссолини[43].

Внешней политикой ляудининков и социал-демократов были недовольны правящие круги иностранных капиталистических государств. Правительство ляудининков и социал-демократов 28 сентября 1926 г. в Москве заключило с Советским Союзом договор о ненападении. По ряду других вопросов внешней политики правительство мелкобуржуазных партий также придерживалось более позитивной линии, чем христианские демократы. Оно не признало буллы папы римского от 4 апреля 1926 г. об образовании литовской церковной провинции, не дало визы для приезда в Литву папскому представителю и т. п. В ведущих капиталистических странах Западной Европы в это время у власти находились правые реакционные партии, выступавшие против революционного движения и форсировавшие подготовку к войне с Советским Союзом. Ослабление позиций в странах, граничащих с Советским Союзом, вызывало у них тревогу. Недаром империалисты Запада поддерживали установление реакционной диктатуры Ю. Пилсудского в Польше летом 1926 г.

Политическое положение в Литве становилось все более напряженным. Реакция крупной буржуазии Литвы на сложившуюся в стране обстановку не замедлила сказаться. Осенью 1926 г. партия христианских

---

41 Lietuvos ūkis ir rinka, 1932, Nr. 9, p. 89.
41a Lietuvos TSR istorija, t. 3, p. 143.
42 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 126.
43 «Socialdemokratas», 14.X.1926.

демократов вместе с партией таутининков приступила к подготовке государственного переворота. При поддержке реакционной военщины и фашиствующих студентов эти партии в ночь на 17 декабря 1926 г. захватили власть в свои руки. После этого, фашистского по своей сути переворота, к власти пришли лидеры партии таутининков — наиболее реакционной политической группировки в Литве. Президентом стал А. Сметона, а кабинет министров возглавил А. Вольдемарас. Христианские демократы вошли в правительство и всячески поддерживали его деятельность. Но вскоре таутининки отстранили клерикалов, распустили сейм и в 1928 г. ввели новую конституцию, по которой вся власть концентрировалась в руках президента. В 1934 г. были запрещены все профсоюзы, а в 1936 г. — политические партии, за исключением таутининков.

Фашизм порождается определенной исторической обстановкой периода общего кризиса капиталистической системы, и в Литве его появление также было связано с кризисом власти буржуазии. С целью укрепления своего господства буржуазия изменила методы управления, перейдя от буржуазного парламентаризма к открытому насилию, установлению крайне реакционного террористического строя. Как еще в 1916 г. отмечал В. И. Ленин, для политической надстройки при монополистическом капитализме характерен поворот от демократии к политической реакции. «Капитализм вообще и империализм в особенности,— писал В. И. Ленин,— превращает демократию в иллюзию»[44]. В целом ряде стран Европы в период после первой мировой войны буржуазный демократизм, и без того уже ограниченный, формальный и лицемерный, в обстановке послевоенных экономических трудностей, роста мощного революционного рабочего движения и увеличения влияния коммунистов в общественной жизни был заменен реакционными диктаторскими режимами фашистского типа. При этом в Литве, как и в других капиталистических государствах, дорогу фашизму к власти своей раскольнической, предательской по отношению к рабочему классу политикой расчистили правые социал-демократы.

В Литве фашизм не имел широкой социальной базы. Партия таутининков была немногочисленной. Не случайно ни в I, ни во II сейме она не имела представителей и только в III сейм ей удалось протащить 3 депутата. В реакционной диктатуре литовской буржуазии отсутствовали некоторые классические проявления фашизма, характерные для Италии, Германии и других стран. Это объяснялось тем, что внутреннее и международное положение Литвы было иным, нежели в этих странах. Однако фашистская сущность установленного в Литве в 1926 г. режима со всей отчетливостью проявилась в методах защиты интересов крупной буржуазии, в жесточайшем терроре против коммунистической партии и рабочих организаций, в ликвидации легальной оппозиции и всех более или менее демократических организаций. Стремясь подорвать единство трудящихся, таутининки проповедовали национализм и шовинизм, превозносили Сметону как «вождя» нации,

прибегали к фашистской социальной демагогии, трубя о «единстве нации», «классовом мире» и т. д.

В Эстонии интересы буржуазии выражали коалиционные правительства. При этом правящие партии делили «государственный пирог» с учетом взаимных интересов. В экономической политике с 1924 г. основной упор делался на развитие сельского хозяйства.

В Латвии до конца 1926 г. у власти находился кулацкий Крестьянский союз. В обстановке нараставших противоречий между различными группировками буржуазии 19 декабря 1926 г. его сменили социал-демократы, но их правительство продержалось недолго, до 23 января 1928 г. Социальная демагогия, политика лавирования между пролетариатом и буржуазией быстро потерпела неизбежный крах. Социал-демократы лишились роли руководящей политической партии, и впоследствии им уже не удалось вернуть себе эту роль. Во главе правительства снова встал кулацкий Крестьянский союз, взявший курс на фашизацию общественного строя.

2. Экономический кризис. Углубление кризиса диктатуры буржуазии в Прибалтике (1930—1939 гг.)

Во второй половине 20-х годов страны Запада переживали экономический подъем. Экономика капиталистического мира продолжала развиваться до первого полугодия 1929 г. Неожиданным был крах, который наступил после резкого падения курса акций на Нью-йоркской бирже 24 октября 1929 г. Продолжавшееся падение курса акций вызвало на следующий день катастрофу, масштабы и последствия которой в то время никто еще не мог предвидеть. Разразился экономический кризис, кризис перепроизводства, самый тяжелый и глубокий за всю историю капитализма. Наиболее тяжело кризис переживали зависимые и полузависимые страны, на плечи которых капиталистические государства Западной Европы и США стремились переложить основные экономические трудности.

Для народного хозяйства Эстонии, Латвии и Литвы тяжелые последствия имел неурожай 1928 г. Начавшийся мировой экономический кризис принудил правящие круги Прибалтийских стран принять ряд оградительных мер против надвигавшихся хозяйственных трудностей. Прежде всего были увеличены пошлины на ряд импортных товаров. Одновременно буржуазные правительства стремились активизировать экспорт своих стран, не останавливаясь перед прямым демпингом на мировом рынке. Однако эти меры могли лишь смягчить проявления экономического кризиса, но не предотвратить его.

---

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 71.

Промышленному производству Прибалтийских стран был нанесен весьма ощутимый удар. Значительно сократилась внешняя торговля. Латвия, например, была фактически вытеснена с внешних рынков; в результате резкого падения цен на внешнем рынке экспорт промышленных товаров за 1929—1933 гг. снизился с 90 млн. до 18 млн. латов, или на 80%[45]. В Эстонии экспорт бекона в первой половине 1930 г. сократился на одну треть. С помощью государственных дотаций за счет трудящихся была, правда, достигнута стабилизация показателей объема сельскохозяйственной продукции, однако вследствие падения цен стоимость эстонской сельскохозяйственной продукции на мировом рынке за 1930—1933 гг. все же снизилась почти на 30%.

Важнейшей статьей эстонского экспорта явились лесоматериалы, вывоз которых в 1928 г. дал 21,5 млн. крон (17% всей суммы экспорта), а в 1931 г.— лишь 5,7 млн. крон (8% вывоза). Уже в конце 1929 г. ряд экспертных фирм обанкротился. В числе неплатежеспособных оказалось также основное учреждение, финансировавшее экспорт леса,— акционерный Тартуский банк. Санирование Тартуского банка с помощью английского Britisch Overseas Bank привело к тому, что 80% его акций перешло в руки последнего. В Латвии стоимость продукции деревообрабатывающей промышленности за время с 1929 по 1932 г. уменьшилась на 60,6%, химической — на 57,8%, металлообрабатывающей промышленности — на 25,8%[46]. Экспорт спичек за 1929—1933 гг. сократился в стоимостном выражении на 90%[47].

В ноябре 1930 г. в результате банкротства крупнейшего предприятия обувной и кожевенной промышленности в Эстонии обанкротился Дисконтный банк, тесно связанный с этой отраслью[48]. Следующий удар постиг акционерный Эстонский коммерческий банк. Его банкротство, происшедшее в январе 1931 г., послужило причиной появления множества вкладчиков у дверей крупнейшего коммерческого банка Эстонии — акционерного Кредитного банка, что представляло собой угрозу для всей существовавшей кредитной системы. Правительство в спешном порядке приняло решение, согласно которому государственный Долгосрочный банк гарантировал выполнение всех обязательств Кредитного банка[49]. В результате последовавшего за этим санирования Кредитного банка с помощью Долгосрочного банка бóльшая часть его акций перешла в руки государства. Вслед за этим правительство использовало активы Долгосрочного банка для санирования и других неплатежеспособных банков.

Глубокий кризис переживала также финансовая система буржуазной Латвии. Обороты акционерных банков за время с 1929 по 1933 г. упали на 70%, а вклады в них сократились на 57%[50].

Буржуазия Литвы перед лицом валютного кризиса и банкротств в крупнейших империалистических государствах в 1930—1931 гг. в срочном порядке изымала свои вклады из банков и других финансовых учреждений. При этом, боясь обесценения лита, вкладчики требовали выдачи своих сбережений иностранной валютой — долларами или

фунтами стерлингов. Банки Литвы оказались в тяжелом положении. На помощь им, подобно тому как это было в Эстонии, пришел Литовский акционерный банк. При этом по политическим причинам, из-за соперничества в борьбе за власть, было отказано в помощи кредитным учреждениям, принадлежащим деятелям партии христианских демократов. Один из их банков — Центральный банк землевладельцев в 1930 г. обанкротился. Та же участь постигла около 300 местных кредитных учреждений, которые объединял этот банк.

Несмотря на все усилия буржуазных правительств Прибалтийских стран, в условиях мирового экономического кризиса значительно ухудшилось общее хозяйственное положение, резко сократилось промышленное производство, снизился баланс внешней торговли. Хотя таможенные пошлины были повышены, это не предотвратило уменьшения государственных доходов. Зловещим признаком кризиса явилось оскудение государственной казны. В Латвии, например, валютные фонды за время с 1929 по 1933 г. сократились с 49,5 млн. до 2,7 млн. латов[51]. Кредиты для финансирования промышленности, сельского хозяйства и торговли предоставлялись банками за большие проценты. Многие заграничные фирмы неохотно и в ограниченных размерах давали кредиты торговым и другим обществам Прибалтийских стран.

В результате углубления мирового экономического кризиса в сентябре 1931 г. произошла девальвация английского фунта стерлингов, что привело к новым трудностям в экономике Прибалтийских стран. Ввоз товаров стал подвергаться еще большим ограничениям. В Эстонии, так же как и в Литве, правительство путем повышения пошлин осуществляло частичную монополизацию ввоза, частным фирмам стали выдаваться разрешения на ввоз лишь определенного количества товаров. Одновременно с целью расширения возможностей экспорта внешняя торговля стала вестись по принципу обмена товарами. Ценой падения оборота и создания возможностей для спекуляций за счет потребителя был достигнут активный внешнеторговый баланс.

При сравнении данных о внешней торговле Прибалтийских государств выявляются общие для них тенденции. С 1930—1931 гг. экспорт Эстонии, Латвии и Литвы резко падает. Кульминация падения приходится на 1932—1933 гг., затем намечается определенное оживление экспорта. Наиболее остро кризис в области экспорта проявился в Латвии, несколько слабее — в Литве, Эстонии он коснулся не столь зна-

---

45 Latvijas statistiskā gada grāmata. 1933, 166.lpp.

46 Darba statistika. 1932. Riga, 1934, 126.—127.lpp.; Latvijas statistiskā gada grāmata. 1929., 231.—233.lpp.

47 Latvijas statistiskā gada grāmata, 1933., 172.lpp.

48 «Vaba Maa», 9.XII.1930.

49 «Vaba Maa», 17.I.1931.

50 *Spreslis A.* Strādnieku kustība buržuāziskajā Latvijā pasaules ekonomiskās krīzes gados (1929.—1933.g.). Rīga, 1958, 39.lpp.

51 «Mēneša Biļetens», 1932, 2.lpp.; 1934. 4.lpp.

чительно. Импорт во всех странах сократился в еще более ощутимой степени.

Несмотря на резкое ухудшение хозяйственного положения, реакционные правящие круги буржуазных Прибалтийских государств отказывались от расширения торговых связей с Советским Союзом. Так, например, Латвия в 1929 г. экспортировала в СССР товаров на 40,1 млн. латов, в 1930 г.— на 35,1 млн, в 1931 г.— на 33,1 млн, в 1932 г.— на 14,2 млн. латов [52]. В 1932 г. торговый договор с Советским Союзом был денонсирован. В результате уже в 1933 г. латвийский экспорт в СССР составил лишь 1,2 млн. латов [53].

Империалистические круги Запада всячески старались препятствовать развитию торговли стран Прибалтики с Советским Союзом. В торговые договоры между Англией, Эстонией, Латвией и Литвой, подписанные в годы экономического кризиса, была включена так называемая «Балтийская клаузула», в которой содержалось утверждение, что поскольку в Советском Союзе происходит быстрый процесс индустриализации, то он «может стать конкурентом индустрии Соединенного Королевства»; поэтому британское правительство требовало, чтобы правительства Прибалтийских стран «не предоставляли преимуществ хотя бы таким группам советских товаров, в каких заинтересованы британские экспортеры» [54].

Для политики буржуазии Прибалтики во время экономического кризиса характерна линия, которой она придерживалась в отношении экспорта сельскохозяйственных продуктов. Вывоз сливочного масла зависел от мировых цен и, прежде всего, на рынках Германии и Англии. С октября 1929 по июль 1934 г. цена на этот продукт снизилась на 83,7—85,8%. Следовательно, рентабельность экспорта сливочного масла зависела от его количества. Буржуазная Латвия старалась разрешить эту проблему за счет демпинга. Если в 1929 г. экспорт масла составлял 14 830 т, то в 1932 г. он достиг 18 598 т. В то же время стоимость вывезенного масла уменьшилась соответственно с 58,77 млн. до 30,99 млн. латов. Разницу в цене государство покрывало дотациями,— конечно, за счет трудящихся. Экспортеры сливочного масла, т. е. кулачество, практически от кризиса не пострадали. В 1930—1932 гг. и первые месяцы 1933 г. буржуазное правительство Латвии выплатило экспортерам масла и бекона премий на сумму до 80 млн. латов [55]. При этом экспортные премии получили лишь 16% крестьян [56]; основная масса крестьян — середняки и особенно бедняки — находилась в ином положении. С 1930 по 1932 г. общее количество экспортированного из Латвии бекона сократилось с 1782 т. до 947 т, или на 45,5%, а в стоимостном выражении — на 76,3% [57].

Основные импортеры товаров стран Прибалтики — Англия и Германия диктовали им цены, которые были намного ниже, чем на мировом рынке. Так, цена экспортируемого литовского масла понизилась более чем в 5 раз, яиц — в 3 раза. Торговые фирмы и отдельные купцы жаловались в Палату промышленности и торговли Литвы, что цены на

яйца, льняное семя, птицу, кожу снизились настолько, что производство и транспортировка этих продуктов фактически себя не оправдывают. Поэтому экспорт их из Литвы в Англию почти совершенно прекратился[58]. Чтобы получить прибыль и реализовать продукцию, акционерные общества Литвы увеличивали количество экспортируемого масла и бекона. Когда же английское правительство с 1933 г. стало вводить беспошлинную продажу в Англии сельскохозяйственной продукции из стран Британской империи и ограничивать ввозимое из Литвы количество бекона, а Германия в связи с обострением отношений с Литвой из-за Клайпедского края прекратила в 1934—1935 гг. импорт литовских сельскохозяйственных продуктов, литовские экспортеры были вынуждены реализовывать их на внутреннем рынке по более низким ценам, в то время как стоимость покупаемых крестьянами промышленных товаров оставалась сравнительно высокой. Так, импортируемые товары стали дешевле на 1/3, а экспортируемые продукты — в 2—5 раз. При этом косвенные налоги в Литве за девять лет с 1922 по 1931 г. возросли более чем наполовину, а в годы кризиса стали еще больше. В 1931 г. косвенные налоги составили 28,3% всех доходов бюджета и непомерной тяжестью легли на плечи трудящихся[59]. Крестьяне Литвы увеличивали производство продукции для внешнего рынка не только путем повышения продуктивности животноводства и полеводства, но также за счет сокращения собственного потребления как своей продукции, так и промышленных товаров. Из официальной статистики видно, что продуктивность всех отраслей сельского хозяйства в годы кризиса росла. Однако трудности сбыта привели к тому, что акционерное общество «Майстас» фактически стало вынуждать крестьян ограничивать производство бекона. Для реализации крестьянами беконных свиней вводились лимитные карточки, которые выдавались хозяйствам в зависимости от размеров земельной собственности, что не всегда соответствовало интенсивности ведения хозяйства. Началась спекуляция карточками. Наблюдавшийся в Литве кризис перепроизводства сельскохозяйственной продукции ощущался вплоть до 1940 г.

Обострение кризиса в сельском хозяйстве сопровождалось ростом задолженности крестьянских хозяйств. Например, в Эстонии в 1932 г. она достигла 115 млн. крон. Число отягощенных долгами хозяйств составило 73 тыс.— половину их общего количества, причем 13 тыс. хозяйств в 1931 г. уже не были в состоянии выплачивать проценты по

---

[52] Latvijas statistiskā gada grāmata. 1933., 174.—175.lpp.

[53] Там же, с. 174—175.

[54] Центральный государственный архив Литовской ССР (далее — ЦГА ЛитССР), ф. 383, оп. 9, д. 6, л. 208.

[55] Latvijas Republikas IV Saeimas stenogrammas. VI sesija, 7. sēde 1933.g. 19.maijā, 227.lpp.

[56] Там же, с. 348.

[57] Latvijas statistiskā gada grāmata. 1933, 172.lpp.

[58] ЦГА ЛитССР, ф. 987, оп. 1, д. 55.

[59] «Lietuvos ūkis ir rinka», 1932, Nr. 9, p. 47—48.

долгам. В Латвии долги крестьянских хозяйств, главным образом средних и мелких, в 1929 г. достигали 189,8 млн. латов, а в 1932 г.— 268,2 млн. латов [60]. В результате в годы кризиса усилился процесс разорения малоимущих крестьян. С 1929 по 1933 г. в латвийской деревне разорилось 12 205 крестьянских хозяйств [61]. В Литве в 1931 г. с молотка было пущено 1136 крестьянских хозяйств, долги которых достигли 4,2 млн. литов, а в 1934 г. с молотка было продано 2508 хозяйств, задолженность которых составляла 7,7 млн. литов [62].

Экономический кризис вызвал резкое ухудшение положения трудящихся масс. В городах во время кризиса быстро росла безработица. В Латвии наибольших размеров она достигла в январе 1932 г., когда число безработных, по официальным данным, составило 43,5 тыс. человек [63]. В Эстонии в 1934 г. насчитывалось 34 тыс. безработных, а в Литве в 1933 г.— около 18 тыс. [64]. Следует отметить, что официальная статистика фактически не учитывала городских рабочих, занятых неполную рабочую неделю; к тому же в Литве официальная статистика по безработице вообще отсутствовала. Весьма значительная скрытая безработица, не находившая отражения в буржуазной статистике, существовала в деревне.

Всеобщего государственного обеспечения по безработице в Прибалтийских странах не было. Пособие получала только часть безработных интеллигентов. Основное внимание уделялось организации так называемых общественных работ. Но заработная плата там была мизерной, она не обеспечивала минимума жизненного уровня, к тому же и количество занятых на общественных работах людей было невелико. Организации общественных работ официально зарегистрированных безработных посылали в кулацкие хозяйства. При этом государство выплачивало хозяевам специальную сумму за каждого безработного. В случае отказа безработных ехать в деревню они исключались из списков на бирже труда и тем самым лишались реальной возможности получить вообще какую-либо работу. Так, в Риге в январе 1932 г. из списков безработных был исключен 4421 человек, в феврале — еще 3500 [65].

Наличие огромной резервной армии безработных давало буржуазии Прибалтийских республик возможность снижать заработную плату, продлевать или сокращать по желанию рабочий день, усиливать эксплуатацию, перекладывая всю тяжесть кризиса на плечи трудящихся. «Наступление буржуазии,— указывалось в решениях VIII съезда Коммунистической партии Латвии (1931 г.),— происходит в первую очередь за счет понижения жизненного уровня рабочих: снижения заработной платы, удлинения рабочего дня, увеличения норм выработки, ухудшения условий труда, урезывания законов о социальном страховании и т. д. и за счет увеличения бремени прямых и косвенных налогов, которые ложатся главным образом на плечи трудящихся города и деревни» [66].

Во время мирового экономического кризиса в странах Прибалтики в значительной степени сократилась номинальная заработная плата рабочих и служащих. В Латвии, например, с 1930 по 1933 г., по данным

официальной буржуазной статистики, она снизилась для квалифицированных рабочих на 29% и для неквалифицированных — на 23% [67]. Следует отметить, что в этих данных не учтена заработная плата частично безработных. Кроме того, участились случаи невыплаты и задержки заработной платы по разным причинам (в Латвии в 1930—1933 гг. в инспекции труда в связи с этим поступила 24 361 жалоба). Следует отметить, что во время кризиса, особенно в 1932—1933 гг., в Прибалтийских странах заметно упала реальная заработная плата городских рабочих.

Не в лучшем положении оказался и сельский пролетариат. В Литве заработная плата сельскохозяйственных рабочих в годы кризиса снизилась в 3 раза. В Латвии, по официальным данным, заработная плата батраков за время с 1929 по 1932 г. сократилась на 32,5% [68], хотя и осталась несколько более высокой, чем в Эстонии и Литве. В это время увеличился наплыв в Латвию сельскохозяйственных рабочих из других стран — Польши и Литвы, что вело к росту безработицы в деревне и падению заработной платы батраков. В 1929 г. количество приезжих батраков в Латвии составило 18 тыс., в 1931 г.—24 тыс. [69] Много рабочих — до 14 тыс.— отправилось из Литвы в Германию.

Буржуазия стремилась найти выход из экономического кризиса прежде всего за счет усиления эксплуатации трудящихся, что, в свою очередь, вызывало дальнейшее обострение классовых противоречий.

На процесс революционизирования трудящихся масс Прибалтики в годы экономического кризиса большое влияние оказывало то обстоятельство, что по соседству — в Советском Союзе успешно шло строительство социализма. СССР из аграрной страны превратился в индустриальную державу. Объем продукции крупной промышленности в 1932 г. более чем втрое превысил довоенный уровень и более чем вдвое — уровень 1928 г. Ее удельный вес в валовой продукции народного хозяйства вырос до 70%. Вступило в строй 1500 новых промышленных предприятий, была заново создана тракторная, автомобильная, химическая, авиационная промышленность [70]. В сельском хозяйстве Советского Союза в годы первой пятилетки в результате решительного поворота бедняцко-середняцких масс к социализму господствующее положение в деревне, прежде отсталой и нищей, заняли колхозы и совхозы. Из страны мелкокрестьянской СССР превратился в страну

---

[60] «Mēneša Biļetens», 1932, 647.lpp.
[61] «Mēneša Biletens», 1933, 131.lpp.; 1934, 158.lpp.
[62] Lietuvos statistikos metraštis, 1933, p. 136.
[63] Darba statistika. 1933. Rīga, 1934, 22.lpp.
[64] *Гайгалайте А. Ю.* Подъем рабочего движения в Литве в 1929—1934 годах. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1955, с. 3.
[65] Darba statistika. 1933, 22.lpp.
[66] История Латвийской ССР, т. 3, с. 339.
[67] Latvias statistiskā gada grāmata. 1933, 207.lpp.
[68] «Mēneša Biļetens», 1933, 293.lpp.
[69] Darba statistika. 1931., Rīga, 1933, 44.lpp.
[70] История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 3-е. М., 1967, с. 429.

крупного сельского хозяйства, в которой был ликвидирован эксплуататорский класс аграрной буржуазии. Успехи в строительстве социализма создали условия для коренного улучшения материального положения трудящихся. Рос культурный уровень населения, образовалась новая, советская интеллигенция. К социализму шли ранее угнетенные и отсталые народы национальных окраин, входивших в состав Советской страны. Многие из них строили основы социалистической экономики, минуя стадию капиталистического развития.

Строительство социализма в СССР происходило в период, когда капиталистический мир переживал глубокий кризис, тяготы которого ложились и на плечи трудящихся Прибалтийских стран. Превосходство социалистического строя над капиталистическим становилось для них все более очевидным. Об успехах страны Советов трудящиеся Прибалтики узнавали из советских газет, попадавших к ним разными путями, из передач советского радио. Эти успехи пропагандировались коммунистами стран Прибалтики в ходе повседневной агитационной работы, через подпольную печать и с помощью живого слова.

На фоне успехов социалистического строительства в СССР еще более резко вырисовывались классовые противоречия в капиталистическом мире, в том числе в Литве, Латвии и Эстонии, где они вели к назреванию политического кризиса.

В таких условиях произошли серьезные изменения в расстановке классовых сил в Эстонии, Латвии и Литве. Частая смена правительств свидетельствовала о неустойчивости политического строя. В Эстонии после многократной смены правительств (в одном лишь 1932 г. их сменилось четыре) в начале ноября 1932 г. во главе очередной правительственной коалиции встал К. Пятс. Государственное собрание наделило это правительство более широкими полномочиями, чем какое-либо из предшествовавших ему. Новое правительство выдвинуло широкую программу действий, однако никаких существенных мер, помимо увеличения налогов, так и не сумело предпринять. Следующее коалиционное правительство во главе с Я. Тыниссоном, представлявшее интересы средних слоев буржуазии, даже не наметило какой-либо экономической программы, а обещало лишь сохранить золотую основу кроны и ограничить вмешательство государства в экономику страны. Однако, уже спустя месяц после прихода его к власти,— в июне 1933 г.— крона была девальвирована на 35%.

В Литве, где власть с конца 1926 г. находилась в руках самой реакционной буржуазной партии — таутининков, в 1928 г. была принята новая конституция, узаконившая жестокую диктатуру, введенную после фашистского переворота 1926 г. Сейм вплоть до 1936 г. не избирался и бездействовал. Единственными выборными органами остались местные самоуправления, в которых также все более укреплялись таутининки, вытесняя христианских демократов, ляудининков и социал-демократов. В 1936 г. фашистское правительство в связи с забастовкой крестьян в Занеманье в 1935 г., усилением борьбы рабочих и ростом сил

антифашистского фронта издало новый закон о выборах в сейм, по которому кандидаты выставлялись советами самоуправлений. Премьер-министром до сентября 1929 г. был А. Вольдемарас, приверженец гитлеризма, руководитель наиболее оголтелых групп таутининков, впоследствии получивших название «вольдемаровцы». После отстранения от власти А. Вольдемараса, в котором президент видел опасного соперника, А. Сметона назначил главой правительства своего родственника Ю. Тубялиса. Состав кабинета министров почти не менялся до марта 1938 г.

В Латвии до выборов в IV сейм (начало октября 1931 г.) у власти находилось коалиционное правительство правых партий Г. Целминя, А. Берга и К. Ульманиса. Его политика, направленная на преодоление экономического кризиса путем все большей эксплуатации трудящихся масс, а также за счет мелкой и средней буржуазии, встречала растущее сопротивление. На выборах правое «Национальное объединение» А. Берга, выражавшее интересы крупной городской буржуазии, не получило ни одного мандата. Кулацкий Крестьянский союз потерял два мандата, социал-демократы лишились четырех мандатов. Важным результатом выборов в IV сейм явился успех революционных сил, за кандидатов которых (рабоче-крестьянский список) голосовало почти 70 тыс. человек[71]. На выборах стало очевидным укрепление позиций таких буржуазных партий, как «новохозяева» (лидер А. Блёдниек), «прогрессисты» (глава М. Скуениек) и «демократический центр» (руководитель П. Юрашевский), которые выступили с различными широковещательными демагогическими программами, предлагавшими пути выведения Латвии из кризиса. После выборов в 1931—1933 гг. у власти находились новохозяева и «прогрессисты», представлявшие интересы средней и мелкой буржуазии. Однако проводимая ими внутренняя и внешняя политика мало чем отличалась от политики прежнего правительства. Преодолеть экономический кризис в стране и стабилизировать политическое положение они так и не смогли. В области экономической и политической жизни правящие партии вели наступление на интересы трудящихся масс, расчищая путь к власти фашистской буржуазии. 21 ноября 1933 г. правительство А. Блёдниека на основе закона «Об охране республики» ликвидировало рабоче-крестьянскую фракцию сейма, лишив тем самым революционных рабочих и крестьян возможности участвовать в работе парламента.

Наиболее сильная буржуазная партия Латвии — Крестьянский союз — в годы кризиса и особенно после неудачи на выборах в IV сейм взяла курс на установление в стране открытого фашистского режима. Влияние этой партии было преобладающим в 30-тысячной военизированной организации айзсаргов[72]. В борьбе за власть Крестьянский союз соперничал с реакционной партией А. Берга, фашистскими группа-

---

[71] *Spreslis A.* Указ. соч., с. 107.

[72] *Rudevics A.* Fašistiskā diktatūra Latvijā (1934.—1940.). Rīga, 1961, 10.lpp.

ми Г. Целминя и Я. Штельмахера, с одной стороны, и с партиями средней и мелкой буржуазии (партии М. Скуениека, А. Блёдниека и П. Юрашевского) — с другой. Кроме того, Крестьянскому союзу приходилось считаться с социал-демократической партией — самой сильной в сейме.

С приходом гитлеровцев в 1933 г. к власти в Германии силы фашистской реакции во многих европейских странах, в том числе и прибалтийских, активизировались. Крестьянский союз осенью 1933 г. затеял широкую кампанию за изменение конституции, что вело к созданию условий для прихода фашистов к власти легальным путем. Руководство социал-демократов, верное своей тактике, которая вела к расколу рядов рабочего класса и сотрудничеству с буржуазией, в целях успокоения масс объявило, что изменение конституции еще не означает установление фашизма, и предложило свои услуги в разработке ее проекта. В декабре 1933 г. состоялась конференция Крестьянского союза. После нее эта партия стала в оппозицию по отношению к кабинету Блёдниека, с которым до этого сотрудничала. Подобным шагом Крестьянский союз развязывал себе руки для подготовки фашистского переворота.

Разразившийся в Эстонии в мае 1933 г. очередной правительственный кризис оказался более тяжелым, чем все предыдущие. В августе 1933 г. на всеобщее голосование был поставлен проект изменения конституции страны, который предусматривал создание института президента, представляющего высшую государственную власть. За проект, однако, проголосовало 49%, против — 51% избирателей. Но это не разрешило создавшегося кризиса.

Бессилие правительства, а также продолжающаяся коррупция среди членов господствующих партий усугубляли недовольство широких масс населения.

Тяжелый экономический и политический кризис использовали в своих целях деятели «Союза ветеранов», так называемые вапсы. Подобно немецким нацистам, с которыми поддерживали прямые контакты, они широко прибегали к демагогии и террористическим методам. Стремясь привлечь массы на свою сторону, эти представители фашиствующей эстонской буржуазии стали резко обличать царившую в Эстонии коррупцию. Вапсы предложили новый проект конституции, проведение которого в жизнь якобы должно было обеспечить дееспособность государственного аппарата. Наряду с этим вапсы обещали гарантировать рабочим свободу организаций, социальное обеспечение, а также издать закон о трудоустройстве, который устранил бы безработицу. Еще до этого вапсы демагогически разглагольствовали о необходимости улучшения положения рабочих в Эстонии и снижении цен на предметы потребления. Коммунистическая партия Эстонии и левые рабочие организации решительно выступили против изменения конституции. Коммунистическая партия разъясняла трудящимся демагогический характер вапсовского проекта конституции и предлагала социалистиче-

ской партии и центральному союзу рабочих объединений создать антифашистский единый фронт против наступления реакции.

Демагогия вапсов имела некоторый успех в слоях буржуазии. В октябре 1933 г. вапсовский проект конституции был поставлен на народное голосование. 14—16 октября 1933 г. за проект новой конституции проголосовало 77,8% избирателей. Результаты голосования свидетельствовали о том, что значительная часть населения поверила обещаниям вапсов. Итоги голосования воодушевили вожаков этой фашистской организации.

Новая конституция Эстонии вступила в силу 24 января 1934 г. Исполняющий обязанности старшины государства К. Пятс сформировал правительство. Предстояло проведение выборов нового старшины государства. Было очевидно, что из выдвинутых четырех кандидатов большинство голосов получит представитель вапсов. Опасаясь этого и не желая лишаться власти, К. Пятс совместно с главнокомандующим армией Ю. Лайдонером при поддержке войск и государственных служащих 12 марта 1934 г. совершил государственный переворот. Вожаки вапсов были арестованы, их организации — разогнаны, всю власть сконцентрировали в своих руках Пятс и Лайдонер. Таким образом, устранив ярых приверженцев германских фашистов в лице вапсов и совершив государственный переворот, К. Пятс и Ю. Лайдонер установили в Эстонии диктатуру крупной реакционной буржуазии. Установление террористического режима фашистского типа в Эстонии означало укрепление позиций государственно-монополистического капитала, что отвечало интересам крупной националистической буржуазии и ведущих монополистических объединений Запада.

Аналогичным образом развивались политические события в Латвии. С 3 по 8 мая 1934 г. в сейме происходило обсуждение проекта об изменении конституции. Лидеры Крестьянского союза с самого начала убедились, что большинство депутатов отклонит их предложения. Правда, за первый пункт проекта — об избрании президента не сеймом, а непосредственно избирателями — было подано 62 голоса против 27. Но за предложение предоставить президенту право распускать парламент голосовали только 19 депутатов Крестьянского союза. Были отклонены и другие важные пункты предложенного этой партией проекта об изменении конституции. Последнее чтение и окончательное принятие проекта об изменении конституции в редакции социал-демократов и представителей партий центра должно было состояться 18 мая. Руководство Крестьянского союза не стало дожидаться окончания дебатов в сейме, тем более что значительное количество депутатов решило 18 мая потребовать ухода правительства К. Ульманиса в отставку. Для своего оправдания Крестьянский союз прибег к демагогии, сыграв на опасениях, которые внушали общественности соперничавшие с ним фашистские группы легионеров и перконкрустовцев. Якобы с целью предотвратить некий подготовляемый ими государственный переворот правительство К. Ульманиса стянуло в Ригу и другие города

Латвии отряды айзсаргов и в ночь с 15 на 16 мая 1934 г. совершило фашистский переворот. Переворот был поддержан реакционной верхушкой армии, в то время как среди рядовых солдат и определенной части низших офицеров весьма сильными были антифашистские настроения [73].

В результате фашистского переворота в Латвии был ликвидирован парламентарный режим, разогнан сейм, запрещены все политические партии. Формально прекратил деятельность и Крестьянский союз, но фактически его лидеры во главе с К. Ульманисом встали во главе государства. В стране была установлена открытая террористическая диктатура наиболее реакционной крупной сельской и городской буржуазии. В мае — июле 1934 г. репрессиям были подвергнуты 2 тыс. человек, из них свыше 500 были заключены в Лиепайский концентрационный лагерь [74]. Фашистский террор обрушился не только на революционный авангард пролетариата, коммунистов, комсомольцев, многие из которых уже находились в тюрьмах, но и на наиболее прогрессивно настроенных социал-демократов. Преследованиям подверглись также некоторые ведущие деятели социал-демократической партии и других буржуазных партий и группировок, соперничавших с Крестьянским союзом. Вся политическая и экономическая жизнь в Латвии была поставлена под контроль фашистского правительства.

Первым шагом нового правительства Латвии было создание и укрепление фашистского административного аппарата. Из органов городского самоуправления были уволены все прогрессивно настроенные работники. Были ликвидированы уездные правления, их заменили уездными начальниками с подчиненным им аппаратом. В волостях были назначены лояльные по отношению к новому режиму волостные старшины. Правительство К. Ульманиса произвело также коренную чистку армии. На руководящие должности назначались лица, связанные с фашистской кликой.

Фашистское правительство выступило с демагогическим обещанием «освободить Латвию от ига партий», заявив, что оно стоит вне партий и классов во имя «обновления родины». Всячески пропагандировался лозунг «единой нации», превозносился «вождь» К. Ульманис. Для привлечения масс на свою сторону фашистское правительство широко применяло социальную демагогию, подкуп наиболее отсталых представителей рабочего класса. В социальной демагогии клика Ульманиса использовала опыт итальянских и германских фашистов. В 1936 г. по образцу фашистской Италии была начата организация профессиональных камер, которые якобы были призваны служить всему народу. Были созданы следующие камеры: промышленности и торговли, сельскохозяйственная, ремесленная, труда, культуры и искусства, профессий.

Установление фашистских режимов в Германии, а также в Эстонии и Латвии усилило действия реакции в Литве, где фашистская диктатура существовала уже более семи лет. Партия таутининков подавляла всякую инициативу народа в общественной жизни. С ростом

рабочего движения, укреплением влияния Коммунистической партии Литвы расширяли деятельность и рабочие профсоюзы, находившиеся на легальном и полулегальном положении. Постепенно рос авторитет левых профсоюзов, руководимых коммунистами. Фашистское правительство после безуспешных попыток с помощью демагогических мер задержать усиление профсоюзов перешло к открытому их разгрому. С 1932 г. власти постепенно стали закрывать революционные профсоюзные организации в Каунасе, а в 1934 г. вообще была запрещена деятельность профсоюзов в Литве. Революционные профсоюзы, руководимые коммунистами, ушли в подполье и оттуда руководили борьбой трудящихся. Больничные кассы, созданные после прихода к власти таутининков, активно защищали экономические интересы рабочего класса. Наступление на больничные кассы началось с 1931 г., когда представители левых рабочих, поддерживаемые коммунистами, стали получать в отдельных местах большинство на выборах в советы больничных касс. В 1934 г. правительство издало новый закон, согласно которому вся деятельность больничных касс и контроль над ними перешли в ведение министерства внутренних дел. Вместо рабочих профсоюзов и других организаций была создана фашистская палата труда, выборы в которую состоялись в 1936 г.

В области экономической политики фашистские режимы в Эстонии, Литве и Латвии повлекли за собой укрепление государственно-монополистического капитализма. Они провозгласили своей основной целью «оздоровление всей народнохозяйственной жизни» путем вмешательства государства во все отрасли народного хозяйства. Как утверждало правительство К. Ульманиса, это вмешательство должно было проводиться «на основе удовлетворения интересов всех классов». На самом же деле «оздоровление» означало не что иное, как наступление реакции в области внутренней политики, усиление монополистического капитала в экономике страны и открытое подавление революционного движения масс.

В конце 1935 г. кабинет министров Латвии принял закон, по которому с 1 января 1936 г. учреждался Государственный совет хозяйства. Перед ним ставились задачи претворять в жизнь принципы корпоративизма, объединять и координировать деятельность всех хозяйственных учреждений фашистского типа.

В Эстонии в 1934 г. для изучения экономических проблем был создан Конъюнктурный институт, в 1935 г. были учреждены Экономический совет и Национальный энергетический комитет, в 1936 г.— наделенный особыми полномочиями Комитет по организации топливного рынка. Вслед за этим последовало образование Комитета по рациона-

---

[73] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 536.

[74] *Дризул А.* Латвия под игом фашизма. Рига, 1960, с. 25.

лизации с одновременным созданием Комиссии биржи труда, а также Института природных богатств и др. Однако уже с первых шагов деятельности этих новых хозяйственных органов стало обнаруживаться тормозящее воздействие капиталистических отношений на развитие производительных сил. Так, Комиссия биржи труда уже после двухмесячной деятельности была вынуждена признать, что при существующей системе общее регулирование рынка немыслимо. Об этом свидетельствовала также практическая деятельность учрежденной в 1939 г. Комиссии по организации производства [75].

Эстонская буржуазия уделяла значительное внимание эксплуатации лесных и торфяных богатств страны, которые в основном принадлежали государству. В 1937 г. государственная лесная промышленность была реорганизована в государственное акционерное общество, оно располагало крупными государственными средствами и кредитами. Это общество должно было объединить в своих руках разработку леса, оно стало скупать лесоматериалы у частных владельцев лесных массивов. В городах были оборудованы склады по продаже топлива и лесоматериалов. Для строительства нового целлюлозного завода в Кехра было создано государственное предприятие «Эстонское лесное и целлюлозное акционерное общество». Такой же процесс происходил в торфяной промышленности. В 1936 г. государственная торфяная промышленность перешла в руки государственного общества «Эстонская торфяная промышленность», причем с целью расширения производственной базы основной капитал был значительно увеличен. Началось строительство брикетного завода в Тоотси, который явился первым такого рода предприятием в Прибалтике.

Государственная сланцевая промышленность Эстонии развивалась в основном за счет прибылей. В 1936 г. вступил в строй второй, в 1938 г.— третий завод сланцевых смазочных материалов. После этого началось строительство четвертого, самого мощного сланцеперегонного завода. Это предприятие стало ведущим и наиболее перспективным в эстонской сланцевой промышленности. Тем не менее противоречия, обусловленные наличием капиталистической частной собственности, во многом препятствовали развитию эстонской сланцевой промышленности, в частности организации научных исследований в области сланцевой химии.

В интересах крупной сельской и городской буржуазии Эстонии государство усиливало свое влияние в области кредита. В распоряжении государства имелся Эстонский банк, которому принадлежало право купли-продажи валюты. Таким образом, посредством Эстонского банка правительство имело возможность осуществлять руководство внешней торговлей и внешнеэкономическими связями. Наряду с этим ведущее место в обеспечении торгово-промышленной сферы долгосрочными кредитами принадлежало государственному долгосрочному банку и впоследствии (в сфере сельского хозяйства) — также Эстонскому сельскохозяйственному банку. В 1938 г. был создан новый государственный

банк «Центральная касса», деятельность которого сразу же стала быстро расширяться.

Усиление государственно-монополистического капитала происходило также и в Латвии. Фашистское правительство передало в управление государству ряд предприятий —«Латвияс коквилна», Лиепайская проволочная фабрика и др. Сильно сократилось число частных банков: в 1928 г. их было 19, а в 1938 г.— 5. В еще большей мере концентрация и монополизация имела место во внешней торговле. До фашистского переворота импортом занималось до 10 тыс. частных фирм, а после него — лишь 850. Широкого размаха достигло учреждение государственных монополий, которые вместе с акцизами — государственными косвенными налогами на товары широкого потребления — были одним из главных источников денежных доходов для фашистского правительства. Так, государственная спиртовая монополия дала в 1935 г. 20 млн. латов, сахарная монополия — 12 млн. латов, пошлины на ввоз — более 27 млн. латов [76]. Помимо существовавших государственных монополий по продаже сахара, льна и других продуктов были созданы новые монополистические объединения: «Бекона экспортс», «Секлу экспортс» и др. Крупные государственные экспортные монополии не только контролировали внешнюю торговлю, но и держали в своих руках внутренний рынок. Государственно-монополистический капитал поглощал мелкие и средние предприятия, усиливая свои позиции за счет мелкого производителя и торговца и в значительной степени также за счет буржуазии нелатышской национальности.

Ведущая роль в промышленности и торговле Литвы принадлежала капиталистическим объединениям или частным капиталистам, подавляющее большинство которых было нелитовского происхождения. Литовская буржуазия, вступившая в борьбу за усиление своего влияния на экономическую жизнь страны лишь в конце XIX — начале XX в., за неимением необходимых капиталов стала учреждать кооперативные и акционерные общества. Этот процесс продолжался и после ее прихода к власти.

Значение кооперации для литовской буржуазии В. Мицкявичюс-Капсукас, один из руководителей Компартии Литвы, характеризовал следующим образом: «Такой путь — через кооперацию мелких производителей к созданию крупных их объединений и акционерных обществ — и представляет собой основной путь развития капитализма в странах с мелкокапиталистическим ведением сельского хозяйства. В Литве, таким образом, создаются крупные капиталистические предприятия, охватывающие всю страну и выжимающие из нее соки в поль-

---

[75] *Карма О.* Государственно-монополистический капитализм — объективная предпосылка социалистической революции в Эстонии.— В кн.: От революции к революции. 1905—1940. Таллин, 1975, с. 205.

[76] *Дризул А.* Указ. соч., с. 48.

зу немногочисленной горстки крупных капиталистов и банкиров. Горстка заправил этих капиталистических предприятий и является фактическими правителями Литвы. Они определяют политику фашистской власти. Они — важнейшая опора фашистской диктатуры. *Власть Сметоны — Тубялиса представляет собой лишь исполнительный комитет этих капиталистов и банкиров»* [77].

Руководители правительства были тесно связаны с монополиями. Так, премьер-министр Ю. Тубялис, исполняющий одновременно обязанности министра финансов, являлся членом советов ряда акционерных обществ, в 1934 г. был председателем «Летукиса». Один из крупных деятелей партии таутининков Ю. Лапенас был председателем правления «Майстаса» и «Летукиса», членом советов Литовского банка и Банка кооперации. Активный организатор фашистского переворота, министр внутренних дел И. Мустейкис был одним из директоров Литовского банка. После прихода к власти таутининки отстранили от руководящих постов в кооперативных объединениях ляудининков и клерикалов. Руководство этими объединениями таутининки старались сосредоточить в руках представителей своей партии и инвестировали в них государственные капиталы. Правящая партия таутининков, подобно ее предшественникам, использовала государственные капиталы для создания как сугубо государственных, так и смешанных объединений и акционерных обществ. Особым покровительством в Литве пользовались смешанные общества. К 1 апреля 1931 г. общая сумма правительственного капитала, вложенного в акционерные общества, достигала 63 млн. литов[78]. Наиболее крупные капиталы были вложены в кредитные учреждения, прежде всего в Сельскохозяйственный банк (из всех акций на сумму в 50 млн. литов государству в этом банке принадлежало акций на 46,24 млн. литов), а также в Литовский банк.

Государственно-монополистический капитал стал шире проникать и в промышленность по переработке сельскохозяйственной продукции, начал преобладать в торговых обществах, обслуживавших сельское хозяйство. Со стороны властей предпринимались попытки упорядочить сельскохозяйственное производство. Было организовано распространение агрономических и ветеринарных знаний, вводились контроль для повышения продуктивности и качества продукции, а также регулирование ее реализации.

Позднее фашистская правящая верхушка Литвы руководство экономикой страны стала осуществлять, используя корпоративные организации — палаты сельского хозяйства, промышленности и ремесла, торговли, труда. При помощи этих учреждений правительство старалось регламентировать экономическую жизнь страны. В то же время с целью придать им авторитет таутининки пытались создать видимость, будто в них представлены интересы всех слоев занятого в производстве населения Литвы.

Зависимость экономики Прибалтийских государств от иностранных монополий в период 1934—1939 гг. не ослабевала, хотя фашистские пра-

вители широковещательно заявляли об оздоровлении национального капитала и росте его влияния в местной экономике.

Зависимость от иностранного капитала прежде всего проявлялась в существовании государственных внешних долгов, основной частью которых являлись военные долги. В 1939 г. Эстония по займам задолжала 120 млн. крон, Латвия — 155 млн. латов, а Литва в 1932 г. (в этот год внешний долг Литвы был максимальным) — 160,5 млн. литов. Долги и проценты предстояло выплачивать ежегодно, так как сроки выплаты некоторых займов были установлены в 20—25 лет.

Подчиненность иностранному капиталу состояла также и в том, что он занимал прочные позиции в акционерных обществах. В начале 1939 г. на долю иностранных фирм в Эстонии приходилось около 21,3%, в Латвии — 25,4%, в Литве (на 1 января 1940 г.) — 17,3% основного капитала важнейших акционерных обществ.

Среди форм зависимости следует назвать и кредиты, предоставлявшиеся иностранным капиталом торгово-промышленным предприятиям. В начале 1939 г. внешний кредит достигал в Эстонии 60,4 млн. крон (из них 43,3 млн. крон — в промышленности), в Латвии — 64,3 млн. латов (из них 45,2 млн. латов — в промышленности), в Литве — 35,7 млн. литов[79].

С наступлением мирового экономического кризиса иностранные монополисты перестали вкладывать свои капиталы в акционерные общества стран Прибалтики, поскольку это было связано с определенным риском и могло не принести желаемых прибылей. Вместо этого они перешли к предоставлению отдельным обществам долгосрочных кредитов, которые во второй половине 30-х годов стали расти.

В области внешней торговли Прибалтийским странам удавалось обеспечить активный баланс в первую очередь за счет ограничения ввоза. В 1931—1935 гг. таким путем в Эстонии был достигнут перевес экспорта над импортом в размере 42 млн. крон, что несколько увеличило резервы валюты в стране. Правда, в 1936—1938 гг. пассив внешней торговли Эстонии составлял 12 млн. крон. Причиной этого был импорт машин и оборудования, а также наступившие новые кризисные явления в экономике ведущих капиталистических стран, девальвация франка во Франции и национальной валюты в Швейцарии, Голландии, Латвии и других государствах. В Латвии в 1937 г. баланс внешней торговли был еще активным (29 5 млн. латов). но в 1938 г. стал уже пассивным.

В Литве правящие круги буржуазии в период 1935—1939 гг. старались сохранять активным баланс внешней торговли. Пассивным он был только в 1937 г., да и то в весьма незначительных размерах. Активный

---

[77] *Kapsukas V.* Buržuazinė Lietuva. Vilnius, 1961, p. 92.

[78] «Tautos ūkis», 1931, Nr. 5, p. 133.

[79] Lietuvos statistikos metraštis, 1939, p. 288.

4 Заказ № 2523

баланс поддерживался искусственными мерами, такими, например, как ограничение ввоза, повышение таможенных тарифов на импортные товары, установление лицензий и др.

Основными торговыми партнерами Эстонии в 1934—1939 гг. были Англия, Германия, США, Франция и другие страны. Латвия наиболее активные торговые связи поддерживала с Германией, Англией, Францией, Бельгией, США, Литва — с Англией и Германией. Особенно вырос внешнеторговый оборот Латвии и Эстонии с Германией, которая в 1934—1938 гг. усилила свою экономическую и политическую экспансию в Прибалтике, готовясь к войне с Советским Союзом.

Промышленность стран Прибалтики отличалась сравнительно низким техническим уровнем. Это служило причиной низкой производительности труда, что, в свою очередь, оказывало отрицательное воздействие на материальное положение трудящихся. В 1939 г. в Эстонии на одного рабочего приходилось продукции на сумму 3785 крон, в то время как в Швеции — на 11 тыс. крон, в Дании — на 14 тыс. и в США — на 23 тыс. крон [80]. В Литве один рабочий вырабатывал продукции на 4661 лит [81].

Прибалтийские страны не были в состоянии обеспечить рост производительности труда за счет технического оснащения предприятий. Поэтому расширение промышленного производства шло экстенсивным путем.

В Эстонии за период 1934—1939 гг. наибольшее развитие получили сланцевая промышленность и производство строительных материалов. В то же время вследствие ограничения вырубки лесов уменьшился объем производства лесообрабатывающей промышленности. В целом промышленное производство Эстонии за это время по сравнению с предыдущими годами увеличилось. Выросло число промышленных предприятий в основном за счет организации мелких и средних предприятий. Численность рабочих крупной промышленности на 1 июля 1934 г. составляла 32 924, а на 1 июля 1939 г.— 48 774 человек [82]. Стоимость промышленной продукции за это время удвоилась.

В Литве в 1934—1939 гг. также наблюдался рост промышленного производства. Стоимость продукции с 252,7 млн. литов в 1934 г. возросла до 533,1 млн. литов в 1939 г., число рабочих, занятых в производстве, увеличилось с 22 146 человек на 1 января 1934 г. до 37 651 человека на 1 января 1939 г. По сравнению с довоенным 1913 г. объем промышленной продукции в Литве увеличился всего лишь в 2,6 раза [83].

Прирост был достигнут благодаря тому, что в царское время промышленность в Литве была развита весьма слабо. Однако рост промышленных предприятий и производства за годы господства буржуазии не мог обеспечить занятости всего населения, поэтому литовское правительство вынуждено было поощрять эмиграцию.

Сходная картина наблюдалась и в Латвии. В 1934 г. в стране имелось 4288 предприятий, а в 1939 г. их насчитывалось 6067. Количество рабочих за данное время увеличилось с 70 835 до 97 506 [84].

Общий уровень промышленного производства вырос и был в 1938 г. таким же, как в 1913 г.[85]

Несмотря на слабое развитие промышленности, доходы капиталистов росли. Национальная буржуазия богатела за счет торговли, ростовщичества и др. Данные, свидетельствующие о росте доходов капиталистов, весьма красноречивы. В Риге, например, в 1934 г. проживали 3 человека, доходы каждого из них превышали 100 тыс. латов в год, а в 1938 г. их стало уже 37. Число капиталистов, получавших доходы в размере более 30 тыс. латов в год, только с 1935 по 1936 г. увеличилось с 354 до 593, а лиц, доходы которых составляли 50—100 тыс. латов,— с 15 до 35[86]. Таковы были реальные плоды господства фашизма в Латвии. Крупная буржуазия из года в год богатела и набирала силу, пользуясь всеми благами фашистского «неклассового» господства.

Трудящимся, в первую очередь рабочему классу, а также и подавляющему большинству народа фашизм принес резкое ухудшение материального положения, рост нищеты, усиление эксплуатации. Реальная заработная плата рабочих в Латвии уменьшалась с каждым годом, что не могли скрыть даже данные официальных статистических сборников. В течение 1934—1939 гг. возросли почти все без исключения цены на предметы первой необходимости. Если в 1934 г. общая сумма расходов на основные предметы прожиточного минимума составляла в Риге 216,9 лата, то в 1939 г.— уже 292,45 лата, т. е. увеличилась на 34,8%. Особенно ухудшилось материальное положение трудящихся в 1937 г. Увеличение время от времени заработной платы рабочих неизменно отставало от роста стоимости жизни.

Сельской буржуазии Прибалтийских стран в период господства фашизма при поддержке государства и в результате усиления эксплуатации батраков и малоимущих крестьян удалось поднять продуктивность своего хозяйства. В Эстонии в 1937 г. была реорганизована деятельность государственной хлебной монополии и создано новое государственно-монопольное предприятие — Государственные закрома, которые скупали по твердым ценам зерно и осуществляли монополию хлебного импорта и экспорта. Наибольшую выгоду получали крупные хозяйства, производившие основную массу товарного хлеба. Кулаки и часть наиболее зажиточных середняков стремились расширить посевы, увеличить поголовье скота, повысить урожайность зерновых культур. Посевы зерновых в Эстонии в 1934—1939 гг. возросли на 10%, повысился и валовой сбор зерна. Это позволило при среднем урожае покрывать потребности внутреннего рынка в зерне за счет собственной продукции.

---

[80] «Päevaleht», 8.V.1939.

[81] *Meškauskas K.* Указ. соч., с. 60.

[82] «Eesti Statistika», 1934, № 155, lk. 490; 1939, № 215, lk. 498.

[83] *Meškauskas K., Januškevičius V., Puronas V.* Lietuvos dabartis ir ateitis. Vilnius, 1973, p. 6.

[84] Statistiskā gada grāmata par 1939. gadu. Rīga, 1940, 198.—199.lpp.

[85] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 538.

[86] *Дризул А.* Указ. соч., с. 46.

В Латвии посевы зерновых, за исключением ячменя, за время с 1934 по 1939 г. также увеличились[87]. Потребность страны в хлебе с середины 30-х годов стала покрываться местным зерном.

В Литве заметно возросли площади под озимой рожью и яровой пшеницей, а также вико-овсяной смесью и ячменем. Это создало возможность удовлетворить потребности внутреннего рынка в зерне. Однако такой результат, достигнутый за счет государственной казны и потребителя, приносил выгоду лишь кулацким хозяйствам, у которых имелись большие посевные площади и оставалось зерно на продажу. Усиление экономических позиций сельской буржуазии не означало общего разрешения аграрного кризиса и преодоления социальных противоречий в деревне.

Развитие животноводства в странах Прибалтики зависело от возможностей экспорта. Важнейшей статьей экспорта по-прежнему оставалось сливочное масло, вывозившееся в Англию и Германию. Цены на масло на мировом рынке и после кризиса были относительно низкими. Для стимулирования производства масла и увеличения его вывоза за границу правительства Прибалтийских стран продолжали политику выдачи экспортных премий, получателем которых была сельская буржуазия. В Латвии только за 1934—1936 гг. государство выплатило экспортерам премий на сумму 100 млн. латов[88], в Литве — 126 млн. литов[89]. В интересах крупной буржуазии фашистские правители ввели также централизацию экспорта масла.

В Литве вывоз масла был централизован уже раньше и находился в руках объединения молочных обществ «Пеноцентрас». Государство выплачивало премии только за масло, экспортируемое через это объединение. В Латвии экспорт масла в 1935 г. также был сосредоточен в руках государственного монополистического объединения «Свиеста экспортс», причем цена экспортного масла обеспечивалась государством. Это же объединение получило в дальнейшем монопольное право на экспорт яиц. В Эстонии в 1936 г. был создан с правом монополии на экспорт молочных продуктов центральный союз молочных обществ «Выйэкспорт», который в дальнейшем стал направлять деятельность всей молочной промышленности. По мере совершенствования оборудования на молокоприемных пунктах происходила дальнейшая концентрация переработки молока.

Аналогичное положение наблюдалось и в мясной промышленности. В Эстонии в 1937 г. путем объединения скотобоен, работающих на экспорт, было создано объединение «Эстонский экспорт мяса» с правом монополизации экспорта. В Литве еще раньше было образовано акционерное общество «Майстас», в руках которого был сконцентрирован экспорт мяса. В Латвии было учреждено государственно-монополистическое объединение «Бекона экспортс», которое пользовалось монопольным правом на вывоз мяса.

Процесс монополизации происходил и в других отраслях производства. Так, в Латвии и Литве право на экспорт льна продолжительное

время находилось в руках государства. В Эстонии спор вокруг реорганизации экспорта льна продолжался многие годы. В 1939 г. он был также решен в пользу государственной монополии.

Для дальнейшего развития сельского хозяйства Прибалтийских стран требовалось повышение производительности труда. Решение этой задачи помимо других причин затруднялось и неблагоприятными природными условиями, в частности переувлажненностью почвы. Положение можно было исправить только с помощью обширных мелиоративных работ. Но для этого, во-первых, отсутствовал необходимый экономический потенциал, а во-вторых, препятствовала дробность земельных участков, обусловленная наличием частной собственности. Для мелких и большинства средних хозяйств проведение серьезных мелиоративных работ было непосильным делом. Работы, которые все же проводились государством, не могли решить эту проблему.

На крайне низком уровне находилось техническое вооружение сельского хозяйства. В несколько большей мере по сравнению с Литвой было механизировано сельское хозяйство Эстонии и Латвии. В Эстонии в 1939 г. насчитывалось 1792 трактора и 460 тракторных станций, 12 из которых принадлежали государству[90]. Эти станции в основном были мелкими, в их распоряжении находилось всего по 1—2 трактора. Министерство сельского хозяйства в 1939 г. приступило к созданию «образцовых» ремонтных мастерских. В Латвии в 1939 г. было 1296 тракторов[91].

В Литве при наличии очень высоких цен на сельскохозяйственные машины число тракторов сокращалось. В 1930 г. в сельском хозяйстве страны (без Клайпедского края) насчитывалось 490 тракторов, а в 1937 г. их количество сократилось до 434. По переписи сельскохозяйственного инвентаря в 1930 г. на 100 хозяйств приходилось 1,5 сеялки, 6 косилок, 6,3 конных грабель, 0,6 картофелекопалки, 15,4 молотилки. Сельскохозяйственная техника имелась главным образом только в крупных кулацких хозяйствах, показательных и частных имениях. С 1930 г. стали организовываться кружки по коллективному использованию сельскохозяйственных машин и орудий. Они создавались на кооперативных началах бедными крестьянами и действовали под наблюдением агрономов палаты сельского хозяйства, которая также предоставляла кружкам пособия на покупку машин (до 50% их стоимости). В 1930 г. имелось 34 таких кружка, в 1935 — 103, в 1939 г.— 135. Но это была капля в море: в 1935 г. кружки объединяли 939 членов, в них имелось 212 машин и орудий. Создавались также зерноочиститель-

---

[87] *Гулян П. В.* Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1967, с. 18.
[88] *Дризул А.* Указ. соч., с. 45.
[89] «Ekonomika», 1937, Nr. 2, p. 147.
[90] «Põllutöökoja Aastaraamat», VIII. Tallinn, 1940, lk. 71.
[91] *Жагар Э. А.* Организация и деятельность машинно-тракторных станций (МТС) и машинно-коннопрокатных пунктов (МКПП) в Латвийской ССР в 1940—1941 гг.— «Известия АН Латвийской ССР», 1970, № 6, с. 47.

ные пункты. В 1936 г. палата сельского хозяйства начала основывать на свои средства пункты проката конных орудий и машин по культивированию лугов и пастбищ. В 1939 г. действовало 142 таких пункта, располагавших 171 плугом, 157 специальными боронами и некоторыми другими орудиями. В 1937 г. появились машинно-тракторные пункты, но даже через два года в них был всего 21 трактор [92].

В 1934—1939 гг. уже в полной мере проявились социальные результаты буржуазных аграрных реформ в Прибалтийских странах. Класс кулачества окреп. Среди большого количества середняцких хозяйств, появившихся в результате реформы, происходил постоянный процесс дифференциации. Небольшая часть середняков выбивалась в кулаки, многие же крестьяне под натиском конкуренции и бременем долгов разорялись и пополняли ряды сельского пролетариата. Возникшие в результате буржуазной аграрной реформы мелкие хозяйства разорялись в еще большей степени. Убедительное свидетельство тому — сокращение их общего количества. В Латвии с 1935 по 1939 г. число хозяйств, владевших менее чем 1 га земли, сократилось на 4270, 1—5 га земли — на 2514 и 5—10 га земли — на 1515, в то время как число хозяйств с земельной площадью от 30 до 100 га возросло на 1074 [93]. Подобные процессы наблюдались в Эстонии и Литве. В Литве разорение мелких и средних хозяйств происходило в еще больших масштабах. В 1922 г. владельцы участков от 10 до 30 десятин составляли 62,3% всех землевладельцев, а в 1940 г.— лишь 40,5%. Землевладений площадью до 10 десятин в 1922 г. было 31,4%, в 1940 г. их стало 53,1%. Удельный вес владений площадью от 30 до 100 десятин вырос с 5 до 6,1% [94]. Концентрация земли не достигала высокой степени, но тенденция к этому за счет лишившихся земельных участков мелких крестьян была очевидной. Разоренные крестьяне пополняли ряды сельскохозяйственных рабочих, которых в Литве насчитывалось до 200 тыс.

Сельские пролетарии — сельскохозяйственные рабочие подвергались жесточайшей эксплуатации в кулацких хозяйствах. Орган ЦК Компартии Латвии газета «Циня» (№ 5 за 1939 г.) сообщала: «Рабочий день начинается на рассвете с половины четвертого утра и кончается вечером с наступлением темноты. На отдых остается 6 часов. Еда совсем плохая. Мяса кулаки не дают. Масла дают очень мало, и то по воскресеньям и праздникам. Кулаки держат сельскохозяйственных рабочих на положении животных. Зарплата составляет гроши. Весной, чтобы не умереть с голоду, сельскохозяйственные рабочие вынуждены идти на сплав леса» [95]. Заработная плата батраков в Латвии в 1938 г. равнялась 30—40 латам в месяц, что составляло 66% заработной платы в 1927 г., батрачек — 76%, пастухов — 59%. В Эстонии и Литве положение сельскохозяйственных рабочих было еще хуже, особенно в Литве, где имелся большой избыток рабочих рук.

Бытовые условия трудящихся в деревне были чрезвычайно тяжелыми. Проведя анкетный опрос 150 работающих женщин в 1936 году, студентка Дотнувской сельскохозяйственной академии отмечала, что в одной

комнате жили 4—5 человек, в кухне спали 37% всех опрошенных. Ботинки носили ежедневно только 2%, деревянные башмаки — 76%, остальные ходили в лаптях. Около 10% работниц не пользовались мылом. Мясо ежедневно ели только 2% опрошенных женщин [96].

Медицинская помощь для трудящихся деревни была почти недоступной из-за редкой сети медицинских учреждений и резкой нехватки врачей в сельской местности, а также высокой платы за лечение. В Литве, например, в 1935 г. было 672 врача, половина из которых (308) жила в Каунасе. Смертность женщин во время родов была высокой.

Жилищные условия рабочих городов и местечек были не лучше. Рабочие Каунаса, Шяуляй, Риги, Таллина и других городов селились преимущественно на окраинах, многим приходилось ютиться в переполненных квартирах, подвальных помещениях, бараках. Санитарные и бытовые условия в рабочих кварталах способствовали распространению инфекционных, особенно детских, болезней.

Таким образом, господство буржуазии в Прибалтийских странах принесло трудящимся новые тяготы и лишения. Установление фашистских режимов означало дальнейшее наступление государственно-монополистического капитала на трудящиеся массы города и деревни. Это привело к росту классовых противоречий, к развитию антифашистской борьбы. Удержать власть при помощи экономических реформ, регулирующих частное производство и реализацию продукции, буржуазии Литвы, Латвии и Эстонии не удалось.

В условиях общего кризиса капитализма, при господствующем положении монополистического капитала государство становится активной экономической силой и выполняет разносторонние хозяйственные функции. Буржуазные экономисты, историки и другие теоретики считают, что государственно-монополистический капитализм — это организованное руководство экономикой страны, доказывают, что он устраняет анархию производства, конкуренцию, безработицу и кризисы. На деле же государственно-монополистический капитализм не изменяет природы капитализма, отношения основных классов буржуазного общества к системе общественного производства, не улучшает положения пролетариата. Он еще более усугубляет пропасть между трудом и капиталом, между основным населением и монополиями. Государственно-монополистический капитализм объединяет силу монополий и силу государства в единый организм, цель которого — обогащение монополий, подавление революционного движения, спасение буржуазного строя. Попытки капиталистических государств регулировать экономику не устраняют до конца конкуренцию и анархию производства, не обеспечивают планового развития

---

[92] *Ефременко А. П.* Аграрные преобразования и начало социалистического строительства в литовской деревне в 1940—1941 гг. Вильнюс, 1972, с. 43—44.

[93] «Statistiskā gada grāmata», 1940, 106.lpp.

[94] *Gregorauskas M.* Указ. соч., с. 80.

[95] Цит. по: *Дризул А.* Указ. соч., с. 63.

[96] См.: «Tiesa», 9.II.1957.

хозяйства. Основой производства остается капиталистическая собственность и эксплуатация наемного труда.

Дальнейшая концентрация и обобщение производства, обострение до предела основного противоречия капитализма приближает его к гибели. «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, *есть преддверие его,* есть та ступенька исторической лестницы, между которой и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»[97],— писал В. И. Ленин.

*

Имевшее место в годы господства буржуазии в Прибалтийских странах определенное, хотя и весьма неритмичное развитие экономики могло быть достигнуто только за счет резкого усиления эксплуатации пролетариата, углубления расслоения крестьянства, разорения и обнищания беднейших и в значительной степени середняцких слоев деревни, а также в результате сокращения потребления самими производителями, особенно сельской беднотой, равно как и трудящимися города.

Экономика Прибалтийских государств зависела от конъюнктуры мирового капиталистического рынка. Местная буржуазия, стремясь приспособиться к ней, односторонне развивала хозяйство, в первую очередь производство сельскохозяйственных продуктов (мяса и молока). С целью регулирования производства буржуазия укрепляла влияние государственно-монополистического капитала в экономике.

Сращивание государственной власти с монополистическим капиталом отразилось и на политической системе управления Прибалтийских стран. Буржуазную демократию и коалиционное правительство заменили фашистские диктатуры. Своей политикой фашисты навлекли на себя гнев и презрение широких народных масс, которые все яснее осознавали необходимость свержения диктатуры буржуазии. Под руководством истинных и непоколебимых защитников интересов трудящихся — коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии — рабочие, сельскохозяйственный пролетариат, ремесленники и беднейшее крестьянство все активнее выражали готовность навсегда покончить с диктатурой буржуазии.

[97] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

3

Международное положение Прибалтийских государств (1920 г. — август 1939 г.)

Буржуазные государства Прибалтики в антисоветских планах мирового империализма (1920—1932 гг.) • Капитулянтская позиция эстонской, латышской и литовской буржуазии перед лицом экспансионистской политики фашистского рейха (1933—1937 гг.) • СССР — оплот мира и безопасности в Прибалтике (1933—1939 гг.)

1. Буржуазные государства Прибалтики в антисоветских планах мирового империализма (1920—1932 гг.)

Эстония, Латвия и Литва, в которых в результате совместных действий объединенных сил международного империализма и местной контрреволюции была свергнута Советская власть и установлена диктатура буржуазии, в 20-х годах находились в центре внимания мировой политики.

Расположенные в стратегически важном районе у западных границ Советского государства, Прибалтийские страны представляли для империалистических держав интерес прежде всего в военно-политическом плане. Империалисты рассматривали территорию этих стран как выгодный плацдарм. В них они видели возможных участников нового похода против Советской России. Буржуазные правительства Эстонии, Латвии и Литвы также были заинтересованы в более тесных связях с империалистическими державами, в частности для того, чтобы гарантировать себе их политическую и военную поддержку. Таким образом, Прибалтийские государства оказались в водовороте борьбы между капиталистическим и социалистическим миром.

Советское правительство в отношении Прибалтийских стран руководствовалось ленинской политикой мира. Отношения Советского государства с Прибалтийскими странами, как отмечал народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, были первым опытом мирного сосуществования государств с различным общественным строем [1].

Непосредственное участие в разработке взаимоотношений между Советской Россией и Прибалтийскими государствами принимал В. И. Ленин. В статье «Ленин и внешняя политика» Г. В. Чичерин писал: «Нам надо было считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружелюбных отношений с нашими соседями» [2]. Нормализация отношений с Прибалтийскими государст-

вами, а также с Польшей и Румынией была в то время одной из важнейших задач советской внешней политики. Это фактически означало бы обеспечение мира на западных границах Советской России. А мир был жизненно необходим Советской стране для окончательного закрепления революционных завоеваний и строительства социализма. Поэтому Советское правительство было заинтересовано в том, чтобы Прибалтийские государства не оказались вовлеченными в антисоветские акции — военные и политические — империалистических держав.

В. И. Ленин говорил, касаясь Прибалтийских государств: «Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас» [3]. Однако последовательная миролюбивая политика Советского правительства одержала победу над агрессивной антисоветской политикой лагеря империализма. Буржуазные прибалтийские государства, хотя их правительства и ненавидели Советскую республику, постепенно становились на путь нормализации отношений с ней.

В 1920 г. между Прибалтийскими государствами и Советской страной были подписаны мирные договоры. Этими договорами устанавливались основные принципы мирных взаимоотношений между ними. Советская Россия признавала самостоятельность и независимость Эстонии, Литвы и Латвии. Одним из важнейших условий этого признания было обязательство Прибалтийских стран не допускать использования их территории для агрессивных действий против Советской страны.

Прибалтийские государства добивались признания их самостоятельности также и западными державами. Но здесь они встретились с большими трудностями.

Империалистические державы все еще надеялись свергнуть Советскую власть путем новой вооруженной интервенции и в этой связи в своих официальных документах рассматривали страны Прибалтики как составную часть «единой и неделимой» России. В письмах государственного секретаря США Литовской тарибе от 15 октября 1919 г. и 7 февраля 1920 г., например, была выражена резко отрицательная позиция в вопросе признания Соединенными Штатами Литвы и других Прибалтийских стран, т. е. их отделения от России. Такая позиция США была подтверждена и в ноте государственного секретаря Кольби итальянскому правительству от 10 августа 1920 г. [4] Только в конце 1920 г., когда стало очевидным, что антисоветская вооруженная интервенция потерпела полный провал, страны Антанты изменили свою позицию. Вопрос о признании буржуазной Эстонии и Латвии был решен на заседании верховного совета Антанты 26 января 1921 г. Однако США продолжали занимать выжидательную позицию.

Литва признания пока не получила. Согласно планам французских империалистов, она должна была быть связана с буржуазно-помещичьей Польшей, прежде всего в военном и экономическом отношении. При этом Франция использовала в качестве своеобразной приманки и средства

нажима на Литву вопрос о Клайпедском крае, который по Версальскому договору был отделен от Германии, как литовская земля, но временно от имени стран Антанты управлялся Францией. Литве обещали Клайпедский край в случае заключения ею унии с Польшей. Только 20 декабря 1922 г. правительства Франции, Великобритании, Италии и Японии наконец признали Литву де-юре.

Эстония, Латвия и Литва Соединенными Штатами Америки были признаны лишь 28 июля 1922 г. Одновременно с этим американское правительство опубликовало официальное заявление, в котором разъяснялось, что признание Прибалтийских стран не означает нарушения принципа целостности территории России.

В начале 1923 г. Клайпедский край был воссоединен с Литвой. При окончательном международно-правовом урегулировании этого вопроса суверенитет Литвы над Клайпедским краем был признан, однако на условиях, серьезно затруднявших органическое включение края в состав Литовского государства [5].

Стремясь привлечь Эстонию, Латвию и Литву к участию в осуществлении своих антисоветских планов, империалисты Антанты в первой половине 20-х годов активно добивались создания военно-политического блока Прибалтийских государств. Особенно энергично в этом направлении действовало французское правительство, пытавшееся сколотить антисоветский блок всех западных соседей Советской России во главе с Польшей.

В августе — сентябре 1920 г. на конференции представителей Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, состоявшейся в Булдури (на Рижском взморье), было подписано соглашение о том, что участвующие в нем государства признают друг друга юридически, разрешат мирным путем все пограничные и территориальные споры и т. д. На конференции был разработан также проект военной конвенции. В статье 2 этого документа прямо указывалось, что военная конвенция направлена против Советской России. В случае военного конфликта между Россией и одним или несколькими участниками договора остальные его участники должны были объявить России войну и начать военные действия всеми вооруженными силами [6]. Таким образом, на Булдурской конференции были разработаны основы военно-политического союза Прибалтийских стран и Польши.

Однако происшедшее осенью 1920 г. обострение польско-литовского конфликта затруднило осуществление планов создания этого антисовет-

---

[1] См.: *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 135.

[2] Там же, с. 282.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 348.

[4] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920, vol. 3. Washington, 1936, p. 463—468.

[5] См.: *Ziugžda R.* Po diplomatijos skraiste. Klaipėdos kraštas imperialistinių valstybių planuose 1919—1929 m. Vilnius, 1973.

[6] См.: *Арумяэ Х.* За кулисами «Балтийского союза». Таллин, 1966, с. 88—89.

ского союза. 9 октября польские войска захватили столицу Литвы Вильнюс с окружающей территорией. Это решительным образом повлияло на дальнейшую внешнюю политику литовского правительства. Заключение союза Прибалтийских стран и Польши с участием Литвы стало невозможным.

Западные державы согласились с тем, что Вильнюс и прилегающий район остались под властью Польши. Только Советское правительство, оказывая поддержку Литве против польских агрессоров, продолжало считать этот район частью Литовского государства [7].

Особенно интенсивно дипломатические маневры с целью создания Балтийского союза велись в 1922 г. На конференции министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши в Варшаве (17 марта 1922 г.) было подписано политическое соглашение между четырьмя странами. В статье 7 соглашения указывалось, что в случае неспровоцированного нападения на любого из его участников они будут соблюдать благожелательную позицию по отношению к государству, подвергшемуся нападению, и согласуют немедленно меры, которые необходимо принять» [8]. Фактически соглашение было направлено против Советской России. Министерство иностранных дел Латвии отмечало, что указанную статью следует рассматривать как первый шаг к заключению военной конвенции [9]. Однако парламент Финляндии отказался ратифицировать соглашение. Попытка создания антисоветского Балтийского союза окончилась провалом.

Невзирая на провал Варшавского соглашения, правительства Польши и Прибалтийских стран продолжали переговоры о создании военного блока. Латвийское правительство, опасаясь доминирующего положения Польши в этом блоке и учитывая ее стремление присоединить юго-западную часть Латвии, считало желательным заключить сначала союз с Эстонией и Литвой. 1 ноября 1923 г. в Таллине был подписан эстонско-латвийский военно-политический договор. Он устанавливал, что его участники будут согласовывать свои действия в международных вопросах, а в случае необходимости оказывать военную помощь друг другу [10].

На совещаниях и конференциях Прибалтийских государств постоянно обсуждались также меры по дальнейшему усилению борьбы против распространения коммунистических идей и революционного движения. Политическая полиция Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии работала в тесном контакте. На конференции министров иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии в феврале 1924 г. в Варшаве был подписан секретный протокол о сотрудничестве в поисках эффективных средств борьбы за внутригосударственную «безопасность» против коммунистического движения [11].

Правительства Прибалтийских стран предприняли ряд шагов к тому, чтобы в случае необходимости обеспечить себе военную помощь Великобритании и Франции. Эстонское правительство неоднократно заявляло правительствам обоих государств, что их военные корабли будут в Таллине желанными гостями [12]. Таким образом, буржуазное правительство

Эстонии фактически предлагало английским и французским империалистам Таллинский порт в качестве военной базы. Английские военные суда регулярно посещали порты Прибалтийских стран.

После восстания эстонского пролетариата 1 декабря 1924 г. правящие круги Эстонии еще энергичнее старались укрепить связи с западными державами. Они обратились к английскому правительству с просьбой об оказании Эстонии моральной, дипломатической и материальной поддержки, подчеркнув, что в случае победы в Эстонии Советской власти было бы нарушено равновесие сил на Балтийском море, в результате чего пострадали бы интересы Англии.

В то же время эстонское правительство приумножало свои усилия в деле сколачивания блока Польши и Прибалтийских стран. В том же направлении энергично трудилась и польская, а также французская и английская дипломатия. На очередной конференции министров иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, состоявшейся 16—17 января 1925 г. в Хельсинки, польские и эстонские представители снова предложили заключить военный союз четырех стран, однако в связи с позицией Финляндии и Латвии и эта попытка потерпела провал. Больше единодушия проявилось на конференции в вопросе об укреплении сотрудничества четырех стран в борьбе против революционного движения трудящихся. Было решено систематически обмениваться информацией о деятельности местных компартий и Коминтерна [13]. В конце марта 1925 г. в Риге состоялось совещание представителей генштабов армии Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии.

Одной из важнейших причин срыва планов создания антисоветского польско-прибалтийского блока была последовательная борьба Советского правительства за мир в Прибалтике, за мирное сосуществование с Прибалтийскими государствами. Советские государственные деятели и дипломаты неоднократно подчеркивали глубокую заинтересованность Советской республики в том, чтобы поддерживать и развивать со странами Прибалтики добрососедские отношения. Следует отметить в этой связи указания, которые были даны 16 мая 1921 г. Г. В. Чичериным полномочному представителю РСФСР в Латвии Я. С. Ганецкому: «Политика Советского правительства в Прибалтийских государствах направлена на дальнейшее развитие и укрепление нынешних взаимовыгодных дру-

---

[7] *Navickas K.* TSRS vaidmuo ginant Lietuvą nuo imperialistinės agresijos 1920—1940 metais. Vilnius, 1966, p. 24.

[8] Материалы Генуэзской конференции. М., 1922, с. 49.

[9] *Сиполс В.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940 гг. Рига, 1968, с. 87.

[10] *Сиполс В.* Указ. соч., с. 93.

[11] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (далее — ЦГАОР ЭССР), ф. 957, оп. 12, д. 625, л. 3.

[12] ЦГАОР ЭССР, ф. 1583, оп. 1, д. 642, л. 198.

[13] ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 12, д. 712, л. 3.

жественных отношений и экономических связей с этими государствами»[14].

Трудящиеся Эстонии, Латвии и Литвы также были заинтересованы в установлении с советским народом возможно более широких и разносторонних связей. Народы Прибалтики в течение многих лет вместе с русским народом боролись против царизма. После Великой Октябрьской социалистической революции они в годы гражданской войны плечом к плечу сражались против контрреволюции и иностранных интервентов за Советскую власть. Отношения между ними характеризовались братской дружбой, подлинным пролетарским интернационализмом.

Позиция буржуазии Прибалтийских стран в отношении Советской России определялась прежде всего классовой ненавистью к ней. Буржуазию страшило революционизирующее влияние, которое Советское государство фактом своего существования оказывало на народные массы Прибалтики. Правящие круги Эстонии, Латвии и Литвы стремились воспрепятствовать установлению связей трудящихся Прибалтийских стран с советскими людьми. Буржуазная пропагандистская машина интенсивно занималась идеологической обработкой народных масс. Газеты были полны разнузданной антисоветской клеветы.

Вместе с тем существовали определенные факторы, и прежде всего экономические, предопределявшие известную заинтересованность буржуазных правительств Прибалтийских государств в определенной нормализации отношений с Советской страной. Деловые круги Прибалтики объективно были заинтересованы в поддержании экономических связей с Советской Россией. Немалые доходы мог дать народному хозяйству Прибалтийских стран транзит советских экспортных и импортных товаров.

Советское правительство со своей стороны проявляло серьезные намерения в развитии экономических связей с Прибалтийскими странами, а также в транзите по их железным дорогам и через их порты советских товаров. Кроме того, установление и расширение экономических связей могло содействовать улучшению и политических отношений.

В связи с созывом весной 1922 г. в Генуе международной конференции правительства Прибалтийских государств, а также Польши были обеспокоены стремлением Франции потребовать от них на конференции уплаты части долгов бывших правительств России. Поэтому Польша, Латвия и Эстония приняли предложение Советского правительства о созыве специальной конференции в целях согласования их позиций по вопросам, которые должны были обсуждаться в Генуе. Литва отказалась участвовать в конференции, поскольку на ней будут присутствовать представители Польши. На конференции, состоявшейся 29—30 марта 1922 г. в Риге, по предложению советской делегации было предусмотрено создание вдоль границ государств, участвующих в конференции, зон, в которых находились бы ограниченные и равные для обеих сторон количества войск. Было принято решение «поддерживать принцип ограниче-

ния вооружений во всех государствах». Что касается бывших долгов России, то советская делегация заявила о готовности РСФСР взять на себя все обязательства, связанные с этими долгами, т. е. об освобождении Польши и Прибалтийских государств от уплаты падавшей на них доли. Конференция высказалась за содействие свободному развитию международных экономических и финансовых отношений[15]. Рижская конференция показала совпадение интересов Советской России и Прибалтийских государств по ряду существенных вопросов, равно как и возможность плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества между ними.

В целях дальнейшей нормализации и улучшения отношений со своими западными соседями, а также укрепления мира в Восточной Европе вообще Советское правительство 12 июня 1922 г. сделало правительствам Финляндии, Эстонии Латвии, Литвы и Польши, а затем и Румынии предложения о пропорциональном сокращении вооруженных сил и созыве с этой целью в Москве специальной конференции. За время, истекшее после гражданской войны и иностранной интервенции, Советское правительство осуществило значительное сокращение своих вооруженных сил. Если в декабре 1920 г. в Красной Армии насчитывалось 5300 тыс. человек, то в середине 1922 г. под ружьем в Советской России осталось всего 800 тыс. человек[16]. Советское правительство было готово пойти на дальнейшее существенное сокращение своих войск при условии, что сократят свои вооруженные силы и его западные соседи. Буржуазные правительства Прибалтийских государств сочли сокращение своих войск нежелательным. Но они не посмели отклонить проникнутое миролюбием советское предложение и согласились участвовать в конференции, заранее решив уклониться от принятия на ней каких-либо конкретных предложений о сокращении вооруженных сил[17].

Конференция по разоружению открылась в Москве 2 декабря 1922 г. В ней принимали участие представители Советской России, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Глава советской делегации М. М. Литвинов предложил: сократить в течение полутора-двух лет вооруженные силы участвующих в конференции государств на 75 %; ограничить военные бюджеты; ликвидировать военные формирования нерегулярного характера, состоящие из гражданского населения; создать нейтральные пограничные зоны[18]. По вине буржуазных правительств Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии соглашение о разоружении не было подписано.

Тем не менее очередная мирная инициатива Советского правительства все же принесла определенные плоды. Советское государство еще

---

[14] Документы внешней политики СССР, т. 4. М., 1960, с. 126.

[15] Документы внешней политики СССР, т. 5. М., 1961, с. 174—175.

[16] «Правда», 1922, 5 ноября.

[17] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313д, оп. 3, д. 53, л. 134—135.

[18] Документы внешней политики СССР, т. 6. М., 1962, с. 24—26.

раз наглядно продемонстрировало свое искреннее миролюбие. Конференция способствовала разоблачению клеветнических утверждений о мнимой агрессивности Советской России, которыми империалистические круги пытались обосновать свои попытки сколотить антисоветский польско-прибалтийский блок и другие предпринимавшиеся ими враждебные меры в отношении Советского государства.

Новым важным этапом во взаимодействиях СССР с Прибалтийскими государствами и Польшей было советское предложение осенью 1923 г. о заключении протокола о ненападении и нейтралитете.

Узнав об этом, Франция и Англия предприняли попытки сорвать его осуществление. Особую активность проявляло при этом французское правительство, заинтересованное в том, чтобы у Польши были развязаны руки для возможных действий как против Германии, так и против Советского Союза. Под давлением французских и английских империалистов правительства Прибалтийских стран уклонились от принятия советского предложения, вновь продемонстрировав свою зависимость от империалистических держав Запада.

В 1925 г. правительство СССР выступило с новой инициативой — заключить с Прибалтийскими странами договоры о ненападении с целью укрепления мира в Восточной Европе. Правительства Англии и Франции и на этот раз стремились сорвать переговоры или по крайней мере не допустить двусторонних переговоров между этими странами и СССР. Под их влиянием Прибалтийские государства стали всячески затруднять переговоры. Правительства Эстонии, Латвии и Финляндии заявили 5 мая 1926 г. о своем согласии лишь на заключение многостороннего договора с участием всех Прибалтийских стран. Только в августе 1926 г. они, наконец, согласились начать с СССР двусторонние переговоры.

Более конструктивной оказалась позиция Литвы, так как в связи с конфликтом между нею и Польшей она была заинтересована в поддержке со стороны СССР. На совещании у президента А. Стульгинскиса было констатировано, что «благоприятное для Литвы решение вильнюсского вопроса вряд ли было бы возможным без благожелательного отношения со стороны России» [19]. Польская реакция после переворота Пилсудского предприняла в 1926 г. новые провокации против Литвы. В оккупированный Польшей Вильнюсский край начали стягиваться польские войска. Стали выдвигаться требования о восстановлении Польши в границах Речи Посполитой 1772 г., т. е. о присоединении к ней всей Литвы. Перед лицом непосредственной угрозы нападения со стороны Польши правительство Литвы, в состав которого входили в то время ляудининки и социал-демократы, заявило о своей готовности заключить с СССР договор о ненападении.

Советское правительство, выступив в поддержку литовского народа, решительно предупредило Польшу насчет ее военных приготовлений. Литовский посланник в Париже П. Климас сообщал в Каунас: «...заявление Чичерина и советской печати, что Россия никоим образом не сможет

примириться с агрессией против Литвы или с польской гегемонией в Литве, нашло глубокий и очень широкий отклик среди общественности Европы» [20].

Несмотря на противодействие литовской реакции, переговоры Литвы с СССР были успешно завершены. 28 сентября 1926 г. в Москве между двумя странами был подписан договор о ненападении и нейтралитете. В переданной в тот же день руководителю литовской делегации ноте Советское правительство вновь подтвердило, что признает Вильнюс и Вильнюсский край территорией Литвы [21].

После заключения договора о ненападении между СССР и Литвой были начаты экономические переговоры. Однако в связи с происшедшим в Литве 17 декабря 1926 г. фашистским переворотом они были прерваны. Только 24 сентября 1928 г. было заключено (путем обмена нотами) временное торговое соглашение, предусматривавшее применение в торговле между двумя странами принципа наибольшего благоприятствования.

В октябре 1926 г., т. е. после подписания советско-литовского договора о ненападении, начались советско-латвийские переговоры. Однако буржуазное правительство Латвии не проявило подлинной заинтересованности в улучшении отношений с СССР, и переговоры сильно затянулись, а в декабре в связи с правительственным кризисом в Латвии были прерваны. С приходом к власти так называемого левого правительства переговоры в середине января 1927 г. были возобновлены. Наконец 9 марта 1927 г. был парафирован советско-латвийский договор о ненападении [22]. 2 июня 1927 г. между СССР и Латвией было подписано торговое соглашение.

Эстонское правительство, только что получившее в Лондоне крупный заем, не проявляло желания заключать договор о ненападении с СССР и вместе с Англией пыталось помешать улучшению отношений Латвии с Советским Союзом. Реакционным кругам Латвии, шедшим на поводу у западных держав, удалось сорвать подписание советско-латвийского договора о ненападении, парафированного в марте 1927 г.

27 августа 1928 г. в Париже был подписан пакт об отказе от войны как орудия национальной политики. Но ни Прибалтийские государства, ни СССР к участию в переговорах приглашены не были. Им было предложено, если они этого пожелают, присоединиться к пакту после его подписания. Присоединение Прибалтийских стран и Советского Союза к пакту было вскоре оформлено. Однако стало очевидным, что ратификация пакта его участниками, а тем самым и вступление его в силу задерживаются. В таких условиях, стремясь к упрочению мира в Восточной Европе, Советское правительство в конце декабря 1928 г. выступило

---

[19] Центральный государственный архив Литовской ССР (далее — ЦГА ЛитССР), ф. 383, оп. 7, д. 711, л. 259.

[20] ЦГА ЛитССР, ф. 383, оп. 7, д. 656, л. 709.

[21] Документы внешней политики СССР, т. 9. М., 1964, с. 446—448.

[22] Документы внешней политики СССР, т. 10. М., 1965, с. 76—78.

с инициативой о досрочном введении в силу этого пакта между СССР, Польшей и Прибалтийскими государствами. 9 февраля 1929 г. в Москве состоялось подписание протокола о досрочном введении в действие Парижского пакта об отказе от войны как орудия национальной политики. Протокол подписали представители СССР, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии. Литва присоединилась к протоколу 5 апреля 1929 г.

В 1929—1933 гг. весь капиталистический мир был охвачен экономическим кризисом небывалой разрушительной силы. Мировой экономический кризис обусловил значительные изменения в международных отношениях. Обострились противоречия между капиталистическими державами. В правящих кругах Западной Европы и США снова усилились антисоветские тенденции. Во многих странах были организованы антисоветские кампании, разжигалась демагогическая шумиха о «советском демпинге», о мнимом преследовании религии в СССР и т. п., раздавались призывы к «крестовому походу» против Советского Союза.

Несмотря на эти антисоветские акции империалистов, в годы мирового экономического кризиса международный авторитет Советского Союза значительно возрос. Успехи в строительстве социалистического общества, выполнение первого пятилетнего плана доказали всему миру жизненную силу социалистического государства. Под давлением экономического кризиса деловые круги ряда капиталистических стран начали искать возможности расширения торговых связей с Советским Союзом.

Эти противоречивые тенденции по отношению к Советскому Союзу не замедлили обнаружиться и во внешней политике Прибалтийских государств. В первый период экономического кризиса правящие круги Эстонии и Латвии оказались в фарватере антисоветской политики западных держав. Печать этих стран была полна антисоветских клеветнических измышлений. Рижские и таллинские газеты распространяли провокационные слухи западного происхождения, а также публиковали антисоветскую стряпню собственного сочинения.

Что касается Франции, то в начальный период мирового экономического кризиса, пока он еще ее не коснулся, французское правительство по-прежнему занимало резко антисоветскую позицию. Однако с весны 1931 г., когда Франция оказалась в тисках жесточайшего экономического кризиса, ее отношение к Советскому Союзу стало постепенно меняться. Франция остро нуждалась в рынках сбыта, и деловые круги начали настойчиво требовать нормализации экономических отношений с СССР. Вопрос о новой интервенции против СССР со стороны Франции и ее союзников оказался снятым с повестки дня. Переоценка французским правительством своей внешней политики предопределялась и тем, что на границах самой Франции снова появилась серьезная опасность в лице возрождающегося германского милитаризма. Если в прежние годы правящие круги Франции решительно отвергали неоднократные предложения Советского правительства о заключении договора о ненападении, то в апреле 1931 г. Франция изъявила готовность начать переговоры по этому вопросу. 10 августа советско-французский договор о ненападении

был парафирован. Учитывая свои союзнические отношения с Польшей, французское правительство считало необходимым подписание также советско-польского договора о ненападении. Оно стало теперь высказываться за заключение договоров о ненападении между СССР и Прибалтийскими государствами [23].

Советско-латвийские переговоры начались в январе 1932 г. в Риге. Советский представитель, член коллегии Народного комиссариата иностранных дел Б. С. Стомоняков заявил, что Советское правительство готово незамедлительно подписать договор о ненападении, парафированный еще в 1927 г. Однако латвийская делегация отказывалась принять текст этого договора даже за основу и представила новый проект. Наконец 5 февраля 1932 г. советско-латвийский договор о ненападении был подписан.

Переговоры о заключении советско-эстонского договора затянулись. Эстонское правительство только тогда серьезно задумалось над заключением пакта о ненападении, когда переговоры Советского Союза с Польшей, Финляндией и Латвией пришли уже к завершению. Министр иностранных дел Я. Тыниссон в одном из своих писем сетовал, что соседние страны слишком поспешили с подписанием пакта и что правительство Эстонии не может оставаться в этом вопросе в изоляции [24]. Договор о ненападении между Советским Союзом и Эстонией был подписан в Москве 4 мая 1932 г.

Заключение советско-латвийского и советско-эстонского пактов о ненападении способствовало дальнейшей стабилизации положения в Прибалтике.

Экономические связи между Советским Союзом и Прибалтийскими странами в годы кризиса несколько расширились. Это способствовало некоторому смягчению в Прибалтийских странах последствий кризиса. Так, в 1929—1930 гг. в Латвии над выполнением заказов СССР трудилось 20 тыс. человек [25]. В Советский Союз в те годы направлялось около половины латвийского экспорта промышленных изделий. Расширились экономические связи между Советским Союзом и Литвой [26]. Советско-эстонский торговый договор, заключенный в 1929 г., также на какое-то время способствовал оживлению экономических связей между двумя странами.

Зависимость стран Прибалтики от западных держав оказывала, однако, определяющее воздействие на их экономические отношения с Советским Союзом. Так, осенью 1932 г. начались переговоры о заключении нового советско-латвийского торгового соглашения. Торговые круги Латвии были очень заинтересованы в нем. Но одновременно велись англо-

---

[23] Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), ф. 38д, оп. 22, д. 123, л. 272—275.

[24] ЦГАОР ЭССР, ф. 3828, оп. 1, д. 2, л. 67.

[25] История Латвийской ССР, т. 3. Рига, 1958, с. 329.

[26] Lietuvos TSR istorija, t. 3. Vilnius, 1965, p. 243.

латвийские торговые переговоры, в ходе которых английское правительство потребовало ограничения ввоза в Латвию некоторых советских товаров. 20 декабря 1932 г. министр иностранных дел К. Заринь направил латвийским представителям в Москве письмо, в котором подчеркивал, что Латвия должна учитывать требования английского правительства. «Это относится,— указывалось в письме,— главным образом к нефтепродуктам, в чем Англия так сильно заинтересована и угрожает применением репрессий, если мы не учтем их интересы» [27]. Под давлением англичан латвийское правительство прервало переговоры с СССР.

В годы кризиса в Эстонии и Латвии возросло экономическое и политическое влияние Германии. Реакционные круги Германии начали вынашивать захватнические планы относительно Прибалтики. Особенно волновала общественность Прибалтийских стран возраставшая роль гитлеровцев в общественно-политической жизни Германии. Ведущая газета Эстонии «Пяэвалехт», указывая в передовой статье на усиление позиций национал-социалистов в Германии, подчеркивала, что германское правительство ничего не делает для обуздания их военной пропаганды и что Германия становится очагом войны [28]. Правительства Прибалтийских стран получали из Германии подробную информацию о планах немецких правых кругов, особенно гитлеровцев. В ноябре 1932 г. латвийская миссия в Берлине сообщала в Ригу, что консервативные немецкие круги «отнюдь не примирились с самостоятельностью новых государств» и что Гитлер выступает за «распространение германского господства на восток» [29]. Это означало, что над Прибалтикой вновь нависла опасность германской агрессии.

2. Капитулянтская позиция эстонской, латышской и литовской буржуазии перед лицом экспансионистской политики фашистского рейха (1933—1939 гг.)

Приход фашистов к власти в Германии в конце января 1933 г. означал установление кровавой террористической диктатуры наиболее реакционных сил страны. Вместе с тем в ранг государственной политики были возведены планы территориальной экспансии, подготовка к агрессивной войне за мировое господство. Так, в центре Европы образовался крайне опасный очаг войны.

Составной частью агрессивных планов германского фашизма и милитаризма был захват Прибалтики, уничтожение, высылка и, частично, онемечивание местного населения, переселение в Прибалтику немцев, с тем чтобы навсегда превратить ее в составную часть фашистского рейха. На первых порах, не будучи еще в состоянии действовать вооруженным путем, гитлеровцы решили осуществлять свои планы другими имевшимися в их распоряжении средствами.

Важнейшее место среди них отводилось немцам, проживавшим в Прибалтийских странах, многие из которых с восторгом встретили фашистский переворот в Германии и возрождение агрессивных устремлений германского империализма. Гитлеровцам удалось за довольно короткий срок поставить под свой контроль все организации прибалтийских немцев, превратить их в свою послушную агентуру. Местные немцы оказались «пятой колонной» германского фашизма в Прибалтике.

Одним из рычагов экспансии германского империализма в Прибалтике были экономические средства. Гитлеровцы широко использовали их для достижения своих целей. Прежде всего это касалось внешней торговли. Поскольку США и Франция признали Прибалтику английской «сферой влияния», в 20-х годах господствующее положение во внешней торговле Эстонии и Латвии занимала Англия. Однако Германия, будучи в состоянии поставлять свои промышленные изделия по более низким ценам и готовая платить за сельскохозяйственные товары больше англичан, постепенно стала вытеснять Англию с рынков этих стран. В 1935 г. Германия вышла на первое место во внешнеторговом обороте Латвии, в 1937 г.— Эстонии.

Германский империализм действовал по методу кнута и пряника. То и дело наряду с экономическими стимулами пускалась в ход «большая дубинка». Для достижения своих целей гитлеровцы прибегали к таким средствам давления, как эмбарго на ввоз товаров из той или иной прибалтийской страны. Например, когда в Латвии весной 1933 г. начали усиливаться антигитлеровские выступления, германское правительство объявило 10 июня о запрещении ввоза в Германию латвийского масла. Это было таким ударом по интересам латышских «серых баронов», как называли в Латвии сельскую буржуазию, что латвийское правительство приняло самые решительные меры с целью пресечения любых антигитлеровских выступлений. Буржуазное правительство Латвии, пытавшееся выставлять себя в роли защитника национальных интересов страны, пошло на позорную капитуляцию перед гитлеровцами.

В начале 1934 г. аналогичный конфликт разразился между Германией и Литвой. Дело в том, что литовское правительство запретило созданные клайпедскими немцами фашистские организации во главе с Зассом и Нойманом. Судебное следствие показало, что эти организации действовали по указанию из Берлина и готовили вооруженное восстание, имевшее целью отторжение Клайпедского края от Литвы и присоединение его к Германии. В связи с этим судебным процессом правительство Германии решило оказать давление на Литву, почти полностью прекратило торговые отношения, запретило ввоз в Германию литовских сельскохозяйственных продуктов — мяса, птицы, масла, сыра, яиц, а также транспортировку этих товаров по германским железным дорогам в другие страны.

---

[27] ИДА, ф. 38д, оп. 22, д. 185, л. 106.
[28] «Päevaleht», 2.I.1931.
[29] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313г, оп. 13, д. 289, л. 4—5.

На первых порах казалось, что английское правительство будет бороться против германской экспансии в Прибалтике за сохранение там своих позиций. Заведующий отделом северных стран министерства иностранных дел Кольер в сентябре 1933 г. предупреждал эстонского представителя: «Экономическое сближение Германии с Прибалтийскими странами под какой бы то ни было ширмой неприемлемо для Британии»[30]. Надеясь на поддержку как Англии, так, отчасти, и Франции, правительства Прибалтийских стран до поры до времени в какой-то степени занимались проблемой укрепления своих позиций перед лицом германской опасности.

В этой связи следует остановиться на вопросе о заключении Балтийской антанты. В 20-е годы все планы создания союза Прибалтийских государств имели прежде всего антисоветскую направленность и являлись составной частью интервенционистских планов держав Антанты. В начале 1933 г. вопрос о заключении Балтийской антанты встал в иной обстановке — в условиях опасности германской агрессии в Прибалтике.

Особую актуальность он приобрел после опубликования 26 января 1934 г. германско-польской декларации о ненападении, после чего начали распространяться сведения о планах раздела Прибалтики между Германией и Польшей, о стремлении Германии захватить Клайпеду, а также присоединить так называемый польский коридор, не возражая против того, чтобы Польша получила выход к Балтийскому морю за счет территории Прибалтийских стран. Если до сего времени литовское правительство, не рассчитывая на помощь Эстонии и Латвии в польско-литовском конфликте, слабо реагировало на попытки с их стороны укрепить совместное сотрудничество, то 25 апреля 1934 г. оно передало им меморандум, в котором высказывалось за установление более тесных связей между Прибалтийскими государствами[31]. Литовское правительство связывало планы заключения Балтийской антанты с надеждой, что Латвия и Эстония поддержат Литву в клайпедском и вильнюсском вопросах. Однако правительства Латвии и Эстонии не сделали этого, считая, что в целях «умиротворения» Германии и Польши Литва должна пойти на уступки и подчиниться их требованиям. Латвийское и эстонское правительства с самого начала переговоров заявили, что речь может идти только о сотрудничестве в политической, экономической и культурной областях, но не в военной, иначе вопреки собственной воле они могут оказаться втянутыми в конфликты Литвы с Германией и Польшей.

12 сентября 1934 г. состоялось подписание договора о согласии и сотрудничестве между Литвой, Латвией и Эстонией, положившего начало Балтийской антанте. Три страны договорились развивать сотрудничество и взаимопонимание, согласовывать свои позиции по внешнеполитическим вопросам, имеющим общее значение для всех трех государств, а также оказывать друг другу политическую и дипломатическую поддержку в международных делах. В отношении «специфических проблем» отдельных членов Балтийской антанты в договоре указывалось, что мо-

жет оказаться затруднительным выработать по ним общую позицию и что обязательства договора к ним не относятся.

Советское правительство не могло забыть об упорных попытках создания антисоветского союза Польши и Прибалтийских государств, предпринимавшихся в 20-х годах. Оно не могло не считаться с тем, что антисоветские планы организаторов Балтийского союза могут возродиться и в будущем, тем более что к этому времени у власти во всех трех Прибалтийских странах оказались наиболее реакционные, фашистские круги. Но советское правительство учитывало, что после захвата гитлеровцами власти в Германии положение на европейском континенте существенным образом изменилось. Франция и Англия, являвшиеся когда-то вместе с США основными участниками антисоветской интервенции, вынуждены были в создавшихся условиях отказаться от планов участия в нападении на СССР. Тем более не могли в то время участвовать в антисоветской интервенции Прибалтийские государства, сами испытывавшие непосредственную угрозу не только со стороны Германии, но и Польши [32]. Поэтому в тогдашних условиях СССР счел возможным пересмотреть свою позицию по вопросу о Балтийском союзе. В директиве Народного комиссариата иностранных дел СССР советскому полпреду в Риге И. О. Бродовскому говорилось: «В нынешней международной обстановке мы относимся положительно к предстоящему соглашению Латвии, Литвы и Эстонии, полагая, что в настоящее время положительные стороны этого соглашения перевешивают отрицательные» [33]. Советское правительство исходило из того, что создание Балтийской антанты может хоть в какой-то степени упрочить положение Литвы, Латвии и Эстонии перед лицом германской опасности. Вместе с тем в советской печати подчеркивалось, что сотрудничество Прибалтийских государств может дать «положительные результаты для них только в том случае, если они сумеют оградить подлинную самостоятельность своей внешней политики и не оказаться орудием в руках какой-нибудь из империалистических держав» [34].

По иному относились к созданию Балтийской антанты Германия и Польша. Они считали ее дополнительным препятствием на пути к осу-

---

[30] *Пести М.* Переход буржуазной Эстонии в сферу влияния гитлеровской Германии в 1934—1936 годы.— «Коммунист Эстонии», 1956, № 1, с. 51.

[31] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 66, л. 206—207.

[32] Из северо-западных соседей СССР исключение в этом отношении составляла Финляндия, которая, как и Польша, продолжала вынашивать планы захвата советских земель. Латвийская миссия в Финляндии сообщала в Ригу 16 июня 1934 г.: «В головах финских активистов... глубоко укоренился карельский вопрос. Эти круги с нетерпением ждут конфликта России с какой-либо державой, раньше с Польшей, а теперь с Германией или Японией, чтобы реализовать свою программу. Это движение... может когда-то послужить искрой, от которой загорится пороховая бочка» (ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 67, л. 149).

[33] Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 0150, оп. 30, д. 2, л. 92.

[34] «Правда», 1934, 1 сентября.

ществлению своих захватнических планов. Однако в то время, особенно в результате опубликования 26 января 1934 г. польско-германской декларации о ненападении, позиции Польши в Прибалтике были сильно поколеблены. Равным образом страх перед агрессивными устремлениями гитлеровцев был в Прибалтийских странах в то время сильнее, чем влияние Германии. Поэтому сорвать заключение Балтийской антанты Германии и Польше не удалось.

Между тем положение в Европе продолжало ухудшаться. Ускоряя темпы подготовки к войне, 13 марта 1935 г. германское правительство заявило, что оно не намерено больше соблюдать условий военных статей Версальского договора. 16 марта в Германии был опубликован декрет о введении всеобщей воинской повинности. Газета «Известия» отмечала, что, согласно планам гитлеровцев, «бронированный кулак Германии должен иметь неограниченную возможность опуститься на ту жертву, которую выберет германский империализм» [85].

Развитие событий в Европе, в том числе и в Прибалтике, в значительной степени зависело от того, какую позицию займет Англия. К германскому фашизму реакционные правящие круги Англии относились даже с некоторыми симпатиями. Более того, консервативное правительство лелеяло надежду использовать фашистский рейх как орудие борьбы против Советского Союза. В Германии прежде всего оно видело не опасного империалистического конкурента, а классового союзника в борьбе против Советского государства. Английское правительство стало на путь сговора с гитлеровской Германией, надеясь посредством некоторых уступок ей стабилизировать положение в Западной Европе и направить германскую агрессию на восток в конечном счете против СССР.

Эта политика английских правящих кругов наглядно проявилась уже в ходе проводившихся в 1933 г. переговоров между Англией, Францией, Германией и Италией о заключении так называемого пакта четырех, предусматривавшего установление над Европой директории четырех держав. Страны Восточной Европы ясно представляли, что заключение этого пакта таит в себе непосредственную опасность их независимости, так как предоставляет Германии свободу действий на востоке. Хотя переговоры о «пакте четырех» окончились безрезультатно, они показали, что в случае англо-германского сговора Англия готова поступиться своими интересами в Восточной Европе, в том числе и в Прибалтике.

Это подтвердилось два года спустя. 18 июня 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение, по которому в нарушение Версальского договора Англия согласилась на увеличение германского военно-морского флота, с тем чтобы он составил 35% английского. Германский флот по своим размерам не мог, правда, пока конкурировать с английским, но предусмотренного увеличения было достаточно для того, чтобы он мог хозяйничать на Балтийском море. Английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» отмечал, что предоставленная Германии возможность увеличения ее военно-морских сил «более чем достаточна для превращения Балтийского моря в германское озеро» и что «согла-

шение достигнуто за счет молчаливого согласия Англии на осуществление германских экспансионистских устремлений, направленных против СССР и Прибалтийских государств» [36].

В результате заключения англо-германского морского соглашения произошло фактическое перераспределение «сфер влияния» империалистических держав в Европе. Прибалтика, считавшаяся до того «сферой влияния» британского империализма, была, по существу, уступлена им гитлеровцам. Английские империалисты пытались, таким образом, направить германскую агрессию на восток, в сторону Прибалтийских стран и Советского Союза.

Гитлеровцы не замедлили воспользоваться предоставленной им возможностью для дальнейшей активизации экспансионистской политики, тем более что в связи с происшедшей к тому времени фашизацией всех Прибалтийских стран возможности для этого значительно расширились.

До поры до времени гитлеровцы считали необходимым осуществлять свою агрессивную политику на Востоке в сотрудничестве с Польшей. Излагая планы и предложения гитлеровцев, Геринг в феврале 1935 г. заявил Пилсудскому и другим государственным деятелям Польши, что Германия в будущем должна искать экспансии в каком-то направлении. Эту экспансию Германия по договоренности с Польшей может осуществить на востоке, определяя Украину как область интересов Польши и северо-восток как область интересов Германии. Упомянутые принципы могли бы, отмечал Геринг, принять форму письменного или устного тайного соглашения [37]. Министр хозяйства Германии и директор Рейхсбанка Шахт также заявил в начале ноября 1935 г. в Базеле в беседе с управляющим Французским банком Таннери: «Рано или поздно Германия и Польша поделят между собой Украину, пока же мы удовлетворимся захватом Прибалтики» [38].

В германской печати систематически стали появляться статьи, призывавшие к восстановлению германского господства в Прибалтике. Прибалтийские страны именовались «бывшими германскими колониями». Одна за другой начали выходить книги, в которых превозносились «заслуги» немецких войск в свержении Советской власти в Прибалтике в 1918—1919 гг. Начали появляться карты, на которых Прибалтика была включена в состав будущей «Великой Германии». Рассматривались возможности размещения в Прибалтике немецких поселенцев. Продолжала усиливаться экономическая экспансия Германии. Гитлеровцы все более открыто стали добиваться и политической переориентации правящих кругов Прибалтийских стран на Германию, их подчинения указаниям из Берлина. Сообщая 21 декабря 1936 г. в Ригу о своей беседе с одним из лекторов «дипломатической школы» — А. Розенбергом, латвийский

[35] «Известия», 1935, 18 марта.
[36] См.: «Правда», 1935, 18 июня.
[37] Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6, 1969, с. 250.
[38] «Echo de Paris», 31.XI.1935.

посланник в Германии следующим образом излагал его высказывания: «Война между Германией и Советским Союзом неизбежна. Немцы пойдут через Прибалтийские государства... Поэтому латыши должны договориться с немцами и стать друзьями и союзниками Германии» [39]. Советник литовской миссии в Берлине Каречка также писал своему правительству о стремлении гитлеровцев вовлечь Литву «в свою орбиту и антисоветский фронт» [40].

Народы Прибалтийских стран не могли не понимать, какая угроза нависла над ними со стороны гитлеровской Германии. Трудящиеся массы, возглавляемые коммунистическими партиями, были преисполнены решимости дать захватчикам должный отпор.

В июле — августе 1935 г. состоялся VII конгресс Коммунистического Интернационала, на котором был подробно рассмотрен, в частности, вопрос о задачах Коминтерна в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Пальмиро Тольятти (Эрколи) в докладе по этому вопросу, анализируя обстановку в мире и подчеркивая рост могущества СССР и его огромный вклад в дело сохранения мира, сделал вывод, что война уже не является фатально неизбежной. Поэтому в создавшихся условиях, как подчеркнул он, «лозунг мира становится нашим центральным лозунгом» [41]. При обсуждении этого доклада от имени коммунистических партий Прибалтийских стран выступил Я. Круминь-Пилат. Он отметил, что антивоенное и антифашистское движение в Прибалтике имеет глубочайшие социальные корни в широких народных массах, которым война угрожает разорением, порабощением и гибелью. «Это создаст,— указывал Я. Круминь-Пилат,— благоприятную почву для организации широкого народного фронта борьбы против фашизма и войны в странах Прибалтики» [42].

В резолюции VII конгресса Коминтерна констатировалось, что дальше всего в подготовке войны зашли Германия, Япония, Италия и Польша. Отмечалось, что агрессивные планы германских фашистов предусматривают, в частности, «уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский Союз». Германский империализм, как указывалось в резолюции, нашел в Европе союзника в лице польского фашизма, также стремящегося расширить свою территорию за счет Прибалтийских стран и Советского Союза. В документах конгресса подчеркивалось, что одной из главных задач коммунистических партий являются борьба за мир, сочетание борьбы против империалистической войны с борьбой против фашизма. Большое значение имела резолюция VII конгресса Коминтерна о том, что борьба за мир открывает перед коммунистическими партиями максимальные возможности для создания широчайшего единого рабочего и крестьянского фронта, что в ряды этого единого фронта должны быть вовлечены все те, кто заинтересован в сохранении мира. Чрезвычайно важным для прибалтийских коммунистов было также указание о том, что коммунисты слабых государств в случае нападения со стороны империалистических держав, стремящихся уничтожить их само-

стоятельность, должны стать «в первые ряды бойцов за национальную независимость и вести освободительную войну до конца, не давая «своей» буржуазии идти на сделку с нападающими державами за счет интересов своей страны» [43].

Руководствуясь этими важнейшими принципиальными указаниями VII конгресса Коминтерна, коммунисты призывали все демократические и прогрессивные силы Прибалтийских стран сплотиться на борьбу против фашизма и войны.

Эстонская, латвийская, литовская буржуазия объективно не была заинтересована в захвате Прибалтики гитлеровцами. Она предпочитала сама эксплуатировать «свой» народ. Но обеспечить защиту Прибалтийских стран от империалистической агрессии буржуазия оказалась неспособной. Для этого надо было вооружить народные массы, установить тесное сотрудничество с главным оплотом мира в Европе — Советским Союзом. Но буржуазию по классовым соображениям не устраивало ни одно, ни другое. К тому же правительства Англии и Франции, по существу, подталкивали страны Прибалтики на все большие уступки гитлеровской Германии. В таких условиях фашистские правящие клики Эстонии, Латвии и Литвы постепенно, шаг за шагом, становились на путь непротивления, попустительства германской экспансии в Прибалтике, на путь капитуляции и предательства жизненных интересов своих стран и народов.

На страницах официальной печати Эстонии, Латвии и Литвы не публиковались сообщения об агрессивной политике фашистского рейха, угрозе Прибалтийским странам со стороны германских агрессоров. Наоборот, правящие круги всех трех стран старались убедить население в полной их безопасности. Характерно высказывание литовского посланника в Латвии Вилейшиса в беседе с советским полпредом в Риге. Вилейшис сказал, что Ульманису безусловно известны агрессивные планы гитлеровцев, но что это «толкает его именно на угодливость по отношению к Германии» в расчете на то, что Германия благодаря этой угодливости «пощадит его» [44]. Фашистские правители Латвии, писала газета латвийских коммунистов «Циня», готовы пожертвовать национальной независимостью латышского народа, лишь бы сохранить свое классовое господство. Не защита народа против гитлеровской опасности, а предательство по отношению к народу — вот историческая миссия фашистского правительства Ульманиса [45]. Точно также Коммунистическая пар-

---

[39] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313в, оп. 18, д. 166, л. 261.

[40] ЦГА ЛитССР, ф. 383, оп. 7, д. 1891, л. 61—62.

[41] *Тольятти П.* Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1965, с. 132—133, 137, 148—149, 167.

[42] VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1935, с. 59, 61, 65—67.

[43] Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 31—39.

[44] АВП СССР, ф. 0150, оп. 32, д. 7, л. 32.

[45] «Cīņa», 1935, № 9.

тия Эстонии предупреждала в июне 1935 г. эстонских трудящихся, что правительство Пятса и пальцем не пошевельнет для борьбы против опасности, которая угрожает самостоятельности Эстонии со стороны фашистской Германии [46].

Эстонское правительство не только не препятствовало, но даже содействовало расширению германского влияния в эстонской экономике. Это прежде всего следует сказать об эстонских сланцевых предприятиях, которые вскоре оказались фактически под полным контролем германского концерна «ИГ Фарбениндустри». Для его деятельности в стране были созданы самые льготные условия.

В 1936 г. были установлены тесные связи между генеральными штабами Эстонии и Германии. Германская военная разведка получила официальное разрешение эстонских властей использовать территорию Эстонии для осуществления разведывательной деятельности против Советского Союза [47]. С помощью германской разведки около советско-эстонской границы были построены радиоустановки для подслушивания радиопередач Красной Армии. На маяках были установлены фотоаппараты с мощными телеобъективами для фотографирования советских военных кораблей [48]. Разведывательные органы буржуазной Эстонии обменивались с немецкой разведкой информацией о Советском Союзе.

Литовское правительство в начале 1936 г. пошло на нормализацию отношений с Германией на весьма неблагоприятных для Литвы условиях. 5 августа был подписан выгодный Германии литовско-германский торговый договор. Правительство Литвы разрешало ввоз в Клайпедский край гитлеровских печатных изданий. Разоблачая политику правящих кругов страны, ЦК Коммунистической партии Литвы подчеркивал необходимость вовлечения широчайших народных масс в активную борьбу против предательства литовским правительством национальных интересов страны [49].

Народные массы Литвы, Латвии и Эстонии все активнее поднимались на борьбу против реакционной политики фашистских правительств своих стран, против попустительства гитлеровской агрессии. Возглавляли эту борьбу коммунисты, решительно выступавшие за свободу и независимость народов Прибалтийских стран.

В начале 1936 г. орган ЦК КП Латвии газета «Циня» с полным основанием констатировала, что коммунисты всегда шли и будут идти в первых рядах борцов против войны, за национальную независимость и свободу народа [50].

Особенно энергичную борьбу против фашизма и войны коммунистические партии Прибалтийских стран развернули в связи с агрессивными действиями фашистских держав. Когда осенью 1935 г. Италия напала на Эфиопию, коммунисты решительно разоблачали агрессоров, предупреждали народы о росте опасности новой мировой бойни. Демократические и прогрессивные силы прибалтийских народов еще больше активизировали борьбу против фашизма и войны в связи с интервенцией германских и итальянских фашистов в Испании.

Важнейшим этапом в процессе переориентации фашистских правящих клик Эстонии, Латвии и Литвы на гитлеровскую Германию явились события 1938 г. Позиция попустительства германской агрессии, которую Англия и Франция заняли в марте 1938 г. в связи с захватом гитлеровцами Австрии, показала малым странам Европы, что они не могут рассчитывать на помощь против агрессоров ни со стороны этих держав, ни со стороны Лиги наций. Наоборот, было очевидно, что гитлеровская Германия стала доминирующей силой в центре Европы.

Позиция фашистских правителей Латвии особенно наглядно проявилась во время визита в Ригу летом 1938 г. германского крейсера «Кёльн». Команде крейсера была устроена восторженная встреча. На состоявшемся на корабле приеме присутствовали члены правительства во главе с Ульманисом. Газета «Циня» с полным основанием писала, что посещение Риги крейсером «Кёльн» превратилось в совместную «бесстыдную демонстрацию» германских и местных фашистов против латышского народа [51].

В июле 1938 г. Коммунистическая партия совместно с Социалистической рабоче-крестьянской партией и Союзом трудовой молодежи Латвии выпустили листовку «Не отдадим Латвию Гитлеру!», которая затем неоднократно переиздавалась и получила самое широкое распространение. В воззвании разоблачались агрессивные планы гитлеровцев. В то же время в нем указывалось, что фашистские правители Латвии скрывают от народа нависшую опасность «потому, что не хотят поднимать народ на борьбу против этой опасности... Они опасаются любого массового движения против гитлеризма, ибо всякое подобное движение обратится и против диктатуры их клики». Чем агрессивнее становятся фашистские державы и уступчивее перед ними английская и французская буржуазия, тем более открыто направляет клика Ульманиса свой корабль «в фарватер Берлина и Рима» [52].

Еще дальше в своем сотрудничестве с гитлеровцами зашли фашистские правители Эстонии. Министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс отмечал 1 мая 1938 г. в беседе с английским военно-воздушным атташе в Риге Ф. Уэстом, что некоторые офицеры эстонского генерального штаба, включая начальника разведотдела полковника Маазинга, находятся под влиянием немцев [53]. Как сообщал 10 июня в Лондон английский посланник в Латвии Орд, он получил от Мунтерса сведения, что командующий эстонской армией генерал Ю. Лайдонер и министр иностран-

---

[46] *Пести М.* Указ. соч., с. 62.

[47] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Изд. 2-е. Таллин, 1958, с. 556.

[48] *Mader J.* Hitlers Spionagegenerale sagen aus. 2. Auflage. Berlin, 1971, S. 307—322.

[49] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4. Vilnius, 1963, p. 245.

[50] «Cīņa», 1936, № 1.

[51] «Cīņa», 1938, № 4.

[52] LPK, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas, 3.d. Rīga, 1963, 480.—483.lpp.

[53] Public Record Office, FO 419/32, p. 135.

ных дел Эстонии К. Мельтер «подкуплены немцами» и получают от них деньги через филиалы германских фирм в Эстонии [54]. Английский консул в Таллине Гальен отмечал прогерманские настроения начальника генерального штаба эстонской армии генерала Рээка, который, как полагают, «заключил в прошлом году секретное военное соглашение с Германией». Он приводил слова Рээка о том, что Гитлер является самой выдающейся личностью в Германии за последние столетия [55]. Летом 1938 г. обсуждался вопрос о совместных военных действиях Германии и Эстонии. Как сообщал в Берлин 5 июля германский посланник в Эстонии Фровейн, в беседе с Рээком он отметил, что для Эстонии было бы очень важно, чтобы в случае войны Германия осуществляла контроль над Балтийским морем, в частности, для поддержания коммуникаций между Германией и Эстонией. «Генерал Рээк признал это,— писал Фровейн,— и заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив мог бы быть очень легко заминирован против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности. В этих целях Эстонии было бы очень важно усилить и расширить свои береговые военные сооружения; особенно она нуждается в тяжелой береговой артиллерии» [56].

Эстонские коммунисты, разоблачая антинародный характер политики фашистской клики Пятса, убедительно показывали ее сотрудничество с гитлеровцами [57]. Широкая разъяснительная работа коммунистов находила среди населения живой отклик. Росла ненависть народных масс как против фашистской Германии, так и против эстонского фашизма.

Центральный Комитет Коммунистической партии Литвы в воззвании от 15 июля 1938 г., разоблачая захватнические планы гитлеровской Германии, также призвал весь народ поднять могучий голос «против готовящейся войны, против продажи независимости Литвы, против литовского фашизма... Не позволим продать Литву! Долой фашистскую власть! Да здравствует мирная политика СССР!» [58].

После присоединения Австрии к Германии гитлеровцы стали все более открыто и нагло выдвигать свои грабительские притязания в отношении Клайпеды. В марте 1938 г. литовскому правительству были вручены германские требования по клайпедскому вопросу, состоявшие из одиннадцати пунктов [59]. Предавая интересы своего народа, литовское правительство дало понять гитлеровцам, что оно относится к этим требованиям «вполне благожелательно» [60]. Вскоре были выпущены из тюрьмы последние шесть гитлеровцев, осужденных по делу Ноймана и Засса.

Готовясь к захвату Чехословакии, гитлеровская Германия стремилась предотвратить оказание Чехословакии помощи другими странами, в том числе через Лигу наций. Поэтому гитлеровцы настойчиво добивались нейтрализации возможно большего числа европейских государств, а также окончательного подрыва дееспособности Лиги наций. Германская дипломатия резко усилила свое давление на Прибалтийские страны, добиваясь их отказа от выполнения возможных решений Лиги наций о коллективных мерах борьбы против агрессоров.

Лига наций после вступления в нее Советского Союза в 1934 г. могла сыграть немаловажную роль в обеспечении мира в Европе и особенно в защите малых стран, которые сами были не в состоянии противостоять натиску агрессоров. Советское правительство добивалось поэтому усиления эффективности Лиги наций. Советская печать отмечала, что переход Прибалтийских стран на позиции мнимого нейтралитета, по существу, означал бы их отказ от самостоятельной политики [61].

Уступая давлению гитлеровцев, 19 сентября 1938 г. фашистские правительства Эстонии и Латвии, а 22 сентября и правительство Литвы сделали в Лиге наций заявления о том, что оставляют за собой право в каждом отдельном случае определять, в состоянии ли они предпринять меры, предусмотренные статьей 16 устава Лиги наций, и если да, то в какой степени. Это означало, что они считали для себя необязательным выполнение важнейшей статьи устава Лиги наций (о санкциях в отношении агрессора). Даже министр иностранных дел Латвии Мунтерс впоследствии признал, что такое заявление «в сущности было равносильно ориентации на носителя доктрины силы — Германию» [62]. Фашистские правительства Эстонии, Латвии и Литвы своими заявлениями фактически помогали гитлеровцам в осуществлении агрессивных планов. Поэтому заявления, сделанные в Женеве представителями Прибалтийских стран, были восприняты гитлеровцами с явным удовлетворением [63].

Отказ эстонского, латвийского и литовского фашистских правительств от коллективной безопасности и провозглашение ими так называемой политики «нейтралитета» были очередными актами предательства жизненных интересов своих народов, они лишили их помощи других стран Европы в случае гитлеровской агрессии. Это была капитулянтская политика, означавшая, что правительства Пятса, Ульманиса и Сметоны в случае германской агрессии не намерены оказывать сопротивления, заранее обрекая тем самым народы Прибалтики на порабощение гитлеровцами.

29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась сделка Гитлера и Муссолини с Чемберленом и Даладье о расчленении Чехословакии. Мюнхенский сговор еще больше усилил опасность гитлеровской агрессии в Прибалтике. Чемберлен и Даладье фактически предоставили гитлеровцам полную свободу действий на востоке Европы.

Сразу же после Мюнхена фашистский рейх значительно усилил давление на Литву, Латвию и Эстонию, требуя, в частности, чтобы прави-

---

[54] Public Record Office FO 419/32, p. 134.
[55] Там же, л. 168.
[56] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D. Bd. 5. Baden-Baden, 1953, S. 384.
[57] «Kommunist», 1935, № 8, 11 и др.
[58] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 367—368.
[59] ЦГА ЛитССР, ф. 383, оп. 7, д. 2048, л. 229, 327.
[60] Там же, л. 293.
[61] «Правда», 1937, 21 июня.
[62] «Известия», 1962, 7 апреля.
[63] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313г., оп. 19, д. 144, л. 22; «Berliner Börsen-Zeitung», 1938, 6.XI.

тельства этих стран приняли меры против антигитлеровских настроений, все шире проявлявшихся среди населения. Выдвигались также обвинения о притеснениях якобы по отношению к представителям немецких национальных меньшинств в этих странах.

Все усиливавшаяся агрессивность гитлеровской Германии и капитулянтская позиция фашистских правящих клик Прибалтийских стран вызывали растущий отпор народных масс Литвы, Латвии и Эстонии. Осенью 1938 г. департамент государственной безопасности Литвы вынужден был признать, что широкие слои населения Литвы настроены «весьма недоброжелательно по отношению к Германии» [64]. В листовке Центрального Комитета КП Литвы подчеркивалось, что правительство Сметоны «в области как внешней, так и внутренней политики делает одну уступку за другой гитлеровской Германии и ее агентам внутри страны» [65].

Несмотря на то что действия гитлеровцев вызывали в Прибалтийских странах большое беспокойство, правящие круги этих стран, став на путь уступок агрессорам, лицемерно утверждали, что новая политическая ситуация якобы требует от них скорейшего установления более тесных связей с Берлином. Фашистское правительство Латвии не скрывало своей готовности включить Латвию в создаваемую Гитлером «новую Европу» [66]. Литовский посланник в Риге Савицкис в связи с этим заявил, что Ульманис и его приближенные занимают «открыто прогерманскую позицию» [67]. Германский посланник в Риге Котце в беседе с посланником США в Латвии Уайли подтвердил, что многие члены латвийского правительства «желают полностью отдать Латвию в руки немцев». Сообщая об этом своему правительству, Уайли отметил, что, по-видимому, эти министры имеют в виду «просить Германию взять ее под свой протекторат» [68]. Посланник Германии в Таллине неоднократно заявлял эстонскому правительству протесты в связи с тем, что в эстонской печати появлялись кое-какие материалы, разоблачавшие политику германского правительства. В угоду гитлеровцам эстонское правительство принимало меры воздействия: одна из газет — «Ваба маа» была запрещена.

Свою агрессию в Прибалтике гитлеровцы решили начать с захвата Клайпедского края. После Мюнхена они усилили давление на правительство Литвы, добиваясь от него удовлетворения всех требований клайпедских немцев, с тем чтобы подготовить почву для присоединения Клайпедского края к Германии. Однако гитлеровцы не собирались ограничиваться аннексией Клайпедского края. Они рассматривали захват Клайпеды лишь как первый шаг в оккупации всей Прибалтики.

Правительство Литвы шло на все большие уступки гитлеровской Германии. Оно дало указание не публиковать материалов, содержащих какие-либо критические замечания в отношении Германии, а наоборот, подчеркивать в прессе необходимость установления дружественных отношений с «великим западным соседом», т. е. фашистским рейхом. 20 октября 1938 г. был восстановлен в гражданских правах Нойман, возглавлявший деятельность немецких фашистских организаций Клайпедского края.

31 октября литовский посланник в Берлине Ю. Шаулис информировал министерство иностранных дел Германии о решении Литвы принять все 11 германских требований по клайпедскому вопросу [69]. Литовский посланник в Польше К. Шкирпа признал в беседе со своим латвийским коллегой, что Литва «выполняет и будет стопроцентно выполнять любое немецкое требование» [70]. 1 ноября 1938 г. было отменено военное положение в Клайпедском крае. Воспользовавшись этим, клайпедские гитлеровцы сразу же начали организовывать фашистские демонстрации, во время которых звучал лозунг гитлеровцев: «Один народ, одно государство, один фюрер».

Буржуазное правительство Литвы было готово пойти на новые серьезные уступки. Это открыто признал 6 декабря 1938 г. командующий литовской армией генерал С. Раштикис во время беседы с германским военным атташе в Каунасе полковником Юстом. Говоря о сформированном в Литве новом правительстве фашистской партии таутининков, которое возглавил ксендз В. Миронас, Раштикис недвусмысленно заявил, что замена некоторых министров преследовала цель поставить на важные посты людей, способных очистить путь для взаимопонимания и дружбы с Германией. Он отметил, что правительство Литвы согласно урегулировать клайпедский вопрос «в германском духе». Литва готова вести переговоры об условиях, идущих далее статута Клайпедского края, и была бы согласна даже на превращение Клайпедского края в «вольный город» по примеру Данцига [71]. Продолжая попустительствовать гитлеровцам, буржуазное правительство Литвы в начале 1939 г. санкционировало неограниченное их хозяйничанье в Клайпеде, назначив председателем новой директории Клайпедского края В. Бертулейтиса, заместителя Ноймана.

После того как 15 марта 1939 г. гитлеровская Германия ликвидировала Чехословацкое государство, клайпедские гитлеровцы открыто начали ставить вопрос о присоединении Клайпеды к Германии. В таких условиях 20 марта на заседании кабинета министров Литвы под председательством президента А. Сметоны было заслушано сообщение премьер-министра В. Миронаса по клайпедскому вопросу. Кабинет министров постановил придерживаться следующей тактики: если сейм Клайпедского края, который должен был собраться 25 марта, примет решение или руководитель клайпедских нацистов Нойман будет предпринимать действия, выходящие за пределы статута Клайпедского края, то следует относиться ко всему этому терпимо, пока не возникнет не-

---

[64] *Navickas K.* Указ. соч., с. 228.
[65] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 378.
[66] «Sējējs», 1938, № 11, 1140.lpp.
[67] АВП СССР, ф. 0150, оп. 35, д. 6, л. 146.
[68] Foreign Relations of the United States. The Soviet Union 1933—1939. Washington, 1952, p. 945.
[69] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. D., Bd. 5, S. 396—399.
[70] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 194, л. 112.
[71] Documents on german foreign policy. 1918—1945. Ser. D., vol. 5. Washington 1953, p. 498—499.

посредственная угроза для безопасности страны; если клайпедские немцы организуют беспорядки, то применить против них вооруженную силу; однако в случае оказания им военной помощи со стороны Германии, без сопротивления вывести литовские войска из Клайпедского края [72]. Такое решение буржуазного правительства Литвы наглядно свидетельствовало о его капитулянтской позиции.

20 марта 1939 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп потребовал от министра иностранных дел Литвы Урбшиса присоединения Клайпедского края к Германии. Он подчеркнул, что в случае столкновений в Клайпеде и пролития немецкой крови в дело вмешается германская армия и неизвестно, где она остановится в своем походе [73]. 21 марта состоялось заседание кабинета министров Литвы под председательством А. Сметоны. Обсудив сообщение о германском ультиматуме, кабинет министров констатировал, что «считает себя вынужденным принять требования германского правительства» [74].

22 марта 1939 г. гитлеровская Германия навязала фашистскому правительству Литвы договор, согласно которому Клайпедский край был отторгнут от Литвы и присоединен к фашистскому рейху. Согласно статье IV договора обе стороны обязались «не применять силу друг против друга и не поддерживать применение силы третьей стороной против другой» [75]. Смысл этой статьи заключался в том, что правительство Литвы за обязательство Германии не нападать на нее фактически отказывалось участвовать в коллективых мерах по защите от агрессии.

Захватив Клайпеду, гитлеровская Германия продолжала усиливать давление на Прибалтийские страны, добиваясь полного подчинения их своему влиянию. Еще 16 марта 1939 г. латвийскому посланнику в Берлине было недвусмысленно заявлено, что Латвия должна следовать за Германией и тогда немцы не будут заставлять ее «становиться под защиту фюрера при помощи силы» [76].

Одновременно активизировалась деятельность гитлеровской агентуры в Прибалтийских странах. Ее организации в Эстонии, Латвии и Литве стали вести себя все наглее. Германский посланник в Эстонии Фровейн информировал Берлин, что в Эстонии и особенно в Латвии среди немцев существует мнение о том, что «аннексия Прибалтийских государств является просто делом времени» [77]. Фашистские организации прибалтийских немцев создавали боевые отряды, проводили военные учения. Из Германии присылались специальные инструкторы. Гитлеровская Германия щедро финансировала эти организации. Так, действовавшие в Литве прогитлеровские немецкие организации только за период с марта по май 1939 г. получили от германской миссии в Каунасе свыше 50 тыс. литов [78].

Буржуазные правительства Эстонии, Латвии и Литвы все более открыто становились на путь капитуляции перед гитлеровцами. Министр путей сообщения Латвии Б. Эйнберг признал 22 марта 1939 г. в беседе с советским полпредом И. С. Зотовым, что в связи с германским давлением «придется, конечно, идти на уступки» [79]. В. Мунтерс в речи 3 апре-

ля 1939 г. уже открыто заявил: «Мы признаем и уважаем громадную политическую роль Германии в нашей части Европы» [80]. А министр общественных дел А. Берзинь на закрытом собрании айзсаргов заявил, что малые страны не имеют никаких перспектив на сохранение своей независимости и должны покориться гитлеровской Германии [81].

Коммунисты энергично разоблачали политику фашистских правительств Ульманиса, Сметоны и Пятса, попустительствующих агрессивным устремлениям гитлеровцев в Прибалтике. К весне 1939 г. стало появляться все больше доказательств того, что проводимая коммунистами работа начинает приносить реальные результаты.

Политика угодничества перед гитлеровской Германией вызывала все усиливающееся возмущение широких народных масс Латвии. Начальник Тукумской уездной полиции 4 апреля 1939 г. доносил в министерство внутренних дел Латвии, что в связи с захватом гитлеровцами Чехословакии и Клайпедского края «заметно усилилась вражда населения к Германии» [82]. Начальник охранки Лиепайского р-на свидетельствовал 20 марта, что среди населения проявляются «резкие антигерманские настроения», что крестьяне готовы бороться с немцами «хотя бы с косами в руках». «Говорят также,— писал он,— что латвийское правительство слишком подчиняется влиянию Гитлера. Это порождает подозрения, что правительство проводит общую с Германией политику» [83].

Антигерманские настроения росли также в Эстонии. Дело дошло до того, что когда летом 1939 г. в Таллинский порт вошла эскадра германских военных кораблей, многие немецкие военные моряки были избиты эстонскими рабочими [84].

Капитуляция литовского правительства перед гитлеровцами и передача Клайпеды Германии вызвали во всей Литве мощный взрыв народного негодования. Это убедительно показало, что фашистская клика Сметоны — Миронаса не может рассчитывать на поддержку масс. Центральный Комитет Коммунистической партии Литвы 23 марта 1939 г. обратился к населению с призывом объединить усилия против опасности германской оккупации, бороться против уступок гитлеровцам, «опираться на Советский Союз, который не раз помог защитить независимость Литвы» [85].

---

[72] Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais. Dokumentų rinkinys. Vilnius, 1965, p. 29.

[73] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. D., Bd. 5, S. 435—436.

[74] Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais, p. 30.

[75] Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4. Vilnius, 1961, p. 713.

[76] ЦГИА ЛатвССР ф. 1313г, оп. 20, д. 140, л. 332.

[77] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. D., Bd. 5, S. 393.

[78] *Bulota A.* Nuo balto žirgo iki svastikos. Vilnius, 1962, p. 115.

[79] АВП СССР, ф. 0150, оп. 37, д. 6, л. 40.

[80] «Latvijas Kareuvis», 4.IV.1939.

[81] ЦГИА ЛатвССР, ф. 7381, инв. № 1725.

[82] ЦГИА ЛатвССР, ф. 5114, оп. 1, д. 1654, л. 178.

[83] ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1/22, д. 226.

[84] «Исторический архив», 1960, № 3, с. 6—9.

[85] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 391.

В соответствии с инструкциями своих правительств буржуазная печать Прибалтийских стран всячески старалась усыпить бдительность народных масс. Она лицемерно высказывала удовлетворение по поводу «урегулирования» литовско-германских отношений, утверждая, что теперь Прибалтийским странам якобы больше не грозит никакая опасность.

15 апреля 1939 г. президент США Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием дать заверения в том, что в течение десяти лет они воздержатся от нападения на перечисленные в нем 30 стран, в том числе на Эстонию, Латвию и Литву. Германское правительство, не желая связывать себя по рукам, не намеревалось брать на себя такие обязательства. Оно лицемерно запросило каждую из этих стран, считает ли она, что ей угрожает опасность со стороны Германии. Как и можно было ожидать, эстонское, латвийское и литовское правительства послушно ответили, что их странам никакая опасность со стороны Германии не угрожает.

Когда в апреле 1939 г. по инициативе СССР начались англо-франко-советские переговоры о мерах по пресечению агрессии, Германия решила предпринять дополнительные шаги для того, чтобы усыпить бдительность народов Прибалтийских стран и затруднить создание блока неагрессивных государств. Германское правительство, совсем недавно отказывавшееся от заключения пактов о ненападении с Прибалтийскими странами, изменило свою тактику. 28—29 апреля 1939 г. оно сообщило латвийскому и эстонскому правительствам о готовности подписать с ними соответствующие договоры [86].

7 июня 1939 г. в Берлине состоялось подписание договоров о ненападении между Германией, Латвией и Эстонией. В официальном коммюнике по этому поводу подчеркивалось, что «латвийское правительство и эстонское правительство обязались самостоятельно заботиться о сохранении политической независимости своих государств и придерживаться строгой политики нейтралитета» [87]. Опубликование этого коммюнике фактически означало, что реакционные правительства Латвии и Эстонии, уступая требованиям гитлеровской Германии, обязались отказаться от гарантий со стороны Англии, Франции и СССР. Это был крупный шаг по пути полного подчинения Латвии и Эстонии гитлеровской Германии.

При обсуждении в Государственной думе Эстонии эстонско-германского пакта о ненападении представитель тартуских рабочих К. Ялак выступил против договора. Он показал, что у Эстонии не было никакой необходимости заключать такой договор с Германией и что эстонские трудящиеся решительно протестуют против него [88].

Коммунистическая партия, Социалистическая рабоче-крестьянская партия и Союз трудовой молодежи Латвии выпустили в этой связи специальную листовку «Долой предательское правительство Латвии!» В листовке указывалось, что в момент, когда обещаниям Гитлера никто больше не верит и когда стоит вопрос о предоставлении Латвии англо-франко-советских гарантий, «Ульманис уклоняется от этих гарантий и присоединяется к оси Берлин — Рим. Это — предательство, которое

делает Ульманиса самым подлым предателем латышского народа»[89]. Профашистские элементы в Латвии не унимались. Так, 22 мая 1939 г. латвийские немцы устроили торжества по случаю 20-летия занятия Риги контрреволюционными немецкими войсками. Клика Ульманиса приняла в этих торжествах активное участие. Представитель латвийского правительства генерал Тепфер в своем выступлении, обращаясь к прибывшим из Германии гитлеровцам, заявил: «Если вновь придет час борьбы, я убежден, что мы снова будем стоять в ней плечом к плечу»[90].

Английский консул в Таллине Гальен сообщал 8 июля, что, по словам французского и польского посланников, «происходит процесс быстрого установления германского влияния» в Эстонии[91]. Через день Гальен в беседе с эстонским министром иностранных дел Сельтером заявил, что «Эстония становится прогерманской», что «деловые круги, имущие классы и армия склоняются, видимо, в сторону Германии и эстонское правительство, возможно, это поддерживает...»[92]

Показательно и то обстоятельство, что начали быстро расти поставки германского оружия и военного снаряжения в Прибалтийские страны. Гитлеровцы были полностью уверены в том, что это оружие не будет использовано против них.

Во время пребывания командующего литовской армией генерала С. Раштикиса в Берлине в связи с празднованием дня рождения Гитлера фюрер в беседе с ним высказал пожелание, чтобы после «решения» клайпедского вопроса были «урегулированы» также экономические взаимоотношения между обеими странами[93]. 24 апреля 1939 г. в Берлине были начаты экономические переговоры между Литвой и Германией. Об истинных целях, которые преследовала при этом Германия, можно было судить по состоявшейся 30 апреля беседе обер-президента Восточной Пруссии Э. Коха с генеральным консулом Литвы в Кенигсберге Л. Дымшей. Говоря о перспективах переговоров, Кох убеждал Дымшу, что Германия могла бы поглотить весь литовский экспорт[94]. 20 мая 1939 г. был заключен литовско-германский договор о товарообороте. Департамент экономической политики министерства иностранных дел Германии, подводя итоги переговоров, констатировал, что немцам удалось достигнуть цели — «максимально тесной, но негласной экономической интеграции Литвы с рейхом» и что на Германию теперь приходится половина литовского импорта и 40% экспорта[95].

---

[86] Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Ser. D., Bd. 6. Baden-Baden, 1956, S. 298, 308.

[87] «Rīts», 8.VI.1939.

[88] Riigivolikogu stenograafilised aruanded. III ja IV istungjärk, 1939. Tallinn 1939, veerg 1093—1094.

[89] LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920—1940. 3.d., 514.lpp.

[90] «Königsberger Allgemeine Zeitung», 25.V.1939.

[91] Public Record Office, FO 419/33, p. 158.

[92] Documents on British Foreign Policy. Ser. III, vol. 6. London, 1953, p. 326.

[93] *Navickas K.* Указ. соч., с. 260.

[94] ЦГА ЛитССР, ф. 383, оп. 7, д. 2181, л. 76.

[95] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. D., Bd. 6, S. 485.

Таким образом, Литва оказывалась во все большей зависимости от гитлеровской Германии.

Во второй половине июня 1939 г. Эстонию, а также Финляндию посетил начальник штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер. Во время состоявшихся в Таллине переговоров особое внимание было уделено вопросу об использовании германскими военными кораблями эстонских портов и островов в качестве военно-морских баз для того, чтобы Германия могла господствовать на всем Балтийском море и, в частности, закрыть для советских военно-морских сил выход из Финского залива. При этом было заявлено, что одного лишь морского пути для переброски германских войск в Эстонию недостаточно и что их можно было бы направить туда также по суше через Литву и Латвию [96].

Позднее выяснилось, что гитлеровская Германия действительно ждала лишь удобного момента и искала предлог для ввода своих войск в Прибалтийские страны. Как видно из опубликованных ныне документов, «разрешение прибалтийской проблемы» планировалось Гитлером одновременно с нападением на Польшу.

Перед лицом возраставшей угрозы гитлеровской агрессии трудящиеся Прибалтийских стран все решительнее протестовали против капитулянтской политики правительств Пятса, Ульманиса и Сметоны, требовали ориентироваться на Советский Союз, опираться на его помощь и поддержку.

3. СССР — оплот мира и безопасности в Прибалтике (1933—1939 гг.)

Советское правительство отчетливо представляло себе опасность гитлеровской агрессии, угрожавшую многим странам Европы. Эта опасность еще более усилилась бы в случае объединения сил агрессивных держав. Поскольку под угрозой оказались не только СССР, но и многие другие государства, Советское правительство считало необходимым добиваться сплочения сил всех этих государств, с тем чтобы поставить надежный барьер на пути агрессоров.

Такая политика в равной степени отвечала интересам как советского народа, так и народных масс других стран.

Борясь за сохранение всеобщего мира, Советское правительство уделяло особое внимание безопасности своих собственных границ. Оно было крайне заинтересовано в сохранении мира в Прибалтике, в недопущении германской агрессии в этом районе.

В феврале 1933 г. правительство СССР внесло на рассмотрение конференции по разоружению в Женеве проект декларации об определении агрессии. Вследствие сопротивления некоторых империалистических держав выявилась невозможность принятия декларации всеми государствами. Советское правительство поставило вопрос о подписании конвенции об определении агрессии с соседними странами, в том числе с Эстонией, Латвией и Литвой, что и было сделано в начале июля 1933 г. Заклю-

чение этих конвенций явилось существенным вкладом в борьбу с агрессией.

Учитывая все усиливавшуюся экспансию гитлеровцев в Прибалтике, Советское правительство изыскивало пути для оказания противодействия этому процессу. Прежде всего оно пыталось привлечь к участию в борьбе против германской агрессии Польшу. 14 декабря 1933 г. Советский Союз передал Польше предложение опубликовать совместную советско-польскую декларацию о твердой решимости обеих стран сохранять и защищать мир в Восточной Европе. В случае угрозы Прибалтийским государствам СССР и Польша, согласно проекту декларации, обязывались обсудить создавшееся положение [97]. Смысл советского предложения заключался в том, чтобы усилить в Прибалтийских странах уверенность в их способности противостоять германской экспансии, ослабить нажим Германии на эти страны, наладить сотрудничество между СССР и Польшей в деле укрепления мира [98]. 19 декабря польское правительство сообщило, что оно в принципе согласно обсудить советское предложение [99].

Наряду с этим нарком иностранных дел М. М. Литвинов выступил 29 декабря 1933 г. с заявлением о заинтересованности СССР в сохранении независимости Прибалтийских стран. «Эти страны,— говорил нарком,— все больше проникаются убеждением в нашем абсолютном миролюбии, доброжелательности к ним и заинтересованности в сохранении ими полной экономической и политической независимости. Но мы не только заинтересованы, но и озабочены этим» [100]. Сообщения об этом заявлении наркома иностранных дел СССР были опубликованы в большинстве газет Прибалтийских стран. Оно встретило одобрение самых широких слоев народных масс Прибалтики. Благоприятно было воспринято это заявление и правительствами Прибалтийских стран.

Можно было ожидать, что правительства Прибалтийских государств будут приветствовать опубликование намечаемой советско-польской декларации. В проводившихся между ними по этому вопросу переговорах и в секретной переписке они действительно отмечали как положительный момент тот факт, что другие государства заинтересованы в их независимости и готовы охранять ее [101]. Однако официальная позиция реакционных правительств Латвии, Эстонии и Финляндии по вопросу об опубликовании польско-советской декларации была негативной. Вопреки интересам своих народов они заявили, что в такой декларации якобы нет особой необходимости, так как они не видят оснований для беспокойства о безопасности своих государств. Только правительство Литвы сообщило о своем согласии на опубликование декларации.

---

[96] I documenti diplomatici italiani, Ser. VIII, vol. 12. Roma, 1952, p. 588—589.
[97] Документы внешней политики СССР, т. 16. М., 1970, с. 747.
[98] Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. М., 1969, с. 171.
[99] Там же, с. 147.
[100] «Известия», 1933, 30 декабря.
[101] ИДА, ф. 38д, оп. 22, д. 125, л. 138.

Вскоре же обнаружилась и двуличная политика правящих кругов Польши. Заявляя Советскому правительству о готовности к сотрудничеству в борьбе против германской агрессии в Прибалтике, они в то же время вели тайные переговоры с гитлеровцами, завершившиеся, как отмечалось выше, опубликованием 26 января 1934 г. германско-польской декларации о дружбе и ненападении. Вместо сотрудничества с СССР клика Пилсудского — Бека стала на путь сотрудничества с агрессором, надеясь сговориться с ним за счет Советского Союза и других стран Восточной Европы. 3 февраля 1934 г. польское правительство заявило, что считает вопрос об опубликовании советско-польской декларации отпавшим [102].

Подписание германо-польской декларации было серьезным ударом делу создания фронта защиты мира в Европе. Польша как возможный фактор укрепления безопасности Прибалтийских государств перестала существовать. Нависшая над Прибалтикой опасность еще больше возросла.

В этих условиях становилась все более очевидной та огромная роль, которую играл в борьбе за сохранение мира в Прибалтике Советский Союз. Ее не могли отрицать и буржуазные правительства Прибалтийских стран. Так, в инструктивном письме министерства иностранных дел Латвии латвийским дипломатическим представителям за границей от 28 февраля 1934 г. указывалось, что Советский Союз «при существующей ситуации является наиболее надежным фактором поддержания мира в Восточной Европе» [103].

Подписание германско-польской декларации и отказ Польши участвовать в деле укрепления безопасности Прибалтийских стран не могли не насторожить Советское правительство. Оно считало необходимым принять новые меры для прояснения обстановки и упрочения положения в Северо-Восточной Европе.

28 марта 1934 г. германскому послу в Москве В. Надольному было передано официальное предложение Советского правительства подписать протокол, согласно которому Германия и СССР обязались бы воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих нанести прямой или косвенный ущерб Прибалтийским государствам. Подписание такого протокола способствовало бы укреплению мира в Прибалтике. Однако гитлеровская Германия отвергла советское предложение. Разъясняя 9 апреля в своей телеграмме Надольному позицию германского правительства в этом вопросе, министр иностранных дел Германии Нейрат писал, что заключение с Советским Союзом любого политического соглашения, касающегося восточных соседей Германии, «лишит нашу восточную политику... всякой свободы действий», что может иметь в будущем «непредвиденные последствия» [104].

Таким образом, гитлеровцы не хотели брать на себя каких-либо обязательств, которые могли бы затруднить им впоследствии агрессию в Прибалтике. Об одной из причин отклонения германским правительством советского предложения Надольный сказал латвийскому посланнику

в Москве А. Билманису: «Литва связала себя Клайпедой, и Германия никаким пактом или декларацией подтверждать лишение ее Клайпеды не желает и делать этого не будет. От Клайпедской области Германия добровольно не откажется и отказываться... не думает» [105].

Несмотря на отклонение правительством Германии советского предложения о подписании протокола, все же оно сыграло свою положительную роль, содействуя разоблачению агрессивных планов гитлеровской Германии в Прибалтике.

Задаче укрепления мира в Прибалтике соответствовало также предложение Советского правительства Прибалтийским государствам от 20 марта 1934 г. о продлении на 10 лет договоров о ненападении. Правительства Эстонии, Латвии и Литвы приняли это предложение. 4 апреля в Москве были подписаны протоколы о продлении договоров о ненападении между СССР, с одной стороны, и Литвой, Латвией и Эстонией — с другой.

Особое место в борьбе Советского Союза за мир и безопасность в Прибалтике имели переговоры о заключении Восточного пакта.

В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял важнейшее постановление, содержавшее подробно разработанную программу борьбы за создание системы коллективной безопасности, которая была бы призвана гарантировать сохранение мира в Восточной Европе, в том числе и в Прибалтике [106]. Выступая со своими предложениями, Советское правительство исходило из того, что объединенными усилиями всех стран, которым угрожала германская экспансия, агрессора можно было остановить. А это отвечало чаяниям народных масс всех этих стран. Именно поэтому советские предложения получили самый широкий отклик и оказались в течение продолжительного времени в центре внимания европейской дипломатии.

Основным партнером СССР по переговорам о создании в Европе системы коллективной безопасности была Франция. Если до начала 30-х годов французские правящие круги придерживались резко враждебной в отношении СССР позиции, то возрождение германского милитаризма побудило их по-новому взглянуть на проблему французской внешней политики. Особенно остро этот вопрос встал во Франции в октябре 1933 г. в связи с выходом Германии из Лиги наций и уходом с конференции по разоружению. В беседе с М. М. Литвиновым 31 октября 1933 г. министр иностранных дел Франции Поль-Бонкур поднял вопрос о заключении в дополнение к советско-французскому пакту о ненападении, подписанному в 1932 г., договора о взаимной помощи [107].

---

[102] Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6, с. 161.

[103] ИДА, ф. 46, оп. 1, д. 92, л. 411.

[104] Documents on German Foreign Policy. Ser. C, vol. 2. London, 1959, p. 733—734.

[105] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 67, л. 399.

[106] Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 876—877.

[107] Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 595.

Советское правительство со своей стороны выдвинуло 28 декабря 1933 г. предложение о заключении регионального соглашения о взаимной защите от германской агрессии с участием СССР, Франции, Польши, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Бельгии. Предусматривалось, что это соглашение будет заключено в рамках Лиги наций, и в связи с этим СССР выражал согласие на вступление в Лигу наций [108].

Советское предложение о заключении Восточного пакта было принято французским правительством, однако не без колебаний. Лишь 20 апреля 1934 г. министр иностранных дел Франции Л. Барту, сменивший на этом посту Поль-Бонкура, сообщил, что французское правительство уполномочило его продолжить переговоры с Советским Союзом [109].

28 апреля 1934 г. генеральный секретарь МИД Франции А. Леже ознакомил советского полпреда с выработанной им схемой договорного оформления Восточного пакта. Согласно этой схеме предполагалось заключение многостороннего регионального пакта о взаимопомощи с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши и Прибалтийских государств (но без участия Франции). Участники пакта должны были взять на себя обязательства о ненападении и взаимной помощи в случае агрессии. Одновременно предполагалось заключение между СССР и Францией двустороннего договора о взаимопомощи [110]. Таким образом, Франция согласно этой схеме обязывалась оказывать помощь не всем участникам Восточного пакта, а только СССР. Правда, на основе ранее заключенных договоров Франция была связана обязательствами о взаимной помощи также с Польшей и Чехословакией. Но в случае нападения Германии на Прибалтийские страны она могла оставаться в стороне.

Вскоре представители СССР и Франции согласовали основные вопросы, связанные с выработкой проекта пакта, за исключением вопроса о французской помощи Прибалтийским государствам. Было также решено начать переговоры с правительствами других стран, которые предполагалось привлечь к участию в договоре. 6 июня 1934 г. советские полпредства в Каунасе, Риге и Таллине передали правительствам Прибалтийских стран предложения об участии в Восточном пакте и информировали их о состоянии переговоров.

Вскоре стало очевидным, что Германия и Польша, а вслед за ними также и Финляндия занимают в вопросе о заключении Восточного пакта резко отрицательную позицию. Это сразу же сказалось и на позиции эстонского и латвийского правительств. Заключение Восточного пакта соответствовало национальным интересам Прибалтийских государств, так как укрепило бы их положение. Однако, учитывая позицию Германии и Польши, эстонское и латвийское правительства фактически стали саботировать заключение пакта. В ответах Советскому правительству от 29 июля они формально заявляли о своем благожелательном отношении к пакту, но делали оговорку, что имеют в виду пакт, в котором будут участвовать Германия и Польша [111].

В сентябре 1934 г. Германия официально заявила о своем отрицательном отношении к Восточному пакту. Положение осложнилось еще и тем, что гитлеровскими агентами был убит активный сторонник пакта министр иностранных дел Франции Л. Барту. Пост министра иностранных дел занял П. Лаваль, считавший своей главной задачей франко-германское сближение. Обсудив создавшееся положение, Советское правительство решило добиваться заключения Восточного пакта без участия Германии и Польши [112].

29 марта 1935 г. правительство СССР предложило Франции заключить трехсторонний советско-франко-чехословацкий договор о взаимопомощи [113]. Через неделю, 6 апреля оно обратилось к правительствам Литвы, Латвии и Эстонии с предложением о заключении Восточного пакта без Германии и Польши [114].

Литовское правительство, учитывая угрозу со стороны как Германии, так и Польши, считало возможным принять советское предложение [115]. Латвийское и эстонское правительства обратились за советом к правительствам Франции и Англии, от которых получили рекомендации не торопиться с ответом [116]. В таких условиях Латвия и Эстония фактически заняли по отношению к советскому предложению отрицательную позицию [117]. Для выработки согласованного ответа трех Прибалтийских государств в Ригу прибыли заместители министров иностранных дел Литвы и Эстонии Урбшис и Ларетей. Было принято решение отложить обсуждение советского предложения до следующей конференции министров иностранных дел трех стран, намеченной на май 1935 г. [118] По существу, это означало отклонение предложения Советского правительства, причем Литва, изменив свое первоначальное мнение, солидаризировалась в этом с Латвией и Эстонией.

Французское правительство также не приняло советского предложения о заключении Восточного пакта без Германии и Польши. Кроме того, 6 апреля 1935 г. в беседе с советским полпредом Лаваль еще раз подчеркнул, что Франция никогда не соглашалась гарантировать помощь Прибалтийским странам [119]. Она не согласилась и на заключение тройственного советско-франко-чехословацкого договора. Французское правительство подтверждало лишь свою готовность подписать двусторонний советско-французский пакт [120]. 2 мая 1935 г. состоялось подписание со-

---

[108] Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 876.
[109] Там же, т. 17. М., 1971, с. 279.
[110] Там же, с. 309.
[111] «Известия», 1934, 30 июля.
[112] «Международная жизнь», 1963, № 7, с. 156.
[113] Там же, № 10, с. 150.
[114] ИДА, ф. 38д, оп. 22, д. 118, л. 261.
[115] ЦГА ЛитССР, ф. 383, оп. 7, д. 1731, л. 188.
[116] ИДА, ф. 46, оп. 1, д. 92; ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313г, оп. 16, д. 205, л. 314.
[117] ИДА, ф. 38д, оп. 22, д. 118, л. 198.
[118] ЦГИА ЛатвССР, ф. 2575, оп. 15, д. 92, л. 262.
[119] Документы внешней политики СССР, т. 18. М., 1973, с. 266.
[120] «Международная жизнь», 1963, № 10, с. 150, 151.

ветско-французского договора о взаимной помощи, а 16 мая — аналогичного советско-чехословацкого договора.

В то же время Советское и французское правительства считали, что в качестве дополнения к заключенным договорам имел бы определенный смысл и многосторонний пакт о ненападении, в котором бы приняли участие также Германия и Польша. 16 мая 1935 г. они выступили с соответствующим предложением. Предусматривалось участие в договоре СССР, Франции, Германии, Польши, Чехословакии и тех из Прибалтийских стран, которые сочтут это для себя приемлемым [121]. Германия, однако, отклонила и это предложение. Она соглашалась лишь на заключение двусторонних договоров о ненападении со своими соседями, за исключением Литвы. Но эти заявления были демагогическими. После каждого такого заявления латвийское и эстонское правительства обращались к Германии с предложениями о подписании соответствующих договоров, но все их обращения оставались безрезультатными.

В создавшихся условиях латвийское правительсто ввиду все усиливавшегося давления самых широких кругов латышского народа, озабоченных возрастанием угрозы германской агрессии, начало изучать вопрос о заключении с Советским Союзом договора, аналогичного советско-французскому и советско-чехословацкому договорам о взаимопомощи. Этот вопрос был подробно рассмотрен на совещании латвийских посланников, проходившем в Риге с 28 июня по 3 июля 1935 г. Генеральный секретарь министерства иностранных дел Латвии В. Мунтерс в своем докладе отмечал опасность пассивной позиции в этом вопросе. «Нет иного пути,— говорил он,— как последовать примеру Чехословакии и заключить договор с СССР, который потом был бы заменен коллективным пактом» [122]. За заключение договора о взаимопомощи с СССР высказались на совещании латвийские посланники в СССР, Литве, Италии, Англии и Чехословакии. Посланник в Москве Билманис подчеркнул, что все страны выступают за сотрудничество с Россией и что на такой же путь должна стать и Латвия. «Наша безопасность укрепилась бы, если бы мы заключили договор с Россией»,— заявил он [123]. Латвийский представитель при Лиге наций Фелдманис, бывший в курсе всех переговоров по вопросам европейской безопасности, заявил, что Советский Союз заинтересован в Восточном пакте прежде всего ради того, чтобы он мог быть уверен, что Прибалтийские государства «тем или иным путем не окажутся под влиянием Германии, что создало бы непосредственную опасность для самой России... Мое мнение таково, что мы можем заключить договор с русскими» [124]. В то же время латвийские посланники в Польше, Финляндии и Эстонии выступили против заключения двустороннего договора о взаимопомощи с СССР. Они указывали, что это вызвало бы резкое недовольство в Германии и Польше. Подводя итоги обсуждения, Мунтерс снова доказывал целесообразность заключения договора с Советским Союзом. «Если мы хотим форсировать разрешение вопроса о безопасности в Восточной Европе,— заявил он,— то мы должны делать это при помощи России» [125].

Популярности в Латвии идеи заключения договора о взаимопомощи с СССР не мог не отметить даже поверенный в делах США в Латвии Коул. Он писал в Вашингтон, что «в Риге преобладало мнение, что если бы Советский Союз предложил пакт о взаимной помощи, то Латвия весьма охотно подписала бы его» [126].

Германия и Польша сразу же прибегли к весьма решительным мерам воздействия на латвийское правительство, с тем чтобы заставить его отказаться от планов заключения договора о взаимопомощи с СССР [127]. Против договора высказалось также английское правительство. Большое значение для определения позиции Латвии имела позиция ее союзницы — Эстонии. Вопрос о безопасности в Восточной Европе был подробно рассмотрен на состоявшемся в Таллине 16—17 июля 1935 г. совещании эстонских посланников. Эстонское правительство высказалось против заключения как советско-эстонского, так и советско-латвийского договоров о взаимопомощи. Давление со стороны Германии, Польши и Эстонии, а также Англии вскоре дали свои результаты. Латвийское правительство перестало поднимать вопрос о заключении договора о взаимопомощи с СССР.

Несмотря на то что Восточный пакт не был подписан, борьба вокруг него показала, кто друзья и кто враги народов Прибалтийских стран. Стало общепризнанным фактом, что Советский Союз является единственно последовательным борцом за мир и коллективную безопасность в Европе. Переговоры о Восточном пакте имели огромное значение и в том отношении, что в ходе их были поставлены и проанализированы все те вопросы, которые снова встали в еще более острой обстановке лета 1939 г. Рассмотрение правительствами Прибалтийских стран в 1935 г. вопроса о заключении договоров о взаимопомощи с СССР явилось также своего рода подготовительным этапом к заключению соответствующих договоров осенью 1939 г.

Поскольку переговоры о Восточном пакте показали совпадение интересов СССР и Прибалтийских стран для сохранения мира, контакты между ними по вопросам укрепления безопасности в Северо-Восточной Европе продолжались и в последующие годы. Были установлены связи и между военными кругами Советского Союза и Прибалтийских государств. В мае 1936 г. по приглашению советской страны на первомайском параде в Москве присутствовали представители генеральных штабов литовской, латвийской и эстонской армий. В феврале — марте 1937 г. последовал ответный визит в Литву, Латвию и Эстонию начальника Генерального штаба Красной Армии Маршала Советского Союза А. И. Его-

---

[121] «Международная жизнь», 1963, № 10, с. 158.

[122] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313в, оп. 22, д. 80, л. 14—15.

[123] Там же, л. 189, 191, 192, 201, 202.

[124] Там же, л. 144—145.

[125] Там же, л. 205—206.

[126] Foreign Relations of the United States. 1935, vol. 1. Washington, 1953, p. 305.

[127] Подробнее см.: *Сиполс В.* Указ. соч., с. 238—239.

рова. Визит дал возможность выявить настроения военных кругов Прибалтийских стран. Заведующий отделом НКИД СССР М. А. Карский в письме советским полпредам в Прибалтийских странах отмечал, что беседы маршала Егорова и сопровождавших его лиц как с руководящим командным составом, так и с другими офицерами свидетельствовали о «наличии серьезных антигерманских настроений в армиях всех трех стран, настроений, несомненно отражающих опасения перед германской агрессией в широких слоях населения». Он писал далее, что выяснилось «растущее понимание военными кругами значения Советского Союза и его мощной Красной Армии для независимости малых Прибалтийских государств» [128]. В сентябре 1937 г. представители генеральных штабов Прибалтийских государств по приглашению Советского правительства присутствовали на осенних маневрах Красной Армии.

Стремясь к укреплению отношений со своими западными соседями, а также мира в Прибалтике, Советское правительство в июне 1937 г. пригласило министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса посетить СССР. Он был принят советскими руководителями, которые снова подтвердили заинтересованность Советского Союза в поддержании добрососедских, дружественных отношений с Прибалтийскими государствами. М. М. Литвинов заявил в своей речи 15 июня: «Ныне является аксиомой, что безопасность отдельных государств не может быть действительно гарантирована вне всеобщей безопасности. Государствам приходится поэтому думать теперь не только о собственных границах, но и о наилучшем обеспечении ненарушения границ и других государств. Во всяком случае, географическое положение Латвийской республики таково, что СССР не может не относиться с особым интересом к сохранению полностью ее целостности и независимости в соответствии с пактом Лиги наций» [129].

Произошло некоторое расширение контактов между представителями деловых кругов Прибалтийских стран и соответствующими внешнеторговыми и хозяйственными организациями Советского Союза. Оживились культурные связи. Немалое значение имели посещения Прибалтийских стран деятелями советской культуры и науки, гастроли мастеров советского искусства, демонстрация советских кинофильмов. Трудящиеся Прибалтийских стран очень тепло встречали приезжавших артистов Большого театра, известных советских скрипачей и других исполнителей. Большое внимание общественности привлекли организованные в Риге, Таллине и Каунасе выставки советской книги, периодической печати и плакатов, детской литературы, детских рисунков и другие, давшие возможность поближе познакомиться с достижениями советской культуры.

В то же время отдельные группы деятелей культуры и искусства Прибалтийских стран посетили Советский Союз. Среди них были ученые, писатели, журналисты, художники, артисты. Возвратившись на родину, они рассказывали о достижениях советского народа в области науки, культуры, тем самым помогая рассеивать клеветнические измыш-

ления о советском народе, о СССР. Все это способствовало росту популярности Советского Союза среди трудящихся Прибалтийских стран.

Таким образом, в 1935—1937 гг. в условиях все более возраставшей угрозы со стороны гитлеровской Германии в самых широких слоях литовского, латышского и эстонского народов продолжали усиливаться тенденции к расширению сотрудничества с СССР, в котором они видели единственного надежного защитника своих стран. Выступая от имени прибалтийских коммунистов на VII конгрессе Коминтерна, Я. Круминь-Пилат говорил о роли Советского Союза в укреплении мира: «Только Советский Союз, руководимый неизменным стремлением к миру, является той международной силой, на которую могут опираться все малые и угнетенные народы, в том числе и народы Прибалтики, в борьбе против агрессии германско-польского империализма, в борьбе за свою национальную независимость. Только политика теснейшего экономического и политического сотрудничества с СССР, только решительное выступление против махинаций германско-польского империализма, направленных к разжиганию войны, только поддержка мирной политики СССР могут в настоящее время помочь делу мира в Прибалтике. Только такая политика в интересах широчайших масс народов Прибалтики» [130].

Наиболее последовательными борцами за сотрудничество с Советским Союзом против опасности войны выступали коммунисты Прибалтийских стран. В воззвании ЦК КП Литвы к литовскому народу говорилось, что «искренняя политика мира, проводимая Советским Союзом, все время была лучшим залогом независимости малых Прибалтийских государств... Поэтому перед лицом гитлеровской опасности симпатии и тяга к СССР растут не только среди рабочих и трудящихся крестьян Литвы, но и среди интеллигенции и чиновников». Коммунистическая партия Литвы разъясняла: «Литва может устоять перед гитлеровской опасностью, лишь заключив с СССР договор о взаимной помощи. Поэтому требуем заключения прочного союза с СССР» [131]. Орган Центрального Комитета КП Эстонии газета «Коммунист», разоблачая экспансионистские планы германского фашизма в отношении Прибалтийских стран, подчеркивала, что единственный выход из грозящей катастрофы заключается в том, «чтобы трудовой народ потребовал присоединения к мирной политике Советского Союза и заключения пакта о взаимной помощи с СССР» [132]. «У латышского народа,— писала 6 августа 1937 г. «Циня»,— имеется в настоящее время только один путь, одно средство, как предохранить себя от фашистского рабства и уничтожения под гитлеровским солдатским сапогом. Латвия должна присоединиться к все-

---

[128] АВП СССР, ф. 0150, оп. 34, д. 10, л. 31—33.

[129] «Известия», 1937, 16 июня.

[130] VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны, с. 62—63.

[131] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 113.

[132] «Kommunist», 1935, № 11/120.

общему фронту мира, к системе коллективной безопасности, создаваемой Советским Союзом, и заключить, как это сделали Франция и Чехословакия, договор о взаимной помощи с могучей социалистической державой — СССР»[133].

Особенно сильно возросла роль Советского Союза как оплота мира в Европе, в том числе и в Прибалтике, с весны 1938 г., когда гитлеровцы совместно с правящими кругами Польши открыто встали на путь агрессии.

17 марта 1938 г., сразу же после захвата гитлеровцами Австрии, Советское правительство выступило с предложением о немедленном обсуждении в Лиге наций или вне ее практических мер по предотвращению дальнейшего развития агрессии[134].

Другой страной, которой в те дни угрожала опасность агрессии, была Литва. Тогдашнее польское правительство с завистью наблюдало за оккупацией гитлеровцами Австрии и считало, что Польша должна «компенсировать» себя захватом Литвы. Польские войска сосредоточивались у литовской границы. В Польше начались антилитовские демонстрации. Польские правящие круги даже не скрывали, что в ближайшие же дни намерены предъявить Литве ультиматум. Польский посол в Берлине Ю. Липский получил 17 марта 1938 г. от министра иностранных дел Польши Ю. Бека телеграмму, в которой ему предписывалось посетить Геринга и «конфиденциально информировать его, что напряжение в отношениях с Литвой возникло не только вследствие пограничного инцидента». Липский также должен был заявить, что «в случае самого худшего поляки не намерены наносить ущерба германским интересам в Клайпеде»[135]. Польский посол немедленно выполнил это поручение. Телеграмма Бека является совершенно бесспорным доказательством стремления Польши к захвату Литвы. Польские правящие круги не претендовали только на Клайпеду, выражая готовность в случае оккупации ими Литвы «уступить» ее Германии.

Позиция Германии по этому вопросу была изложена в записке, составленной в тот же день, 17 марта, министром иностранных дел Германии Риббентропом. Он отмечал, что Германия не заинтересована в захвате Литвы Польшей, потому что тогда Литва уже не могла бы явиться объектом компенсации в обмен за передачу Германии «польского коридора». Если все же возникнет польско-литовский конфликт, как писал Риббентром далее, «я считаю необходимым в течение первых же часов оккупировать территорию Клайпеды. Нужные для этого приготовления проведены»[136]. Однако гитлеровцы не собирались удовольствоваться этим, они намеревались одновременно захватить значительную часть западных районов Литвы — Жемайтии. Начальник штаба верховного командования германских войск Кейтель составил специальную карту, на которой была нанесена предполагаемая демаркационная линия между германскими и польскими войсками на территории Литвы[137]. Таким образом, Литве угрожало одновременное нападение со стороны Польши и Германии.

Ни Англия с Францией, ни Лига наций не оказали Литве никакой помощи. Она могла надеяться только на поддержку СССР. Американский посол в Москве Дж. Дэвис писал о своей беседе с литовским посланником в Советском Союзе Ю. Балтрушайтисом: «Он опасался худшего. Его единственной надеждой была помощь со стороны Советского правительства»[138].

16 марта 1938 г. М. М. Литвинов пригласил к себе польского посла в Москве Гжибовского и сделал ему заявление о том, что серьезность положения заставляет Советское правительство обратить внимание польского правительства на то обстоятельство, что Советский Союз, будучи заинтересованным в сохранении полной, не только номинальной, но и фактической независимости Литовского государства, не мог бы остаться безучастным к событиям на польско-литовской границе, если бы независимость Литвы была поставлена под угрозу[139].

Решительное заявление Советского правительства сразу же дало свои результаты. Ультиматум, врученный 17 марта 1938 г. Польшей литовскому правительству, уже не содержал условий, угрожавших независимости Литвы. Однако, поскольку ультиматум все же был вручен, Литвинов вновь пригласил 18 марта Гжибовского и еще раз решительно заявил ему, что СССР заинтересован в сохранении полной независимости Литвы[140].

Энергичное и своевременное вмешательство Советского правительства спасло литовский народ от оккупации и порабощения германскими и польскими захватчиками. Развязанный Польшей конфликт с Литвой был урегулирован. Польша вынуждена была отказаться от осуществления своих агрессивных планов.

Эта решительная и эффективная акция Советского правительства лишний раз продемонстрировала народам Прибалтийских стран, что Советский Союз является надежным гарантом их независимости. Требования народных масс об установлении Прибалтийскими государствами самого тесного сотрудничества с СССР в борьбе против агрессии становились все более настойчивыми.

Коммунистическая партия Литвы разъясняла народу, что необходимо «ориентироваться на государства, борющиеся за мир и независимость малых народов, в первую очередь на Советский Союз»[141]. Она требовала установить более тесные отношения с Советским Союзом. В листовке, выпущенной Коммунистической партией Латвии вместе с Социалистической рабоче-крестьянской партией и Союзом трудовой мо-

---

133 «Cīņa», 1937, № 5.
134 Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 22.
135 ИДА, фонд микрофильмов, телеграмма Ю. Бека Ю. Липскому от 17 марта 1938 г.
136 Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Ser. D, Bd. 5, S. 362.
137 Там же, с. 365.
138 *Davies J.* Mission to Moscow. New York, 1941, p. 289.
139 АВП СССР, ф. 0151, оп. 29, д. 2, л. 1.
140 Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6, с. 343—344.
141 «Tiesa», 1938, № 10.

лодежи в апреле 1938 г., указывалось, что для того, чтобы избежать судьбы Австрии и предотвратить катастрофу, Латвия должна «активно включиться в систему коллективной безопасности и заключить договор о взаимной помощи с СССР» [142].

Столь же энергично Советское правительство выступило в сентябре 1938 г. и в поддержку Чехословакии, оказавшейся перед угрозой вторжения германских и польских войск. Если бы Англия и Франция действовали единым фронтом с СССР, расчленение Чехословацкого государства можно было бы предотвратить. Позорная мюнхенская капитуляция английского и французского правительств перед агрессорами 29—30 сентября 1938 г. привела к дальнейшему усилению гитлеровской Германии, приблизила вторую мировую войну.

После мюнхенского сговора все громче и громче раздавался голос народных масс Прибалтийских стран о необходимости сотрудничества с Советским Союзом. Коммунистическая партия Литвы призывала народ требовать, чтобы Литва «твердо ориентировалась на Советский Союз, ибо только он может сейчас гарантировать Литве безопасность и свободу» [143].

Советник германской миссии в Риге, касаясь настроений латышских народных масс, сетовал в беседе с американским посланником в Латвии, что 80% латышей симпатизируют СССР [144]. Это подтверждал и французский посланник в Латвии Трипье. «Я знаю, — сказал он, — что латыши пойдут с Советским Союзом, а если на них нападут, то они уйдут в СССР; так говорят все слои, кроме богатых» [145]. Даже латвийская охранка вынуждена была признать осенью 1938 г., что «рабочие настроены крайне враждебно к гитлеровской Германии, и своим единственным спасителем они считают СССР» [146].

XXVI конференция Коммунистической партии Латвии в феврале 1939 г., подробно охарактеризовав обстановку, чреватую опасностью вторжения в страну германских и польских агрессоров, отметила в своем решении, что обеспечить свободу и независимость малых народов может только Советский Союз. Конференция выдвинула требование «немедленно заключить договор о взаимной помощи с Советским Союзом» [147].

Усиливалась также борьба народных масс Эстонии против угрозы гитлеровской агрессии, за сотрудничество с Советским Союзом в деле защиты мира.

Между тем Германия, ликвидировав 15 марта 1939 г. самостоятельное Чехословацкое государство, начало тайно сосредоточивать войска на своих северо-восточных границах. 22 марта, как уже отмечалось выше, она захватила Клайпеду. Над всей Прибалтикой нависла непосредственная угроза. Советское правительство сочло в таких условиях необходимым предупредить возможных агрессоров, а вместе с тем и поддержать дух сопротивления в Прибалтийских странах. 28 марта 1939 г. оно передало правительствам Латвии и Эстонии заявления о том, что СССР придает огромное значение предотвращению установления гер-

манского господства над Прибалтийскими государствами, так как это противоречило бы как интересам народов этих стран, так и жизненным интересам Советского государства. Советское правительство заявляло, что оно не может оставаться безучастным зрителем захвата Прибалтики и в случае необходимости готово доказать это на деле [148].

По мере усиления опасности агрессии росло беспокойство народных масс Литвы, Латвии и Эстонии за свою судьбу, враждебное отношение к гитлеровской Германии, усиливалось недовольство политическим курсом своих правительств, все более настойчивыми становились требования о сотрудничестве с Советским Союзом.

Центральный Комитет Компартии Литвы в своих воззваниях указывал, что необходимо соблюдать бдительность, «чтобы нас не постигла участь Чехословакии». Коммунистическая партия Литвы подчеркивала, что «политика бесконечных уступок» не может спасти страну, что нужно «опираться на Советский Союз, не раз помогавший защитить независимость Литвы» [149]. Газета «Циня» указывала, что если латышский народ не хочет разделить судьбу чехов и словаков, необходимо помешать Ульманису отдать Латвию Гитлеру [150].

Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд КПСС решительно осудил агрессивные действия фашистских государств, угрожавших всеобщему миру. Одновременно съезд разоблачил отказ правительств Англии, Франции и США от коллективной безопасности, подчеркнув, что проводимая этими странами пресловутая политика «невмешательства» на деле означает попустительство фашистским агрессорам.

Перед лицом дальнейших военных приготовлений гитлеровской Германии народные массы Англии и Франции стали все активнее проявлять беспокойство по поводу внешнеполитического курса правительств обеих стран, начиная понимать, что такая политика содействует развязыванию агрессии. Правительства Англии и Франции под давлением общественного мнения были вынуждены, наконец, принять весной 1939 г. советское предложение начать англо-франко-советские переговоры. В основу их легли советские предложения от 17 апреля 1939 г. Они предусматривали заключение между СССР, Англией и Францией

---

[142] LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920—1940, 3.d., 471.lpp.

[143] *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961, с. 205.

[144] Foreign Relations of the United States. The Soviet Union 1933—1939, p. 939.

[145] «Коммунист Советской Латвии», 1959, № 9, с. 28.

[146] Цит. по: *Мишке В.* Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956, с. 121.

[147] Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi», 1.d., Rīga, 1958, 613.lpp.

[148] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 г.— август 1939 г. Документы и материалы. М., 1971, с. 282—283.

[149] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 390—391.

[150] «Cīņa», 1939, № 3.

договора о взаимной помощи против агрессии и военной конвенции, а также оказание ими всяческой, в том числе и военной, помощи восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств[151].

Как и во время переговоров о Восточном пакте в 1933—1935 гг. Советское правительство уделяло огромное внимание вопросу о преграждении агрессору пути в Прибалтику. В случае захвата гитлеровскими войсками Прибалтики они оказались бы у советских рубежей, в том числе в непосредственной близости от Ленинграда.

26 апреля 1939 г. английское правительство отклонило советские предложения[152]. Английский журналист И. Колвин, будучи хорошо знакомым с политикой английских правящих кругов, отмечал, что эти предложения «были больше того, что Чемберлен мог проглотить»[153]. Английское правительство дало согласие на ведение переговоров о заключении с Советским Союзом договора о взаимопомощи лишь после подписания 22 мая документа о союзе между Германией и Италией, представлявшего серьезную угрозу для Британской империи.

27 мая 1939 г. в Москве были получены англо-французские контрпредложения. В них содержался пункт об оказании тремя державами «всякой посильной помощи и поддержки» друг другу, но эта помощь связывалась с уставом и процедурой Лиги наций, доказавшей свою бездейственность[154]. Кроме того, как отметил 31 мая председатель Совета Народных Комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в своем выступлении на заседании Верховного Совета, в англо-французском предложении по-прежнему игнорировалось советское требование о совместных гарантиях трех держав Прибалтийским государствам, которые были не в состоянии отстоять свой нейтралитет в случае нападения агрессоров[155]. Учитывая недостатки англо-французского проекта, Советское правительство признало его неприемлемым.

Нежелание английского и французского правительств предоставить гарантии Прибалтийским государствам могло иметь только одно объяснение: Англия и Франция развязывали Германии руки для захвата Прибалтики, чтобы тем самым германские войска могли выйти непосредственно к границам Советского Союза, а затем и начать войну против него. В этом отношении весьма показательно письмо латвийского посланника в Брюсселе М. Валтерса в МИД Латвии от 5 июня 1939 г. о его беседе с китайским послом в Бельгии Цзинь Таем, только что вернувшимся из поездки в Лондон. Китайский посол сказал, что он получил в авторитетных лондонских кругах следующие сведения о том, что«оставляя Прибалтийские государства вне гарантий, Германии указывают путь к границам Советского Союза. Если определенные границы оставляют негарантированными, то из этого ясно, что на них можно нападать... Чемберлен желает, чтобы Германия все же в конце концов оказалась в состоянии конфликта с Советским Союзом, что является давнишним планом Чемберлена»[156].

Советское правительство со своей стороны представило 2 июня подробно разработанный проект договора трех держав. В нем предусматривалось, что Франция, Англия и СССР обязуются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если кто-либо из них будет втянут в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней против любого из этих трех государств либо против других стран, «относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии...» [157].

3 июня советский полпред во Франции обсудил советский проект с главой французского правительства Э. Даладье, который не мог не признать конструктивности советских предложений.

Даладье предложил при этом уточнить в договоре, что три державы обязуются прийти немедленно друг другу на помощь в случае, если они окажутся втянутыми в войну в результате военной поддержки любой европейской страны, подвергшейся «прямой или косвенной агрессии» [158]. Суть этого предложения заключалась в том, чтобы гарантии трех держав другим государствам распространялись на случаи как прямой, так и косвенной агрессии, как это было предусмотрено в англо-французских гарантиях, данных в марте — апреле 1939 г. Польше и Румынии. Советское правительство поддержало эту поправку, так как она содействовала бы предотвращению установления гитлеровцами своего господства над Прибалтийскими странами путем политического шантажа и другими подобными средствами.

Германия действовала в Прибалтике именно методами косвенной агрессии, считая, что и таким способом можно достичь поставленной цели. Этому служило, в частности, заключение 7 июня 1939 г. договоров о ненападении с Эстонией и Латвией. Вот как излагал тогдашнюю тактику гитлеровцев в установлении их господства над Прибалтийскими государствами ближайший сотрудник Риббентропа фон Клейст: «В Прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем. Здесь не будет иметь места применение силы, оказание давления или угрозы... Таким способом мы достигаем нейтралитета Прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза... Когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, а тогда в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении не будет иметь места механизм соглашений между Прибалтийски-

---

151 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны..., с. 336—337.

152 Public Record Office, Cab. 23/99, p. 58—61.

153 *Colvin I.* Vansittart in Office. London, 1965, p. 322.

154 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны..., с. 421—422.

155 «Правда», 1939, 1 июня.

156 ЦГИА ЛатвССР, ф. 1313г, оп. 20, д. 162, л. 222.

157 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны..., с. 432.

158 Там же, с. 434.

ми государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР»[159].

Следует отметить, что косвенная агрессия гитлеровцев в Прибалтике уже дала себя знать к тому времени. В угоду гитлеровцам представители правящих кругов Прибалтийских стран и Финляндии твердили, что никакая опасность им не угрожает и поэтому они в гарантиях трех держав не нуждаются. Особенно рьяно выступало против распространения на Прибалтийские страны гарантий трех держав эстонское буржуазное правительство. Министр иностранных дел К. Сельтер опубликовал 25 мая 1939 г. в печати специальное заявление об отрицательном отношении эстонского правительства к гарантированию безопасности Прибалтийских государств[160]. Эстонские представители неоднократно заявляли в министерствах иностранных дел Англии и Франции, что предложения Советского правительства о немедленном оказании помощи Прибалтийским странам являются... недружественным актом. Таким образом, правящие круги Прибалтийских государств своими действиями помогали английскому и французскому правительствам нагромождать трудности при переговорах и расчищали Гитлеру дорогу для захвата Прибалтики.

Этому вопросу была посвящена специальная статья, опубликованная в «Правде». В ней раскрывалась несостоятельность утверждений газет некоторых государств о том, что Прибалтийские страны сами могут с успехом отстоять свою независимость. Не может быть сомнений, как подчеркивала «Правда», в заинтересованности народов Прибалтийских стран в гарантировании их независимости со стороны трех держав[161]. Наконец, 1 июля 1939 г. английское и французское правительства дали согласие на распространение гарантий трех держав на Прибалтийские страны, но только на случай прямой агрессии. На случай косвенной агрессии Англия и Франция предлагали лишь проведение консультаций[162]. Что предприняли бы они после этих консультаций, никто, конечно, не мог сказать. Но, учитывая позицию Англии в ходе переговоров, вряд ли можно было обольщаться надеждами на то, что она выскажется за оказание помощи Прибалтийским странам.

Хотя в результате крайнего обострения международной обстановки английское правительство оказалось вынужденным начать переговоры с СССР, это еще вовсе не означало, что оно действительно хотело заключить соглашение с Советским Союзом. Правительство Чемберлена по-прежнему мечтало о достижении «широкого соглашения» с гитлеровской Германией, будучи готовым за обещание не покушаться на интересы Британской империи предоставить Гитлеру свободу рук на востоке. Английское правительство хотело поэтому иметь повод для срыва переговоров с СССР, если бы заранее ему удалось договориться с гитлеровцами. Этот вопрос в июле подробно рассматривался на заседаниях английского правительства и в переписке между Лондоном и английским посольством в Москве. Было решено, что лучше всего в качестве предлога использовать вопрос о косвенной агрессии[163].

В соответствии с этой своей основной установкой английское правительство, давая в конце июля 1939 г. согласие на начало англо-франко-советских военных переговоров в Москве, решило продолжать переговоры, но вовсе не намеревалось добиваться их скорейшего и успешного завершения. Что же касается вопроса о косвенной агрессии, то английскому посольству в Москве были даны указания занять жесткую позицию[164]. Ввиду обструкционистской позиции английского правительства этот вопрос так и не был урегулирован.

К середине августа, когда стала совершенно очевидной бесплодность военных переговоров, у Советского правительства не оставалось уже никаких надежд на достижение соглашения с Англией и Францией о взаимопомощи против агрессии. Было видно, что правительства этих стран не хотели соглашения с СССР. Все попытки Советского правительства договориться с ними о создании надежного фронта защиты мира против агрессоров остались по вине западных держав безрезультатными. В этих условиях Советский Союз вынужден был использовать другие средства и пути стабилизации положения на своих северо-западных границах и в Прибалтике.

Из тогдашних высказываний Гитлера и его приближенных видно, что единственной державой, конфликта с которой он в 1939 г. опасался, был Советский Союз. Этим объяснялся начатый Германией еще весной 1939 г. зондаж о возможности определенной нормализации отношений с СССР. Пока еще существовала какая-то надежда на достижение соглашения с Англией и Францией, Советское правительство отвергало все обращения гитлеровцев. Германский посол в Москве фон Шуленбург отмечал в своем сообщении в Берлин 4 августа, что Советское правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией»[165]. Когда же все надежды на достижение соглашения с Англией и Францией окончательно рухнули, Советское правительство сочло необходимым принять предложение о заключении договора о ненападении, с которым в тот момент обратилось к нему германское правительство. Подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении явилось «дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке»[166].

Согласно договору германское правительство обязалось не покушаться на советские земли. К тому же оно вынуждено было считаться с законными интересами безопасности Советского Союза и отказаться от планов установления своего господства над Прибалтийскими госу-

---

[159] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны..., с. 365.

[160] «Baltic Times», 25.V.1939.

[161] «Правда», 1939, 13 июня.

[162] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны..., с. 476—478.

[163] Documents on British Foreign Policy. Ser. III, vol. 7. London, 1954, p. 320, 322; Public Record Office, Cab. 27/625, p. 293—294.

[164] Documents on British Foreign Policy. Ser. III, vol. 6, p. 525.

[165] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. D., Bd. 6, S. 894.

[166] Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., 1948, с. 53.

дарствами, в частности от планов превращения их в плацдарм для нападения на СССР.

Разумеется, Советское правительство не переоценивало значения договора, подписанного с Германией, но было бы неправильно игнорировать положительные для СССР последствия заключения этого договора. Полученная отсрочка дала Советскому Союзу возможность продолжить усилия по укреплению обороноспособности страны на случай нападения гитлеровцев на СССР. Разгром Советским Союзом гитлеровской Германии в ходе Великой Отечественной войны показал, что эта передышка сыграла свою роль в подготовке Советским правительством страны к обороне.

*

Агрессивная политика гитлеровской Германии в отношении Прибалтийских стран ставила под угрозу само существование литовского, латышского и эстонского народов. Между тем правительство Англии, на которую в значительной мере ориентировались Прибалтийские государства, не только не принимало мер для предупреждения агрессии Германии в Прибалтике, а наоборот, по существу, поощряло гитлеровцев и в определенном смысле польских империалистов, стремясь столкнуть их с Советским Союзом. Антинародная внешняя политика правительств Ульманиса, Сметоны и Пятса еще более усиливала опасность империалистической агрессии в Прибалтике.

В таких условиях трудящиеся Эстонии, Латвии и Литвы все более убеждались в правоте коммунистов, которые неустанно и смело разоблачали антинародную политику фашистских правительств Прибалтийских стран, до конца обнажали подлинную суть фашизма, показывая, что фашизм — это реакция, агрессия, война, это неисчислимые бедствия для трудящихся, всего человечества. Коммунистические партии Прибалтийских стран энергично призывали народные массы бороться против фашистской агрессии.

Трудящиеся Прибалтийских стран видели в Советском Союзе надежный оплот мира и безопасности народов, который самоотверженно борясь против угрозы агрессии и войны, защищает и жизненные интересы народов Прибалтики. В широких народных массах Прибалтийских стран росло убеждение в необходимости расширения и упрочения связей с Советским государством, крепла уверенность в том, что только дружественная помощь Советского Союза сможет спасти их страны от фашистских агрессоров. Трудящиеся Прибалтийских стран все решительнее выступали за коллективную безопасность против угрозы фашистской агрессии, за заключение договоров о взаимной помощи с Советским Союзом.

Все более широкие слои народных масс Эстонии, Латвии и Литвы сплачивались под знаменами антифашистского народного фронта, высоко поднятыми коммунистическими партиями трех стран.

4

Коммунистические партии стран Прибалтики — организаторы борьбы трудящихся масс против диктатуры буржуазии (1920 г. — август 1939 г.)

Выработка политической линии и укрепление коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в условиях диктатуры буржуазии • Борьба коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии за массы • VII конгресс Коминтерна и новый политический курс компартий Литвы, Латвии и Эстонии • Борьба компартий Прибалтики за осуществление политики единого рабочего и антифашистского народного фронта • Организационное и идейное укрепление компартий Литвы, Латвии, Эстонии

1. Выработка политической линии и укрепление коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в условиях диктатуры буржуазии

В период пролетарской революции и существования Советской власти в Прибалтике коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии являлись составными частями Российской Коммунистической партии (большевиков). Под руководством Центрального Комитета ленинской партии они отстаивали завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, укрепляли боевой союз со всеми народами Советской России. Поражение пролетарской революции и Советской власти в Прибалтике и образование там буржуазных государств поставили перед ними отличные от РКП(б) задачи. В 1920—1921 гг. компартии Литвы[1], Латвии и Эстонии стали самостоятельными коммунистическими партиями и соответственно — самостоятельными секциями Коммунистического Интернационала.

Коммунистические партии Латвии, Эстонии и Литвы в своих программных документах сочли необходимым заявить о своих братских отношениях с Российской Коммунистической партией (большевиков). Так, I съезд КП Эстонии в ноябре 1920 г. в специальной резолюции подчеркнул стремление Компартии Эстонии к самому тесному боевому содружеству с Российской Коммунистической партией (большевиков) и выразил уверенность, что «победоносная пролетарская революция вновь воссоединит КПЭ с Российской Коммунистической партией и организационно»[2]. Орган ЦК КП Латвии газета «Циня» 20 июля 1920 г. писала: «Позиция сознательного латвийского пролетариата в вопросе о Латвии может быть только одна: хозяйственное и географическое положение тесно связывает нас с Россией и российским пролетариатом, с которым нас сближает также многолетняя совместная борьба против

царизма и капитализма»; у пролетариата Латвии «остается только одна ориентация — социалистический пролетариат России и победа революции» [3].

Деятельность коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии протекала в трудной и сложной обстановке. Литовская, латвийская и эстонская буржуазия в борьбе против революционных сил сочетала меры насилия с мерами социальной и особенно националистической демагогии, стремясь отвлечь народные массы от революционной борьбы и изолировать их от влияния коммунистических партий и идей социализма. Обещаниями демократии, социальной справедливости, земельной реформы, националистическими лозунгами независимости и единства нации буржуазии удалось повести за собой значительную часть населения, особенно из числа крестьян и интеллигенции.

В условиях, когда коммунистическим партиям приходилось работать в обстановке подполья и преследований, заметное влияние на рабочий класс, его профсоюзные, кооперативные, культурные, молодежные организации оказывали социал-демократические партии Латвии, Литвы и Эстонии и их правые лидеры. Реформистской деятельности социал-демократии способствовали преимущественно мелкобуржуазный состав населения, изменения в структуре экономики, в частности упадок крупной промышленности и значительное распыление промышленных и сельскохозяйственных рабочих по многочисленным средним и мелким предприятиям и хозяйствам, пополнение промышленного пролетариата за счет разорившихся мелкобуржуазных элементов города и деревни. В Литве реформистские взгляды распространяли также католические рабочие организации. Раскол сил рабочего класса и других трудящихся усугубляли немецкие, еврейские, польские и русские националистические организации.

В создавшейся сложной обстановке неоценимую помощь коммунистическим партиям Эстонии, Литвы и Латвии в преодолении ими проявлявшихся время от времени левацких взглядов оказали работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и решения конгрессов Коммунистического Интернационала.

Разрабатывая революционную стратегию и тактику, компартии считали, что перед рабочим классом Латвии, Литвы и Эстонии стоит задача продолжать борьбу за социалистический строй и за Советскую власть. Социалистическая революция не могла быть привнесена извне, а должна была созреть в каждой стране и опираться прежде всего на внутренние силы.

Несмотря на свою относительную немногочисленность и распыленность, рабочий класс Латвии, Литвы, Эстонии тем не менее обладал немалым революционным опытом и боевыми традициями. В Прибалтике имелся многочисленный сельский пролетариат, активно участвовавший в борьбе за Советскую власть. Масса безземельных и малоземельных крестьян остро нуждалась в земле. Это был потенциальный союзник рабочего класса в борьбе за свержение капиталистического строя.

В. И. Ленин указывал компартиям, что для завоевания на сторону пролетариата трудящихся масс деревни они должны выступать за безвозмездную передачу части конфискованной у крупных собственников земли мелким и средним крестьянам[4]. Это было особенно важно для коммунистических партий Прибалтики, потому что в период Советской власти в Эстонии, Латвии и Литве в 1918—1919 гг. они не учли в достаточной мере стремления широких масс трудового крестьянства получить землю в свое владение, что ослабило союз рабочего класса и крестьянства.

В. И. Ленин учил коммунистические партии, что в зависимости от конкретных условий и задач борьбы они обязаны овладевать всеми ее формами: мирными и немирными, легальными и нелегальными, парламентскими и внепарламентскими, должны научиться наступать и отступать, уметь идти на разумные политические компромиссы. Они обязаны также умело сочетать борьбу за конечные цели пролетариата с повседневной борьбой за ближайшие интересы и права рабочих и одновременно постоянно подводить их ко все более высоким формам классовой борьбы, готовить к новым решающим революционным боям[5].

В первые годы буржуазного строя в Прибалтике в компартиях Литвы, Латвии и Эстонии в той или иной мере проявлялись бойкотистские настроения в отношении буржуазно-демократических институтов (парламенты, органы местного самоуправления) и реформистских профсоюзов. Ленинские указания помогли компартиям постепенно избавиться от неверных установок, уточнить позиции по важнейшим вопросам стратегии и тактики и с учетом новых условий совершенствовать их далее. Для того чтобы противостоять буржуазной, националистической и реформистской идеологии, сохранить боевой дух и политическую закалку рабочего класса, компартии Литвы, Латвии и Эстонии должны были постоянно вести политическую и идеологическую работу, направленную на пропаганду идей классовой борьбы и пролетарского интернационализма, славных традиций борьбы за Советскую власть. Всеми своими силами они стремились к сплочению рабочих и других трудящихся против наступления капитала и реакции, боролись за улучшение экономического положения народных масс, за их демократические и политические права.

Первоочередной задачей коммунистов Эстонии, Литвы и Латвии являлась большевизация, идейное и организационное укрепление коммунистических партий на основе 21 условия приема в Коммунистический Интернационал. Этот документ требовал построения партийных орга-

---

[1] 5 сентября 1920 г. ЦК КП Литвы и Белоруссии принял решение о создании в Литве и Белоруссии отдельных компартий.

[2] Eestimaa Kommunistliku partei esimene kongress. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, lk. 65.

[3] «Cīņa», 1920, № 15.

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41. с. 169—170, 177.

[5] См.: там же, с. 80—82.

низаций по принципу демократического централизма, создания четко действующего подпольного партийного аппарата и партийных ячеек на промышленных предприятиях, в деревне и в армии, воспитания членов партии в духе высокой идейности, железной дисциплины и строжайшей конспирации, сочетания нелегальных и легальных форм борьбы.

Осуществление этой задачи затруднялось тем, что в ходе боев за Советскую власть и после ее поражения погибли тысячи коммунистов и беспартийных активистов, немало их было брошено в тюрьмы и концлагеря. Часть закаленных в боях латвийских, эстонских и литовских коммунистов сражалась в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны. Многие авторитетные и опытные деятели компартий Прибалтики находились в Советской России, где они имели непосредственные контакты с ЦК РКП(б) и Исполкомом Коминтерна. Здесь работали заграничные бюро Центральных Комитетов трех компартий.

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии сохранили и укрепили свои организации и возглавили экономическую и политическую борьбу рабочих и крестьян своих стран. Вместе с компартиями и под их руководством организационную и политическую работу среди молодежи проводили коммунистические союзы молодежи Латвии, Литвы и Эстонии, ставшие секциями Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ). В Прибалтийских странах были созданы организации помощи революционерам — секции МОПР.

Коммунистическая партия Литвы к концу 1920 г. насчитывала 1300 членов [6]. Важную роль в жизни партии сыграл III съезд КП Литвы, состоявшийся 24—29 октября 1921 г. в Кенигсберге (Германия). Съезд выработал новую стратегию и тактику партии и определил меры ее идейного и организационного укрепления.

КП Литвы определила, что для победы социалистической революции в Литве и упрочения ее завоеваний необходим крепкий союз рабочего класса и крестьянства. Земля, скот и инвентарь большинства национализированных имений после победы революции должны быть переданы сельскохозяйственному пролетариату, безземельным и малоземельным крестьянам. Съезд обязал коммунистов возглавить борьбу трудящихся за их насущные экономические и политические права и интересы, работать как в левых, так и в реформистских социал-демократических и христианских профсоюзах, в рабочих кооперативах и культурно-просветительных организациях. III съезд КП Литвы выступил за проведение в жизнь революционной парламентской тактики, он постановил укреплять пролетарское ядро партии, усиливать политическое воспитание коммунистов и формирование новых партийных кадров, вырабатывать у членов партии и всех трудящихся понимание того, что победа революции в Литве зависит прежде всего от их собственной активной борьбы [7].

Пленум ЦК КП Литвы, состоявшийся в сентябре 1923 г., обсудил национальную политику Советской власти в Литве в 1918—1919 гг. и принял «Тезисы по национальному вопросу». КП Литвы заявила о под-

держке ленинского положения о праве наций на самоопределение. Партия высказалась за провозглашение Литвы после победы пролетарской революции самостоятельной советской республикой, подчеркнув при этом, что выступает за ее добровольный союз с другими советскими республиками [8].

17—24 июля 1924 г. в Москве состоялся IV съезд КП Литвы. Он подтвердил большевистскую политическую линию партии по крестьянскому и национальному вопросам. Меры по идейному и организационному укреплению КП Литвы повысили ее активность и влияние в массах. Число членов партии к IV съезду составляло 800 человек. Партия объединяла 6 районных организаций, которые охватывали все уезды, города и многие волости Литвы. Серьезную работу КП Литвы проводила в армии [9].

На III и IV съездах в ЦК КП Литвы были избраны З. Ангаретис, В. Мицкявичюс-Капсукас, К. Пожела, Ю. Грейфенбергерис, Б. Матусявичюс, Ф. Абрамявичюс, И. Вильчинскас. Активными работниками партии являлись К. Гедрис, К. Диджюлис, И. Гашка, П. Гловацкас, Б. Леонас-Пушинис, Р. Чарнас.

Пленумы ЦК комсомола Литвы, его 1-я конференция (22 августа 1922 г.) и I съезд (17—18 октября 1924 г.) определили формы и методы деятельности комсомола, направленные на вовлечение городской и сельской молодежи в единый фронт борьбы за права и интересы трудящейся молодежи [10]. В 1923 г. были организованы первые кружки детской пролетарской организации «Спартакас», явившейся основой для создания 20 декабря 1923 г. пионерской организации Литвы.

В Латвии после установления буржуазного строя революционную деятельность продолжали около 1 тыс. коммунистов. В 1920—1923 гг. активно работали члены ЦК КП Латвии испытанные революционеры Я. Берзинь-Андерсон, П. Брант, Е. Грицманис, Э. Зандрейтер, Я. Шилф-Яунзем, Я. Круминь-Пилат, Я. Ларозе, А. Берце-Арайс, М. Чуче (А. Пуринь-Упмалис) и др. Идейным руководителем ЦК КП Латвии был П. Стучка, выдающийся революционер, занимавший в то время пост заместителя народного комиссара юстиции РСФСР. В состав Заграничного бюро ЦК партии входили Д. Бейка, Ю. Данишевский, О. Карклинь, К. Крастынь, Я. Ленцманис. К. Печак и др. [11].

---

[6] *Lopajevas S.* Lietuvos Komunistų partijos idėjinis ir organizacinis stiprejimas. Vilnius, 1964, p. 56.

[7] *Kapsukas V.* Pranešimas apie trečiąjį Lietuvos Komunistų partijos suvažiavimą. Raštai, t. 9. Vilnius, 1970, p. 140—213.

[8] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Литвы (далее — ПА ИИП при ЦК КП Литвы), ф. 77, оп. 6, д. 1.

[9] Lietuvos Komunistų partijos IV-jo suvažiavimo teziai ir rezoliucijos. Smolenskas, 1924; *Šarmaitis R.* Lietuvos Komunistų partija liaudies revoliucinės kovos ir socialistinės statybos priešakyje.— В кн.: Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje. Vilnius, 1967, p. 24.

[10] Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija (далее — MLTE), t. 2. Vilnius, 1968, p. 388.

[11] Очерки истории КП Латвии, ч. 2. Рига, 1966, с. 31—33.

В 1920—1922 гг. по решению буржуазного суда были расстреляны члены ЦК А. Берце-Арайс, Я. Шилф-Яунзем, руководители организации Компартии в латвийской армии П. Алкснис, Ф. Бергманис, М. Чуче и многие другие. И тем не менее постепенно были восстановлены связи Центрального Комитета с областными, городскими и районными партийными организациями. Весной 1920 г. ЦК КП Латвии образовал центр, осуществлявший руководство нелегальными кружками (ячейками) в воинских частях, объединявших около 200 солдат-коммунистов [12].

С 1920 по 1923 г. состоялось пять конференций Коммунистической партии Латвии. 16—23 февраля 1923 г. в Москве проходил VII съезд партии. К тому времени в ее рядах насчитывалось 845 членов.

Съезд признал важнейшей задачей партии завоевание на свою сторону большинства рабочего класса, указав, что для этого необходимо использовать все легальные пролетарские и полупролетарские организации. Съезд постановил, что после победы в Латвии социалистической революции будет безвозмездно отчуждена лишь земля крупных хозяйств, участки же малоземельных и средних крестьян трогать не будут; в советские и кооперативные хозяйства превратят лишь крупные владения, которые имели батраков и необходимый инвентарь, батраки сами должны высказаться за организацию таких хозяйств. Остальная отчужденная земля должна быть разделена между безземельными и беднейшими крестьянами [13]. Резолюция съезда по национальному вопросу призывала трудящихся всех национальностей сплотиться для совместной борьбы против буржуазии. В ЦК КП Латвии были избраны П. Стучка, Я. Берзинь-Андерсон, Э. Зандрейтер, Я. Круминь-Пилат, Я. Ларозе и др.

В 1920 г. был создан центр КСМ Латвии, который руководил комсомолом вплоть до апреля 1921 г., когда на 1-й конференции КСМ Латвии был избран его Центральный Комитет [14].

В условиях победы буржуазии ЦК Эстляндской коммунистической организации 6 февраля 1920 г. в своем манифесте к трудящимся Эстонии указал, что задача пролетариата состоит в том, чтобы вновь вырвать власть из рук буржуазии и восстановить Советскую власть. Это возможно только при условии создания единого фронта рабочего класса и установления тесного союза с Российской Советской республикой [15].

Первоочередной задачей Центральный Комитет считал создание широкой сети боеспособных партийных организаций, что было весьма трудно. По неполным данным, в 1920—1925 гг. в Эстонии состоялось 270 политических процессов, по которым прошло около 1200 подсудимых (не считая участников восстания 1 декабря 1924 г.), многие коммунисты были убиты без суда и следствия [16].

В июне 1920 г. Эстляндская партийная организация насчитывала 690 членов. Задания партии выполняли 2800 беспартийных активистов [17].

5 ноября 1920 г. в Таллине состоялся I съезд КП Эстонии, который постановил впредь именовать партию Коммунистической партией Эстонии. В принятых съездом «Программных тезисах Коммунистической партии Эстонии» указывалось, что главная задача эстонского пролета-

риата и его Коммунистической партии состоит в том, чтобы свергнуть власть буржуазии и установить власть трудового народа. Съезд указал на необходимость сочетать нелегальную и легальную работу и одобрил ранее принятое решение Центрального Комитета об участии в выборах в государственное собрание.

В Центральный Комитет КП Эстонии вошли Я. Анвельт, В. Кингисепп, Я. Креукс, М. Ликеметс, П. Лепп, Х. Пегельман, О. Рястас, Ю. Рястас, Р. Вакман [18].

5—6 октября 1921 г. на хуторе Уку Сауэской волости (ныне Харьюский р-н) состоялся II съезд Коммунистической партии Эстонии. В партии в это время было уже 1100 членов, объединенных в 88 партийных коллективах. Съезд одобрил точку зрения ЦК КП Эстонии о возможности превращения в массовую легальную, революционную партию Эстонской независимой социалистической рабочей партии (ЭНСРП), в которой было немало революционно настроенных рабочих. Большое внимание уделялось усилению работы коммунистов в армии, в профсоюзах, в том числе и реформистских, в кооперативах. Вместо запрещенного властями Всеэстонского союза молодых пролетариев, созданного по инициативе КП Эстонии в конце 1920 г. и насчитывавшего 1100 членов, было решено организовать нелегальный Коммунистический союз молодежи Эстонии [19].

В то время, когда партия укрепляла и расширяла свои ряды, реакция усиливала репрессии.

В ночь со 2 на 3 мая 1922 г. полицией был схвачен Виктор Кингисепп, который на следующий день по приговору военно-полевого суда был расстрелян. Буржуазное правительство организовало политический «процесс 115-ти» активистов партии и комсомола.

24 сентября 1922 г. близ станции Арукюла (Ряэской волости) состоялся III съезд КП Эстонии. В принятой резолюции о ближайших тактических задачах указывалось на то, что наряду с дальнейшим сплочением промышленного пролетариата необходимо большее внимание уделять организации полупролетариев, мелких землевладельцев, в том числе арендаторов и рыбаков.

---

[12] Доклады Второго конгресса Коммунистического Интернационала. Пг., 1920, с. 291.

[13] Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1 d. Rīga, 1958, 279—280.lpp.

[14] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 42.

[15] Eestimaa Kommunistliku partei esimene kongress. Dokumente ja materjale, lk. 13—15.

[16] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Эстонии (далее — ПА ИИП при ЦК КП Эстонии), ф. 247, оп. 56, д. 1, л. 46.

[17] Eestimaa Kommunistliku partei esimene kongress. Dokumente ja materjale, lk. 103.

[18] *Liebman A.* Eestimaa Kommunistliku partei loomise ajaloost. Tallinn, 1960, lk. 143—168.

[19] Eestimaa Kommunistliku partei teine kongress. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1962, lk. 267—268, 271, 272—275.

В избранный съездом Центральный Комитет КП Эстонии вошли Я. Анвельт, Я. Креукс, Х. Пегельман, О. Рястас, Р. Вакман. Вскоре в его состав были кооптированы С. Андреев, И. Лауристин, Я. Томп, Х. Аллик и П. Кээрдо [20].

В начале 1924 г. КП Эстонии насчитывала около 2000 членов. В подавляющем большинстве это были представители городского промышленного пролетариата [21].

В начале сентября 1922 г. нелегально состоялся I съезд КСМ Эстонии, на котором был избран Центральный Комитет комсомола [22].

2. Борьба коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии за массы

В течение 1920—1934 гг. коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии вели борьбу за массы в условиях подъема и спада революционной борьбы в мире, временной стабилизации капитализма и мирового экономического кризиса, в условиях наступления капитала на жизненный уровень трудящихся и роста политической реакции. Преодолевая сопротивление господствующей буржуазии, правой социал-демократии и других соглашательских сил, а также свои собственные заблуждения и просчеты, компартии боролись за укрепление единства рабочего класса и сплочение вокруг него широких трудящихся масс города и деревни. В своей деятельности они руководствовались решениями конгрессов Коммунистического Интернационала и приобрели ценный опыт борьбы за единство рабочего класса, за массы.

Коммунистические партии вели в массах большую политическую работу по разоблачению буржуазных и мелкобуржуазных партий, которые социальной демагогией прикрывали свои истинные цели укрепления капиталистического строя, пуская в ход не только свои привлекательные названия — рабочих, демократических, народных, национальных партий и либерально-демократические программы, но нередко «антикапиталистические» и даже «социалистические» лозунги. В. Капсукас, разоблачая лживость социально-экономических обещаний буржуазии и социал-демократии в условиях революционного подъема масс после Великой Октябрьской социалистической революции, писал: «Кто же в то время не был демократом? Даже отвратительнейшие реакционеры, монархисты-черносотенцы времен царизма стали тогда великими демократами». Но, отмечал В. Капсукас, Коммунистическая партия правильно подчеркивала, что «буржуазная демократия и свобода — это прежде всего свобода для буржуазии эксплуатировать рабочих и беднейших крестьян...» [23].

Коммунисты разъясняли массам, что некоторые социальные мероприятия, осуществленные буржуазией, являются отнюдь не проявлением ее заботы о народе, а вырваны в результате борьбы самих рабочих и крестьян.

Особое внимание компартии Латвии, Эстонии и Литвы уделяли политическому и идеологическому разоблачению мелкобуржуазного характера социал-демократических партий своих стран, а в Литве также и католической федерации труда, их соглашательской политики и практики сотрудничества с буржуазией. Так, например, ЦК КП Латвии, разоблачая оппортунистическую программу латвийской социал-демократии, превозносившую «демократическую конституцию республики» и буржуазную демократию как лучшую форму политической организации общества и отвергавшую путь социалистической революции, еще в 20-х годах в ряде своих документов указывал, что рабочие в Латвии фактически лишены свободы союзов и печати, их избирательные права ограничены, в то время как буржуазная демократия обеспечивает лидерам социал-демократии «высокие посты в государственных учреждениях, даже министерские портфели, и спокойную, мещанскую жизнь» [24].

Важной стороной деятельности компартий Прибалтики была борьба против антисоветизма и антикоммунизма, пропаганда достижений СССР и их значения для развития мирового революционного процесса. Для политической и организационной работы в массах использовались подпольная и легальная печать, митинги и демонстрации, экономические и политические забастовки, левые и реформистские профсоюзы, государственные представительные органы, легальные кооперативные, культурно просветительные, спортивные и молодежные организации. Учитывая наличие в своих странах довольно многочисленных национальных меньшинств, коммунистические партии старались использовать их как союзников в борьбе против капиталистического строя, за Советскую власть, которая могла наилучшим образом обеспечить социальные и национальные права трудящихся.

Будучи интернационалистскими партиями, коммунистические партии Эстонии, Латвии и Литвы стремились укреплять свои связи с трудящимися национальных меньшинств и объединяли в своих рядах представителей различных национальностей.

Компартия Литвы еще в конце 1919 г. обратилась с призывом к своим членам: «Все коммунисты — в профсоюзы». В июне 1920 г. в Каунасе состоялся первый съезд профсоюзов Литвы, делегаты которого представляли 40 000 организованных рабочих. Он принял резолюции, предложенные коммунистами. После съезда число членов профсоюзов выросло до 60 000. В 1921 г. левые профсоюзы Литвы присоединились к Красному Интернационалу Профсоюзов [25].

---

[20] *Liebman A.* EKP sojajargse revolutsioonilise kriisiaastail. Tallinn, 1961, lk. 109.

[21] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 145, л. 5; ф. 24, оп. 1, д. 155, л. 119.

[22] Там же, ф. 24, оп. 1, д. 773, л. 1—12; оп. 2, д. 700, л. 4.

[23] *Kapsukas V.* Buržuazinė Lietuva. Vilnius, 1961, p. 9—10.

[24] См.: Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 151, 167.

6 Заказ № 2523

Рабочие Литвы активно выступали в защиту своих интересов. Осенью 1919 г. и летом 1920 г. состоялись всеобщие политические стачки каунасских рабочих. Осенью 1919 г. провели забастовку 4000 батраков имений Сувалькии [26].

21—23 февраля 1920 г. произошло восстание солдат Каунасского гарнизона, которые не могли больше терпеть порядки, установленные в армии. Военному командованию с помощью верных частей из провинции и военных советников США и Англии удалось подавить восстание. Около 150 солдат было предано военному суду. Наиболее активные участники восстания, в том числе председатель ревкома восставших унтер-офицер коммунист П. Мицкелюнас, были расстреляны [27].

Во время выборов в I сейм (октябрь 1922 г.) по инициативе ЦК КП Литвы были созданы «Рабочие группы Литвы» («Лиетувос дарбининку куопос»). Несмотря на террор властей, они собрали около 52 000 голосов и провели в сейм 5 депутатов (из 78), которые образовали рабочую фракцию куопининков, активно выступавшую в защиту прав трудящихся [28].

III конференция КП Литвы, состоявшаяся нелегально в январе 1926 г. в Каунасе, наметила к предстоящим выборам в III сейм следующие зазачи: создание единого фронта против реакции, против управления страной партией христианских демократов и призвала к борьбе за политические свободы, за улучшение условий жизни рабочих и деревенской бедноты. В ходе предвыборной кампании правительство христианских демократов предало суду 398 участников революционного движения, в том числе 92 куопининков. Главным итогом майских выборов 1926 г. в III сейм явилось политическое поражение правящей реакционной партии христианских демократов и приход к власти либерального коалиционного правительства ляудининков и социал-демократов. Под руководством КП Литвы усилилась экономическая и политическая борьба рабочих. Крупнейшие профсоюзы поддерживали политику единого рабочего фронта и единства профсоюзов, проводимую Компартией.

Так как либеральное коалиционное правительство не принимало решительных мер против растущей опасности фашистского заговора, пленум ЦК КП Литвы в сентябре 1926 г. выдвинул лозунг «Борьба против фашизма!» [29]. 2 декабря ЦК КП Литвы призвал членов социал-демократической партии создать единый фронт борьбы против назревавшего фашистского переворота [30]. Однако, несмотря на мобилизацию внимания общественности к назревавшим событиям, Компартия, не могла одна поднять массы на разгром фашистского заговора. Коалиционное же правительство ляудининков и социал-демократов, хотя и было информировано о готовящемся перевороте, преступно бездействовало и тем самым попустительствовало фашистским заговорщикам.

После совершенного 17 декабря 1926 г. в Литве военно-фашистского государственного переворота были разгромлены многие организации КП Литвы и расстреляны руководящие деятели Компартии, Красной

помощи (МОПР) и комсомола Литвы — К. Пожела, Ю. Грейфенбергерис, К. Гедрис, Р. Чарнас.

Уже в день переворота, 17 декабря 1926 г., Центральные Комитеты Компартии и комсомола Литвы в совместном воззвании призвали рабочих, крестьян, солдат, все прогрессивные силы создать единый фронт борьбы против фашистской власти [31]. На пленуме ЦК КП Литвы, состоявшемся 6 января 1927 г. в Каунасе, был сформирован новый состав ЦК и его Секретариат. Пленум ЦК, проходивший 9 апреля 1927 г., отметил, что партия сумела оправиться от удара.

ЦК КП Литвы призвал коммунистов и широкие массы трудящихся не поддаваться авантюристическим путчистским настроениям, создавать широкий фронт антифашистских сил для свержения фашистской диктатуры и завоевания «революционной народной власти»; для осуществления этой цели предлагалось создавать антифашистские комитеты борьбы.

После фашистского переворота в Литве рабочие, трудящиеся крестьяне и солдаты оказывали сопротивление фашистскому режиму. Это нашло свое выражение и в организации 9 сентября 1927 г. антифашистски настроенными социал-демократами, ляудининками и эсерами вооруженного восстания нескольких сот трудящихся в Таураге и окрестностях этого уездного центра. Восстание в тот же день было жестоко подавлено правительственными войсками, его руководитель П. Микульскис погиб. Попытка организовать подобное выступление в Алитусе не удалась. Перед судом предстали 209 участников восстания и членов повстанческих организаций. Оценивая выступление восставших антифашистов и отдавая должное их героизму, КП Литвы указала, что восстание носило сугубо локальный характер и что мелкобуржуазный авантюризм, проявленный некоторыми социал-демократами и ляудининками, может принести массовой борьбе трудящихся только вред. При свержении фашистской диктатуры нужно ориентироваться на объединение всех антифашистских сил и на вовлечение в борьбу против нее широких масс рабочих и крестьян [32].

Правильная линия в борьбе за объединение всех антифашистских сил выкристаллизовывалась постепенно. Состоявшаяся в сентябре 1927 г. IV конференция КП Литвы после острых прений, исходя, как и многие другие компартии в то время, из положения о непосредственном переходе после свержения фашистской диктатуры к Советской власти, боль-

---

25 Вопросы истории Коммунистической партии Литвы. Вильнюс, 1961, с. 105—108.

26 Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 294—296.

27 Очерки истории КП Литвы, т. 1, Вильнюс, 1973, с. 514.

28 Revoliucinis judejimas Lietuvoje, p. 297—300.

29 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 9, д. 4, л. 3.

30 Там же, д. 5, л. 7.

31 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 2. Vilnius, 1962, p. 218—219.

32 MLTE, t. 3. Vilnius, 1971, p. 339—340.

шинством голосов отказалась от лозунга создания антифашистского революционного народного правительства и выдвинула задачу превращения антифашистской революции в пролетарскую с целью завоевания власти рабочими и крестьянами[33]. В 1935 г. представитель КП Литвы при Исполкоме Коминтерна З. Ангаретис в свете нового исторического опыта указал, что эта смена политической линии была неверной: она ослабила влияние партии, поощряла сектантские тенденции и затрудняла борьбу за создание антифашистского фронта[34].

IV конференция избрала новый состав Центрального Комитета. В Политбюро ЦК КП Литвы вошли З. Ангаретис, К. Диджюлис, И. Гашка, В. Капсукас, членами Секретариата ЦК КП Литвы были избраны К. Диджюлис, А. Лифшицас, А. Снечкус, Ю. Стимбурис.

Компартия продолжала укреплять свои организации и активизировать свою деятельность среди рабочих, крестьян и в армии. В 1928 г. действовали 6 районных, 24 подрайонных и ряд волостных организаций КП Литвы. В конце 1929 г. в ее рядах состояло 750 членов[35].

В 1928—1929 гг. в Каунасе, Шяуляй, Паневежисе, Клайпеде, в других городах и в сельской местности Литвы произошли первые после фашистского переворота экономические забастовки промышленных и сельскохозяйственных рабочих, антифашистские собрания и совещания крестьян, политические и экономические демонстрации рабочих и безработных, восстанавливались нелегальные и легальные профсоюзы[36]. В период экономического кризиса и после него, в 1931—1934 гг., под руководством Компартии расширилась забастовочная борьба, значительного размаха достигли боевые выступления безработных. В октябре 1931 г. серьезную победу на выборах в правлении государственных больничных касс одержали кандидаты левых рабочих. Фашистские власти разогнали правления этих больничных касс[37]. После закрытия в 1932 г. левых профсоюзов коммунисты продолжали работать в реформистских профсоюзах. Компартия расширила свою деятельность в деревне.

Усилилось идейное воздействие Коммунистической партии на литовскую демократическую интеллигенцию, происходило сближение прогрессивной интеллигенции с рабочим классом. Это особенно отчетливо проявилось в эволюции взглядов группы молодых антифашистских писателей К. Корсакаса, П. Цвирки, А. Венцловы, С. Нерис и других, сплотившихся вокруг журнала «Трячяс фронтас» («Третий фронт»). В пятом номере этого журнала (май 1931 г.) было провозглашено, что объединяемые им писатели признают городской пролетариат руководителем революционной борьбы в Литве и встанут в одни ряды с борющимся пролетариатом. Журнал был закрыт. В антифашистскую борьбу включилась и группа молодых литовских художников. Под руководством Компартии они в 1934 г. начали издавать подпольный антифашистский сатирический журнал «Шлуота» («Метла»).

Коммунисты и комсомольцы активно работали среди студентов Каунасского университета и в других учебных заведениях, в культурно-

просветительных и спортивных организациях рабочих, крестьян, молодежи.

8—17 сентября 1933 г. в Москве состоялась V конференция КП Литвы, представлявшая более 800 коммунистов. Она обратила внимание на то, что победа фашизма в Германии, рост опасности войны и усиление фашистской реакции внутри страны по-новому поставили задачи создания единого фронта рабочего класса, а также борьбы с проявлениями сектантства в деятельности партийных организаций [38].

Компартия Литвы достигла новых успехов в организации экономической и политической борьбы трудящихся города и деревни. В 1933 г. в забастовках участвовало 7 тыс. рабочих, в 1934 г.— 10 тыс. [39]. Заметно выросло влияние коммунистов в легальных профсоюзах, находившихся под руководством социал-демократов. Вследствие этого правительство в 1934 г. запретило деятельность профсоюзов и пыталось заменить их фашистским «генеральным представительством рабочих».

Коммунистическая партия Латвии для усиления своего авторитета в массах также нацелила партийные организации на работу в профсоюзах и других легальных организациях трудящихся. Для координации деятельности фракций коммунистов был создан партийный центр легальной работы.

В мае 1921 г. наряду с реформистскими профсоюзами, объединявшими 25 тыс. членов, возникли левые профсоюзы — опорные пункты КП Латвии по сплочению рабочего класса города и деревни. Руководство левыми профсоюзами осуществляло Центральное бюро рижских профсоюзов (ЦБРПС). К левым профсоюзам Риги примыкали Центральное бюро профсоюзов Курземе и др. [40] К концу 1922 г. в левых профсоюзах насчитывалось 25 тыс. членов [41]. Фракции Компартии Латвии вплоть до 1928 г. действовали в 21 левом и 28 реформистских профсоюзах [42].

Коммунисты добились значительного влияния в крупнейшем рабочем кооперативном потребительском обществе Риги «Продуктс», которое в 1921 г. насчитывало 20 тыс. членов [43], а также в ряде других кооперативов, в больничных кассах. Легальным органом идейно-политического сплочения трудовой молодежи стал центр молодежных секций при Центральном бюро рижских профсоюзов.

КП Латвии повседневно руководила экономической и политической борьбой рабочих промышленности и сельского хозяйства, безработных.

---

[33] LKP istorijos klausimai, t. 4. Vilnius, 1964, p. 37—40.

[34] *Angarietis Z.* Už liaudies veiksmų vienybę. Vilnius, 1968, p. 288.

[35] *Sarmaitis R.* Указ. соч., p. 33—34.

[36] Revoliucinis judėjimas Lietuvoje, p. 390—395.

[37] *Sarmaitis R.* Указ. соч., p. 36.

[38] *Sarmaitis R.* Указ. соч., p. 37—38.

[39] MLTE, t. 3, p. 315.

[40] «Красный Интернационал Профсоюзов», 1922, № 8, с. 633.

[41] Международное профдвижение 1923—1924 гг. Отчет Исполбюро III конгрессу Профинтерна. М., 1924, с. 233.

[42] «Nost važas». Rīga, 1970, 20.lpp.

[43] «Cīņas balsis». Rīga, 1959, 249.lpp.

В 1921—1923 гг. официальными статистическими органами Латвии было зарегистрировано 367 забастовок, в которых участвовало 25,5 тыс. человек[44]. Рабочие устраивали политические демонстрации. Так, первомайская демонстрация 1921 г. в Риге собрала 20 тыс. участников[45]. Коммунисты проводили политическую работу среди батраков, безземельных и малоземельных крестьян.

В 1921—1922 гг. КП Латвии с помощью левых профсоюзов приняла активное участие в выборах органов местного самоуправления. На выборах Рижской городской думы в марте 1922 г. за объединенный список левых профсоюзов проголосовало 17 тыс. избирателей. В городскую думу было избрано 13 левых советников[46].

Во второй половине 20-х годов в Латвии наступил новый подъем массового рабочего движения. 21 января 1926 г. в ходе 50-тысячного митинга, созванного социал-демократами, а также 20-тысячной демонстрации, организованной коммунистами, их участники выступали против введения новой таможенной политики, против повышения цен на товары первой необходимости.

В январе 1927 г. КП Латвии призвала массы потребовать от так называемого левого правительства, возглавляемого лидером партии социал-демократов меньшевиком М. Скуениеком, решительных мер борьбы против назревавшей угрозы фашистского переворота. В связи с происшедшей в этом месяце попыткой фашистского переворота по всей Латвии прошли массовые выступления трудящихся[47]. В первомайских митингах и демонстрациях 1928 г. только в Риге участвовало около 50 тыс. трудящихся[48].

Летом 1928 г. министерство внутренних дел Латвии запретило 19 революционных рабочих организаций, в том числе левые профсоюзы. 22 августа более 23 тыс. рабочих прекратили работу и вышли на митинги и демонстрации протеста, произошли столкновения между полицией и демонстрантами[49].

На выборах в III сейм в октябре 1928 г. за кандидатов списка рабочих и крестьян, выдвинутого по инициативе КП Латвии, проголосовало 75 000 человек. Впервые в буржуазном сейме была образована рабоче-крестьянская фракция в составе 6 депутатов — коммунистов и левых рабочих деятелей (рабочие Л. Ершов, Э. Миезис, революционный писатель Л. Лайцен и др.)[50].

В этот период коммунисты вели активную работу среди сельскохозяйственных рабочих и крестьян более чем в 50 волостях[51].

При помощи рабоче-крестьянской фракции сейма в конце 1928 и начале 1929 г. были восстановлены многие левые профсоюзы и создан их новый центр — Союз профсоюзов Латвии, объединявший 5 тыс. рабочих[52]. Крупного успеха в 1929 г. левые рабочие достигли во время выборов в правления больничных касс[53].

18 октября 1929 г. в знак протеста против попытки правительства реорганизовать больничные кассы с целью ликвидации в них рабочего самоуправления и сокращения числа лиц, которым оказывалась медицин-

ская помощь, была организована крупная политическая забастовка, в которой участвовало 50 тыс. рабочих (почти 80% промышленных рабочих Латвии) и более 10 тыс. служащих. Всего в Латвии в 1928 г. прошло 179 стачек, а в 1929 г.— 362[54].

Латышские коммунисты и комсомольцы в это время также активно работали в армии, среди новобранцев и в Обществе демобилизованных воинов.

Партия стремилась вовлечь в революционную борьбу представителей творческой интеллигенции. Важную роль в воспитании трудящихся в духе демократических и революционных идей играли прогрессивные писатели А. Упит, Л. Паэгле, Л. Лайцен. Вокруг возглавляемого Л. Лайценом журнала «Крейса фронте» («Левый фронт») сплотилась группа революционных писателей и поэтов. Они, так же как и революционные художники З. Хаскин и Э. Калис, тесно сотрудничали с рабочими организациями.

В 1931 г. во время выборов в IV сейм в Латвии за кандидатов революционных рабочих и крестьян проголосовало около 70 тыс. избирателей, в том числе в Риге более 30 тыс.[55] В IV сейме вновь была образована рабоче-крестьянская фракция из 7 депутатов (Л. Лайцен, Э. Судмалис, О. Гулбис и др.).

7 января — 6 февраля 1931 г. в Москве состоялся VIII съезд КП Латвии. В документах съезда обращалось внимание на опасность фашистского переворота и ставилась задача организации трудящихся Латвии на борьбу против наступления фашизма и угрозы империалистической войны против СССР. Съезд нацелил партийные организации на разоблачение антирабочей политики и деятельности правого руководства социал-демократов, а также на изживание сектантского отношения к рядовым социал-демократам, на создание единого рабочего фронта снизу. Намеченная на съезде линия в аграрном вопросе способствовала укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Съезд избрал Центральный Комитет КП Латвии. В Политбюро и Заграничное бюро ЦК вошли А. Бринькис, Ф. Деглав, Я. Круминь-Пилат, Я. Ленцманис, М. Озол, П. Стучка и др.[56] 25 января 1932 г. Компар-

---

[44] Darba statistika, 1928. g. Rīga, 1930, 101.lpp.

[45] Latvijas Satversmes. sapulces stenogrammas, 10. burtnica, Rīga, 1921, 828.lpp.

[46] «Krievijas Cīņa», 18.X.1922.

[47] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Латвии (далее — ПА ИИП при ЦК КП Латвии), ф. 240, оп. 2, д. 256, л. 11; д. 277, л. 12, 13.

[48] История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1971, с. 516.

[49] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 516—518.

[50] Очерки истории КП Литвы, ч. 2, с. 197—200.

[51] Там же, с. 205.

[52] Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. d., 413.lpp.

[53] «Strādnieku Darbs un Maize» (Rīga), 1929, № 58.

[54] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 518—519.

[55] Latvijas Republikas saeimas vēlēsanas 1931. gadā. Rīga, 1932, 4—5.lpp.

[56] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 242—251.

тия Латвии и все международное коммунистическое движение понесло тяжелую утрату — умер один из основателей и долголетних руководителей КПЛ, советский государственный деятель, соратник В. И. Ленина П. Стучка.

После VIII съезда Компартии Латвии ее организации окрепли и расширили свои ряды. К 1934 г. в партии насчитывалось 1150 коммунистов. Комсомольские ячейки объединяли 670 членов, организации Красной помощи — свыше 320 членов [57]. Заметно возросло влияние партии среди трудящихся. Об этом свидетельствовали массовые демонстрации рабочих и безработных в период 1931—1933 гг.

На внутриполитической обстановке в Латвии в это время заметно сказывалась нараставшая опасность фашистского переворота. Однако руководство социал-демократической рабочей партии отклоняло предложения Компартии о создании единого фронта и тем самым ослабляло бдительность масс в борьбе с фашизмом. На XIX съезде социал-демократической партии, который состоялся за неделю до фашистского переворота, один из ее лидеров Ф. Мендер в ответ на выраженное некоторыми делегатами беспокойство заявил, что в Латвии фашизм не придет к власти ни путем изменения конституции, ни путем переворота [58].

Как отмечал Я. Круминь-Пилат в 1934 г., социал-демократы в то время имели значительное влияние среди рабочих. Они контролировали почти все легальное профдвижение Латвии, бóльшую часть рабочих кооперативов, имели свои фракции и до 20—30% мест во всех местных самоуправлениях. В начале 1934 г. социал-демократическая партия собрала около 40% голосов на референдуме по проекту о социальном страховании. КП Латвии поддержала проект социал-демократов [59]. Если бы лидеры социал-демократии не остались глухими к призывам Коммунистической партии о единстве действий и подняли на борьбу трудящихся, которые шли за ними, можно было бы оказать мощное сопротивление нараставшей в Латвии опасности установления фашистской диктатуры. Но социал-демократические лидеры отказались от этого. В мае 1934 г. К. Ульманис установил в Латвии фашистскую диктатуру.

ЦК КП Эстонии, так же как и ЦК КП Литвы и ЦК КП Латвии, в борьбе за массы большое внимание уделял профсоюзам и другим рабочим организациям. В конце ноября 1922 г. на II съезде профсоюзов Эстонии был восстановлен центр профсоюзного движения — Всеэстонский центральный совет рабочих профсоюзов. К январю 1924 г. число членов профсоюзов Эстонии достигло 30 тыс. [60] Профсоюзы были монолитной массовой революционной организацией эстонского рабочего класса и входили в Красный Интернационал Профсоюзов — Профинтерн.

В конце 1922 г. почти при всех городских профсоюзах и при некоторых профсоюзах сельских рабочих коммунисты создали молодежные комиссии, объединявшие около 5000 человек. В своей деятельности КП Эстонии сумела также опереться на существовавшие в Таллине, Пярну и Тарту рабочие кооперативные потребительские товарищества [61].

Компартия усилила свое влияние в рабочих массах. В 1920—1924 гг. в Эстонии прошло 166 стачек, в которых участвовали 30 331 человек.

По инициативе ЦК КП Эстонии в январе 1922 г. наиболее значительные и влиятельные рабочие организации обратились ко всем трудящимся с призывом о создании единого фронта. Однако Эстонская социалистическая рабочая партия отклонила это предложение[62].

Подавляющее большинство организованных промышленных рабочих Эстонии сплотилось вокруг лозунгов единого фронта трудящихся. На позиции революционной классовой борьбы стало переходить все больше рядовых членов Эстонской независимой социалистической рабочей партии. В 1923 г. она была переименована в Партию трудящихся Эстонии и превратилась в легальный центр коммунистического руководства революционной борьбой масс города и деревни. Эта партия имела в это время в Таллине и в уездах более 100 отделений с 2000 членов[63].

На выборах во II государственное собрание в 1923 г. кандидаты единого фронта трудящихся завоевали 10% мест. В состав государственного собрания вошли 10 коммунистов, среди них Я. Томп, Х. Хейдеман, Р. Пяльсон, П. Кээрдо, Х. Аллик, И. Рээзен. Во время муниципальных выборов в конце 1923 г. кандидаты единого фронта трудящихся в Таллине получили 36%, в Нарве и Пярну — 35%, в Синди — 56% и в Вана-Каристе — 52% общего количества голосов. В 47 волостях и 9 поселках списки революционных рабочих по числу голосов также завоевали первое место[64].

В 1923 г. в Таллине, Нарве и в других городах Эстонии произошли крупные забастовки. В ряде волостей к требованиям единого фронта трудящихся присоединялись союзы новоземельцев, получивших землю по аграрной реформе.

На усиление революционного движения буржуазия отвечала массовыми репрессиями. Рабочие на собраниях и демонстрациях настоятельно требовали перехода от критики террористической политики буржуазии к свержению ее диктатуры. Вместо закрытых профсоюзов было образовано «Единое общество рабочих и служащих», в котором к августу 1924 г. зарегистрировалось 90% бывших членов профсоюзов. 3 августа 1924 г. в Таллине состоялась мощная антивоенная демонстрация.

Экономический и политический кризис, который в то время переживала Эстония, привел к крайнему обострению недовольства трудящихся существующим строем. Революционная решимость трудящихся еще более окрепла, когда стало известно, что наиболее реакционные круги

---

[57] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 258.
[58] «Sociāldemokrāts», 6.V.1934.
[59] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 158, л. 4.
[60] *Kuuli O., Liebman A., Saarniit H.* Töörahva riigi eest. Tallinn, 1967, lk. 85.
[61] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 75.
[62] *Liebman A.* Eestimaa Kommunistliku partei loomise ajaloost, lk. 265—271.
[63] Там же, с. 322.
[64] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Изд. 2-е. Таллин, 1958, с. 510—511.

крупной эстонской буржуазии во главе с лидером аграриев К. Пятсом замышляют государственный переворот с целью установления диктаторского режима. ЦК КП Эстонии в 1924 г. взял курс на вооруженное восстание. Были созданы боевые группы, в которых в ноябре 1924 г. насчитывалось около 1 тыс. человек, из них почти 400 — в Таллине [65]. Эти силы должны были после начала восстания пополниться за счет освобожденных политзаключенных, а также революционных рабочих и солдат. Вооруженное выступление созрело к ноябрю 1924 г., когда власти организовали очередной политический «процесс 149-ти». Был расстрелян председатель Центрального совета рабочих профсоюзов Я. Томп, 39 коммунистов были приговорены к пожизненной, а большинство других — к многолетней каторге [66]. 29 ноября был создан Военно-революционный комитет и утвержден план восстания. Для непосредственной подготовки и проведения восстания в Таллине был организован главный штаб [67].

Восстание началось в 5 часов 15 минут 1 декабря 1924 г. Часть революционных бойцов атаковала Вышгородский замок и овладела им. Другая группа ворвалась в резиденцию главы государства. Были заняты Балтийский вокзал, железнодорожная станция Таллин-Вяйке и Главный почтамт, а также ряд военных объектов.

Враг был вынужден позднее признать, что «коммунисты были хорошо знакомы с обстановкой, правильно оценивали ее, даже момент к выступлению был выбран неожиданно» [68]. Однако вскоре после начала восстания таллинские повстанцы были вынуждены отступить. Вследствие нарушения связи на помощь восставшим не прибыли боевые рабочие отряды из Пярну. Действия сравнительно немногочисленных боевых дружин передовых революционных рабочих не были вовремя поддержаны широкими пролетарскими массами. Восстание потерпело поражение, хотя отдельные группы повстанцев продолжали бои еще в течение двух недель [69]. «Передовые рабочие всего мира,— говорилось в обращении Исполкома Коминтерна «По поводу событий 1 декабря в Эстонии»,— по достоинству оценят мужество коммунистов Эстонии. Восставшие борцы в Эстонии показали..., что лучшие сыны рабочего класса умеют вести бои за дело пролетариата даже в самых сложных условиях. Боевые отряды эстонских рабочих-коммунистов заслужили уважение со стороны рабочих всего мира» [70].

После подавления восстания волна белого террора прокатилась по стране. До марта 1925 г. было убито несколько сот рабочих, более 2 тыс. человек брошены в тюрьмы [71].

Большое значение для восстановления сил КП Эстонии имела состоявшаяся в Ленинграде в ноябре 1926 г. конференция Компартии Эстонии, которая выработала тактику борьбы в период относительной стабилизации капитализма. Необходимо было уделить основное внимание легальной работе и вести работу за удовлетворение частичных требований трудящихся. Конференция приняла «Тезисы по аграрному и крестьянскому вопросу», которые внесли коренные изменения в аграрную программу КП Эстонии. Были сделаны выводы о том, что в деревне

партия должна опираться на сельскохозяйственный пролетариат, на бедняков-полупролетариев и малоземельных крестьян. Указывалось на необходимость установления правильных взаимоотношений с середняком, которого после победы революции нужно полностью привлечь на свою сторону. Хозяйства середняков должны оставаться нетронутыми, им будет оказана всесторонняя экономическая помощь[72].

В конце 20-х годов в Эстонии начался новый подъем рабочего движения. В 1928 г. забастовка 837 полиграфистов длилась 98 дней. Рабочие широко отметили день 1 Мая[73].

В начале 1929 г. на III съезде Эстонской рабочей партии (ЭРП существовала с 1926 по 1930 г.) победило революционное крыло во главе с коммунистом В. Каавером. На выборах в IV государственное собрание в мае 1929 г. поддержанная Компартией Эстонская рабочая партия провела 6 депутатов, в том числе 4 членов КП Эстонии[74]. С октября 1927 г. до апреля 1928 г. функционировал легальный Всеэстонский союз рабочей молодежи[75].

В годы мирового экономического кризиса трудящиеся Эстонии все решительнее выступали в защиту своих прав. В конце 1930 г. и в начале 1931 г. КП Эстонии удалось завоевать руководящие позиции в движении безработных. Во всеэстонском союзе моряков успешно действовала руководимая Компартией левая оппозиция[76]. Несмотря на преследования, на выборах в V государственное собрание в 1932 г. за список левых рабочих и бедняков голосовали 26 тыс. человек. Левые рабочие получили 5 депутатских мест[77].

За период с 1927 по 1933 г. Советскую страну в составе семи делегаций посетили 75 активистов левых профсоюзов Эстонии. Выступления рабочих, рассказывавших о достижениях страны Советов в строительстве социализма, усиливали интерес и симпатии к Советскому Союзу[78]. Значительную роль в политическом воспитании трудящихся в эти годы играли различные левые культурные общества: «Рабочий клуб» (1929—1930 гг.), «Рабочее культурно-просветительное общество» (1931—1933 гг.) и Тартусское рабочее общество «Эсперанто и культура» (1931—1933 гг.).

---

[65] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 119—124; ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 1, д. 288, л. 55.

[66] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 126—127.

[67] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 24, оп. 1, д. 288, л. 140; ЦГАОР ЭССР, ф. 949, оп. 3, д. 15, л. 1.

[68] «Sõdur», 1924, № 51/52, lk. 20.

[69] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 132.

[70] Internationale Presse-Korrespondenz, 1924, № 165, S. 2261.

[71] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 132.

[72] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 163—169.

[73] Там же, с. 199—200.

[74] Там же, с. 179—181, 218; История Эстонской ССР, с. 532—533; ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 217, л. 144.

[75] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 195—196.

[76] *Kuuli O., Liebman A., Saarniit H.* Указ. соч., с. 274, 294.

[77] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 262.

[78] Там же, с. 187.

Компартия Эстонии в марте 1933 г. обратилась к Эстонской социалистической рабочей партии (ЭСРП), Центральному союзу рабочих объединений и Русской партии левых социалистов с призывом о создании единого фронта для борьбы за отмену военного положения в стране, за государственное страхование безработных и оказание им всесторонней помощи [79]. В то время в ЭСРП сложилось довольно значительное левое крыло, которое поддерживало идею восстановления единства рабочего класса. На VIII съезде ЭСРП в феврале 1934 г. произошел ее окончательный раскол. Руководящим центром левых социалистов стала созданная позднее, в июне 1934 г., парламентская группа «Марксистское объединение трудящихся» (МОТ) [80]. Левые социалисты все последовательнее выступали против фашизма и наступления реакции, а правые социалистические лидеры все больше скатывались на позиции прямой поддержки буржуазии.

В 1933—1934 гг. в Эстонии в условиях серьезных экономических трудностей и недовольства масс усилилась опасность установления фашистской диктатуры. КП Эстонии неоднократно предлагала ЭСРП и Центральному союзу рабочих объединений создать единый фронт борьбы против фашизма, провести всеобщую забастовку. Однако правые лидеры социалистов отвергли идею установления единства рабочего класса и всех трудящихся для борьбы против фашистской опасности. Тем самым они объективно способствовали осуществлению фашистского переворота, совершенного 12 марта 1934 г. под руководством К. Пятса.

Исторически важно подчеркнуть, что коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии неоднократно предупреждали трудящихся и всю демократическую общественность об опасности фашистских переворотов в своих странах. Еще в августе 1924 г. они в совместном воззвании указывали, что в условиях нарастания экономических и политических трудностей и недовольства трудящихся буржуазия Прибалтики с целью укрепления своего господства растопчет превозносимую ею демократию и установит фашистскую диктатуру [81].

После прихода Гитлера к власти XIII пленум ИККИ в конце 1933 г. отметил, что «напряженность положения в Германии чрезвычайно обостряет классовые отношения в соседних странах — в Чехословакии. Австрии и Прибалтике». Пленум предупреждал, что фашистская Германия провоцирует фашистские перевороты в соседних странах, в том числе в Прибалтийских государствах [82]. Выступивший на пленуме член ИККИ В. Мицкявичюс-Капсукас также отметил, что активизация фашистских сил в Прибалтике была вызвана, помимо внутренних причин, стремлением германских фашистов укрепить свои позиции в этом районе как военном плацдарме против Советского Союза [83].

Во исполнение решений XIII пленума ИККИ коммунистические партии Латвии, Эстонии и Литвы прилагали немало усилий для укрепления единого фронта рабочего класса против угрозы фашизма. Повышая бдительность масс, компартии, однако, были не в состоянии одни поднять их на борьбу с нараставшей фашистской угрозой. Значительная

часть трудящихся еще шла за либеральными буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Правые руководители социал-демократии отказывались от совместных действий с коммунистами в борьбе против опасности фашизма, а сами бездействовали.

Несмотря на эти отрицательные явления, борьба компартий за массы в 1920—1934 гг. принесла ощутимые результаты. Их целеустремленная деятельность помогла трудящимся лучше понять антинародную сущность буржуазных и мелкобуржуазных партий, их политических программ и обещаний, правоту коммунистов, вскрывавших неспособность буржуазной демократии обеспечить политические и экономические права народа. Политика соглашательства с буржуазией, проводимая мелкобуржуазными партиями, прежде всего социал-демократическими, дискредитировала себя, подорвала доверие этих партий в массах.

За эти годы компартии накопили большой опыт работы с массами в различных условиях. Они глубже поняли просчеты в своей деятельности, сделали необходимые выводы и в соответствии с этим начали разрабатывать новую, исторически верную политическую линию, которая помогла им завоевать массы на сторону социализма.

3. VII конгресс Коминтерна и новый политический курс компартий Литвы, Латвии и Эстонии

В середине 30-х годов перед международным коммунистическим движением выдвинулась задача выработать линию поведения в условиях наступления фашизма и возрастающей опасности новой мировой войны.

Коммунистический Интернационал в период 1933—1935 гг. постепенно разработал новую стратегическую и тактическую линию, которая была окончательно обоснована и изложена в решениях VII конгресса Коминтерна, проходившего в Москве с 25 июля по 21 августа 1935 г.

Конгресс четко определил, что главным врагом международного рабочего класса, всего освободительного движения являются реакционные силы империализма, олицетворением которых в то время был фашизм. Конгресс сделал принципиально важный вывод о том, что приход фашизма к власти — «это *не обыкновенная замена* одного буржуазного правительства другим, а *смена* одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии, другой формой его — открытой террористической диктатурой» [84].

---

[79] *Kuuli O.* Ühise võitluslipu alla. Tallinn, 1961, lk. 167—168.

[80] *Lebbin H.* Sotsiaaldemokraatismi pankrot Eestis. Tallinn, 1970, lk. 317—324.

[81] См.: Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 2, p. 89—91.

[82] XIII пленум ИККИ. Тезисы и постановления. М., 1934, с. 11.

[83] XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет, с. 423—428.

[84] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 378.

Фашизм мог прийти к власти прежде всего потому, что перед лицом наступающей буржуазии рабочий класс оказался расколотым. Для успешной борьбы против фашизма необходимо было создать единый рабочий фронт, установить единство действий пролетариата в национальном и международном масштабе.

Глубокое понимание значения союза рабочего класса со средними слоями города и деревни, которые также подвергались политическому и экономическому нажиму со стороны фашизма и монополистического капитала, побудило VII конгресс Коминтерна выдвинуть задачу создания антифашистского народного фронта и в определенных условиях — антифашистских народных правительств [85].

Конгресс указал на угрозу опасности империалистической войны и выдвинул в качестве центрального лозунга коммунистических партий лозунг борьбы за мир [86].

Немало внимания на VII конгрессе Коминтерна было уделено борьбе коммунистических партий Прибалтики против фашизма и войны, за национальную независимость, демократию и социальный прогресс. Делегатами и гостями на конгрессе были: от КП Литвы — З. Ангаретис, И. Мескупас, Ю. Гарялис и А. Снечкус, от КП Латвии — Я. Круминь-Пилат и М. Озол, от КП Эстонии — Я. Анвельт, Р. Меринг, А. Саккарт и др.

Отмечая достижения в руководстве экономической и политической борьбой трудящихся, представители компартий Прибалтийских стран в своих выступлениях на VII конгрессе указывали также и на недостатки в своей деятельности, особенно на проявления сектантства. Справедливо отстаивая принципиальные классовые и интернационалистские взгляды в борьбе против реформизма и оппортунизма социал-демократии и национализма буржуазии, они не всегда достаточно гибко разрабатывали свою тактику. Несмотря на победу и укрепление фашистской диктатуры, ликвидацию буржуазно-демократических свобод и выдвижение вследствие этого на первый план общедемократических задач борьбы рабочего класса, компартии не уделили им должного внимания. Это, как отметил З. Ангаретис, мешало коммунистам Литвы вовлекать в борьбу за свержение фашистской диктатуры те слои трудящихся, которые еще не были готовы бороться за Советскую власть, но уже были настроены против фашизма [87]. Руководящие органы КП Эстонии и Латвии также пришли к выводу, что в борьбе против непосредственной угрозы открытой фашистской диктатуры они должны были больше внимания уделять борьбе в защиту демократии [88].

В компартиях проявлялось недоверие к социал-демократам. Это объяснялось тем, что политика правых руководителей социал-демократов вела к расколу единства рабочего класса и к соглашению с буржуазией. Но не всегда компартии учитывали, что в новых условиях наступления фашизма и внутри социал-демократии, особенно среди ее рядовых членов, происходил процесс усиления левых радикальных взглядов и росло понимание необходимости единства действий рабочего класса.

Несмотря на то что Центральные Комитеты компартий Литвы, Латвии и Эстонии еще в 1934 г. осудили сектантство и бойкот в отношении реформистских организаций и призвали коммунистов преодолеть эти недостатки в своей деятельности, последние все еще давали себя знать[89].

Еще накануне VII конгресса Коминтерна, 20 апреля 1935 г. Польско-Прибалтийский лендерсекретариат Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала принял тезисы «О задачах коммунистических партий Прибалтики в борьбе против угрозы войны и захватнических планов гитлеризма». В тезисах указывалось, что перед лицом опасности со стороны гитлеровской Германии для независимости Литвы, Латвии и Эстонии коммунисты стран Прибалтики не должны оставаться безразличными к судьбам своих стран, их национальной независимости и самостоятельности, они обязаны решительно бороться против проникновения гитлеризма в Прибалтику. В качестве центральной задачи перед компартиями стран Прибалтики выдвигалась задача создания широкого антифашистского народного фронта против угрозы нашествия фашистской Германии, против прогитлеровской политики фашистских правящих кругов Прибалтийских стран. Коммунисты должны были выступать в поддержку мирной политики СССР, в защиту независимости и самостоятельности своих стран[90].

Приход фашизма к власти в Литве, Латвии и Эстонии свидетельствовал о слабости буржуазии, которая уже не в состоянии была управлять обычными буржуазно-демократическими парламентскими средствами и вынуждена была укреплять свое господство при помощи открытой фашистской диктатуры. Суть фашистской диктатуры везде одинакова. Но, как указал VII конгресс Коминтерна, развитие фашизма и сама фашистская диктатура в зависимости от исторических, социальных и экономических условий, от национальных особенностей и международного положения отдельных стран принимает различные формы.

При наличии у реакционных режимов в Литве, Латвии и Эстонии определенных специфических черт (в частности, разными темпами и в неодинаковом масштабе там проводилась ликвидация буржуазно-демократических институтов и фашизация всей государственной и общественной жизни), которые, однако, не меняли фашистской природы этих диктатур, им были присущи общие характерные признаки. Фашистские диктатуры в Прибалтийских странах в отличие от Германии выражали

---

85 Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 397—399, 404—407.

86 30-летие VII конгресса Коминтерна. Прага, 1966, с. 13.

87 VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1935, с. 75—76.

88 Там же, с. 50; *Šteimanis J.* Latvijas Komunistiskās partijas taktika 1920.—1940, Rīga, 1965, 168.lpp.

89 VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны, с. 35, 49—50, 72.

90 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 18, д. 2, л. 1—3.

интересы не только крупного монополистического капитала города, но и крупной сельской буржуазии. Главной их опорой был офицерский корпус армии, полиция и военизированные фашистские союзы. В условиях, когда подавляющую массу населения стран Прибалтики составляли крестьянство и мелкобуржуазные слои города, фашистские правительства пытались укрепить свою социальную базу за счет средних слоев города и деревни, прибегая к широкой социальной и националистической демагогии. По примеру итальянских фашистов были образованы различные корпоративные палаты, которые должны были создавать видимость представительства в них трудящихся слоев населения наряду с промышленной, торговой и сельской буржуазией.

Фашистские диктатуры в Прибалтике были непрочными. Оказавшись не в состоянии привлечь на свою сторону широкие массы, они не смогли создать себе необходимую социальную базу. Их слабость заключалась также и в том, что они предельно обнажили классовые противоречия, которые раньше в той или иной мере маскировались институтами буржуазного парламентаризма и иллюзиями о некоторых демократических свободах. Все более явным становился контраст между широковещательными декларациями фашистских правителей об их намерениях выражать интересы всех слоев нации и их фактической службой интересам крупного капитала. Нарастали противоречия между различными слоями трудящихся, с одной стороны, и фашистской диктатурой и крупным капиталом — с другой, а также между различными группами самой буржуазии.

Господствуя в небольших слаборазвитых странах, политически и экономически зависимых от своих более сильных соседей — Германии и Польши или западных империалистических держав — Англии, Франции, США, фашистские правительства Литвы, Латвии и Эстонии рассчитывали укрепить свое положение при помощи империалистических сил, особенно родственной им по духу гитлеровской Германии. Однако опора на империалистические державы, особенно на Германию, противопоставляла фашистские правительства большинству населения Прибалтики и тем самым ослабляла их позиции.

Серьезные внутренние слабости, присущие фашистским диктатурам в странах Прибалтики, с течением времени неизбежно должны были усиливаться. Но, как подчеркнул VII конгресс Коминтерна, нельзя было ожидать автоматического падения фашистской власти. Для достижения этой цели необходимы были активные действия народных масс.

Компартии Прибалтики в 1934—1935 гг., готовясь к VII конгрессу Коминтерна, а затем вооружившись его решениями с учетом международной обстановки и конкретных специфических внутренних условий своих стран, разработали стратегию и тактику революционной антифашистской борьбы.

Поворотным пунктом в борьбе КП Литвы за создание единого рабочего и антифашистского народного фронта было решение, принятое ее Центральным Комитетом в марте 1935 г. и нашедшее свое выражение в

«Открытом письме» ЦК КП Литвы от 14 марта к партийным организациям, социал-демократам, ко всем трудящимся[91]. В апреле 1935 г. в воззвании ЦК КП Литвы «К солдатам и офицерам Литвы» содержался призыв создавать широкий антифашистский антигитлеровский народный фронт для защиты национальной независимости страны[92]. В августе 1935 г., во время работы VII конгресса Коминтерна, ЦК КП Литвы обратился с воззванием к коммунистам, а также к руководству и членам социал-демократической партии Литвы.

В этих документах с большой полнотой была отражена новая политическая линия Коммунистической партии Литвы. Подчеркивая, что социал-демократические партии или отдельные группы социал-демократии во Франции, Австрии, Латвии, Эстонии согласились присоединиться к единому фронту, Компартия Литвы призвала создать единый фронт в защиту насущных интересов рабочего класса, объединяющий всех рабочих — коммунистов, социал-демократов, членов христианских организаций, беспартийных трудящихся. Компартия предлагала создать также антифашистский народный фронт и объединить в нем рабочих, трудящихся крестьян, ремесленников, мелких торговцев, интеллигенцию, служащих, солдат и офицеров-патриотов без различия политических и религиозных взглядов. Основу антифашистского народного фронта должны были составлять Компартия, социал-демократическая партия, партия ляудининков, а также молодежные организации этих партий.

В случае успешной совместной борьбы и свержения фашистского строя, как указывала Коммунистическая партия Литвы, могло бы быть создано правительство единого рабочего или антифашистского народного фронта. Главными задачами антифашистского правительства были бы: последовательное и полное искоренение фашизма и осуществление во всех областях жизни широкой демократизации, созыв народного представительства и органов местного самоуправления путем демократических выборов, обеспечение подлинного равноправия для граждан всех национальностей; вооружение народа для защиты страны от агрессивных устремлений гитлеровской Германии и буржуазно-помещичьей Польши; конфискация земель крупных землевладельцев и передача ее сельскохозяйственным рабочим и трудовым крестьянам; установление государственного контроля над банками, ликвидация капиталистических монополий; улучшение экономических условий жизни всех слоев трудящихся города и деревни.

КП Литвы призывала бороться не за возврат к старой буржуазной демократии, которая существовала в Литве до фашистского переворота 1926 г. и оказалась неспособной преградить путь фашизму, а за демократию, способную решительно выступить против фашизма и реакции, за глубокое демократическое обновление всей государственной и общест-

---

[91] *Angarietis Z.* Указ. соч., с. 262—263.

[92] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4. Vilnius, 1963, p. 66—68.

венной структуры страны[93]. Выдвигая предложение о борьбе за правительство единого рабочего или антифашистского народного фронта, КП Литвы вместе с тем заявляла, что она не отказывается от своих конечных целей — установления диктатуры пролетариата и Советской власти в Литве.

Платформа антифашистской борьбы, выработанная Компартией, отвечала специфическим условиям внутреннего и международного положения Литвы, в которой, особенно после прихода Гитлера к власти в Германии, происходила усиленная фашизация всех сторон жизни, а также укреплялись позиции монополистического капитала, усиленно эксплуатирующего широкие массы населения города и деревни.

КП Латвии после фашистского переворота, совершенного в мае 1934 г., сосредоточила свое внимание на задаче создания единого фронта пролетариата. Для ее решения теперь сложились более благоприятные условия. Ускорился процесс распада социал-демократической партии и размежевания ее правых и левых сил. В июле 1934 г. КП Латвии опубликовала платформу борьбы единого фронта[94].

Потерпевшая политическое банкротство и разогнанная фашистами социал-демократическая партия после фашистского переворота даже не пыталась возобновить свою работу. Часть ее членов приступила к созданию в подполье новой Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии (СРКПЛ). Состоявшийся в июле 1934 г. I съезд этой партии решил принять предложение КП Латвии об организации единого фронта борьбы против фашизма. СРКПЛ заявила об отказе от идеологии и политики реформизма, признала необходимость революционной классовой борьбы и лозунг диктатуры пролетариата[95]. Часть членов СРКПЛ не сумела сразу полностью освободиться от прежних оппортунистических взглядов, но в СРКПЛ образовалось революционное ядро, к которому примкнули руководящие деятели этой партии — А. Бушевиц, А. Рудевиц и др. Революционно настроенная социалистическая молодежь в июле 1934 г. создала нелегальный Союз социалистической молодежи Латвии (ССМЛ)[96].

5 сентября 1934 г. ЦК КП Латвии принял постановление «О борьбе с сектанскими тенденциями в организации единого фронта», в котором указывалось, что главной задачей партии на длительный срок является осуществление совместных с социал-демократическими рабочими и активистами действий против фашистской диктатуры[97]. В ноябре 1934 г. был заключен договор между Компартией и СРКПЛ о создании единого фронта и совместной борьбе против фашизма. Задачи этой борьбы были сформулированы следующим образом: борьба против наступления фашистской диктатуры и капиталистов за улучшение материального, правового и политического положения трудящихся города и деревни, за восстановление деятельности профсоюзов как организаций классовой борьбы пролетариата, борьба против усиления позиций гитлеровцев в Латвии и против подготовки войны, в защиту СССР[98]. В изданном Центральными Комитетами КП Латвии и СРКПЛ совместном обращении

к трудящимся с призывом к единству действий против фашизма указывалось: «Начиная с этого дня коммунистические и социал-демократические рабочие будут сообща и объединенными силами вести борьбу против общего врага — фашизма. Это означает, что время, когда реформисты не допускали совместных акций против наступления фашизма и капитала из-за программных вопросов, кануло в прошлое»[99]. Центральные Комитеты КСМ Латвии и ССМЛ еще 15 октября 1934 г. опубликовали декларацию о совместной борьбе за интересы трудящейся молодежи, против фашизма и угрозы войны[100]. Из представителей КП Латвии и СРКПЛ и их молодежных организаций был образован Центральный комитет единства действий. Достигнутые соглашения положили начало преодолению раскола рабочего класса, способствовали повышению его революционной активности и роли в антифашистской борьбе.

В свете решений VII конгресса Коминтерна КП Латвии выступила также с инициативой создания антифашистского народного фронта. Она заявила, что до тех пор, пока большинство трудового народа еще не выступает за Советскую власть, партия пойдет совместно с теми силами общества, которые в данное время готовы бороться за демократические свободы и национальные интересы страны[101].

Состоявшаяся в августе 1934 г. конференция КП Эстонии также указала на необходимость создания единого рабочего фронта, что является в условиях фашистской диктатуры важнейшей задачей партии. Конференция приняла решение обратиться к Эстонской социалистической рабочей партии (ЭСРП) и Марксистскому объединению трудящихся (МОТ) с предложениями о создании единого рабочего фронта и настойчиво бороться за его осуществление[102]. Она призвала сплотить в единый фронт коммунистических, социал-демократических и беспартийных рабочих, сельскохозяйственных рабочих, крестьян-бедняков, интеллигенцию, беднейшую часть средних слоев города и деревни.

Еще в июне 1934 г. Политсекретариат ИККИ принял специальное решение о работе коммунистов Эстонии в профсоюзах[103]. Для ликвидации раскола рабочего класса и укрепления единства его действий важно было установить тесное сотрудничество между левыми профсоюзами, находившимися под руководством Компартии, и реформистскими проф-

---

93 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 128—139.
94 «Cīņa», 1934, № 6.
95 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 121, л. 7.
96 Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 348, 353.
97 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču, un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. d., 591.—595.lpp.
98 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 144, л. 11—24; «Cīņa», 1934, № 13.
99 LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920.—1940., 3. d. Rīga, 1963, 222.lpp.
100 Там же, с. 157.
101 *Krūmiņš J.* (Pilāts). Baltijas valstu neatkarība un hitlerisms. «Spartaks», 1935, 10.—11.lpp.
102 *Kuuli O.* Указ. соч., с. 190.
103 ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 311, л. 5—7.

союзами. Конференция рекомендовала продолжать работать как в относительно слабых левых, так и в реформистских профсоюзах [104].

Конференция рассмотрела вопрос о трудовом крестьянстве. Принимавший участие в работе конференции член ИККИ, руководитель его Польско-Прибалтийского лендерсекретариата В. Мицкявичюс-Капсукас указал на необходимость не ограничиваться политикой нейтрализации середняка, а стремиться завоевать его на свою сторону [105]. Конференция признала необходимым систематически освещать позитивную линию Компартии в вопросе о защите независимости Эстонии [106].

Осенью 1934 г. ЦК КП Эстонии обратился к ЦК ЭСРП с предложением создать единый фронт борьбы. Правое руководство ЭСРП отвергло это предложение. Но Компартии удалось договориться о начале переговоров с левыми социалистами, группировавшимися вокруг Марксистского объединения трудящихся. Согласие на создание единого фронта дала также группа членов Эстонской социалистической рабочей партии, находившаяся в оппозиции к руководству ЭСРП и представлявшая примерно одну треть всех членов партии. Компартия установила контакты и с активистами бывшего Социалистического союза молодежи Эстонии, запрещенного властями весной 1934 г. [107]

В июле 1935 г. в Финляндии состоялись переговоры между представителями КП Эстонии и МОТ. Было заключено соглашение о создании единого фронта и совместной борьбе за расширение социального страхования, против безработицы, за свободу деятельности политических партий и профсоюзов, восстановление демократических представительных органов, за свободу собраний, слова, печати, освобождение политзаключенных, за мир, поддержку мирной политики Советского Союза, против войны. Соглашение предусматривало создание Центрального координационного комитета и единой организации молодежи [108].

4. Борьба компартий Прибалтики за осуществление политики единого рабочего и антифашистского народного фронта

Компартии Прибалтийских стран издавали многочисленные воззвания и другие документы, которые вскрывали антинародный и антинациональный характер фашистских режимов, показывали прислужничество антинародных правительств перед крупным монополистическим капиталом, разъясняли необходимость единства действий трудящихся в защиту своих экономических и политических интересов, в защиту мира и независимости своих стран. В Литве, Латвии и Эстонии (нелегально) и в СССР на литовском, латышском и эстонском языках были изданы основные материалы VII конгресса Коминтерна.

В первые месяцы 1935 г. литовским коммунистам удалось организовать ряд экономических и политических демонстраций, митингов и забастовок рабочих и выступлений безработных в Каунасе и Клайпеде.

Летом 1935 г. 3000 рабочих приняли резолюции протеста против попыток правительства уменьшить объем медицинской помощи, оказываемой рабочим через больничные кассы. Власти вынуждены были отказаться от своих антирабочих планов в данном вопросе [109].

КП Литвы умело использовала так называемый всемирный конгресс литовцев, который фашистское правительство созвало в августе 1935 г., стремясь с его помощью укрепить свои позиции как внутри страны, так и среди обширной литовской эмиграции в Северной и Южной Америке. Но оно просчиталось. По инициативе Компартии происходили массовые встречи представителей важнейших рабочих центров Литвы с антифашистски настроенными делегатами, приехавшими из других стран. Эти делегаты на самом конгрессе и во время встреч с рабочими, интеллигенцией и другими представителями общественности выступали с призывами объединить все демократические силы Литвы в народный фронт борьбы против фашизма. Конгрессу была вручена петиция 14 тыс. литовцев, живущих в Америке, которые требовали амнистии политзаключенным-антифашистам [110].

Экономический кризис и экономическая политика правительств привели к разорению широких масс мелких собственников города и деревни. Это создавало объективные условия для вовлечения мелкой буржуазии, прежде всего крестьянства, в антимонополистический антифашистский фронт борьбы. VII конгресс Коминтерна предвидел, что в аграрных странах, где крестьянские массы радикализуются под влиянием аграрного кризиса, развитие антифашистского фронта борьбы будет происходить параллельно с развитием единого пролетарского фронта, а порой даже может его опережать [111].

В середине 1935 г. литовская охранка доносила правительству: «Крестьяне думают, что их бедственное положение достигло уже апогея, и они этого больше перенести не смогут... Крестьяне, гонимые нуждой и нищетой, пришли в движение, и дальнейшее ухудшение их положения может вызвать серьезные заботы и неприятности для государства» [112].

В конце лета 1935 г. нараставшее недовольство широких крестьянских масс вылилось в открытые выступления, которые достигли особенного размаха в юго-западной части Литвы — в Сувалькии и Дзукии. Коммунистические организации этих районов, объединявшие около 400 членов

---

[104] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 291, 292.

[105] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 313, л. 23.

[106] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 294—295.

[107] «Kommunist», 1934, № 13.

[108] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 337а, л. 1—2.

[109] «Tiesa», 1935, Nr. 3, 4, 5; «Priekalas», 1935, Nr. 6, p. 388—391; Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 95, 96.

[110] Lietuvos Komunistų Partijos atsišaukimai, t. 4, dok. Nr 67, 68, 491; *Abekas F.* Lietuva 1935 metais. Chicago, 1935.

[111] *Димитров Г.* Указ. соч., т. 1, с. 461.

[112] *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961, с. 108.

партии и несколько сот комсомольцев, оказали немалое влияние на борьбу крестьян [113]. В изданном в начале августа 1935 г. от имени совещания представителей крестьян четырех уездов воззвании подчеркивалось, что крестьяне и рабочие отказываются поддерживать правительство, «пока не будут улажены политические отношения правительства с гражданами» [114]. 22 августа ЦК КП Литвы в своем воззвании «Расширим стачку крестьян» приветствовал и поддержал справедливую борьбу крестьян и призвал распространить это выступление по всей Литве [115].

В Сувалькии, Дзукии, а также в ряде других местностей Литвы крестьяне прекратили продажу сельскохозяйственной продукции монополистическим объединениям, в массовом порядке не платили государственных налогов. Происходили сходы, демонстрации, собрания. Было издано и распространено множество антиправительственных воззваний. Активно и организованно велась борьба со штрейкбрехерами и полицейскими доносчиками. В Сувалькии на дорогах были выставлены боевые крестьянские пикеты. В ряде мест произошли вооруженные столкновения отрядов полиции с крестьянами, во время которых были убиты и ранены крестьянские активисты.

Начавшись как экономическое, крестьянское движение в Литве вскоре приобрело ярко выраженный характер крупного антиправительственного, антимонополистического и антифашистского выступления. В ходе борьбы создавались многочисленные крестьянские стачечные комитеты, в которых совместно действовали коммунисты, ляудининки, беспартийные и даже крестьяне, которые находились под влиянием христианских и фашистских организаций.

Фашистское правительство Литвы в 1935—1937 гг. предало суду 253 участника крестьянского движения, причем 19 из них были приговорены к смертной казни. Четверо из осужденных были расстреляны и один — умерщвлен в газовой камере, остальным смертная казнь была заменена пожизненным заключением [116]. Наряду с карательными мерами правительство вынуждено было удовлетворить значительную часть экономических и политических требований крестьян. Член Политбюро ЦК КП Литвы А. Снечкус в 1935 г. писал: «Движение крестьян значительно продвинуло вперед дело создания единого рабочего фронта и народного фронта. Движение крестьян показало, что в стране растут антифашистские силы, способные свергнуть фашистскую диктатуру» [117].

Несмотря на сопротивление правого руководства социал-демократической партии, в конце 1935 г. были созданы комитеты единого рабочего фронта из коммунистов, социал-демократов и членов христианских рабочих организаций в ряде отраслей промышленности в Каунасе, а также в Клайпедском порту, в Тельшяй, Плунге, Мажейкяй и других местах [118]. В 1935 г. в Литве состоялось 78 забастовок, в которых участвовало 10 000 рабочих [119].

Стремясь ослабить недовольство масс, правительство Литвы пошло на создание органа «представительства» рабочих — палаты труда. Были также объявлены выборы в сейм.

Коммунистическая партия Литвы в принципе считала возможным участвовать в выборах в палату труда и в сейм. 7 из 40 списков кандидатов в члены палаты труда были выдвинуты от единого рабочего фронта. Но махинации министерства внутренних дел привели к тому, что в сводный список кандидатов попали только отдельные прогрессивные рабочие. В этих условиях большинство рабочих бойкотировало выборы в палату труда, проходившие 24 мая 1936 г. [120]

Еще более недемократичными методами правительство проводило выборы в сейм. Выдвигать кандидатов в «представительство нации» имели право только профашистские органы местного самоуправления. Учитывая, что участие в таких выборах было бы выгодно только правящим кругам и что массы решительно настроены против фашистского сейма, ЦК КП Литвы призвал членов оппозиционных партий, национальные меньшинства, всех трудящихся активно бойкотировать выборы в сейм и бороться за созыв Учредительного собрания на основе конституции и избирательного закона, действовавших до фашистского переворота [121]. Несмотря на угрозы правительства применить репрессии против тех, кто не участвует в выборах, одна треть избирателей выборы бойкотировала. Многие из участвовавших в них голосовали против выдвинутых реакционных кандидатов [122].

В мае—июле 1936 г. оживилось забастовочное движение в Литве. С 7 по 20 мая успешно бастовали 2000 строительных рабочих в Каунасе, Укмерге, Шяуляй, Расейняй. В июне забастовали рабочие лесопильных и деревообрабатывающих предприятий Каунаса [123].

В условиях большого накала экономической и политической борьбы рабочих и полицейского террора член христианской рабочей молодежной организации А. Кранаускас, доведенный бедственным положением до отчаяния, 15 июня 1936 г. в знак протеста против социальной несправедливости застрелил хозяина лесопильного завода и затем покончил жизнь самоубийством. Каунасский райком КП Литвы в обращении к рабочим разъяснил негодность метода индивидуального террора, но подчеркнул, что этот трагический поступок явился следствием антирабочей политики правительства, и призвал рабочих-коммунистов, социал-демократов, членов христианских организаций, неорганизованных рабочих превратить похороны А. Кранаускаса в мощную демонстрацию единства

---

[113] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 18, д. 18, л. 1, 8; д. 19, л. 1.

[114] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 750—751.

[115] Там же, с. 141—143.

[116] «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 1, с. 44.

[117] Revoliucinis judėjimas Lietuvoje, p. 444.

[118] «Priekalas», 1937, Nr. 7, p. 414.

[119] *Sudavičius B.* LKP kova už darbininkų klasės vienybę. Vilnius, 1961, p. 57.

[120] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 19, д. 3, л. 37—39; д. 8, л. 31; д. 16, л. 10, 14.

[121] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, dok. Nr 131, 136, 138.

[122] Seimo stenogramos. Pirmoji eilinė sesija. Kaunas, 1937, p. 3.

[123] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 19, д. 9, л. 48; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 545, л. 242, 246, 255.

действий рабочего класса против фашистского строя, в защиту своих прав и интересов.

Похороны А. Кранаускаса, состоявшиеся 17 июня 1936 г., стали мощной политической антифашистской демонстрацией 30 000 трудящихся Каунаса, организованной Компартией Литвы. В столкновении с полицией был убит рабочий А. Рашковичюс, 20 рабочих ранены. Ранения получили также 10 полицейских. Во время похорон А. Кранаускаса на кладбище, по предложению коммунистов, была принята резолюция, содержавшая экономические и политические требования к правительству и объявлявшая всеобщую политическую стачку протеста против фашистского произвола и насилия. Несмотря на введение правительством осадного положения и сосредоточения в Каунасе крупных сил полиции, с 18 по 20 июня в городе прошла всеобщая политическая стачка рабочих, сопровождавшаяся митингами, демонстрациями, столкновениями с полицией [124]. Стачки солидарности с каунасскими рабочими состоялись в Шяуляй, Паневежисе, Йонаве, Алитусе, Аникшчяй [125]. Июньская массовая антифашистская демонстрация и всеобщая политическая стачка явились крупной победой политики единого рабочего фронта, а также крепнущего единства действий рабочего класса Литвы.

1 сентября 1936 г., в день открытия фашистского сейма, 3 тыс. рабочих Каунаса провели забастовки протеста [126]. Всего в 1936 г. в экономических и политических забастовках в Литве участвовали 24 тыс. рабочих [127].

Осенью 1936 г. ЦК КП Литвы пришел к выводу о необходимости использовать палату труда, ее клубы культуры, народные университеты и спортивную организацию для сплочения рабочих. Воспользовавшись уставом палаты труда, рабочие — печатники, пекари, портные, деревообделочники, металлисты, текстильщики, кожевники — по инициативе коммунистов в начале 1937 г. на массовых собраниях создали в Каунасе свои секции и избрали их правления. Под руководством рабочих секций, их правлений и созданных стачечных комитетов в феврале 1937 г. состоялись экономические и политические забастовки, в которых участвовало 4 тыс. рабочих в Каунасе и 1 тыс. в провинции. Всего в 1937 г. в Литве бастовало 15 тыс. рабочих [128]. С осени 1935 г. происходил заметный процесс перехода радикальной части членов партии ляудининков, ее союза молодежи и значительных групп демократической интеллигенции на позиции антифашистского народного фронта. В июле 1936 г. КП Литвы достигла соглашения о создании народного фронта с Ю. Палецкисом, А. Торнау, В. Книвой, Ю. Вайшнорасом, представлявшими левое крыло ляудининков, ее молодежную организацию и студенческую корпорацию «Варпас» («Колос») [129]. В ряде уездов райкомы КП Литвы также создали комитеты народного фронта из коммунистов, ляудининков, социал-демократов, беспартийных. В духе народного фронта коммунисты развернули по всей Литве широкую работу в Обществе свободомыслящих, в Христианском союзе трудящейся молодежи, в организациях и печатных органах еврейских фолкистов (народников). Комитеты народ-

ного фронта были созданы в Каунасском университете, среди демократической интеллигенции[130].

Борьба Компартии за демократизацию и независимость Литвы, огромные достижения Советского Союза в социалистическом строительстве благотворно сказались на общем процессе радикализации широких кругов интеллигенции, содействовали ее сближению с КП Литвы, влиянию идей социализма. Этот процесс нашел свое выражение в крупных антифашистских выступлениях студентов осенью 1935 г. в защиту автономии и прогрессивных профессоров в Каунасском университете, в антигитлеровских и антифашистских по духу решениях, принятых общим собранием Общества писателей Литвы, в издании в 1936 г. популярного антифашистского журнала «Литература», в массовых антифашистских литературных вечерах, в вечерах интернациональной дружбы народов. Писатели-антифашисты П. Цвирка, К. Корсакас, А. Венцлова, Ю. Палецкис, С. Нерис, И. Шимкус, В. Монтвила, Ю. Балтушис и другие свои художественные произведения, публицистические печатные и устные выступления превратили в оружие борьбы против фашистского строя в Литве[131]. На позиции сотрудничества с КП Литвы и активной борьбы за установление прочных политических и культурных связей с Советским Союзом перешел известный деятель культуры поэт Л. Гира. Во многих антифашистских выступлениях принимал участие классик литовской литературы писатель В. Креве-Мицкявичюс. Антифашистски настроенные писатели, журналисты, художники, другие деятели культуры и науки активно пропагандировали достижения Советского Союза, его дружественную помощь Литве.

Целенаправленная деятельность Компартии, приносившая ощутимые результаты, сильно встревожила господствующие круги и силы реакции. 30 октября 1936 г. литовское правительство, заслушав доклад министра внутренних дел генерала Ю. Чапликаса «О попытке организации народного фронта», приняло секретное постановление, намечавшее меры борьбы против угрозы развития движения за народный фронт[132]. Однако остановить или ослабить процесс радикализации масс реакции не удалось. В январе 1937 г. была опубликована платформа антифашистского народного фронта Литвы, одобренная Компартией, комсомолом, Красной помощью, левыми ляудининками, их молодежной организацией и антифашистскими группами беспартийных интеллигентов.

---

[124] *Staras P.* Visuotinis politinis darbininkų streikas Kaune 1936 metais. Vilnius, 1956, p. 34; MLTE, t. 3, p. 315.

[125] *Šarmaitis R.* Указ. соч., с. 44—45.

[126] *Атамукас С.* Указ. соч., с. 138.

[127] «Коммунист» (Вильнюс), 1977, № 1, с. 98.

[128] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, dok. Nr. 190—194; MLTE, t. 3, p. 315.

[129] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 19, д. 3, л. 26—36; оп. 20, д. 1, л. 15—27; ф. 3377, оп. 3377, д. 1132, л. 48—50; Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, dok. Nr. 514, 518, 520, 521, 522, 523, 525.

[130] *Атамукас С.* Указ. соч., с. 138.

[131] *Šarmaitis R.* Указ. соч., с. 46—47.

[132] ЦГА ЛитССР, ф. 923, оп. 1, д. 907, л. 149, 157; *Атамукас С.* Указ. соч., с. 138—143.

Летом 1937 г. ЦК КП Литвы подверг глубокому анализу свою деятельность после VII конгресса Коминтерна. На основе этого анализа он принял постановления «По вопросу о народном фронте», «По организационному вопросу» и составил отчет Исполкому Коминтерна [133]. ЦК КП Литвы пришел к выводу, что вся деятельность партии должна еще полнее отражать общенациональные чаяния и интересы литовского народа, лучше учитывать необходимость защиты его государственной независимости и свободы, конкретные повседневные интересы различных слоев трудящихся. Необходимо было действеннее разъяснять, что союз с СССР отвечает не только социальным интересам трудящихся, но и национальным интересам страны. С этих позиций были уточнены главные ближайшие задачи народного фронта.

Летом 1937 г. Исполком Коминтерна обсудил отчет ЦК КП Литвы, сделанный прибывшим из Литвы в Москву А. Снечкусом. ИККИ одобрил последние постановления ЦК КП Литвы. Он обратил особое внимание на необходимость всемерного улучшения работы среди крестьянства, а также творческого учета конкретных условий Литвы [134].

В начале января 1938 г. близ Каунаса состоялся пленум ЦК КП Литвы. Он принял постановление «О ближайших задачах в борьбе против фашизма, наступления капитала, за благосостояние народа, за защиту независимости Литвы» [135].

Захват Гитлером Австрии в марте 1938 г. и мартовский ультиматум Польши Литве, мюнхенское соглашение империалистических держав осенью 1938 г. и оккупация немцами Чехословакии в марте 1939 г., насильственное отторжение Германией в те же дни Клайпеды от Литвы — все это свидетельствовало об опаснейшей угрозе, нависшей над свободой литовского народа и его государства. В это тяжелое для страны время Коммунистическая партия призывала бороться за создание национального фронта защиты независимости Литвы и за правительство, способное бороться за свободу и независимость родины [136].

В конце 1938 г. и начале 1939 г. Компартия разоблачила перед массами попытки правых лидеров христианских демократов и ляудининков создать совместно с крайне правой националистической группировкой вольдемаровцев, представлявшей собой прямую гитлеровскую агентуру, реакционный блок, призванный заменить обанкротившегося Сметону новой сильной фигурой и укрепить отношения Литвы с гитлеровской Германией. В условиях массовой кампании против этого опасного для судеб страны сговора намечавшийся реакционный блок распался [137].

В связи с потерей Клайпеды сметоновский режим оказался на грани гибели. Но на помощь Сметоне и его партии таутининков пришло руководство армии, правые лидеры христианских демократов и ляудининков, которые приняли участие в создании нового правительства, получившего название «правительства совместной работы».

ЦК КП Литвы 23 марта 1939 г. призвал народ создать широкий фронт, способный мобилизовать подлинно патриотические силы нации для осуществления демократических преобразований в стране [138]. На

многотысячных собраниях рабочих, крестьян, служащих, студентов в Каунасе, Шяуляй, Паневежисе, Укмерге и во многих других уездных центрах предложение о создании патриотического фронта встречало поддержку масс. Одновременно выдвигались требования распустить сметоновскую партию таутининков и фашистский сейм, созвать подлинно народные представительные учреждения и т. д. В апреле 1939 г. начальник жвальгибы (охранки) в своем секретном донесении, запугивая новое правительство опасностью революции, прямо писал, что «если не будут приняты другие меры и не будет прекращено образование патриотического фронта в таком порядке и на таких принципах, как это делается до сих пор, то можно полагать, что мы находимся накануне народного фронта» [139].

Новое правительство Литвы, напуганное характером и размахом народных выступлений, запретило выступления трудящихся и создание патриотического фронта, стало силой подавлять забастовки рабочих, в том числе забастовку 2000 строительных рабочих в июле 1939 г. [140] Массы извлекли еще один политический урок, который убеждал в том, что только их собственная последовательная борьба в состоянии принести Литве давно назревшие политические и социально-экономические изменения и обеспечить их свободу.

Коммунистическая партия Латвии в середине 30-х годов добивалась соглашения с Социалистической рабоче-крестьянской партией для осуществления единства действий рабочих. Помимо центрального комитета единства действий, были созданы областные и районные комитеты, комитеты единства на ряде промышленных предприятий, а также в целых отраслях промышленности.

С приходом фашизма к власти в Латвии профсоюзы были фашизированы и поставлены под контроль правительства. В 1936 г. по образцу фашистской Италии в Латвии была организована палата труда, которая ведала всеми делами профсоюзов. Члены обеих нелегальных рабочих партий развернули в профсоюзах активную организационную и массово-политическую работу в духе идей единого фронта. В профсоюзах были созданы комитеты единства, которые обычно именовались революционной профоппозицией или революционными профгруппами [141]. Комитеты единства и нелегальные профгруппы активно действовали на рижских предприятиях «ВЭФ», «Континентс», «Квадратс», «Атлас», «Эрглис», «Аусма», «Ригас коквилнас мануфактура», среди железнодорожников, на ряде предприятий Лиепаи, Даугавпилса, Вентспилса. Комитеты един-

---

[133] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 20, д. 1, 2; оп. 26, д. 2.
[134] Там же, оп. 26, д. 1.
[135] Там же, оп. 21, д. 3, л. 1—3.
[136] *Sarmaitis R.* Указ. соч., с. 49—50.
[137] *Šarmaitis R.* Указ. соч., с. 50.
[138] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 390—391.
[139] ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 138, л. 14, 31; д. 186, л. 309.
[140] «Tiesa», 1939, Nr. 11.
[141] VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны, с. 39—40.

ства издавали воззвания, газеты, журналы, организовывали борьбу трудящихся. Компартия выдвинула лозунг «Долой фашистов из правлений профсоюзов!» Рабочие деревообрабатывающей, текстильной промышленности, транспорта и ряда других отраслей избрали в правления профсоюзов членов КП Латвии, СРКПЛ и других сторонников единого фронта. Фашистские власти в 1936—1937 гг. разогнали многие правления профсоюзов. Но и на новых выборах во многих случаях избирались сторонники единого фронта [142].

Компартия поддержала также борьбу рабочих, которая велась путем подачи коллективных обращений, протестов, петиций, посылки делегаций к инспекторам труда, членам правительства, руководителям профсоюзов. При этом коммунисты разъясняли рабочим, что действительно эффективными в борьбе за их права и интересы могут быть только массовые экономические и политические стачки против эксплуататоров и фашистской власти.

Несмотря на то что забастовки были запрещены, в 1934—1936 гг. забастовочная борьба рабочих в Латвии продолжалась. Забастовка рабочих рижской фабрики резиновых изделий «Континентс» в августе 1934 г. длилась с перерывами три недели. Рабочие заставили предпринимателей и власти отказаться от намерения снизить зарплату. Такой же упорной и успешной была состоявшаяся в 1935 г. забастовка рабочих на рижском заводе «Металпродуктс» и на ряде других предприятий [143]. В том же году под руководством профоппозиции союза моряков организованно выступили моряки торгового флота. Правительство и судовладельцы вынуждены были удовлетворить часть требований забастовщиков. По призыву комитетов единого фронта в день 1 Мая 1935 г. не работало 80% рабочих Латвии [144].

Осенью 1935 г. в Дубулты (на Рижском взморье) состоялось совещание представителей КП Латвии и СРКПЛ, которое в свете решений VII конгресса Коминтерна обсудило дальнейшие задачи единого фронта. В октябре 1935 г. стал выходить журнал обеих партий «Виенотайс ародниекс» («Единый профсоюзник») [145].

С 3 по 16 января 1936 г. в Москве проходило совещание членов ЦК КП Латвии и его Заграничного бюро, посвященное вопросам осуществления решений VII конгресса Коминтерна. С докладом выступил Я. Круминь-Пилат.

Совещание определило, что важнейшей задачей КП Латвии является организация борьбы в защиту «повседневных экономических и политических интересов рабочих масс против наступления капитала и фашизма». С целью укрепления союза рабочего класса и крестьянства и вовлечения трудовых крестьян в антифашистский народный фронт совещание разработало «Программу борьбы сельскохозяйственных рабочих, беднейшего и среднего крестьянства Латвии», в которой были сформулированы требования, направленные на улучшение жизни различных трудовых слоев сельского населения и рыбаков. Совещание высказалось за создание единой организации трудовой молодежи Латвии [146].

Центральные Комитеты Коммунистического союза молодежи и Социалистического союза молодежи Латвии еще 14 августа 1935 г. подписали совместную декларацию «На пути к полному единству». В ней говорилось: «Мы пришли к твердому убеждению, что пути трудовой молодежи Латвии больше не будут делиться, а пойдут вместе до окончательной победы. Цель одна, и путь должен быть один» [147]. Состоявшийся осенью 1935 г. VI конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи оценил стремление обоих союзов рабочей молодежи Латвии к объединению как положительное явление не только для Латвии, но и для всего международного движения [148]. 9 июля 1936 г. Центральные Комитеты КСМ и ССМ на совместном заседании приняли решение объединить обе организации в единый Союз трудовой молодежи Латвии (СТМЛ). Секретарями Центрального Комитета новой молодежной организации стали бывший секретарь ЦК комсомола Латвии К. Розенберг и представитель ССМЛ А. Миезис. Начал выходить орган СТМЛ «Яунатнес Фронте» («Фронт молодежи») [149]. Союз создавал антифашистские группы рабочей, крестьянской и учащейся молодежи, воспитывал молодые революционные кадры. Во второй половине 1937 г. бастовали рабочие ряда отраслей промышленности и крупных предприятий Риги, Лиепаи, Вентспилса и других городов Латвии. 600 рабочих рижского порта добились повышения зарплаты, успешной была также четырехдневная забастовка нескольких сот рабочих Лиепайского порта в июле 1937 г. В ноябре 1938 г., бастовали 400 рабочих рижской фабрики резиновых изделий «Квадратс». Значительным было в 1937—1938 гг. забастовочное движение на стекольных фабриках и деревообрабатывающих предприятиях Латвии.

Забастовки 1937—1938 гг. в значительной мере носили наступательный характер, в них отчетливо проявлялась боевая солидарность и взаимопомощь бастующих, в ряде случаев наряду с экономическими выдвигались политические требования [150].

Политические лозунги и требования Коммунистической партии доходили и до крестьянских масс. Серьезных успехов в вовлечении сельскохозяйственных рабочих и трудовых крестьян в антифашистское движение добилась Латгальская областная организация КП Латвии. Коммунисты Латгалии проводили широкую разъяснительную работу среди крестьян, устраивали собрания, на которых обсуждались насущные вопросы

---

[142] ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1/1, д. 359, л. 74—76.

[143] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 357—358.

[144] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 2, д. 1000, л. 36.

[145] Там же, рукописный фонд, д. 760, л. 1—6; д. 834, л. 1—4.

[146] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 123, л. 20, 33—35.

[147] Там же, оп. 2, д. 946, л. 2.

[148] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 116, л. 14.

[149] LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920.—1940., 3.d., 399.—402.lpp.

[150] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 389—392; *Дризул А.* Латвия под игом фашизма. Рига, 1960, с. 176—185.

жизни трудящихся, антинародная политика фашистского правительства и задачи антифашистской борьбы. Областной комитет партии нелегально издавал специальные газеты для крестьян [151].

Недовольство крестьянских масс Латвии своим положением и аграрной политикой правительства наглядно показали итоги состоявшихся в 1938 г. выборов членов сельскохозяйственной палаты. Большинство фашистских кандидатов не получило необходимого количества голосов. Правительство отказалось от проведения таких выборов [152].

Большое значение для развертывания антифашистской борьбы в Латвии имела позиция и деятельность демократической интеллигенции. Руководство КП Латвии в ноябре 1936 г. приняло решение о политической работе среди трудовой интеллигенции. Компартия отметила, что в ответ на реакционную политику правительства в области культуры среди интеллигенции нарастают антифашистские настроения. Приветствуя ученых, писателей, художников, которые не пошли в услужение к фашистам, Компартия обращала внимание на то, что нельзя ограничиваться одной лишь пассивной позицией — необходимы активные действия трудовой интеллигенции против фашизма[153].

Часть деятелей культуры, особенно из числа учителей, принимала активное участие в антифашистских выступлениях. В Латвийском университете коммунисты, комсомольцы, члены Красной помощи и их сторонники работали в легальных студенческих обществах «Земгалия», «Латгалия», «Монтания». В составе общества «Земгалия» действовали ячейки Красной помощи [154].

В апреле 1934 г. по инициативе КП Латвии было создано нелегальное Объединение революционных писателей, журналистов и художников Латвии.Оно стояло на платформе борьбы против фашизма и империалистической войны и заявило о своем присоединении к Международной ассоциации революционных писателей, художников и журналистов. Объединение на своей первой конференции 16 декабря 1934 г. подтвердило, что его платформа является платформой единого фронта[155].

Объединение революционных писателей, журналистов и художников Латвии издавало журналы «Виенота фронте» («Единый фронт»), «На посту», «Твоя газета», различные воззвания на латышском, русском, еврейском, немецком языках. В них публиковались литературные произведения революционных писателей И. Леманиса, Ж. Гривы, А. Балодиса, В. Лукса и других, а также материалы о борьбе прогрессивных писателей и деятелей мировой культуры против фашизма. В 1936 г. Объединение насчитывало 125 членов. Наиболее активными из них были Ю. Ванаг, Ж. Грива, Ф. Рокпелнис. Объединение революционных писателей, журналистов и художников некоторое время отмежевывалось от демократических писателей, которые еще открыто не выступали против фашистской диктатуры. В мае 1935 г. Я. Круминь-Пилат в статье «О задачах литературного фронта» призвал направить огонь критики против проповедников и пособников фашизма в литературе, подчеркнув, что нападки на так называемых нейтральных писателей могут привести

лишь к самоизоляции революционных писателей, оттолкнуть от них демократических писателей и других деятелей культуры — потенциальных борцов против фашизма[156]. В ноябре 1936 г. руководство КП Латвии вновь предостерегло Объединение революционных писателей, журналистов и художников от опасности превращения в замкнутую организацию левых интеллигентов[157]. Объединение постепенно преодолело свои недостатки и сыграло важную роль в сплочении интеллигенции и трудящихся Латвии для борьбы с фашизмом.

В антифашистской борьбе закалялось единство трудовой молодежи. Итоги двухлетней совместной работы в рамках единой революционной организации трудовой молодежи подвел I съезд СТМЛ, состоявшийся в ноябре 1938 г.[158] Организации Красной помощи Латвии проводили кампании протестов против фашистского террора, за оказание помощи политзаключенным-антифашистам.

Борьбу против фашистского строя и реакции внутри страны Компартия сочетала с разоблачением агрессивных действий и замыслов фашистской Германии, деятельности гитлеровских организаций в самой Латвии. В своих воззваниях и совместных с СРКПЛ и СТМЛ документах Компартия Латвии разоблачала мнимый нейтралитет правительства Ульманиса и призывала массы объединиться в народный фронт под лозунгом «Не отдадим Латвию Гитлеру!» Этот призыв нашел одобрение среди всех слоев трудящихся, всех подлинных патриотов страны.

Еще в ноябре 1936 г. КП Латвии выдвинула в качестве важнейшей задачи антифашистского народного фронта Латвии борьбу за демократическую республику. При этом коммунисты разъясняли, что такая республика может быть завоевана только в результате революционного свержения фашистской власти. Нужно бороться не за восстановление прежней буржуазно-демократической республики, которая не сумела защитить права и интересы трудящихся и преградить путь фашистской диктатуре, а за демократическую республику, способную обуздать фашистскую реакцию и на деле обеспечить широкие демократические права для народа. Поднимая знамя борьбы за демократическую республику, Компартия одновременно заявляла, что она ни на минуту не отказывается от своих конечных целей — борьбы за социализм и Советскую власть в Латвии.

11 февраля 1939 г. в Риге состоялась XXVI конференция КП Латвии. В ее работе участвовали Я. Калнберзин, О. Аугусте, К. Гайлис, М. Юхно, А. Табак, Е. Винхолде и др. Конференция обсудила внутреннее и международное положение страны, организационную работу партии,

---

151 Latgales komunisti pagrīdes gados. 1920.—1940. Rīga, 1962, 178.—190.lpp.

152 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 422, л. 4.

153 Там же, д. 1016, л. 1—4.

154 ЦГИА ЛатвССР, ф. 68, оп. 1, д. 438, л. 1—38.

155 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 110, л. 2.

156 «Jaunais Komunārs», 1935, № 37.

157 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 645, л. 6.

158 «Cīņa», 1939, N 3.

приняла резолюцию «Об общем положении и народном фронте в Латвии», одобрила разработанные проекты декларации и платформы антифашистского народного фронта и избрала новый состав Центрального Комитета.

Основное внимание конференция обратила на усиливавшуюся опасность со стороны фашистской Германии. Конференция выдвинула также программу борьбы в защиту прав и интересов рабочих, трудящихся крестьян, ремесленников и интеллигенции от наступления монополий и акционерных обществ, за уменьшение бремени налогов [159].

В марте 1939 г. Центральные Комитеты КП Латвии, СРКПЛ и СТМЛ опубликовали совместную декларацию и платформу антифашистского народного фронта. В декларации подчеркивалось, что обострение международного положения, возрастание опасности войны является результатом агрессивных действий Германии и политики попустительства агрессорам со стороны западных держав. С целью укрепления безопасности Латвии и предотвращения нападения Германии декларация требовала вести энергичную борьбу против сотрудничества латвийского правительства с гитлеровцами, за разоружение местных немецких фашистских организаций, за чистку армии и государственного аппарата от гитлеровских агентов и их пособников, за договор о взаимопомощи с Советским Союзом.

«Циня» в то время призывала трудящихся организовать народный фронт для свержения фашистской диктатуры Ульманиса, создания революционного народного правительства, которое вернет латышскому народу демократические права и свободы и заключит договор о взаимопомощи с Советским Союзом — другом и защитником малых и угнетенных стран [160].

Коммунистическая партия Эстонии в свою очередь укрепляла единство рабочих и органы единого фронта в борьбе против наступления капиталистов, за насущные права трудящихся.

Многие забастовки рабочих Эстонии в 1934 г. проходили под лозунгом единого фронта; в их организации и руководстве совместно участвовали коммунисты, социалисты, беспартийные активисты. Летом 1934 г. успешно прошли забастовки 600 рабочих порта и рабочих других предприятий в Пярну [161].

На состоявшемся в мае 1935 г. V съезде Центрального союза рабочих объединений (VII съезде профсоюзов Эстонии) развернулась острая борьба между сторонниками и противниками единого рабочего фронта. Правые социалисты добивались решения о борьбе против «подрывной деятельности» коммунистов в профсоюзах. Большинство делегатов съезда отвергло эти требования и высказалось за единство действий рабочих с различными политическими взглядами. Многие делегаты подчеркнули необходимость объединить силы для защиты совместных интересов против общего врага [162]. Хотя Центральный союз рабочих объединений в целом не встал на позиции единого фронта, в новое правление союза было избрано немало его сторонников. После съезда

ускорился процесс укрепления профсоюзов, постепенно переходивших на позиции революционной борьбы. В 1935 г. число членов профсоюзов возросло с 5 тыс. до 7,2 тыс.[163]

Укрепление левых сил в профсоюзах благотворно сказалось на стачечной борьбе. В 1935 г. произошло 25 выступлений трудящихся за повышение заработной платы, в том числе 17 забастовок. В этих выступлениях участвовали 10 тыс. рабочих Эстонии[164].

Эстонский союз моряков в 1935 г. дважды представлял судовладельцам проект коллективного договора, содержащий требование об улучшении условий труда и повышении заработной платы. В ночь на 15 августа началась всеобщая забастовка эстонских моряков, находившихся в отечественных портах и в заграничном плавании. Стачечный комитет восьми эстонских судов, стоявших в Копенгагенском порту, обратился ко всем морякам Эстонии с призывом бороться за удовлетворение выдвинутых требований. Во многих странах портовые рабочие солидаризировались с бастующими моряками Эстонии.

Ультимативные требования правительства о прекращении забастовки, угроза закрыть Эстонский союз моряков и арестовать членов его правления, а также нерешительность действий стачечного комитета привели к прекращению всеобщей забастовки моряков. Однако судовладельцы вынуждены были пойти на некоторые уступки[165].

В октябре 1935 г. в Москве состоялся пленум ЦК КП Эстонии. Учитывая слабость левых профсоюзов, пленум решил направить всех коммунистов и революционных рабочих в профсоюзы Центрального союза. Пленум указал на необходимость шире использовать больничные кассы, рабочие просветительные и спортивные организации и решительно бороться против создаваемых правительством рабочей палаты и национального союза труда, призванных подчинить рабочее движение влиянию и руководству фашистской власти.

Обсуждая проблемы создания антифашистского народного фронта, пленум пришел к выводу, что ядро этого фронта должны составлять Коммунистическая партия и левые социалисты, но в него необходимо вовлекать и другие рабочие организации, а также закрытые правительственные партии: объединение новопоселенцев, национальный центр и организации русского национального меньшинства[166]. Пленум призвал бороться за новый аграрный закон, по которому были бы обеспечены десятки тысяч бедняков и батраков землей за счет раздела крупных

---

159 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. d., 611.—614.lpp.

160 «Cīņa», 1939, № 3, 5.

161 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 285—286.

162 «Tööliste Hääl», 1935, № 6, lk. 86—90.

163 ЦГАОР ЭССР, ф. 994, оп. 1, д. 23, л. 68.

164 Там же, л. 68—69.

165 ЦГАОР ЭССР, ф. 994, оп. 1, д. 23, л. 89; ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 7, д. 20, л. 23.

166 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 317.

7 Заказ № 2523

земельных владений, за счет земли, скупленной гитлеровцами, а также из государственного земельного резерва. Он высказался также за умелый, гибкий и дифференцированный подход к разным группам интеллигенции с учетом различных проявлений ее недовольства существующим строем. Одновременно пленум призвал демократическую интеллигенцию смелее участвовать в антифашистской борьбе, сближаться с пролетариатом.

Борьба против буржуазного национализма и антикоммунизма, распространяемых правящими реакционными кругами, требовала действеннее разоблачать антинациональный, прогитлеровский характер политики правительства К. Пятса. Пленум высказался за то, что защита национальной независимости Эстонии против поползновений со стороны фашистской Германии должна находиться в центре всей деятельности Компартии.

Основные положения платформы народного фронта, сформулированные пленумом ЦК КП Эстонии, были следующие: отмена чрезвычайных декретов, восстановление демократических свобод и обеспечение полной свободы деятельности всех политических партий, которые стоят за защиту национальной независимости Эстонии от угрозы агрессии со стороны фашистской Германии, заключение пакта о взаимопомощи с Советским Союзом, и борьба за создание системы коллективной безопасности, амнистия для политзаключенных-антифашистов, аннулирование части долгов и сокращение налогов для трудового крестьянства, ремесленников, рыбаков [167].

В январе 1936 г. состоялось совещание участников единого фронта. Оно определило тактику совместных действий в связи с попытками правительства изменить конституцию при помощи референдума и созыва так называемого национального собрания. Было признано целесообразным призвать трудящихся голосовать на референдуме против созыва «национального собрания» и бороться за созыв государственного собрания, избранного в условиях демократических свобод и открытой деятельности антифашистских политических партий. Совещание решило обратиться с призывом к запрещенным правительством буржуазным партиям — объединению новопоселенцев, партии национального центра и оппозиционным элементам партии аграриев, а также к некоторым молодежным организациям голосовать против предложений правительства и с этой целью создать на время референдума общий фронт [168].

В 1936—1937 гг. значительно укрепились контакты и сотрудничество коммунистов Таллина с представителями левого крыла бывшей Эстонской социалистической рабочей партии, с молодыми социалистами, а также с левым крылом культурного общества «Лихт» («Свет»), объединявшего прогрессивных еврейских рабочих и интеллигентов.

Руководители крупнейших профсоюзов Эстонии — текстильщиков, сельскохозяйственных рабочих, строителей, деревообделочников, портовых рабочих, кожевников, портных — стояли на платформе единого рабочего фронта и активно участвовали в нем [169].

Съезд профсоюзов текстильщиков в мае 1936 г. выдвинул требования в защиту экономических и политических прав рабочих. Забастовки текстильщиков в 1936 г. на фабриках в Синди и на фабрике «Рауанийт» в Таллине, продолжавшиеся соответственно 40 и 45 дней, отличались выдержкой, моральной и материальной солидарностью рабочих. Рабочие одержали победу. Целенаправленной и упорной была и забастовка горняков-сланцевиков, длившаяся целый месяц. В профсоюзе горняков укрепились позиции сторонников единого рабочего фронта [170]. После забастовки горняков правительство, обеспокоенное организацией широкой кампании солидарности с забастовщиками, распустило прежнее правление Центрального союза рабочих объединений Эстонии и назначило новое, послушное себе временное правление. Большинство профсоюзов отказалось платить взносы в Центральной союз и бойкотировали его. Руководство профсоюзами и координация их деятельности осуществлялись помимо Центрального союза [171].

Единство действий помогло рабочему классу Эстонии сорвать попытки властей поставить профсоюзы на службу антирабочей политике правительства. Не имел успеха и созданный властями «Национальный союз труда» и корпоративная рабочая палата, которая была учреждена с целью пропаганды идей «классового мира». Однако тактика бойкота, как указал Исполком Коминтерна эстонским коммунистам, была нецелесообразной. Необходимо было использовать все легальные возможности для организации рабочих, завоевания новых позиций и сторонников единства. Совещание единого фронта в марте 1937 г. предложило профсоюзам не отказываться от связей с новым правлением Центрального союза и требовать от него поддержки экономической борьбы рабочих и защиты прав профсоюзов.

Состоявшаяся в мае 1937 г. всеэстонская конференция рабочих старост высказалась за сохранение демократических принципов в профсоюзной жизни, за право самих рабочих организовываться на началах демократического самоуправления [172].

Сторонники единого фронта в Союзе сельскохозяйственных рабочих, председателем правления которого был А. Абен, осенью 1936 г. добились определенных успехов при выборах в палату сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. В состав палаты было избрано около 10 батраков и бедняков, поддерживавших единый фронт. Некоторые из них оказались избранными в правление палаты. В государственный совет от этой палаты также удалось послать представителя единого фронта.

---

167 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 317—320.

168 Partei ees seisvate raskuste äravõitmisel. EKP Keskkomitees kirjastus. 1935, lk. 48—50.

169 Под знаменем Октября. М., 1959, с. 166—167.

170 *Kuuli O., Liebman A., Saarniit H.* Указ. соч., с. 369—371.

171 Под знаменем Октября, с. 166.

172 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 330.

Единство действий рабочих в определенной мере сказалось на результатах организованного правительством в феврале 1936 г. референдума об изменении конституции[173]. По предложению ЦК КП Эстонии левые социалисты договорились с партией национального центра и объединением новопоселенцев о том, что они будут рекомендовать гражданам голосовать против изменения конституции. Правые лидеры социалистов поддержали правительство. Несмотря на полицейский террор, за правительственные предложения высказался лишь 61% голосовавших.

В конце 1936 г. состоялись выборы в национальное собрание. К этому времени произошел раскол среди правых социалистов. Одна их часть во главе с Э. Иоонасом встала в оппозицию к правительству[174].

В связи с тем, что оппозиционные силы не имели возможности выдвинуть своих кандидатов на выборах в национальное собрание, при посредстве левых социалистов было достигнуто соглашение с партией национального центра, объединением новопоселенцев и оппозиционной частью правых социалистов (группа Иоонаса) о бойкоте выборов. Значительная часть населения выборы бойкотировала[175].

В феврале 1938 г. в соответствии с новой конституцией состоялись выборы в Государственную думу Эстонии. Реакционные силы объединились в так называемый народный фронт за осуществление конституции. Компартия выступила инициатором создания антифашистского избирательного блока коммунистов, социалистов и буржуазных оппозиционных партий. Удалось осуществить более тесное сотрудничество с оппозиционной группой правых социалистов.

Кандидаты оппозиции получили на выборах в Государственную думу почти столько же голосов, сколько и сторонники правительства Пятса, но благодаря мажоритарной избирательной системе фашистской клике все же удалось заполучить значительное большинство мест в государственной думе. От единого фронта рабочего класса были избраны четыре депутата, от правых социалистов — два. Некоторое время они составляли общую фракцию под названием «Единый блок трудового народа»[176].

Депутаты от единого рабочего фронта разоблачали с трибуны Государственной думы антинародную сущность правительственной политики. Они выдвинули требование об амнистии политзаключенным-антифашистам.

В мае 1938 г. президент Эстонии подписал закон об амнистии. Правящие круги стремились освободить из тюрем вапсов — агентов германского фашизма в Эстонии. Но, учитывая настроения в стране, они вынуждены были освободить также более ста участников революционного движения. Это способствовало организационному укреплению Компартии и активизации всей ее деятельности[177].

В конце мая 1938 г. в Таллине на совещании представителей Компартии и ее союзников по единому фронту было достигнуто соглашение о дальнейшей совместной работе в профсоюзах, больничных кассах, во фракции «Единого блока трудового народа» Государственной думы и в

других организациях. Развивая совместные действия с социалистами, коммунисты помогли многим из них преодолеть реформистские взгляды, укрепить классовую революционную сознательность, перейти на позиции Компартии, стать ее членами [178]. Усиливалось влияние коммунистов в профсоюзах текстильщиков, строительных рабочих, швейников, металлистов. Под руководством КП Эстонии действовал Тартуский центральный союз рабочих объединений. Преобладающее влияние имели сторонники единого фронта в профсоюзах Пярну. В апреле 1939 г. число членов профсоюзов, входивших в Центральный союз рабочих объединений Эстонии, достигло 16 000 [179].

В Таллинской объединенной больничной кассе в 1939 г. состояли 54 000 рабочих и служащих вместе с членами семей. В ее правление в основном входили сторонники единого фронта. На работу в больничную кассу, профсоюзы и потребительское общество была устроена часть освобожденных из тюрем коммунистов [180].

При обсуждении в конце 1938 г. законопроекта о сельскохозяйственных рабочих председатель рабочей фракции Государственной думы А. Абен показал, что этот законопроект защищает интересы крупных землевладельцев. Н. Руус, К. Ялак и другие с трибуны думы резко выступили против агрессивной политики гитлеровской Германии и происков ее пособников в Эстонии. Будучи беспартийными, они работали под руководством КП Эстонии [181].

Положительную роль в распространении во второй половине 30-х годов марксистских идей среди интеллигенции и студентов в Тарту играло Академическое социалистическое общество. За участие в классовой и антифашистской борьбе в июне 1938 г. оно было запрещено властями.

По договоренности коммунистов с левыми социалистами в 1936—1937 гг. были легально изданы два литературных альманаха — «Круг первый» и «Испания в огне. Круг второй». Напечатанные в них художественные произведения, общественно-политические статьи и материалы призывали интеллигенцию к борьбе против фашизма, защите свободы и демократии [182].

Активную антифашистскую деятельность развернули в Таллине еврейское культурное общество «Лихт» и русское просветительное общество «Огонек». Общество «Огонек» с 1937 г. возглавляли революционно

---

173 «Kommunist», 1936, № 1; ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 354, л. 9, 11, 21—25.

174 *Lebbin H.* Указ. соч., с. 350—352.

175 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 331—332.

176 ЦГАОР ЭССР, ф. 852, оп. 1, д. 1341, л. 20—25.

177 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 346.

178 *Леббин Х. А.* КПЭ в борьбе против реформистской деятельности мелкобуржуазных партий. Таллин, 1972, с. 187—189.

179 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 355—356.

180 ЦГАОР ЭССР, ф. 944, оп. 1, д. 35, л. 11; ф. 2511, оп. 1, д. 5, л. 14.

181 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 358, 360.

182 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 337—340.

настроенные рабочие. В апреле 1938 г. оно было закрыто [183]. В 1938—1939 гг. коммунисты превратили таллинское общество трезвости «Идээ» («Идея») в крупную культурно-просветительную организацию рабочих и интеллигенции. Общество организовывало лекции и другие культурно-массовые мероприятия. В Тарту подобную работу в 1938—1939 гг. проводило Общество рабочего театра. Летом 1939 г. его закрыла полиция, но еще весной того же года по инициативе коммунистов было создано Тартуское культурно-просветительное противоалкогольное общество которое организовало драматический кружок, курсы русского языка, проводило лекции. В этих обществах воспитывался рабочий актив и левая интеллигенция. Они помогли писателям А. Хинту и А. Кааль, режиссеру К. Ирду и другим лучше и ближе понять нужды и интересы рабочего класса [184].

Для пропаганды марксистско-ленинских идей коммунисты Тарту использовали также Академический клуб общественных наук, Эстонское общество свободомыслящих «Гуманитас» («Гуманность»), народный университет, еврейское рабочее общество имени Шолом-Алейхема [185].

Рост антифашистской активности многих представителей демократической интеллигенции являлся результатом идейного влияния Компартии. Во второй половине 30-х годов в Эстонии были созданы литературные произведения, в которых остро критиковались отрицательные явления общественной жизни, порожденные капитализмом и фашизмом, содержался призыв к демократии, защите прав трудового народа. Рост демократических, антифашистских настроений наблюдался среди всех групп творческой интеллигенции [186].

5. Организационное и идейное укрепление компартий Литвы, Латвии, Эстонии

Создание и развитие единого рабочего и антифашистского народного фронта требовали всемерного укрепления коммунистических партий как боевых организаторов и вдохновителей борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

Коммунистические партии Литвы, Латвии, Эстонии работали в крайне тяжелых условиях фашистского террора, частых арестов и гибели своих активистов и руководящих работников. Политическая полиция при содействии различных военизированных фашистских организаций постоянно следила за деятельностью коммунистов и наносила по ним удары. В годы господства буржуазии по приговорам буржуазных судов были расстреляны или погибли в тюрьмах десятки руководящих деятелей и партийных активистов. В их числе были член ЦК КП Эстонии А. Рийсман (1926 г.), члены ЦК КП Латвии Я. Шилф-Яунзем, А. Берце-Арайс (1921 г.), член ЦК КП Литвы Ю. Гарялис (1940 г.), член ЦК комсомола Литвы А. Шяучюнайте (1938 г.). Тем не менее фашистской реакции не удалось парализовать революционную деятельность коммунистических партий, которая активно продолжалась.

Фашистское правительство Литвы в ответ на расширение и усиление революционной борьбы построило в Расеняй новую тюрьму с особо строгим режимом содержания молодых коммунистов и комсомольцев. В 1937 г. был открыт концентрационный лагерь принудительных работ в Димитраве. По данным литовской охранки, в период с 1932 г. по апрель 1936 г. к судебной и административной ответственности по обвинению в деятельности в пользу Коммунистической партии было привлечено 3830 человек (за предыдущее пятилетие — 1927—1931 гг.— лишь 1701 человек) [187]. По неполным данным, за период 1920—1940 гг. в Литве было предано суду более 3 тыс., административным органам — 6,8 тыс. участников революционного и антифашистского движения, которые были осуждены или высланы в концлагеря и отдаленные места. Три четверти из них — обвинялись в антиправительственных действиях в пользу Компартии [188].

В феврале 1935 г. в Москве скончался член Политбюро ЦК КП Литвы, член Исполкома Коминтерна В. Мицкявичюс-Капсукас. Это была большая утрата для литовских коммунистов.

Состоявшийся в июле 1935 г. пленум ЦК КП Литвы решил перевести Политбюро ЦК из Москвы в Каунас. В 1935—1936 гг. для подпольной работы в Литву прибыли политэмигранты — члены Политбюро Ю. Гарялис и А. Снечкус. В 1935—1939 гг. в состав ЦК КП Литвы были кооптированы опытные партийные организаторы — рабочие Б. Баранаускас, Я. Виницкис, Х. Айзенас, А. Клейнерис, Д. Пундзюс, П. Кутка, интеллигенты И. Мескупас, А. Петраускас, В. Нюнка, Ф. Крастинис. Все они вместе с ранее избранными или кооптированными в состав Центрального Комитета К. Диджюлисом, А. Лифшицасом, Ю. Стимбурисом, М. Шумаускасом составили основное руководящее ядро Компартии Литвы [189].

Исполком Коминтерна летом 1937 г. одобрил меры, направленные на укрепление руководящих органов Компартии, действующих на территории самой Литвы [190]. Январский пленум ЦК КП Литвы 1938 г. избрал Политбюро ЦК в составе З. Ангаретиса, А. Снечкуса, И. Мескупаса. Был создан Секретариат ЦК. На пленуме был принят новый Устав КП Литвы [191].

Большое внимание уделялось комплектованию состава инструкторов ЦК по группам райкомов, а с 1938 г.— уездных комитетов партии. Специально созданная комиссия Центрального Комитета руководила рабо-

---

183 *Kutsar-Zabrodskaja S.* Eestimaa Kommunistlik partei 1940 aasta sotsialistlikus revolutsioonis. Tallinn, 1960, lk. 74—76.

184 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 360—362.

185 Ird K. Tartu Töölisteater. Tallinn, 1966, lk. 68—71.

186 Под знаменем Октября, с. 178—179.

187 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4. Vilnius, 1961, p. 631.

188 «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 1, с. 36—37.

189 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 23, д. 1.

190 Там же, л. 78—79.

191 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 21, д. 3, л. 1—3; оп. 23, д. 1.

той среди интеллигенции и среди национальных меньшинств. Среди интеллигенции активно работали такие деятели партии, как В. Нюнка, М. Мешкаускене, А. Гузявичюс, Г. Зиманас, Ю. Банайтис, М. Гедвилас, И. Жебенкене, Л. Вайнейките и др.

В это время ЦК КП Литвы предпринял меры, направленные на укрепление пролетарского ядра в составе партии и ее органах за счет рабочих. В начале 1935 г. КП Литвы насчитывала 1300 членов, а летом 1936 г.— уже около 2 тыс. Число райкомов партии выросло до 14 [192].

Каунасский райком объединял 600 коммунистов, 300 из которых работали в Каунасе. В городе действовали три подрайкома партии. Райком возглавлял профессиональный революционер А. Петраускас [193].

В Алитусской, Ионавской, Мажейкяйской, Вилкавишкской районных партийных организациях насчитывалось более чем по 200 коммунистов, в Рокишкской, Плунгеской — более чем по 100. В 1935—1937 гг. состоялись конференции большинства районных и подрайонных партийных организаций.

По решению январского пленума ЦК КП Литвы 1938 г. вместо райкомов и подрайкомов с учетом административного деления страны были организованы уездные и волостные комитеты партии. Много внимания уделялось работе партийных ячеек.

Коренной перестройке подверглась деятельность комсомола и Красной помощи Литвы. Число комсомольцев Литвы увеличилось с 500 в начале 1935 г. до 1130 человек в апреле 1937 г. Триста двадцать каунасских комсомольцев были объединены в 65 ячейках. Сорок комсомольских ячеек в разных местах Литвы входили в различные легальные организации, 23 ячейки работали в гимназиях, в высшем техническом училище и в университете. В Каунасе, Ионаве, Аникшчяй, Алитусе, Рокишкисе комсомол создал полулегальные пионерские организации детей рабочих. Вокруг комсомольских организаций складывался многотысячный антифашистский молодежный актив [194]. Руководили работой комсомола — члены ЦК КСМ Литвы Ф. Беляускас, М. Бордонайте, А. Шяучюнайте, С. Канцедикас и др. В комсомоле в те годы проходили политическую школу будущие известные литовские советские писатели Э. Межелайтис, В. Мозурюнас, А. Беляускас, К. Красаускас-Марукас, художник А. Савицкас, будущие герои Великой Отечественной войны Г. Бориса, А. Чепонис и др.

Красная помощь Литвы в 1937—1939 гг. превратилась в массовую антифашистскую организацию, объединявшую около 6000 членов. Она ежемесячно собирала до 6 тыс. литов для оказания помощи политзаключенным-антифашистам и их семьям. Красная помощь возглавила массовую кампанию за амнистию политзаключенных-антифашистов, во время которой под законопроектом об амнистии для внесения в сейм было собрано около 20 тыс. подписей. Организацию Красной помощи возглавляли коммунисты Б. Фридманас, Ц. Магинскене, М. Домейкене и др. [195]

Начав широко использовать полулегальные и легальные формы ра-

боты, Компартия Литвы стремилась нелегальную деятельность лучше увязывать с массовой борьбой трудящихся. Коммунисты, комсомольцы и их сторонники активно работали в организациях Общества свободомыслящих и Общества квартиросъемщиков, в отделениях палаты труда и ее клубах культуры, в союзах христианской трудящейся молодежи и христианских рабочих, в некоторых фашистских профсоюзах и в военизированном союзе шаулисов, в молодежной организации правящей партии таутининков «Яунойи Летува» («Молодая Литва»), в объединении литовских рабочих и ремесленников Клайпеды, в кружках молодых сельских хозяев, в ряде еврейских прогрессивных и сионистских культурно-просветительных и спортивных организаций, в русских организациях, возглавлявшихся белогвардейцами. В Каунасском университете коммунисты создали организации «Сциенция» («Наука»), «Культура» и общество имени Шолом-Алейхема.

После фашистского переворота деятельность Компартии Латвии проходила в условиях усилившегося террора и преследований. Политохранка произвела около 2 тыс. обысков у коммунистов и других антифашистов. Был создан концлагерь в Лиепае, в тюрьмы брошены многие коммунисты. Но уже к концу 1934 г. удалось восстановить большинство областных и районных партийных организаций и кружков (ячеек). В это время в ЦК КП Латвии работали Э. Апине, А. Озолинь, М. Озол, Ф. Паузер, М. Крумс.

В ноябре 1934 г. Рижская партийная организация насчитывала 250—260 коммунистов, объединенных в 24 кружках. Партийные кружки работали среди моряков, строительных рабочих, текстильщиков, на заводе «ВЭФ». Леяскурземская областная организация в начале 1935 г. объединяла 160 коммунистов. В ней особенно укрепилась Лиепайская организация.

В октябре 1934 г. в КП Латвии было 1200 членов, в комсомоле Латвии — 700, в Красной помощи — 320. Красной помощью руководила член ЦК КП Латвии Э. Апине. Работать приходилось в тяжелейших условиях, предпринимались меры для укрепления дисциплины и усиления конспирации в подпольных революционных организациях[196].

Однако фашистская охранка продолжала массовые аресты коммунистов. В начале 1936 г. в тюрьмах Латвии томилось около 800 человек. На воле продолжали работать 500—600 коммунистов. Члены Красной помощи (в конце 1936 г. их насчитывалось 1 тыс. человек) собирали по 1 тыс. латов ежемесячно для политзаключенных-коммунистов[197].

В это трудное для Компартии Латвии время ее руководству Исполкомом Коминтерна было необоснованно выражено недоверие. В 1936—

---

[192] Там же, оп. 19, д. 4, л. 1—13.

[193] Там же, оп. 18, д. 17, л. 3—6; оп. 19, д. 4, л. 1—13; д. 7, л. 75—77.

[194] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 3743, оп. 1, д. 102, л. 1; д. 111, л. 13.

[195] MLTE, t. 2, p. 394.

[196] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 324—325, 338—343.

[197] Там же, с. 368—369, 385.

1938 гг. в результате массовой чистки партии значительная часть честных коммунистов оказалась исключенной из ее рядов [198].

Несмотря на сложную обстановку, партийная работа в Латвии в эти годы не прерывалась. Местные организации, кружки, отдельные коммунисты даже при нарушении связей с центром продолжали руководить рабочими, поднимать их на борьбу с фашизмом. В подполье активно работали руководящие партийные деятели: О. Аугусте, П. Бриедис, Е. Винхолде, К. Гайлис, А. Деглав, Ф. Деглав, А. Кадикис, Я. Калнберзин, Я. Салнис, Ж. Спуре, А. Табак, М. Юхно и многие другие [199].

Временный Секретариат КП Латвии, созданный во второй половине 1936 г. вместо упраздненного Центрального Комитета, Рижский и другие комитеты партии налаживали организационную и идейно-политическую работу партийных организаций. В феврале и сентябре 1937 г. состоялись конференции Рижской партийной организации. В Риге работали 4 районные организации партии. Рижский комитет КП Латвии принял меры к выдвижению и воспитанию новых партийных кадров. Возрождались и действовали партийные организации в Лиепае, Вентспилсе, Даугавпилсе, Елгаве, Тукумсе и ряде других мест [200].

На состоявшейся 11 февраля 1939 г. в Риге XXVI конференции КП Латвии были представлены Рижская, Латгальская, Леяскурземская, Земгальская партийные организации, а также СТМЛ и Красная помощь. Конференция заслушала и обсудила отчет о деятельности Временного Секретариата по укреплению партийных организаций и руководству ими. Приняв на себя функции съезда партии, конференция избрала Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии, в состав которого вошли О. Аугусте, Е. Винхолде, Ф. Деглав, К. Гайлис, А. Нуржа, Я. Калнберзин, Я. Салнис, Ж. Спуре, А. Яблонский и др. [201]

В конце 1938 г. в КП Латвии было лишь немногим более 200 членов, из них 112 — в Риге [202]. В 1939 г. в партию было вновь принято 420 человек. Вокруг партийных организаций складывался широкий беспартийных актив [203]. Преодолев большие трудности, Компартия Латвии продолжала руководить революционной борьбой в стране.

Деятельность Эстонской Компартии в течение всего периода 1920—1939 гг. проходила в исключительно трудных условиях. За это время состоялось 466 политических процессов над коммунистами, революционными рабочими и другими с общим числом подсудимых 2 тыс. человек [204]. Фашистский террор нанес коммунистам Эстонии большой урон. Компартия в условиях фашистской диктатуры продолжала организационное и идейное укрепление своих рядов.

Августовская конференция КП Эстонии 1934 г., проходившая в СССР, указала на необходимость поднять организационную работу партии на уровень растущего революционного движения. Состоявшийся в сентябре того же года пленум ЦК КП Эстонии избрал Секретариат ЦК с основным местом пребывания в Дании для политического и организационного руководства партией и Заграничное бюро ЦК с местом пребывания в Москве для оказания помощи Секретариату и связи с

Коминтерном[205]. Октябрьский пленум ЦК КП Эстонии 1935 г. создал Оргбюро ЦК, большинство членов которого находилось в Дании (позднее — в Швеции). Пленум избрал Заграничное бюро. Его главной обязанностью было поддерживать связь с Коминтерном и готовить кадры для партии[206].

После выхода в 1936 г. из тюрьмы энергичных коммунистов стали укрепляться местные партийные организации. Большую работу по восстановлению Таллинской организации КП Эстонии проделали Д. Кузьмин, Р. Эрлих, Э. Сукк, Э. Винтер, М. Лунт, И. Эльмин, Р. Мээль и др. Таллинская партийная организация установила связи с партийными организациями и отдельными коммунистами в ряде городов и уездов, в том числе в Тарту, Нарве, Пярну, Синди, Раквере, Вильянди, Выру, Кохтла-Ярве, на острове Сааремаа[207]. В условиях, когда в 1936—1937 гг. в самой Эстонии отсутствовал нелегальный партийный центр, Таллинская организация КП Эстонии в определенной степени выполняла его функции.

Новое организационное и идейное укрепление Коммунистической партии Эстонии началось с мая 1938 г., когда по амнистии из тюрем была освобождена большая группа опытных и закаленных коммунистов. Были созданы Нелегальное Бюро, выполнявшее функции Центрального Комитета КП Эстонии, в составе Х. Аллика (секретарь), И. Лауристина, П. Петрее, Х. Арбона и П. Кээрдо и комитет эстонской организации МОПР, в который вошли П. Петрее, Ю. Тельман, О. Кюннапуу[208].

Таллинский комитет партии возглавили П. Петрее, Х. Арбон, И. Лейман (Леуман), Тартуский комитет — П. Кээрдо и В. Сасси. В Пярну, Нарве, Валге, Пайде, Раквере, Вильянди для руководства партийной работой были назначены уполномоченные Нелегального Бюро КП Эстонии.

Таллинская организация КП Эстонии, насчитывавшая около 60 членов, была связана со многими рабочими организациями. Активную деятельность развернули тартуские коммунисты. Успешно развивалась партийная работа в Нарве; в конце 1938 г. здесь был организован городской комитет партии, возникли первичные партийные организации на Кренгольмской мануфактуре и льнопрядильной фабрике. В 1939 г. был создан Пярнуский комитет партии. Вокруг партийных организаций

---

198 «Коммунист» (М.), 1964, № 12, с. 68.

199 Материалы из истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1969, с. 194—195.

200 Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 371, 373—375.

201 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1.d., 611.lpp.

202 Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 375—376.

203 Материалы из истории Коммунистической партии Латвии, с. 197.

204 Подсчитано по данным, имеющимся в партархиве ИИП при ЦК КП Эстонии.

205 ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 6495, оп. 1, д. 313, л. 3.

206 Там же, д. 328, л. 15.

207 *Кузьмин Д.* Равная среди равных.— В кн.: Наступил день... Таллин, 1969, с. 68—69.

208 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 348—349.

сложился широкий беспартийный актив. Коммунисты воспитывали умелых пролетарских руководителей профсоюзных, кооперативных и культурно-просветительных рабочих организаций, а также лучших представителей демократической интеллигенции [209].

Значительные трудности, возникшие в деятельности коммунистических партий Латвии, Эстонии, Литвы во второй половине 30-х годов, были связаны с нарушением социалистической законности, имевшем место в СССР в условиях культа личности И. В. Сталина. Был необоснованно репрессирован ряд латвийских, эстонских и литовских коммунистов-политэмигрантов, среди них руководящие деятели КП Латвии Я. Берзинь-Зиемелис, Я. Ленцманис, Я. Круминь-Пилат; КП Эстонии — Я. Анвельт, Х. Пегельман, О. Рястас; КП Литвы — З. Ангаретис, И. Каспераитис и др. Перестали действовать представительства коммунистических партий Латвии, Эстонии, Литвы при Исполкоме Коминтерна. Впоследствии незаконно обвиненные коммунисты были реабилитированы.

Большое место в политическом воспитании коммунистов и рабочих, в укреплении связей с широкими массами трудящихся, в пропаганде идей социализма играли печатные издания коммунистических партий стран Прибалтики. Преодолевая огромные трудности подполья, компартии Литвы, Латвии и Эстонии у себя, в СССР и в других странах издавали в большом количестве свои газеты, журналы, книги, воззвания, которые конспиративно, а при малейшей возможности и открыто печатались на литовском, латышском, эстонском, русском, еврейском и немецком языках.

В столице Литвы Каунасе в 1921—1923 гг. работало издательство «Швеса» («Свет»), которое помимо другой литературы издало 22 книги, посвященные вопросам марксистской теории и рабочего движения. В СССР на литовском языке издавались журналы КП Литвы «Комунистас», «Комунарас», «Кибиркштис» («Искра»). В 1925—1928 гг. в Смоленске было издано на литовском языке 18 сборников произведений В. И. Ленина. С 1931 по 1938 г. в Москве выходил ежемесячный коммунистический журнал «Прекалас» («Наковальня»), освещавший вопросы политики, общественных наук, литературы.

В 1928 г. в Германии было создано издательство Компартии Литвы, которое просуществовало до 1933 г. Активное участие в его деятельности принимали представители ЦК КП Литвы Б. Леонас-Пушинис и И. Мескупас. При помощи немецких коммунистов в Тильзите, Кенигсберге и Берлине регулярно издавались журналы — органы ЦК КП Литвы «Комунистас», «Балсас» («Голос»), «Партийос дарбас» («Партийная работа»), которые нелегально переправлялись в Литву.

В 1935—1940 гг. в подпольных типографиях было напечатано 70 номеров газеты «Тиеса» — органа ЦК КП Литвы (общим тиражом до 140 тыс. экземпляров). В помощь партийному активу в 1936—1938 гг. издавался журнал «Партийос дарбас» («Партийная работа»), в 1935—1938 гг. вышли в свет пять объемистых тетрадей «Учебника политиче-

ского образования». В 1937—1939 гг. было издано 6 номеров журнала «Пропагандистас», посвященных важнейшим проблемам теории и практики партии. В 1935—1940 гг. было напечатано более 300 воззваний и партийных документов, многие тиражом от 5 до 15 тыс. экземпляров. За весь более чем двадцатилетний период подпольной деятельности КП Литвы (1919—1940 гг.) было издано 340 наименований газет и журналов, более 2 тыс. воззваний, до 760 книг, брошюр, в том числе работы В. И. Ленина, составившие 32 книги [210].

Ведя идеологическую борьбу против буржуазного национализма и реформизма, в защиту пролетарского интернационализма, коммунистическая партия Литвы стала больше издавать материалов, посвященных истории, экономике, культуре, международным проблемам Литвы, освободительным и революционным традициям совместной борьбы трудового народа Литвы и народов России. Большую роль в этом отношении сыграл издававшийся в СССР журнал «Прекалас».

Партия использовала также испытанные боевые формы выступлений коммунистов: демонстрации, митинги, распространение листовок, вывешивание красных флагов и др. По неполным данным литовской охранки, только в 1935 г. было вывешено 435 красных флагов и выпущено 32 голубя с красными лентами. В 1935 г. в центре Каунаса состоялась первомайская демонстрация. К 1 Мая 1936 г. было вывешено 196 красных флагов [211].

ЦК КП Латвии за период 1920—1923 гг. выпустил 41 номер газеты «Циня». Латгальский обком партии издавал газеты «Большевик» и «Латгалишу цейня» («Борьба латгальцев»), Леяскурземский обком — «Комунистс» и «Лаукстрадниеку циня» («Борьба сельскохозяйственных рабочих»), Видиенский обком — «Лиесма» («Пламя»), Вентспилсская организация — «Вентспилс комунистс». В 1920—1923 гг. в Латвии была издана 101 листовка общим тиражом в 1,8 млн. экземпляров [212].

В 1924—1928 гг. регулярно тиражом 3 тыс. экземпляров выходил легальный орган левых профсоюзов Латвии журнал «Виениба» («Единство»). Издавалась также нелегальная профсоюзная газета «Лайкметс» («Эпоха») и с 1927 г. — журнал «Дарба яунатнес цельш» («Путь трудовой молодежи»). С 1927 г. левые профсоюзы начали издавать на русском языке газету «Трудовая жизнь», а с 1928 г.— «Наш путь» и на еврейском языке — «Арбертер велт» («Рабочий мир»).

Издательством Заграничного бюро ЦК КП Латвии «Спартак» в СССР с 1920 по 1922 г. издано 128 книг и брошюр [213]. В 1923 г. в Москве

---

209 *Куули О., Резев А.* Расстановка сил Компартии Эстонии перед революцией 1940 г.— «Коммунист Эстонии», 1965, № 5, с. 13—14.

210 Leninizmo pergalė Lietuvoje. Vilnius, 1970, p. 25.

211 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 630; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 88а, т. 1, л. 420.

212 LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920.—1940., 1. d.

213 LKP VII kongress. (Protokoli un rezolūcijas). «Spartaks», 1924, 18.lpp.

было основано издательство «Прометей». Издательства «Спартак» и «Прометей» выпустили в свет на латышском языке многие произведения В. И. Ленина, а также П. Стучки и других деятелей КП Латвии, революционных писателей.

Исполком Коминтерна высоко оценил опыт КП Латвии по изданию подпольной литературы. В 1929 г. он отметил, что регулярный выход нелегальной газеты «Циня» в Латвии является для других коммунистических партий примером, показывающим, «как надо работать в подполье — как надо издавать свои боевые газеты» [214]. В период 1934—1938 гг. было выпущено 54 номера газеты «Циня». Выходило издание Военной организации Компартии Латвии «Сарканайс карейвис» («Красный солдат»), ряд газет областных организаций партии. В 1934 г. вышло 20 номеров органа комсомола Латвии «Яунайс комунарс» («Молодой коммунар»). До фашистского переворота издавалось 13 нелегальных газет и журналов, а после переворота — 20. Соответственно было издано 50 и 110 воззваний, многие из них — тиражом от 5 до 15 тыс. экземпляров [215]. До конца 1935 г. выходил журнал Заграничного бюро ЦК КП Латвии «Циняс биедрс» («Боевой товарищ»). В декабре 1937 г. Временный Секретариат КП Латвии начал выпускать журнал «Старптаутискас информацияс билетенс» («Бюллетень международной информации»). Он публиковал материалы об успехах строительства социализма в СССР, о рабочем движении в капиталистических странах. Рижский комитет партии в 1936 г. издавал газету «Шкирас фронте» («Классовый фронт»), а с декабря 1938 г.— газету «За единство»; свои газеты издавали и некоторые местные партийные организации («Латгальская правда» и др.). Выходил орган СТМЛ «Брива яунатне» («Свободная молодежь»). Центральные Комитеты КП Латвии, СТМЛ и Красной помощи с 1935 по 1938 г. выпустили около 230 воззваний [216].

ЦК КП Эстонии в 1920—1924 гг. издал 47 номеров нелегальной газеты «Коммунист». С 1921 по 1930 г. вышел 21 номер органа комсомола Эстонии «Ноор пролетаарлене» («Молодой пролетарий»). Подпольные издания выпускались тиражами от 5 до 20 тыс. экземпляров [217].

До конца 1924 г. было издано 413 номеров 34 легальных газет и журналов единого фронта трудящихся. С января 1927 г. в течение 14 месяцев выходила газета «Кийр» («Луч») тиражом 4—5 тыс. экземпляров.

В Ленинграде работало издательство «Кюльвая» («Сеятель»), выпускавшее марксистскую литературу, работы руководящих деятелей КП Эстонии, которые различными путями доставлялись в Эстонию. В Ленинграде на эстонском языке были изданы тематические сборники «Тактика большевизма» «Национальный вопрос», «Республика Советов» и другие с привлечением произведений В. И. Ленина.

В 1935—1937 гг. было издано 34 номера органа ЦК КП Эстонии «Коммунист», который печатался в Дании и Швеции и тайно доставлялся в Эстонию. Всего же за период 1920—1938 гг. было издано 119 номеров газеты «Коммунист». В 1935 г. выходила газета Таллинского комитета партии «Пунане липп» («Красное знамя»). Нелегально распространя-

лись также печатавшиеся в СССР на эстонском языке газета «Эдази» («Вперед»), журналы «Класси выйтлус» («Классовая борьба») и «Коммунизми тээль» («На пути к коммунизму»). До начала 1937 г. продолжал выходить журнал революционных моряков «Маякас» («Маяк»). В 1937 г. КП Эстонии издавала в Норвегии газету «Рахва хяэль» («Голос народа»). Она ввозилась в Эстонию нелегально и распространяла идеи антифашистского народного фронта.

Левосоциалистическое издательство «Сыпрус» («Дружба») в 1936 г. выпустило на эстонском языке I том «Капитала» К. Маркса. В 1937—1939 гг. были изданы избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса в трех томах [218].

Большое число коммунистов и комсомольцев Прибалтики по приговорам буржуазных судов и по решению административных органов постоянно находилось в тюрьмах и концлагерях; временами их численность превышала 1000 человек. В местах заключения создавались коллективы политзаключенных, возглавляемые партийными организациями, их комитетами. Разными путями с ними поддерживались связи. Они снабжались директивными указаниями, политической литературой и учебными пособиями. Находясь в труднейших условиях, коммунисты и комсомольцы продолжали революционную борьбу, изучали революционную теорию, историю и опыт ленинской партии большевиков, повышали свой общеобразовательный и культурный уровень, издавали политические и художественные газеты и журналы. Значительную моральную и материальную помощь заключенным оказывали трудящиеся Литвы, Латвии, Эстонии через организации Красной помощи, а также трудящиеся СССР и других стран.

Компартии Литвы, Латвии и Эстонии постоянно укрепляли связи с Коммунистическим Интернационалом и братскими коммунистическими партиями, особенно с Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков).

Важная роль в большевизации нелегальных компартий Прибалтики, в подготовке и ленинской закалке их руководящих кадров, в разработке программных документов принадлежала Коминтерну. Коммунисты Прибалтики постояно получали помощь от таких известных деятелей международного коммунистического движения, как Г. Димитров, Бела Кун, В. Коларов, О. Куусинен, В. Пик, А. Лозовский, Д. Мануильский, Б. Шмераль и др.

Коминтерн являлся центром осуществления международных связей эстонского, латвийского и литовского революционного рабочего движе-

---

214 «Cīņa», VI—VIII.1929, № 100 (520).

215 LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920—1940., 3.d., 9.—199.lpp.

216 Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 385—387.

217 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 30.

218 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 336—338.

ния с мировым революционным рабочим движением. Многосторонние контакты сложились между коммунистическими партиями и коммунистическими союзами молодежи Латвии, Литвы и Эстонии.

Состоявшееся в Москве 19 июня 1921 г. во время работы III конгресса Коминтерна совещание представителей компартий Эстонии, Латвии и Литвы отметило необходимость координирования совместных выступлений пролетариата Прибалтийских стран и решило в дальнейшем организовать регулярный обмен информацией, выпускать совместные воззвания [219]. В июле 1921 г. Центральные Комитеты трех коммунистических партий издали совместное воззвание, которое призывало трудящихся Прибалтийских стран создавать единый фронт борьбы против наступления буржуазии, поддерживаемой иностранными империалистами. Рабочих Прибалтийских стран, как подчеркивало воззвание, объединяет не только борьба против общего врага — буржуазии, но и общая цель борьбы — диктатура пролетариата [220].

Во время работы II конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи в июне 1921 г. было создано Бюро Прибалтийских стран КИМа.

После V конгресса Коминтерна летом 1924 г. на совместном заседании представителей компартий Литвы, Латвии и Эстонии было решено создать при Исполкоме Коминтерна Секретариат коммунистических партий стран Прибалтики. Его ответственным секретарем был избран О. Рястас [221]. Секретариат коммунистических партий Прибалтийских стран как региональный информационный и координационный центр действовал до создания в 1926 г. Польско-Прибалтийского лендерсекретариата Исполкома Коминтерна. Ответственным секретарем последнего сначала был Г. Димитров, в 1927 г.— Д. Мануильский, а в 1928—1935 гг. им руководил член ИККИ В. Мицкявичюс-Капсукас. КП Эстонии в лендерсекретариате представлял Я. Анвельт, КП Латвии — К. Крастынь, КП Литвы — З. Ангаретис. В соответствии с решением VII конгресса Коминтерна (1935 г.) региональные секретариаты ИККИ в том числе и Польско-Прибалтийский лендерсекретариат, были упразднены.

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии всегда проявляли по отношению к братским партиям пролетарский интернационализм и солидарность. Так было в дни подавления восстания эстонского пролетариата в декабре 1924 г. Так было и в дни фашистского переворота в Литве и расстрела четырех деятелей КП Литвы в декабре 1926 г.— К. Пожелы, Ю. Грейфенбергериса, К. Гедриса и Р. Чарнаса.

Большое место в жизни и деятельности компартий Литвы, Латвии и Эстонии занимала работа по воспитанию коммунистов, комсомольцев и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы с Советским Союзом, укрепления международного коммунистического движения и рабочей солидарности. Они постоянно призывали трудящихся своих стран защищать Советский Союз — родину всех трудящихся, бороться за дружбу и союз с СССР, пропагандировали экономические, социальные, политические и культурные достижения СССР, а также ре-

шительно поддерживали генеральную линию РКП(б), а затем ВКП(б) в борьбе против различных антипартийных уклонов.

В приветственном письме В. И. Ленину VII съезд КП Латвии в 1923 г. заявил, что большевики Латвии, имеющие славные революционные традиции и боевой опыт, накопленный в ходе революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции, и в дальнейшем будут возглавлять борьбу пролетариата за Советскую Латвию, за союз с СССР [222]. В приветствии IV съезда КП Литвы в 1924 г. Центральному Комитету РКП(б) говорилось: «Мы твердо верим, что и в дальнейшем РКП(б) будет идти по пути, указанному Лениным, и явится для всех секций Коминтерна примером выдержки, единства и дисциплины» [223].

Ленинская Коммунистическая партия Советского Союза постоянно оказывала коммунистическим партиям и трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии всестороннюю поддержку в их борьбе за социальный прогресс. В СССР проходили многие съезды, конференции, совещания, пленумы Центральных Комитетов компартий стран Прибалтики. В Советском Союзе на литовском, латышском и эстонском языках издавались журналы и другие печатные издания Прибалтийских компартий.

ВКП(б) неоднократно выступала в защиту мужественных борцов Литвы, Латвии и Эстонии. При обменах политзаключенными между странами Прибалтики и СССР сотни литовских, латвийских и эстонских коммунистов были освобождены из тюрем и лагерей и получили возможность уехать в Советский Союз. В СССР нашли братское гостеприимство многие прибалтийские коммунисты, приехавшие сюда учиться, или те, которые из-за преследований покидали свои страны.

В Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и в Международной ленинской школе (МЛШ), а также в других учебных заведениях учились многие руководители коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии.

Коммунисты Прибалтийских стран в своих воззваниях и других документах призывали трудящихся Литвы, Латвии и Эстонии солидаризироваться с революционной борьбой народных масс, выступать в защиту жертв террора и реакции в Германии, Венгрии, Болгарии, Финляндии, Австрии, Чехословакии, Румынии, Польше, Югославии, Англии, Франции, Италии и в других странах.

Коммунисты и под их руководством трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии солидаризировались с рабочими Германии, Австрии, Испании

---

219 Eestimaa Kommunistlike partei teine kongress. Dokumente ja materjale, lk. 135—148.

220 См.: «Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai», t. 1. Vilnius, 1962, p. 302—305; Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 47; LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920.—1940., 1.d., 141.lpp.

221 ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 24, оп. 1, д. 324, л. 1.

222 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1.d., 271.lpp.

223 Lietuvos Komunistų prtijos IV-jo suvažiavimo teziai ir rezoliucijos, p. 32.

в их борьбе против фашизма и реакции. В Прибалтике проводились широкие кампании за освобождение из гитлеровских застенков выдающихся коммунистических деятелей Георгия Димитрова и Эрнста Тельмана.

Компартии и комсомол Прибалтики отмечали дни памяти Владимира Ильича Ленина, Розы Люксембург и Карла Либкнехта и другие даты красного календаря. Коминтерн и братские коммунистические партии СССР, Германии, Польши, Франции, Швеции, Дании, Норвегии неоднократно поднимали свой голос в защиту коммунистического и рабочего движения Прибалтийских стран, оказывали разнообразную помощь их компартиям.

Коммунистические партии Латвии, Эстонии, Литвы в 1936—1939 гг. провели большую работу по организации кампаний солидарности с республиканской Испанией. Используя различные антифашистские издания, они правдиво информировали население о справедливой борьбе испанского народа против франкистского и международного фашизма. Были организованы сборы денежных средств в помощь борющейся Испании.

В рядах интернациональных бригад в Испании находилось около 145 представителей Латвии и латышей, проживающих в СССР, в том числе советские военные советники Д. Бейка, Я Берзинь (П. Кюзис), А. Арман (Тилтынь), К. Янсон, В. Кумелан, П. Пумпур, К. Салнынь, латвийские коммунисты и антифашисты Ж. Фолманис (Жанис Грива), Б. Цинис, Я. Палкавниек, К. Розенберг, М. Шварц, Э. Упеслея, Б. Кур [224].

За дело испанского народа боролись около 200 коммунистов, социалистов и других антифашистов Эстонии, среди них Р. Буш, Б. Константинюк, Г. Коска, Л. Эйзен, И. Силленберг, Х. Роог, К. Хансон [225].

В Испании находилось также более 100 добровольцев-литовцев, прибывших как из самой Литвы, так и из СССР, США, Южной Америки и других стран, среди них член ЦК КП Литвы К. Прейкшас, молодой писатель А. Ясутис, А. Булота, В. Мицельмахерис, П. Улявичюс, С. Талалас, П. Полубецкас, Д. Клебанскайте, В. Шименсас, А. Слапшис [226].

Компартии Прибалтики честно исполняли свой интернациональный долг. Одновременно коммунистические партии СССР Испании, Франции и других стран своей борьбой против фашизма и войны оказывали компартиям и трудящимся Прибалтики огромную морально-политическую помощь.

Интернациональные связи компартий Латвии, Эстонии, Литвы способствовали их идейному и организационному сплочению, помогали выстоять в длительной и трудной революционной борьбе, поддерживали высокий морально-политический дух, вселяли уверенность в неизбежность победы социалистической революции.

*

В лице коммунистических партий Литвы, Латвии, Эстонии в Прибалтике был создан и закален политический авангард рабочего класса, организатор и руководитель революционной борьбы трудящихся против

капитализма, за социализм. В условиях буржуазной демократии, а затем фашистской диктатуры, находясь двадцать лет в подполье, испытывая большие лишения и теряя стойких борцов, они постоянно руководили классовой политической и экономической борьбой рабочих и других трудящихся, воспитывали их в духе социализма, пролетарского интернационализма и революционных традиций.

Коммунистические партии Эстонии, Латвии, Литвы, их руководящие кадры и широкий партийный актив под руководством Коминтерна проделали большую работу по изучению и творческому претворению в специфических условиях своих стран марксистско-ленинского учения о Коммунистической партии, о стратегии и тактике классовой борьбы, исторического опыта ВКП(б). Они воспитали и закалили в своих рядах замечательных руководителей ленинского типа, способных возглавить борьбу масс за социальный и национальный прогресс, умеющих сочетать национальные и интернациональные задачи революционной борьбы.

Победа фашизма в Литве, Эстонии, Латвии, ухудшение экономического и политического положения широких народных масс, усиливающаяся угроза агрессии со стороны гитлеровской Германии, а также стремление рабочих и других трудящихся к единству действий против фашистского строя и монополистического капитала, их классовая борьба под руководством компартий под флагом единого рабочего и антифашистского народного фронта привели к серьезным сдвигам в расстановке социальных и политических сил в республиках Прибалтики.

В условиях революционного подъема, наступившего после Великой Октябрьской социалистической революции, буржуазия Прибалтийских стран, придя к власти, торжественно обещала осуществить важные демократические, социально-экономические и политические мероприятия. Однако не прошло и полутора десятилетий (а в Литве — лишь семь лет), как она попрала свои обещания, заменив куцую буржуазную демократию фашистской диктатурой. Одновременно с ростом экономических трудностей масс быстрыми темпами шло обогащение относительно небольшого слоя крупной буржуазии. Нарастало недовольство широких масс внутренней и внешней политикой правящей в Прибалтике буржуазии.

Победа фашизма и отказ правых лидеров социал-демократии от борьбы с ним привели к тому, что в Литве, Латвии и Эстонии традиционные реформистские социал-демократические партии по сути дела самоликвидировались и сошли с политической сцены. В Латвии и Эстонии укрепились силы левых социалистов, которые в той или иной форме пошли на единый фронт с коммунистами. В целом в Прибалтике уско-

---

224 «Viva republica!» Rīga, 1957, 7.lpp.; «Latvijas cīnītāji Spānijā. 1936.—1939». Rīga, 1966, 22.—23.lpp.

225 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 341—342.

226 Už Ispanijos laisvę. Vilnius, 1957, p. 19.

рился процесс преодоления влияния реформизма на рабочий класс и раскола в его рядах. Тактика единого фронта сыграла исключительно важную роль в борьбе компартий за завоевание большинства рабочего класса на свою сторону.

Под руководством компартий происходил заметный процесс полевения рабочего класса и укрепления его единства на основе революционной классовой и антифашистской борьбы и пролетарского интернационализма. Повысилась общественно-политическая активность рабочего класса и его роль в борьбе с фашизмом. Руководимый коммунистическими партиями рабочий класс Прибалтики в экономической и политической борьбе добивался не только улучшения условий своего существования, но, как указывал В. И. Ленин, вместе с тем поднимался и морально, и умственно, и политически, становясь все более способным осуществлять свои великие освободительные цели [227]. Политика антифашистского народного фронта помогала сплачивать вокруг рабочего класса и его коммунистических партий средние слои города и деревни. В то же время безуспешными оказались попытки фашистских правительств поставить рабочее движение под свой контроль при помощи так называемых палат труда и увлечь рабочих на путь классового мира и буржуазного национализма.

При создании единого рабочего фронта компартии Латвии и Эстонии, учитывая наличие организованных левосоциалистических партий и течений, добивались единства как с их верхами, так и с низами социал-демократии вообще. В Литве, поскольку там после 1936 г. сколько-нибудь организованной социал-демократической партии не сохранилось, Компартия свое главное внимание уделяла созданию различных местных органов единого фронта вместе с рядовыми активистами и рабочими социал-демократами, а также христианскими и беспартийными рабочими. Главное же общее для компартий стран Прибалтики заключалось в том, что они в соответствии с указаниями VII конгресса Коминтерна добивались единства действий самих рабочих, без различия их политических и религиозных взглядов.

Продолжая борьбу против правых лидеров социал-демократии, других мелкобуржуазных и либеральных буржуазных партий, против проповедуемых ими идей и настроений реформизма, классового мира, выжидания и пассивности, коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии, преодолевая старые предрассудки и устаревшие установки в собственных рядах, искали и находили верные пути к объединению рабочего класса и всех трудящихся в борьбе против фашистской диктатуры.

Особое внимание компартии стран Прибалтики уделяли укреплению союза рабочего класса и трудового крестьянства, видя в последнем союзника пролетариата в борьбе против господства крупной буржуазии за победу социалистической революции. Постоянно совершенствуя свою аграрную политику, компартии выработали программные документы, которые выражали интересы широких крестьянских масс и способство-

вали усилению их борьбы против фашистской диктатуры и монополистического капитала.

Под руководством коммунистических партий рабочие, трудящееся крестьянство и трудовая интеллигенция Литвы, Латвии и Эстонии в ходе экономической и политической борьбы сумели добиться определенных успехов в отстаивании своих прав и интересов, в развитии социального законодательства.

Компартии Литвы, Латвии и Эстонии показали возможность и в условиях фашистского строя сочетать легальные и нелегальные формы борьбы, использовать различные легальные организации, в том числе созданные фашистами, для организации борьбы масс. Использование легальных и полулегальных форм работы, усиление внимания к демократической интеллигенции принесли компартиям большие успехи. Коммунисты многими новыми нитями укрепили свои связи с широкими народными массами.

Теоретическая и практическая зрелость компартий стран Прибалтики проявилась в том, что их стратегия и тактика все более учитывали специфику своих стран, характерные черты фашистского строя и его слабости. КП Эстонии показала, что, не меняя своей классовой сущности, фашистский режим и его правительство пытались с целью обмана масс сочетать открытую диктатуру с более или менее фальсифицированным парламентаризмом. КП Литвы умело вскрывала связь диктатуры Сметоны с монополистическим и иностранным капиталом. В процессе революционной практической деятельности компартии стран Прибалтики все глубже проникали в суть ленинских идей VII конгресса Коминтерна о широких союзах против общего главного врага, об определении конкретного этапа революционной борьбы и соответствующих ему содержания и форм этой борьбы, о сочетании ее классовых, национальных и интернациональных задач.

Исторически важными были провозглашенные компартиями Прибалтики положения о том, что, призывая бороться за демократию, они не имеют в виду возврат к тем ограниченным формам буржуазной демократии, которые существовали в Литве, Латвии, Эстонии до фашистских переворотов и которые оказались неспособными преградить путь фашизму. Компартии призывали бороться за глубокое демократическое переустройство своих стран. При этом подчеркивалось, что они не отказываются от своих конечных целей борьбы за социализм, за Советскую власть.

Столь же исторически верными были призывы компартий бороться за договоры о взаимопомощи между Латвией, Литвой, Эстонией и Советским Союзом для защиты свободы и независимости этих стран и увязывать эту борьбу с борьбой за союз и дружбу с СССР. В этом на-

---

[227] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 319.

ходило свое выражение сочетание национальных и интернациональных задач компартий и народов Прибалтики. Международные аспекты политики и деятельности компартий и всех антифашистских сил Литвы, Латвии, Эстонии в конце 30-х годов приобретали особое значение для судеб народов и революции в этих странах. Компартии помогали трудящимся уяснить подлинный характер агрессивных планов фашистской Германии и сотрудничавших с ней правящих кругов Польши, а также сущность внешней политики своих правительств, которая все больше подчинялась интересам гитлеровской Германии.

Пропаганда мирной политики СССР, его социальных, экономических, культурных достижений — все это помогало воспитывать трудящихся Прибалтики в духе интернационализма и солидарности со страной Советов, способствовало пониманию роли Советского Союза в судьбах Латвии, Эстонии, Литвы. Компартии стран Прибалтики выступали как знаменосцы демократии, мира, общенациональных интересов и национальной независимости, как вдохновители и организаторы общей борьбы рабочего класса, широких народных масс за социализм в Литве, Латвии, Эстонии.

5

Назревание революционного кризиса в странах Прибалтики после начала второй мировой войны

Начало второй мировой войны • Договоры о взаимопомощи между СССР и Эстонией, Латвией и Литвой • Антинациональная внешняя и внутренняя политика фашистских правительств Эстонии, Латвии и Литвы • Ухудшение экономического и политического положения широких народных масс • Компартии во главе трудящихся в условиях назревания кризиса буржуазно-фашистского строя в Прибалтике

1. Начало второй мировой войны. Договоры о взаимопомощи между СССР и Эстонией, Латвией и Литвой

Для дальнейшего развития революционного движения народов Литвы, Латвии и Эстонии в конце 30-х годов огромное значение приобрели сложившаяся в мире, особенно в Восточной Европе, международная обстановка, начавшаяся вторая мировая война, активные внешнеполитические действия СССР, направленные на укрепление мира и безопасности в районе Балтийского моря.

Основную черту общего кризиса капитализма после Великой Октябрьской социалистической революции составляла борьба между двумя противоположными социальными системами — развивающимся и крепнущим в лице СССР социализмом и загнивающим и раздираемым внутренними противоречиями капитализмом. Но, несмотря на то что империалисты считали своим главным противником Советский Союз и пытались создать единый фронт против СССР, исторические события сложились таким образом, что наиболее острыми в то время оказались противоречия в самом лагере капитализма. Вторая мировая война первоначально развернулась между двумя группами могущественных капиталистических государств.

Первого сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Третьего сентября Англия и Франция вступили в войну против Германии.

Компартии Прибалтики, разоблачая агрессивную политику германского фашизма, разъясняли трудящимся, что западные империалистические государства всячески потворствовали агрессору своей мюнхенской политикой «умиротворения», предательством по отношению к Испанской республике, Австрии, Чехословакии и срывом создания совместно с СССР антигитлеровского фронта.

Вторая мировая война была проявлением общего кризиса капитализма, в первую очередь закона неравномерности развития капиталистических стран при империализме. Она явилась продолжением политики двух империалистических группировок — германо-итало-японской и англо-франко-американской, их борьбы за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала. Поэтому вторая мировая война, как и первая, по своему происхождению была несправедливой, империалистической со стороны всех главных капиталистических государств [1].

Однако обстановка, в которой началась вторая мировая война, коренным образом отличалась от обстановки в мире к началу первой мировой войны. Важнейшими новыми факторами, оказавшими влияние на дальнейший характер войны, явились существование могучего социалистического Советского Союза, мирового коммунистического движения и национальных коммунистических партий во многих странах мира, выступившими руководителями и организаторами антифашистского, антигитлеровского движения, под знаменем которого уже сплотились десятки миллионов трудящихся [2].

Доведя до предела противоречия между важнейшими империалистическими державами, вторая мировая война вместе с тем ослабила позиции империализма в ряде районов мира, прежде всего в Восточной Европе, в том числе в Прибалтике.

Выход германских войск на новые рубежи на востоке Европы представлял собой непосредственную опасность для Советского Союза и Прибалтийских стран, территорией которых агрессор мог воспользоваться для нападения на СССР. Советский Союз, несмотря на советско-германский договор о ненападении, не был уверен в том, что Германия навсегда отказалась от своих агрессивных захватнических планов. Нужно было создать барьер, который преградил бы немецким войскам дальнейший путь на восток.

В связи с быстрым продвижением германских войск на восток, бегством правительства Польши из страны и опасностью захвата Германией районов, непосредственно прилегавших к границам Советского Союза, правительство СССР сочло необходимым проявить заботу о судьбе украинского и белорусского населения, проживавшего на территориях, захваченных польской военщиной в 1920 г. Во второй половине сентября 1939 г. Красная Армия освободила Западную Украину и Западную Белоруссию, которые затем по желанию трудящихся этих областей были воссоединены с Украинской и Белорусской советскими республиками. Одновременно Красная Армия освободила столицу Литвы Вильнюс и Вильнюсскую обл., также захваченные польской военщиной в 1920 г. [3]

Советский Союз был жизненно заинтересован и в том, чтобы предотвратить захват Германией Прибалтики с целью ее превращения в плацдарм для нападения на СССР.

Как свидетельствует в своих мемуарах, изданных в США, тогдашний

командующий армией буржуазной Литвы генерал С. Раштикис, Германия через своих дипломатических и военных представителей в Литве добивалась ее вступления в войну на стороне Германии против Польши под предлогом «освобождения Вильнюса»[4]. Этим Германия стремилась получить возможность ввести свои войска в Литву. С конца августа и до 20 сентября 1939 г. происходили секретные переговоры между ответственными должностными лицами Германии и Литвы. Со стороны последней в них участвовал литовский посланник в Германии полковник К. Шкирпа. В результате переговоров был подготовлен проект «Положения соглашения об обороне Германии и Литвы», предусматривавший, что «Литва поступает под опеку германского рейха», а также заключение военного договора, всестороннее укрепление экономических отношений между двумя странами. Для осуществления военного договора предусматривалось, что расположение и обеспечение литовской армии будет определяться главным командованием германского вермахта, а в Каунас будет направлена военная миссия. Эти планы гитлеровцев подтверждаются также опубликованными после второй мировой войны на Западе секретными документами фашистской Германии[5].

Осуществлению коварных планов немецких фашистов в отношении Литвы помешал Советский Союз, который настойчиво советовал литовскому правительству не ввязываться в гитлеровские авантюры[6]. Однако опасность оккупации Литвы гитлеровской Германией отнюдь не была устранена. Как явствует из секретных германских документов, Гитлер 25 сентября 1939 г. подписал директиву № 4, в которой приказал военному командованию Германии держать в Восточной Пруссии военные силы, достаточные для быстрой оккупации Литвы даже в случае военного сопротивления с ее стороны[7]. Представители реакционных кругов Литвы, прежде всего вольдемаровцы, позиции которых в ряде официальных фашистских военных и гражданских организаций укрепились, в свою очередь домогались установления германского протектората над Литвой[8].

Правительство Латвии добивалось от Германии подтверждения об уважении декларированного Латвией нейтралитета. В ответ на это гер-

---

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 75.

[2] См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 75—76.

[3] История внешней политики СССР, ч. 1. М., 1966, с. 356.

[4] *Raštikis S.* Kovose del Lietuvos, d. 1. Los Angeles, 1956, p. 591—593; *Raštikis S.* Ivykiai ir žmonės, d. III. Čikaga, 1972, p. 219—225.

[5] См.: *Navickas K.* TSRS vaidmuo ginant Lietuvą nuo imperialistinės agresijos 1920—1940 metais. Vilnius, 1966, p. 273; Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D, vol. 8. Washington, 1954, p. 34, 39, 112.

[6] *Navickas K.* Указ. соч., с. 271.

[7] *Hubatsch W.* Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1935—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wermacht. Frankfurt a/M, 1962, S. 26—27.

[8] Центральный государственный архив Литовской ССР (далее — ЦГА ЛитССР), ф. 378, оп. 10, д. 138, л. 39, 45; д. 187, т. II, л. 203, 221.

манский посланник в Латвии заявил, что «...считает излишней особую декларацию об уважении латвийского нейтралитета» [9].

По сути дела война сразу поставила вопрос о самом существовании Прибалтийских государств, над народами которых нависла непосредственная опасность порабощения и истребления их фашистскими агрессорами.

Учитывая военно-стратегическое значение Прибалтийского района, а также жизненные интересы литовского, латвийского и эстонского народов, Советский Союз в августе — сентябре 1939 г. предпринял действенные шаги по укреплению мира и безопасности в этом районе, направленные на пресечение попыток Германии расширить свое влияние на страны Прибалтики и вовлечь их в осуществление военных целей Гитлера.

Продолжая политику укрепления восточного фронта против фашистской Германии и безопасности в районе Балтики, правительство СССР в конце сентября и начале октября 1939 г. предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить пакты о взаимопомощи. При этом Советское правительство разъясняло правительствам трех стран, что не исключена возможность нападения Германии. Поэтому интересы обеих сторон настоятельно требуют заключения таких пактов в целях укрепления мира и безопасности в Прибалтике.

После проведения соответствующих переговоров были заключены пакты о взаимопомощи Советского Союза с Эстонией (28 сентября), с Латвией (5 октября) и с Литвой (10 октября 1939 г.). Эти пакты, подписания которых многие годы добивались компартии и трудящиеся Литвы, Латвии, Эстонии, отвечали задачам укрепления безопасности СССР и интересам народов Прибалтики.

Согласно пактам договаривающиеся стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на каждую из них со стороны любой европейской державы. В целях реального обеспечения помощи Прибалтийским странам СССР получил право разместить на территории Эстонии, Латвии и Литвы определенное количество войск и создать в некоторых пунктах военно-морские базы и аэродромы. Договоры предусматривали совместную защиту сухопутных и морских границ стран Прибалтики. Договаривающиеся стороны обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них.

Пакты, как, например, говорилось в протоколе, подписанном одновременно с советско-латвийским пактом о взаимопомощи, были заключены «в целях предупреждения и пресечения попыток втянуть договаривающиеся стороны в происходящую ныне в Европе войну». Заключенные договоры не ущемляли суверенные права Эстонии, Латвии, Литвы, не затрагивали их общественного и государственного устройства. Они были «основаны на принципах равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимного уважения, независимости и суверенитета» [10].

Эмигрантские буржуазно-националистические деятели из Прибалтийских стран, а также буржуазные историки ФРГ, США и другие пытаются представить дело так, будто пакты о взаимопомощи Эстонии, Латвии и Литвы с СССР, заключенные осенью 1939 г., были навязаны им и противоречили национальным интересам. В подобных утверждениях находит свое выражение узкоклассовая буржуазная, антисоветская позиция этих авторов, сознательное забвение ими тех исторических условий начала второй мировой войны, которые побудили СССР выступить с соответствующей инициативой. Буржуазные авторы также сознательно замалчивают или умаляют значение этих пактов для спасения трех небольших стран Прибалтики от германской оккупации и вовлечения их в пучину войны.

Несомненно, заключенные договоры имели большое военно-политическое значение для Советского Союза, укрепившего свою обороноспособность и свою безопасность на западе. В корне изменилось положение в Прибалтике и в районе Балтийского моря, где упрочились стратегические позиции Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР. Таким образом были пресечены попытки воюющей фашистской Германии закрепить свои позиции в этом важнейшем военно-стратегическом районе.

Пакты о взаимопомощи с СССР были с одобрением и глубоким пониманием встречены широкими массами эстонского, латышского и литовского народов. Или гибельный путь подчинения гитлеровской Германии, или путь свободы и национального развития в союзе с СССР — другой альтернативы в условиях начавшейся второй мировой войны не было. В заявлении Советского правительства на внеочередной V сессии Верховного Совета СССР первого созыва 31 октября 1939 г. «О внешней политике Советского Союза» подчеркивалось, что пакты о взаимопомощи и размещение некоторых советских воинских частей на территории Эстонии, Латвии и Литвы обеспечивают «надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих Прибалтийских государств и тем самым служат делу сохранения мира, в котором заинтересованы наши страны»[11].

Объясняя избранную сторонами форму взаимопомощи, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс говорил: «Раз принцип взаимного оказания помощи был признан обеими сторонами, то встал вопрос и о видах этой помощи. Тут был избран путь, который отвечает географическому положению обеих сторон и их военным возможностям»[12].

Оставаясь верным принципу уважения интересов малых стран, Советский Союз по договору от 10 октября 1939 г. передал Литве г. Вильнюс и Вильнюсскую область. В упомянутом выше заявлении правительства СССР от 31 октября 1939 г. по этому поводу говорилось: «Совет-

---

[9] «Valdības Vēstnesis», 1939, № 200.

[10] *Дризул А.* Латвия под игом фашизма. Рига, 1960, с. 253; История внешней политики СССР, ч. 1, с. 357.

[11] «Правда», 1939, 1 ноября.

[12] «Valdības Vēstnesis», 1939, № 229.

ское правительство считалось с тем, что город Вильнюс, который Польшей был насильственно отторгнут от Литвы, должен принадлежать Литве, как такой город, с которым связано, с одной стороны, историческое прошлое Литовского государства, а с другой — национальные чаяния литовского народа. В заграничной печати указывалось, что в мировой истории не было еще такого случая, чтобы большое государство по собственной воле отдавало малому государству такой большой город. Тем ярче этот акт Советского государства демонстрирует его добрую волю»[13].

Исполком Коминтерна в воззвании к XXII годовщине Октябрьской революции писал, что заключением договоров о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой СССР в то время защитил эти страны от захватнических притязаний империалистических держав. Он всем своим могуществом обеспечил их независимость, одновременно упрочив безопасность советских границ[14].

Видный буржуазный государственный деятель Запада У. Черчилль положительно оценил заключение договоров Советского Союза с Прибалтийскими странами. Он отметил, что этими пактами был укреплен Восточный фронт против Гитлера[15].

Советский Союз заключил со странами Прибалтики также торговые договоры, в соответствии с которыми предусматривалось значительное увеличение объема торговли между сторонами.

Буржуазно-фашистские правительства Эстонии, Латвии и Литвы пошли на подписание договоров о взаимопомощи с Советским Союзом весьма неохотно. Вопреки национальным интересам своих народов они добивались от воюющей фашистской Германии помощи с целью избежать принятия предложения СССР относительно заключения пактов о взаимопомощи.

Правящие круги Эстонии направили в Германию с просьбой о помощи своих специальных представителей. Кроме того, они пытались договориться с Латвией и Финляндией о совместном военном выступлении против Советского Союза[16]. «Если бы была надежда, что откуда-то, в такое-то время придет к нам помощь, мы бы воевали...» — говорил командующий эстонской армией генерал Ю. Лайдонер на совместном заседании комиссий внешней политики и государственной обороны обеих палат государственной думы Эстонии[17].

По свидетельству генерала С. Раштикиса, правительство Литвы также обращалось к Германии с просьбой оказать ему содействие, чтобы избежать подписания пакта с СССР. Однако германское правительство ответило, что в создавшихся условиях оно не в состоянии оказать Литве необходимую помощь[18].

Правительство фашистской Германии было хорошо информировано о ходе переговоров СССР с тремя странами Прибалтики. Оно было против заключения пактов о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией, Латвией и Литвой. Тайно Германия пыталась затруднить дипломатическую акцию СССР, побуждая правящие круги При-

балтийских стран затянуть и по возможности сорвать переговоры. Но занятая войной на западе и, принимая во внимание свой договор с СССР, Германия до поры до времени вынуждена была воздерживаться от открытых выступлений против Советского Союза.

Только убедившись в том, что гитлеровская Германия не сможет оказать им какую-либо конкретную помощь, очутившись в положении внешнеполитической изоляции и испытывая давление со стороны своих народов, буржуазные правительства Эстонии, Латвии и Литвы подписали пакты о взаимопомощи с Советским Союзом.

Подписывая пакты с СССР, правящие круги Эстонии, Латвии и Литвы не могли не учитывать изменения, происшедшие в Восточной Европе, требования и настроения народных масс, а также некоторых патриотически настроенных представителей самой буржуазии, которые на примере быстрого поражения и оккупации Польши наглядно увидели и поняли, что одни страны Прибалтики не в состоянии отстоять свою свободу и независимость перед опасностью гитлеровской агрессии.

В воззвании КП Эстонии «Ко всему эстонскому народу» указывалось: «Заключение пакта о взаимной помощи между Эстонией и Советским Союзом — важнейшее событие в истории эстонского народа. Оно знаменует собой создание гарантии национальной независимости Эстонии со стороны могучего социалистического государства — Советского Союза и кладет конец положению, когда у эстонского народа отсутствовала защита против агрессии империалистических государств» [19].

«Циня» в октябре 1939 г. в статье «Кризис латвийского фашизма» писала: «Если Латвию пока не захлестнули ужасы войны, то это не потому, что Ульманис декларировал свой «нейтралитет», а потому, что СССР заключил с Германией договор о ненападении, предотвращающий пока угрожавший ранее конфликт между державами, который мог происходить на территории Латвии. Таким образом, не прославляемая «дальновидность» латвийских фашистов, а мирная политика СССР на этот раз уберегла Латвию от вовлечения в войну» [20].

ЦК КП Литвы еще 19 сентября 1939 г., приветствуя освобождение Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии, обращался к трудовому народу Литвы: «Не без влияния Советского Союза гитлеровская Германия до сих пор не захватила всей Литвы» [21].

---

[13] «Правда», 1939, 1 ноября.

[14] «Коммунистический Интернационал», 1939, № 8—9, с. 5.

[15] *Churchill W.* The Seond World War, vol. 1. London, 1948, p. 587.

[16] Центральный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (далее — ЦГАОР ЭССР), ф. 84, оп. 1, д. 1046, л. 36.

[17] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2. Таллин, 1963, с. 368.

[18] *Raštikis S.* Kovose dél Lietuvos, d. 1, p. 614—615.

[19] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, lk. 118.

[20] «Cīņa», 1939, № 6.

[21] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4. Vilnius, 1963, p. 415.

В другом воззвании Компартии Литвы указывалось, что планы правящих кругов подчинить страну гитлеровской Германии провалились потому, что «СССР протянул нам руку помощи, а массы заставили эту руку принять»[22].

Договоры о взаимопомощи с Советским Союзом полностью соответствовали жизненным интересам народов Эстонии, Латвии и Литвы и создали новые благоприятные условия для их социального и национального развития.

2. Антинациональная внешняя и внутренняя политика фашистских правительств Эстонии, Латвии и Литвы. Ухудшение экономического и политического положения широких народных масс

После подписания пактов о взаимопомощи с СССР в официальных заявлениях правительств Эстонии, Латвии и Литвы, а также в печати многократно отмечались позитивная роль Советского Союза в ограждении стран Прибалтики от ужасов войны, его вклад в укрепление мира в районе Балтики. Так, официальная правительственная газета «Ритс» писала, что обязательство СССР оказывать военную помощь Латвии, Эстонии и Литве вызывает уверенность в том, что в районе Балтийского моря создан организм, который будет служить миру и безопасности, что пакт о взаимопомощи может лишь укрепить положение Прибалтики[23]. Министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс публично также отметил, что пакт с СССР укрепляет мир и безопасность и предотвращает войну в районе Балтики, что соответствует интересам обеих сторон[24]. Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис, выступая в сейме при обсуждении вопроса о ратификации советско-литовского пакта, заявил, что «СССР всегда уважал интересы Литвы и всегда поддерживал ее справедливые требования. По Вильнюсскому вопросу мы всегда располагали прочной поддержкой СССР»[25].

Вне зависимости от истинных намерений буржуазных государственных деятелей Прибалтики в этих заявлениях объективно отражались подлинные желания народов Латвии, Литвы и Эстонии, с которыми господствующие круги не могли не считаться.

В свою очередь, как говорилось в передовой статье газеты «Известия», посвященной советско-литовскому договору, такие пакты могли возникнуть только на почве длительной, проверенной дружбы, на основе полного, испытанного и оправданного во всех случаях взаимного доверия народов Прибалтики и Советского Союза. Народы Литвы, Латвии и Эстонии и вместе с ними и народы всего мира имели возможность еще раз убедиться в огромном значении дружбы с могучим Советским Союзом[26].

Однако и в этих условиях верх во все большей степени брали узкоклассовые интересы правящих фашистских кругов буржуазии Прибал-

тики, их давнишняя неприязнь к Советскому Союзу и коммунизму, опасения, связанные с ростом революционных настроений в массах и с возможностью лишиться власти, стремление и дальше сохранять свою прозападную ориентацию, опираться на империалистические державы.

Правительства Прибалтийских стран предприняли секретные дипломатические шаги, чтобы заверить западные империалистические державы, особенно Германию, в своей неизменной привязанности к ним, в преданности «западной культуре». Так, например, министр иностранных дел Эстонии А. Пийп в секретном послании всем дипломатическим представителям Эстонии за границей 21 октября 1939 г. указывал, что целью пакта Эстонии с СССР «является только организация более тесного сотрудничества, при необходимости и по военной части, между двумя суверенными государствами» и что «суверенитет Эстонии этим пактом не ущемлен»; он обязывал их разъяснять западным государствам, что и дальше остаются «культурные и расовые различия» между Эстонией и Советским Союзом, что «внешнеполитическое и военное сближение с Россией не означает ухода Эстонии из Западной Европы», «что исторически Прибалтийские государства, в первую очередь Эстония, всегда относились к Западной Европе» [27].

Вместо искреннего дипломатического и военного сотрудничества с СССР правительства Латвии, Эстонии, Литвы после подписания пактов стали нарушать свои обязательства. Они затягивали переговоры о сроках ввода советских войск на территории своих стран, а также предоставление земельных участков и зданий для советских гарнизонов, саботировали строительство военных городков для их размещения [28]. Правительственные органы стран Прибалтики вели наблюдение за советскими гарнизонами, численностью и передвижением войск Красной Армии. Одновременно осуществлялись административные меры, направленные на изоляцию советских воинов от гражданского населения, пресекались любые связи между ними.

В Эстонии «виновных» в выражении своего одобрения пакта с СССР, в установлении дружественных контактов с советскими воинами подвергали допросам в полиции, денежным штрафам, высылке и увольняли с работы [29].

Правительственные учреждения Латвии запретили гражданам вступать в разговоры и общаться с советскими воинами. В директиве департамента безопасности от 21 ноября 1939 г. говорилось: «В последнее время имели место некоторые случаи, когда наши граждане обращались

---

[22] Там же, с. 434.
[23] «Rīts», 8.X.1939.
[24] «Jaunākās Ziņas», 9.X.1939.
[25] «Lietuvos aidas» (Rytinis), 15.X.1939.
[26] См.: «Известия», 1939, 11 октября.
[27] ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 717, л. 9.
[28] История внешней политики СССР, ч. 1, с. 357.
[29] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. lk. 65, 69, 126—128; ЦГАОР ЭССР, ф. 852, оп. 1, д. 1717, л. 4—6.

с разными вопросами к военнослужащим СССР... Такое поведение местных жителей, безусловно, содержит в себе элементы нарушения спокойствия и порядка в стране и может вызывать далеко идущие нежелательные последствия и поэтому категорически недопустимо» [30]. Согласно директивам министерства внутренних дел от 16 и 21 ноября 1939 г. все граждане Латвии, вступавшие в какие-либо разговоры с советскими военнослужащими, подлежали аресту [31].

В Литве в связи с размещением в стране советских гарнизонов министерством внутренних дел была разработана специальная инструкция, вблизи расположения советских войск были созданы специальные полицейские участки. В секретном письме директора департамента полиции от 4 декабря 1939 г. уездным начальникам говорилось: «Помимо докладов о движении грузовых автомашин и других средств советской армии по поручению господина министра прошу следить и сообщать о всей жизни советской армии... Вообще вся информация о гарнизонах советской армии должна быть быстрой и конкретной». Правительственные органы Литвы систематически собирали данные о наличии, передвижении, состоянии советских частей, об их вооружении, о строительстве аэродромов и других сооружений, о жизни советских воинов[32].

После начала советско-финляндского вооруженного конфликта в конце 1939 г. внешняя политика трех Прибалтийских стран приобретала все более недружелюбный и подчас провокационный по отношению к Советскому Союзу характер.

СССР стремился укрепить свою безопасность в районе советско-финляндской границы, которая в то время пролегала всего в 32 км от Ленинграда. В целях обеспечения безопасности Ленинграда и северо-западной границы Советское правительство в 1938—1939 гг. неоднократно предлагало правительству Финляндии начать переговоры об аренде или обмене некоторых территорий, заключить пакт о взимопомощи и т. п. Однако финская военщина, подстрекаемая западными державами, пошла на вооруженный конфликт с СССР.

Правящие буржуазные круги Эстонии, Латвии и Литвы увидели в этом конфликте фактор, благоприятствующий усилению антисоветской направленности их политики, укреплению военно-политических связей с империалистическими державами Запада, которых они считали своими классовыми союзниками по борьбе против СССР и собственных трудящихся, за сохранение своего господства.

Правительства Прибалтийских стран были бы не прочь ввязаться в антисоветский «крестовый поход», который готовили англо-французские империалисты во время военных действий на советско-финляндской границе в конце 1939 — начале 1940 г., полагая, что дело идет к общей войне всего капиталистического мира против СССР. Еще 5 октября 1939 г. председатель комиссии по иностранным делам палаты депутатов французского парламента Мистлер заявил латвийскому посланнику в Париже О. Гросвалду, что Прибалтийские страны должны быть готовы к совместному выступлению против СССР, для чего им следует за-

ключить между собой военный союз, причем каждое государство должно «взять на себя конкретные обязательства о том, сколько дивизий, сколько самолетов, сколько военных кораблей оно предоставит в распоряжение союза» [33]. 12 октября 1939 г. исполняющий обязанности начальника второго (разведывательного) отдела военного министерства Франции Мьери вновь говорил О. Гросвалду о предполагавшихся операциях англо-французских войск против СССР и о желательности одновременного выступления Прибалтийских государств, Финляндии и Скандинавских стран [34]. Активность в этом направлении проявляли также англо-франко-американские дипломаты в Риге, Каунасе и Таллине.

Империалистические державы Запада рассматривали Прибалтику как важный центр шпионско-диверсионной деятельности, направленной против СССР. При благосклонном отношении властей на территории Литвы, Латвии и Эстонии свою подрывную работу против СССР широко вели разведывательные органы Германии, Франции, Англии, а в Литве, особенно в Вильнюсской области,— состоявшие на службе у англичан и французов подпольные реакционные польские военные организации. Через территорию стран Прибалтики шпионы и диверсанты направлялись в Советский Союз.

Несмотря на договоры с Советским Союзом и вопреки им, правящие реакционные силы Латвии, Литвы и Эстонии политически и морально встали на сторону финской военщины, оправдывая и даже поощряя ее действия на страницах печати и в то же время раздувая антисоветские настроения. Советский полпред в Риге, например, в декабре 1939 г. сообщал в Москву, что «с ведома властей и по их почину в Латвии распространяются самые нелепые и враждебные слухи о нашей Красной Армии» и что латвийскими властями создается «атмосфера грязи и злопыхательства» [35]. В нарушение договора с СССР правительство Ульманиса тайно оказывало Финляндии определенную военную и материальную помощь. В Прибалтике, особенно в Эстонии, проводилась вербовка «добровольцев» для посылки в Финляндию. Эстонский посланник в Литве Латтик в беседе с латвийским посланником 29 марта 1940 г. сообщил ему, что в Финляндии участвовало в военных действиях против СССР до 2—3 тыс. эстонцев [36]. В Эстонии приобрела широкий размах устная и печатная пропаганда против СССР [37].

---

[30] Центральный Государственный исторический архив Латвийской ССР (далее — ЦГИА ЛатвССР), ф. 3235, оп. 1/6, д. 683, л. 177.

[31] Там же.

[32] ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 225, л. 10, 14—15, 96, 143—144; *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.), с. 239—240.

[33] *Сиполс В.* Тайная дипломатия. Рига, 1968, с. 320—321.

[34] *Сиполс В.* Указ. соч., с. 321.

[35] История внешней политики СССР, ч. 1, с. 358.

[36] *Сиполс В.* Указ. соч., с. 325—326.

[37] *Pesti M.* Rahvuslik reetmise rahvusluse sildi all. Tallinn; 1960, lk. 211—216.

8 Заказ № 2523

Вопреки договорам о взаимопомощи, усиливалось дипломатическое и военное сотрудничество между тремя Прибалтийскими странами против Советского Союза.

Свою деятельность всячески активизировала Балтийская антанта. В предшествовавшие годы конференции министров трех стран Прибалтики проводились все реже и реже, но в конце 1939 — начале 1940 г. были проведены две такие конференции — X (7—8 декабря 1939 г. в Таллине) и XI (14—16 марта 1940 г. в Риге) в секретной обстановке, без каких-либо консультаций с СССР.

В работе X конференции участвовали делегации Литвы, Латвии и Эстонии, возглавляемые министрами иностранных дел. В официальных сообщениях об этой конференции указывалось, что на ней речь шла о «взаимном обмене информацией по внешнеполитическим вопросам». На деле же конференция широко обсуждала вопросы об отношениях между самими Прибалтийскими странами и СССР, об их внешней политике [38]. В повестке дня XI конференции доминировали вопросы политического, хозяйственного и культурного сотрудничества с гитлеровской Германией. В недружелюбном по отношению к СССР духе обсуждался также вопрос о советско-финляндском вооруженном конфликте и его последствиях [39].

Прикрываясь как щитом своим пактом о взаимопонимании и сотрудничестве от 12 сентября 1934 г., правительства Эстонии, Латвии и Литвы в результате конференций своих дипломатов и встреч военных деятелей значительно усилили военное сотрудничество, направленное против СССР. Министерство иностранных дел Латвии, извещая военное министерство о решениях таллинской конференции, указывало, что «военное сотрудничество с Литвой следует продолжать без специального договора», так как заключение его было бы трудно объяснить и оправдать [40].

О фактическом усилении военного сотрудничества между штабами армий буржуазных стран Прибалтики и координации их боевой подготовки свидетельствуют регулярно проводившиеся с конца 1939 г. совещания военных деятелей и обмен военными делегациями во главе с командующими или начальниками штабов этих армий. Генерал С. Раштикис в своих мемуарах пишет, что в то время между командующими армиями Прибалтийских стран велись разговоры о необходимости координации совместных планов и действий армий этих стран, направленных против СССР [41].

Дислокация войск трех стран Прибалтики, несмотря на договоры с СССР, оставалась нацеленной не на запад, а на восток, против СССР и его воинских частей, расположенных в этих странах. В Латвии, например, был разработан специальный мобилизационный план, предусматривавший перегруппировку частей латвийской армии для более эффективных военных действий против советских войск [42].

Подлинные цели военного сотрудничества Латвии, Литвы и Эстонии скрывались от общественности, ибо носили явно антисоветский характер. Правящие круги этих стран активно готовились к участию в будущей войне империалистов против СССР.

В феврале 1940 г. в Таллине на английском, французском и немецком языках стал выходить журнал «Ревю Балтик», в котором сотрудничали видные государственные и другие политические деятели Эстонии, Латвии и Литвы. Журнал, фактически выполнявший роль рупора Балтийской антанты, пропагандировал идею всестороннего сотрудничества ее участников и информировал правительства империалистических государств о позициях официальных правящих кругов стран Прибалтики.

Значительно возросли в Латвии, Литве и Эстонии ассигнования на военные нужды. Так, если за первые пять лет правления Ульманиса (1934—1939 гг.) в Латвии на вооружение было израсходовано 60 млн. латов, то в 1939/40 г. эти ассигнования достигли 40 млн. латов [43]. В марте 1940 г. срок службы в латвийской армии был продлен с 12—15 до 18 месяцев.

В Эстонии в апреле 1940 г. был принят закон о выпуске пятимиллионного принудительного «займа обороны», а также повышены налоги. На нужды военного ведомства на 1940/41 финансовый год предусматривалось 34 млн. крон вместо 25,5 млн. крон в 1939/40 г. [44]

Вся воспитательная работа в армиях и в фашистских военизированных организациях айзсаргов (в Латвии), шаулисов (в Литве), кайтселийтчиков (в Эстонии) проводилась в антисоветском духе. Командующий литовской армией генерал С. Раштикис 22 декабря 1939 г. в специальном секретном приказе обратился к офицерам с призывом готовить солдат к возможным предстоящим чрезвычайным военным действиям [45].

В Латвии 12—15 марта 1940 г. было проведено общеармейское командно-штабное учение с участием руководителей организаций айзсаргов. Учению предшествовала лекция на тему: «Особенности ведения войны, если войне присущ характер классовой борьбы» [46].

Провал далеко идущих антисоветских планов, связанных с военными действиями на советско-финляндской границе, и надежд на англо-французское военное вмешательство в прибалтийские дела, а также растущее беспокойство за сохранение своего классового господства побудили фашистских правителей Литвы, Латвии, Эстонии полностью переориентироваться на гитлеровскую Германию.

Еще в ноябре 1939 г. доверенное лицо президента Эстонии К. Пятса И. Мюллерсон вел в Берлине переговоры о военной оккупации Прибал-

---

[38] *Сиполс В.* Указ. соч., с. 328.
[39] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1474, оп. 2, д. 81, л. 2—3.
[40] *Сиполс В.* Указ. соч., с. 329.
[41] *Raštikis S.* Kovose dėl Lietuvos, d. 1, p. 355.
[42] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Рига, 1970, с. 31—32.
[43] ЦГИА ЛатвССР, ф. 6824, оп. 1, д. 14, л. 3—17.
[44] История Эстонской ССР с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е. Таллин, 1958, с. 585.
[45] ЦГА ЛитССР, ф. 384, оп. 2, д. 1069, л. 323—324.
[46] ЦГИА ЛатвССР, ф. 1474, оп. 1, д. 3301, л. 75.

тики. 11 и 19 ноября он был соответственно принят Риббентропом и Гитлером. Они восхваляли «мудрость» правителей Эстонии, их стремление опереться в борьбе против СССР на Германию. Правительству Эстонии была обещана помощь в нужный момент [47].

В феврале 1940 г. президент Литвы А. Сметона направил с секретной миссией в Берлин директора департамента государственной безопасности (жвальгибы) А. Повилайтиса. В переданной ему инструкции была выражена мысль о том, что Литве приходится выбирать между социализмом Востока (Советский Союз) и национал-социализмом Запада (Германия). По мнению А. Сметоны, для Литвы больше подходил последний. Он просил сообщить руководству Германии, что литовское правительство хотело бы установления германской политической опеки, протектората над Литвой. А. Повилайтис получил в Берлине положительный ответ с заверением, что просьба правителей Литвы сможет быть осуществлена к осени 1940 г. после завершения военной кампании Германии на западе. Одновременно было заключено секретное соглашение о сотрудничестве германского гестапо и литовской жвальгибы в борьбе против коммунизма. Гитлеровцев интересовало состояние и деятельность подпольной Компартии Литвы [48].

Руководство департамента государственной безопасности министерства внутренних дел Литвы и работники штаба литовской армии усилили свою помощь германской разведке в организации шпионажа за советскими воинскими частями в Литве и в переброске разведчиков в глубь Советского Союза [49].

Весной 1940 г. официальные органы правительственной партии таутининков газета «Летувос айдас» и журнал «Вайрас», а также новый журнал «Политика» стали откровенно восхвалять идеологию национал-социализма и пропагандировать ее приемлемость для Литвы.

Вопреки национальным интересам и потребностям народного хозяйства своих стран буржуазные правительства Прибалтийских государств в полной мере не воспользовались теми благоприятными возможностями, которые открывали торговые договоры с Советским Союзом.

Экономическая жизнь стран Прибалтики в решающей степени зависела от хозяйственных связей с западными державами, откуда они в основном получали различное оборудование, сырье, материалы, горючее. После начала второй мировой войны и установления германской блокады Балтийского моря Латвия, Литва и Эстония оказались отрезанными от важных рынков сбыта своей продукции и поставщиков многих видов оборудования и материалов в Англии и других странах запада. Расстройство многих традиционных внешнеторговых связей вызвало в странах Прибалтики большие экономические трудности и нанесло огромный ущерб их экономике, парализовав работу промышленности и породив дополнительную безработицу. Преодолению этих трудностей могла помочь экономическая ориентация на Советский Союз, который с пониманием дела отнесся к создавшемуся положению. Идя навстречу национальным интересам Прибалтийских стран, СССР про-

явил инициативу в расширении экономических связей с ними, заключив осенью 1939 г. соответствующие торговые договоры.

Торговое соглашение СССР с Латвией предусматривало увеличение товарооборота между обеими странами до 60 млн. латов в 1940 г. вместо 16 млн. латов в 1938 г.[50] По советско-литовскому торговому договору объем товарооборота должен был достигнуть 40 млн. литов в год, т. е. возрасти на 50%[51]. В соответствии с советско-эстонским торговым соглашением товарооборт между двумя странами должен был увеличиться до 39 млн. крон в год, т. е. более чем в 4,5 раза[52]. Латвия и Эстония для своих внешнеторговых сношений получили право транзита через советские порты Белого и Черного морей. Дополнительные поставки из СССР сырья, горючего, материалов облегчали хозяйственное положение трех стран, помогали смягчить последствия нарушения экономических связей с западными государствами.

Идя на некоторое расширение торговли с СССР на взаимовыгодных условиях, фашистские правительства стран Прибалтики все же предпочитали ей крайне невыгодную торговлю с гитлеровской Германией, на службу которой они поставили свои экономические ресурсы. Эстония в результате подписанных в октябре и декабре 1939 г. в Берлине так называемых дополнительных торговых соглашений увеличила свой экспорт в Германию до 65 млн. крон в год, т. е. почти вдвое. При этом Германия добилась резкого снижения цен на экспортируемые из Эстонии товары, одновременно повысив цены на свои товары[53]. Правительство Литвы 17 апреля 1940 г. подписало новый торговый договор с Германией, основные положения которого были скрыты от общественности. Договор предусматривал ежегодную поставку в Германию продуктов сельского хозяйства на сумму в 200 млн. литов[54]. В меморандуме начальника отдела Прибалтики германского министерства иностранных дел на имя Риббентропа от 16 июня 1940 г. указывалось, что три Прибалтийских государства на основе секретных соглашений в течение первого полугодия 1940 г. отправляли в Германию 70% своего экспорта — на сумму около 200 млн. марок в год[55].

Несмотря на то что по инициативе германского правительства осенью 1939 г. произошла репатриация значительной части немецкого населения Латвии и Эстонии в Германию, в этих странах, так же как и в Литве, при молчаливом согласии местных правительственных органов активизировалась гитлеровская агентура в лице различных немецких

---

47 ЦГАОР ЭССР, ф. 597, оп. 14, д. 707, л. 2; д. 708, л. 25.

48 «Коммунист» (Вильнюс), 1960, № 6, с. 36—37.

49 *Navickas K.* TSRS vaidmuo ginant Lietuvą nuo imperialistines agresijos 1920—1940 metais, p. 299—301.

50 История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Изд. 2-е. Рига, 1971, с. 550.

51 «Tautos ūkis». Kaunas, 1939, Nr. 42, p. 774.

52 История Эстонской ССР, с. 584.

53 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 372.

54 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 757, 764; «Lietuvos TSR istorija», t. 3. Vilnius, 1965, p. 352.

55 *Дризул А.* Латвия под игом фашизма, с. 278.

национал-социалистических организаций. В Литве число членов гитлеровского «Культурфербанда» выросло до 10 тыс. Продолжала активизироваться прогитлеровская националистическая группировка вольдемаровцев, которые получали определенную материальную поддержку от германских разведывательных органов (их главарь А. Вольдемарас в конце августа 1939 г. вернулся из Парижа через Германию в Литву) [56]. В Латвии организованные фашистские группы немецкого национального меньшинства также развернули оживленную деятельность. Дипломатическая миссия фашистской Германии щедро субсидировала их, руководила военной подготовкой их членов [57]. При попустительстве латвийских и литовских властей военное обучение немцев проводилось по строго организованной системе. В каждом уезде были свои отряды, политические и военные организаторы [58]. В Эстонии также продолжали свою деятельность различные немецкие прогитлеровские общества и организации, являвшиеся — «пятой колонной» Германии [59].

Гитлеровская идеология усиленно распространялась в Литве, Латвии и Эстонии посредством немецких газет, свободно выходивших на местах и завозимых из Германии.

О приверженности правящих кругов Прибалтийских стран к гитлеровской Германии свидетельствует и то, что литовская, латвийская и эстонская правительственная печать преднамеренно и широко в выгодном для Германии плане освещала военные успехи Гитлера.

Генерал В. Виткаускас, являвшийся с весны 1940 г. командующим литовской армией, в своих воспоминаниях писал: «В течение всей первой половины 1940 г. продолжала шириться деятельность немецких разведчиков и агентов. Черная рука немецких фашистов, где только могла, мутила политическую жизнь Литвы, развешивала свою «паутину», добывала сторонников, подстрекала, словом, творила все, чтобы впутать литовский народ в свои происки» [60].

Характеризуя политику латвийского правительства, посланник Германии в Риге Котце отмечал: «Латвия в жизни идет той же дорогой, что и Германия...» [61]. Комментируя это высказывание, подобную же характеристику политике латвийского правительства дал посланник Латвии в Бельгии М. Валтерс в письме К. Ульманису: «Неоспоримо то, что Латвия в своих доктринах ближе к Германии, чем к любой другой стране... Латвия потихоньку играет роль духовной провинции Германии...» [62].

Важным аспектом прогитлеровской и антисоветской политики правящих кругов Прибалтики являлась организованная в широких размерах антисоветская идеологическая кампания среди населения, в армиях, в школах. Она была направлена на дискредитацию в глазах литовского, латвийского и эстонского народов советского социалистического строя и образа жизни, миролюбивой политики СССР, на умаление его военных, экономических и культурных достижений, на ложь и клевету в адрес тех политических и социальных сил в Прибалтике, прежде всего коммунистических партий и антифашистов, которые выступали за искреннее, добросовестное выполнение договоров о взаимопомощи.

При этом следует особо отметить, что официальные лица стран Прибалтики вынуждены были признавать, что СССР, верный подписанным пактам, не вмешивался во внутренние дела Литвы, Латвии, Эстонии. Так, министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис 5 января 1940 г. в речи на съезде правящей партии таутиннинков говорил: «Войска Советского Союза никак не вмешиваются в наши внутренние дела... Мы распоряжаемся в своей стране так, как распоряжались до договора от 10 октября; правдой является также то, что со стороны войск Советского Союза мы до сих пор не испытали никакой обиды, никакого расхождения с положениями договоров и гостеприимства» [63].

Узкоклассовые интересы правящей буржуазии привели ее к национальному предательству, которое было чревато опасностями для самого существования народов Латвии, Литвы и Эстонии. Антинациональная внешнеполитическая линия и деятельность правящих буржуазных верхов вызывала озабоченность за судьбу родины, гнев и возмущение широких народных масс.

К прежним экономическим трудностям и политическому бесправию трудового народа прибавились новые, вызванные начавшейся мировой войной тяготы, которые эксплуататоры целиком перекладывали на плечи трудящихся.

В связи с порожденными войной затруднениями в получении импортного сырья, материалов и горючего на ряде предприятий стран Прибалтики сократилось производство, уменьшались и капиталовложения в строительство. Росло число безработных и полубезработных, особенно в крупных городах — Каунасе, Вильнюсе, Риге, Даугавпилсе, Лиепае, Таллине, Тарту и др. Поскольку эстонское, литовское и латвийское правительства лишь частично использовали возможности, которые предоставляли торговые договоры с Советским Союзом, то безработица продолжала расти. Крайнюю нужду испытывали сотни тысяч человек.

В Эстонии в первый же месяц войны, по данным журнала «Маяндустеатед» («Экономический вестник»), с промышленных предприятий было уволено 2925 рабочих. Общее число безработных (не считая полубезработных) на 1 октября 1939 г. составило примерно 8 тыс. человек. В октябре — ноябре и в зимние месяцы безработица стала еще больше. По запросам рабочих депутатов министры экономики и социальных дел были вынуждены сообщить в Государственной думе о том, что с декабря 1939 г. по март 1940 г. правительственными учреждениями было дано

---

[56] *Navickas K.* Указ. соч., с. 268—269; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 306; д. 225, л. 175, 314—315.

[57] ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 2, д. 6075, л. 86.

[58] Там же, оп. 1/1, д. 359, л. 79.

[59] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 372.

[60] «Švyturys» (Vilnius), 1958, Nr. 6, p. 16.

[61] *Valters M.* Mana sarakste ar K. Ulmani un V. Munteru. Printed in Sweden, 1957, 144.lpp.

[62] Там же.

[63] «Lietuvos aidas», 5.I.1940.

«разрешение» на увольнение рабочих с 47 предприятий и на сокращение рабочего дня на 25 предприятиях. В другом ответе говорилось о сокращении рабочей недели на 51 предприятии [64]. Только на Кренгольмской мануфактуре было уволено свыше 700 человек — треть всех рабочих предприятия. Многие крупные предприятия перешли на четырехдневную рабочую неделю [65]. Рабочих отправляли в принудительные «отпуска» без сохранения заработной платы. В начале 1940 г. 75% строительных рабочих Таллина были безработными [66].

Подобная картина наблюдалась в Латвии: увольнялись рабочие, промышленные предприятия переходили на сокращенную рабочую неделю или совсем прекращали производство. Газета «Циня» в ноябре 1939 г. в заметке «Жизнь рабочих» писала: «На текстильной фабрике Я. Вейса рабочие работают 5 дней в неделю и испытывают постоянный страх, что впредь работы будет еще меньше. На фабрике «Варонис» рабочие также имеют работу только 5 дней в неделю, а акционерное общество «Джентльмен» с 12 октября сократило работу до 4 дней в неделю [67]. Журнал Рижского комитета КП Латвии «За единство» осенью 1939 г. отмечал, что за прошедшие два месяца после начала войны хозяйственная жизнь Латвии оказалась накануне развала [68]. Политическая охранка Латвии в своих донесениях сообщала, что на предприятиях деревообрабатывающей промышленности в феврале 1940 г. без работы остались 500—600 человек, а в марте и апреле было уволено более 1000 человек. Полностью прекратило работу и уволило 150 рабочих предприятие «Старс» [69]. Производство промышленной продукции в Латвии с ноября 1939 г. по март 1940 г. сократилось в полтора раза [70].

К весне 1940 г. число безработных возросло в Литве до 76 тыс. [71], в Латвии — до 17 тыс.[72] и в Эстонии — до 20 тыс.[73]

Ухудшение экономического положения рабочих и мелких служащих резко понизило их покупательную способность. Одновременно быстро росли цены на важнейшие продукты питания, одежду, обувь, топливо. Так, в Литве к концу октября 1939 г. цены на хлеб, сахар, крупу, мыло, сельдь поднялись, по официальным данным, на 25—40%, а на соль, керосин, растительное масло — на 50—75%. К весне 1940 г. цены вновь значительно повысились. На многие товары они были спекулятивными: состоятельная часть населения создавала себе запасы, а торговцы взвинчивали цены, обогащаясь за счет народных масс. Принимаемые правительством меры против спекуляции были в основном только показными и малоэффективными, а повышение заработной платы — незначительным [74].

По официальным данным, в Эстонии стоимость жизни с начала войны до марта 1940 г. возросла на 20%; на такие основные продукты питания, как картофель, рыба, свинина и другие, цены повысились еще больше [75]. В Латвии в апреле 1940 г. масло по сравнению с 1939 г. подорожало на 40%, картофель — на 38% [76].

Таким образом, в конце 1939 и начале 1940 г. жизненный уровень рабочих Прибалтики резко понизился.

А между тем власти понимали, что при существующем положении летом 1940 г. безработица возрастет в еще большей степени. Так, департамент торговли и промышленности Латвии указывал, что в летние месяцы владельцам предприятий разных отраслей придется уволить еще от 10 до 50% рабочих[77]. Такие же прогнозы давали департамент государственной безопасности Литвы.

Большие трудности испытывали широкие массы крестьян. Порожденный войной и поставками в Германию повышенный спрос на продукты сельского хозяйства и увеличение цен на них были выгодны главным образом монополистическим объединениям, которые скупали продукты у крестьян по низким ценам, а также крупным землевладельцам. Трудовое крестьянство от этого мало что выигрывало. По данным министерства земледелия Литвы, «ножницы» между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары складывались не в пользу крестьян. Это вызывало их жалобы. Министерство отмечало особенно плохое материальное положение мелких хозяйств в зонах низкого плодородия (Алитусский, Сейнайский, Тракайский, Утенский и Зарасайский уезды), а также хозяйств, имевших долги, особенно в Сувалькии[78]. Тяжелый кризис переживали также латышские крестьяне. В 1939 г. было объявлено о продаже 5106 крестьянских хозяйств[79]. Задолженность эстонских крестьян к 1940 г. достигла 150 млн. крон, что значительно превышало доходы государственного бюджета на 1938/39 финансовый год. С молотка было продано большое количество разорившихся крестьянских хозяйств[80].

Экономические трудности, порожденные войной, испытывали также ремесленники, мелкие торговцы, мелкие чиновники государственного аппарата и служащие частных предприятий и учреждений, люди интеллигентного труда, в их числе лица свободных профессий, которые вместе с членами семей составляли значительную часть населения республик Прибалтики.

---

[64] Riigivolikogu stenograafilised aruanded, I koesseis, V ja VI istungjark 1939/40. Tallinn, 1940, lk. 240, 756, 895.
[65] История Эстонской ССР, с. 584—585.
[66] «Исторический архив», 1960, № 3, с. 21.
[67] «Cīņa», 1939, № 9.
[68] «За единство», 1939, № 11.
[69] ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1/2, д. 884, л. 2—4.
[70] «Mēneša Biletens Statistikai un Konjunktūrai», 1940, № 8.
[71] Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 578. (Значительную часть безработных составляли жители Вильнюса, куда прибыло много польских беженцев).
[72] «Mēneša Biletens Statistikai un Konjunktūrai», 1940, № 7.
[73] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 374.
[74] Lietuvos TSR istorija, t. 3, p. 353; *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.), с. 231.
[75] Riigivolikogu stenograafilised aruanded, I koesseis, V ja VI istungjark 1939/40, lk. 856.
[76] Latvijas Tautas saeimas I sesija. Rīga, 1940, 49.lpp.
[77] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 551.
[78] Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais. Vilnius, 1965, p. 49—50.
[79] «Mēneša Biletens Statistikai un Konjunktūrai», 1940, № 6, 408.lpp.
[80] История Эстонской ССР, с. 585.

ЦК КП Латвии в первомайском воззвании 1940 г. писал: «Если бы Ульманис и его клика выполняли заключенные с СССР договоры, то наши предприниматели получили бы необходимое сырье, тысячи рабочих не были бы выброшены на улицу, у наших дверей не стучались бы безработица и голод» [81].

В условиях, когда рядом бушевала вторая мировая война, грозившая захлестнуть и Прибалтику, когда изо дня в день возрастали экономические трудности для большинства населения, правящая буржуазия искала выхода из надвигавшегося развала народного хозяйства, роста недовольства и революционных настроений масс в усилении реакции и террора. Вместо справедливого распределения тягот, прежде всего за счет имущих классов, буржуазия думала только о спасении своего господства, своих привилегий. С этой целью в интересах буржуазии были приняты меры к введению принудительного труда и к укреплению фашистской диктатуры, полицейского аппарата.

В Латвии еще в мае 1938 г. был издан «закон об обеспечении работой и размещении рабочей силы». В соответствии с этим законом рабочий не мог выбирать место работы, а также устраиваться на работу без разрешения правительственного органа — Латвийской централи труда. Многих рабочих, сельскую молодежь эта централь в принудительном порядке направляла в хозяйства сельской буржуазии, на торфоразработки и лесозаготовки, где они получали мизерную плату. В мае 1940 г. был издан новый закон об обязательной трудовой повинности, по которому безработные, а также учащиеся и служащие подлежали отправке на работу в деревню. Намечалось послать в деревню и на лесозаготовки всех увольняемых с предприятий рабочих[82]. Сейм Литвы 24 апреля 1940 г. принял закон «об обеспечении работой и о распоряжении рабочей силой», а 7 мая — «закон об управлении национальным хозяйством в условиях чрезвычайного времени». Эти законы были призваны ввести в Литве принудительный труд [83]. Правительство Эстонии также готовилось к введению принудительного труда для рабочих [84].

Правительства Латвии, Литвы, Эстонии увеличивали аппарат полиции и органов безопасности, усиливали карательные меры против прогрессивно настроенных людей. Полицейскими репрссиями, массовыми арестами правящие буржуазно-фашистские клики пытались обезглавить антифашистское движение, те народные силы, которые стояли на страже строгого выполнения соглашений с СССР.

В Латвии, по существу, продолжало действовать военное положение, введенное еще после фашистского переворота в 1934 г. Законом от 11 февраля 1938 г. «О порядке и общественной безопасности в государстве» и принятым к нему в сентябре 1939 г. дополнением все карательные меры в условиях военного положения были сохранены и усилены. В 1939 г. в полиции, не считая агентов политической полиции и следователей уголовной полиции, насчитывалось 3069 человек, а в целом в органах министерств внутренних дел и юстиции было занято более 8 тыс. человек [85]. 30 апреля 1940 г. был утвержден «закон о защите государства»,

который охватывал все стороны государственной, политической и экономической жизни страны и фактически представлял собой обширный план мобилизации материальных и людских ресурсов Латвии для подготовки к войне [86].

Правительство Эстонии осенью 1939 г. увеличило полицейский аппарат на 349 человек. На их содержание было дополнительно отпущено полмиллиона крон [87].

Фашистское правительство Литвы для усиления борьбы с революционным движением в конце 1939 г. увеличило число полицейских и сотрудников жвальгибы на 560 человек. Для присоединенной к Литве Вильнюсской области было выделено более 900 полицейских. В Пабраде к северу от Вильнюса в январе 1940 г. был организован второй в Литве концентрационный лагерь принудительных работ. Сеймом был принят новый закон, предусматривающий, что если обычные полицейские силы окажутся не в состоянии справиться с положением внутри страны (т. е. с борьбой рабочих и крестьян), то по приказу министра внутренних дел в помощь им могут быть направлены части пограничной полиции [88]. Осенью 1939 г. и в первой половине 1940 г. в Литве было арестовано около 1000 коммунистов, других антифашистов, стачечников. В декабре 1939 г. был схвачен и брошен в тюрьму секретарь ЦК КП Литвы А. Снечкус. Стремясь сломить дух сопротивления заключенных, тюремщики ужесточали условия режима арестованных. Так, 4 июня 1940 г., не получив необходимой медицинской помощи, в тюрьме умер член ЦК КП Литвы Юозас Гарялис.

Массовые аресты проводились также в Латвии. Среди арестованных в 1939 г. был секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзинь. Таким же преследованиям и в Эстонии подвергались коммунисты, прогрессивные профсоюзные деятели, рабочие старосты, все те, кто выступал за дружбу с Советским Союзом.

Правящая в Прибалтике буржуазия делала все возможное для идеологической обработки населения в духе национализма, антикоммунизма и антисоветизма. Для этого широко использовались печать, радио, школы, церковь и другие средства. Но ни усиление полицейского террора, ни идеологические меры не могли спасти прогнившие буржуазные режимы в Прибалтике.

---

[81] История Латвийской ССР. Сокращенный курс, с. 551.

[82] Там же.

[83] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 873.

[84] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 375.

[85] Latvijas PSR statistikas tabulas. Rīga, 1940, 249.lpp.

[86] «Valdības Vēstnesis», 1940, № 99.

[87] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 375.

[88] Seimo stenogramos. VII eilinė sesija, 1939 m., p. 106—107, 113, 153.

3. Компартии во главе трудящихся в условиях назревания кризиса буржуазно-фашистского строя в Прибалтике

Новые исторические факторы и условия содействовали тому, что в Латвии, Эстонии, Литве, несмотря на определенные различия в их прежнем развитии, стали одновременно происходить тождественные или даже одинаковые социально-политические явления, которые оказали решающее влияние на их судьбы в дальнейшем.

В сложной международной и внутренней обстановке, которая сложилась в Прибалтике после начала второй мировой войны, а также в результате заключения пактов о взаимопомощи трех стран с Советским Союзом, значительно возросла роль и влияние коммунистических партий Литвы, Латвии, Эстонии не только в классовой революцонной борьбе, но и в борьбе за национальную независимость и свободу. Они были единственными политическими партиями, способными поднять народные массы против угрозы порабощения своих стран фашистской Германией. Перед тремя компартиями стояли общие задачи. Они прежде всего заключались в разъяснении исторической ценности пактов с Советским Союзом, закладывавших реальную основу спасения от германской оккупации и обеспечения свободного национального и социального развития. Коммунистические партии должны были мобилизовать широчайшие народные массы на борьбу за строгое выполнение всех положений пактов, против проводившейся правящими буржузными кругами гибельной политики подчинения Прибалтийских стран гитлеровской Германии.

Компартии, правильно оценив международную и внутреннюю обстановку, определили перспективу, цели и тактику революционной антифашистской борьбы, руководствуясь при этом национальными и интернациональными задачами.

Центральной осью всей внутриполитической и внешнеполитической борьбы в трех странах Прибалтики стало отношение различных социально-политических сил к пактам о взаимопомощи с СССР, т. е. борьба между двумя ориентациями в политике — на гитлеровскую Германию или на социалистический Советский Союз — и соответственно между сторонниками социального и национального прогресса и сторонниками реакции в Прибалтике.

Реакционные правящие круги и стоящая за ними буржуазия города и деревни, крайне националистические силы, явно и тайно выступали против пактов с СССР, рассматривали их как нежелательные и временные явления, вели дело к их срыву, к подчинению своих стран интересам империалистических держав, прежде всего фашистской Германии.

Рабочий класс, трудовое крестьянство, демократическая интеллигенция, демократические слои национальных меньшинств Эстонии, Латвии, Литвы выступали против ориентации на фашистскую Германию, за честное и добросовестное выполнение пактов с СССР как главной гарантии

сохранения независимости, обеспечения безопасности и развития дальнейших благоприятных возможностей для социально-политического, экономического и культурного развития своих стран.

Пакты с СССР подняли боевой дух рабочего класса, трудовых масс и укрепили политические позиции компартий.

Мнение рабочего класса Эстонии было четко выражено в сентябре 1939 г. в письме представителей профсоюзов президенту республики. В нем говорилось, что осуществление заключенного с Советским Союзом договора должно способствовать дальнейшей борьбе за демократизацию страны [89].

ЦК КП Латвии в своем постановлении от 8 октября 1939 г. указал, что правительство К. Ульманиса не пользуется поддержкой народа и что оно в создавшихся конкретных условиях не может надеяться на реальную помощь со стороны империалистических государств. «Моральная сила латышского народа,— говорилось далее в постановлении,— теперь превосходит вооруженную силу клики Ульманиса. Если массовое движение против ненавистной фашистской власти начинается в подобных условиях, то репрессиями такое движение ликвидировать нельзя» [90].

Орган ЦК КП Литвы газета «Тиеса» в октябре 1939 г. подчеркивала, что позиции правящей буржуазии Литвы значительно ослабели. Она уже не могла надеяться на помощь реакционной Польши, а гитлеровская Германия в то время была также не в состоянии вмешиваться во внутренние дела Литвы. «Литовская буржуазия предоставлена своей собственной судьбе. Для литовского народа, таким образом, создаются более светлые перспективы в его борьбе за освобождение от фашизма и гнета эксплуататоров» [91].

Компартии Прибалтики ориентировали народы своих стран, прежде всего рабочих, других трудящихся, демократическую общественность бдительно стоять на страже соблюдения и выполнения договоров о взаимопомощи с СССР, бороться за укрепление отношений и дружбы с ним, против прогитлеровской ориентации своих правительств. Предупреждая о возможных махинациях и провокациях стоящей у власти реакционной буржуазии, направленных против СССР, компартии призывали бороться за свержение фашистских правительств и создание правительств, выражающих волю народа, желающих и способных обеспечить строгое выполнение договоров с СССР.

Осенью 1939 г. и в начале 1940 г. компартии подчеркивали необходимость борьбы за победу демократического строя. При этом речь шла не о возврате к старому буржуазно-демократическому строю, а о новой, подлинной народной демократии.

---

[89] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, lk. 64.

[90] «Cīņa», 1939, № 8.

[91] «Tiesa», 15.X.1939.

Исходя из общих закономерностей, перспективы и стратегической цели революционной борьбы, а также из общих условий, в которых находились три страны Прибалтики, коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии с учетом конкретного развития классовой и антифашистской борьбы в своих странах умело разрабатывали свою политическую линию.

КП Литвы стремилась направить внимание народа на решение коренных вопросов сложного международного положения страны. Еще в воззвании от 22 августа 1939 г. ЦК КП Литвы указывал, что Гитлер готовится напасть на Польшу и над Литвой нависла большая опасность, что правительство И. Чернюса потворствует гитлеровской агентуре в стране и под прикрытием политики «нейтралитета» фактически готовит Литве печальную судьбу Чехословакии. Центральный Комитет призывал народ бороться за власть, способную обеспечить безопасность и независимость страны[92]. Характеризуя обстановку, сложившуюся после выхода Красной Армии на новые рубежи и установления впервые общей границы СССР с Литвой, «Тиеса» писала: «Сегодня литовский народ радуется тому, что за Вевисом, Алитусом простирается другой мир..., который не может не вызывать в сердцах решимость бороться за свое освобождение от... гнета эксплуатации» [93]. Вместе с тем Компартия предупреждала литовский народ, что в новой обстановке, когда СССР стал непосредственным соседом Литвы и растет решимость трудящихся избавиться от господства фашизма, буржуазия Литвы будет еще в большей степени ориентироваться на гитлеровскую Германию. Компартия призывала решительно бороться за независимость Литвы, за сотрудничество с Советским Союзом — защитником малых народов [94].

Коммунисты, комсомольцы, члены организации Красной помощи, другие активные антифашисты развернули широкую разъяснительную работу среди трудящихся, а также в армии, среди солдат действительной службы и мобилизованных из запаса. Повсюду распространялись воззвания Компартии. Коммунисты-политзаключенные, как истинные патриоты, в заявлениях на имя правительства предлагали призвать их в армию, чтобы они могли с оружием в руках встать на защиту родины от германских империалистов.

Компартия разъясняла трудящимся необходимость сорвать попытки правительства присвоить себе заслуги в возвращении Вильнюса Литве и призывала превратить официальные торжества по этому поводу, назначенные на 11 октября 1939 г., в демонстрацию признательности Советскому Союзу — подлинному освободителю Вильнюса — под лозунгами: «Да здравствует Советский Союз!», «Долой фашистское правительство Сметоны — Чернюса!», «Да здравствует свободная Литва!» [95]. В этот день в Каунасе состоялись организованные Компартией многочисленные демонстрации и митинги рабочих, служащих, интеллигентов у советского полпредства, военного музея, резиденции президента, тюрьмы. Во главе демонстрантов шли коммунисты, комсомольцы, другие антифашисты, в демонстрациях участвовали видные деятели культуры Ю. Палец-

кис, П. Цвирка, Л. Гира, А. Венцлова, Ю. Банайтис. С речами выступили Ю. Палецкис, коммунисты А. Гузявичюс, В. Банайтис и др. По предложению ЦК КП Литвы Ю. Палецкис в тот же день произнес антифашистскую речь во дворе резиденции президента, где происходили официальные торжества в присутствии президента А. Сметоны, членов правительства и других высших официальных чинов [96].

Корреспондент ТАСС так описал демонстрации и настроения трудящихся Каунаса: «Общественные деятели и отдельные лица звонят в полпредство СССР и выражают благодарность. Договором Советского Союза и Литвы осуществлена мечта всего литовского народа. В 10 часов 30 минут мимо полпредства СССР прошла первая демонстрация с поздравлениями и лозунгами «Валё» («Ура») Советскому Союзу... На улицах Каунаса весь день происходят митинги и демонстрации. До поздней ночи мимо полпредства СССР проходят группы каунасцев, насчитывающие даже до 500—700 человек, провозглашая: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Советское правительство!» Делегация общества по изучению культуры СССР и две делегации рабочих посетили Советское полпредство и просили передать их благодарность Советскому правительству...» [97]

12 октября 1939 г. в Каунасе вновь состоялись крупные антифашистские выступления, в которых приняли участие тысячи трудящихся [98]. Писатель Пятрас Цвирка от имени литовской интеллигенции передал для опубликования в советской печати заявление, в котором было сказано: «Весь литовский народ радуется передаче Вильнюса Литве и особенно пакту о взаимопомощи между СССР и Литвой. Мы теперь знаем, что за нашими плечами стоит могущественный Советский Союз и что условия для нашего мирного труда обеспечены. Руководители писателей Литвы, от имени которых я говорю, выражают глубокую благодарность Советскому Союзу... Перед лицом новых исторических событий в литовском народе крепнет надежда на лучшую, более справедливую жизнь» [99].

Во время выступлений в Каунасе 11—12 октября произошли крупные столкновения трудящихся с полицией и агентами жвальгибы. В эти дни было арестовано 163 антифашиста. Среди арестованных и высланных в концлагерь находился и Юстас Палецкис. В октябрьские дни состоялись митинги рабочих в Алитусе, а также произошли столкновения крестьян-демонстрантов с полицией в окрестностях Ионавы [100]. В ряде

---

92 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 411.
93 «Tiesa», 1.X.1939.
94 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 415—416.
95 Там же, p. 418—419.
96 «Tiesa», 15.X.1939; «Pergalė», 1967, Nr. 2, p. 117—121; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 235—241.
97 Цит. по: Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 733.
98 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 420; «Tiesa», 15.X.1939.
99 «Правда», 1939, 13 октября.
100 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 730, 738; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 215, 241—245, 247.

казарм и полигонов среди солдат, особенно мобилизованных в армию из запаса, царило революционное настроение. Они читали листовки Коммунистической партии, высказывали свое дружелюбие к Советскому Союзу и его Красной Армии [101].

Получив Вильнюсскую область из рук СССР, правящие круги Литвы оказались неспособными решить важнейшие ее проблемы. В Вильнюсской области была создана реакционная администрация, которой были чужды интересы многонационального состава местного населения. Правительство Литвы не хотело считаться с теми демократическими преобразованиями, которые были осуществлены за короткое время существования в этой области советской администрации. Началось преследование профсоюзов рабочих, действовавших здесь легально еще в условиях господства польской реакции.

11 октября ЦК КП Литвы обратился к жителям Вильнюсской области: «Братья, вильнюсцы! Мы поздравляем вас, освобожденных Красной Армией из ярма польских панов, и одновременно призываем вас совместно с нами объединенными силами бороться против сметоновского фашистского гнета, за свободную Литву» [102]. Благодаря самоотверженной деятельности КП Литвы реакция не смогла столкнуть массы с пути социальной борьбы на путь национальной розни и шовинизма. Компартия призывала трудящихся противопоставить фронту реакционной буржуазии и ее проискам единство и сплоченность литовских, польских, еврейских, белорусских трудящихся [103]. По призыву ЦК и Каунасского уездного комитета КП Литвы рабочие, служащие, интеллигенты направляли в государственные органы многочисленные резолюции протеста против провокационной политики правительства, требовали коренных изменений в стране [104].

В связи с тем, что в Литве усилилась решимость трудящихся бороться за коренные социально-политические перемены и процесс размежевания социальных и политических сил, перед КП Литвы встала задача уточнить свою стратегическую и тактическую линию в новых условиях.

Новая политическая линия Компартии Литвы нашла свое выражение прежде всего в директивном письме Секретариата Центрального Комитета партийным организациям в начале декабря 1939 г. [105] Полная неспособность правых сил так называемых оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий бороться за какие-либо прогрессивные изменения в развитии страны, их открытая помощь таутининкам в сохранении фашистского сметоновского режима, а также новые благоприятные условия борьбы за свержение буржуазного строя побудили Компартию отказаться от ориентации на создание единого рабочего и антифашистского народного фронта с участием лидеров социал-демократов и ляудининков. «Единый и народный фронт, — провозглашал ЦК КП Литвы, — может и должен быть только снизу», т. е. только с участием трудящихся масс. Центральный Комитет отмечал, что пакт о взаимопомощи с СССР и присутствие в стране частей Красной Армии не по душе фашистскому пра-

вительству и крупной буржуазии, которые видят в этом опасность для своего господства, но для народа это большое счастье; Красная Армия оберегает независимость Литвы от гитлеровской Германии, укрепилась уверенность трудящихся в своих силах и их решимость бороться против фашистской власти и господства эксплуататоров. Одновременно ЦК КП Литвы предостерегал от ошибочных взглядов части коммунистов и других антифашистов, считавших, что присутствия советских войск достаточно для осуществления коренных социально-политических изменений в стране и что «рабочие и крестьяне Литвы могут спокойно, сложа руки, ждать лучших времен». Именно теперь, как указывал ЦК, необходимо с еще большей решительностью развернуть борьбу против фашистской власти, вовлекая в эту борьбу широчайшие массы трудящихся, чтобы окончательно свергнуть фашистскую клику и завоевать демократическую республику.

В конце января 1940 г. ЦК КП Литвы обратился с письмом-воззванием к рядовым ляудининкам, социал-демократам, христианским демократам и таутининкам, ко всем честным демократам. ЦК КП Литвы разъяснял, что события последних лет — польский ультиматум 1938 г., потеря Клайпеды в 1939 г.— свидетельствовали о том, что Литва являлась объектом агрессии империалистов, а в условиях войны ей постоянно угрожает опасность оккупации со стороны германских или англо-французских империалистов, стремящихся превратить Прибалтийские страны в свои колонии и в военный плацдарм против СССР. Только договор о взаимопомощи с Советским Союзом, указывала Компартия, ставит барьер на пути осуществления захватнических планов империалистов в отношении Литвы. ЦК КП Литвы призывал массы бороться за «народное демократическое правительство, за сохранение советско-литовского пакта о взаимопомощи, за насущные интересы трудовых масс»[106].

Центральный Комитет Компартии Литвы, учитывая изменившуюся расстановку политических сил в стране, развивал тактику антифашистской борьбы. Среди литовской буржуазии, как отмечал ЦК КП Литвы, больше не было ни «позиции», ни «оппозиции». В реакционной внутренней политике и в антинациональной внешней политике между руководителями таутининков, христианских демократов, ляудининков и социал-демократов никаких существенных различий больше не было[107].

Вследствие этого в буржуазных и мелкобуржуазных партиях происходила дифференциация, которая охватила прежде всего рядовых чле-

---

[101] «Tiesa», 1.X.1939, 15.X.1939.

[102] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 418.

[103] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 420—421.

[104] Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 734—735.

[105] Там же, с. 740—741.

[106] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 435—437.

[107] Lietuvos Komunistų partios atsišaukimai, t. 4, p. 434.

нов. Особенно это было заметно в партии ляудининков. Поэтому КП Литвы руководствовалась необходимостью объединить все те силы и элементы, которые выступали за честное выполнение договора с СССР, а также против антисоветского, прогитлеровского курса реакционных сил в стране.

ЦК КП Литвы считал, что в процессе проходившего укрепления единого рабочего и антифашистского народного фронта и ослабления террористического фашистского режима рабочий класс и его партия сумеют расширить движение за постепенное изменение соотношения социально-политических сил в стране в свою пользу, чтобы можно было, наконец, выдвинуть на повестку дня вопрос о свержении реакционного режима и о создании демократического народного правительства [108].

Коммунистическая партия Латвии осенью 1939 г. также продолжала уточнять свою политическую линию и активизировала антифашистскую борьбу в стране. Еще в решениях XXVI конференции КП Латвии, принятых в феврале 1939 г., выдвигались задачи борьбы за ликвидацию фашистской диктатуры и создание правительства революционного народного фронта, причем подчеркивалось, что это может быть осуществлено в условиях нарастания политического кризиса, когда господствующие классы окажутся не в состоянии справиться с подъемом массового антифашистского движения [109].

После заключения Латвией пакта о взаимопомощи с СССР ЦК КП Латвии всестороннее проанализировал изменения, которые произошли в политической ситуации в стране, и в своем постановлении от 8 октября 1939 г. определил новые конкретные задачи в борьбе против фашистского режима К. Ульманиса.

ЦК КП Латвии считал, что новые международные события создали благоприятные обстоятельства для свержения фашистской диктатуры. Как впоследствии писала «Циня», пакт о взаимопомощи с СССР «развязал революционные динамические силы народа, которые были придавлены в течение 20 лет. Эти силы уже пришли в движение, и ничто их больше не остановит, пока теперешний режим не будет окончательно разрушен» [110].

Однако ЦК КП Латвии вместе с тем понимал, что большинство рабочего класса и трудового крестьянства еще не готово немедленно начать борьбу за диктатуру пролетариата. Главное заключалось в укреплении сотрудничества между Коммунистической партией и Социалистической рабоче-крестьянской партией и объединении всех антифашистских сил страны в широкий народный фронт для свержения диктатуры К. Ульманиса[111]. Важнейшими лозунгами борьбы Компартии Латвии стали: поддержка мирной политики СССР, борьба против антисоветских провокаций правительства, за ликвидацию фашистского режима и за демократическое правительство, способное выполнять волю народа [112].

В связи с тем, что некоторые коммунисты считали вполне достаточным присутствие частей Красной Армии на территории Латвии для упразднения фашистского режима без борьбы народных масс, ЦК КП

Латвии выступил против подобных ошибочных взглядов. Газета «Циня» разъясняла, что неверно ждать освобождения от фашизма извне: «Свободу можно завоевать только в борьбе. Покончить с фашизмом, с кликой Ульманиса — насущная задача рабочего класса, трудового крестьянства, всего латышского народа, это наше внутреннее дело. Советский Союз никогда не завоевывал другие государства и этого не собирается делать. Но он выступает на стороне тех народов, которые стали жертвами агрессии и борются за независимость своей Родины» [113]. Журнал Рижского комитета КП Латвии «За единство» также подчеркивал, что освобождение латвийских трудящихся, всего латвийского народа от ига фашизма и построение нового государства — республики трудящихся — дело самого латвийского народа, его национальной гордости, чести и доблести [114].

В новых условиях особенно важным стал вопрос о дальнейшем развитии отношений между КП Латвии и СРКПЛ. Принципиальная линия КП Латвии, направленная на сотрудничество с СРКПЛ и осуществленная в предшествующие годы, позволила в конце 1939 г. приблизить решение вопроса об организационном объединении КП Латвии с СРКПЛ.

В связи с изменой лидеров Социалистического Интернационала и многих социал-демократических партий международному рабочему движению Исполком Коминтерна рекомендовал коммунистическим партиям организовывать единство действий рабочего класса снизу. «Каково положение в Латвии? — спрашивала газета «Циня» в статье «Наша точка зрения»,— нужно ли нам в связи с этим менять тактику в отношении СРКПЛ по вопросам единого рабочего фронта и народного фронта, как это сделали во Франции? Нет, мы не должны механически следовать за действиями партий в других странах. Нам надо учитывать условия своей страны и сообразно им определять тактику партии» [115].

КП Латвии высказала пожелание, чтобы СРКПЛ честно и открыто заявила о своей позиции в связи с новой обстановкой, вызванной войной, об отношении к предательству лидеров Социалистического Интернационала, с одной стороны, и к миролюбивой внешней политике СССР — с другой. Ответ СРКПЛ, напечатанный в органе этой партии «Бривиба» («Свобода»), не удовлетворил КП Латвии. Принципиальная позиция КП Латвии в связи с расплывчатым ответом СРКПЛ побудила большинство членов ЦК и Рижского комитета Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии по-иному подойти к выполнению воли рядовых членов своей партии, которые выступали за более решительное сближение с Компартией. Оппортунистические элементы покинули

---

[108] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 23, д. 5.

[109] Latvijas Komunistikās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1 d. Rīga, 1958, 613.—614.lpp.

[110] «Cīņa», 1940, № 1.

[111] «Cīņa», 1939, № 8.

[112] Очерки истории КП Латвии, ч. 2. Рига, 1966, с. 416.

[113] «Cīņa», 1939, № 9.

[114] «За единство», 1939, № 12.

[115] «Cīņa», 1939, № 10.

СРКПЛ, руководство ее деятельностью безраздельно перешло в руки сторонников объединения с Коммунистической партией [116].

II съезд СРКПЛ, состоявшийся в марте 1940 г., принял решение об объединении СРКПЛ с КП Латвии и о выходе СРКПЛ из Социалистического Интернационала. «Совместная борьба и сотрудничество коммунистов и социалистов после 15 мая 1934 г. нас сблизили как идейно, так и практически. Существование двух революционных партий в дальнейшем неоправдано. Это было признано явным большинством представителей всех крупных организаций СРКПЛ», — писала газета «Бривиба»[117]. Восторжествовала идея единства рабочего класса и его партий. Однако волна арестов антифашистов, прокатившаяся по Латвии весной 1940 г., не позволила довести до конца вопрос об организационном объединении Коммунистической и Социалистической рабоче-крестьянской партий Латвии.

Под руководством Коммунистической партии успешно продолжал работу Союз трудовой молодежи Латвии. В декабре 1939 г. среди членов Союза был проведен референдум по вопросу о вступлении в Коммунистический Интернационал Молодежи (до этого СТМЛ поддерживал связи с обоими интернационалами молодежи). Было высказано единодушное мнение о необходимости вступления в Коммунистический Интернационал Молодежи, как единственно последовательную революционную международную молодежную организацию.

Коммунистическая партия Эстонии, так же как и компартии Литвы и Латвии, глубоко проанализировала возникшее в Эстонии в связи с подписанием советско-эстонского пакта о взаимопомощи новое политическое положение. Она разоблачала клевету, сознательно распространяемую реакционной буржуазией с целью доказать, что сложившаяся после заключения договора с СССР обстановка якобы тормозит введение в Эстонии демократических свобод. Компартия убедительно показала, что именно пакт с Советским Союзом и его честное осуществление могут способствовать демократизации общественной жизни в Эстонии.

Трудящиеся Эстонии горячо одобряли пакт о взаимопомощи с СССР. В адрес правительственных органов Эстонии поступило множество писем и телеграмм, в которых подчеркивалось положительное значение для Эстонии заключенных с СССР соглашений и высказывалось требование их точного и строгого выполнения. В письме представителей профсоюзов президенту республики, например, говорилось: «Рабочие Эстонии с радостью приветствуют заключение пакта о взаимопомощи между Эстонией и Советским Союзом и надеются, что за этим последует еще большее сближение обоих народов и обеих стран. Выражаем надежды, что пакт предотвратит опасность агрессии на побережье Эстонии и тем самым обеспечит условия для мирного развития народов как Эстонии, так и Советского Союза» [118].

Учитывая изменившееся политическое положение, поддержку буржуазными оппозиционными группировками диктатуры К. Пятса, Компартия отказалась от тактики компромисса и сотрудничества с ними. Та-

кую же позицию КП Эстонии заняла по отношению к правым социалистам, выступавшим во время советско-финляндского вооруженного конфликта рьяными защитниками финской реакции и врагами Советского Союза. Коммунистическая партия стремилась объединить в рабочем и антифашистском народном фронте те социальные и политические силы, которые выступали за свержение буржуазно-фашистской диктатуры.

Для определения дальнейшей тактической линии Компартии Эстонии в новых условиях, когда стремительно нарастал революционный подъем и чувствовалось приближение важных революционных событий, Нелегальное Бюро КП Эстонии решило созвать партийную конференцию. Во время подготовки к конференции Нелегальное Бюро (НБ) выпустило в конце марта 1940 г. специальный номер подпольной газеты «Коммунист». В ней были напечатаны воззвание «Ко всему эстонскому народу» и статья «Мир в Финляндии». В этих материалах, подготовленных Х. Алликом и И. Лауристином и одобренных на заседании НБ КП Эстонии, излагались тезисы докладов, предложенных для обсуждения на предстоящей конференции.

Конференция КП Эстонии состоялась нелегально 31 марта — 1 апреля 1940 г. в Таллине в помещении объединенной больничной кассы. Уже то обстоятельство, что после пятнадцатилетнего перерыва на территории Эстонии состоялась нелегальная партийная конференция, свидетельствовало об организационном укреплении и росте влияния КП Эстонии. В конференции приняли участие 20 делегатов, представлявших партийные организации Таллина, Тарту, Нарвы и Пярну.

Секретарь Нелегального Бюро КП Эстонии Х. Аллик выступил на конференции с докладом о политическом положении и ближайших задачах партии. В докладе И. Лауристина анализировалась партийно-организационная работа и деятельность партии в легальных рабочих организациях. Были также заслушаны сообщения делегатов о положении на местах.

Выступавшие на конференции отмечали, что пакты о взаимопощи СССР с Прибалтийскими государствами, являясь блестящим свидетельством заботы Советского Союза об интересах малых народов и их национальной независимости, оказали в то же время огромное революционизирующее воздействие на эстонский народ и ослабили позиции правящей фашистской клики. В стране создались благоприятные условия для революционного выступления народных масс с целью свержения фашистской диктатуры.

Учитывая сложившуюся в Эстонии обстановку, Нелегальное Бюро КП Эстонии предложило конференции выдвинуть в качестве основного

---

[116] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Латвии (далее — ПА ИИП при ЦК КП Латвии), ф. 101, оп. 1, д. 4, л. 50.

[117] «Brīvība», 1940, № 12.

[118] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 64

лозунг свержения фашистской диктатуры и подчинить всю деятельность партии задачам сплочения и мобилизации трудящихся масс для осуществления этой цели. В докладе Нелегального Бюро далее указывалось, что после свержения фашистской диктатуры должно быть создано подлинно народное правительство, которое должно осуществить введение максимума демократических свобод для трудящихся и обеспечить организацию свободного волеизъявления народных масс.

Апрельская конференция Коммунистической партии Эстонии выработала программу революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся, она определила новый курс партии, направленный на подготовку и организацию революционного выступления народных масс [119].

В воззвании «Ко всему эстонскому народу» Коммунистическая партия предостерегала от двух крайностей при оценке политического момента: чрезмерного «оптимизма», вытекавшего из иллюзий, будто бы победа нового придет сама собой, что ее принесут внешние силы; а также определенного «пессимизма», носители которого переоценивали силы противника и не видели за разгулом реакции «крайне шаткого положения и отсутствия внутренней уверенности» у правящей клики [120].

Новые политические линии, выработанные коммунистическими партиями Литвы, Латвии и Эстонии, фактически означали, что они взяли курс на революционное свержение не только фашистских диктатур, но и буржуазного строя в целом.

О большой политической значимости деятельности коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии свидетельствует тот факт, что за ней внимательно следили и ее анализировали не только правительственные органы этих стран, но и разведки империалистических держав.

Так, по документам главного управления государственной безопасности гитлеровской Германии, хранящимся в Центральном партийном архиве Социалистической единой партии Германии в Берлине, видно, что осенью 1939 г. и в 1940 г. немецкая разведка в Прибалтике систематически собирала сведения о деятельности коммунистических партий Литвы, Латвии, Эстонии по созданию антифашистского народного фронта для свержения буржуазно-фашистских диктатур, о развертывании революционной борьбы трудящихся, об отношении компартий к пакту с Советским Союзом.

В условиях возникновения благоприятных перспектив свержения буржуазно-фашистского строя и подъема революционной борьбы коммунистические партии Литвы, Латвии, Эстонии усиливали политическую, организаторскую, идеологическую работу, укрепляли связи с массами — с рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

Центральные комитеты трех компартий работали напряженно и оперативно. Хорошо ориентируясь в социально-политической обстановке своих стран, они умело формулировали задачи борьбы рабочего класса, широких народных масс и направляли деятельность партийных, комсомольских, мопровских организаций и других антифашистских сил на их осуществление.

Новая международная и внутренняя обстановка и новая политическая линия КП Литвы настоятельно требовала усилить связи с Исполкомом Коминтерна. Для этой цели Секретариат ЦК КП Литвы направил в Москву члена Политбюро и Секретариата Центрального Комитета КП Литвы И. Мескупаса (Адомаса), который в начале 1940 г. сделал отчет в Исполкоме Коминтерна о политической деятельности ЦК КП Литвы и о его работе в области воспитания кадров партии. ИККИ одобрил деятельность ЦК КП Литвы и признал политическую линию партии правильной. Одобрение политики КП Литвы Коминтерном придали коммунистам Литвы силу и уверенность в успехе своей борьбы. В апреле 1940 г. И. Мескупас вернулся в Литву.

Условия, в которых приходилось работать коммунистам, были тяжелые. К началу 1940 г. в тюрьмах и концлагерях Литвы находились 10 членов ЦК КП Литвы из 15, среди них: А. Снечкус, Ю. Гарялис, К. Диджюлис, М. Шумаускас, А. Клейнерис, В. Нюнка, Б. Баранаускас, Я. Виницкис, Ф. Крастинис, Д. Пундзюс [121]. Было арестовано большое число партийных, комсомольских и мопровских активистов. Однако ЦК КП Литвы, несмотря на частые аресты, продолжал широкую организационную и политическую деятельность в массах. В Секретариате ЦК в это время работали И. Мескупас, А. Петраускас, Х. Айзенас.

Во всех уездах и во многих волостях активно действовали комитеты КП Литвы. Центральный Комитет постоянно поддерживал связь с местными организациями. Инструкторы ЦК и активисты, выезжая в уезды и волости, направляли работу местного партийного актива [122].

Компартии и комсомолу Литвы удалось установить контакты с рабочими, с революционными и демократическими силами молодежи и интеллигенции Вильнюса и вовлечь их в общую борьбу за коренные преобразования в стране. Профсоюзные организации Вильнюса начали действовать нелегально. С КП Литвы сотрудничали представители революционной вильнюсской интеллигенции С. Ендриховский, И. Каросас, И. Штахельский, И. Штахельская-Дзевицкая, И. Друтас и др. В Вильнюсе были созданы партийные и комсомольские ячейки, комитет Союза народной помощи Литвы (МОПР) [123].

Большую помощь Компартии оказывал комсомол, насчитывавший более тысячи членов. Комсомольцы являлись активными участниками политических демонстраций, распространителями коммунистической литературы, организаторами революционной борьбы молодежи.

---

[119] *Леббин Х. А.* КПЭ в борьбе против реформистской деятельности мелкобуржуазных партий. Таллин, 1972, с. 190—194; *Аллик Х.* Накануне.— В кн.: Наступил день... Таллин, 1969, с. 40—43.

[120] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 122.

[121] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 23, д. 1.

[122] ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 284, 587; д. 225, л. 120, 660.

[123] Lietuvos komjaunimas. Vilnius, 1962, p. 300—301; Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 447—448; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 225, л. 176—177, 283.

Значительно расширилась деятельность организаций Красной помощи Литвы. В условиях усиливающегося террора они оказывали большую поддержку борцам против фашизма, политзаключенным и их семьям. В конце 1939 г. в Каунасе состоялся съезд организаций помощи борцам революции, которые объединяли 6 тыс. членов. На нем присутствовали 14 делегатов. Съезд принял новый устав и утвердил новое название организации — Союз народной помощи Литвы. Было избрано центральное правление Союза [124]. Союз народной помощи Литвы организовал издание листовок, призывавших протестовать против бесчеловечного обращения с политзаключенными, печатал письма узников к общественности Литвы [125].

КП Литвы уделяла много внимания партийной печати. Подпольные газеты и воззвания партии доходили до каждого уголка Литвы. Свои газеты и листовки издавали также Каунасский, Шяуляйский, Паневежский, Укмергский, Мажейкяйский и некоторые другие укомы партии, комсомол и Союз народной помощи Литвы.

15 ноября 1939 г. был издан специальный номер подпольного теоретического журнала КП Литвы «Пропагандистас». В нем были помещены материалы Коминтерна и Советского правительства о второй мировой войне, о XXII годовщине Октябрьской социалистической революции, о теории и тактике партии большевиков по вопросам войны, мира и революции, а также статья «Советский Союз и Литва». Материалы журнала «Пропагандистас» имели исключительно большое значение для теоретической и политической ориентации коммунистов, комсомольцев, других антифашистов в условиях назревания революционного кризиса.

Руководство КП Латвии также предприняло шаги по укреплению и активизации деятельности партийных организаций. Между Центральным Комитетом КП Латвии, Рижским областным и местными комитетами партии была установлена прочная связь. Руководящие органы партии были в курсе работы комитетов единства, фабричных комитетов, групп сочувствующих, организаций СТМЛ и МОПР.

В условиях, когда в революционное движение включались все новые и новые люди, фашистская охранка пыталась засылать в ряды рабочих организаций своих агентов для дезорганизации их деятельности. Учитывая это, ЦК КП Латвии в принятом 18 декабря 1939 г. специальном постановлении «Против провокаций и срыва партийной работы» призывал партийные организации укреплять бдительность, усиливать конспирацию и организованность в рядах партии [126].

В апреле 1940 г. латвийская полиция провела массовые обыски и аресты. Было схвачено более 300 активных антифашистов, в их числе члены ЦК КП Латвии Ж. Спуре и А. Яблонский. В связи с тем что большинство членов ЦК Компартии Латвии находилось в тюрьме, был создан Временный Оргкомитет КП Латвии, в состав которого вошли Я. Салнис, Я. Густсон, Е. Винхолде. Он продолжал руководить партией и антифашистской борьбой масс [127].

КП Латвии проявляла большую заботу об укреплении своих рядов. Из 420 человек, принятых в партию в 1939 г., 319 приходится на сентябрь — декабрь [128]. «Циня» в декабре 1939 г. отмечала: «В связи с событиями последнего времени быстро увеличивается приток новых членов в нашу партию. Создаются новые группы, ячейки, районы, новые организации». За первые пять месяцев 1940 г. в КП Латвии было принято 205 человек, к лету 1940 г. в рядах партии насчитывалось около 1000 коммунистов [129].

Партийные организации располагали большим беспартийным активом. Активисты часто были объединены в нелегальные группы, сочувствующие Коммунистической партии, или выполняли поручения парторганизаций. Только в Риге их насчитывалось более 400 человек [130]. В СТМЛ было более 1000 членов [131]. К тому же Союз молодежи руководил более чем 1000 активных антифашистов. Около 300 членов насчитывала СРКПЛ и более 200 — организация Красной помощи [132].

Наибольшую оперативность в революционной работе проявляла в то время Рижская организация КП Латвии, объединявшая 10 районов. В 1939 г. партийная организация Риги приняла в свои ряды 102 человека. За пять месяцев 1940 г. она увеличилась на 95 человек, а в июне в ее ряды вступило еще 67 человек. Всего в Рижской организации в июне 1940 г. было 400 коммунистов; кроме того, в Риге было более 500 членов СТМЛ [133]. Зимой 1939/40 г. кружки КП Латвии, СТМЛ, комитеты единства, организованные антифашистские группы вели активную работу среди рабочих на Государственной электротехнической фабрике (ВЭФ), на велосипедных фабриках «Латвелло», «Эренпрейс», «Омега», на ряде деревообрабатывающих, текстильных, стекольных, пищевых и других предприятий, среди железнодорожников и портовиков [134].

Лиепайская организация КП Латвии в мае 1940 г. насчитывала 138 членов партии [135]. Большой активностью в 1939 г. отличалась Даугавпилсская городская партийная организация. Среди сельских партийных организаций выделялась Айзпутская, принявшая в свои ряды 17 человек. Заметной активности и роста в 1939 г. добились ячейки Абренско-

---

[124] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 22, д. 1.

[125] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 692—706.

[126] «За единство», 1940, № 1.

[127] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 4, л. 46.

[128] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 22, д. 1587, 1591, 1595; ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 8; *Himelreihs L.* Tā ausa brīvības rīts. Rīga, 1966, 66.lpp.

[129] «Cīņa», 1939, № 10; Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 444.

[130] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 250, л. 5.

[131] Там же, д. 650, л. 6.

[132] *Samsonova L., Hiršfelds B.* Caur restēm. No Latvijas Sarkanās palīdzības vēstures. Rīga, 1961, 149.lpp.

[133] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 102, оп. 1, д. 5, л. 1—5; *Rainese G.* Latvijas komjaunatne cīņā pret fašistisko diktatūru (1934.—1940.). Rīga, 1958, 87.lpp.

[134] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 102, оп. 1, д. 5, л. 1—5.

[135] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 8, л. 9.

го р-на в Латгальской областной организации, принявшие в партию 66 новых коммунистов [136].

По социальному положению более 80% коммунистов Латвии были рабочие. Партия обладала крепким ядром опытных партийных кадров, активных участников революционных боев 1905—1907 и 1917—1919 гг.

Большое внимание ЦК КП Латвии уделял выпуску и распространению партийных изданий. По их количеству 1939 г. был рекордным годом за все время буржуазного господства. Число распространенных в этом году коммунистическим и антифашистским подпольем листовок и воззваний превысило 60. Организации народного фронта выпускали 9 периодических изданий. За неполные шесть месяцев 1940 г. были изданы и распространены листовки, воззвания и плакаты 42 наименований. В Латвии в то время издавались подпольные газеты и журналы 18 наименований [137].

Воззвания издавали Рижская, Лиепайская, Даугавпилсская, Вентспилсская, Руйенская и другие партийные организации. Свои листовки выпускали также партийные ячейки и рабочие комитеты ряда предприятий Риги, Лиепаи и др.

Орган ЦК КП Латвии газета «Циня» в 1938 г. выходила тиражом 1,5 тыс. экземпляров. В 1939 г. ее тираж с 3 тыс. экземпляров в начале года возрос до 5 тыс. в конце года, а в марте 1940 г. он достиг 6—7 тыс. экземпляров [138]. «Циня» распространялась всюду, где жили и работали трудящиеся.

В январе 1940 г. в Риге на латышском языке были выпущены «Бюллетени международной информации» [№ 1 (22) и № 2 (23)] тиражом 500 экземпляров. В них был напечатан обширный материал о деятельности ВКП(б) и других братских партий. Рижский комитет КП Латвии в 1939—1940 гг. регулярно издавал журнал «За единство» на русском языке тиражом 1 тыс. экземпляров. В марте 1940 г. по решению ЦК КП Латвии был организован выпуск газеты Рижского комитета партии «Ригас лиелиниекс» («Большевик Риги») тиражом 3 тыс. экземпляров. В апреле 1940 г. начал выходить также нелегальный орган лиепайских коммунистов — газета «Комунистс» — тиражом 1 тыс. экземпляров. Тираж газеты «Латгальская правда», издаваемой на русском языке, вырос до 1,5 тыс. экземпляров. Продолжали издаваться газеты СР КПЛ «Бривиба» («Свобода») и СТМЛ «Яунатнес фронтс» («Фронт молодежи»). Прогрессивное студенчество Латвийского университета в начале 1939 г. стало выпускать журнал «Кафедра» (1,4 тыс. экземпляров), а с декабря 1939 г.— ежемесячник «Дарба студентс» («Трудовой студент»).

Компартия издавала брошюры для политического просвещения коммунистов, что помогало членам партии уяснить важнейшие вопросы политики и практики революционной борьбы, являлось большим подспорьем пропагандистам и агитаторам.

Подпольные коммунистические издания сыграли неоценимую роль в сплочении трудящихся масс вокруг КП Латвии, их мобилизации на борьбу за свержение фашизма.

Нелегальное Бюро КП Эстонии, в состав которого входили Х. Аллик, Х. Арбон, П. Кээрдо, И. Лауристин, П. Петрее и О. Сепре, в 1939—1940 гг. проделало большую организаторскую работу по укреплению рядов партии и созданию новых партийных ячеек и организаций в городах и уездах. Развертывали свою деятельность партийные комитеты в Таллине, Тарту, Нарве, Пярну. Уполномоченные Нелегального Бюро Г. Абельс, Д. Кузьмин, Б. Кумм, А. Мяэмат, И. Ойнас, А. Паук, А. Штамм и другие действовали почти во всех уездах и осуществляли руководство местными партийными организациями и коммунистами-одиночками.

Самой боеспособной организацией Компартии Эстонии была Таллинская организация, насчитывавшая более 60 членов, обладавших большим опытом подпольной революционной работы и умело сочетавших ее нелегальные и легальные формы.

Большую активность проявляла Тартуская организация, которую возглавлял уполномоченный Нелегального Бюро КП Эстонии П. Кээрдо. Тартуский комитет Компартии руководил партийной и политической работой во всей южной части Эстонии.

Назначенные Нелегальным Бюро уполномоченные А. Паук и К. Паас наладили партийную работу в Нарве. Они установили связь с фабричными рабочими, объединили коммунистов и создали в конце 1939 г. партийный комитет. В. Пярну организацией партийной работы занимались Б. Кумм и Г. Абельс. Здесь в 1939 г. также был создан партийный комитет, который руководил работой коммунистов среди городских и сельских рабочих и бедняков Пярнуского уезда. Комитет осуществлял руководство в уезде Синдиской партийной организацией. Партийные организации или отдельные коммунисты продолжали работать на Сааремаа, в Валге, Раквере, Вильянди, Хаапсалу, Выру, Кунде и в других местах. В армии политическую работу проводили призванные на военную службу коммунисты А. Веймер и А. Резев.

Учитывая то обстоятельство, что все активные деятели партии были хорошо известны полицейским органам и находились под их постоянным наблюдением, КП Эстонии большое внимание уделяла вопросам бдительности и конспирации, стремилась оберегать партийные организации от проникновения в их среду провокаторов и агентов охранки. Партийные ячейки, как правило, состояли из 3—5 членов. Благодаря высокой сознательной организованности и дисциплине в партии провалов не было.

Освобожденные из заключения коммунисты были лишены политических прав. Их нельзя было избирать в государственные, профсоюзные

---

[136] Данные обобщены на основе материалов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 22, д. 1587, 1591, 1593; *Himelreihs L.* Tā ausa brīvības rīts, 65.lpp.

[137] Данные обобщены по материалам ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1, д. 364, 446—453, 468, 598, 691, 884.

[138] Государственная библиотека ЛатвССР, «Циня», 1939; 1940.

или другие общественные органы. Многие из них работали на дорожных и строительных работах, ибо на крупные предприятия их не принимали.

Компартия Эстонии большое внимание уделяла сплочению вокруг своих организаций широкого актива из авторитетных революционных рабочих и интеллигентов-антифашистов, профсоюзных деятелей, членов Марксистского объединения трудящихся (МОТ). Хотя они не были членами Коммунистической партии, но постоянно укрепляли ее связи с массами, разъясняли политику партии и мобилизовывали трудящихся на антифашистскую борьбу. С их помощью КП Эстонии проводила большую политическую работу во многих легально существовавших организациях, в том числе в профсоюзах.

К апрельской конференции 1940 г. КП Эстонии насчитывала около 150 членов. Это был коллектив профессионалов-революционеров, партийных организаторов, вокруг которых сплотился многочисленный актив из наиболее сознательной части трудящихся, полностью разделявших политические взгляды коммунистов и осуществлявших политику Коммунистической партии [139]. В июле — августе 1940 г. 1200 активистов, хорошо зарекомендовавших себя на подпольной работе, были приняты в ряды КП Эстонии [140].

Коммунистические партии Литвы, Латвии, Эстонии, мужественно преодолевая разгул фашистской реакции, возглавили борьбу рабочего класса, других трудящихся за их экономические и политические права, за радикальные преобразования в своих странах.

Коммунистическая партия Литвы организовывала забастовочную борьбу, экономические и политические выступления рабочих, крестьян, интеллигенции, направленные на улучшение их жизни в условиях тяжелого военного времени, прежде всего на обеспечение рабочих и безработных работой, а также на повышение заработной платы и пресечение спекуляции предметами первой необходимости.

По призыву Каунасского укома партии осенью 1939 г. на многих предприятиях Каунаса были созданы стачечные комитеты, был также создан центральный стачечный комитет в составе 24 человек и его исполком из 10 человек. На совещании 28 представителей важнейших предприятий Каунаса было решено начать стачку в начале ноября [141]. 25 октября стачечный комитет распространил воззвание, в котором излагались требования рабочих: повысить заработную плату на 40—60%, решительно бороться против спекуляции, упразднить палату труда, разрешить создавать профсоюзы рабочих, освободить политзаключенных, упразднить концлагерь и т. д. [142]

Правительство начало маневрировать. Заработная плата рабочих была повышена на 5—15% [143]. Вместе с тем были проведены массовые аресты коммунистов, комсомольцев, активных революционных беспартийных рабочих в Каунасе, а также в Мажейкяйском, Кретингском, Расейняйском, Шяуляйском, Шакяйском и некоторых других уездах. Всеобщая стачка каунасских рабочих была сорвана, но рабочие многих

предприятий вручили хозяевам новые требования, которые в ряде случаев были удовлетворены [144].

В ноябре — декабре 1939 г. в Каунасе по инициативе коммунистов на многих предприятиях были созданы рабочие комитеты и профорганизации для защиты прав рабочих. Рабочими старостами избирались прогрессивно настроенные лица [145].

В конце 1939 — начале 1940 г. бастовали рабочие на предприятиях в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе [146]. В начале января 1940 г. в помещении палаты труда в Каунасе состоялось собрание 700 представителей рабочих города. Инструктор ЦК КП Литвы Л. Соломинас и беспартийные рабочие активисты в своих выступлениях резко критиковали политику правительства, требовали решительной борьбы со спекуляцией, повышения заработной платы в соответствии с ростом прожиточного минимума, национализации фабрик и заводов и назначения на них управляющих, контролируемых рабочими, а также отмены антирабочих законов, ликвидации концлагеря, освобождения политзаключенных и т. д.[147]

2 февраля 1940 г. рабочие, занятые на общественных работах в Лампеджяй (под Каунасом), вручили меморандум министру внутренних дел [148]. Не дождавшись положительного ответа на свои требования, 8 февраля 2 тыс. рабочих объявили забастовку. Борьбой рабочих руководили коммунистические ячейки и созданный стачечный комитет. В тот же день тысяча бастующих организованной колонной, с орудиями труда в руках направилась в Каунас, чтобы повторить свои требования. Рабочие были встречены большими отрядами пешей и конной полиции, которой удалось разогнать демонстрацию. Было арестовано 46 человек, в том числе 21 женщина [149].

Забастовка на общественных работах в Лампеджяй продолжалась пять дней. Власти вынуждены были пойти на некоторые уступки бастующим. По призыву Компартии [150] забастовку солидарности провели 3 тыс. рабочих промышленных предприятий Каунаса. В Паневежисе и Рокишкисе состоялись демонстрации безработных [151].

После боевых выступлений трудящихся в январе — феврале 1940 г. жвальгиба в донесении правительству оказалась вынужденной сделать вывод о том, что значительное ухудшение экономического положения

---

[139] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 386.

[140] Очерки истории КП Эстонии, ч. 3. Таллин, 1970, с. 12.

[141] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 424—426; ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 327—328.

[142] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 806—807.

[143] Там же, с. 425.

[144] ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 302, 305, 325, 337, 373, 394—395.

[145] «Tiesa», 17.XII.1939.

[146] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 431; Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 739, 744.

[147] «Tiesa», 15.II.1940.

[148] Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais, p. 53—55.

[149] Tiesa, 15.III.1940; Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 745; Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais, p. 55—57.

[150] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 440—441.

[151] «Tiesa», 15.III.1940.

«усиливает недовольство рабочих существующим социальным строем» и что это недовольство может проявиться в открытых формах. Охранка указывала, что коммунисты «оперируют убедительными аргументами» и поэтому встречают среди рабочих поддержку. Одними только административными мерами, как заключала охранка, движение рабочих подавить не удастся [152].

Вызванные начавшейся второй мировой войной экономические трудности и политика правительства ухудшали положение крестьянства Литвы и обостряли его недовольство. Органы государственной безопасности доносили правительству о возрастающем недовольстве трудящихся крестьян Сувалькии, Кедайнского, Рокишкского и других уездов, о требованиях разделить земли помещиков и крупных чиновников [153].

Крестьяне сельской местности Юодайчяй Расейняйского уезда 16 мая 1940 г. писали председателю кабинета министров: «Кризис крестьян обострился, ибо все, что крестьянину необходимо... подорожало на 30—60%. Многого вообще нельзя достать. Поэтому такого положения мы не сможем вытерпеть, придется забросить поля и производить лишь столько, чтобы хватило на пропитание». Крестьяне требовали провести земельную реформу в Вильнюсской области и по всей Литве, разрешить создавать крестьянские экономические, политические и культурные организации. Заявление подписали 55 человек [154].

Невольно отражая давление крестьянской массы, ее недовольство экономической и культурной отсталостью страны, вопиющей разницей между уровнем жизни трудящихся и господствующих капиталистических верхов, клерикальная газета «Жемайчю прнтелюс» («Друг жемайтийцев») 23 февраля 1940 г. писала: «Деревня ждет и не понимает, почему так долго медлят с электрификацией страны, куда девались (обещанные) дешевый кирпич и кирпичное строительство на селе, где обещанные трудящимся дешевые домики, где доступная радиофикация деревни... Где санитарная помощь, где читальни и библиотеки? Почему за счет деревни наживают миллионы монополии «Пеноцентрас» и другие?» Цензура конфисковала газету [155].

Компартия звала безземельных и малоземельных крестьян бороться за конфискацию помещичьих земель и инвентаря без выкупа и убеждала их, что землю им даст только народное демократическое правительство [156].

Происходило также заметное полевение широких кругов интеллигенции Литвы. Передовые силы интеллигенции в конце 1939 г. на основе антифашистского народного фронта создали в Каунасе Комитет защиты прав народа, ядро которого составляли коммунисты и левые ляудининки. В нем участвовали интеллигенты коммунисты М. Мешкаускене, А. Гузявичюс, а также профессор В. Креве-Мицкявичюс, Ю. Палецкис, Ю. Вайшнорас [157]. Комитет защиты прав народа издавал воззвания и нелегальную газету «Уж ляудес тейсес» («За права народа»), которая умело разоблачала реакционную политику фашистского правительства. Газета призывала творческую интеллигенцию встать плечом к плечу с

трудящимися и бороться за свержение власти эксплуататоров и установление народной власти [158]. В воззвании Комитета защиты прав народа в марте 1940 г. от имени интеллигенции был выражен протест против оголтелого террора правительства и полиции в отношении бастовавших рабочих. Воззвание заканчивалось предупреждением реакционным силам: «Вы сеете ненависть и зло, пожнете бурю» [159].

Писатели П. Цвирка, Л. Гира, И. Шимкус, юрист П. Пакарклис и другие представители интеллигенции выступали с лекциями и докладами об огромных достижениях Советского Союза. Прогрессивные деятели культуры Литвы проводили вечера советской культуры, посвященные XXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, поэтам М. Ю. Лермонтову, В. В. Маяковскому, Т. Г. Шевченко, режиссеру К. С. Станиславскому, композитору П. И. Чайковскому. В руководство Общества писателей Литвы в конце 1939 г. были избраны преимущественно прогрессивные антифашистские писатели [160].

Газета ЦК КП Литвы «Тиеса» весной 1940 г. отмечала, что рабочие переходят ко все более решительной открытой борьбе, которая в свою очередь приобретает все более глубокий политический характер. Борьба рабочих стала выходить за рамки частичных экономических и политических требований, перерастая в борьбу за уничтожение эксплуатации широких масс трудящихся. КП Литвы указывала, что нарастающая борьба трудящихся масс неминуемо ведет к устранению буржуазного правительства и к образованию народно-демократического правительства. КП Литвы заявила, что выдвинутый лозунг борьбы за народно-демократическое правительство хорошо воспринят широкими массами, которые все решительнее мобилизуются на его осуществление [161].

Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии и активизация антифашистской борьбы оказали ощутимое влияние на усиление забастовочного движения рабочих Латвии.

Несмотря на существовавший в стране официальный запрет на забастовки и как следствие этого арест забастовщиков, недовольство рабочих постоянно проявлялось в их выступлениях в защиту своих прав. В 1939 г. в Латвии произошли многочисленные забастовки рабочих. Особенно они участились в конце года. Забастовки произошли на обувной фабрике «Магарил», на фабриках «Атлас» и «Рекордс», на судостроительном заводе Цеппа и др.[162] Крупнейшими забастовками в

---

152 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 749—750.

153 ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 187, т. II, л. 249, 264; д. 225, л. 9, 81, 229, 369, 385.

154 Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais, p. 59—60.

155 ЦГА ЛитССР, ф. 1367, оп. 5, д. 14.

156 «Tiesa», 15.III.1940.

157 «Коммунист» (Вильнюс), 1966, № 10, с. 71.

158 «Už liaudies teises», 1939, Nr. 1—2.

159 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 809.

160 ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 138, л. 46; д. 187, т. II, л. 293.

161 «Tiesa», 15.III.1940.

162 *Kalnberziņš J.* Padomju desmit gadi. Rīga, 1950, 57.lpp.; ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1, д. 884, л. 3, 7.

1939 г. были: забастовка обувщиков, в которой участвовало более 90% всех рабочих обувной промышленности Риги, а также Тукумса, Елгавы и других городов; забастовка, охватившая почти все текстильные предприятия Риги; забастовки рабочих стекольных и деревообрабатывающих предприятий, портов Латвии и др.[163]

Стачки 1939 — начала 1940 г. отличались большим упорством, соединением экономических и политических требований. Наряду с борьбой за улучшение своего материального положения стачечники требовали свободы забастовок, печати, слова, ликвидации контроля фашистских властей над профсоюзами и т. д. Во многих случаях рабочие добились некоторого повышения заработной платы.

Забастовочным движением руководили партийные ячейки и комитеты единства на промышленных предприятиях, созданные к концу 1939 г. на многих фабриках и заводах Риги. Так, выступлением рабочих рижских текстильных предприятий руководил комитет единства рабочих этой отрасли.

Во время забастовки рабочих обувной промышленности в ноябре 1939 г. Рижский комитет КП Латвии выпустил специальное воззвание, в котором призвал обувщиков упорно отстаивать свои требования, ибо это гарантирует успех борьбы и будет способствовать выступлению рабочих других отраслей промышленности. «Не бойтесь угроз полиции и арестов. Будьте солидарны и стойки, и победа будет за нами», — говорилось в воззвании. На большинстве обувных предприятий рабочие добились повышения зарплаты на 15—20%.

Летом 1939 г. рабочие выступали с протестами против принудительной отправки на лесоразработки и в кулацкие хозяйства. На лесо- и торфоразработках произошли забастовки. Осенью 1939 г. стачечное движение в этих отраслях также усилилось.

В ходе забастовок, различных выступлений протеста рабочие приобретали новый опыт классовой борьбы, укреплялся их боевой дух. Полиция арестовывала организаторов забастовок, но это не ослабляло решимости рабочих продолжать борьбу и отстаивать свои права [164].

Активные выступления коммунистов в защиту интересов рабочих, их руководство забастовочной борьбой еще более подняли авторитет Коммунистической партии Латвии.

Серьезные изменения произошли в настроениях трудящихся крестьян Латвии. Это особенно проявилось среди деревенской бедноты в ряде уездов и волостей Латгалии. Здесь по инициативе местных коммунистических организаций были созданы крестьянские комитеты. Повысилась политическая активность крестьянских масс. Открыто проявлялись недовольство и возмущение экономической политикой правительства, ростом налогов и различных повинностей, распродажей за долги крестьянского имущества. Партийные организации Латгалии и СТМЛ увеличили издание и расширили распространение коммунистической литературы среди широких слоев трудового крестьянства [165].

Под влиянием усиления экономической и политической борьбы ра-

бочих и недовольства трудового крестьянства произошли различные выступления протеста против действий фашистских властей и среди солдат. Солдаты Бауского и Даугавпилсского резервных полков потребовали демобилизации, заявив, что они не хотят защищать фашистскую власть[166]. Недовольство также резко усилилось среди трудовой интеллигенции и студенчества.

«Циня» в начале 1940 г. отмечала, что волнения охватили не только рабочий класс, что борьба захватывает все более широкие массы[167].

Коммунистическая партия Эстонии достигла серьезных успехов в дальнейшем укреплении единства профсоюзов и единого фронта рабочего класса.

К 1940 г. удалось восстановить профсоюзное единство рабочих важнейших отраслей промышленности. Почти все профсоюзы Таллина находились в это время под влиянием Компартии. Их правления действовали в тесном контакте с Таллинским комитетом и Нелегальным Бюро КП Эстонии. Правые социал-демократы были устранены из руководства важнейших профсоюзов. Вместо них избирались революционно настроенные рабочие. Профсоюзы превратились в организации большинства рабочего класса Эстонии, раскол в них был в основном преодолен. Это явилось крупной победой рабочего движения Эстонии. Усилилась роль профсоюзов в руководстве классовой борьбой рабочих.

Для более оперативного руководства профсоюзами КП Эстонии осенью 1939 г. создала Контактную комиссию, фактически игравшую роль нелегального Центрального совета профсоюзов[168]. С помощью этой комиссии партия направляла деятельность своих сторонников в профсоюзах. Комиссия обсуждала важнейшие вопросы политической жизни, тактику профсоюзов и конкретные меры по организации их деятельности. Контактная комиссия состояла из коммунистов и беспартийных революционных деятелей профсоюзов, сторонников единого фронта (В. Янус, Я. Пярн, Н. Руус, П. Уусман и др.); работой ее руководил член Нелегального Бюро КП Эстонии Иоханнес Лауристин. Комиссия проделала большую работу по революционизированию профсоюзов, воспитанию профсоюзных кадров и подготовке рабочего класса к свержению буржуазной диктатуры. Поскольку Коммунистическая партия Эстонии пользовалась весьма большим влиянием среди рабочих старост предприятий, особенно в Таллине, то через профсоюзные организации и Контактную комиссию она направляла их работу в революционном духе.

С целью организации рабочих использовалась также Таллинская объединенная больничная касса, правление которой составляли в

---

[163] LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapiņas. 1920—1940. III d. Rīga, 1963, 527.lpp.

[164] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 420—421.

[165] «Латгальская правда», 1939, № 12.

[166] «Латгальская правда», 1939, № 11.

[167] «Cīņa», 1940, № 3.

[168] *Kuuli O., Liebman A., Saarniit H.* Töörahva riigi. eest. Tallinn, 1967, lk. 410.

9 Заказ № 2523

основном сторонники единого фронта[169]. Весной 1940 г. в больничной кассе работало 16 коммунистов, объединенных в самостоятельную партийную организацию. Ее секретарем была Ольга Лауристин[170]. Коммунисты больничной кассы поддерживали связь с рабочими почти всех таллинских фабрик и заводов.

В качестве важного звена для связи с народными массами коммунисты использовали также профсоюзное потребительское общество, в котором работали члены партии Х. Аллик, А. Ханзен, И. Лейман (Леуман), Э. Винтер и др.

Важной и широко распространенной формой борьбы трудящихся Эстонии осенью 1939 г. были различные меморандумы и протесты, направленные правительству, что свидетельствовало о росте в массах недовольства фашистским режимом. При их составлении и сборе подписей профсоюзы проводили широкую разъяснительную работу. 4 октября наиболее крупные профсоюзы направили президенту меморандум, в котором содержалась критика ограничения свободы действий профсоюзов и выдвигались требования о прекращении преследований деятелей рабочего движения, восстановлении свободы слова, печати, союзов, стачек и т. д. В конце меморандума, подписанного 24 руководящими деятелями профсоюзов, представлявших бóльшую часть организованного рабочего класса Эстонии, правительство было предупреждено, что если оно не удовлетворит эти минимальные требования, это будет означать отказ правительства признавать равноправие трудящихся наравне с другими общественными классами Эстонии и они будут искать самостоятельные пути к осуществлению этих прав[171]. Такой же меморандум был послан и премьер-министру[172].

В конце октября 1939 г. Нелегальное Бюро КП Эстонии через фракцию «Единый блок трудового народа» в Государственной думе и через профсоюзы организовало сбор подписей под адресованным премьер-министру меморандумом, в котором выдвигались требования о предоставлении народу политических свобод и улучшении материального положения трудящихся[173]. Меморандум подписали тысячи трудящихся.

О полевении трудящихся масс и успехе тактики единого фронта свидетельствовали результаты выборов в городские и сельские муниципалитеты, состоявшиеся в октябре 1939 г. На этих выборах в острой политической борьбе над кандидатами фашистского блока во всех промышленных центрах победу одержали кандидаты единого фронта рабочего класса. Буржуазная газета «Пяэвалехт» 17 октября 1939 г. вынуждена была признать, что «в Таллине, Тарту и других наиболее крупных центрах большинство получило оппозиционное правительству течение, представляющее собой «блок интеллигенции, рабочих и различных свободомыслящих»[174]. В городские думы были избраны многие известные рабочие деятели. В Таллинской городской думе представители антифашистских сил получили 33 места из 60[175].

На дополнительных выборах в Государственную думу в начале октября 1939 г. вместо деятеля единого фронта рабочего класса А. Абена,

вынужденного из-за фашистских преследований покинуть Эстонию, был избран другой представитель единого фронта А. Йыэр. В январе 1940 г. на дополнительных выборах в Государственную думу был избран активный деятель рабочего класса коммунист В. Янус[176]. Отпечатанное в поддержку В. Януса воззвание подписали известные представители интеллигенции писатели И. Барбарус-Варес, А. Якобсон, А. Хинт и художник А. Янсен.

Результаты всех этих выборов свидетельствовали об ослаблении позиций фашистской диктатуры.

Невзирая на запреты правительства и репрессии, сторонники единого фронта почти повсеместно проводили массовую работу по разъяснению платформы рабочего класса и разоблачению реакционной политики правительства.

Важную роль в деятельности профсоюзов и рабочих культурных организаций, в избирательных кампаниях, в укреплении революционных настроений масс играла фракция «Единый блок трудового народа» в Государственной думе. Действуя на основе указаний Нелегального Бюро КП Эстонии, она наряду с профсоюзами являлась одним из центров легальной деятельности КП Эстонии. Члены фракции В. Янус, Н. Руус и др. как в Государственной думе, так и вне ее смело защищали социально-экономические интересы рабочих, разоблачали коррупцию в государственном аппарате, выступали против клеветы реакции на Советский Союз, пропагандировали его достижения. Большую роль фракция играла также в организации массовой кампании по составлению меморандумов правительству.

В ответ на рост недовольства трудящихся и нарастание их революционной активности правящая клика усиливала репрессии против рабочих организаций и антифашистов. «Вина» жертв буржуазной юстиции обычно состояла в проявлении «неуважения» к правительству или симпатий к стране Советов и Красной Армии. Председатель профсоюза металлистов А. Пясс, был, например, выслан из Таллина за то, что вступил в контакт с торговыми представителями Советского Союза для выяснения возможностей использования эстонских рабочих и безработных на строительстве советских баз[177]. Полиция запрещала рабочие собрания, публикацию материалов о массовых увольнениях рабочих, конфи-

---

169 *Ahelik S.* Arsti abist ja sotsiaalkindlustusest kodanlikus Eestis. Tallinn, 1964, lk. 84.

170 ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 5, оп. 2, д. 352, л. 4.

171 ЦГАОР ЭССР, ф. 1989, оп. 1, д. 20, л. 7.

172 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 71—73.

173 Там же с. 76—77.

174 «Päevaleht», 17.X.1939.

175 «ERK» (Tallinn), 1939, № 5, lk. 234; Таллинский городской архив, ф. 82, оп. 2, д. 21, л. 402—404.

176 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 71, 99.

177 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 126—128.

178 История Эстонской ССР, с. 586.

сковывала различные материалы рабочих организаций. Даже деятели правительственной рабочей палаты 5 ноября 1939 г. вынуждены были в своей резолюции отметить, что «деятельность профессиональных союзов и рабочей палаты затрудняется невиданным доселе полицейским гнетом»[178]. 15 марта 1940 г. фашистские власти закрыли Тартуское противоалкогольное общество, а спустя пять дней, была запрещена деятельность культурного общества «Идея». Причиной закрытия была неугодная правительству деятельность общества: его призыв к борьбе против клеветы, распространяемой в отношении СССР, и за расширение культурных связей с Советским Союзом. 6 июня был закрыт Пярнуский профсоюз строительных рабочих. Однако эти репрессии не испугали рабочих, которые под руководством КП Эстонии все решительнее поднимались на борьбу против фашистской диктатуры.

*

Анализ экономического и политического положения, сложившегося после начала второй мировой войны в странах Прибалтики, свидетельствует о том, что с осени 1939 г. в Литве, Латвии и Эстонии нарастал и усиливался глубокий революционный кризис, сопровождавшийся кризисом буржуазно-фашистского строя. За различными социально-экономическими и политическими процессами, в которых проявлялись эти кризисы, прежде всего скрывались непримиримые классовые противоречия между пролетариатом Прибалтики и правящей в ней буржуазией, конфликт между развитием производительных сил и тормозившими это развитие капиталистическими производственными отношениями.

В каждой из трех стран Прибалтики в отдельности и во всей Прибалтике в целом порожденные войной экономические трудности и ухудшение материального положения трудящихся, продолжение и усиление политического фашистского гнета значительно обострили и без того глубокие классовые противоречия. Двадцатилетнее господство буржуазии в Литве, Латвии, Эстонии показало, что, оторвав эти страны от Советской России и включив их в мировую систему капитализма, она была не способна в сколько-нибудь значительных размерах развить производительные силы, прежде всего крупную промышленность. Война и тесные связи народного хозяйства Прибалтийских стран с экономикой воюющих империалистических держав, нежелание правящей буржуазии ориентироваться в области экономики и политики на Советский Союз привели Литву, Латвию и Эстонию в состояние экономического упадка, поставили их перед перспективой полного развала хозяйства. На этой почве при наличии острейших социальных противоречий в Прибалтике все явственнее проявлялись признаки, характеризующие революционную ситуацию.

6

Начало социалистических революций. Их основные черты и движущие силы

Революционный кризис в Литве, Латвии и Эстонии · Свержение фашистских диктатур и образование народных правительств · Характер, особенности и движущие силы революции 1940 г. в Прибалтике · Стратегия и тактика коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в начальный период революции

1. Революционный кризис в Литве, Латвии и Эстонии. Свержение фашистских диктатур и образование народных правительств

Назревание в странах Прибалтики революционной ситуации, обусловленной всем их внутриполитическим развитием и сложными, вызывающими тревогу за судьбы народов внешнеполитическими событиями, явилось блестящим подтверждением правильности общих и основных положений марксизма-ленинизма об условиях, необходимых для свершения пролетарской революции. В. И. Ленин, давая характеристику основному закону революции, писал: «...для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому,* лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»[1].

Задача компартий трех Прибалтийских стран заключалась в том, чтобы умело применить общие и основные принципы марксизма-ленинизма к тому конкретному своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к социализму, которое складывалось здесь в конце 1939 и начале 1940 г. При этом они должны были строить свою тактику с учетом расстановки классовых сил внутри своих стран и на международной арене, учитывать опыт международного революционного движения.

Рабочие, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция Прибалтики жили в трудных экономических условиях, были политически бесправными. В условиях второй мировой войны их экономическое и политическое положение еще более ухудшилось. Недовольство широких на-

родных масс, прежде всего рабочего класса, своим положением свидетельствовало о том, что трудящиеся не хотят жить по-старому и настойчиво требуют коренных социально-экономических и политических изменений в своих странах.

Классовый, социальный конфликт был главным конфликтом, который обострился в Прибалтике в период 1939—1940 гг., но он был отнюдь не единственным.

В. И. Ленин в свое время указывал, что социалистическая революция может разгореться не только из-за крупных классовых конфликтов и столкновений, но и из-за любого политического кризиса [2]. Революционная ситуация в Прибалтике в 1939—1940 гг. созревала прежде всего как проявление конфликта между необходимостью развития производительных сил и тормозившими это развитие старыми производственными отношениями, как результат обострившейся классовой борьбы трудящихся, и в первую очередь рабочего класса, против буржуазии. Вместе с тем революционная ситуация в значительной мере проявлялась и как общенациональный протест широких народных масс против смертельной опасности вовлечения Прибалтийских стран правящими в них буржуазными кликами в войну на стороне империалистических держав и превращения их в протектораты гитлеровской Германии.

Угроза порабощения Прибалтики Германией и втягивания ее в фарватер империалистической войны со всеми вытекавшими отсюда последствиями была главной опасностью для народов Литвы, Латвии, Эстонии. Решение общенациональных задач спасения этих стран было теснейшим образом связано с социально-классовыми задачами борьбы за свержение буржуазно-фашистских диктатур Сметоны, Ульманиса, Пятса. Необходимым условием решения этих задач являлось установление прочных и дружественных отношений с Советским Союзом — единственной силой, способной действительно гарантировать подлинную свободу и независимость Литвы, Латвии, Эстонии. В свою очередь и социально-классовые задачи пролетариата могли быть осуществлены только при условии недопущения гитлеровской оккупации и выполнения странами Прибалтики пактов о взаимопомощи с СССР.

Органическое, исторически обусловленное соединение борьбы против угрозы гитлеровской оккупации и опасности втягивания Прибалтики в пучину войны с борьбой за свержение фашистского строя приобщало к активной политической деятельности все новые и новые слои пролетариата, трудового крестьянства, городской мелкой буржуазии и демократической интеллигенции, расширяя тем самым социальную базу борьбы за революционное свержение буржуазно-фашистской диктатуры. В этом были заинтересованы не только рабочий класс города и деревни и беднейшие слои крестьянства, но и среднее крестьянство, ремесленники и мелкие торговцы, трудовая интеллигенция, солдатские массы, демократические слои национальных меньшинств, а также дальновидные, патриотически настроенные элементы из других социальных слоев общества. Несмотря на специфические различия, существовавшие между эти-

ми силами, в конкретных условиях второй мировой войны их интересы в главном — в необходимости свержения фашистских диктатур и укреплении безопасности своих стран — совпадали. Коммунистические партии Прибалтики учитывали эту особенность. Они также руководствовались и недавним опытом Испанской республики, где в борьбе против внутренних реакционных сил и пришедшим им на помощь империалистическим государствам, за народную демократическую республику и свободу страны рабочий класс сплотил вокруг себя широкий круг союзников.

Трудящиеся массы Прибалтики больше не хотели жить по-старому, не желали мириться с гнетом военно-полицейского фашистского режима, который лишал их прав и свободы создания политических, профессиональных, экономических и культурных организаций. Они не могли иметь в Литве и Латвии вообще, а в Эстонии в значительной мере своих подлинных представителей в выборных органах государства. Во всех трех странах они были лишены свободы печати.

Но и господствовавшие в Прибалтике буржуазно-фашистские верхи уже не могли больше управлять по-старому.

Установленные после реакционных переворотов в Литве (в 1926 г.), в Эстонии и Латвии (в 1934 г.) фашистские диктатуры Сметоны, Пятса, Ульманиса, выражавшие интересы крупного капитала города и деревни, опирались на военно-полицейский аппарат насилия. Буржуазно-демократические институты были упразднены или сведены до минимума. Буржуазно-демократические партии были отстранены от власти и там, где они сохранились, играли лишь роль мнимой оппозиции. Сами фашистские правительства Литвы и Эстонии пытались укреплять свое положение при помощи псевдовыборов в сейм и Государственную думу.

В условиях кризиса власти вся буржуазия, все буржуазные и мелкобуржуазные партии и течения, хотя между ними сохранялись внутренние распри, пытались объединять свои силы для спасения государства эксплуататоров. Узкоклассовые интересы, боязнь назревших социально-экономических и политических перемен толкали буржуазию на открытое предательство национальных интересов своих народов, на сговор с германским империализмом — извечным врагом литовского, латышского и эстонского народов.

Антинациональная внешняя политика крупной буржуазии Прибалтийских стран и их правительств еще раз подтвердила правильность слов В. И. Ленина о том, что, «когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение труд десятков миллионов рабочих и крестьян, дающей возможность наживаться помещикам и капиталистам,— когда... дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забы-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 69—70.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 255.

вают все свои фразы о любви к отечеству и независимости..., когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»[3].

Буржуазия понимала невозможность управлять далее страной лишь собственными силами и стремилась сохранить господство даже ценой превращения своих стран в протектораты гитлеровской Германии. В этом прежде всего и проявилась неспособность господствующих верхов Прибалтики управлять по-старому. Вместе с тем часть буржуазии в условиях революционного подъема масс также понимала, что и в дальнейшем нельзя управлять и сохранять власть в своих руках при помощи ненавистной народу фашистской диктатуры.

Преступная политика правящей фашистской клики разоблачала в глазах широких масс не только эту клику, но и буржуазию, все ее партии и течения и помогала им в значительной мере освободиться от буржуазно-демократических иллюзий и националистических предрассудков, длительное время усердно насаждавшихся буржуазией. Последняя оказалась неспособной выработать и осуществить программу спасения и дальнейшего развития своих стран. Это неизбежно вело буржуазию ко все большей изоляции от народных масс.

Кризис буржуазного строя проявлялся и во внутренних распрях правящих кругов, и среди различных групп буржуазии.

Глубокий кризис переживала партия таутининков, управлявшая Литвой в течение 13 лет. Вся ее внутренняя и внешняя политика потерпела полный провал. Партия таутининков и ее лидер президент А. Сметона утратили авторитет даже среди значительной части тех сил, которые раньше их поддерживали. А. Сметона стремился укрепить партию, выдвигая к ее руководству молодых деятелей — сторонников германского национал-социализма. С целью укрепления своих позиций 21 ноября 1939 г. он сформировал новое правительство во главе с одним из активных деятелей партии таутининков А. Меркисом. Но это не помогло преодолеть внутреннего кризиса в партии.

А. Сметона не смог устранить конфликт с вольдемаровцами, которые укрепили свои позиции в ряде националистических организаций. В конце мая 1940 г. вольдемаровцы готовили очередной путч с целью захвата власти. Правительство арестовало некоторых сторонников Вольдемараса[4].

Кризис партии таутининков еще больше обострился в результате распрей между А. Сметоной и командующим литовской армией генералом С. Раштикисом. Некоторые представители буржуазных партий стремились заменить Сметону этим энергичным человеком. В начале 1940 г. А. Сметона сместил С. Раштикиса с поста командующего армией. О растерянности, царившей в правящих кругах, свидетельствует то обстоятельство, что новым командующим литовской армией был назначен истинный патриот своей страны генерал В. Виткаускас, как выяснилось впоследствии, не разделявший реакционного курса правительства.

Партии ляудининков и христианских демократов длительное время официально играли роль демократической оппозиции фашистскому режиму таутининков. Однако, включив в марте 1939 г. в состав правительства генерала И. Чернюса, а в ноябре — в правительство таутининка А. Меркиса своих представителей и разделив таким образом ответственность за проводимую ими политику, правые лидеры ляудининков и христианских демократов отказались даже от роли мнимых оппозиционеров. В глазах народа все буржуазные политические партии и течения Литвы полностью себя скомпрометировали.

Особенно явственно внутренний раскол проявился в партии ляудининков. Левые ляудининки выступали против пособничества правых лидеров фашистскому правительству, за создание демократического народного правительства, за союз с коммунистами и дружбу с СССР. Недовольство сотрудничеством с таутининками и отказом от каких-либо социальных реформ нарастало и среди радикальных элементов христианских демократов, в Христианском союзе рабочих. Газета ляудининков «Летувос жиниос» 4 апреля 1940 г. с тревогой призывала провести хоть какие-нибудь реформы: «...Так жить дальше, как мы жили до сих пор, было бы опасно. Нужно обязательно, чтобы была динамика, чтобы был прогресс».

А. Сметона в начале января 1940 г. на съезде правящей партии таутининков ратовал за сплочение всей буржуазии: «Перед лицом лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» мы все стали более близкими друг другу, чувствуя общую опасность» [5]. Но реакционные силы не смогли преодолеть свои групповые интересы в борьбе за власть.

Вызванные войной в Европе трудности лишь еще больше обнажили провал аграрной политики литовской буржуазии. Многие мелкие сельские собственники разорились. Десятки тысяч безземельных крестьян все еще ждали земли.

Генерал С. Раштикис, еще будучи командующим литовской армией, в январе 1940 г. в офицерском журнале «Кардас» («Меч») опубликовал статью, в которой, хотя и в своекорыстных целях, но верно подвел итог двадцатилетнего господства буржуазии. Он признал, что помещики владели сотнями и тысячами гектаров земли, фабриканты и торговцы невиданно быстро разбогатели, а «многие рабочие и особенно крестьяне за двадцатилетие не сумели сделать ни малейшего прогресса в улучшении своего материального положения» [6].

Интересно отметить, что, спустя много лет, в статье, написанной с националистических и антисоветских позиций и напечатанной в США в 1967 г. в литовском эмигрантском журнале «Мятменис», буржуазный историк В. Трумпа также вынужден был признать, что все усилия

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 10.

[4] Центральный государственный архив Литовской ССР (далее — ЦГА ЛитССР), ф. 378, оп. 10, д. 208, с. 5, 7, 8, 12.

[5] «Lietuvos aidas», 8.I.1940.

[6] «Kardas», 1940, Nr. 1, p. 2.

А. Сметоны консолидировать нацию дали совершенно обратные результаты: «Нация и ее руководство, кажется, никогда не были так разъединены и так растеряны, как в условиях кризиса 1939 г. Единства не было даже в кабинете министров и в руководстве армией...» Сама же нация, как сказано далее в статье, к чувствам единства которой апеллировали в течение целых 13 лет господства А. Сметоны, была так расколота, что не один думал, что предпочтительнее,— идти вместе с Советским Союзом или продолжать дальнейшее существование при надоевшей до мозга костей сметоновской диктатуре»[7].

Кризис верхов отчетливо проявлялся и в Латвии. Часть господствующих кругов начинала понимать, что фашистская клика не в силах сохранить свое господство в неизменном виде. Еще в октябре 1939 г. начальник отдела военного министерства Латвии А. Кондратовский писал в армейской газете: «Мы с явным разочарованием смотрим вокруг и вдруг видим, что круг наших приверженцев внезапно сократился»[8].

Наиболее дальновидные представители буржуазии понимали, что для спасения буржуазного строя необходимы хоть какие-то реформы, и требовали от Ульманиса определенного смягчения, либерализации режима. Посланник Латвии в Бельгии — один из ближайших друзей К. Ульманиса и лидеров Крестьянского союза — М. Валтерс в личном письме президенту 27 ноября 1939 г. писал: «Не тебе надо было говорить... снова о том, что создание народного представительства задерживается изза военного времени... Это вызывает огорчение, как каждое слово, которое звучит лживо. Ты видишь, что происходит. Ты видишь, какие угрозы появляются...»[9] В январе 1940 г. М. Валтерс вновь предупреждал К. Ульманиса: «Работа по восстановлению конституционной жизни сейчас необходима больше, чем какая-либо другая... Не отмахивайся, друг, от этого словами, что создать народное представительство во время войны невозможно. С такими разъяснениями, самоуспокоением погибли уже различные режимы...»[10]

Весной 1940 г. группа буржуазных деятелей во главе с военным министром генералом Я. Балодисом и министром путей сообщения Б. Эйнбергом, чтобы опередить революцию, пришла к выводу о необходимости верхушечного переворота. Она решила разработать проект новой конституции и представить его кабинету министров, не ставя заранее об этом в известность К. Ульманиса. Но дворцовый переворот не удался. Ульманис устранил Балодиса и Эйнберга с министерских постов[11].

Верхи Латвии стремились укрепить свое господство и полицейскими мерами. 2 сентября 1939 г. всем начальникам политической полиции было направлено предписание департамента безопасности, в котором говорилось, что «часть наших местных жителей под впечатлением внешних событий проводит деятельность, которая не совпадает с распоряжениями правительства. Следите за всем и докладывайте!»[12]. 14 сентября последовало новое предписание: полиции вменялось в обязанность добиваться, чтобы население воздерживалось от разбора международных событий; «если таковые будут вестись, прекратить их немедленно и на-

чать следствие»[13]. В донесении начальника рижской охранки за сентябрь 1939 г. сообщалось, что, «хотя на большинстве предприятий администрация запретила беседы о политике, тем не менее такие беседы происходят как до, так и после работы и во время обеденного перерыва». Он отмечал, что рабочие открыто высказывают свои симпатии к СССР[14]. 11 октября 1939 г. департамент государственной безопасности вновь потребовал: «Не допускать никаких обсуждений событий. Действовать самым строгим образом»[15].

В период с января 1939 г. по май 1940 г. в Латвии было репрессировано 2506 антифашистов, в том числе в Риге — 1775. При этом общее число подвергшихся репрессиям с сентября 1939 г. по май 1940 г. составило 1625 человек[16].

Однако реакционные круги Латвии не могли справиться с политической активностью масс, которая возрастала, предвещая тяжкие дни для фашистского режима.

Президент Эстонии К. Пятс после заключения пакта с СССР распустил старое правительство, возглавляемое реакционером К. Ээнпалу, скомпрометировавшим себя откровенной антисоветской политикой и репрессиями против трудящихся. Новое правительство возглавил более изворотливый буржуазный политик Ю. Улуотс. В состав правительства был включен один из деятелей так называемой либерально-демократической оппозиции. Ю. Улуотс в Государственной думе демагогически обещал привлечь все общественные силы к управлению государством, туманно намекая на возможности социальных реформ[17]. В свою очередь руководство распущенных после фашистского переворота партий центра и объединения новопоселенцев, игравших несколько лет роль мнимой буржуазно-демократической оппозиции пятсовской диктатуре, теперь вместе с пятсовцами и вапсами выступили в защиту буржуазной государственности[18].

Все эти псевдодемократические и реформистские маневры части буржуазии Прибалтики, ее стремление заменить ненавистных диктаторов другими буржуазными деятелями не могли обмануть массы и существенно изменить положение. Но они свидетельствовали о растерян-

---

7 «Metmenys», 1967, Nr. 14, p. 32.
8 «Latvijas Kareivis», 1939, № 230.
9 *Valters M.* Mana sarakste ar K. Ulmani un V. Munteru. Printed in Sweden, 1957, 90.lpp.
10 Там же, с. 129.
11 *Дризул А.* Латвия под игом фашизма. Рига, 1960, с. 328.
12 Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (далее — ЦГИА ЛатвССР), ф. 3235, оп. 1/6, д. 683, л. 128.
13 Там же, л. 131.
14 ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1/6, д. 354, л. 208.
15 Там же, оп. 1/1, д. 884, л. 17.
16 *Дризул А.* Указ. соч. с. 318—319.
17 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2. Таллин, 1963, с. 375; История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней). Изд. 2-е. Таллин, 1958, с. 587.
18 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, lk. 121—122.

ности в верхах, о понимании ими кризиса своего господства, о лихорадочном поиске каких-то средств к его спасению.

Важным условием успешного развития революционного процесса в Прибалтике был полный крах запрещенных фашистскими режимами правосоциалистических партий. В решающий для судеб своих народов период их лидеры вновь продемонстрировали свое нежелание и неспособность призвать трудящихся к борьбе за социальный прогресс. Единственная сохранившаяся в Прибалтике легальная правая социалистическая группировка в Эстонии, а также правые лидеры бывших социал-демократических партий Литвы и Латвии в период советско-финляндского вооруженного конфликта встали на позиции финской реакционной военщины и вновь открыто продемонстрировали свою ненависть к стране социализма, свои симпатии к силам реакции и империализма. Влияние коммунистических партий было господствующим среди рабочего класса.

В. И. Ленин указывал, что успех революционных действий пролетариата зависит прежде всего от того, действительно ли такие действия вполне созрели, чтобы все враждебные пролетариату силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, чтобы все колеблющиеся, шаткие, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия, достаточно разоблачили себя, как и буржуазия в целом, перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы в пролетариате началось и стало могуче подниматься настроение в пользу поддержки самых решительных, смелых революционных действий против буржуазии [19]. Те или иные из этих условий, от которых зависел успех революционных действий, в той или иной мере наблюдались в трех странах Прибалтики и раньше. С осени 1939 г. они проявились все вместе и усиливались с каждым месяцем, воздействуя друг на друга.

Объективные социально-экономические и политические условия для социалистической революции в Прибалтике созревали постепенно, но неотвратимо. Революцию в Прибалтику никто не «экспортировал», сколько бы ни твердили о таком экспорте идеологи империализма. В. И. Ленин писал, что имеются люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению; такие люди — либо безумцы, либо провокаторы: революций нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, они вырастают тогда, когда массы приходят к выводу, что жить так дальше нельзя [20]. Несомненно, пакты о взаимопомощи между СССР и Эстонией, Латвией и Литвой оказали стимулирующее воздействие на подъем революционной борьбы в Прибалтийских странах, создали для этого благоприятную внешнеполитическую обстановку. Но определяющими в развитии революционного процесса были внутренние факторы — нежелание трудящихся жить по-старому.

Революция развивается не из всякой революционной ситуации, она происходит лишь тогда, когда к объективным условиям присоединяются субъективные предпосылки революции. Суть субъективного фактора

В. И. Ленин определил как «способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»[21].

В условиях общенационального кризиса в странах Прибалтики коммунистические партии были единственной сплоченной и организованной политической силой, которая решительно выступала за ликвидацию прогнивших диктатур и за осуществление назревших коренных изменений. Партии имели ясную программу социального и национального спасения и обновления своих стран. В своих программных документах, принятых в конце 1939 г. и в первой половине 1940 г., коммунистические партии заявляли, что новые задачи невозможно осуществить в рамках старого буржуазно-демократического строя, существовавшего до фашистских переворотов. Страны Прибалтики можно вывести из катастрофического положения, в котором они оказались в результате антинациональной политики фашистских правительств, лишь путем замены буржуазно-фашистского строя народной демократической республикой.

Так, КП Латвии заявила, что, выдвигая требование о народной демократической республике и направляя борьбу масс на ее завоевание, она не помышляет о восстановлении такой демократии, какая существовала в Латвии до 1934 г. и какую похоронил ее собственный выкормыш — фашизм. «Буржуазная демократия со старым сеймом похоронена навечно. Не может быть и речи о том, чтобы починить старую демократию. Теперь нужно бороться за полное преобразование демократии, причем не конституционным, а революционным путем»[22]. В статье, напечатанной в газете Рижского комитета КП Латвии «За единство», говорилось, что народная демократическая республика, которая придет на смену фашистской диктатуре, не будет похожа на лжедемократию, которая существовала раньше в Латвии[23].

В одобренном апрельской конференцией КП Эстонии 1940 г. воззвании «Ко всему эстонскому народу» также было сказано, что Коммунистическая партия «борется не за буржуазную демократию, а за подлинную демократию, при которой трудящиеся сами смогут решать, как устраивать свою жизнь... Нам не нужна такая демократия, при которой буржуазия, владея всеми экономическими, политическими и культурными средствами власти, осуществляет свою диктатуру над трудящимися. Нашей целью является такая демократия, при которой будет сломлена экономическая и политическая власть крупной буржуазии и весь трудовой народ — рабочие, трудовое крестьянство, ремесленники, живущая за счет своего труда интеллигенция — сможет свободно решать вопрос об организации своей жизни. Это означает свержение реакционного пра-

---

[19] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 79.

[20] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 457.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

[22] «Cīņa», 1940, № 2.

[23] «За единство», 1939, № 12.

вительства Пятса-Лайдонера-Улуотса и замену его подлинно народным правительством»[24].

В документах КП Латвии, Эстонии, Литвы были сформулированы важнейшие задачи народных демократических правительств, которые придут на смену буржуазно-фашистским правительствам. Новые правительства должны будут обеспечить строгое выполнение пактов о взаимопомощи с Советским Союзом, всемерно развивать самые тесные политические, экономические, военные и культурные связи с СССР и на этой основе — укреплять мир и безопасность в Восточной Европе, свободу и независимость своих стран. Во внутренней политике задача народных правительств заключалась в коренном преобразовании социального и экономического строя путем ликвидации всех фашистских и других реакционных партий и организаций, полного искоренения любых проявлений фашизма и возможностей его возрождения, чистки государственного аппарата от враждебных народу элементов и конфискации имущества врагов народа; осуществления подлинной демократии путем демократизации государственного, административного и судебного аппарата, создания народной армии и народной милиции, обеспечения прав национальных меньшинств. Далее народные демократические правительства должны были ликвидировать капиталистические монополии, национализировать банки и установить государственный контроль над крупными промышленными предприятиями, обеспечить проведение аграрной реформы, значительно улучшить условия жизни рабочих, трудящихся крестьян, ремесленников, служащих, трудовой интеллигенции.

Претворение в жизнь этих программных задач, изложенных 27 января 1940 г. в статье газеты «Циня» «За демократическую Латвию»[25], в материалах апрельской конференции КП Эстонии 1940 г.[26], в статьях газеты «Тиеса» в феврале — марте 1940 г.[27], должно было вывести Латвию, Литву, Эстонию на путь новой жизни и раскрыть перед ними перспективу небывалого подъема экономики и культуры, обеспечения всестороннего социального и национального развития. Таким образом, выдвинутым коммунистическими партиями Прибалтики лозунгам борьбы за антифашистское народное правительство в условиях 1940 г. был уже присущ не только антифашистский, но и антикапиталистический характер.

Весь ход двадцатилетнего развития Прибалтийских стран по капиталистическому пути закономерно вел их к социалистической революции как единственному выходу и спасению от грозящей национальной катастрофы.

На ход поступательного революционного процесса оказывала свое влияние не только расстановка классовых и политических сил в самих республиках Прибалтики, но и в не меньшей степени исторически сложившаяся расстановка сил капитализма и социализма в Восточной Европе, которая была в пользу последнего.

Готовность масс подняться на борьбу за революционные преобразования в своих странах обусловливалась и объективными потребностями

стран Прибалтики. К тому же действия СССР по укреплению безопасности Литвы, Латвии, Эстонии способствовали росту авторитета идей социализма в народных массах. При этом коммунистические партии учитывали, что буржуазия Прибалтики в то время не могла получить помощь от империалистических держав Запада. Орган КП Эстонии «Коммунист» указывал: «В борьбе против трудящихся на помощь диктатуре Пятса-Лайдонера-Улуотса не придут английские танки, германские штыки и финские ножи, как это было 20 лет назад»[28].

В ходе неустанной борьбы против капитализма и фашизма в Прибалтийских странах сложились серьезные революционные, антифашистские силы, способные на решительные действия. Коммунистические партии этих стран проделали огромную работу по подготовке политической армии революции и возглавили ее борьбу за свержение власти буржуазии, за победу социалистической революции.

Следует подчеркнуть, что политические призывы коммунистических партий находили все бóльшую поддержку не только в рабочем классе, но и среди широких слоев демократической интеллигенции и национальных меньшинств.

Трудовое крестьянство все отчетливее понимало, что только новое, подлинное демократическое устройство государства обеспечит осуществление его политических и экономических интересов. В ходе революционного кризиса укреплялся союз рабочего класса и трудового крестьянства — основных сил, способных свергнуть фашистские режимы и завоевать власть народа.

Угроза германской оккупации и ликвидации национальной государственности и культуры, понимание исторической роли Советского Союза в обеспечении безопасности Латвии, Литвы и Эстонии привели на позиции борьбы за свержение фашистской диктатуры новые многочисленные группы интеллигенции. Трудящиеся национальных меньшинств — русские, евреи, поляки, белорусы, которые всегда рассматривались компартиями как союзники в борьбе за социализм, видели в политике компартий Прибалтики и Советского Союза гарантию своего спасения от уничтожения гитлеровской Германией и обеспечения своих социальных и национальных прав.

В Литве, Латвии, Эстонии все больше нарастало внутриполитическое напряжение, усиливавшееся в связи с ростом социально-экономических трудностей, нарастающей опасностью германского вторжения. Все яснее обозначались два противоположных лагеря. В умонастроениях широких масс преобладающим становилось понимание необходимости коренных изменений и активных действий по их осуществлению. Любой серьезный внутриполитический или внешнеполитический конфликт мог

---

24 «Kommunist», 1940, № 1.

25 «Cīņa», 1940, № 2.

26 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 390.

27 «Tiesa», 1940, Nr. 2, 3.

28 История Эстонской ССР, с. 587—588.

вызвать взрыв — выступление трудящихся масс в защиту своих социальных и национальных прав и интересов. Успех революционных действий масс в решающей мере зависел от правильного выбора момента для организации выступлений.

Учитывая конкретно сложившуюся обстановку, ЦК КП Латвии в своем решении от 3 марта 1940 г.[29], апрельская конференция КП Эстонии 1940 г.[30], ЦК КП Литвы в ряде воззваний, изданных в апреле — мае 1940 г.[31], призвали трудящихся Прибалтики усилить борьбу за революционное свержение фашистских правительств, проводивших все более провокационную политику в отношении Советского Союза. Такая политика была особенно опасна в условиях, когда Германия весной 1940 г. захватила Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург и, наконец, разгромила Францию. 14 июня 1940 г. пал Париж. Возникла опасность агрессии гитлеровской Германии против СССР. В связи с этим страны Прибалтики могли быть использованы фашистским рейхом в качестве плацдарма для нападения.

В мае 1940 г. Гитлер в присутствии своих приближенных заявил: «Все балтийские государства должны быть включены в состав рейха»[32]. Латвийский посланник в Берлине Криевиньш сообщал в Ригу в конце мая 1940 г., что в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых Прибалтийские государства были включены в состав Германии[33].

Гитлер первоначально планировал нападение на СССР осенью 1940 г. В качестве составной части «плана Барбаросса» — плана гитлеровского наступления на СССР — предусматривалось, что северная группа германских войск, сосредоточенная в Восточной Пруссии, должна будет прежде всего захватить Прибалтику[34].

В опасной и сложной международной обстановке тех дней Советское правительство бдительно стояло на страже мира и безопасности СССР и Прибалтики. Оно внимательно следило за тайными происками противников пактов о взаимопомощи, видело, что провокационная деятельность правительств Прибалтийских стран является серьезной опасностью для Советского государства и противоречит интересам народов Прибалтики.

Советское правительство неоднократно предупреждало правительства Прибалтийских стран о том, что нарушение пактов о взаимопомощи и враждебные нападки на Советский Союз не могут быть терпимы далее. Таким предупреждением в адрес Эстонии была, например, напечатанная в «Правде» 28 мая 1940 г. статья, в которой разоблачались провокаторы войны. Однако правящие круги Прибалтийских стран не вняли трезвому голосу Советского Союза. Так, фашистское правительство Пятса — Улуотса в Эстонии весной 1940 г. продолжало широкую пропагандистскую кампанию против СССР. Одновременно принимались меры военно-технического характера. 14 июня был издан указ о создании во всех уездах и городах Эстонии фонда самозащиты для вооружения фашистских отрядов. 15 июня в Таллине при участии политических деятелей Латвии

и Литвы началась так называемая «Балтийская неделя», которая должна была продемонстрировать единство антисоветских сил Прибалтийских государств.

Еще в январе 1940 г. «Циня» указывала, что правящие круги Латвии, как настоящие авантюристы, пытаются восстанавливать население против Советского Союза и Красной Армии, жестоко преследуют истинных друзей СССР. «Мы обвиняем ульманисовскую клику фашистской диктатуры в подготовке омерзительных провокаций против СССР, в подготовке авантюры против латышского народа» [35].

9 апреля 1940 г. кабинет министров Латвии принял решение о расширении Совета государственной обороны. 30 апреля кабинет министров утвердил закон о защите государства. В тот же день Ульманис подписал закон об обеспечении семей военнослужащих в военное время. Правительство и военное командование Латвии прилагали все новые усилия к расширению связей штаба своей армии со штабами армий Литвы и Эстонии. При содействии латвийских властей через Латвию шпионы и диверсанты империалистических разведок направлялись в Советский Союз [36].

ЦК КП Литвы 10 апреля 1940 г. обратился с воззванием к трудящимся, в котором разоблачалась предательская политика правящих кругов: «Товарищи! И в Литве пахнет войной. Буржуазия Литвы всеми силами стремится избавиться от договора о взаимопомощи с Советским Союзом и превратить Литву... в плацдарм войны против СССР, продать независимость Литвы. Правительство Меркиса организует кампанию клеветы против СССР и Красной Армии» [37].

Провокации праьящих кругов Литвы против СССР, против его военных гарнизонов зашли так далеко, что в Литве начали похищать и убивать советских военнослужащих. У них стремились выведать секретные сведения о состоянии и вооружении частей Красной Армии [38]. Командующий литовской армией генерал В. Виткаускас в своих воспоминаниях писал, что «нити провокаций вели к буржуазным органам безопасности и ко II отделу штаба армии» [39]. На службе германской разведки в то время находились начальник III отдела штаба литовской армии полковник Шова, начальник Вильнюсского округа жвальгибы

---

[29] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 421.

[30] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 390.

[31] Lietuvos Komunistu partijos atsisaukimai, t. 4. Vilnius, 1963, dok. Nr. 278, 280, 281, 282, 284.

[32] Вторая мировая война, кн. 1. Общие проблемы. М., 1966, с. 302.

[33] *Сиполс В.* Тайная дипломатия. Рига, 1968, с. 336.

[34] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов, т. 1. М., 1957, с. 473.

[35] «Cīņa», 1940, № 1.

[36] *Дризул А.* Указ. соч., с. 290—295.

[37] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 446.

[38] «Известия», 1940, 30 мая; Lietuvos TSR istorijos šaltiniaiš, t. 4, p. 764—765.

[39] «Švyturys», 1958, Nr. 6, p. 16.

С. Ченкус. При помощи начальника жвальгибы А. Повилайтиса и С. Ченкуса германская разведка забрасывала через территорию Литвы своих агентов в Советский Союз [40]. Для получения информации о дислокации и передвижении советских войск в Литве в Каунас неоднократно приезжал ответственный работник германского гестапо Грефе [41].

В связи с исчезновением советских военнослужащих в Литве Народный комиссариат иностранных дел СССР от имени правительства Советского Союза 25 мая 1940 г. сделал заявление правительству Литвы [42]. 29 мая 1940 г. ТАСС опубликовал соответствующее сообщение [43]. Советское правительство потребовало от правительства Литвы принять меры к немедленному розыску советских военнослужащих. Оно заявило правительству Литвы резкий протест, указав, что провокации против частей Красной Армии совершались с ведома и под покровительством государственных органов Литвы и потребовало положить конец таким действиям. Правительство СССР квалифицировало их как провокационные в отношении Советского Союза и заявило, что «это может иметь серьезные последствия». Правительство Литвы не приняло всех необходимых мер, чтобы найти советских воинов.

31 мая 1940 г. ЦК КП Литвы в своем обращении к трудящимся сообщил о провокациях Литовского правительства по отношению к Советскому Союзу, благодаря которому Литва избежала войны, разрушившей многие города и деревни Польши, Бельгии, Голландии, Норвегии и Франции. «Не ясно ли,— говорилось в обращении,— что эти провокации против СССР являются также провокациями против Литвы, против нашего народа!» КП Литвы призывала: «Мы зовем всех на борьбу за последовательное выполнение договора о взаимопомощи с СССР, за все более тесные связи с Советским Союзом. Только от этого зависит будущее Литвы».

Учитывая соотношение классовых сил внутри страны, полную изоляцию реакционного правительства от широких народных масс, занятость империалистов войной между собой, присутствие гарнизонов СССР на территории Литвы и стремясь предотвратить гражданскую войну, Коммунистическая партия в своих воззваниях от 31 мая и 3 июня 1940 г. призвала рабочих и крестьян, население страны требовать отставки правительства А. Меркиса, виновного в провокациях против СССР, а также очистить государственный аппарат и армию от агентов империализма, амнистировать политзаключенных-антифашистов, последовательно выполнять договор о взаимопомощи с СССР [44]. Эти требования выражали широкое общественное мнение Литвы.

Латвийский посланник в Литве Сея, отметив многочисленные антиправительственные выступления в стране, писал в своем донесении в Ригу в июне 1940 г. о трудном положении президента Сметоны и фактическом падении, даже полном крушении его авторитета. «Он держится лишь на полиции и армии». «Принимая это во внимание,— говорилось далее в донесении,— приходится считаться с тем, что Сметона в полном отчаянии может пойти на такой шаг, как полное подчинение Литвы Гер-

мании... Насколько я знаю президента, для него сохранение своей власти важнее, чем судьба Литвы» [45].

Трудящиеся Прибалтики продолжали выступать против фашистских правительств и их политики.

В Литве весной 1940 г. бастовали рабочие в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе, Рокишкисе, в том числе 1 тыс. рабочих на мясокомбинате «Майстас» и 300 человек — на заводе «Металас» в Каунасе. В Вильнюсе состоялись забастовки рабочих хлебопекарен, строителей, тех, кто был занят на общественных работах. 6—11 июня происходила забастовка 500 строительных рабочих в Гайжунай, которые требовали ухода правительства в отставку. Полиция арестовала 158 человек [46].

Политическая обстановка в Эстонии к весне 1940 г. настолько обострилась, что буржуазные деятели даже с парламентской трибуны вынуждены были признать, что в общественных местах ощущается «скрытая враждебность людей ко всему, что связано с государственной властью и управлением» [47]. Во время состоявшейся 19 мая 1940 г. VIII Всеэстонской конференции представителей старост, профсоюзов и рабочей палаты и выборов 15 июня 1940 г. нового правления таллинских больничных касс левые силы одержали явную победу [48]. В состав правления больничных касс были избраны известные революционные рабочие деятели А. Пирсон (председатель правления), Г. Тоомпуу (заместитель председателя), А. Рейнсон, Э. Кадакас, Э. Лепп, Н. Тиханова (Веймер) [49].

С каждым месяцем усиливалось недовольство рабочих и трудовых крестьянских масс Эстонии ухудшением своего экономического положения. В многочисленных обращениях к правительству из всех городов и уездов рабочие и крестьяне требовали ликвидации безработицы, уменьшения налогов, справедливого их распределения с учетом фактических доходов отдельных слоев населения. Заметно активизировала антифашистскую деятельность прогрессивная интеллигенция Таллина и Тарту. Укреплялись ее связи с рабочим классом.

Весной 1940 г. произошел ряд забастовок на лесо- и торфоразработках в Латвии. Рабочие бросали работы и возвращались в Ригу и другие города. Значительное число городских рабочих, возмущенных кабальными условиями найма и принудительного труда, в знак протеста отказались отправляться на эти работы.

---

40 Hitlerininkų penktoji kolona Lietuvoje. Vilnius, 1961, p. 27.

41 *Kancevičius V.* 1940 metų birželis Lietuvoje. Vilnius, 1973, p. 34, 46; Институт истории партии при ЦК КП Литвы. Сборник документов № 319, с. 63.

42 Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4. Vilnius, 1961, p. 765.

43 «Известия», 1940, 30 мая; Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 765.

44 Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, dok. Nr. 284, 285.

45 История внешней политики СССР, ч. 1. М., 1966, с. 362.

46 ЦГА ЛитССР, ф. 378, оп. 10, д. 225, л. 148, 330, 350, 450; д. 578, л. 37—41.

47 Riigivolikogu stenograafilised aruanded, I koosseis, V ja VI istungjark, 1939/1940. Tallinn, 1940, lk. 939.

48 «Päevaleht», 20.V.1940.

49 «Uus Eesti», 17.VI.1940.

Несмотря на массовые аресты антифашистов, к 1 Мая 1940 г. в Латвии были широко распространены коммунистические воззвания. На многих предприятиях Риги, Лиепаи, Даугавпилса в этот день состоялись летучие забастовки и митинги рабочих.

В обобщающей информации латвийской охранки от 1 июня 1940 г. отмечалось, что «в целом настроение рабочих неважное, среди них царит большое недовольство и они открыто стали презирать существующий государственный строй Латвии... В мае 1940 г. настроение рабочих стало еще левее...» Охранка докладывала, что рабочие симпатизируют Коммунистической партии и Советскому Союзу, что они уверены в неизбежности скорой революции [50]. В результате состоявшейся 30 апреля 1940 г. беседы с министром общественных дел Латвии А. Берзинем посланник США в Риге Уайли писал своему правительству, что в Латвии резко возросла антиправительственная деятельность левых сил [51].

В условиях военных успехов Германии на западе и возможности германского наступления на востоке против СССР антисоветские и антинациональные действия правящих реакционных кругов Литвы, Латвии и Эстонии означали, что Прибалтийские страны могут быть втянуты своими фашистскими правительствами в авантюристическую войну гитлеровской Германии против СССР. Это представляло огромную опасность как для народов Прибалтики, так и для безопасности СССР. Убедившись, что правящие круги Литвы, Латвии и Эстонии преднамеренно нарушают договоры о взаимопомощи с СССР, правительство Советского Союза в середине июня 1940 г. поставило вопрос об удалении из состава правительств этих стран лиц, препятствовавших добросовестному проведению в жизнь договоров о взаимопомощи. Одновременно правительство СССР подняло вопрос об увеличении численности советских гарнизонов, находившихся в Прибалтийских странах, что было продиктовано резким усилением опасности со стороны Германии [52].

7—11 июня 1940 г. в Москве проходили советско-литовские переговоры, в которых участвовали глава литовского правительства А. Меркис и министр иностранных дел Ю. Урбшис. Правительство СССР, отметив дружественную по отношению к Литве политику, постоянно проводившуюся Советским Союзом, выразило неудовольствие провокациями и нарушениями договора со стороны литовских властей. Оно заявило, что считает ответственными за антисоветские провокации министра внутренних дел Литвы К. Скучаса и начальника департамента государственной безопасности А. Повилайтиса и ожидает от правительства Литвы принятия соответствующих мер.

14 июня 1940 г. правительство СССР вручило правительству Литвы ноту, в которой показало антисоветский характер политики литовских властей по отношению к СССР и систематическое, преднамеренное и грубое нарушение ими советско-литовского договора о взаимопомощи [53]. Такая провокационная политика государственных органов Литвы затрудняла Красной Армии выполнение стоящих перед ней задач по совместной обороне Прибалтики. Стремясь обеспечить безопас-

ность Советского Союза и Прибалтики, правительство СССР поставило вопрос о необходимости произвести изменения в составе правительства Литвы с тем, чтобы это правительство было способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь пакта о взаимопомощи. В связи с возросшей опасностью германской агрессии Советское правительство выдвинуло также предложение о размещении на территории Литвы дополнительных советских воинских частей.

В ночь на 15 июня состоялось заседание кабинета министров Литвы под председательством президента А. Сметоны. Как вспоминает бывший командующий литовской армией генерал В. Виткаускас, он, Виткаускас, заявил, что учитывая настроения населения, которые тождественны с настроениями в армии, следует согласиться с советскими предложениями [54]. Правительство Литвы после длительных споров большинством голосов решило принять советские предложения. Генерал В. Виткаускас отдал приказ командирам дивизий придерживаться в отношении Красной Армии правил вежливости и дружбы, «принять все необходимые меры, чтобы армия Советского Союза была ограждена от любых выпадов... Везде, где подобает, напоминать, что мы смотрим на армию Советского Союза как на дружественную армию...» [55]

Коммунистическая партия, местные партийные организации, коммунисты, антифашисты призвали трудящихся выйти на улицы и по-братски встретить части Красной Армии, демонстрируя тем самым свою поддержку СССР и свое требование создания нового, подлинно народного правительства.

Когда 15 июня 1940 г. в Литву стали прибывать дополнительные части советских войск, их повсюду приветливо и дружелюбно встречали трудящиеся Литвы. По призыву Каунасского уездного комитета Компартии Литвы десятки тысяч трудящихся Каунаса вышли на демонстрацию с цветами, красными лентами и лозунгами, с энтузиазмом приветствуя советских воинов — своих защитников и искренних друзей [56]. Такие демонстрации состоялись также в Алитусе, Расейняй, Вилкавишкисе.

Выход десятков тысяч рабочих на улицы и массовая дружественная встреча частей Красной Армии стали яркой демонстрацией решимости рабочего класса Литвы коренным образом изменить положение в стране.

Видя подлинное соотношение сил и напуганный ненавистью масс к буржуазно-фашистскому строю, А. Сметона 15 июня бежал из Каунa-

---

[50] ЦГИА ЛатвССР, ф. 3235, оп. 1/22, д. 523, л. 19—20, 48—50, 64, 72—74; д. 848, л. 37; оп. 1/7, д. 625, л. 201.

[51] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1940, vol. 1. Washington, 1959, p. 362.

[52] История внешней политики СССР, ч. 1, с. 363.

[53] «Известия», 1940, 15 июня.

[54] «Švyturys», 1958, Nr. 6, p. 17.

[55] Lietuvos TSR istorijos šaltiniai», t. 4, p. 772—773.

[56] «Liaudies balsas», 18—19.VI.1940.

са и тайком перебрался в Германию. Свои полномочия он передал А. Меркису [57]. В тот же день в Германию бежали министр обороны генерал К. Мустейкис и другие крупные чиновники.

ЦК КП Литвы в изданном им 15 июня 1940 г. воззвании «Конец антисоветским провокациям» оповестил рабочих и крестьян, всех трудящихся Литвы о том, что положен конец антисоветским провокациям реакционных сил Литвы и империалистов и обеспечена защита независимости Литвы. ЦК КП Литвы указал, что новое правительство, которое будет создано, должно на деле обеспечить выполнение пакта с СССР и защищать интересы народа: вернуть демократические права, освободить из тюрем и концлагерей всех политических заключенных-антифашистов, арестовать агентов империалистических держав, легализовать Коммунистическую партию — единственную партию Литвы, последовательно защищающую интересы народа, а также профсоюзы, и запретить партию таутининков [58]. Воззвание было напечатано в легальной типографии массовым тиражом и 15—16 июня распространено по всей Литве.

16 июня, в воскресенье, по призыву коммунистов в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе и в других местах происходили массовые демонстрации и митинги трудящихся. В Каунасе и Вильнюсе тысячи людей радостно встречали воинов Красной Армии. В Каунасе у тюрьмы состоялась демонстрация с требованием освободить политзаключенных-антифашистов. В Паневежисе демонстранты штурмом взяли тюрьму и освободили политзаключенных. Повсюду трудящиеся требовали создания демократического народного правительства. Реакционные офицеры 9-го пехотного полка, дислоцированного в пограничном городе Мариямполе, по указанию А. Сметоны и генерала К. Мустейкиса пытались увести полк в Германию, но по приказу командующего армией генерала В. Виткаускаса полк был возвращен в Мариямполе. Полицейские органы еще пытались помешать народу демонстрировать свою волю, арестовывать коммунистов и других рабочих активистов. Но фактическим хозяином положения уже становился трудовой народ, возглавляемый Компартией. Учитывая конкретную внутреннюю и международную обстановку, ЦК КП Литвы решил придать движению за смещение буржуазно-фашистского правительства и создание народного правительства мирный характер. ЦК призвал трудящихся бдительно следить и пресекать всякого рода провокации со стороны реакции, соблюдать спокойствие, охранять предприятия.

Деятельность правительства А. Меркиса была парализована, буржуазный государственный аппарат дезориентирован, армия фактически перешла на сторону народа. 17 июня 1940 г. в правительственной печати Литвы было опубликовано официальное заявление от 16 июня о том, что в создавшихся условиях правительство расценивает выезд А. Сметоны за границу как отставку с поста президента и что обязанности президента (согласно параграфу 72 конституции) исполняет председатель кабинета министров А. Меркис [59]. В тот же день 16 июня командую-

щий армией генерал В. Виткаускас был назначен А. Меркисом министром обороны Литвы [60].

17 июня 1940 г. исполняющий обязанности президента А. Меркис утвердил состав нового правительства во главе с Юстасом Палецкисом — видным антифашистским деятелем Литвы. После последовавшей в тот же день отставки А. Меркиса Ю. Палецкис как глава правительства стал исполнять также функции президента. Формирование нового правительства, получившего название Народного правительства, проходило при непосредственном участии ЦК КП Литвы.

Действия СССР в защиту интересов народов Прибалтики, революционные выступления рабочих, падение буржуазно-фашистского правительства и создание Народного правительства в Литве стали стимулирующим толчком для мощных выступлений рабочего класса Латвии и Эстонии.

16 июня 1940 г. правительство Советского Союза, руководствуясь теми же соображениями, которые нашли выражение в ноте, переданной 14 июня правительству Литвы, направило аналогичные ноты правительствам Латвии и Эстонии.

В Риге предложения СССР были в тот же день, 16 июня, обсуждены на заседании кабинета министров Латвии и приняты. После этого кабинет министров заявил об отставке, но президент К. Ульманис попросил министров временно остаться на своих постах. Военное министерство в специальном письме информировало командный состав латвийской армии о решении правительства согласиться на размещение в Латвии дополнительных контингентов советских войск. В письме было сказано: «Под влиянием развития военных событий в Европе Советский Союз признал необходимым расширить пакт о взаимопомощи с целью сохранения мира на восточном берегу Балтийского моря и в Восточной Европе вообще». Далее следовали конкретные указания командирам о встрече и размещении советских воинских подразделений [61].

Предполагая, что трудящиеся массы Латвии встретят части Красной Армии как своих подлинных друзей, министр внутренних дел Латвии еще 16 июня 1940 г. на специальном совещании высшего начальства полиции поставил задачу: не допустить демонстраций, ибо это, мол, будет препятствовать «поддержанию порядка» [62]. Однако, несмотря на полицейские меры, встреча новых воинских частей Красной Армии, которые начали прибывать на территорию Латвии 17 июня, вылилась в массовое проявление народом дружеских чувств к СССР и ненависти к фашистскому правительству Ульманиса.

---

[57] Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 773.

[58] Lietuvos Komunistu partijos atsišaukimai, t. 4, p. 458—460.

[59] Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4, p. 775.

[60] Там же.

[61] *Сиполс В.* Указ. соч., с. 339.

[62] Партийный архив Института истории партии (далее — ПА ИИП) при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 35, л. 5.

К 15—16 часам дня 17 июня в центре Риги для встречи советских воинов собрались тысячи трудящихся. Даже английский посланник Орд был вынужден в телеграмме в Лондон от 18 июня отметить, что «значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами» [63]. Власти вызвали резерв конной полиции. Полицейские пустили в ход дубинки, стреляли по безоружным людям. Трудящиеся бросали в полицейских камни. Чтобы разогнать демонстрантов, были вызваны воинские подразделения [64]. Всего 17 июня 1940 г. в Риге было ранено и доставлено в больницу 29 человек; двое из них вскоре скончались. Министр внутренних дел Латвии вечером 17 июня заявил для печати, что впредь против демонстрантов со стороны органов безопасности будут приняты самые решительные меры. Рига была объявлена на осадном положении. Задержание и избиение трудящихся продолжались 18 и 19 июня [65].

Однако, хотя подразделения айзсаргов и полиция усиленно патрулировали улицы города и производили массовые аресты, революционный дух рабочих столицы Латвии был очень высок. Революционный подъем охватил и другие города Латвии.

17 июня под руководством Латгальского областного комитета КП Латвии состоялась крупная антифашистская демонстрация в Даугавпилсе. Уже утром был распространен призыв областного комитета КП Латвии об организованной встрече частей Красной Армии. Рабочие, ремесленники и учащаяся молодежь Даугавпилса радостно приветствовали вступающих в город советских воинов. У моста через р. Даугаву состоялся митинг, в котором участвовали тысячи людей. Полиция не осмелилась помешать трудящимся демонстрировать свою волю [66].

Совещание актива рабочих лиепайского судоремонтного завода «Тосмаре», на котором действовало 5 коммунистических ячеек, 18 июня по призыву Лиепайского горкома и Леяскурземского обкома КП Латвии решило 19 июня вывести весь коллектив предприятия на демонстрацию. Рабочие завода несли красные знамена. Колонна демонстрантов с пением «Интернационала» направилась в город. Они отказались выполнить требование вооруженных полицейских о прекращении демонстрации. Фашисты не решились открыть огонь, поскольку население Лиепаи поддержало демонстрантов и присоединилось к ним. Демонстрация тосмарцев переросла в общегородское политическое выступление трудящихся Лиепаи. На Анненской рыночной площади состоялся массовый митинг; рабочие скандировали: «Да здравствует демократическое народное правительство!», «Долой диктатуру фашизма!», «Да здравствует КП Латвии!»

20 июня по призыву Лиепайского горкома КП Латвии в Лиепае состоялась забастовка и демонстрация, в которой участвовало более 10 тыс. человек. Демонстранты заняли важнейшие учреждения города и на митинге, состоявшемся на Вецлиепайской площади, потребовали ликвидации фашистской диктатуры [67]. Эта демонстрация полностью парализовала власть буржуазии в Лиепае. Фактическими хозяевами по-

ложения в городе стали трудящиеся массы во главе с городским комитетом КП Латвии.

19 июня фашистское правительство Ульманиса ввело осадное положение по всей Латвии. Оно еще пыталось подавить все расширяющееся и усиливающееся революционное движение масс. Производились обыски и аресты. Но правящая буржуазно-фашистская клика уже не в состоянии была справиться с создавшимся положением.

Революционные выступления широких масс, которыми руководили Временный оргкомитет КП Латвии, областные и городские комитеты партии, коммунисты, предопределили смещение реакционного правительства Ульманиса и создание нового, народного правительства. В условиях огромного революционного подъема, массовых выступлений трудящихся и под их давлением К. Ульманис вечером 20 июня был вынужден утвердить новое, Народное правительство Латвии во главе с прогрессивным общественным деятелем профессором Августом Кирхенштейном.

21 июня 1940 г. в Риге, Даугавпилсе и других городах состоялись мощные, массовые демонстрации и митинги, в которых ярко проявилась революционная активность трудящихся.

Демонстрация 21 июня в Риге, в которой участвовало около 70 тыс. человек, была подготовлена и проведена по решению, принятому Временным оргкомитетом КП Латвии с участием представителей районных партийных организаций. На улицы Риги по призыву коммунистов единодушно вышли все пролетарии столицы Латвии.

Колонны трудящихся с красными знаменами направлялись к Центральной и Срочной тюрьмам, чтобы встретить освобожденных Народным правительством из заключения руководителей КП Латвии и других коммунистов. У здания Народного правительства представители КП Латвии Э. Бриедис и А. Кадикис от имени рабочих Риги выразили поддержку Народному правительству А. Кирхенштейна и вручили ему требования КП Латвии [67а].

Английский посланник в Латвии Орд в тот же день телеграфировал в Лондон, что в Риге происходит демонстрация рабочих, в которой участвуют десятки тысяч человек и что их «энтузиазм очень велик» [67б].

Эстонское правительство, получив советскую ноту от 16 июня 1940 г., также приняло предложения СССР. Но премьер-министр Ю. Улуотс, хотя формально и подал в отставку, фактически продолжал исполнять свои обязанности и вместе с президентом К. Пятсом всячески тормозил создание нового, демократического правительства. Правящие круги

---

[63] Public Record Office, F.O. 419/34, p. 272.

[64] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 35, л. 20.

[65] Там же, л. 22.

[66] Latgales komunisti pagrīdes gados. 1920—1940. Rīga, 1962, 316—317.lpp.

[67] «Komunists» (Liepāja), 21., 23.VI.1940.

[67а] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 432—440.

[67б] Public Record Office, F.O. 419/34, p. 273.

Эстонии стремились предотвратить участие народных масс в событиях и их дружественные демонстрации по отношению к СССР. Приказом главнокомандующего армией генерала Ю. Лайдонера от 18 июня были запрещены демонстрации, митинги, собрания, ограничена свобода передвижения.

17 июня президент К. Пятс предпринял шаги для сформирования нового правительства Эстонии из преданных ему людей типа А. Рея и Э. Лаамана. Однако такое правительство не могло удовлетворить требование народных масс.

Учитывая сложившееся в Эстонии положение и успешное развитие революционных событий в Литве и Латвии, Нелегальное Бюро КП Эстонии немедленно мобилизовало все силы партии и ее сторонников на подготовку мощного революционного выступления трудящихся Эстонии. При помощи профсоюзного актива и деятелей единого фронта Нелегальное Бюро организовало массовые собрания рабочих на заводах, фабриках и в профсоюзных центрах.

Начиная с 17 июня многочисленные собрания и митинги рабочих происходили во многих местах. На них единодушно принимались резолюции, в которых рабочие требовали создания дружественного по отношению к Советскому Союзу правительства, которое будет честно выполнять пакт о взаимопомощи с СССР, очистит государственный аппарат от лиц, ориентирующихся на фашистскую Германию, и распустит военизированные фашистские отряды «Кайтселийт», обеспечит подлинную свободу слова, печати, собраний и организаций, прекратит преследование участников рабочего движения, амнистирует политзаключенных-антифашистов и будет решительно бороться против взяточничества и спекуляции [68]. 17—20 июня подобные резолюции были приняты рабочими текстильных фабрик «Ээсти сийд» и «Братья Тоффер», целлюлозно-бумажной фабрики, Таллинского трамвайного парка, завода «Фр. Крулль», Нарвской суконной и льнопрядильных фабрик, Кренгольмской мануфактуры, сланцевого рудника «Вийвиконд» и др. [69] Одновременно на этих собраниях принимались приветствия Красной Армии, дополнительные части которой были тепло встречены эстонскими трудящимися [70].

Президент Пятс «принял к сведению» резолюции трудящихся. Однако правящая клика все еще пыталась маневрировать и медлить с формированием нового правительства. Собрания рабочих продолжались, несмотря на приказ главнокомандующего об их запрете.

19 июня вечером по инициативе членов Нелегального Бюро КП Эстонии и при их непосредственном участии состоялось совещание руководителей профсоюзов Эстонии. Были обсуждены планы дальнейших действий и решено 20 июня провести расширенное собрание представителей рабочих предприятий. Полиция арестовала 16 участников собрания профсоюзного актива, в том числе членов Нелегального Бюро КП Эстонии Х. Арбона и О. Сепре, однако по требованию фракции «Единый блок трудового народа» Государственной думы она вскоре вынуждена была освободить арестованных.

С помощью профсоюзного актива Компартия вечером 20 июня организовала в помещении Рабочего гимнастического зала большое собрание, в котором приняло участие более 1 тыс. представителей таллинских рабочих. На собрании выступили рабочие члены Государственной думы Н. Руус, А. Йыээр, В. Янус и член Нелегального Бюро КП Эстонии О. Сепре. Участники собрания единогласно, с большим подъемом одобрили требования, выдвинутые Компартией и рабочими. Собрание потребовало создания демократического правительства и осуществления дружественной политики по отношению к Советскому Союзу. Были приняты приветствия Советскому правительству и Красной Армии [71]. Мощно прозвучал на собрании гимн международного пролетариата «Интернационал».

Учитывая все возрастающий революционный подъем и готовность рабочего класса к массовым выступлениям против фашистского строя, Центральный Комитет (так с 21 июня стало называться Нелегальное Бюро) КП Эстонии принял решение организовать 21 июня во всех важнейших центрах Эстонии забастовки и демонстрации рабочих и трудящихся, с тем чтобы превратить требования рабочих о свержении фашистского правительства в требование всего трудового народа Эстонии.

КП Эстонии фактически стала действовать легально, возглавляя борьбу рабочего класса. В ночь с 20 по 21 июня ЦК КП Эстонии созвал партийный актив и приступил к практической подготовке выступлений трудящихся. Назначенные Центральным Комитетом уполномоченные развернули работу на местах. В Таллине организация рабочей демонстрации была возложена на членов ЦК КП Эстонии И. Лауристина, Х. Арбона и О. Сепре [72]. В Рабочий дом Таллина, превратившийся в штаб революционного выступления, стекались все новые и новые рабочие активисты, которых связные Центрального Комитета собирали со всех концов города. Из них создавались боевые группы. Всю ночь в Рабочем доме изготовляли красные флаги, писали воззвания.

В ночь на 21 июня было напечатано воззвание, которое коммунисты быстро распространили среди рабочих Таллина. В воззвании говорилось: «Сегодня все рабочие Таллина выйдут на улицу, чтобы потребовать отстранения существующего правительства и замены его новым. Все фабрики стоят. Полиция нам не помешает. Выйдем все на площадь Свободы. Предъявим свои требования и потребуем их осуществления» [73]. Под

---

[68] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 130—132.

[69] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (далее — ЦГАОР ЭССР), ф. 389, оп. 1, д. 1799, л. 91—93.

[70] ЦГАОР ЭССР, ф. 852, оп. 1, д. 2240, л. 4; *Кааль А.* Солнечное лето.— В кн.: Наступил день..., с. 251—253; 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 130.

[71] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale, lk. 136—138.

[72] *Сепре О.* Исторический поворот.— В кн.: Наступил день..., с. 82—83.

[73] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja meterjale, lk. 141.

воззванием стояли подписи всех крупнейших профсоюзных и других важнейших рабочих организаций.

Утром 21 июня в Таллине фабричные гудки и сирены возвестили о прекращении работы на предприятиях. Трудящиеся вышли на улицы со старыми, овеянными боевой славой революционными знаменами и лозунгами: «Долой правительство провокаторов войны!», «Требуем создания правительства, которое будет честно выполнять пакт о взаимопомощи, заключенный с Советским Союзом!», «Требуем работы, хлеба и свободы!» и т. д. Над колоннами рабочих развевались боевые знамена завода «Фр. Крулль», фабрики Лютера, целлюлозно-бумажной фабрики. В организованном порядке демонстрация направилась на площадь Свободы, где собралось около 40 тыс. человек. По заданию ЦК КП Эстонии здесь выступил секретарь профсоюза швейников О. Пярн и председатель Таллинской больничной кассы А. Пирсон. Они разоблачили враждебную народу политику фашистского правительства Ю. Улуотса и показали, что мудрая внешняя политика Советского Союза обеспечила эстонскому народу безопасность [74]. Участники митинга приняли резолюцию, в которой требовали коренного изменения состава правительства. Они приветствовали Советское правительство и Красную Армию, пели «Интернационал». Полицейские были бессильны прекратить боевое выступление рабочих.

С площади Свободы демонстранты двинулись к Вышгороду — резиденции премьер-министра Ю. Улуотса, а оттуда — ко дворцу президента в Кадриорге. К президенту отправилась делегация трудящихся, в которую входили член ЦК КП Эстонии Х. Арбон, председатель Таллинской больничной кассы А. Пирсон и председатель профсоюза текстильщиков Э. Кадакас. Они вручили К. Пятсу, резолюцию, принятую митингом трудящихся на площади Свободы. Через репродуктор об этом было сообщено демонстрантам.

Вышедший на балкон президент Пятс, сопровождаемый главнокомандующим армией Лайдонером, начал свою речь с заявления о том, что он не делает разницы между пролетариатом и буржуазией. Однако народные массы не пожелали его слушать. «Мы не хотим речей! Немедленно освободите политзаключенных!» — скандировали демонстранты. Пятс отказался выполнить требование народа. Он заявил, что политзаключенные будут выпущены в обычном законодательном порядке, если подадут соответствующие заявления, которые будут рассмотрены. Это еще больше накалило атмосферу. Собравшиеся массы требовали решительных действий, занятия Вышгорода и создания нового правительства, немедленного разоружения полиции и освобождения политзаключенных [75].

Для предотвращения нежелательного вооруженного столкновения и с целью сохранения революционных сил коммунисты по указанию члена Центрального Комитета КП Эстонии И. Лауристина направили демонстрацию назад в город. Часть колонн рабочих двинулась к тюрьме. Делегация во главе с коммунистом А. Резевом потребовала освобождения

политзаключенных. Охрана тюрьмы не решилась оказать революционным массам сопротивления. К трем часам дня из тюрьмы были освобождены 27 политзаключенных, в их числе участники героической борьбы 1924 г., восторженно встреченные народом [76]. Одновременно отдельные группы рабочих захватили полицейские участки и склады оружия.

Вместе с освобожденными из тюрьмы товарищами демонстранты направились к Вышгороду. Здесь опять состоялся митинг. Охрана Вышгорода была разоружена, дворец правительства занят и взят под охрану рабочими, которые создали первые отряды Народной самозащиты [77]. Подлинными хозяевами положения в Таллине становились рабочие.

Представители буржуазной власти, политическая полиция вынуждены были подчиниться воле революционных рабочих, вооруженные рабочие заняли важнейшие правительственные учреждения, в том числе помещение политической полиции, радиостанцию, и взяли на себя их охрану. Они показали при этом большую организованность, высокую дисциплинированность и не поддавались на провокации реакционных сил. Был установлен революционный порядок, и власть была взята без кровопролития.

21 июня 1940 г. в 18 часов 45 минут на башне Длинный Герман в таллинском Вышгороде взвилось алое знамя революции. Народные массы перед дворцом ждали сообщения о сформировании нового правительства.

События, происходившие в столице, нашли поддержку по всей стране. 21 июня демонстрации и митинги состоялись во всех крупных рабочих центрах Эстонии — в Тарту, Нарве, Кивиыли, Кохтла-Ярве, Выру, Пярну, Раквере, Валге и др. Повсюду массы требовали отстранения старого и создания нового правительства, которое выполнило бы требования рабочих и проводило политику, соответствующую интересам эстонского народа. Повсюду организаторами революционных выступлений были коммунисты и активисты единого фронта рабочего класса. В Тарту на массовом митинге рабочих, студентов, интеллигенции выступил председатель фракции «Единый блок трудового народа» Государственной думы К. Ялак и секретарь этой фракции Н. Руус, коммунисты П. Кээрдо, Э. Лепик, Х. Хаберман.

Демонстрации и митинги свидетельствовали о политической зрелости трудового народа, о его непреодолимом стремлении сбросить фашистскую диктатуру и установить новый строй. События 21 июня показали полную изолированность буржуазии и ее фашистской верхушки от широких народных масс Эстонии.

К концу дня 21 июня 1940 г. К. Пятс был вынужден удовлетворить требование восставшего народа и провозгласить создание нового пра-

---

[74] «Rahva Hääl», 22.VI.1940.

[75] *Резев А.* Народ решает сам.— В кн.: Наступил день..., с. 90—92.

[76] Там же, с. 94—97.

[77] «Rahva Hääl», 22.VI.1940.

вительства во главе с известным демократическим и общественным деятелем поэтом Иоханнесом Варес-Барбарусом, состав которого предварительно был одобрен Центральным Комитетом КП Эстонии.

Трудовой народ Литвы, Латвии и Эстонии с огромным энтузиазмом встретил падение буржуазно-фашистских правительств и создание в своих странах новых, народных правительств. Это был результат более чем 20-летней последовательной и самоотверженной борьбы коммунистических партий трех стран Прибалтики за сплочение рабочего класса и всех трудящихся под знаменем социального и национального прогресса.

2. Характер, особенности и движущие силы революций 1940 г. в Прибалтике

В июне 1940 г. в странах Прибалтики началась социалистическая революция, в результате которой к власти пришли народные правительства в Литве, Латвии и Эстонии. Создание народных правительств означало политический переворот, который постепенно привел к ликвидации органов диктатуры буржуазии.

Новые правительства в конкретной обстановке того времени не могли за несколько дней или даже в течение нескольких недель ликвидировать систему государственной власти буржуазии, но они сразу же приступили к решению этой задачи. Как отмечает А. Дризул, «мирный характер социалистической революции 1940 г. повлиял в известной мере и на ход слома старого государственного аппарата в Латвии. Он происходил постепенно, в течение нескольких месяцев» [78]. То же самое имело место в Литве и Эстонии, где в первый месяц революции — с первых ее дней — «возникают отдельные элементы нового пролетарского аппарата» [79]. Началом слома старого фашистского буржуазного государственного аппарата была замена фашистских правительств народными. Поэтому образование новых правительств и явилось началом социалистических преобразований в политической сфере.

Следует учитывать, что пролетариат Прибалтики уже участвовал в социалистической революции в 1917—1919 гг., устанавливая Советскую власть в Литве, Латвии и Эстонии. Он осуществлял первые шаги в социалистическом строительстве. Все попытки буржуазно-фашистских правительств Прибалтики вытравить из сознания пролетариата революционные традиции не привели к успеху. Были живы еще многие представители того пролетарского поколения, которое активно участвовало в социалистической революции. Опыт и традиции этого поколения сыграли в революционных событиях 1940 г. большую роль. Социалистическая революция в Прибалтике стала возможной потому, что Прибалтийские страны оказались в то время наиболее слабым звеном в мировой системе империализма. Революция 1940 г. была одним из характерных проявлений обострения общего кризиса капитализма в начале его второго этапа.

В. И. Ленин писал: «Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все»[80]. Если буржуазная революция кончается переходом власти в руки буржуазии, то социалистическая революция начинается переходом власти в руки пролетариата. Именно с такого политического переворота и началась социалистическая революция в июне 1940 г.

Во второй половине июня 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии пролетариат был не только гегемоном революции, но и господствующим классом. О том, что реальная власть фактически уже в июне находилась в руках рабочего класса, свидетельствует успешное и быстрое осуществление революционных преобразований, которые вели в конечном итоге к социализму. Народные правительства с первых шагов своей деятельности выполняли волю революционного пролетариата, проводили политику коммунистических партий, направленную на обеспечение условий, необходимых для восстановления Советской власти. С момента образования этих правительств, говоря словами И. Вареса, «...начинается преобразование всей государственной системы — развитие в направлении освобождения эстонского народа от ига капитализма...»[81] Это стало возможным благодаря тому, что народные правительства в полной мере осуществляли волю рабочего класса, являвшегося уже в июне 1940 г. полновластным хозяином положения. Я. Э. Калнберзин, который в то время был первым секретарем ЦК КП Латвии, в своих воспоминаниях подчеркивает, что с падением фашистской диктатуры «буржуазия утратила свою власть»[82]. К такому же выводу приходят ученые, исследовавшие июньские события 1940 г. Они отмечают, что уже тогда власть перешла в руки рабочего класса, хотя буржуазия, «в июне 1940 г. выпустившая из своих рук государственную власть без вооруженного сопротивления, не отказалась вообще от борьбы»[83]. Свергнутая, она продолжала сопротивление, но в Латвии, Литве и Эстонии в июне 1940 г. не было борьбы за гегемонию между пролетариатом и демократической буржуазией, как это впоследствии наблюдалось в ряде стран народной демократии. Революция, характер которой определяется ее целями и соотношением классовых сил, была с самого начала социалистической, потому что власть в центре и на местах перешла в руки рабочего класса, возглавляемого коммунистическим авангардом, а буржуазия не только утратила влияние на государственные дела, но фактически была лишена

---

[78] Sotsiālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII). Dokumenti un materiāli, Rīga, 1963, 10.lpp.

[79] *Маамяги В.* К трактовке революционных событий 1940 года в Эстонии.— «Известия АН Эстонской ССР. Серия общественных наук», 1966, № 3, с. 325.

[80] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 200.

[81] *Vares J.* Nõukogude Eesti taassünd. Valimik artikleid ja sonavotte (1942—1945). Tallinn, 1945, lk. 48.

[82] Mēs jaunu pasauli sev celsim, l. sēj. Rīga, 1972, 14.lpp.

[83] *Миллер В. О.* Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967, с. 366—367.

возможности распоряжаться своей собственностью. Так, например, в Латвии уже 20 июня, т. е. в день образования народного правительства, было издано распоряжение министра финансов, предусматривавшее, что кредитные учреждения могут выплачивать отдельным лицам суммы, не превышающие 50 латов. Деньги же для выплаты заработной платы рабочим и служащим предприниматели могли получить, только представив соответствующие документы[84]. Поэтому уже в первые дни революции владельцы частных предприятий фактически были лишены возможности распоряжаться своими денежными средствами. Характерно также, что народные правительства без промедления осуществляли все рекомендации Центральных Комитетов компартий Литвы, Латвии и Эстонии, в том числе о назначении новых руководителей министерств и запрещении буржуазных организаций[85]. Все это ясно показывает, что народные правительства выполняли функции диктатуры пролетариата.

Классовый характер власти обусловливается не только персональным составом правительства, но прежде всего сущностью его политики. Уже с первых дней деятельности народные правительства обеспечили благоприятные условия для дальнейшего развития социалистической революции. В первые недели были созданы необходимые предпосылки для социалистических преобразований в социально-экономической сфере, началось разрушение буржуазной государственной машины, осуществлялась подлинная демократия для трудящихся, буржуазия лишалась возможности активно участвовать в политической жизни. Проводились и другие переходные меры, в том числе рабочий контроль над производством. Все эти мероприятия в условиях, когда власть находилась в руках рабочего класса, неизбежно вели к социализму.

Одной из особенностей революции 1940 г. было тесное переплетение социалистических и общедемократических задач при преобладании последних в начальный период революции, т. е. во второй половине июня и в первой половине июля 1940 г. В этот период сближались и соединялись в течении социалистической революции все потоки классовой борьбы — против фашизма, за демократию для трудящихся и за социализм.

Периодизация социалистической революции 1940 г. обусловлена последовательностью решавшихся политических задач[86]. В начальный период революции главным содержанием политических преобразований было разрушение старого государственного аппарата, а в середине июля начался новый период — были проведены выборы в народные парламенты Литвы, Латвии и Эстонии, которые провозгласили в этих странах Советскую власть. Такое развитие революционного процесса было вызвано своеобразными условиями, в которых он протекал. Перед рабочим классом и коммунистическими партиями стояла задача создать максимально широкий фронт народных масс против фашизма и войны, чтобы перед лицом опасности гитлеровской агрессии сплотить вокруг себя не только деревенскую бедноту, но и широкие слои мелкой буржуазии города и деревни, а также демократически настроенную интеллигенцию. Необходимо было обеспечить возможность свободного волеизъявления

трудового народа, чтобы через избранных им представителей провозгласить восстановление Советской власти. Нужно было преодолеть еще частично сохранившееся влияние городской и сельской буржуазии на средние слои населения.

Характер революции определяется ее целями и движущими силами. Социалистический характер революции 1940 г. проявился не только в том, что целью всех революционных преобразований была подготовка благоприятных условий для перехода к социализму, но и в том, что ее движущими силами были пролетариат и беднейшее крестьянство. Средние слои города и деревни в начале революции поддерживали ее главным образом потому, что она мимоходом решала общедемократические задачи. Но, как показали выборы 14 и 15 июля 1940 г. и многочисленные наказы депутатам, эти слои в дальнейшем приняли социалистические лозунги, так как на собственном опыте убедились в том, что единственно реальное спасение от экономической катастрофы и от порабощения Прибалтики гитлеровской Германией заключается в поддержке пролетариата, прокладывающего путь к социализму.

Ход событий в июньские и июльские дни 1940 г. прямо или косвенно свидетельствует о позиции и роли различных классов и социальных слоев в революции. В Литве, Латвии и Эстонии пролетарит играл роль гегемона революции. Он проявлял максимальную активность в борьбе за свержение фашистской диктатуры. Это наложило неизгладимый отпечаток на характер революции, которая была пролетарской не только по своим целям, но и по движущим силам,— в свержении фашистских правительств Прибалтийских стран главную и решающую роль сыграл рабочий класс. «Рабочий класс Латвии, имевший богатый опыт революционной борьбы, являлся главной движущей силой революции»[87]. Так было и в Литве, и в Эстонии. В середине июня 1940 г. высокую революционную активность проявили рабочие не только Таллина, Риги, Вильнюса и Каунаса, но и ряда других городов. Так, например, решительные действия пролетариата Лиепаи оказали большое влияние на ход событий в других городах Латвии[88]. С 21 июня вся власть в Риге, Лиепае, Даугавпилсе и других городах фактически находилась в руках рабочих, возглавляемых местными организациями Компартии. Во второй половине июня 1940 г. на улицах городов Прибалтики прошли массовые рабочие манифестации в поддержку коммунистических партий, которые на протяжении двух десятилетий самоотверженно и последовательно руководили борьбой за восстановление Советской власти. Среди активных участников демонстраций и митингов в первые дни революции были также батраки и крестьяне. Но вначале, как правило, выступала деревен-

---

[84] *Миллер В. О.* Создание советской государственности в Латвии, с. 375.

[85] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 2, 7, 10.

[86] *Маамяги В.* Указ. соч., с. 328—329.

[87] *Восс А.* По заветам Ленина. Рига, 1968, с. 77.

[88] Sociālistiskās revolūcijas uxvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII). Dokumenti un materiāli, 482.lpp.

10 Заказ № 2523

ская беднота — сельскохозяйственные рабочие и полупролетарии — там, где коммунисты еще до свержения фашистской диктатуры имели большое влияние среди трудящихся села. Большинство же крестьян, в том числе основная масса среднего крестьянства, в первые дни революции благожелательно относилось к политическим переменам, но все же еще не было вполне готово поддержать социалистические лозунги пролетариата. Переход власти в руки рабочего класса открыл широкие возможности для обеспечения его союза с непролетарскими слоями трудящихся города и деревни. В ходе дальнейшего развития социалистической революции среднее крестьянство, доведенное фашистской диктатурой до разорения, стало активным союзником рабочего класса в борьбе за восстановление Советской власти. В Прибалтике в этом отношении проявились те же закономерности, о которых писал в 1919 г. В. И. Ленин, анализируя опыт диктатуры пролетариата в России. Разъясняя, что активная поддержка пролетариата большинством населения страны не всегда достигается до свержения буржуазии, но непременно должна быть обеспечена в ходе социалистической революции, В. И. Ленин указывал: «Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»[89]. Это достигается путем революционных преобразований, отвечающих интересам трудящихся.

И в России после победы вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г. мимоходом решались демократические задачи, прежде всего антифеодальные. Именно их успешное решение позволило партии большевиков с необычайной быстротой завоевать симпатии подавляющего большинства крестьянства и впоследствии постепенно привлечь его к активному участию в социалистическом строительстве. В ходе социалистической революции 1940 г. подавляющее большинство народа в Литве, Латвии и Эстонии поддержало рабочий класс, политику его коммунистических партий, которые оказались единственными дееспособными партиями. Сформированные по их инициативе народные правительства выполняли функции диктатуры пролетариата, одновременно решая общедемократические, антифашистские задачи. Они осуществляли политику полной ликвидации фашистского режима и подавления сопротивления свергнутой буржуазии. Безраздельное руководство коммунистических партий революцией 1940 г. явилось закономерным результатом сложившегося в Литве, Латвии и Эстонии соотношения политических сил.

Пролетариат осуществлял руководство государством. Трудовое крестьянство и прогрессивная интеллигенция были его союзниками, которые в конечном счете, преодолев неизбежные колебания, активно поддержали политику рабочего класса. Об этом свидетельствовали выборы в народные парламенты Литвы, Латвии и Эстонии 14 и 15 июля 1940 г., на которых подавляющее большинство избирателей голосовало за канди-

датов избирательных блоков, руководимых коммунистическими партиями, В. И. Ленин указывал, что «революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей,— но и массы»[90]. В июне 1940 г. народные массы Прибалтики быстро революционизировались. Сплоченному вокруг коммунистических партий трудовому народу противостояла только контрреволюционная буржуазия и ее немногочисленные приспешники из других социальных групп. Об этом убедительно свидетельствует широкое участие трудящихся города и деревни в формировании новых органов местного самоуправления, в охране общественного порядка, в проведении революционных митингов и демонстраций, выборов в народные парламенты. Активность всех слоев трудового народа особенно заметно повысилась именно в середине июля, когда абсолютное большинство населения Прибалтийских стран на собраниях и митингах выразило свое стремление восстановить Советскую власть в Литве, Латвии и Эстонии и обеспечить их воссоединение с братскими народами Советского Союза. В этой обстановке буржуазия, отстраненная от политической власти уже в июне, оказалась неспособной помешать крайне неблагоприятному для нее ходу событий.

Буржуазия пыталась оказать сопротивление актами саботажа в промышленности, контрреволюционной агитацией и другими средствами[91].

Однако ввиду огромного перевеса сил революционного народа какое-либо серьезное сопротивление контрреволюции стало невозможным. Лишенная реальной поддержки империалистических государств Западной Европы, занятых войной друг с другом, буржуазия Литвы, Латвии и Эстонии была вынуждена капитулировать без вооруженного сопротивления. Революция 1940 г. в Прибалтике была первой в истории победоносной социалистической революцией, осуществленной мирным путем. Если обратиться к истории, то, например, в Венгрии в 1919 г. диктатура пролетариата была установлена в результате мирной социалистической революции. Но пролетариат Венгрии не смог тогда удержать власть, так как соотношение сил на международной арене было не в его пользу. Военная интервенция иностранных империалистов в Венгрию привела к падению Советской власти в этой стране. В Прибалтике же в 1940 г., в момент совершения социалистической революции, империалистические державы оказались не в состоянии вмешаться в происходившие там события. Решающее значение для мирного развития революции в Прибалтийских странах имели мощь Советского государства и его возросшее международное влияние. Еще в 1916 г. В. И. Ленин писал: «...нельзя

---

89 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 12.

90 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 3.

91 *Жагар Э. А.* Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны.— В кн.: В дни войны. Рига, 1964, с. 27—56.

отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, например, в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, *возможна* мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы»[92]. Именно такая ситуация сложилась летом 1940 г. в Прибалтийских странах. Буржуазия Литвы, Латвии и Эстонии не могла оказать серьезного сопротивления революционным силам и развязать гражданскую войну. Для буржуазии этих стран стало ясно, что она не может рассчитывать на реальную помощь со стороны западных держав. Наиболее реакционные и воинственные круги буржуазии хотели бы участвовать в войне империалистических агрессоров против Советского Союза, но понимали, что сами бессильны что-либо предпринять в этом отношении. Все это создало редкую и ценную возможность завоевания диктатуры пролетариата мирным путем.

Причины победы социалистической революции 1940 г. в Прибалтике станут понятны только при всемерном учете международной обстановки в начале второй мировой войны. События в Литве, Латвии и Эстонии не могли развиваться изолированно, они являлись составной частью крупных перемен в мире, обусловивших необходимость усиления внешнеполитической активности Советского Союза, который противостоял гитлеровской Германии, готовившейся к войне против СССР. В такой исторической обстановке укрепление обороноспособности Советского Союза было важнейшей задачей мирового коммунистического движения, интернациональным долгом всех коммунистических партий. Борьба за победу социалистической революции в Прибалтике под руководством коммунистических партий Литвы, Латвии, Эстонии не только обеспечивала национальные интересы трудящихся этих стран, но также способствовала укреплению мощи СССР и антифашистских, революционных сил во всем мире. Цели и задачи компартий Прибалтийских стран и Коммунистической партии Советского Союза полностью совпадали.

Во время революционных выступлений трудящихся Прибалтики против фашистской диктатуры советские войска не вмешивались во внутренние дела Прибалтийских стран, строго соблюдая условия заключенных между ними и СССР пактов о взаимопомощи. В то же время наличие советских войск на территории Литвы, Латвии и Эстонии оградило Прибалтику от вмешательства иностранных империалистов. Это деморализовало силы буржуазии и вдохновило революционные массы на борьбу за свержение фашистской диктатуры. Но «не присутствие советских войск, а прежде всего обострение классовых противоречий, банкротство внутренней и внешней политики правящих кругов, их изоляция от сил международного империализма привели к победе социалистических революций»[93].

В заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. указывается, что коммунистические партии **«всегда были против экспорта революции. В то же время они решительно борются против империалистического экспорта контрреволюции»**[94]. Осуществлен-

ные Советским Союзом летом 1940 г. мероприятия, направленные на защиту Прибалтийских стран от империалистической агрессии, предотвратили возможность повторения экспорта контрреволюции в эти страны. Внешняя политика Советского государства, поддерживавшего борьбу народов Прибалтики за право самим решать свою судьбу, обеспечила благоприятные условия для осуществления социалистической революции мирным путем.

Мирная социалистическая революция, разумеется, не означает отказа от насилия против буржуазии, которая никогда добровольно не уступает власти. Буржуазия капитулирует только вынужденно — в условиях явного и решающего перевеса сил пролетариата и его союзников. Поэтому и в ходе мирной социалистической революции неизбежна острая классовая борьба, хотя и без вооруженных столкновений. Мирное развитие революции, обеспечивая преимущества рабочему классу, вместе с тем позволяет буржуазии в большей мере сохранить свои кадры, которые она рассчитывает использовать в своих классовых целях при первой возможности. Поэтому рабочий класс и в условиях мирного развития революции должен проявлять максимум бдительности, чтобы сорвать попытки контрреволюционных выступлений буржуазных сил.

Подавление сопротивления буржуазии невозможно без слома ее государственной машины. Социалистическая революция всегда начинается с ликвидации старого аппарата угнетения. Свержение буржуазного правительства — начало этого процесса, в ходе которого уничтожаются рычаги власти, с помощью которых буржуазия управляла. В момент создания народных правительств в Прибалтике буржуазия уже не смогла использовать свой военно-бюрократический аппарат для подавления революционных масс, так как утратила контроль над ним. Этот аппарат в первые дни социалистической революции еще полностью не служил пролетариату, но не служил уже и буржуазии. Понимая безнадежность сопротивления, чиновники бездействовали. А победивший рабочий класс, став господствующим классом, сначала парализовал деятельность органов военно-бюрократического аппарата буржуазии, а затем ликвидировал их.

В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» подчеркивал, что «...особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции»»[95]. Социалистическая революция 1940 г. в Прибалтике, как всякая народная революция, началась с разрушения старой государственой машины, потому что без этого предварительного

---

[92] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

[93] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 105.

[94] Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. М., 1960, с. 47.

[95] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 38—39.

условия были бы невозможны коренные изменения в интересах трудящихся. При этом ввиду постепенности этого процесса и широкого использования тех звеньев старого аппарата, которые можно было видоизменить и подчинить выполнению новых задач, разрушение старого в значительной степени выражалось в его революционном преобразовании. Речь шла о министерствах и департаментах, ведавших финансово-экономическими и некоторыми другими вопросами. А буржуазная машина угнетения подлежала уничтожению. Суть замены старой политической системы новой заключалась главным образом в ликвидации органов насилия, приспособленных только к служению буржуазии. Вместо них создавались новые органы, способные защищать интересы трудящихся и подавлять сопротивление свергнутой буржуазии.

Разрушение буржуазного государственного аппарата в Прибалтике выражалось в июне 1940 г. в его демократизации под руководством коммунистических партий и при самом активном участии широких масс трудящихся. И после восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии были еще частично использованы старые нормы уголовного, гражданского и административного права, старая структура государственных учреждений. Зачастую были сохранены старые названия этих учреждений. «В создавшихся условиях представилась возможность использовать конституционные формы буржуазной республики для мирного развития социалистической революции»[96]. В. И. Ленин писал: «Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*»[97]. В. И. Ленин считал главным не внешнюю форму новых учреждений, создаваемых победившим пролетариатом, а содержание их деятельности. Важно не то, как в конце июня 1940 г. назывались органы государственной власти в Литве, Латвии и Эстонии, а то, что они не только функционировали под руководством новых людей — коммунистов, но и выполняли новые задачи, диаметрально противоположные старым, и совершенно другие функции. Буржуазное государство отличается, говоря словами В. И. Ленина, «...отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти...»[98] В ходе социалистической революции 1940 г. вместо буржуазных государственных институтов, противостоящих трудящимся как враждебная сила, создавались органы власти самих трудящихся.

Одновременно с разрушением старого государственного аппарата происходила ликвидация политических партий и организаций буржуазии, которые направляли работу этого аппарата. Народные правительства уже в первые недели своей деятельности не только проводили широкую чистку государственных учреждений, армии и полиции, но и создавали новые учреждения. Это происходило одновременно с ликвидацией фашистских организаций.

В Литве с 18 июня 1940 г. происходила замена всех заместителей министров (новые министры были назначены 17 июня) и директоров департаментов, а также ряда категорий служащих во всех министерствах и в аппарате местных органов власти — городских и уездных[99]. Директором департамента государственной безопасности и начальниками 4 из 6 округов этого департамента были назначены члены Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы. Уже в начальный период революции в Литве создавалась народная милиция[100].

В Латвии замена старых органов власти новыми началась 20 июня 1940 г. Уже через два дня стало осуществляться и формирование новых местных органов власти, прежде всего в Риге. 9 июля 1940 г. Народное правительство Латвии приняло решение устранить всех должностных лиц местных органов власти, назначенных до 21 июня, т. е. до свержения фашистской диктатуры. В больших городах кандидаты в местные органы самоуправления выдвигались рабочими организациями, а в небольших городах и в волостях их избирали непосредственно на многолюдных собраниях местного населения. Ряд попыток буржуазных элементов провести своих кандидатов в новые органы власти не привел к успеху. Трудящиеся повсеместно поддерживали кандидатов, рекомендованных коммунистами и их сторонниками[101].

Активное участие широких пролетарских и полупролетарских масс в создании новых органов власти было одним из наиболее ярких проявлений успешного развития социалистической революции. В Латвии этот процесс в первый месяц революции приобрел широкий размах. До 21 июля были сняты с занимаемых должностей 16 уездных старшин из 19. Вместо них в Талсинском, Екабпилсском, Мадонском, Валмиерском, Айзпутском и других уездах были назначены коммунисты. В Риге, Алуксне, Тукумсе и других городах были полностью заменены городские управы. Новые старшины назначались во всех городах Латвии, в том числе в Лиепае, Вентспилсе, Елгаве и Даугавпилсе. Главный старшина Риги — коммунист Я. Пупур, приступивший к исполнению своих обязанностей 5 июля, заявил представителям печати, что он назначен правительством на этот пост с согласия рабочих организаций и что он будет осуществлять линию Коммунистической партии. Директор департамента органов местного самоуправления министерства внутренних дел А. Лея в своем заявлении, опубликованном 5 июля в вечернем выпуске «Трудовой газеты», отметил, что создание новых местных органов власти началось стихийно — по инициативе масс, а министерство лишь утверждало кандидатуры, избранные трудящимися и выдвинутые рабочими

---

96 *Кэбин И.* Октябрьская революция и эстонский народ, с. 71.

97 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 114.

98 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 40.

99 «Vyriausybės žinios», 28.VI.1940; ЦГА ЛитССР, ф. R — 1541, оп. 1, д. 1, л. 2—4, 6—9, 14, 15, 17, 18, 21, 27.

100 «Vyriausybės žinios», 1.VII.1940.

101 *Жагар Э. А.* Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Известия АН Латвийской ССР», 1970, № 8 с 10—11.

организациями. Еще до 9 июля, когда Народное правительство издало закон, предусматривавший смещение всех старых должностных лиц из местных органов власти, многие уже были отстранены по инициативе революционных масс. С 30 июня до 8 июля были проведены выборы в местные органы власти ряда городов и волостей. В этом процессе проявилась революционная активность масс, сыгравшая важную роль в разрушении старого, буржуазного государственного аппарата.

В Эстонии правительство И. Вареса 22 июня 1940 г., т. е. на второй день своей деятельности, обнародовало декларацию, в которой содержалость обязательство решить вопрос о роспуске Государственной думы (нижней палаты буржуазного парламента фашистского типа) и Государственного совета (верхней палаты этого парламента), так как эти органы власти не выражают воли народа, и заменить их подлинно народным представительством. Осуществление этого обязательства уже в первый месяц революции было важнейшей составной частью разрушения старой государственной машины. До 9 июля были сменены руководители местных органов власти во всех городах и уездах. Большие изменения произошли и в аппарате министерств.

Демократизация государственного аппарата сочеталась с созданием новых политических институтов. Так, в армиях стран Прибалтики вводились должности политических руководителей, что являлось началом превращения старой армии в опору власти рабочего класса. Важно отметить, что в Эстонии одновременно с этим актом была также узаконена организация Народной самозащиты, которую под руководством коммунистов создали таллинские рабочие 21 июня 1940 г. Народная самозащита была вооруженной силой рабочего класса и стала основой рабоче-крестьянской милиции. Развитие этой организации как боевой силы Коммунистической партии Эстонии было характерным проявлением тесного взаимодействия общественных и государственных организаций; Народная самозащита была создана как общественная организация, а впоследствии превратилась в государственную организацию — рабоче-крестьянскую милицию. Это было типичным явлением для того времени, когда организация, возникшая в результате революционного творчества масс, только впоследствии была официально узаконена[102].

Несмотря на сложность обстановки, новизну возникших задач и неопытность ряда новых руководителей, политическая система, сложившаяся во второй половине июня 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии, функционировала вполне удовлетворительно. Коммунистические партии этих стран умело направляли деятельность народных правительств и сплачивали вокруг них широкие массы. Участие общественных организаций трудящихся в формировании новых органов власти и практической реализации решений народных правительств обеспечивало эффективность новой политической системы. Немаловажное значение имело также успешное использование той части старого государственного аппарата, которая служила решению новых задач в условиях начального периода революции, когда рабочий класс располагал достаточными ры-

чагами политической власти для обеспечения своего господствующего положения.

Особенности, отличавшие социалистическую революцию 1940 г. в Прибалтике, являлись лишь специфическими проявлениями общих закономерностей. Но от правильного понимания этой специфики зависела успешная разработка политической линии коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии. В. И. Ленин в своей книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал, что «...русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего», но вместе с тем отмечал, что «...было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину» [103]. Если ряд основных черт Великой Октябрьской социалистической революции неизбежно повторяется в каждой социалистической революции, то столь же неизбежно многообразие их форм. В соответствии с этим указанием В. И. Ленина коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии стремились всемерно учитывать своеобразие развития революционного процесса летом 1940 г., чтобы действовать применительно к конкретной обстановке.

3. Стратегия и тактика коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в начальный период революции

С первых дней социалистической революции коммунистические партии Прибалтийских стран умело руководили массами и обеспечили успешное осуществление своих стратегических задач, которые заключались в завоевании власти пролетариатом. В годы фашистской диктатуры компартии Прибалтики своей важнейшей целью по-прежнему считали восстановление Советской власти. Среди первомайских лозунгов КП Латвии в 1940 г. был лозунг «Да здравствует Советская Латвия!» [104] Однако тогда еще не исключалась возможность, что восстановлению Советской власти в Прибалтийских странах будет предшествовать власть антифашистской коалиции различных партий и организаций трудящихся, мелкой и средней буржуазии. Июньские события 1940 г. показали, что сложилась иная ситуация, что соотношение классовых сил в Литве, Латвии и Эстонии дает огромный перевес революционному пролетариату, что начавшаяся революция по своему характеру может быть только социалистической, что главным политическим содержанием происходящих перемен является установление и укрепление власти рабочего класса. Этот процесс мог завершиться только восстановлением Советской власти. В условиях, когда в странах Прибалтики шла борьба за восстановление Советской власти, коммунисты не допускали другой альтернативы.

---

[102] *Маамяги В.* Указ. соч., с. 220.
[103] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 4, 3.
[104] *Дризул А.* Указ. соч., с. 327.

Вместе с тем они учитывали специфику конкретной обстановки, которая заключалась прежде всего в том, что рабочему классу предстояло свергнуть фашистскую диктатуру. Поэтому антифашистские и антикапиталистические задачи тесно переплетались.

Январский пленум ЦК КП Литвы 1938 г. и последние нелегальные конференции коммунистических партий Латвии и Эстонии в феврале 1939 г. и в апреле 1940 г., определяя стратегическую линию партий, нацелили их на борьбу за создание антифашистского народного фронта. Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии разъясняли, что их целью по-прежнему является восстановление Советской власти, но на пути к достижению этой цели необходимо сплотить вокруг рабочего класса все антифашистские силы, в том числе и те, которые пока еще не готовы поддержать борьбу за диктатуру пролетариата. Такой курс отнюдь не означал обязательного образования правительства единого рабочего фронта или антифашистского народного фронта. Еще в 1935 г., выступая на VII конгрессе Коминтерна, Георгий Димитров отмечал, что «жизнь сложнее всяких схем», что нельзя считать такого рода правительства «обязательным этапом на пути к установлению пролетарской диктатуры»[105]. Такая ориентация нацеливала коммунистические партии на творческий подход к определению своей политической линии в соответствии с указанием В. И. Ленина о том, «что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности,* а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня»[106]. Правильно оценивая новую ситуацию, коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии взяли курс на восстановление диктатуры пролетариата в форме Советской власти.

В июне 1940 г. было очевидным, что образование в Прибалтике правительств антифашистского народного фронта на основе коалиции различных антифашистских партий и политических групп в сложившейся обстановке нереально, ибо некоммунистические антифашистские группы не были организованы и не представляли собой самостоятельной силы, чье влияние можно было бы сравнить с влиянием компартий. Однако широкий антифашистский фронт фактически образовался, так как все антифашистские силы сплотились вокруг революционного пролетариата, возглавляемого коммунистическим авангардом. Задача компартий заключалась в том, чтобы сохранить и укрепить союз рабочего класса с другими антифашистскими силами для успешного перехода к социализму.

Стратегическая линия коммунистических партий Прибалтийских стран предусматривала активную поддержку социалистической революции не только беднейшим, но в дальнейшем и средним крестьянством, а также средними слоями города, в том числе прогрессивной интеллигенцией. Компартиям следовало выработать такую политическую линию, которая помогла бы подвести колеблющиеся слои к ясному пониманию необходимости социалистического преобразования Литвы, Латвии и Эстонии и обеспечила бы переход от нейтрализации колеблющихся слоев к прочному союзу с ними. Именно такая тактика была применена

в начальный период социалистической революции 1940 г. Она заключалась прежде всего в том, что главное внимание сосредоточивалось на решении антифашистских, демократических задач. В то же время коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии развернули разъяснительную работу с целью подготовки широких масс к восстановлению Советской власти.

Коммунистические партии Прибалтийских стран действовали открыто с первых дней революции. После выхода из подполья коммунисты для объединения широких масс вокруг своих лозунгов организовывали революционные демонстрации, собрания и митинги. Их участники выражали свою поддержку народному правительству, солидарность с политикой коммунистической партии.

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии в июне 1940 г. еще не выдвигали лозунга восстановления Советской власти как лозунга немедленного практического действия. Это обусловливалось рядом причин. Требовалось время для создания легального партийного аппарата и проведения большой организационной и агитационной работы в массах, чтобы подвести весь трудовой народ к пониманию необходимости восстановления Советской власти и активного участия в претворении в жизнь этого лозунга. Центральные Комитеты коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии считали в данной ситуации выдвижение лозунга немедленного восстановления Советской власти в качестве лозунга практического действия преждевременным и потому, что курс на мирное развитие революции предусматривал одобрение нового политического строя народными массами через избранных ими депутатов в народные парламенты. Коммунисты опирались на революционные традиции трудящихся, которые фашизм не мог искоренить. Коммунистическая печать Прибалтики изо дня в день убедительно доказывала преимущества советского социалистического строя, отвечающего коренным интересам трудящихся. В своей разъяснительной работе коммунисты уделяли большое внимание популяризации достижений СССР. При этом они подчеркивали, что коммунисты Прибалтики всегда боролись за восстановление Советской власти и что это по-прежнему остается их целью. Однако в июне 1940 г. конкретные сроки достижения этой цели не указывались.

Особенно активно на первом этапе революции популяризировала социалистические лозунги в качестве агитационных лозунгов Коммунистическая партия Литвы. В литовской коммунистической печати уже в июньские дни 1940 г. демократические и социалистические лозунги выдвигались параллельно, с учетом того, что в сложившейся обстановке борьба за демократию неразрывно связана с борьбой за социализм. 25 июня 1940 г. в газете «Ляудес балсас» была опубликована статья

---

[105] *Димитров Г.* Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. М., 1958, с. 95.

[106] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 134.

«Советская Литва», в которой подчеркивалось, что никто не может требовать от коммунистов отказаться от пропаганды идей социализма, от стремления превратить свою страну в социалистическое государство. Статья заканчивалась словами: «Тот, кто не ослеп от ненависти к социализму, не может не видеть, что народ идет именно по такому пути». В этой связи разъяснялась также необходимость вступления Литвы в состав Советского Союза. 26 июня было опубликовано воззвание ЦК Литовской Компартии, в котором содержался лозунг «Да здравствует Советская Литва — 13-я Советская социалистическая республика!»[107] Орган ЦК КП Литвы газета «Тиеса» 1 июля отмечала, что этот лозунг выдвигается народом на демонстрациях и митингах. Это показывало, что массы поддерживают Коммунистическую партию, которая никогда не прекращала борьбу за социалистическую Литву.

Если в Литве лозунг Советской власти как агитационный лозунг выдвигался уже в конце июня во всех городах и многих селах, то в Латвии и Эстонии в июньские дни он появлялся значительно реже как во время демонстраций и митингов, так и на страницах коммунистической печати. Это не означало, однако, что тактика коммунистов Латвии и Эстонии существенно отличалась от тактики коммунистов Литвы. Просто Коммунистическая партия Литвы имела возможность раньше и шире развернуть агитацию за восстановление Советской власти и вступление в состав СССР. По своей численности Коммунистическая партия Литвы в момент легализации значительно превосходила коммунистические партии Латвии и особенно Эстонии, и это в известной мере отражало также степень ее влияния на массы. Следует также учесть, что массовые революционные выступления рабочего класса в Литве начались почти на неделю раньше, чем в Эстонии, что фашистский диктатор Сметона бежал и обязанности президента Литвы с 17 июня временно исполнял глава Народного правительства Ю. Палецкис, а в Латвии и Эстонии бывшие фашистские диктаторы формально продолжали оставаться на президентских постах до 21 июля 1940 г. Эти моменты не могли не сказаться на тактике коммунистических партий. Кроме того, росту влияния Коммунистической партии Литвы способствовало то обстоятельство, что благодаря Советскому Союзу Литве были возвращены Вильнюс и Вильнюсская область. Все это позволило литовским коммунистам широко популяризировать социалистические лозунги уже в начальный период революции.

Хотя коммунисты Латвии и Эстонии в начале революции, исходя из общей обстановки, популяризировали социалистические лозунги в более узком масштабе, тем не менее эти лозунги и здесь звучали достаточно четко. 5 июля 1940 г. во время мощной демонстрации в Риге, в которой участвовало более 100 тыс. человек, на плакатах и транспарантах наряду с другими был начертан лозунг «Да здравствует Советская Латвия!» Сообщая об этом, газета «Пролетарская правда» — орган Рижского комитета Коммунистической партии Латвии — 7 июля отмечала большое значение этой манифестации. В Эстонии отдельные группы трудящихся

выдвигали лозунг восстановления Советской власти уже в конце июня 1940 г., но широкую популярность он приобрел именно в дни подготовки и проведения выборов в народный парламент, т. е. в середине июля. Превращение этого лозунга в лозунг всего трудового народа в середине июля 1940 г. означало новую ступень в развитии социалистической революции как в Эстонии, так в Латвии и Литве.

После победы коммунистических партий на выборах в народные парламенты лозунги восстановления Советской власти и вступления Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза уже стали лозунгами практического действия. На повестку дня встал вопрос об их претворении в жизнь в самом ближайшем будущем, так как весь трудовой народ Прибалтики выразил свою решимость идти по социалистическому пути.

В июне 1940 г. как среди коммунистов, так и среди беспартийных рабочих Латвии и Эстонии кое-где проявлялась тенденция выдвинуть лозунг немедленного провозглашения Советской власти без учета обстановки в стране. Как видно из отчетного доклада Нарвского городского комитета Коммунистической партии Эстонии, сделанного в январе 1941 г., в начальный период революции некоторые группы трудящихся не только требовали немедленного введения советских порядков, но даже считали необходимым вооруженное восстание [108] — и это в условиях, когда положение в стране полностью контролировало революционное Народное правительство, а контрреволюционные силы не могли оказать ему серьезного сопротивления.

Стремление к вооруженному восстанию вытекало из ошибочного взгляда, будто без массовой вооруженной борьбы невозможно подавить сопротивление буржуазии, невозможна победа социалистической революции. Выразители этих тенденций в тот момент не понимали своеобразия мирного развития революции, не видели, что в июне 1940 г. власть фактически уже находилась в руках рабочего класса, а народные правительства выполняли его волю, неуклонно проводили в жизнь линию коммунистических партий, взявших курс на мирное развитие социалистической революции. Нетерпеливым казалось, что мирное развитие революционного процесса еще не есть подлинная революция.

В восточной части Латвии — Латгалии, а также в Лиепае в первые дни революции из-за отсутствия прочных связей местных коммунистов с руководством КП Латвии, находившимся в Риге, проявилась недооценка последними значения первоочередности решения антифашистских задач и непонимание тактики Коммунистической партии, рассчитанной на постепенное формирование системы диктатуры пролетариата и восстановление Советской власти после выборов Народного сейма — выразителя воли народа. Газета «Циня» 25 июня в статье «Оценка положения

---

[107] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 463—464.

[108] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 23.

и последующие задачи» критиковала Лиепайскую организацию Коммунистической партии, которая преждевременно выдвигала лозунги практического действия, не учитывая своеобразия обстановки. По тем же причинам газета «Пролетарская правда» 27 июня подвергла критике Латгальский обком КП Латвии. Коммунисты Лиепаи и Латгалии в первые дни революции не могли еще правильно оценить степень политической зрелости трудящихся масс в масштабе всей Латвии и стремились завершить становление диктатуры пролетариата в форме Советской власти до того, как созрели все необходимые условия. После разъяснений руководящими органами партии Латгальская и Лиепайская организации осуществляли правильную тактику, соответствующую установкам ЦК КП Латвии.

Коммунистические партии трех стран Прибалтики, определяя свою тактическую линию, имели в виду и то обстоятельство, что двадцатилетнее господство буржуазии оставило глубокий след в сознании определенных слоев трудящихся. Поэтому нельзя было допускать излишнюю поспешность, искусственно ускорять темп революционных преобразований и преждевременно выдвигать лозунги практического действия без достаточной подготовки широких масс к их восприятию. Все эти меры диктовались чрезвычайно сложной международной обстановкой в условиях происходившей мировой войны.

В тактике коммунистических партий стран Прибалтики особенно важное место занимал вопрос сочетания борьбы за демократию с борьбой за социализм. В первые недели после свержения фашистской диктатуры был сделан упор на демократизацию государственного аппарата, армии, всей политической, общественной жизни. Коммунистические партии исходили из того, что подлинная демократизация — в интересах трудящихся — является единственно верным в конкретных условиях путем к восстановлению Советской власти. Но уже в июне 1940 г. коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии наряду с общедемократическими выдвигали и социалистические задачи. В этом отношении характерна июньская платформа КП Латвии, которая от имени участников революционной демонстрации трудящихся Риги 21 июня была передана Народному правительству, а 22 июня опубликована на страницах газеты «Циня». Этот документ содержал требования КП Латвии Народному правительству, которое обязалось их выполнять. Они предусматривали тесное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с Советским Союзом, ликвидацию фашистских организаций и разоружение их членов, равноправие всех национальностей, демократизацию политического строя, государственного и судебного аппарата, обеспечение политических свобод трудовому народу, создание народной армии и милиции, улучшение материального и правового положения рабочих, служащих, мелких крестьян, ремесленников, рыбаков, совершенствование системы народного образования и медицинского обслуживания населения, проведение выборов народного представительства на основе всеобщего и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Наряду с демократическими требованиями в июньской платформе КП Латвии содержались и социалистические требования, которые предполагалось осуществить в ближайшем будущем. Так, например, предусматривалось «ввести контроль над крупными частными банками и крупными промышленными предприятиями (вопрос о национализации крупных предприятий решит избранный народом парламент)». Было также указано, что «подлежит конфискации собственность крупных земельных собственников», причем сельской буржуазии следует оставить землю и постройки в размере среднего хозяйства, а остальное использовать для наделения безземельных и малоземельных крестьян. Коммунистическая партия не требовала экспроприировать капиталистических предпринимателей немедленно, но считала, что это должно быть осуществлено в ближайшие месяцы. Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии связывали решение перечисленных задач с избранием в самом ближайшем будущем народных парламентов.

Подготовка к выборам в народные парламенты занимала очень важное место в деятельности коммунистических партий Прибалтики, которые решили частично использовать парламентские формы для перехода к социализму. При этом речь шла не о завоевании большинства депутатских мандатов в буржуазно-демократическом парламенте, а о создании новых, подлинно народных парламентов, которые были бы действительными выразителями воли трудового народа и в соответствии с этим приняли бы решение об осуществлении социально-экономических преобразований, социалистических по своему характеру.

Летом 1940 г. в Прибалтике не стоял вопрос о завоевании коммунистами и их сторонниками большинства в буржуазных парламентах с целью преобразования последних в парламенты социалистического типа. В Латвии после фашистского переворота 1934 г. парламент (сейм) был разогнан и более не собирался. В Литве и в Эстонии в момент свержения диктатуры буржуазии функционировали парламенты фашистского типа, которые в ходе социалистической революции были ликвидированы. В Литве решение о роспуске сейма было принято Народным правительством 27 июня 1940 г. [109], а новый избирательный закон был издан 5 июля. В Эстонии решение о роспуске государственного собрания было принято 5 июля, одновременно с решением о выборах в новую Государственную думу, т. е. в народный парламент [110].

Народные парламенты Латвии, Литвы и Эстонии законодательно закрепили достигнутые завоевания в ходе социалистической революции. Так, в Латвии «Народный сейм юридически оформил фактическую победу социалистической революции, которую трудящиеся массы завоевали уже до сессии Сейма» [111]. Положение в Литве и Эстонии было аналогич-

---

[109] «Vyriausybės žinios», 1.VII 1940.

[110] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 423—424.

[111] *Drīzulis A.* Grāmata par padomju valsts tapšanu Latvijā.— «Cīņa», 23.V.1968.

ным. Огромное значение выборов в народные парламенты Прибалтийских стран заключалось в том, что они продемонстрировали поддержку всеми слоями трудящихся революционного пролетариата, который под руководством коммунистических партий лишил буржуазию власти и обеспечил народным массам возможность свободно выразить свою волю. Таким образом, парламентские формы при переходе к социализму были частично использованы для волеизъявления трудового народа, для юридического, законодательного закрепления фактической победы мирной социалистической революции.

Важная особенность тактики коммунистов Литвы, Латвии и Эстонии заключалась в том, что она способствовала вовлечению в социалистическую революцию трудящихся различных политических направлений, при безраздельном руководстве коммунистических партий революционным процессом.

Политика лидеров мелкобуржуазных демократов, в том числе правых социал-демократов, в Литве, Латвии и Эстонии была антикоммунистической, антисоветской. Поэтому в ходе революции 1940 г. в Прибалтике оказалось возможным тесное сотрудничество коммунистов только с левыми социалистами и другими революционными антифашистскими и антикапиталистическими элементами. Правые лидеры бывшей социал-демократической партии Латвии 19 и 20 июня 1940 г. провели совместное совещание с бывшими лидерами других мелкобуржуазных и буржуазных партий, прекративших свою деятельность после фашистского переворота 1934 г. На этих совещаниях присутствовали бывшие руководители Демократического центра, прогрессистов, партии новохозяев, левого крыла Крестьянского союза, которые не принимали непосредственного участия в государственном перевороте 1934 г.[112] Теперь же они надеялись перехватить власть, утраченную фашистскими правителями, но очень скоро вынуждены были убедиться в утопичности своих замыслов. Часть буржуазных политиканов пыталась в начале июля выдвинуть своих кандидатов в депутаты на выборах в Народный сейм, но правые социал-демократы их не поддержали, понимая, что в сложившихся условиях участие антисоциалистических элементов в политической жизни страны невозможно. Однако в первые дни социалистической революции это понимали далеко не все. В этом отношении характерным является проект конституции, разработанный адвокатом К. Дзелзитисом и направленный им в ЦК КП Латвии 25 июня 1940 г.[113] Бывший социал-демократ и бывший лидер правого крыла партии независимых социалистов Латвии предложил проект конституции по существу почти не отличавшийся от конституции буржуазной Латвии, принятой в 1922 г. Этот пример подтверждает, что сторонники буржуазной демократии, в том числе социал-демократы, в июньские дни 1940 г. еще надеялись направить развитие Латвии по пути буржуазного парламентаризма.

Коммунистическая партия Латвии, отвергая какой-либо союз со сторонниками буржуазной демократии, стремившимися помешать успешному развитию социалистической революции, тесно сотрудничала с

революционно настроенными деятелями Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии (СРКПЛ). Как уже отмечалось, в марте 1940 г. нелегальный съезд этой партии большинством голосов решил объединиться с Коммунистической партией[114]. После свержения фашистской диктатуры ЦК СРКПЛ предложил членам своей партии вступить в ряды КП Латвии коллективно. Секретариат ЦК КП Латвии 2 июля отклонил этот проект и рекомендовал членам СРКПЛ вступать в Коммунистическую партию индивидуально, для того чтобы в ряды партии были приняты только те товарищи, которые окончательно встали на путь социалистической революции. Было проявлено весьма благожелательное отношение к тем социалистам, которые искренне хотели бороться вместе с коммунистами за ее победу. На своем первом заседании после выхода партии из подполья Секретариат ЦК КП Латвии решил привлечь к работе в газету «Циня» членов СРКПЛ. 3 июля 1940 г. ЦК СРКПЛ принял решение о прекращении деятельности своей партии, «чтобы объединить все политически организованные силы рабочих Латвии в Коммунистической партии Латвии»[115]. Это решение имело большое политическое значение, так как способствовало сплочению сторонников СРКПЛ вокруг Коммунистической партии. В июле 1940 г. в ряды КП Латвии вступил ряд активных деятелей СРКПЛ, в том числе известные лидеры латвийской социал-демократии А. Рудевиц и А. Бушевиц.

ЦК КП Литвы 26 и 28 июня 1940 г. подверг критике социал-демократов и ляудининков, подчеркивая, что эти партии оказались неспособными защищать интересы трудящихся. В то же время КП Литвы успешно сотрудничала с левыми социал-демократами и ляудининками, которые были готовы вместе с коммунистами бороться за победу социалистической революции. Некоторые из них, прочно вставшие на этот путь, вступили в ряды Коммунистической партии.

В Эстонии имели место попытки буржуазных политиканов воссоздать Партию национального центра, которая была запрещена в 1935 г. правительством. Ее бывший лидер в начале июля 1940 г. пытался добиться восстановления и узаконения партии, однако в условиях социалистической революции все его попытки оказались тщетными. В то же время в Эстонии, как и в Латвии, коммунисты стремились к тесному сотрудничеству с левыми социалистами и добились в этом направлении значительных успехов. Лидеры левых социалистов, в том числе Н. Андрезен и А. Йыэр, в конце 30-х годов еще окончательно не освободившиеся от оппортунистических взглядов, в дальнейшем встали на последовательно революционные позиции. 21 июня 1940 г. эти деятели, возглавлявшие Марксистское объединение трудящихся, вошли в состав Народного правительства, а в первой половине июля вступили в ряды КП Эстонии. Ком-

---

112 *Дризул А.* Указ. соч., с. 335.
113 *Миллер В. О.* Указ. соч., с. 417.
114 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 4, л. 50.
115 «Cīņa», 4.VII.1940.

мунистом стал и министр социальных дел Народного правительства левый социалист Н. Руус.

Трудовой народ Прибалтики, отстраненный буржуазией от активного участия в политической жизни, в июне 1940 г. активно включился в нее. Этому в большой мере способствовала целенаправленная деятельность коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии, которые использовали различные формы и методы организации и просвещения масс.

Важную роль в проведении политики коммунистических партий играли профсоюзы. Переход профсоюзов в конце июня и в начале июля 1940 г. в руки революционных рабочих был встречен широкими массами с энтузиазмом и вызвал невиданный подъем работы профсоюзов. К 8 июля всеми 27 профсоюзами Риги руководили коммунисты [116]. В Таллине новое правление Центрального совета профсоюзов было избрано 22 июня. Наиболее массовой организацией в деревне стал Всеэстонский союз сельских трудящихся. КП Литвы в сельской местности организовала профсоюзы и крестьянские комитеты, которые стали проводниками ее политики на местах. Такие комитеты были и в некоторых районах Латвии.

Активно участвовал в проведении революционных преобразований комсомол Литвы. Был возрожден комсомол Эстонии, который также стал действенным помощником партии. В Латвии под руководством Коммунистической партии большую работу среди трудящейся и учащейся молодежи проводил Союз трудовой молодежи Латвии (СТМЛ), созданный в 1936 г. в результате объединения комсомола с организацией социалистической молодежи. После выхода из подполья в июне 1940 г. этот союз активно помогал Коммунистической партии бороться за победу социалистической революции. Основная масса членов Союза трудовой молодежи вступила в Коммунистический союз молодежи Латвии, который в августе 1940 г., после реорганизации СТМЛ, возглавил руководство всей молодежью страны.

В ходе развития революции 1940 г. творчество масс породило такие новые формы организации трудящихся, как, например, группы активистов или сочувствующих, которыми руководили партийные органы [117], райкомы партии, отдельные коммунисты. Эти организационно оформленные группы беспартийных активистов возглавляли борьбу за претворение в жизнь политики партии там, где первичных партийных организаций не было. Работа этих групп способствовала воспитанию нового пополнения партии.

Революционное творчество масс проявлялось и в создании новых органов власти на местах. В некоторых городах Латвии, например в Вентспилсе, Талсы, а также в волостях Вентспилсского уезда, в первые дни революции были созданы распорядительные комитеты, которые функционировали до конца июля [118]. В Вентспилсе возглавляемый коммунистами распорядительный комитет, избранный 23 июня на собрании рабочих, сосредоточил в своих руках всю власть в городе. Он организовал народную милицию, выпускал газету и направлял работу различных организаций трудящихся, пользуясь большим авторитетом среди насе-

ления. В некоторых местах действовали рабочие революционные комитеты, комитеты рабочих депутатов.

Очень важное значение для повышения политической активности и классовой сознательности широких масс имели многочисленные демонстрации и митинги, которые проходили с большим подъемом. В Латвии, например, в июне 1940 г. в каждом уезде были проведены десятки собраний и шествий, на которых ярко проявилась готовность трудящихся городов и волостей всемерно поддержать политику Коммунистической партии. Так, например, 23 июня 1940 г. собрание более чем 1500 трудящихся г. Талсы поддержало политическую платформу КП Латвии. В тот же день состоялись революционные демонстрации и митинги в Резекне, в Ливаны, Тукумсе, Салдусе и других городах. Участники революционных собраний и шествий красными знаменами и пением «Интернационала» выражали классовую направленность своих выступлений. 30 июня многолюдные собрания и демонстрации состоялись в Бауске, а также в Яунелгаве, Гостини, Плявинясе и в других городах. В этот же день в революционных шествиях и митингах участвовали десятки тысяч крестьян Перконской, Деменской, Селпилсской, Абельской и многих других волостей. Так, например, в собрании трудящихся Поддезской волости участвовало более 3 тыс. человек, т. е. примерно одна треть населения [119]. Демонстрации, как правило, заканчивались митингами, на которых выступали коммунисты. Особенно широкий размах агитационная работа партии приобрела в период подготовки к выборам в Народный сейм — с 5 до 13 июля 1940 г. ЦК КП Латвии часто направлял своих представителей для выступлений на собраниях и митингах. Так, 29 июня ЦК направил 32 представителя, 4 июля — 20, 5 июля — 35 представителей [120].

Многочисленные собрания и митинги были важнейшей формой проявления революционного настроения масс и их политического просвещения также в Литве и Эстонии. По призыву ЦК КП Литвы с 18 июня проходили митинги и собрания, выражавшие одобрение политической линии Народного правительства. 24 июня в Каунасе состоялся митинг и демонстрация трудящихся, в которых приняло участие около 70 тыс. человек. На многих плакатах, которые несли демонстранты, был начертан лозунг «Да здравствует социалистическая Литва!» [121] 29 июня многолюдные митинги и демонстрации революционных масс состоялись в Вильнюсе, Мариямполе, Утене и других городах Литвы.

---

[116] *Жагар Э. А.* Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Известия АН Латвийской ССР», 1970 г., № 8, с. 16.

[117] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 60, л. 9; д. 9, л. 21, 22.

[118] *Жагар Э. А.* Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Известия АН Латвийской ССР», 1970, № 8, с. 11—12.

[119] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VII). 80, 81—84., 126—128.lpp.

[120] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 25, л. 152.

[121] «Lietuvos žinios», 26.VI.1940; «XX amžius», 25.VI.1940.

В Эстонии уже в июне были случаи, когда на митингах принимались решения с требованием вступления Эстонии в состав СССР [122]. Однако в целом подобные призывы на июньских собраниях трудящихся Эстонии были единичными. 27 июня собрание рабочих Таллинского порта выразило поддержку Народному правительству и выдвинуло требование чистки государственного аппарата. Аналогичные решения принимались трудящимися на многотысячных собраниях 27 июня в Выру и 29 июня в Кунде [123]. Все эти собрания имели важное значение для воспитания классового сознания трудящихся.

Вся политическая жизнь после свержения диктатуры буржуазии в Прибалтийских странах развивалась под руководством коммунистических партий. В Литве, например, 16 июня 1940 г. под руководством КП Литвы был решен вопрос о составе нового правительства. По рекомендации ЦК КП Латвии в Народное правительство были дополнительно введены коммунисты.

2 июля Секретариат ЦК КП Латвии принял решение о проведении выборов в Народный сейм, а 4 июля Народное правительство издало соответствующий закон.

Тот факт, что коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии стали общепризнанными руководителями трудящихся, нашел яркое выражение, в частности, в нескончаемом потоке писем, направленных в партийные органы рабочими и крестьянами. Так, например, ЦК КП Латвии только за 3 дня, с 2 по 4 июля 1940 г., получил 186 писем, в которых трудящиеся информировали партию о своей революционной деятельности и просили руководящих указаний [124].

Большое внимание коммунистические партии Прибалтики, ставшие правящими партиями, уделяли подбору и расстановке работников государственного аппарата. На работу в государственные учреждения в Литве, Латвии и Эстонии выдвигались коммунисты и другие лица, которым пролетариат доверял. Среди них было немало рабочих, крестьян, представителей прогрессивной интеллигенции, рекомендованных местными партийными органами, различными организациями трудящихся.

Подпольные коммунистические партии стран Прибалтики в условиях фашистского террора были относительно немногочисленными. В рядах нелегальной коммунистической партии Латвии в канун революции 1940 г. насчитывалось, как уже отмечалось, примерно 1 тыс. членов. В Коммунистической партии Литвы к моменту ее выхода из подполья было около 2 тыс. членов [125], а в Коммунистической партии Эстонии около 150 коммунистов, не считая членов партии, проживавших в СССР, во Франции, Швеции и других странах [126]. В условиях фашистской диктатуры ряды подпольных коммунистических организаций поредели, но вокруг коммунистов сплачивался все более широкий беспартийный актив, что заметно усиливало боеспособность партии. Но сила коммунистических партий, их авторитет и влияние на общественное развитие измеряются отнюдь не только количеством коммунистов. В. И. Ленин в свое время справедливо указывал: «Партия — сознательный, передовой слой класса,

его авангард. Сила этого авангарда раз в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность.

Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

Может и превышает, *когда сотня организована.*

Организация удесятеряет силы»[127]. Коммунистические партии Литвы, Латвии, Эстонии были монолитными организациями, каждый член которых действовал сознательно и активно во имя высоких идеалов социализма и Советской власти. Компартии и Коммунистические союзы молодежи окружал многотысячный актив рабочих, крестьян, интеллигентов. Сила компартий была в их глубокой вере в идеалы, за которые они боролись, в научном понимании тех процессов, которые происходили как в Прибалтике, так и во всем мире, в умении правильно определять актуальные задачи и сплачивать трудящиеся массы на целенаправленную борьбу за их осуществление.

Партийные организации охватывали своим влиянием все более широкие массы трудящихся городов и сел. В Литве почти во всех уездах и многих волостях существовали подпольные комитеты Компартии, которые в июне 1940 г. легализовались. В литовской деревне очень популярным было требование Коммунистической партии о конфискации земли, скота и инвентаря помещиков с целью передачи их безземельным и малоземельным крестьянам[128]. Партийные организации города проводили большую организационную и разъяснительную работу. В Эстонии партийные ячейки создавались на заводах и фабриках — не только в Таллине, но также в Нарве и других городах. Коммунисты Латвии уже с первых дней социалистической революции широко развернули агитационную работу среди масс. Рижская партийная организация была тесно связана с рабочими коллективами многих промышленных предприятий и имела большое влияние среди портовых рабочих и студентов. Коммунисты возглавляли фабрично-заводские комитеты на предприятиях металлообрабатывающей, химической и других отраслей промышленности. На ряде предприятий функционировали партийные ячейки.

Всей организационной и идеологической работой Коммунистической партии Латвии после легализации руководил Секретариат ЦК, который был избран 21 июня на первом легальном заседании ЦК КП Латвии и до октября 1940 г. выполнял функции Бюро Центрального Комитета партии. Первым секретарем ЦК был избран Я. Калнберзин, вторым — Ж. Спуре, третьим — А. Яблонский, который также являлся ответственным редактором газеты «Циня» — органа ЦК КП Латвии. 18 июня из

---

[122] ЦГАОР ЭССР, ф. 1015, оп. 1, д. 2.

[123] ЦГАОР ЭССР, ф. 1354, оп. 3, д. 144, л. 36; ф. 14, оп. 2, д. 1255, л. 38—39.

[124] *Himelreihs L.* Tā ausa brīvības rīts. Rīga, 1966, 137.lpp.

[125] *Снечкус А.* Во главе трудового народа.— «Коммунист» (Вильнюс), 1965, № 10, с. 16, 17.

[126] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 386.

[127] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 34.

[128] «Liaudies balsas», 24.VI.1940, «Tiesa», 26.VI.1940.

Каунасской каторжной тюрьмы был освобожден А. Снечкус, который возглавил работу Центрального Комитета Компартии Литвы. Членами Секретариата ЦК в то время были также Х. Айзенас, И. Мескупас и А. Петраускас. В Эстонии члены Центрального Комитета Коммунистической партии возглавили наиболее ответственные участки партийной работы. Так, например, член ЦК Компартии Эстонии П. Кээрдо 8 июля стал политическим руководителем армии и военного министерства, член ЦК — Х. Арбон с конца июня возглавлял работу профессиональных союзов Эстонии. В июле был утвержден Секретариат ЦК КП Эстонии. Его членами стали И. Лауристин, Н. Руус и другие руководители партии.

В Латвии по инициативе коммунистов на фабриках и заводах были созваны собрания членов профсоюзов, которые избрали уполномоченных для участия в выборах новых правлений профессиональных союзов. В течение нескольких недель было реорганизовано 60 профсоюзов, которые в середине июля объединяли в своих рядах более 38 тыс. членов [129]. В то же время под руководством коммунистов была проведена большая работа по созданию рабочих комитетов на предприятиях. Выборы этих комитетов происходили в некоторых случаях в обстановке ожесточенной борьбы. Администрация ряда предприятий при активном участии реакционно настроенных мастеров пыталась сорвать выборы или провести в состав рабочих комитетов своих ставленников, но подобные попытки всегда кончались неудачей. В рабочие комитеты, так же как и в правления профессиональных союзов, повсеместно избирались коммунисты и их сторонники. Так, например, 25 июня 1940 г. уполномоченный ЦК КП Латвии организовал выборы рабочего комитета на фабрике «Лайма». Большинством голосов в рабочий комитет были избраны политически сознательные рабочие. Попытки реакционных мастеров попасть в его состав провалились. Поэтому они при поддержке некоторых несознательных рабочих потребовали перевыборов под предлогом, что к предыдущим коллектив фабрики не успел подготовиться. Однако повторные выборы привели к тем же результатам. Подобный случай произошел на фабрике «Латвияс коквилна». Характерно, что рабочие и служащие повсеместно и единодушно избирали в рабочие комитеты коммунистов и их сторонников. Так, например, на текстильной фабрике акционерного общества «Лента» в выборах рабочего комитета, состоявшихся 29 июня, участвовало 593 рабочих. Собрание открыл член КП Латвии. Его кандидатура была выдвинута первой и единодушно поддержана участниками собрания. Коммуниста избрали единогласно. В конце июня 3 тыс. рабочих завода «ВЭФ» избрали в состав рабочего комитета преимущественно коммунистов. На велосипедном заводе «Эренпрейс» общее собрание рабочих решило избрать в рабочий комитет весь состав нелегального антифашистского комитета, руководимого коммунистами в период фашистской диктатуры [130].

Острая борьба разгорелась в Латвии также при выборах органов местного самоуправления в ряде волостей, где контрреволюционные эле-

менты проявляли большую активность, пытаясь провести в состав местных органов власти своих кандидатов. Так, в Айзкалнской волости народное собрание 28 июня 1940 г. избрало всех кандидатов, рекомендованных представителем КП Латвии. Айзсарги и кулаки, игнорируя волю подавляющего большинства крестьян, не подчинились решению народного собрания и на следующий день собрали небольшую группу своих сторонников, которые проголосовали за реакционных кандидатов. Однако трудящиеся волости активно поддерживали лиц, избранных большинством, и объявили выборы, организованные контрреволюционными элементами, недействительными. Трудящиеся Звардской волости 30 июня также дали решительный отпор айзсаргам, которые пытались пробраться в состав персонала вспомогательной полиции. Народное собрание отвергло кандидатуры айзсаргов и избрало революционно настроенных рабочих и крестьян. В Балтинавской волости выборы членов волостного совета и персонала вспомогательной полиции были проведены 1 июля. В этот день около 200 айзсаргов и их сторонников собрались в местном доме айзсаргов и, отказавшись признать решение народного собрания, избрали в названные органы власти своих людей. Произвол контрреволюционных элементов вызвал глубокое возмущение большинства трудящихся волости. Несколько тысяч крестьян направились к дому айзсаргов, водрузили над ним красный флаг и разогнали айзсаргов [131]. 7 июля провалилась попытка айзсаргов провести свои кандидатуры в состав персонала вспомогательной полиции в Пампальской волости [132].

Айзсарги оказывали упорное сопротивление трудящимся. Они срывали и уничтожали плакаты и воззвания Коммунистической партии, вели контрреволюционную агитацию. Им помогали реакционно настроенные служители церкви, пытаясь восстановить против коммунистов отсталые слои трудящихся. В Извалтской волости местный ксендз угрожал расправой всем, кто идет за коммунистами и участвует в революционных демонстрациях [133]. Имели место попытки разжечь националистическую вражду среди населения, поссорить латышей и русских, спровоцировать антисемитские эксцессы. Коммунистическая печать разоблачала контрреволюционную агитацию врагов трудового народа и разъясняла трудящимся их задачи в классовой борьбе.

Активно боролся против контрреволюционных элементов рабочий класс Литвы. Рабочие составили основное ядро народной милиции, которая обеспечила охрану общественного порядка, важнейших промышленных предприятий и собраний трудящихся в Литве, где, так же как

---

[129] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 4, л. 52.

[130] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 97., 121., 122.lpp.

[131] «Латгальская правда», 1940, 4 июля.

[132] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 425.lpp.

[133] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940 gadā (20.VI—5.VIII), 422.lpp.

в Латвии и Эстонии, велась упорная борьба против владельцев предприятий, пытавшихся нарушить их нормальную производственную деятельность. О революционной инициативе и активности рабочих Эстонии красноречиво свидетельствует создание уже в первые дни революции организации Народной самозащиты для борьбы против контрреволюционных сил. Аналогичные задачи выполняла Рабочая гвардия в Латвии.

Огромную роль в активизации масс сыграла коммунистическая печать. Коммунистическая партия Латвии при помощи своей периодической печати постоянно оказывала влияние на широкие народные массы. Тираж газеты «Циня» в июле 1940 г. вырос до 60 тыс. экземпляров. Большой полулярностью пользовалась и газета «Комунист» — орган Лиеяскурземского областного комитета партии, которая издавалась легально с 21 июня. В конце июня начали выпускать свои газеты коммунисты города Вентспилса и Талсинского р-на. Наряду с этими и другими газетами на латышском языке печатались газеты на русском языке — с 21 июня орган Латгальского областного комитета КП Латвии «Латгальская правда», с 24 июня — орган Рижского комитета партии «Пролетарская правда» и др. Коммунистическая печать Латвии уделяла большое внимание разъяснению внутренней и внешней политики Советского Союза, популяризации его достижений, которые стали возможны благодаря преимуществам социалистического строя. Особенно широко на страницах газет освещался ход революционных преобразований в Латвии. Приветствуя революционную инициативу масс, печать в то же время подчеркивала важность укрепления организованности и дисциплины, а также необходимость строгого соблюдения революционной законности. Материалы периодической печати, а также воззвания, которые выпускались в различных городах и уездах, показывают, какие вопросы больше всего волновали трудящихся. Это прежде всего их стремление активно участвовать в революционных преобразованиях, их неотложные требования. Так, например, в конце июня газеты писали об одном из наиболее популярных требований трудящихся деревни — конфисковать землю сельской буржуазии и передать ее безземельным и малоземельным крестьянам.

По своему содержанию коммунистическая печать Литвы, Латвии и Эстонии в конце июня и начале июля 1940 г. имела много общего. Но были и существенные различия. В Эстонии орган Коммунистической партии «Коммунист» и другие газеты, разоблачая антинародную политику фашистской буржуазии, в начале июля сосредоточивали главное внимание на задачах демократизации политического строя страны. Коммунистическая же печать в Литве в отличие от Эстонии и Латвии в конце июня — начале июля 1940 г. уделяла большое внимание популяризации социалистических лозунгов. В газетах «Ляудес балсас» и «Тиеса» уже 24, 26 и 29 июня выдвигался лозунг «Да здравствует социалистическая Советская Литва!»

Число активных участников идеологической работы коммунистических партий в ходе революции быстро росло. И все же недостаток про-

пагандистов и агитаторов ощущался очень остро. Чтобы восполнить этот пробел, партийные организации повсеместно организовывали политическую учебу коммунистов и беспартийных активистов. Так, например, в Латвии партийная организация Вергальской волости уже на своем первом легальном собрании 21 июня 1940 г. приняла решение еженедельно проводить занятия по изучению истории ВКП(б) и Конституции СССР. В учебу включились 12 коммунистов и 43 беспартийных активиста [134].

Пропагандисты и агитаторы вели свою работу в сложных условиях. Им нужно было умело разъяснять массам курс коммунистической партии на мирное развитие революции, готовить их к восстановлению Советской власти. Направление этой разъяснительной работы отражала, например, статья «Ближайшие задачи и хозяйственная политика государства», опубликованная в газете «Циня» 4 июля 1940 г. В статье указывалось, что «политика демократизации государства была бы односторонней и таила бы в себе зачатки ее уничтожения, если бы она оставила нетронутым хозяйственный строй, который создал и защищал старый плутократический режим. Перемены должны последовать, это знают все. Но это может решать только свободно избранное всем народом представительство». Этот тезис весьма характерен и для содержания разъяснительной работы коммунистов Литвы и Эстонии в начальный период революции 1940 г.

*

В революции 1940 г. в странах Прибалтики ярко проявились общие закономерности социалистической революции: руководящая роль рабочего класса, возглавляемого коммунистическим авангардом; союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся, заинтересованными в свержении власти буржуазии; благотворное влияние пролетарского интернационализма, которое проявилось в братской солидарности народов Прибалтики и Советского Союза; переход политической власти в руки пролетариата, который обеспечивает свое господствующее положение, разрушая буржуазную государственную машину.

Общие закономерности социалистической революции проявились в специфических формах, обусловленных конкретной исторической обстановкой. Это относится прежде всего к мирному и постепенному процессу разрушения старого государственного аппарата, к тесному переплетению социалистических и демократических задач в ходе развития революции.

Революция 1940 г. показала, какое огромное значение в борьбе за социализм имеют: борьба за демократию; сплочение непролетарских слоев трудящихся вокруг революционного пролетариата, его коммунистического авангарда; использование парламентских форм с целью создания подлинно народных парламентов, призванных обеспечить все

---

[134] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 121, оп. 1, д. 13, л. 63.

необходимые условия для социалистического преобразования всей общественной жизни.

Стратегия и тактика коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии вытекали из реальной возможности одновременного решения антифашистских и антикапиталистических задач в ходе осуществления политической революции, из необходимости привлечь на сторону рабочего класса все слои трудового народа, заинтересованные в ликвидации фашизма и освобождения от капиталистической эксплуатации. Правильная политическая линия и умелая тактика коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии способствовали успешному развитию социалистической революции.

Важное значение для определения стратегии и тактики коммунистических партий Прибалтики имели решения VII конгресса Коминтерна, направленные против сектантства и ориентировавшие на сплочение вокруг революционного пролетариата и его коммунистического авангарда широких непролетарских слоев трудящихся. Это сыграло большую роль в решающий момент борьбы за свержение фашизма. Вместе с тем VII конгресс Коминтерна, решительно осудивший догматизм, учил коммунистические партии всемерно учитывать изменения в обстановке и соответственно изменять тактику. Когда в июне 1940 г. в Прибалтике возникло новое соотношение сил пролетариата и буржуазии, рабочий класс Литвы, Латвии и Эстонии имел решающий перевес и коммунистические партии этих стран взяли курс на осуществление социалистической революции. Но ввиду тесного переплетения социалистических и демократических задач в начале революции было целесообразно в первую очередь сосредоточить внимание на решении задач антифашистского характера. Была применена гибкая тактика, рассчитанная на постепенное развитие социалистической революции, что обеспечило успешный переход ко все более высоким ступеням революционного преобразования всей политической жизни. В первый месяц революции политическая форма новой государственной власти в Эстонии, Латвии и Литве еще не сложилась в полной мере. Тогда только началось формирование элементов, будущих составных частей советской формы диктатуры пролетариата.

Первой победой социалистической революции было образование народных правительств, второй — огромный успех революционных сил на выборах в народные парламенты, а кульминацией революции было провозглашение Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии 21 июля 1940 г.

В. И. Ленин в 1918 г. писал, что суть буржуазно-демократической революции в России — в борьбе против монархии и помещиков, а затем идет борьба «*против капитализма,* в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистическою.* Пытаться поставить искусственную, китайскую, стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма...» [135].

Революция 1940 г. в Прибалтике была социалистической с самого начала именно в силу готовности пролетариата и беднейшего крестьянства к решающей борьбе против городской и сельской буржуазии. Именно они были движущими силами социалистической революции в ее начальный период. Но поскольку революция попутно решала и антифашистские задачи, то ее поддерживали и средние слои. В дальнейшем были преодолены колебания среднего крестьянства и мелких ремесленников и обеспечена активная поддержка ими Советской власти, социалистических преобразований во всех сферах общественной жизни.

Социалистическая революция 1940 г. была подлинно народной революцией, так как ее совершил рабочий класс при активной поддержке широких непролетарских слоев трудящихся, и соответствовала коренным интересам трудового народа.

---

[135] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 311—312.

7

Восстановление Советской власти в Прибалтике

Деятельность народных правительств в Литве, Латвии и Эстонии • Выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и в Государственную думу Эстонии • Победа блоков трудового народа • Провозглашение Советской власти • Образование Литовской, Латвийской и Эстонской ССР • Вступление Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик в Союз ССР • Конституции Прибалтийских Советских республик

1. Деятельность народных правительств в Литве, Латвии и Эстонии

Переход власти в руки народных правительств, явившийся результатом революционных выступлений трудящихся Литвы, Латвии и Эстонии под руководством коммунистов, не только означал свержение фашистских режимов, но сопровождался коренным изменением государственного строя в странах Прабалтики. Власть из рук реакционной буржуазии перешла в руки трудящихся города и деревни во главе с рабочим классом. Народные правительства должны были сразу же направить свои усилия на сплочение прогрессивных антифашистских сил, проведение демократических преобразований, создание условий для вовлечения самых широких народных масс в активную политическую жизнь.

Поскольку во всех Прибалтийских странах во второй половине июня 1940 г. сложилась очень сходная историческая обстановка, не удивительно, что в процессе создания и деятельности народных правительств проявилось много общих черт. И в то же время каждой из Прибалтийских стран была присуща своя специфика, свои особенности.

В Литве, где решительные революционные выступления народных масс — мощные демонстрации и митинги трудящихся — вызвали растерянность и панику в правящих кругах и где силы реакции были ослаблены бегством 15 июня в Германию президента Сметоны, фашистская клика предпринимала отчаянные попытки сохранить свое политическое господство в стране. Она пыталась сформировать под видом нового правительства такой кабинет, который состоял бы из представителей фашистских кругов и выполнял их волю. Так, Сметона перед бегством пытался поручить сформировать правительство генералу Раштикису. Но литовский трудовой народ вовремя разоблачил происки реакционных кругов и решительно вмешался в ход событий. Проведенное 16—17 июня по инициативе Секретариата ЦК КП Литвы совместное совещание пред-

ставителей Компартии Литвы и деятелей антифашистского движения приняло решение выдвинуть на пост главы нового правительства видного общественного деятеля, представителя антифашистского движения Ю. Палецкиса [1]. Под давлением трудящихся масс исполняющий обязанности президента А. Меркис вынужден был поручить Ю. Палецкису формирование правительства.

В состав созданного 17 июня Народного правительства Литвы вошли видные общественные деятели, активные борцы против фашизма, представители прогрессивной интеллигенции: писатель Ю. Палецкис (председатель Народного правительства), классик литовской литературы профессор В. Креве-Мицкявичюс (заместитель председателя, министр иностранных дел), генерал В. Виткаускас (министр обороны, командующий литовской армией, много сделавший для перехода ее на сторону народа), прогрессивный юрист П. Пакарклис (министр юстиции), агроном М. Мицкис (министр сельского хозяйства и временно исполняющий обязанности министра внутренних дел), врач Л. Коганас (министр здравоохранения); министром финансов и временно исполняющим обязанности министра путей сообщения был назначен инженер Э. Галванаускас [2].

В течение нескольких дней Народное правительство Литвы пополнялось новыми членами. 19 июня министром просвещения был назначен писатель А. Венцлова, 24 июня государственным контролером — известный антифашист, революционер Л. Адомаускас. Если в первые дни существования Народного правительства среди министров не было ни одного коммуниста и оно состояло в основном из беспартийных антифашистов, то к концу июня — началу июля в состав правительства вошли 4 коммуниста: 19 июня министром внутренних дел стал коммунист М. Гедвилас, 24 июня министром труда и уполномоченным по делам Вильнюса — коммунисты М. Юнчас-Кучинскас и К. Диджюлис, 1 июля министром путей сообщения — коммунист С. Пупейкис. После нескольких недель деятельности Народного правительства коммунистами являлись уже многие его министры. В июле — августе 1940 г. председатель Народного правительства Ю. Палецкис, министры Л. Адомаускас, Ю. Вайшнорас вступили в ряды Коммунистической партии Литвы. Состав Народного правительства Литвы свидетельствовал о том, что оно выражает интересы трудового народа, и может обеспечить их проведение в жизнь.

Создание Народного правительства в Латвии происходило в основном так же, как и в Литве. Однако здесь были и свои особенности. После ухода в отставку обанкротившегося фашистского правительства Ульманиса создание нового правительства вызвало острую политическую борьбу. На политическую арену попытались выйти руководители бывших

---

[1] *Paleckis J.* Gyvenimas prasideda. Vilnius, 1967, p. 230—231.

[2] «Vyriansybes žinios», 17.VI.1940.

буржуазных партий (А. Блёдниек, В. Холцманис, П. Бергис и др.), никак себя не проявлявшие и трусливо молчавшие все время после фашистского переворота 1934 г. Эти давным-давно обнакротившиеся политиканы хотели теперь воспользоваться плодами той многолетней революционной борьбы, которую вели под руководством Компартии трудящиеся Латвии против фашистской диктатуры, и за их спиной пробраться к власти. Совместно с бывшим правым лидером социал-демократов, председателем разогнанного в 1934 г. сейма П. Калнынем буржуазные политиканы провели несколько тайных совещаний, на которых обсуждали вопрос об устранении Ульманиса с поста президента и взятии власти в свои руки. Добиться власти они хотели путем передачи полномочий президента П. Калныню. В то же время, понимая, что создать правительство только из своих ставленников в сложившейся обстановке им вряд ли удастся, «представители партий» приняли и другое решение: если им предложат участвовать в правительстве, обязательно дать на это свое согласие [3]. Принятие «представителями партий» такого решения свидетельствовало о признании ими законности создания нового правительства. Если потом многие из них, бежав за границу, стали упорно твердить, о «незаконности» образования Народного правительства, то это можно объяснить не только тем, что они не получили желаемых министерских портфелей в этом правительстве, но и злобной ненавистью к трудовому народу, который обошелся без них, поддержав установление власти рабочего класса.

Попытки различных кругов буржуазии, стремившихся сохранить в Латвии свое классовое господство, «осчастливить» ее созданием нового буржуазного правительства, потерпели полный крах. По требованию широких трудящихся масс, Коммунистической партии и демократических кругов интеллигенции 20 июня 1940 г. было сформировано Народное правительство, которое возглавил известный ученый и общественный деятель, активный участник революции 1905—1907 гг. профессор А. Кирхенштейн. В состав Народного правительства вошли видные представители прогрессивной интеллигенции — известный писатель В. Лацис (министр внутренних дел), генерал Р. Дамбитис (военный министр), журналист П. Блаус (министр общественных дел), журналист Ю. Лацис (министр народного благосостояния и и. о. министра просвещения), адвокат Ю. Паберз (министр юстиции), инженер Я. Ягар (министр путей сообщения), общественный деятель В. Латковский (товарищ министра внутренних дел) [4]. В последующем состав Народного правительства был расширен.

Компартия Латвии, оказавшая решающее влияние на формирование Народного правительства, не только всемерно поддерживала его, но и приняла решение об участии в нем коммунистов. Так, в состав Народного правительства сразу же вошли тесно сотрудничавшие с ЦК КП Латвии В. Лацис и В. Латковский, а 22 июня 1940 г. на заседании Секретариата ЦК КП Латвии кандидатами на посты министров Народного правительства, были выдвинуты коммунисты А. Табак, Я. Ванаг и

К. Карлсон[5], которые вскоре были назначены соответственно государственным контролером и министрами земледелия и финансов. Это давало Компартии Латвии возможность еще решительнее определять политику правительства. Представителей каких-либо других политических партий в Народном правительстве не было, так как помимо Коммунистической партии, вышедшей в эти дни из подполья, никаких других партий в Латвии не существовало (некоторые члены Народного правительства состояли в различных буржуазных и мелкобуржуазных партиях до фашистского переворота 15 мая 1934 г., после которого все эти партии в Латвии были распущены). Отсутствие буржуазных партий значительно облегчило рабочему классу Латвии борьбу за власть, способствовало быстрой ликвидации политических позиций буржуазии и превращению пролетариата в ведущую политическую силу в стране.

В Эстонии, так же как в Литве и Латвии, Народное правительство было создано по требованию широких масс после целого ряда безуспешных попыток реакционных кругов воспрепятствовать приходу к власти подлинно народного правительства. И здесь правительство было образовано и действовало вначале на основе старой конституции (1938 г.).

В своих воспоминаниях министр просвещения Народного правительства Эстонии И. Семпер пишет, с какой неохотой президент К. Пятс согласился 21 июня 1940 г. на требование трудового народа создать Народное правительство: «Когда Варес представил ему список нового правительства, он его тоже отклонил. Только вечером того же дня, когда список был представлен вторично, Пятс уступил и примирился с положением. Около полуночи радио сообщило, что новое, Народное правительство приступило к работе. Во время первого заседания правительства в административном помещении Кадриоргского дворца..., когда все уже сидели вокруг стола, из соседней комнаты появился сам глава государства; он по-прежнему расположился за столом, делая вид, будто ничего особенного не произошло, и принялся отеческим тоном поучать нас, увещевать и предупреждать, чтобы мы строго придерживались конституции и действовали только в ее пределах. Казалось, он ни в малейшей мере не соображает, что речь идет о революции...»[6].

В состав Народного правительства Эстонии вошли видные общественные деятели, известные антифашисты, разделявшие взгляды Коммунистической партии. Главой правительства стал врач И. Варес-Барбарус — известный поэт, один из организаторов движения помощи испанским республиканцам, заместителем премьер-министра был утвержден

---

3 *Kalninš B.* Latvijas sociāldemokrātijas piecdesmit gadi. Stokholma, 1956, 282.lpp.

4 Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.I—5.VIII). Dokumenti un materiāli. Rīga, 1963, 19.lpp.

5 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 2.

6 Наступил день... (Воспоминания участников революционных событий 1940 года в Эстонии). Таллин, 1969, с. 101.

видный историк профессор Х. Круус. Ядро Народного правительства составляли антифашистские деятели, которые в составе единого антифашистского фронта боролись против клики Пятса. Н. Руус — секретарь парламентской группы «Единый блок трудового народа» — стал министром социального обеспечения, А. Йыээр — министром сельского хозяйства, Н. Андрезен — министром иностранных дел. Министром просвещения, о чем уже говорилось выше, был назначен известный писатель И. Семпер, министром экономики — Ю. Нихтиг, военным министром — генерал Т. Ротберг, министром юстиции — Б. Сепп.

Как показали дальнейшие события, Народное правительство Эстонии под руководством Компартии уверенно действовало в интересах развития социалистической революции. В течение месяца его деятельности в ряды Компартии Эстонии вступили пять министров, в том числе и премьер-министр И. Варес. Заместителями министров работали коммунисты Х. Хаберман (министерство внутренних дел) и О. Сепре (министерство экономики).

Правильное освещение и оценка событий, связанных со свержением фашистских режимов и созданием народных правительств в странах Прибалтики, и сегодня имеют исключительно важное политическое значение, так как вскрывают несостоятельность различного рода утверждений идеологов прибалтийских буржуазных эмигрантов в капиталистических странах, реакционных историков и юристов ФРГ, США, Англии и других капиталистических стран о «советской оккупации» Прибалтийских стран, о «незаконности» создания народных правительств в Латвии, Литве и Эстонии. Вопреки очевидным фактам эти фальсификаторы истории на протяжении вот уже более чем 37 лет тщетно пытаются «доказать», что июньские события в Литве, Латвии и Эстонии, закончившиеся свержением фашистских режимов и созданием народных правительств, являются якобы результатом «оккупации» Прибалтики советскими войсками. Однако все эти авторы умышленно «забывают» о том, что: во-первых, части советских войск находились на территории Литвы, Латвии и Эстонии в соответствии с международными договорами — пактами о взаимопомощи между СССР и странами Прибалтики, заключенными в октябре 1939 г.; во-вторых, пребывание советских войск на территории Латвии, Литвы и Эстонии было одной из мер, необходимых для предупреждения агрессии со стороны гитлеровской Германии против Советского Союза, и в то же время полностью соответствовало жизненным интересам народов Прибалтики, так как ограждало ее от захвата гитлеровской Германией; в-третьих, история не знает примеров, чтобы население принимало войска так дружелюбно, так радостно, как встречали части Красной Армии в 1940 г. в Прибалтике — народные массы видели в них отнюдь не армию оккупантов, а армию защитников своей свободы; в-четвертых, советские войска, находившиеся на территории Литвы, Латвии и Эстонии, не вмешивались во внутренние дела этих стран, в том числе и в борьбу между революционным народом и фашистскими кликами.

Другим излюбленным приемом, используемым литовскими, латышскими и эстонскими буржуазными националистами за рубежом и западноевропейскими и американскими фальсификаторами истории прибалтийских народов, является утверждение, будто образование народных правительств произошло вопреки конституциям Литвы, Латвии и Эстонии и поэтому, мол, эти правительства являлись незаконными. На самом же деле народные правительства были образованы в соответствии с ранее действовавшими в странах Прибалтики конституционными нормами. Однако, вне зависимости от того, что народные правительства были образованы с соблюдением положений старых буржуазных конституций, следует подчеркнуть, что основным критерием законности новых правительств явилось отнюдь не конституционность их образования. Законность новых правительств заключалась прежде всего в том, что их деятельность соответствовала волеизъявлению народа. Народные правительства Литвы, Латвии и Эстонии, созданные по инициативе широких народных масс, выражали их жизненные интересы.

Следует отметить, что переход власти в руки народных правительств не вызвал со стороны иностранных государств каких-либо заявлений и протестов. Более того, 21 июня 1940 г. заместитель председателя Народного правительства Литвы, министр иностранных дел профессор В. Креве-Мицкявичюс принял глав дипломатических миссий: папского нунция, посланников Франции, США, Италии, Великобритании, Швеции, Дании[7]. Это можно рассматривать как акт международного признания законности Народного правительства Литвы. 27 июня 1940 г. посланники США, Великобритании, Германии, Франции и других капиталистических стран, аккредитованные в Латвии, нанесли официальный визит главе Народного правительства Латвии А. Кирхенштейну, являвшемуся одновременно министром иностранных дел. То, что ни одно из капиталистических государств не отозвало из Литвы, Латвии и Эстонии своих дипломатических представителей, можно также расценивать как выражение международного признания народных правительств.

Народные правительства Литвы (17 июня 1940 г.), Латвии (21 июня 1940 г.) и Эстонии (22 июня 1940 г.) опубликовали декларации, в которых определили основные направления своей деятельности. В области внутренней политики они ставили целью обеспечить власть, права и свободу народов, повышение их материального благосостояния и культурного уровня, избрание на основе демократических выборов подлинно народных органов государственной власти. Правительства обещали немедленно объявить амнистию политическим заключенным, распустить и ликвидировать антинародные организации и т. д. Главными задачами в области внешней политики народные правительства считали честное выполнение пактов о взаимопомощи с СССР, установление и развитие добрососедских отношений с Советским Союзом.

[7] «Lietuvos žinios», 22.VI.1940.

11 Заказ № 2523

В основу деклараций народных правительств и всей их последующей деятельности были положены политические требования коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии. Коммунистические партии не только полностью поддерживали народные правительства, но и наметили коренные преобразования, которые эти правительства должны были осуществить в интересах трудящихся: введение контроля над производством и банками, создание рабочей милиции, демократизация армии, роспуск фашистских организаций, улучшение материального положения рабочих и служащих, ликвидация безработицы, конфискация крупных земельных владений и передача их безземельным, введение 8-часового рабочего дня и т. п. Именно такие задачи были сформулированы в наказе, который представители Компартии Латвии 21 июня на демонстрации в Риге передали Народному правительству [8]. Подобные требования вручили правительствам своих стран компартии Литвы и Эстонии.

Создание народных правительств Литвы, Латвии и Эстонии и провозглашенные ими программы деятельности встретили единодушную поддержку населения этих стран. Вопрос о власти в Литве, Латвии и Эстонии был решен не только созданием народных правительств, но и активной революционной борьбой широких масс трудящихся, вылившейся в политические демонстрации, митинги, собрания, волна которых прокатилась в те дни по всей Прибалтике. Под знаком полной поддержки народного правительства прошли 21 июня 1940 г. 100-тысячная демонстрация в Риге [9], массовые демонстрации трудящихся 21—23 июня в Лиепае, Резекне, Даугавпилсе, Вентспилсе, Кулдиге, Айзпуте, Валмиере и других местах Латвии [10]. В Литве массовые митинги и демонстрации, на которых трудящиеся горячо одобряли создание Народного правительства, состоялись 17—18 июня и в последующие дни. Многотысячные демонстрации проходили и в Эстонии — в Таллине, Тарту, Пярну и других городах.

Демонстрации, митинги, многолюдные собрания в городах, волостях и на предприятиях Прибалтийских стран явились теми массовыми революционными выступлениями, которые закрепили свержение фашистских режимов, обеспечили переход власти в руки трудящихся не только в центре, но и на местах, укрепили авторитет народных правительств. Принятие народными правительствами законов об амнистии политических заключенных и легализация коммунистических партий сыграли исключительно важную роль в развитии и углублении революции. Одновременно легализировались и создавались коммунистические молодежные, профсоюзные и другие организации трудящихся. Легализация существующих и создание новых организаций трудящихся помогли коммунистическим партиям Прибалтийских стран активизировать народные массы и в еще большей степени вовлечь их в революционное движение.

Ряд важнейших шагов в ходе революции был сначала осуществлен самими революционными массами под руководством коммунистических партий, а затем оформлен в законодательном порядке (так, например, были освобождены политические заключенные в Эстонии, создана На-

родная самозащита и т. д.). Приветствуя создание народных правительств, трудящиеся неоднократно выдвигали требования, направленные на дальнейшее углубление революции. Так, собрание эстонских трудящихся, состоявшееся 23 июня в Вяндра (Пярнмааский уезд), заявило о необходимости разработать новую конституцию, «которая походила бы на конституцию, действующую в Советском Союзе, самую демократическую конституцию в мире»[11].

Поскольку народные правительства в Прибалтийских странах были созданы в одних и тех же исторических условиях и решали одни и те же революционные задачи, глубоко закономерным было наличие в их деятельности общих моментов, общей линии. Такими общими, наиболее существенными моментами в деятельности народных правительств в Прибалтике были: слом фашистского государственного аппарата; осуществление широкой демократизации политической и общественной жизни; установление и расширение добрососедских отношений с СССР; проведение экономических мероприятий, направленных на установление государственного контроля за деятельностью частного капитала; улучшение материального положения трудящихся. Следует отметить, что все эти мероприятия народные правительства проводили одновременно, занимаясь сломом фашистского государственного аппарата параллельно с перестройкой экономики, с демократизацией общественной и политической жизни. При этом нельзя забывать, что буржуазия стран Прибалтики, в июне 1940 г. выпустившая из своих рук государственную власть без вооруженного сопротивления, не отказалась вообще от борьбы. После прихода народных правительств к власти буржуазия развернула политическую, экономическую и идеологическую борьбу, надеясь на иностранный империализм, в первую очередь фашистскую Германию, которая помогла бы ей сохранить старые порядки. Преодолевая сопротивление эксплуататорских классов, народные правительства успешно осуществляли намеченные мероприятия. Эти глубокие революционные преобразования стали возможными благодаря тому, что они проводились в жизнь под руководством компартий при самом активном участии широких народных масс.

Важнейшая сторона деятельности народных правительств состояла в сломе старого, фашистского государственного аппарата и превращении его в орудие защиты интересов трудящихся. При активном участии народных масс, руководимых компартиями, новые правительства успешно справились с этой задачей. Были ликвидированы государственные учреждения фашистского типа, их место заняли вновь созданные революционные народные органы. В то же время для решения неотложных

---

[8] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 51.—52.lpp.

[9] «Cīņa», 22.VI.1940.

[10] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 60., 65.—69.lpp.

[11] *Kutsar-Zabrodskaja S.* Eestimas Kommunistlik partei 1940. aasta revolutionis. Tallinn, 1960, lk. 100.

задач использовались многие старые политические учреждения, устранялся бюрократизм в системе государственного управления, создавались условия для активного участия народных масс в управлении государством. Государственный аппарат очищался от фашистов и их пособников: из армии, полиции, министерств и других государственных учреждений были изгнаны наиболее реакционные элементы. На ответственные должности в министерства и другие государственные учреждения по рекомендациям Центральных Комитетов компартий выдвигались участники революционного движения, коммунисты, антифашисты, профсоюзные активисты. Однако старые формы государственного аппарата, сложившиеся при господстве буржуазии, в этот период, как правило, еще сохранялись. В первое время приходилось использовать и старые кадры чиновничества. Характеризуя государственный аппарат Литвы этого периода, Ю. Палецкис в своих воспоминаниях писал: «Много изменений произошло в государственном аппарате: с руководящих постов были сняты прислужники реакции, а на их место выдвинуты люди из народа — коммунисты, активные антифашисты и другие прогрессивные деятели. Изменения эти произошли не сразу. Первые недели пришлось работать со старым аппаратом. И в резиденции президента на первый взгляд ничего не изменилось. Охрану несли прежние полицейские. Начальником канцелярии оставался экс-ксендз П. Бельскис. Остались даже те же адъютанты, кроме одного, который убежал вместе со Сметоной. Как рассказывал М. Гедвилас, назначенный министром внутренних дел, ему тоже довелось первое время работать со старыми чиновниками и бывшими полицейскими боссами»[12].

Характерным примером того, как производилось подчинение старого государственного аппарата интересам трудового народа, может служить реорганизация министерства внутренних дел в Латвии. В первый же день деятельности Народного правительства министром был назначен В. Лацис, затем были произведены изменения среди руководящего персонала министерства, изгнаны фашисты, наиболее реакционные чиновники. Так, 22 июня 1940 г. Народное правительство сместило с должностей директора департамента полиции безопасности и начальника входившего в этот департамент управления политической полиции (охранки) — ярого фашиста Я. Фридрихсона[13]. На эти должности был назначен новый заместитель министра В. Латковский. Основательной чистке был подвергнут аппарат управления политической полиции, сплошь состоявший из преданных фашистскому режиму людей, «мастеров» террористической расправы с участниками революционного движения. ЦК КПЛ направил на работу в управление политической полиции коммунистов Э. Бриедиса, Я. Менде, Я. Циниса, Я. Шалмса, Я. Трукшана и других, сумевших в корне изменить характер деятельности этого учреждения. Такой же реорганизации подверглись и другие учреждения министерства внутренних дел, в том числе префектуры на местах, полицейский корпус. Хотя и сохранилось прежнее название «управление политической полиции», его классовое назначение коренным образом изме-

нилось. Главной задачей этого управления, как и министерства в целом, стала защита безопасности трудящихся Латвии от реакционеров и фашистских элементов, защита завоеваний трудящихся. Аналогичные изменения производились в таком же порядке в министерствах внутренних дел Литвы и Эстонии.

В Литве, так же как и в Латвии, во второй половине июня и в июле 1940 г. уездные начальники, начальники полиции и другие должностные лица были заменены представителями народа. Аналогичная замена чиновников, служивших при фашистском режиме в министерствах и государственных учреждениях, происходила в июне — июле 1940 г. и в Эстонии. В этот период были ликвидированы главным образом политические учреждения, созданные в период фашистского режима.

Большим событием в политической жизни Прибалтийских стран явилось упразднение народными правительствами палат и камер, созданных по образцу итальянских фашистских «корпораций»: камер торговли и промышленности, сельского хозяйства, ремесла, труда, культуры и искусства, профессий — в Латвии; профессиональных палат (сельскохозяйственных рабочих, учителей, торговых служащих и т. д.) — в Эстонии; палаты сельского хозяйства, палаты торговли, промышленности и ремесла и палаты труда — в Литве. В Латвии была ликвидирована также трудовая централь (биржа труда), которая занималась принудительной отправкой безработных на тяжелые лесо- и торфоразработки и обеспечивала дешевой рабочей силой кулацкие хозяйства. Трудящиеся Прибалтики с одобрением встретили ликвидацию этих важнейших инструментов проведения фашистской политики в области труда и развития народного хозяйства.

Важное значение для закрепления победы трудового народа стран Прибалтики имел роспуск военизированных фашистских организаций. В Эстонии 27 июня 1940 г. была распущена вооруженная фашистская организация кайтселийт; ее имущество, денежные средства и оружие были конфискованы и переданы государству. Вместе с кайтселийтом были расформированы входившие в него женская и юношеская организации [14]. В Литве 13 июля была распущена военизированная фашистская организация стрелков (шаулисов), члены которой несли вспомогательную службу в полиции, а также «Союз добровольцев» — реакционная организация, объединявшая лиц, боровшихся в 1918—1919 гг. против Советской власти в Литве [15]. Та же участь постигла военизированную фашистскую организацию айзсаргов в Латвии. Разоружение айзсаргов — этой вооруженной опоры фашистского режима — началось по инициативе трудящихся сразу же после прихода к власти Народного правительства. Так, рабочие и трудовые крестьяне Алсунги разоружили айзсаргов уже 25 июня 1940 г. Столь же решительно действовали трудящиеся и

[12] *Палецкис Ю.* В двух мирах. М., 1974, с. 319.

[13] «Valdības Vēstnesis», 25.VI.1940.

[14] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2. Таллин, 1963, с. 419.

[15] «Vyriausybės žinios», 17.VII.1940.

во многих местах Латвии. Официально организация айзсаргов была распущена 8 июля 1940 г. [16]

Ликвидация военизированных фашистских организаций в странах Прибалтики в известной степени предупреждала попытки реакционных сил организованно выступить против народной власти. Однако главари этих организаций продолжали лелеять мысль о реванше. С этой целью они создавали тайные склады оружия, призывали своих бывших членов быть готовыми к активной борьбе.

В Эстонии и Литве были распущены фашистские партии (в Латвии с 1934 г. партий официально не существовало): 26 июня 1940 г. в Эстонии была распущена правительственная партия изамаалийт [17], 19 июня 1940 г. в Литве — фашистская партия таутининков и союз «Яунойи Летува» (националистическая организация молодежи, действовавшая под руководством этой партии). Одновременно были закрыты и другие фашистские и белогвардейские политические организации.

Компартиям и народным правительствам Литвы, Латвии и Эстонии пришлось вести упорную борьбу за демократизацию и чистку армий от фашистских элементов, преодолевать сопротивление реакционного офицерства. Были освобождены от должности главнокомандующий эстонской армией Лайдонер, командующий латвийской армией Беркис и другие профашистские генералы. Процесс демократизации армии в странах Прибалтики проходил успешно, но встречал сопротивление реакционных сил. «Передовое офицерство,— вспоминал Ю. Палецкис,— испытывало чувство позора за то, что ему приходится стоять на страже фашистского режима. Но немало оказалось и таких, которые после июньских событий сажали солдат на гауптвахту за выражение революционных настроений или участие в митингах. Однако никакие наказания не могли помешать революционному созреванию армии в целом. После большой демонстрации солдат в Каунасе реорганизация старой армии в народную армию пошла быстро и успешно. В этом процессе важную роль сыграл генерал В. Виткаускас, вошедший в новое правительство как министр обороны. Командующим Народной армией был назначен генерал Ф. Жемайтис, который в 1919 г. командовал 1-м Жемайтийским полком Красной Армии» [18]. Задачи компартий стран Прибалтики в области демократизации армии были четко сформулированы в статье, опубликованной в органе ЦК КП Латвии — газете «Циня» 23 июня 1940 г.: «...мы ожидаем от военного министра нынешнего правительства и нового командующего армией, что они приложат все силы, чтобы армией Латвии командовали люди с большой политической сознательностью... Необходимо также, чтобы из латвийской армии был железной метлой вычищен тот фашистский дух, который годами культивировали прежние ее командующие».

Народные правительства Литвы, Латвии и Эстонии приняли законы о введении в армиях института политических руководителей. Политические руководители воинских частей назначались из коммунистов или лиц, близких к ним по своим взглядам. В начале июля во многих воин-

ских частях эстонской армии стихийно началось создание комитетов военнослужащих; они вели среди солдат политико-воспитательную и разъяснительную работу. 13 июля Народное правительство Эстонии законодательно закрепило эти комитеты, определило их функции, права и обязанности [19]. В Литве 3 июля был принят специальный закон «О реорганизации литовской армии», в соответствии с которым армия была переименована в Народную армию [20], чем подчеркивался ее новый классовый характер и назначение — стоять на страже интересов трудящихся. Большую работу по демократизации армии проводили политические руководители. Председатель Народного правительства Литвы Ю. Палецкис, оценивая роль политических руководителей в реорганизации литовской армии, отмечал: «Через политических руководителей проводилась демократизация армии, усилилось ее политическое и культурное воспитание, расширились связи народной армии с Советским Союзом и его Красной Армией» [21]. В демократизации латвийской армии серьезную роль также сыграли политические руководители. Среди назначенных в начале июля в армейские части и военные учреждения латвийской армии политических руководителей, рекомендованных Коммунистической партией Латвии, были коммунисты, прошедшие большую школу революционного подполья, члены Союза трудовой молодежи Латвии. Они разъясняли солдатам мероприятия Народного правительства, помогали создавать в воинских частях ячейки Компартии и Союза трудовой молодежи. В результате всех этих мероприятий армии стран Прибалтики были вырваны из-под влияния реакционного офицерства и твердо встали на сторону трудового народа.

По требованию трудящихся народные правительства провели коренную ломку полиции — важного оплота старой власти. Из полиции, как и из армии, были изгнаны реакционные элементы. Практически вместо нее была создана народная милиция. Одновременно создавались новые революционные органы народа, каких не было и не могло быть в буржуазных Прибалтийских странах.

Слом фашистской государственной машины, реорганизация и демократизация отдельных частей государственного аппарата происходили под руководством компартий, которые выдвигали на ответственные посты своих лучших представителей, преданных делу народа, и через них осуществляли руководство государственными органами. В результате укрепилось влияние компартий как в центре, так и на местах.

Другая важнейшая особенность демократизации государственного аппарата состояла в приспособлении его к защите интересов трудящихся путем частичного использования старого законодательства (главным

---

[16] «Valdības Vēstnesis», 18.VII.1940.

[17] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 419.

[18] *Палецкис Ю.* Указ. соч., с. 318.

[19] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 409.

[20] «Vyriausybės žinios», 4.VII.1940.

[21] Стенограмма Народного сейма Литвы, I сессия. Каунас, 1940, с. 14.

образом в области гражданских, уголовных, трудовых правоотношений), которое приобрело новое классовое содержание.

Одним из главных методов деятельности народных правительств при проведении преобразований во всех сферах государственной и общественной жизни Литвы, Латвии и Эстонии являлось издание законодательных актов. В руках трудящихся такие акты, как декларации правительств, законы об амнистии, законы о рабочих комитетах и другие, стали могучим рычагом революционного преобразования. Законы и постановления издавались от имени народных правительств, но зачастую в Латвии и Эстонии скреплялись подписями К. Ульманиса и К. Пятса, которые до 21 июля 1940 г. формально оставались президентами государств.

Важным направлением в деятельности народных правительств являлась демократизация внешней политики — обеспечение всестороннего выполнения пактов о взаимопомощи с СССР, укрепление дружбы с советским народом, ликвидация политической и экономической зависимости Литвы, Латвии и Эстонии от иностранных империалистических держав. Определяющее значение в этом отношении имело аннулирование народными правительствами антисоветских по своей сущности договоров, заключенных буржуазными правительствами и лежавших в основе так называемой Балтийской антанты [22]. Расторгнув эти договоры, народные правительства решительно порвали с антисоветским курсом прежних правительств. Это сделало возможным быстрое укрепление добрососедских отношений между Литвой, Латвией, Эстонией и СССР. Народные правительства произвели также чистку дипломатического аппарата своих стран. Были отстранены от работы в министерствах иностранных дел наиболее активные проводники и организаторы двурушнической и провокационной политики по отношению к СССР.

Особенно важным для стран Прибалтики было экономическое сотрудничество с СССР, значение которого стало определяющим в условиях вызванного второй мировой войной критического положения в области обеспечения сырьем и топливом. В июне — июле 1940 г. торговые связи с Советским Союзом значительно оживились.

В результате промышленность Прибалтики получила необходимое количество сырья (металла, хлопка и т. п.) и топлива (нефтепродуктов, каменного угля). Все это способствовало коренному изменению отношений между странами Прибалтики и Советским Союзом: они стали развиваться на основе дружбы и взаимного доверия.

Чрезвычайно большое значение в деятельности народных правительств имели преобразования в экономической области, в области улучшения материального положения трудящихся.

На основе указаний коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии и при их непосредственном участии народные правительства осуществили ряд важнейших экономических мероприятий, имевших характер революционного наступления на позиции крупной промышленной и торговой буржуазии. Был установлен контроль над деятельностью частного

капитала и введено ее регулирование. Это подготовило условия для последующего проведения национализации основных средств производства и банков.

Для осуществления контроля за деятельностью администрации кредитных учреждений, акционерных обществ, промышленных и торговых предприятий труда назначались государственные уполномоченные[23]. Существенную помощь в установлении контроля государства за деятельностью частного капитала оказали рабочие комитеты, созданные на предприятиях из представителей рабочих и служащих (в Латвии — в соответствии с законом о рабочих комитетах[24], в Эстонии — согласно постановлению министра экономики[25], в Литве — министра финансов) и сыгравшие немалую роль в вовлечении широких масс трудящихся в активную политическую жизнь. Рабочие комитеты должны были, как провозглашал латвийский закон о рабочих комитетах, «обеспечить успешную деятельность правительства, демократизировать систему управления в области использования наемной рабочей силы, благоприятствовать нормальному развитию промышленности, ремесла, торговли, строительства, транспорта и сельского хозяйства»[26].

Естественно, что такие мероприятия вызывали отчаянное сопротивление со стороны буржуазии, вели к обострению классовой борьбы. Если прежде частные предприниматели стремились к постоянному увеличению выпуска продукции на своих предприятиях, то после прихода к власти народных правительств они все чаще становились на путь саботажа, всячески тормозя развертывание производства. В целях решительного пресечения саботажа народные правительства приняли закон об обеспечении деятельности предприятий. По этим законам владельцы обязывались заботиться о снабжении своих предприятий сырьем, материалами, товарами и другими средствами, необходимыми для обеспечения их бесперебойной и продуктивной деятельности. Были приняты и другие законы, направленные на пресечение враждебных действий буржуазии (в Латвии — закон о борьбе с вредительством от 13 июля 1940 г., закон о борьбе с земельной спекуляцией от 19 июля 1940 г. и др.)[27]. Благодаря осуществлению всех этих мер предприниматели уже не могли хозяйничать бесконтрольно, закрывать фабрики и заводы, сокращать объем производства, произвольно распоряжаться денежными средствами, по своему усмотрению принимать на работу и увольнять рабочих и служащих.

---

[22] На основе обоюдного соглашения были признаны аннулированными с 1 июля 1940 г. договор от 1 ноября 1923 г. об оборонительном союзе между Латвией и Эстонией и договор от 17 февраля 1934 г. об организации союза между Латвией и Эстонией («Valdības Vēstnesis», 1.VII.1940); с 3 июля 1940 г. народные правительства аннулировали заключенный 12 сентября 1934 г. в Лиепае договор о взаимопонимании и сотрудничестве между Латвией, Литвой и Эстонией («Valdības Vēstnesis», 3.VII.1940).

[23] «Valdības Vēstnesis», 18.VII.1940; «Vyriasybės žinios», 17.VII.1940.

[24] «Valdības Vēstnesis», 17.VII.1940.

[25] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 421.

[26] «Valdības Vēstnesis», 28.VI.1940.

[27] «Valdības Vēstnesis», 13. и 20 VII.1940

Народные правительства приняли целый ряд мер в целях улучшения материального положения рабочих и других трудящихся слоев населения. Прежде всего был установлен 8-часовой рабочий день. Заработная плата рабочих и служащих была повышена на 10—12%. Многое делалось и для ликвидации безработицы. В одной только Литве были обеспечены работой 12 тыс. безработных. На улучшение благосостояния трудящихся было направлено и решение Народного правительства Эстонии от 29 июня 1940 г. о национализации и передаче министерству социальных дел всех лечебных и оздоровительных учреждений крупнейшего курорта Пярну. В Литве были снижены квартирная плата, подоходный налог и т. п.[28] Аналогичные мероприятия проводились и в Латвии.

Реформы, осуществлявшиеся народными правительствами, касались трудящихся города и деревни. Народное правительство Эстонии, например, приняло постановление об отчуждении залежной земли и передаче ее безземельным и малоземельным крестьянам, о предоставлении денежных ссуд новоземельцам, об упорядочении задолженности крестьян[29]. Народное правительство Литвы приняло срочные меры по прекращению распродажи крестьянских хозяйств за долги и установило льготные условия для погашения крестьянами государственных ссуд[30].

Среди первых шагов народных правительств в области развития народного образования было предоставление детям трудящихся возможности получить образование. В Литве школы были изъяты из ведения католического духовенства, отменено преподавание вероучения. Было положено начало осуществлению бесплатного медицинского обслуживания населения.

Важным направлением в деятельности народных правительств являлась демократизация политической и общественной жизни Литвы, Латвии и Эстонии. В борьбе за демократию легче всего было поднять и сплотить самые широкие массы народа против буржуазии, установить с ними прочный союз, завоевать авторитет, необходимый рабочему классу и его революционному авангарду для того, чтобы повести трудящихся дальше, к победе социализма.

Борьба за демократию ни в коей мере не отвлекала рабочий класс от социалистической революции. «Было бы коренной ошибкой думать,— писал В. И. Ленин,— что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»[31].

Характер демократии, за установление которой после создания народных правительств боролись компартии стран Прибалтики, был четко определен в резолюции апрельской конференции КП Эстонии весной 1940 г., когда партия еще находилась в подполье: «Наша цель — такая

демократия, при которой экономическое и политическое господство крупной буржуазии сломлено и весь трудовой народ — рабочие, трудовое крестьянство, ремесленники, живущая своим трудом интеллигенция — могут свободно решать, как устроить свою жизнь»[32].

Большое значение для демократизации политической и общественной жизни стран Прибалтики имели декларации народных правительств. В декларациях подчеркивалось, что правительства считают своей задачей обеспечение свободы и демократических прав народа. Одним из первых шагов на пути демократизации явились законы об объявлении амнистии политическим заключенным — борцам за дело освобождения трудящихся. Бывшие узники сразу же активно включились в строительство новой жизни.

Народные правительства, используя институты старых буржуазно-демократических конституций, наполнили их новым классовым содержанием. Народу были предоставлены демократические права и свободы — слова, печати, собраний, демонстраций, объединения в общества. Права эти были гарантированы всем гражданам, независимо от их национальности, вероисповедания или образования. Ликвидировалась существовавшая при фашизме национальная дискриминация. Например, Народное правительство Литвы отменило буржуазное законодательство о гражданстве Вильнюсской области, предоставлявшее привилегии литовцам, которое было направлено на ущемление прав национальных меньшинств, на раскол рабочего движения.

После создания народных правительств в Прибалтике впервые более чем за 20 лет стали легально выходить коммунистические газеты. Они помогали коммунистическим партиям Литвы, Латвии и Эстонии мобилизовывать массы на борьбу за искоренение фашизма, за демократизацию своих стран, за победу социалистической революции. Трудящиеся находили в коммунистических газетах ответы на волнующие их вопросы, разъяснения, советы. Стали свободно распространяться советские литература, книги, журналы.

Вышедшие из глубокого подполья коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии, ставшие инициаторами и организаторами всех важнейших мероприятий народных правительств, проводили большую работу по завоеванию масс, их политическому воспитанию и организации, всей своей деятельностью способствуя развитию творческих сил трудящихся, поднятию их революционной сознательности.

---

[28] «Vyriausybės žinios», 17.VII.1940.
[29] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 422.
[30] «Vyriausybės žinios», 1940, Nr. 718.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.
[32] «Kommunist», 1940, № 1.

2. Выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и в Государственную думу Эстонии. Победа блоков трудового народа

Важнейшим политическим событием периода деятельности народных правительств в Прибалтийских республиках были выборы в высшие органы государственной власти: в Литве и Латвии — в народные сеймы, в Эстонии — в Государственную думу.

Народные правительства не случайно приняли решение об использовании таких политических институтов буржуазных республик, какими являлись сеймы и Государственная дума. Руководившие ими коммунистические партии были уверены, что если трудящимся массам во время выборов будут предоставлены необходимые условия для выражения своей воли, то сеймы и Государственная дума могут стать действительно представительными органами литовского, латышского и эстонского народов. В отличие от старых буржуазно-демократических и тем более от фашистских (в Литве и Эстонии) парламентов, сеймы и Государственная дума, наделенные необходимыми полномочиями, могли бы решать все вопросы государственной жизни, в том числе и вопросы о характере государственной власти.

Превращение сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии в подлинно народные органы обеспечивало успешное завершение мирного перехода власти в руки трудящихся, создавало все условия для проведения через парламенты коренных социальных преобразований. Но для создания таких условий необходимо было провести дальнейшую демократизацию общественной жизни для организации действительно народных выборов.

Одним из важных шагов на этом пути было принятие народными правительствами законов о проведении выборов в сеймы и Государственную думу и законов о внесении демократических изменений в ранее действовавшие буржуазные избирательные законы. В подготовке законопроектов о внесении изменений в избирательные законы активно участвовали представители коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии, входившие в состав правительств. Это дало компартиям возможность руководить разработкой этих законопроектов и обеспечить таким образом интересы широких масс трудового народа.

В Эстонии в действовавший ранее закон о выборах в Государственную думу 5 и 9 июля 1940 г. были внесены изменения, значительно демократизировавшие его[33]. В результате из 78 параграфов этого закона 6 были полностью или частично отменены, 19 — существенно изменены, в 8 — внесены поправки редакционного характера. Был предусмотрен демократический порядок выставления кандидатов: требовалось представление в избирательную комиссию петиции о выдвижении кандидата, подписанной не менее чем 50 избирателями. Одновременно были сокращены сроки выставления и регистрации кандидатов, образования и деятельности избирательных комитетов и т. д. Кроме того, решением

Народного правительства Эстонии от 5 июля 1940 г. была изменена структура государственного собрания — упразднена вторая его палата (наиболее антидемократическая, сформированная из представителей различных буржуазных учреждений и организаций, а также из лиц, не избранных населением, а назначенных президентом), так называемый Государственный совет. Парламентом стала однопалатная Государственная дума.

В Литве 6 июля 1940 г. был принят новый избирательный закон, регламентировавший порядок проведения выборов [34]. Этот закон значительно демократизировал порядок проведения выборов, расширял избирательные права трудящихся.

В Латвии, где сейм был разогнан в 1934 г., трудящиеся потребовали созыва Народного сейма на правах Учредительного собрания для решения вопроса о будущем государственном устройстве страны. Это требование было удовлетворено. В протоколе заседания Народного правительства Латвии от 4 июля 1940 г. записано, что правительство Латвийской демократической республики, признавая своим долгом обеспечить народу Латвии возможность свободно выразить его волю в решении задач, которые встали перед страной в области государственного строительства и государственного управления, постановляет: «1) Немедленно провести выборы сейма в соответствии со статьей 6 Конституции Латвийской республики, 2) назначить выборы сейма на 14 и 15 июля 1940 г.; 3) принять избирательный закон и немедленно провести его в жизнь» [35]. На этом же заседании был принят и закон о выборах в сейм [36]. Этот закон повторял основные положения избирательного закона от 9 июня 1922 г., действовавшего до фашистского переворота. Внесенные в старый закон дополнения преследовали одну цель — сделать выборы более демократичными. Так, в первой статье закона устанавливалось, что избирательное право имеют все граждане Латвии, которые к первому дню выборов достигли 21 года. В целях установления более демократического порядка деятельности избирательных комиссий статья 22 нового закона предоставляла лицам от организаций и групп избирателей, выдвинувших списки кандидатов, право участвовать в заседаниях избирательных комиссий [37].

Избирательными законами Литвы, Латвии и Эстонии было установлено, что выборы высших органов государственной власти должны быть всеобщими, равными, прямыми, при тайном и пропорциональном голосовании [38]. Каждый избиратель имел один голос. Это было особенно важно, потому что до 1940 г. в странах Прибалтики выборы не были

---

[33] Noukogade Eesti konstjtutsioonilise seadussandluse ajaloost». Tallinn, 1960, lk. 411, 414.

[34] Vyriausybės žinios», 6.VII.1940.

[35] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20.VI—5.VIII), 26.lpp.

[36] Там же, с. 196—199.

[37] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 198.lpp.

[38] Valdības Vēstnesis», 5.VII.1940; «Vyriausybės žinios», 6.VII.1940; «Riigi Teataja», 6.VII.1940.

равными. В Литве и Латвии право голоса получили военнослужащие [39]. Ранее в выборах принимали участие только те из них, кто проходил службу по месту своего постоянного жительства.

Кандидатов в депутаты народных сеймов и Государственной думы могли выдвигать общественные организации и группы граждан, предоставившие в избирательные комиссии списки, подписанные не менее чем 50 (в Латвии — 100) избирателями. В Литве избирательный закон предусматривал выдвижение кандидатов в депутаты на общих собраниях избирателей. Каждый кандидат мог фигурировать лишь в одном списке, каждый избиратель имел право подписывать только один список.

Законы устанавливали порядок организации и функции избирательных комиссий, а также порядок голосования, подсчета голосов и определения результатов голосования, который исключал возможность фальсификации результатов выборов.

В Латвии и Эстонии выборы были назначены на 14 и 15 июля 1940 г., в Литве — на 14 июля [40].

Число избираемых депутатов было установлено в Латвии — 100, в Эстонии — 80, в Литве — 79 (такие цифры предусматривались старыми конституциями этих стран). Депутаты народных сеймов и Государственной думы избирались по округам. Территория Литвы была разделена на 8, Латвии — на 5, Эстонии — на 80 избирательных округов. При решении этого вопроса использовалась практика проведения выборов в 20—30-х годах.

Характерная особенность избирательных законов состояла в том, что они не предусматривали ограничений избирательных прав граждан. В июле 1940 г. соотношение классовых сил в странах Прибалтики настолько явно складывалось в пользу трудового народа, что народным правительствам не было необходимости использовать такое дополнительное средство борьбы с эксплуататорскими классами, как лишение их избирательных прав. Поэтому представителям эксплуататорских классов было предоставлено активное и пассивное избирательное право, но они были лишены реальной возможности обеспечить избрание своих представителей в народные парламенты. Таким образом, народные правительства создали все необходимые условия для того, чтобы литовский, латышский и эстонский народы могли на предстоящих выборах свободно выразить свою волю.

Решения народных правительств Литвы, Латвии и Эстонии о проведении выборов в сеймы Литвы и Латвии и в Государственную думу Эстонии встретили активную поддержку широких народных масс. По инициативе коммунистических партий повсюду проходили массовые митинги и демонстрации трудящихся, приветствовавшие решения о выборах.

Сразу же после опубликования законов о проведении выборов развернулась избирательная кампания. Она коренным образом отличалась от тех избирательных кампаний, которые имели место в Прибалтике в

период господства буржуазии. Выдвижение кандидатов в депутаты сеймов и Государственной думы, как и предусматривалось избирательными законами, проводилось общественными организациями и группами граждан. Так, 18 июля 1940 г. в Риге состоялось общее собрание уполномоченных рабочих, выдвинувшее список кандидатов Блока трудового народа Латвии.

Во всех Прибалтийских странах на многолюдных собраниях происходили встречи кандидатов в депутаты со своими избирателями. О том, как протекали эти встречи в июле 1940 г. вспоминает депутат Государственной думы Эстонии Д. Кузьмин: «Вместе со мной от Петсериского уезда кандидатом был прогрессивный общественный деятель Алексей Янсон... Мы объехали все волости Петсериского уезда, где я выступал перед избирателями. Нас повсюду встречали очень сердечно и проявляли живой интерес к событиям дня»[41]. В такой же деловой и сердечной обстановке проходили встречи с кандидатами в депутаты в Латвии и Литве.

Во время встреч с избирателями кандидаты в депутаты знакомили своих избирателей с политической программой, которую народные правительства собирались проводить в жизнь. В свою очередь рабочие, крестьяне, представители трудовой интеллигенции Литвы, Латвии и Эстонии на предвыборных собраниях давали кандидатам в депутаты наказы, содержавшие политические требования трудового народа.

Коммунистические партии стран Прибалтики непосредственно руководили предвыборными кампаниями. Так, например, на заседании ЦК Компартии Латвии 9 июля 1940 г. обсуждался вопрос об оказании помощи Блоку трудового народа Латвии в предвыборной кампании в Лиепае, Елгаве и Рижском уезде. Было принято постановление направить в эти места партийных работников и агитаторов. Кроме того, сельскохозяйственному отделу и отделу агитации ЦК предлагалось послать на село 50 агитаторов[42]. Та работа, которая проводилась в ходе предвыборной кампании под руководством компартий Литвы, Латвии и Эстонии, давала им возможность не только широко разъяснить народным массам свои политические цели и программу, но и в значительной степени повысить активность трудящихся, усилить их заинтересованность в решении всех насущных вопросов. Трудовой народ Литвы, Латвии и Эстонии впервые после долгих лет буржуазного господства стал чувствовать себя настоящим хозяином в своих странах.

В ходе предвыборной кампании возникла необходимость сплотить все прогрессивные силы в каждой из стран Прибалтики с целью выдви-

---

[39] В Эстонии было сохранено старое положение буржуазного избирательного закона, по которому военнослужащие права голоса на выборах не имели.

[40] В связи с ливневыми дождями Народное правительство Литвы 14 июля 1940 г. приняло решение о продлении выборов на один день (15 июля).

[41] Наступил день..., с. 73.

[42] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 6, л. 2, 3.

жения единых политических предвыборных платформ. Осознавая эту необходимость, рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция Литвы, Латвии и Эстонии объединились в единые избирательные блоки — Союз трудового народа Литвы, Союз трудового народа Эстонии и Блок трудового народа Латвии.

В Союз трудового народа Эстонии вошли 22 организации: Коммунистическая партия, Центральный совет профессиональных союзов, Совет сельских трудящихся, Коммунистический союз молодежи, Центральный совет малоземельных крестьян, Комитет трудящихся женщин, Рабочая спортивная лига, Союз больничных касс, Таллинский союз потребительской кооперации, культурно-просветительное общество «Идея» и др.[43] Блок трудового народа Латвии объединял все 26 созданных к тому времени в Латвии отраслевых профсоюзов, Союз трудовой молодежи Латвии, Красную помощь (МОПР), представителей армии, культурные, спортивные и другие общества и организации во главе с Коммунистической партией Латвии; Союз трудового народа Литвы — Коммунистическую партию Литвы, Коммунистический союз молодежи, организации Народной помощи, профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, представителей крестьянства, трудовой интеллигенции (в том числе художников, писателей), спортивные организации. Руководящей и направляющей силой этих блоков являлись коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии.

6 июля 1940 г. во всех трех странах были опубликованы избирательные платформы блоков трудового народа, в которых они решительно требовали широких демократических свобод для трудящихся; дальнейшей демократизации армии; развития национальной культуры и науки, образования и искусства; улучшения материального положения рабочих и служащих; предоставления трудовому крестьянству земли и освобождения его от старых долгов государству; расширения сети больниц, клиник и других медицинских учреждений. Основным требованием в области внешней политики было расширение контактов между странами Прибалтики и Советским Союзом, установление нерушимого союза между Литовской, Латвийской, Эстонской республиками и великим Союзом Советских Социалистических Республик[44].

Политические и экономические требования платформ (широкая государственная помощь малоземельным и безземельным крестьянам в получении земли, улучшение материального положения трудящихся и т. д.) были направлены на расширение и углубление демократических начал в общественно-политической и экономической жизни Прибалтийских стран, на подъем материального и культурного уровня рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Показательны лозунги, вынесенные в название этих документов: «За мир, за хлеб, за свободу народа!». Такие требования давали коммунистическим партиям Литвы, Латвии и Эстонии возможность объединить самые широкие слои населения и повести их за собой, добиться победы на выборах для более активного развития социалистической революции.

Именно потому, что избирательные платформы соответствовали интересам самых широких народных масс, они были так единодушно поддержаны рабочими, крестьянами, трудовой интеллигенцией. О полном признании платформы Блока трудового народа Латвии заявили 6 июля на 4-й тысячной манифестации трудящиеся Тукума, 7 июля — участники многотысячных митингов в Риге и Елгаве, 9 июля — 2-тысячный митинг в Дагде, 7 июля — 4-тысячная манифестация в Абрене, 11 июля — 2-тысячный митинг в Малте, 12 июля — 7-тысячный митинг в Резекне, 10 июля — собрание жителей Скриверской волости[45] и т. д. Платформу Союза трудового народа Эстонии только за один день 9 июля одобрили на собраниях 15 тыс. человек на о-ве Сааремаа, 4,5 тыс.— в уезде Пярнумаа, 3,5 тыс.— в Вырумаа, 200 человек — в Ляэнемаа, 1,5 тыс. человек — на о-ве Муху, 500 человек — в Хальяла и т. д. В Литве на митингах в поддержку платформы Союза трудового народа 7 июля участвовали в Вильнюсе свыше 100 тыс. человек, в Паневежисе — 10 тыс., в Кальварии — 20 тыс., в Варняй — 15 тыс., в Куршенай — 6 тыс., в Вилкавишкисе — около 15 тыс., в Каунасе — 100 тыс., в Пренай — 4 тыс., в Кретинге — 4 тыс. человек и т. д.[46]. Это было действительно всенародное одобрение избирательных платформ. К 14 июля к платформам блоков трудового народа присоединились все демократические общественные организации, существовавшие в тот период в Литве, Латвии и Эстонии. Так, платформу Союза трудового народа Эстонии поддержали 618 различных организаций и 304 народных собрания[47].

Несмотря на то что трудовое население Прибалтийских стран решительно поддерживало избирательные блоки, возглавляемые коммунистическими партиями, подготовка к выборам и сами выборы проходили в обстановке классовой борьбы. Реакционные буржуазные элементы решили использовать предвыборную кампанию в своих интересах, а также попытаться протащить в народные парламенты своих ставленников. В Эстонии буржуазные группы выдвинули 78 своих кандидатов в 66 избирательных округах[48]. Подобные же попытки проникнуть в народный законодательный орган и использовать его в контрреволюционных целях имели место в Латвии. Бывший военный министр в правительстве К. Ульманиса, один из организаторов фашистского переворота в 1934 г. генерал Я. Балодис, известный реакционер адвокат В. Замуэлс, бывший министр-президент, а позднее посол в гит-

---

43 История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Изд. 2-е. Таллин, 1958, с. 594.

44 «Cīņa», 6.VII.1940; «Tiesa», 6.VII.1940. Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4. Vilnius, 1963, dok. Nr. 298; «Rahva Hääl», 6.VII.1940.

45 Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20.VI—5.VIII), 218., 221., 228., 229., 230., 240., 242., 244.lpp.

46 «Tiesa», 8—16.VII.1940.

47 *Кэбин И.* Эстония — прошлое, настоящее. Таллин, 1970, с. 71.

48 *Маамяги В.* К трактовке революционных событий 1940 года в Эстонии.— «Известия АН Эстонской ССР. Серия общественных наук», 1966, № 3, с. 331.

леровской Германии X. Целминь и другие создали так называемый Комитет демократических латышских избирателей по выборам в сейм, от имени которого разработали «меморандум демократических латышских избирателей» пытались выдвинуть список кандидатов в депутаты сейма [49].

«Демократические латышские избиратели» хорошо знали, что если они открыто выступят в защиту окончательно скомпрометировавших себя в глазах латышского народа антидемократических буржуазных порядков, то народные массы решительно отвергнут их кандидатов. Поэтому в своем «меморандуме» они выставляли себя приверженцами и защитниками демократии, заявляя, что будут добиваться демократических свобод для народа, земли для крестьянства, дружбы с Советским Союзом и т. д. Но все эти словоизлияния в защиту демократии были чистейшей демагогией. О том, что у «демократических латышских избирателей» не было и не могло быть никаких намерений изменить общественный строй Латвии, свидетельствовал пункт 6 их предвыборного обращения, где говорилось о «сохранении и защите частной собственности и частной инициативы» [50]. В этом пункте, а еще яснее — в предложенном ими списке кандидатов в депутаты сейма достаточно отчетливо проявилась классовая, эксплуататорская сущность их избирательной платформы.

Коммунистическая партия Латвии выступила с разоблачением этой группировки и ее списка. Газета «Циня» писала: «Никогда эти деятели не заботились о благополучии народа, народных интересах, и если теперь они обращаются к тому самому народу, который они все время угнетали, то относительно их целей не может быть никаких сомнений: они хотят расколоть единые силы народа и пробраться в сейм, чтобы там продолжать свою враждебную народу политику» [51]. Народные массы отвергли платформу кандидатов Комитета демократических латышских избирателей по выборам в сейм: ни одно предвыборное собрание не высказалось в их поддержку. Трудящиеся потребовали, чтобы избирательные комиссии не регистрировали списки кандидатов, в которые были включены известные реакционеры, деятели свергнутого фашистского режима [52].

В Литве, как сообщала газета «Тиеса» 9 июля 1940 г., контрреволюционные элементы тоже пытались «кое-где... вести агитацию, чтобы люди выставили оппозиционных народу кандидатов, однако это имело успех только среди помещиков и бывших пособников таутининков и им подобных».

В эти дни коммунистические партии во всех Прибалтийских странах уделяли большое внимание политической работе в армии, в частности вопросу об участии солдат в выборах. Привлечение армии на сторону народа было политической задачей первостепенной важности, поскольку армия всегда являлась одним из основных орудий господства буржуазии, одним из наиболее сильных средств в борьбе за сохранение этого господства. В Литве, например, в обращении Союза

трудового народа к армии говорилось: «Трудовая Литва ждет вас, воины Народной армии, что вы 14 июля придете к избирательным урнам дружно голосовать за списки Трудового союза»[53]. В другом воззвании к солдатам и офицерам Народной армии также содержался призыв отдать голоса кандидатам Трудового союза: «Приближаются выборы в Народный сейм, который выразит настоящую волю трудящихся... Ни одного голоса врагам народа, нашим угнетателям и их прислужникам! Народная армия идет только с народом! Все как один выразим свое твердое военное убеждение строить новое, светлое будущее Литвы, голосуя за кандидатов Трудового союза Литвы. Все на выборы!»[54]. В Эстонии 6 июля 1940 г. в газете «Коммунист» была опубликована статья «Что происходит в армии?», в которой выдвигалось требование «разрушить стену между армией и народом», а рабочие таллинских предприятий в своем заявлении требовали предоставить солдатам возможность свободное время использовать для общения с народом[55]. В начале июля в Таллине, Тарту и других городах Эстонии солдаты впервые приняли участие в совместных с рабочими политических демонстрациях. Собрание военнослужащих одобрило избирательную программу Союза трудового народа Эстонии[56]. И для Латвии было характерно усиление политической работы коммунистов в армии, укрепление связей армии с трудящимися, предвыборные собрания солдат, заявлявшие о своей поддержке платформы Блока трудового народа.

По требованию трудящихся народные правительства Литвы, Латвии и Эстонии после издания законов о выборах опубликовали также дополнительные разъяснения о порядке выборов: во избежание использования выборов в корыстных, личных и враждебных народу целях списки кандидатов, представляемые в центральную избирательную комиссию, могли быть приняты только в том случае, если к списку была приобщена избирательная платформа соответствующей группы избирателей или организации, а также если были представлены доказательства, что эта платформа доведена до сведения широкой общественности[57]. Подробно регламентировалась техническая сторона организации выборов.

Тем временем враждебные народу элементы не оставляли мысли пробраться в число кандидатов в депутаты, в частности путем формального присоединения к избирательной платформе блоков трудового

---

[49] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20.VI—5.VII), 490.lpp.

[50] Там же.

[51] «Cīņa», 10.VII.1940.

[52] «Пролетарская правда», 1940, 10 июня; «Cīņa», 10.VII.1940.

[53] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 824.

[54] Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 626.

[55] «Kommunist», 6.VII.1940.

[56] Наступил день..., с. 114—117.

[57] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 220.—221.lpp; «Riigi Teataja», 6.VII 1940; Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 4, p. 819—820.

народа. Так, в Талсинском уезде (Латвия) бывшие айзсарги, спекулянты и прочие антинародные элементы выставили список кандидатов «беспартийных рыбаков, мелких хозяев, ремесленников, рабочих и средних классов». Газета «Талсу апринькя зиньотайс» («Вестник Талсинского уезда»), разоблачая этих деятелей, показала народным массам их истинное лицо: «Все инициаторы списка «рыбаков» принадлежат к тем кругам, которые все эти годы находились у власти, но о нуждах малообеспеченных рыбаков не хотели и слышать. Теперь эти господа, как отъявленные мошенники, записали в своих предвыборных обещаниях те же требования, которые содержатся в платформе Блока трудового народа» [58].

Прикрывшись личиной друзей народа и демократии, в Латгальском избирательном округе (Латвия) пытались зарегистрировать список кандидатов «крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции Латгалии» и представители мелкобуржуазных кругов и католического духовенства Латгалии (Ф. Кемп, А. Арманис и др.). Но трудящиеся на предвыборных собраниях разоблачили этих «защитников народа» и не позволили им выступать от имени трудового народа Латгалии.

Во всех этих случаях в Латвии окружные избирательные комиссии на основе избирательного закона признавали петиции о выдвижении кандидатов недействительными.

В Центральную избирательную комиссию Латвии всего поступило 17 списков кандидатов. Однако из них только 5 списков Блока трудового народа Латвии отвечали всем требованиям избирательного закона и были зарегистрированы во всех 5 избирательных округах. Остальные списки кандидатов, как показала их проверка в Центральной избирательной комиссии, не отвечали требованиям закона о выборах в сейм и разъяснениям Центральной избирательной комиссии о порядке подачи списков кандидатов. Поэтому Центральная избирательная комиссия эти списки не зарегистрировала [59].

В Таллине было аннулировано 11 списков о выдвижении кандидатов. В решении окружного избирательного комитета было указано, что против одних из этих кандидатов неоднократно возбуждалось уголовное преследование, другие в свое время арестовывались за участие в фашистском движении вапсов, третьи были известны своей активной деятельностью в реакционных организациях — изамаалийт, Союзе кавалеров Креста свободы и других — и являлись активнейшими контрреволюционерами. Были исключены из списков кандидатов в депутаты Государственной думы и такие деятели реакционных буржуазных организаций, как Я. Тыниссон, И. Питка, пастор Тальмейстер и др. [60]. Некоторые представители буржуазии, опасаясь провала на выборах, сами сняли свои кандидатуры. Среди них были А. Пиксаар (избирательный округ № 65), А. Маакер (избирательный округ № 27), А. Маремаа (избирательный округ № 71). Они заявили, что отказываются от выдвижения своих кандидатур и присоединяются к тем, кто поддерживает платформу и кандидатов Союза трудового народа Эстонии [61]. Один из представи-

телей буржуазных кругов своей кандидатуры не снял и баллотировался на выборах, но большинства голосов, необходимого для избрания, не получил.

Как отмечалось выше, ни в одной из Прибалтийских стран буржуазия (даже ее наиболее реакционные представители) не лишались избирательных прав. Однако силы буржуазии были дезорганизованы и деморализованы стремительным ходом событий и активностью народа. Поскольку в конце июня — начале июля 1940 г. были распущены фашистские партии и различные профашистские организации, эти силы не имели единого плана и общего руководства и в предвыборной борьбе не сумели оказать народу, руководимому коммунистическими партиями и присоединившимися к ним прогрессивными организациями, более или менее серьезного сопротивления.

Выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и в Государственную думу Эстонии происходили в течение двух дней — 14 и 15 июля. Впервые после долгих лет буржуазного господства в странах Прибалтики были созданы условия, гарантировавшие свободное волеизъявление литовского, латышского и эстонского народов. Свержение фашистских режимов, предоставление трудящимся массам широких демократических свобод, их глубокая заинтересованность в том, чтобы депутатами были избраны настоящие представители трудового народа,— все это привело к тому, что выборы в сеймы и Государственную думу явились действительно демократическими выборами, на которых литовский, латышский и эстонский народы выразили свою истинную волю. Поэтому неудивительно, что эти выборы происходили в торжественной и праздничной обстановке.

Газета «Циня» так описывала первое утро выборов в Риге: «Около 9 часов по рижским улицам начали двигаться колонны со знаменами, плакатами, песнями и музыкой. Это — рабочие отдельных предприятий или профессий, которые направились к избирательным урнам организованным путем. Такие колонны видны всюду: в центре Риги, в Пардаугаве, на площади Земитана, в Саркандаугаве, в Латгальском предместье, в районе Парка 1905 г. и в других местах...»[62]. А вот как проходили выборы в Литве: «В Литве города и села в связи с выборами приняли праздничный вид... В столице Каунасе уже с самого раннего утра на улицах было большое оживление. Люди собирались у избирательных участков задолго до открытия дверей. Рабочие фабрик и служащие учреждений шли голосовать организованно, в колоннах с оркестрами и плакатами... Настроение избирателей приподнятое.

---

[58] «Talsu Apriņķa Ziņotājs», 12.VII.1940.
[59] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 310.lpp.
[60] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 428.
[61] *Ряжин В. Я.* Социалистическая революция 1940 г. в Эстонии и преобразование Государственной думы Эстонии в Верховный Совет Эстонской ССР.— «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1960, № 4, с. 115.
[62] «Cīņa», 15.VII.1940.

В Вильнюсе на 43-м участке один старый рабочий, опустив избирательный бюллетень в урну, сказал: «Настоящие выборы, последний удар по режиму Сметоны. Я голосую не первый раз, но я никогда еще так не радовался и не был так горд своими избирательными правами, как сегодня, так как теперь я голосую за тех, кто действительно, не только на словах, будет бороться за наши интересы»[63]. С неменьшим подъемом проходили выборы и в Эстонии.

В некоторых местах реакционные силы пытались подкупить избирателей, разбрасывали листовки, прокламации, угрожали расправой тем, кто собирался голосовать за кандидатов трудового народа. Но все попытки реакционных сил сорвать выборы и навязать народам Прибалтики свою волю окончились полным провалом.

Выборы в народные парламенты показали единодушное одобрение трудовым народом перемен, происшедших в жизни стран Прибалтики. Об активности населения свидетельствовало, в частности, то обстоятельство, что в выборах приняли участие: в Литве — 95,5%, в Латвии — 94,8%, в Эстонии — 84,1% граждан, имевших право голоса. Для сравнения можно отметить, что в Эстонии, например, на выборах в Государственную думу в 1938 г. избирательное право имели на 10% меньше граждан, чем в 1940 г., а в голосовании участвовало на 33% меньше избирателей[64]. Если в 1938 г. каждый депутат Государственной думы был избран в среднем 2948 голосами избирателей, то в 1940 г.— 6858 голосами, т. е. опирался на поддержку гораздо большего числа избирателей[65]. Продемонстрировав полное доверие политике Коммунистической партии, за союз (блок) трудового народа отдали свои голоса в Литве 99,19%[66], в Латвии — 97,8%[67], в Эстонии — 92,8%[68] избирателей, принимавших участие в выборах. Все кандидаты Союза трудового народа Литвы, Блока трудового народа Латвии и Союза трудового народа Эстонии были избраны депутатами высшего органа государственной власти своей страны.

Новые сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии по своему составу коренным образом отличались от существовавших до этого буржуазных парламентов. Это были народные парламенты, выразители интересов и чаяний трудового народа.

Так, депутаты Народного сейма Латвии по роду занятий распределялись следующим образом: 22 человека — рабочие, 3 — сельскохозяйственные рабочие, 13 — крестьяне, 17 — работники свободных профессий, 14 — общественные деятели, 5 — военнослужащие, 14 — служащие, 11 — преподаватели высших учебных заведений и учителя, 1 человек — торговец[69]. Депутатами Народного сейма Латвии были избраны видные революционеры — Я. Калнберзин, Ж. Спуре, Р. Нейланд, Ф. Деглав, М. Биркенфелде, П. Плесум, И. Палдынь, А. Матисон и другие, известные общественные деятели, ученые, писатели — А. Кирхенштейн, В. Лацис, В. Латковский, Ю. Паберз, П. Галениек, Ю. Лацис, А. Упит, А. Рудевиц и др.

В Народный сейм Литвы были избраны: 21 рабочий, 26 крестьян,

27 деятелей науки, искусства и представителей трудовой интеллигенции, 1 ремесленник, 1 батрак, 3 солдата. Среди депутатов было 8 женщин, 11 представителей национальных меньшинств. Многие депутаты (49 человек) подвергались преследованиям за революционную деятельность. Среди них были такие революционные борцы, как А. Снечкус, Ю. Палецкис, Л. Адомаускас, М. Шумаускас, М. Гедвилас, К. Диджюлис, Б. Абдульскайте, П. Зибертас, И. Мескупас и др. Депутатами были избраны также известные прогрессивные писатели и поэты С. Нерис, Л. Гира, П. Цвирка, А. Венцлова. Для сравнения следует отметить, что в последнем сейме буржуазной Литвы не было ни одного рабочего, крестьянина, солдата, деятеля науки и искусства, ни одной женщины; 95,6% депутатов этого сейма составляли помещики, кулаки, чиновники, ксендзы, богатые домовладельцы[70].

Из 80 депутатов Государственной думы Эстонии 30 были членами КП Эстонии с подпольным стажем, 15 вступили в Коммунистическую партию в период между 21 июня и 21 июля 1940 г.[71] В состав Государственной думы были избраны такие известные революционеры, как Г. Абельс, А. Абен, Л. Иллисон, П. Кээрдо, И. Лауристин, О. Сепре, А. Веймер, общественные деятели И. Варес-Барбарус, Х. Круус, Н. Андрезен, А. Хинт, Н. Руус, И. Семпер и др.[72]

Результаты выборов в народные сеймы Литвы и Латвии и Государственную думу Эстонии свидетельствовали о том, что, несмотря на сравнительно краткое время существования народных правительств Литвы, Латвии и Эстонии, в этих странах сложились условия для дальнейшего укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства, усилилась ведущая роль рабочего класса, коммунистические партии прочно заняли руководящие позиции, а буржуазия оказалась изолированной от народных масс и фактически была вынуждена сойти с политической арены. Выборы стали как бы референдумом, вынесшим приговор старому режиму и выразившим безграничное доверие латышского, литовского и эстонского народов коммунистическим партиям. Они явились важной вехой на пути к провозглашению Советской власти в Прибалтике.

После выборов трудящиеся массы Прибалтики еще более активно выступили за осуществление дальнейших социальных перемен, которые затрагивали самые глубокие экономические и политические основы литовского, латвийского и эстонского общества и государства.

---

63 «Cīņa», 15. VII. 1940.
64 *Ряншин В. А.* Указ. соч., с. 116.
65 *Кэбин И.* Указ. соч., с. 82.
66 Вопросы истории Коммунистической партии Литвы. Вильнюс, 1961, с. 141.
67 Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 311.lpp.
68 Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 429.
69 Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20.VI—5.VIII), 308.lpp.
70 Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. М., 1940, с. 68.
71 «Riigi Teataja», 17.VII.1940.
72 «Коммунист Эстонии», 1968, № 7, с. 12.

16 июля 1940 г. в передовой статье газеты «Циня» «Блестящая победа Блока трудового народа Латвии» подводились итоги и оценивалось значение выборов: «Выборы в сейм принесли блестящую победу Блоку трудового народа Латвии. Этот блок может смело говорить от имени народа и принимать все необходимые постановления, выработать новую конституцию, реорганизовать государственный аппарат и провести в жизнь сформулированные в его избирательной платформе требования, но ошибочно было бы думать, что этого уже достаточно и требования избирателей выборами сейма исчерпаны. Совсем наоборот. Главные задачи еще не решены. Еще не проведены в жизнь требования Блока трудового народа Латвии... Мы стоим перед новыми историческими задачами. История Латвии входит в новый период. Новый сейм решит дальнейшую судьбу Латвии...». Новая судьба Латвии, новая судьба всей Прибалтики в понимании трудящихся была теснейшим образом связана с Советской властью.

Идея восстановления Советской власти, жившая в сознании трудящихся Прибалтики в течение всех лет господства буржуазно-националистической диктатуры, овладела теперь широкими народными массами. На демонстрациях и митингах рабочие, крестьяне, трудовая интелигенция Литвы, Латвии и Эстонии ясно и определенно выражала волю своего народа: Литва, Латвия и Эстония должны стать советскими республиками и войти в состав Союза Советских Социалистических Республик. 17 июля в Таллине состоялась 70-тысячная демонстрация под лозунгами: «Да здравствует Советская Эстония!», «Требуем вступления Эстонии в СССР!»[73]. В Риге 18 июля 100-тысячная демонстрация прошла под лозунгами: «Да здравствует Советская Латвия!», «Да здравствует Советская Латвия — 14-я республика СССР!». 20 июля 1940 г. газета «Циня», характеризуя события последних дней, писала в передовой статье «Народ ждет»: «Воля и чаяния народа ясно и справедливо выражены в огромных манифестациях в Риге, в Лиепае и в других местах. Латвия должна стать советской республикой и присоединиться к Союзу Советских Социалистических Республик. Такова непреклонная воля народа». К этому сводилась также воля трудового народа Литвы.

Борьба за обеспечение победы кандидатов блоков трудового народа на выборах, с одной стороны, политически закалила массы, с другой — с предельной ясностью показала, что в странах Прибалтики созрела политическая обстановка для восстановления Советской власти.

Демонстрации, митинги, собрания, проходившие в июльские дни 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии, по своей сущности являлись мощными революционными выступлениями, выражавшими непоколебимую решимость рабочего класса и идущих за ним народных масс бороться за полную победу пролетарской революции, были своеобразной формой, в которую вылилась эта борьба на определенном этапе и в определенной исторической ситуации.

В исторической обстановке, сложившейся в странах Прибалтики в

июле 1940 г., народные сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии, демократически избранные литовским, латышским и эстонским народами и получившие от них свои полномочия, могли стать теми государственными органами власти, которые имели все законные права выступать от имени своих народов и решать вопросы их дальнейшей судьбы. В республиках Прибалтики сложились все необходимые условия для провозглашения Советской власти.

3. Провозглашение Советской власти. Образование Литовской, Латвийской и Эстонской ССР

21 июля 1940 г. в Каунасе[74], Риге и Таллине на свои первые заседания собрались народные сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии — высшие представительные органы народов Прибалтики. Их заседания проходили в обстановке революционного подъема трудящихся.

В день открытия заседаний народных парламентов и в дни, предшествовавшие их открытию, по всей Прибалтике прошли мощные манифестации, демонстрации, митинги, собрания трудящихся масс, участники которых не только заявляли о полной поддержке народных сеймов и Государственной думы, но и ставили перед ними четкие задачи. Так, в Эстонии 21 июля, в день открытия заседания Государственной думы, газеты опубликовали обращение рабочих и служащих крупнейших предприятий (заводов «Фр. Крулль», «Ильмарине», фабрики Лютера, Балтийской мануфактуры и др.) к Государственной думе. В этом обращении рабочие требовали, чтобы Государственная дума: 1) объявила Эстонию Советской социалистической республикой; 2) приняла решение о вступлении Эстонии в состав Советского Союза; 3) национализировала крупную промышленность и банки; 4) положила конец спекуляции землей, обеспечила право пользоваться землей только трудовому крестьянству, наделила малоземельных и безземельных крестьян землей[75]. Такие же требования и пожелания были высказаны на многотысячных митингах и демонстрациях, в резолюциях и письмах, нескончаемым потоком шедших в адрес народных парламентов.

Еще в период предвыборной кампании избиратели в своих наказах кандидатам в депутаты требовали, чтобы они голосовали за восстановление Советской власти, за вступление республик Прибалтики в состав СССР. Руководствуясь этими требованиями и пожеланиями широких народных масс, народные сеймы и Государственная дума включили в повестку дня своих заседаний следующие вопросы: о государственной власти (государственном устройстве), о вступлении в состав Союза Со-

[73] *Кэбин И.* Указ. соч., с. 80.
[74] В 1940 г. Каунас являлся столицей Литвы.
[75] Очерки истории КП Эстонии, ч. 2, с. 429.

ветских Социалистических Республик, о национализации земли, банков, крупных промышленных и торговых предприятий, т. е. те вопросы, которые были определены всем ходом революционных событий в Прибалтике в июне — июле 1940 г.

Депутаты народных парламентов хорошо понимали ту огромную ответственность, которая была возложена на них — избранников народа, хорошо осознавали то огромное доверие, которое было им оказано. Об этом доверии и ответственности депутатов Государственной думы Эстонии перед эстонским народом хорошо сказал коммунист А. Веймер, избранный председателем Думы: «80—90% тех, кто имеет право голоса, т. е. почти весь народ, голосовал за нас, тем самым эстонский народ всецело доверяет нам свою судьбу, свое будущее» [76].

Заседания народных сеймов и Государственной думы проходили в обстановке широкой гласности. На них присутствовали многочисленные делегации рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, представители народных армий, корреспонденты газет. Весь ход заседаний народных парламентов широко освещался в печати и по радио. На открытии заседаний Народного сейма Латвии и Государственной думы Эстонии присутствовали дипломатические представители буржуазных иностранных государств. Они покинули заседания после принятия повестки дня, когда стало ясно, что будет решаться вопрос о провозглашении в странах Прибалтики Советской власти.

Заседания народных парламентов проводились с полным соблюдением демократических традиций. Их открыли старейшие по возрасту депутаты. В Литве на первом заседании Народного сейма исполнявший обязанности президента премьер-министр Ю. Палецкис предоставил слово старейшему депутату Л. Адомаускасу. Первое заседание новой Государственной думы Эстонии открыл ее старейший — 73-летний депутат А. Янсон, Народного сейма Латвии — старейший депутат Д. Крузе. На заседаниях были избраны председатели, мандатные комиссии и т. д., утверждена повестка дня. Председатели народных правительств выступили с отчетами о своей деятельности. Их отчеты были одобрены депутатами.

Всем присутствовавшим депутатам была предоставлена полная возможность выступить по обсуждаемым вопросам. На заседаниях Государственной думы Эстонии, например, из 80 депутатов выступили 34 депутата. Депутатов приветствовали представители трудящихся. Лейтмотивом всех приветствий являлось требование принятия решений о восстановлении Советской власти и вступлении в СССР. Характерным по своей форме и содержанию было приветствие, с которым обратилась к Народному сейму Латвии делегация рижских рабочих: «Мы, делегация рабочих Риги, приветствуем новый сейм и желаем ему успехов в ответственной работе. Мы требуем образовать Советскую Латвию, которую отняла у нас 22 мая 1919 г. международная буржуазия. Мы требуем, чтобы Латвия вступила в Союз Советских Социалистических Республик! Только в Союзе Советских Социалистических Республик Латвии будет

обеспечена полная независимость и самостоятельность. Да здравствует Советская Латвия! Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»[77].

Важнейшим вопросом, стоявшим перед народными сеймами и Государственной думой, естественно, являлся вопрос о государственной власти. Решение этого вопроса предопределяло дальнейший ход политического и экономического развития прибалтийских народов.

Еще в 1917—1919 гг. трудящиеся Прибалтики на собственном опыте убедились в том, что только власть Советов способна обеспечить жизненные интересы трудящихся, освободить их от гнета капиталистов и помещиков, предоставить им подлинно демократические права и свободы. В неоспоримых преимуществах Советской власти перед всякой другой государственной властью трудящихся убеждал пример великого соседа — Советского Союза. Народы Прибалтики понимали, что только Советская власть может обеспечить свободное национальное развитие Литвы, Латвии и Эстонии, расцвет всех их творческих сил.

Необходимость восстановления Советской власти в Латвии, Эстонии и Литве была убедительно аргументирована в докладах о государственной власти (о государственном устройстве — в Эстонии), с которыми выступили депутаты — секретарь ЦК КП Латвии Ж. Спуре, член ЦК КП Эстонии И. Лауристин, министр внутренних дел Литвы М. Гедвилас. После выступлений докладчиков и других депутатов народные сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии 21 июля 1940 г. единогласно приняли декларации «О государственной власти» («О государственном устройстве» — в Эстонии), провозгласившие установление в странах Прибалтики Советской власти.

«Выражая волю всего свободного трудового народа Латвии,— говорилось в декларации Народного сейма Латвии,— сейм торжественно провозглашает установление Советской власти на всей территории Латвии. С принятием сеймом этой декларации Латвия объявляется Советской Социалистической Республикой... С этого дня вся власть в Латвийской Советской Социалистической Республике принадлежит трудящимся города и деревни, которых будут представлять Советы депутатов»[78]. Аналогичные положения были закреплены в декларациях Народного сейма Литвы и Государственной думы Эстонии. Так, в декларации Народного сейма Литвы подчеркивалось: «Только Советская власть может обеспечить нам мир, работу и свободу и избавить трудящиеся массы города и деревни от эксплуатации, нужды и бесправия... Только Советская власть обеспечит нам политическое, хозяйственное и культурное процветание. Выражая единодушную волю свободного трудового народа Литвы, Народный сейм провозглашает установление Советской власти на всей территории Литвы. Литва объявляется Советской Социалистиче-

---

[76] *Кэбин И.* Указ. соч., т. 82.

[77] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 278.lpp.

[78] Padomju varas konstitucionālle akti Latvijā. Rīga, 1957, 231.—233.lpp.

ской Республикой, отныне вся власть в Литовской ССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся»[79]. Когда на заседании Государственной думы Эстонии была оглашена декларация о новой власти, в зале вспыхнула овация, депутаты стали петь «Интернационал», раздавались возгласы: «Да здравствует Эстонская Советская Социалистическая Республика!», «Да здравствует Коммунистическая партия Эстонии!»[80].

Одновременно с вопросом о власти был решен и вопрос о вступлении Литвы, Латвии и Эстонии в состав Союза ССР в качестве равноправных союзных республик.

Показательно, что и на собраниях трудящихся, и на заседаниях парламента эти два вопроса всегда стояли рядом, были тесно связаны. Это объясняется многими обстоятельствами, в том числе тем, что вступление Прибалтийских республик в состав Советского Союза было подготовлено их предшествующим историческим и экономическим развитием, совместной революционной борьбой трудящихся Прибалтики и России. Подчеркивая эту глубокую общность, выдающийся латышский революционер, большевик-ленинец П. И. Стучка писал в 1920 г.: «Латышский пролетариат может с гордостью сослаться на традиции совместной борьбы и организации, которые долгие годы связывают маленькую Латвию с российским коммунистическим пролетариатом. И мы с огромной радостью будем приветствовать тот день, когда Латвия снова воссоединится с великой Россией на основе советского строя... Ни на минуту не прекратится борьба латышского рабочего класса... за Советскую власть. И в этой борьбе мы будем искать пути, как снова соединиться с родиной мировой революции — Советской Россией»[81]. В 1924 г. коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии в совместном воззвании к трудящимся Прибалтики решительно заявляли: «Только правительство рабочих и крестьян сможет указать путь, ведущий к улучшению нашего положения... Это путь воссоединения с Союзом Советских Социалистических Республик, страной, с которой мы имели общие экономические и политические интересы, с которой мы срослись в ходе экономического развития на протяжении десятилетий, но от которой мы были насильно оторваны в интересах кучки империалистов»[82]. В программе Компартии Эстонии, принятой на партийной конференции в январе 1929 г., решительно заявлялос,ь, что рабочие и крестьяне Эстонии должны бороться за восстановление Советской власти, за создание Советской Эстонии. «Советская Эстония, говорилось в программе,— объединится с Союзом Советских Социалистических Республик на тех же основаниях, которые существуют для других объединившихся союзных республик... Таким образом, Эстония приобретет в лице Союза Советских Социалистических Республик могучего союзника в строительстве социалистической экономики, повышении благосостояния трудящихся и защите от мировой контрреволюции»[83].

Декларации народных сеймов и Государственной думы о провозглашении Советской власти в Прибалтике создавали все условия для

вступления Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, так как установление единого общественно-политического строя устраняло все преграды на пути объединения народов Прибалтики с другими народами СССР.

Среди обстоятельств, обусловливавших необходимость вступления Прибалтийских советских республик в Союз ССР, важное место занимала конкретная историческая международная обстановка лета 1940 г. Об этом говорил в своем выступлении на заседании Народного сейма Литвы его депутат первый секретарь ЦК КП Литвы А. Снечкус. Он отметил, что одно только провозглашение Советской власти «еще не может дать твердой гарантии защиты социалистической Литвы от каких-либо империалистических покушений на ее существование. Литовский народ знает, что такую гарантию ее существования может дать только вступление в братскую семью народов Советского Союза... Мы хотим вступить в Советский Союз, ибо мы горячо любим свою страну, мы хотим видеть Литву в первых рядах человечества... Если литовский народ хочет жить счастливо и свободно, то, товарищи депутаты, перед ним только один путь. Этот путь — вступление в Советский Союз»[84].

Убедительно говорил о необходимости вступления Латвии в состав СССР в своем докладе на заседании Народного сейма Латвии видный латышский писатель, министр Народного правительства В. Лацис: «Пробил великий исторический час, когда должны исполниться все наши великие чаяния, когда должны исчезнуть последние препятствия, которые до сих пор отделяют латышский народ от народов Советского Союза, наступил великий и счастливый час, когда дружба и тесный союз Латвии и Союза Советских Социалистических Республик должны быть закреплены законом на вечные времена... Каждый из нас понимает, что есть только один путь, который обеспечит суверенность нашего государства, расцвет нашей страны... — вступление Латвии в состав Союза Советских Социалистических Республик...»[85] В Эстонии с докладом «О вступлении Эстонской ССР в состав Союза Советских Социалистических Республик» на заседании Государственной думы выступил министр Народного правительства Н. Руус. В докладе подчеркивалось, что эстонский трудовой народ связан давними узами братства, общей революционной борьбой с русским народом и что только в составе Советского Союза перед Эстонией открываются широкие перспективы развития.

По докладам министров народных правительств П. Пакарклиса (Литва), В. Лациса (Латвия) и Н. Рууса (Эстония) народные парламенты Прибалтийских стран единодушно приняли исторические декларации о вступлении в состав СССР. Народные сеймы и Государственная

---

79 «Труженик» (Каунас), 1940, 22 июля; Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais. Vilnius, 1965, p. 116.

80 Наступил день..., с. 74.

81 *Стучка П.* За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Сборник статей. Рига, 1964, с. 642.

82 Цит. по кн.: *Вадер А.* В нерушимом союзе. Таллин, 1972, с. 51—52.

83 Там же, с. 55.

84 Liaudies seimo stenogramos. Kaunas, 1940, p. 25—26.

85 Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20.VI—5.VIII), 293.lpp.

дума решили просить Верховный Совет Союза СССР принять Литовскую, Латвийскую и Эстонскую Советские Социалистические Республики в состав Союза ССР на тех же условиях, на которых входили в него другие союзные республики.

Так, в декларации о вступлении Литвы в Советскй Союз было записано: «Народный сейм Литвы уверен, что только вхождение в состав Союза Советских Социалистических Республик обеспечит подлинный суверенитет Литовского государства, подлинный подъем промышленности и сельского хозяйства, подлинный расцвет национальной культуры, подлинное развитие материальных и духовных сил народа. Следуя велению народа, свергнувшего старый режим, режим угнетения и бесправия, режим эксплуатации человека человеком, Народный сейм постановляет: Просить Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принять Литовскую Советскую Социалистическую Республику в состав Советского Союза в качестве союзной республики на тех же основаниях, на каких входят в СССР Украинская, Белорусская и другие союзные республики» [86].

Декларация Народного сейма Латвии гласила: «Наш народ связан с братскими народами Союза Советских Социалистических Республик прочными узами многих и многих лет революционной борьбы с царизмом, капиталистами и помещиками, угнетавшими русских и латвийских рабочих и крестьян. Настал час эти узы закрепить навечно. Латвийский народ, вступив в братскую великую семью счастливых народов страны социализма, развернет все свои богатые творческие силы и рука об руку с трудящимися Советского Союза пойдет вперед по пути строительства новой жизни. Только в составе Союза Советских Социалистических Республик латвийский народ сможет залечить раны, нанесенные ему долгими годами порабощения. Только с помощью своего великого друга — Советского Союза и как равноправный член братской семьи советских республик латвийский народ сможет поднять свое хозяйство, развивать свою национальную культуру, обеспечить национальное равноправие, обеспечить мир, хлеб и подлинную свободу трудящимся Латвии» [87].

«Теперь, когда эстонский народ разбил господство старого режима — режима гнета и бесправия, взял в свои руки судьбы своей родины и вышел на широкую и светлую дорогу строительства новой жизни, настал великий исторический час, когда выраженная во всенародном голосовании воля эстонского народа к установлению прочного союза и нерушимой дружбы Эстонской республики с Союзом Советских Социалистических Республик должна быть законодательно закреплена»,— перекликалась с декларациями, принятыми в Литве и Латвии, декларация Государственной думы Эстонии [88].

Совпадение главной идеи всех трех деклараций является ярким свидетельством общности исторических судеб, общности революционной борьбы, идеалов и целей этой борьбы.

Решения народных парламентов стран Прибалтики встретили единодушную поддержку и одобрение не только у народов Литвы, Латвии

и Эстонии, но и у народов всего Советского Союза. В Москве, Ленинграде, Киеве, Владивостоке и других городах СССР состоялись многочисленные митинги, на которых трудящиеся сердечно приветствовали решение народов Прибалтийских стран вступить в союз братских советских народов. Рабочие и служащие трижды орденоносного ленинградского Кировского завода, например, писали: «Многие десятилетия пролетариат Эстонии, Латвии и Литвы шел вместе с нами, русскими рабочими, в героической борьбе против царского самодержавия, против власти буржуазии и помещиков. Братскими узами под красным знаменем большевистской партии трудящиеся эстонцы, латыши, литовцы связали свою историческую судьбу со всеми народами нашей страны... Мы поддерживаем вас, дорогие братья, с вашими историческими решениями. Только Советская власть обеспечивает народам свободное развитие» [89].

Победа Советской власти в республиках Прибалтики и вступление их в состав Советского Союза были положительно встречены рабочими многих капиталистических стран. Выходившая в подполье газета французских коммунистов «Юманите» 27 июля 1940 г. давала такую оценку победе трудящихся Прибалтики: «Французские трудящиеся, так часто выходившие в Париже и в провинции на демонстрации с лозунгом «Советы повсюду!», с радостью встретили известие о решении депутатов Литвы, Латвии и Эстонии о присоединении этих государств к Союзу Советских Социалистических Республик. Сфера власти капитализма немного потеснилась, свыше 7 миллионов человек освободилось из-под ига капитализма. Их судьба достойна зависти» [90].

На заседаниях народных сеймов и Государственной думы были избраны полномочные комиссии для передачи Верховному Совету СССР деклараций о вступлении Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. В состав полномочной комиссии Литвы вошли Ю. Палецкис, М. Гедвилас, Л. Адомаускас, М. Мицкис, А. Венцлова, Л. Гира, В. Виткаускас, К. Диджюлис, П. Цвирка, С. Нерис, Ю. Демскис, М. Кутрайте и др.; в состав полномочной комиссии Латвии — А. Кирхенштейн, П. Плесум, И. Палдынь, Ю. Паберз, Ю. Лацис, О. Аугусте, Т. Биргеле, П. Блаус, Р. Дамбитис, А. Упит, П. Галениек, Л. Кажемак, К. Шиц, Я. Салнис и др.; в состав полномочной комиссии Эстонии — И. Лауристин, И. Варес, Ю. Тельман, Г. Абельс, М. Юрна, Н. Руус, П. Кээрдо, Н. Андрезен, Н. Тиханова-Веймер, А. Янсон, А. Муй, Р. Лийв и др.

Несмотря на провозглашение Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии, существование этих советских социалистических государств было бы невозможно без создания социалистической ситемы хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства.

---

86 «Труженик», 1940, 22 июля; Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 metais, p. 118.

87 Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. М., 1940, с. 102.

88 Там же, с. 131.

89 «Правда», 1940, 23 июля.

90 Цит. по кн.: *Вадер А.* Указ. соч., с. 61.

Начало созданию социалистической экономики в Литве, Латвии и Эстонии было положено декларациями народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии об объявлении земли всенародным достоянием и о национализации банков и крупной промышленности, принятыми 22—23 июля 1940 г. Народные сеймы и Государственная дума передавали землю в руки тех, кто ее обрабатывал, в руки трудового крестьянства. Удовлетворяя требования трудовых крестьян, декларации отменили все выкупные платежи на землю, аннулировали все недоимки по налогам и штрафам. Ликвидировалось крупное землевладение: размер земельной площади, отводимой в пользование крестьянского двора, не должен был превышать 30 га. Излишки земли подлежали зачислению в государственный земельный фонд для обеспечения землей безземельных и малоземельных крестьян. Принятые народными парламентами Прибалтийских республик декларации о национализации банков и крупных предприятий передавали в собственность народа банки, крупные торговые и промышленные предприятия.

После принятия народными сеймами Литвы и Латвии и Государственной думой Эстонии деклараций, этих важнейших актов конституционного характера, на очередь встал вопрос о разработке основных законов новых советских республик — конституций, которые законодательно закрепили бы революционные завоевания трудящихся масс и новое государственно-правовое положение республик.

На заседаниях народных парламентов были избраны конституционные комиссии, в состав которых вошли наиболее авторитетные депутаты. Так, Народный сейм Латвии избрал конституционную комиссию в составе 15 человек, председателем которой стал секретарь ЦК КП Латвии Ж. Спуре. Почти половина членов комиссии были коммунистами[91]. Народный сейм Литвы избрал конституционную комиссию в составе 10 человек во главе с министром юстиции, депутатом П. Пакарклисом. Государственная дума Эстонии избрала конституционную комиссию, которую возглавил секретарь ЦК КП Эстонии депутат И. Лауристин. Народные сеймы и Государственная дума дали конституционным комиссиям указание немедленно приступить к разработке проектов конституций.

Народные сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии 21—23 июля 1940 г. приняли законодательные акты, имевшие исключительно историческое значение для дальнейших судеб прибалтийских народов.

Решение народными сеймами и Государственной думой вопроса о государственной власти имело принципиальное значение для судеб будущей государственности литовского, латышского и эстонского народов. Государственная власть — важнейший неотъемлемый признак государства. Она характеризует классовую сущность государства, определяет его классовое содержание. В странах Прибалтики была провозглашена государственная власть, представлявшая собой диктатуру рабочего класса. Провозглашение Советской власти знаменовало со-

здание и принципиально новой социалистической государственности. Закономерным в этой обстановке было и добровольное вступление Прибалтийских республик в состав Союза ССР в качестве равноправных союзных республик. Оно еще раз подтвердило всю правоту высказанного В. И. Лениным положения о будущем советской федерации, о том что «совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя»[92].

Декларации об объявлении земли всенародным достоянием, провозглашавшие национализацию земли и передачу ее в руки трудового крестьянства, показали, что только рабочий класс и коммунистические партии прочно стоят на страже его интересов, что социалистическая революция отдает трудовому крестьянству земли крупных земельных собственников, освобождает от угнетения капиталистами и кулаками. В этом прежде всего состояло историческое значение деклараций. Кроме того, они закладывали основу последующих социалистических преобразований в сельском хозяйстве Прибалтики. Декларации о национализации банков и крупной промышленности, провозгласив обобществление средств производства, превращение их в общественную собственность, нанесли сокрушительный удар по капиталистическому способу производства, положили начало формированию в Литве, Латвии и Эстонии социалистической собственности, исключающей эксплуатацию человека человеком. Старые, капиталистические, производственные отношения заменялись новыми, социалистическими, соответствующими характеру производительных сил.

Таким образом, законодательные акты, принятые народными сеймами Литвы и Латвии и Государственной думой Эстонии, свидетельствовали о том, что литовский, латышский и эстонский народы твердо и бесповоротно встали на путь строительства социализма. Претворение этих актов в жизнь означало революционную ликвидацию старого общественного и государственного строя и создание советского социалистического строя, советской государственности. Деятельность народных сеймов и Государственной думы стала одной из организационных форм борьбы трудящихся Прибалтики за дальнейшее развитие социалистической революции, способствовала углублению и расширению этой борьбы. Провозглашение Советской власти высшими представительными органами Прибалтийских стран придало этому акту необходимый авторитет, облегчивший проведение последующих социалистических преобразований. Всякое сопротивление социалистическому переустройству общества не только фактически, но и юридически являлось противозаконным, направленным против государственной власти, против воли народа, закрепленной в законах.

---

[91] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 308.—309.lpp.

[92] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 288.

12 Заказ № 2523

Декларации, принятые высшими органами государственной власти Прибалтийских республик и сыгравшие столь выдающуюся историческую роль в обеспечении победы социалистической революции в Прибалтике, были поддержаны и проведены в жизнь революционными действиями трудящихся масс. Наиболее распространенной формой массовых революционных действий трудового народа Прибалтики являлись, как и до 21 июля, манифестации, демонстрации, митинги, собрания в городах, селах и других населенных пунктах. Так, более чем 100 тыс. трудящихся приветствовали решения Народного сейма Латвии на массовой манифестации в Риге 21 июля. Она проходила под лозунгами: «Да здравствует Советская Латвия!», «Да здравствует Коммунистическая партия Латвии!», «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!» [93] Под такими же лозунгами проходили демонстрации и в других республиках Прибалтики, которые заканчивались обычно принятием резолюций Народному сейму (Государственной думе) или правительству.

Не менее важной формой массовых революционных действий в поддержку решений народных сеймов и Государственной думы являлось участие рабочих и крестьян в охране общественного порядка, фабрик, заводов и других объектов, ставших достоянием народа.

Следовательно, тесные связи Коммунистической партии, депутатов народных сеймов и Государственной думы с революционным движением народных масс были главным условием практического осуществления в Прибалтике важнейших социалистических преобразований с помощью народных парламентов. События, происшедшие в Прибалтике 21—23 июля 1940 г., завершили революционное установление диктатуры пролетариата. Переход этот произошел без вооруженного восстания и гражданской войны, мирным путем.

Это была первая в истории социалистическая революция, осуществленная мирным путем, с использованием парламентов и конституционных форм, при участии самых широких слоев населения. Но и при мирном развитии социалистической революции в Прибалтике решались основные задачи, характерные для любой пролетарской революции. В ходе революции рабочий класс захватил власть у буржуазии, лишил эксплуататорские классы политического господства, разрушил основу их экономического могущества. Именно в этом суть событий июня — июля 1940 г., их революционный смысл.

Но решение основных задач пролетарской революции в Прибалтике в 1940 г. отличалось от решения тех же задач в процессе Великой Октябрьской социалистической революции. Марксизм-ленинизм решительно отвергает наличие каких-то раз и навсегда данных, обязательных для всех времен и народов способов и форм завоевания рабочим классом политической власти. Они меняются в зависимости от многих факторов — конкретной исторической обстановки в данной стране и соотношения классовых сил, степени организованности рабочего класса и его противников, а также международной обстановки. Как указывал

В. И. Ленин, все нации придут к социализму, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни [94]. Победа социалистической революции в Прибалтике в 1940 г. полностью подтвердила марксистско-ленинское учение о многообразии форм перехода от капитализма к социализму, о возможности мирного завоевания политической власти пролетариатом в ходе социалистической революции. Мирное завоевание пролетариатом политической власти позволило осуществить коренное преобразование общественной жизни стран, по существу, без жертв со стороны трудящихся, без разрушения производительных сил общества и остановки производственного процесса.

Мирная, сравнительно легкая победа социалистических революций в Прибалтике в 1940 г. была обусловлена целым рядом причин. Весьма важное значение для мирной победы революции имел сложившийся летом 1940 г. решающий перевес в соотношении классовых сил в этих странах в пользу рабочего класса и трудового крестьянства. Рабочий класс Литвы, Латвии и Эстонии, имевший богатый опыт революционной борьбы, накопленный трудящимися в трех русских революциях, а также в борьбе за Советскую власть во время гражданской войны, являлся главной движущей силой революции.

Решающим условием победы революции являлось то, что во главе народных масс стояли испытанные, закаленные в революционных боях коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии. Роль передового отряда рабочего класса, вождя народных масс партии завоевали самоотверженной борьбой за коренные интересы трудящихся на всех этапах революционного движения в Прибалтике. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, исходя из конкретно-исторических условий, компартии умело определяли правильную линию революционной борьбы.

Огромное значение имело то обстоятельство, что в июне — июле 1940 г. государственная власть в Литве, Латвии и Эстонии находилась в руках трудящихся. С образованием народных правительств эта власть, являющаяся мощным оружием в классовой борьбе, была вырвана из рук эксплуататорских классов и перешла к трудящимся города и деревни во главе с рабочим классом. Это дало возможность рабочему классу Прибалтики, совершая пролетарскую революцию, парализовать силы своих классовых врагов, используя государственную машину.

Мирной победе социалистической революции в Прибалтике в огромнейшей степени способствовало существование и неуклонный рост мощи Советского Союза, моральная поддержка и помощь, которую он оказывал трудящимся Прибалтики в их революционной борьбе. Весьма боль-

---

[93] Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII), 314.—315.lpp.

[94] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30 с. 123.

шое значение имело присутствие на территории Прибалтийских стран в соответствии с договорами между их правительствами и правительством СССР частей Красной Армии, которые строго придерживались принципа невмешательства во внутренние дела Литвы, Латвии и Эстонии, но уже одним своим присутствием сковывали действия внутренней и международной реакции.

Исключительно благоприятной была для мирной победы социалистической революции в Прибалтике международная обстановка: империалистические государства Западной Европы были заняты в это время начавшейся второй мировой войной и не могли вмешаться в события, развернувшиеся в Прибалтийских странах, как это они сделали в 1918—1919 гг., совершив вооруженную интервенцию против советских республик в Прибалтике. Буржуазия же Литвы, Латвии и Эстонии, оставшись один на один с рабочим классом, поддерживаемым всеми трудящимися, не могла устоять перед натиском масс.

Обобщая опыт международного революционного движения рабочего класса, Программа КПСС делает вывод, имеющий важное значение для понимания причин мирной и сравнительно легкой победы социалистической революции в республиках Прибалтики в 1940 г.: «При общности главных закономерностей социалистической революции, присущих всем странам, разнообразие исторически сложившихся национальных особенностей и традиций порождает специфические условия революционного процесса, разнообразие форм и темпов прихода пролетариата к власти» [95].

Опыт социалистической революции в Прибалтике вошел в великую сокровищницу марксизма-ленинизма, руководствуясь которым международное революционное движение одерживает все новые победы.

На фоне всеобъемлющей поддержки трудящимися Литвы, Латвии и Эстонии исторических деклараций народных парламентов, полного одобрения народами Прибалтики революционных перемен в своих странах особенно грубой фальсификацией представляются злобные измышления идеологов литовских, латышских и эстонских реакционных эмигрантских кругов в капиталистических странах об «экспорте революции» в Прибалтику, о том, что Советская власть в июле 1940 г. была якобы насильственно навязана прибалтийским народам, которые были настроены против Советской власти и коммунизма. Марксистское понимание исторического процесса несовместимо с экспортом революции из одной страны в другую. Социалистическую революцию нельзя навязать народу извне, она вызревает в конкретно-исторических условиях данной страны. Исторические факты убедительно доказывают, что победа социалистической революции и провозглашение Советской власти в странах Прибалтики явились результатом внутреннего развития этих стран, резкого обострения социальных противоречий в них.

Победа Советской власти в Прибалтийских республиках вызвала бешеную злобу в правящих кругах стран империализма. Правительства США, Англии и других империалистических держав отказались при-

знать советские правительства Литвы, Латвии и Эстонии. Правительство Англии незаконно задерживало золото, принадлежавшее банкам Латвии, Литвы и Эстонии. Власти империалистических держав препятствовали возвращению в родные порты торговых кораблей Прибалтийских республик и т. д. И сегодня за рубежом находятся не только отдельные лица, но даже и правительства, которые «ставят под сомнение» законность существования этих республик. Они никак не могут примириться с мыслью о том, что победа Советской власти в республиках Прибалтики стала давно свершившимся фактом, что Литва, Латвия и Эстония навсегда вырвались из лагеря капитализма и являются неотъемлемой частью мировой системы социализма. Эти «борцы за демократию» поддерживают беглых деятелей бывших фашистских режимов, свергнутых трудовыми народами Прибалтики в 1940 г., которые до сих пор не отказались от бредовых планов восстановления в Прибалтике капиталистических порядков и свою враждебную деятельность осуществляют на субсидии империалистов, ведущих с их помощью подрывную деятельность против СССР и других социалистических стран.

Все эти действия реакционных империалистических кругов не могли и не могут повлиять на стремление и волю народов Прибалтики, которые в одном строю с другими советскими народами строят свою жизнь на социалистических началах.

4. Вступление Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик в Союз ССР

Исключительно большое значение для дальнейших судеб литовского, латышского и эстонского народов имело вступление Прибалтийских республик в состав Советского Союза.

В конце июля 1940 г. полномочные комиссии народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии прибыли в Москву.

Вот как описывает один из членов полномочной комиссии Эстонии поездку из Таллина в Москву. «Мы выехали утром 29 июля. Накануне по всей Советской Эстонии состоялись многолюдные митинги и демонстрации. Участники демонстраций несли лозунги: «Приветствуем исторические решения Государственной думы!», «Да здравствует Эстонская ССР!», «Да здравствует Советский Союз — отчизна всех трудящихся!», «Да здравствует Коммунистическая партия Эстонии!». На убранных цветами вокзалах делегацию приветствовали представители трудящихся... На всех станциях от Кингисеппа до Ленинграда состоялись митинги. Тысячи дружеских рук тянулись пожать наши руки — руки представителей эстонских трудящихся. Советские люди выражали свое ис-

[95] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 349.

креннее уважение и любовь к братскому эстонскому народу. Волнующим был прием в Ленинграде. В город Ленина мы прибыли рано утром и с вокзала проехали на машинах по Невскому проспекту на Дворцовую площадь, где состоялся торжественный митинг. Выступая на митинге, руководитель нашей делегации Иоханнес Варес-Барбарус говорил о той глубокой радости, которую испытывает делегация Эстонской ССР, приветствуя трудящихся города Ленина, колыбели социалистической революции. Ленинградцы желали нам счастья и успехов на новом, социалистическом пути. Делегаты, разделившись на группы, посетили ленинградские предприятия, где состоялись митинги... Наконец мы прибыли в Москву. На Ленинградском вокзале нас встретили, как братьев, как самых дорогих гостей, осыпали нас цветами» [96]. В такой же сердечной обстановке протекала и поездка в Москву полномочной делегации Литвы. Об этом писал в своих воспоминаниях Ю. Палецкис: «Незабываемая, волнующая, можно сказать, триумфальная поездка... На каждой станции, как на литовской, так и на белорусской стороне, нас встречает множество дружеских лиц. Всюду флаги, цветы, трогательные речи, объятия, слезы радости на глазах наших растроганных делегатов... И на территории России наш специальный поезд на станциях встречают трудящиеся с флагами, цветами, речами...» [97]

1 августа 1940 г., открылась седьмая сессия Верховного Совета СССР (первого созыва), которая должна была решить вопрос о принятии Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в Советский Союз. Полномочные делегации передали на рассмотрение Верховного Совета декларации о вступлении Прибалтийских республик в Союз ССР.

3 августа на заседании Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о принятии в Советский Союз Литовской ССР. Председательствовавший на заседании Верховного Совета председатель Совета Союза А. А. Андреев объявил, что на повестке дня — заявление полномочной комиссии сейма Литовской ССР. В зал вошли члены полномочной комиссии и встали у трибуны. Депутаты Верховного Совета стоя приветствовали их аплодисментами и возгласами: «Ура».

Для заявления от полномочной комиссии сейма Литвы слово было предоставлено исполняющему обязанности президента республики премьер-министру Ю. Палецкису. Обращаясь к депутатам, он сказал, что тяжелая и упорная борьба лучших сыновей Литвы закончилась триумфальной победой: «Народный сейм, имея за собой такое небывалое большинство народа и такое доверие, выраженное на бесчисленных собраниях и митингах трудящихся, на правах Народного собрания принял постановления, которые всю жизнь литовского народа направляют по новому пути, в соответствии с интересами и чаяниями народа» [98]. Затем Ю. Палецкис зачитал постановление Народного сейма Литвы о вступлении Литовской ССР в Союз ССР. Заканчивая свое выступление, он сказал: «Мы, полномочные делегаты Народного сейма Литвы, от имени всех трудящихся Литовской Советской Социалистической Республики просим о принятии Литвы в состав Союза Советских Социалистических

Республик на правах союзной республики. Вся Литва с нетерпением ждет этого исторического решения Верховного Совета СССР. Со своей стороны мы обещаем быть достойными этой чести и со всей энергией включиться в великую работу социалистического строительства, идти рука об руку с народами СССР в деле укрепления мощи и обороноспособности нашей великой Родины»[99]. Потом один за другим с трибуны Верховного Совета СССР выступали представители полномочной делегации Народного сейма Литвы. От имени литовских крестьян выступил П. Петраускас. С большим вниманием депутаты слушали выступление поэтессы Саломеи Нерис. Она на литовском языке прочитала отрывок из написанной специально к этому событию поэмы. О тяжелой участи литовских крестьян, о несправедливом распределении земли в буржуазной Литве говорил министр сельского хозяйства М. Мицкис. Волнующим и трогательным было выступление рабочего-революционера П. Зибертаса, дважды приговоренного буржуазным судом к смертной казни. Все выступавшие говорили о своей радости и радости всего литовского народа в связи с победой Советской власти, выражали горячее желание войти в братскую семью народов Советского Союза.

После представителей полномочной делегации Народного сейма Литвы выступил депутат Верховного Совета СССР П. К. Пономаренко — секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. Он подчеркнул, что депутаты Верховного Совета с огромным вниманием выслушали представителей полномочной комиссии Народного сейма Литвы, их пламенные речи, в которых были выражены чувства, стремления и воля освобожденного литовского народа, его горячая любовь к великому советскому народу, Верховному Совету, Советскому правительству, Коммунистической партии. Депутат П. К. Пономаренко внес предложение удовлетворить просьбу Народного сейма Литвы и принять Литовскую Советскую Социалистическую Республику в Союз Советских Социалистических Республик как равноправную союзную республику. От имени Президиума Верховного Совета и правительства Белорусской Советской Социалистической Республики, а также от имени Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии он внес также предложение присоединить к Литовской Советской Социалистической Республике Свенцянский р-н и часть территории других районов Белорусской ССР, большинство населения которых составляют литовцы, поскольку дальнейшее политическое, хозяйственное и культурное развитие этих районов будет более плодотворным в составе Литовской ССР. Речь П. К. Пономаренко и его предложения депутаты Верховного Совета встретили бурными аплодисментами.

Верховный Совет СССР в тот же день принял закон, по которому Литовская Советская Социалистическая Республика была принята в

[96] Наступил день..., с. 74—75.
[97] *Палецкис Ю.* Указ. соч., с. 329—330.
[98] Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет, с. 69.
[99] Там же.

состав СССР. Первая статья этого закона гласила: «Удовлетворить просьбу Сейма Литвы и принять Литовскую Советскую Социалистическую Республику в Союз Советских Социалистических Республик в качестве равноправной союзной советской социалистической республики». Во второй статье было записано: «Принять предложение Верховного Совета Белорусской ССР о передаче в состав союзной Литовской Советской Социалистической Республики Свенцянского района и части территории с преобладающим литовским населением Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского, Раудногоского районов Белорусской ССР» [100].

Сам факт передачи части территории одной союзной республики — Белорусской ССР — другой республике — Литовской ССР являлся ярким свидетельством интернациональной сущности Советской власти. Еще раз весь мир мог убедиться в том, что территориальные вопросы между советскими республиками решаются в результате добровольного согласия двух республик, на основе глубокого уважения суверенных прав советских народов.

5 августа 1940 г. на заседании Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о принятии в состав Советского Союза Латвийской ССР. Депутаты Верховного Совета продолжительными аплодисментами приветствовали полномочную комиссию Народного сейма Латвии. Выступая от имени делегации Народного сейма Латвии, исполняющий обязанности президента Латвийской ССР председатель правительства республики А. Кирхенштейн заявил: «Мы пришли сюда, в стены древнего Кремля, чтобы от имени нашего народа передать великому Советскому Союзу братский привет, чтобы выразить волнующие нас чувства любви и дружбы к СССР» [101].

В своем выступлении А. Кирхенштейн рассказал депутатам Верховного Совета СССР об исторических переменах в жизни латышского народа после провозглашения Латвии советской республикой, о многолетней революционной борьбе латышских рабочих и крестьян, которую они вели вместе с русскими рабочими и крестьянами. «21 и 22 июля сего года,— подчеркнул А. Кирхенштейн,— наш народ подвел историческую черту, навсегда и бесповоротно отделившую канувшее в вечность мрачное прошлое латвийского трудового народа от сегодняшнего счастливейшего дня, начинающего новую жизнь, открывающего новую эпоху в истории блестящего расцвета, ожидающего свободную Латвию... Выборы в Сейм 14—15 июля сего года были блестящим триумфом Союза трудового народа Латвии, боровшегося за народные лозунги, за мир, хлеб и свободу... Победа на выборах... явилась ярким доказательством не только горячей ненависти к угнетателям латвийского народа, свергнутым в памятные исторические дни 19—20 июня, не только выражением горячего стремления организовать по-новому, в соответствии со своими интересами, свой государственный строй, но и доказательством великой дружбы к Советскому Союзу, пример и героические подвиги которого в борьбе за социализм неизменно вдохновляли в эти дни, как продолжают

вдохновлять и сейчас, весь латвийский народ»[102]. В заключение своего выступления А. Кирхенштейн зачитал декларацию Народного сейма о вступлении Латвийской ССР в состав Советского Союза и выразил надежду, что просьба латышского народа будет удовлетворена.

С большим интересом депутаты Верховного Совета СССР встретили выступление члена полномочной комиссии Народного сейма Латвии П. Плесума, бывшего латышского стрелка, награжденного в годы гражданской войны орденом Красного Знамени. Он рассказал о выступлении В. И. Ленин на собрании латышских стрелков в 1918 г., в котором Владимир Ильич предсказал неизбежность утверждения Советской власти в Латвии как следствие победоносной социалистической революции в России... Пророческие слова великого учителя — товарища Ленина сбылись. Народ пошел по пути, указанному Лениным, и этот путь привел его к победе[103]. С вниманием и теплотой были выслушаны выступления и других членов Полномочной комиссии — И. Палдынь, Ю. Паберза, Ю. Лациса.

От имени депутатов Верховного Совета СССР выступил председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ю. Ахунбабаев. Он приветствовал трудящихся Латвии, свергнувших иго эксплуататоров и ставших на путь строительства новой жизни. Ю. Ахунбабаев внес на рассмотрение Верховного Совета СССР проект Закона о принятии Латвийской ССР в состав СССР, который был единодушно утвержден депутатами.

«Заслушав заявление полномочной комиссии Сейма Латвии,— говорилось в этом законе,— Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет: 1. Удовлетворить просьбу Сейма Латвии и принять Латвийскую Советскую Социалистическую Республику в Союз Советских Социалистических Республик в качестве равноправной союзной Советской Социалистической Республики»[104].

6 августа 1940 г. Верховный Совет СССР рассмотрел вопрос о принятии в состав Советского Союза Эстонии. Члены полномочной комиссии Государственной думы Эстонской республики внесли в зал боевые революционные знамена 1905 и 1917 гг. Депутаты Верховного Совета СССР приветствовали эти славные реликвии совместной борьбы трудящихся.

От имени полномочной делегации Государственной думы Эстонии выступил секретарь ЦК КП Эстонии И. Лауристин. Он передал Верховному Совету декларацию о вступлении Эстонии в Союз ССР. В своей речи И. Лауристин подчеркнул, что эстонский народ с народами Советского Союза объединяют тесные исторические связи, а господство эстонской буржуазии и иностранных империалистов представляло собой на-

---

[100] Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет, с. 91.
[101] Там же, с. 94.
[102] Там же, с. 99—100.
[103] Там же, с. 204.
[104] Там же.

силие над народом. Выступление И. Лауристина и других членов делегации (Ю. Тельман, Г. Абельса, М. Юрны и Н. Рууса) были встречены депутатами Верховного Совета так же тепло, как и выступления членов делегаций Литвы и Латвии [105].

По предложению депутата О. В. Куусинена Верховный Совет СССР постановил удовлетворить просьбу эстонского народа и принять Эстонскую Советскую Социалистическую Республику в качестве равноправной союзной республики в Союз Советских Социалистических Республик [106].

Решения Верховного Совета СССР о принятии Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в состав СССР были восторженно встречены трудящимися этих республик. 6 августа 1940 г. грандиозные демонстрации в честь этого знаменательного события состоялись в Латвии — в Риге, Лиепае, Вентспилсе, Цесисе, Гулбене, Лудзе [107].

Демонстрации и митинги состоялись также в Литве и Эстонии. В Таллине в митинге, посвященном принятию Эстонской ССР в Советский Союз, участвовало 70 тыс. человек, в Тарту — 30 тыс., в Нарве — 15 тыс. человек и т. д.[108]

С вступлением Прибалтийских республик в СССР открылись широчайшие перспективы для их развития. Значительно увеличились их оборонные, политические, экономические возможности. Как члены Советского Союза республики Прибалтики получили право непосредственного участия в формировании политики и направлении деятельности советских государственных органов.

С передачей Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, согласно статье 14 Конституции СССР, части своих прав Союзу ССР в лице его высших органов государственной власти и управления взаимоотношения Союза ССР с республиками Прибалтики, так же как и с другими союзными республиками, стали строиться на основе принципа демократического централизма. Демократический централизм предполагает сочетание общегосударственного руководства определенными отраслями государственной экономической и культурной жизни со стороны федеративных органов, в пределах их компетенций, с широкой самостоятельностью республик — членов федерации при учете своеобразия и интересов каждой из них. Распределение компетенции между союзными и республиканскими правительствами обеспечило суверенитет Литвы, Латвии и Эстонии, ставших составной частью великой Советской державы на началах социалистической федерации.

Уже в июле — августе 1940 г. в Прибалтике ярко проявилась активная творческая роль Советской власти, которая, опираясь на декларации народных сеймов и Государственной думы, начала создавать новые, социалистические формы хозяйства. Рабочий класс Прибалтики, упрочив свою диктатуру, приступил к практическому осуществлению завета К. Маркса и Ф. Энгельса, сформулированного ими в «Манифесте Коммунистической партии»: пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капи-

тал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил [109].

Претворяя в жизнь декларации об объявлении земли всенародным достоянием, народные правительства Литвы, Латвии и Эстонии издали законы о земле [110].

Проведение земельных реформ привело к ликвидации остатков помещичьего землепользования (в Литве), передаче значительного количества земли в бесплатное и бессрочное пользование безземельным и малоземельным крестьянам, резкому сокращению масштаба кулацкого землевладения. Земельные реформы не только существенно улучшили положение трудящихся масс и внесли глубокие экономические изменения в прибалтийскую деревню, но и вызвали весьма значительные сдвиги в классовых отношениях: безземельное крестьянство как таковое перестало существовать, значительная часть крестьянства стала середняцкой, кулачество утратило господствующие позиции. Получив из рук Советской власти долгожданную землю, трудовое крестьянство решительно встало на сторону рабочего класса. Земельные реформы укрепили союз рабочего класса с трудовым крестьянством и усилили руководящую роль рабочего класса в этом союзе.

Таким образом, аграрные преобразования сыграли исключительно важную роль в укреплении не только экономической, но и социально-политической базы социалистических государств Прибалтики.

Решающим революционно-экономическим мероприятием социалистического государства, направленным на подрыв капитализма и создание в Литве, Латвии и Эстонии экономической базы социализма, явилась национализация крупной промышленности и банков. На основе деклараций о национализации банков и крупных предприятий народные правительства Литвы, Латвии и Эстонии издали соответствующие законы. По этим законам, положившим начало первому этапу национализации промышленности в Прибалтийских республиках, в государственную собственность перешли все банки, страховые общества, ломбарды, частные сейфы, все крупные промышленные предприятия [111].

Большое значение имела подготовительная работа, проведенная организациями Советской власти, активность и бдительность рабочих, позволившие советским государственным органам не прекращать работу всех национализированных предприятий. Попытки отдельных предпринимателей организовать на предприятиях саботаж были предотвращены с помощью рабочих. К 29 июля 1940 г. в Латвии было национализирова-

---

[105] Все члены полномочных комиссий выступали на родном языке, их выступления сразу же переводились на русский язык.

[106] Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет, с. 151.

[107] «Cīņa», 7.VIII.1940.

[108] «Kommunist», 8.VIII.1940.

[109] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е, т. 5, с. 501–502.

[110] См. об этом подробнее в главе IX.

[111] См. подробнее в главе IX.

чо около 800 крупных промышленных предприятий, которые давали около 80% всей промышленной продукции — на них работало около 80% всех рабочих Латвии [112]. В Эстонии, где национализации подлежало 491 предприятие и свыше 100 банков и их отделений [113], за август — сентябрь фактически была проведена почти полная национализация крупных предприятий. Если на 1 июля 1940 г. частным лицам принадлежало 72,6% всех промышленных предприятий, то на 1 октября того же года — лишь 6,7%, государственный же сектор расширился с 6,1 до 74,6% [114]. В Эстонии к началу 1941 г. было национализировано более 900 промышленных и около 400 торговых предприятий [115]. В Литве к февралю 1941 г. было национализировано свыше 1000 промышленных и почти 1600 торговых предприятий [116].

В течение нескольких недель после принятия народными парламентами Прибалтийских республик деклараций о национализации крупной промышленности руководящие посты на предприятиях перешли в руки передовых рабочих, коммунистов и беспартийных. В республиках Прибалтики сложились все условия для бурного развития народного хозяйства. Если до установления Советской власти многие фабрики и заводы сокращали производство, работали только три-четыре дня в неделю — сказывалось влияние начавшейся второй мировой войны,— то после установления Советской власти фабрики и заводы стали работать на полный ход, а многие даже переходили на двух-трехсменную работу. Одновременно складывалось и новое отношение к труду. Во всех Прибалтийских республиках росла творческая активность рабочих и служащих, значительно возросла производительность труда. Рабочие с энтузиазмом трудились теперь на своих предприятиях. Ширилось социалистическое соревнование, сотни передовиков труда увеличивали нормы выработки, снижали себестоимость продукции.

Национализация крупной капиталистической собственности позволила Прибалтийским советским республикам приступить к государственному планированию производства. Народнохозяйственные планы составлялись с перспективой ускоренного развития промышленности, превращения Литвы, Латвии и Эстонии в аграрно-индустриальные республики. В конце 1940 г. началось восстановление бездействовавших или малодействовавших при буржуазном строе некогда крупнейших предприятий Прибалтики, таких, как Кренгольмская мануфактура и завод «Двигатель» в Эстонии, завод «Вайрогс» и другие в Латвии.

Переход основных средств производства в руки государства, объявление их общенародной собственностью означали ликвидацию господства крупного капитала в Прибалтике. В руках частного капитала после проведения первого этапа национализации остались лишь промышленные предприятия с числом рабочих не более 20 человек.

В этот период в Литве, Латвии и Эстонии сохранилась собственность средних и мелких предпринимателей и торговцев. Для ее национализации в республиках еще не созрели необходимые политические и экономические условия. Советская власть взяла курс на проведение политики

ограничения и вытеснения средних и мелких капиталистов, торговцев, подготовляя необходимые условия для их экспроприации в будущем.

Завоевание государственной власти рабочим классом, наступление на капиталистические элементы в экономике подготовили почву для укрепления в Советской Прибалтике социалистической системы хозяйства.

Большое значение в этом плане имела та экономическая помощь, которую стали оказывать Советской Прибалтике другие советские республики. От них народное хозяйство Литвы, Латвии и Эстонии, вставшее на социалистические рельсы, начало получать промышленное оборудование, сырье, а также квалифицированные кадры специалистов. Небывало возрос товарооборот между Прибалтийскими и другими союзными республиками, причем ввоз значительно превышал вывоз — главным образом за счет товаров, предназначавшихся для социалистической индустриализации (сырье, станки, оборудование). Это обеспечивало превращение народного хозяйства Литвы, Латвии и Эстонии в органическую часть социалистической народнохозяйственной системы СССР.

5. Конституции Прибалтийских Советских республик

В окончательном государственноправовом оформлении Литвы, Латвии и Эстонии как суверенных советских социалистических республик в составе Советского Союза исключительно важную роль сыграло принятие народными парламентами Прибалтики в конце августа 1940 г. конституций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

Избранные народными сеймами и Государственной думой конституционные комиссии приступили к разработке проектов конституции сразу же после окончания заседаний народных парламентов республик Советской Прибалтики.

Работа комиссий протекала в условиях, когда молодые советские республики только приступили к социалистическому строительству, когда в обстановке классовой борьбы происходило укрепление диктатуры пролетариата, когда были сделаны первые шаги по созданию социалистической системы хозяйства. Конституционные комиссии при разработке проектов конституций исходили из реального соотношения классовых сил, сложившегося в республиках в результате победы пролетарских социалистических революций. При разработке каждой из статей консти-

---

112 «Пролетарская правда», 1940, 29 июля.

113 «Riigi Teataja», 1940, № 81, 82; «Rahva Rääl», 27.VII.1940; 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, lk. 224—225.

114 Наступил день..., с. 61.

115 История Эстонской ССР, с. 604.

116 *Butkutė-Rameliene A.* Lietuvos KP kova už Tarybos valdžios įtvirtinimą respublikoje (1940—1941 m.). Vilnius, 1958, p. 79.

туции они основывались на проводимых в жизнь декларациях народных сеймов и Государственной думы. Комиссии учитывали, что в республиках еще не были полностью ликвидированы эксплуататорские классы, национализированы были лишь земля, банки, крупные фабрики и заводы, а сельскохозяйственное производство находилось в руках единоличных крестьянских хозяйств, оставалась еще некоторая возможность для эксплуатации. Конституционные комиссии, как того требовала статья 16 Конституции СССР, создавали проекты конституций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР по образцу Конституции СССР в соответствии с ее принципами и системой построения, учитывая конкретную обстановку и особенности экономического и политического развития Советской Литвы, Латвии и Эстонии. Работа конституционных комиссий облегчалась тем, что они имели перед собой в качестве образца действующие конституции двенадцати союзных республик СССР.

Трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии с большим интересом следили за ходом разработки проектов конституций. Республиканские газеты постоянно держали своих читателей в курсе работы конституционных комиссий. Так, 27 июля в статье «Создается новая Конституция» в газете «Циня» говорилось: «Под руководством председателя избранной Сеймом конституционной комиссии депутата т. Спуре вчера продолжалось обсуждение проекта Конституции. Работа комиссии проходит в полном единодушии, и на состоявшихся до сих пор заседаниях уже обсуждено в первом чтении почти две трети его». В тот же день конституционная комиссия обсуждала проект герба Латвийской ССР. В гербе предусматривалось отразить характерные отрасли занятий граждан республики — земледелие, промышленность, рыболовство [117].

28 июля 1940 г. конституционная комиссия Народного сейма Латвии, разработав проект Конституции Латвийской ССР, закончила свою работу. Деятельность комиссии ее председатель депутат Ж. Спуре оценил как очень деловую и успешную [118]. Конституционная комиссия приняла решение внести подготовленный ею проект Конституции на рассмотрение ближайшей сессии Народного сейма.

Так же успешно и слаженно проходила работа конституционных комиссий в Литве и Эстонии. «Вместе с товарищами К. Прейкшасом, В. Нюнкой,— вспоминал председатель Народного правительства Литвы и исполняющий обязанности президента республики Ю. Палецкис,— пришлось немало поработать над подготовкой проекта конституции... Образцом служили конституции других союзных республик, но было необходимо отразить некоторые особенности: Литва находилась в начальной стадии построения социализма. Прежним сохранилось административное деление республики, специфические особенности имелись в судоустройстве, в системе народного образования. Если эти принципиальные вопросы были ясны и требовалось лишь их сформулировать, то много спорили над литовским текстом конституции. Помню, затруднения вызвал перевод названия Белоруссии... Ранее белорусов называли старым литовским словом «гудай», а Белоруссию — «Гудия». Однако

все-таки решили записать название республики «Балтарусия» («балта» — «белая»). Немало спорили и о термине «народный заседатель» — в дословном переводе получалось неуклюже, громоздко. Приняли мое предложение ввести термин «ляудес тареяс», что приблизительно значит «народный советник». В Конституции имелись статьи о флаге и гербе республики. Пришлось подготовить соответствующие проекты»[119]. Завершив разработку и обсуждение проектов конституций своих республик, конституционные комиссии также приняли решения о внесении подготовленных ими проектов конституций на рассмотрение ближайших сессий Народного сейма Литвы и Государственной думы Эстонии.

Под руководством ЦК компартий Прибалтийских республик были подготовлены заседания чрезвычайных сессий народных парламентов Литвы, Латвии и Эстонии. Так, ЦК Компартии Латвии дважды, 15 и 24 августа 1940 г., на своих заседаниях обсуждал вопрос о созыве II Чрезвычайной сессии Народного сейма Латвии, о повестке дня сессии, об объявлении сейма Верховным Советом, о принятии Конституции республики[120].

24 августа 1940 г. в Каунасе, Риге и Таллине открылись чрезвычайные сессии народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии. На повестке дня этих сессий стояли три вопроса:

1. Сообщения полномочных комиссий народных сеймов и Государственной думы о законах VII сессии Верховного Совета СССР, на основе которых Литва, Латвия и Эстония были приняты в состав СССР.
2. Принятие конституций.
3. Образование высших органов Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии.

С сообщениями по первому вопросу выступили председатели полномочных комиссий народных сеймов и Государственной думы: в Литве — Ю. Палецкис, в Латвии — А. Кирхенштейн, в Эстонии — И. Варес.

По второму вопросу о принятии Конституции — с докладами выступили председатели конституционных комиссий: в Литве — П. Пакарклис (министр юстиции), в Латвии — Ж. Спуре (секретарь ЦК КП Латвии), в Эстонии — И. Лауристин (секретарь ЦК КП Эстонии). «Задачей конституционной комиссии,— говорил в своем докладе Ж. Спуре,— являлась разработка проекта Конституции для создания советского государственного устройства, которого желали рабочий класс, крестьянство и трудовая интеллигенция... Такую Конституцию, какую от нас требовал народ, мы разработали. Ее мы сегодня передаем сейму для обсуждения и принятия»[121]. В своем докладе Ж. Спуре убедительно показал также принципиальное отличие Конституций Латвийской ССР от конституции буржуазной Латвии, принятой в 1922 г. В докладе И. Лауристина подчеркивалось, что «мы в нашем Основном законе должны счи-

---

[117] «Cīņa», 29.VII.1940.
[118] Там же.
[119] *Палецкис Ю.* Указ. соч., с. 349—350.
[120] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 6, л. 29, 31.
[121] «Valdības Vēstnesis», 26.VIII.1940.

таться только с реальным положением, с теми экономическими и политическими государственными достижениями, которые уже имеются в нашем государстве». И. Лауристин указывал, «что под руководством трудящихся в известной степени уже строится социализм, что национализированная промышленность, банки, средства связи и транспорт уже образуют социалистический сектор... Мы можем сказать, что социалистический сектор промышленности уже охватывает теперь 90%, если считать крупную национализированную промышленность». О той реальной обстановке, которая сложилась к моменту принятия Конституции в Советской Литве, об основных положениях этой Конституции говорил в своем докладе и председатель конституционной комиссии Народного сейма Литвы П. Пакарклис.

После выступления депутатов и принятия конституций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР по главам, народные сеймы и Государственная дума приняли постановления об утверждении чрезвычайными сессиями народных сеймов и Государственной думы проектов конституций, внесенных конституционными комиссиями.

В соответствии с вновь принятыми конституциями народные сеймы и Государственная дума объявили себя Верховными Советами Литовской, Латвийской, Эстонской ССР. Так, например, в постановлении Народного сейма Литвы от 25 августа 1940 г. было записано: «...исходя из того, что Народный сейм, всенародно избранный 14—15 июля 1940 г. на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, является полномочным представителем всего литовского народа и выразителем его воли, Народный сейм постановляет:

1. Провозгласить Народный сейм Союзной Литовской ССР временным Верховным Советом Союзной Литовской ССР, со всеми правами, предоставленными ему Конституцией (Основным законом) Союзной Литовской ССР, впредь до выборов Верховного Совета Союзной Литовской ССР на основе утвержденной ныне Конституции и Избирательного закона.

2. Поручить Президиуму временного Верховного Совета Союзной Литовской ССР определить срок выборов Верховного Совета Союзной Литовской ССР на основе Конституции Союзной Литовской Советской Социалистической Республики» [122].

Народный сейм Латвии и Государственная дума Эстонии, приняв аналогичные решения, также объявили себя Верховными Советами Латвийской и Эстонской ССР.

На своих первых заседаниях, которые состоялись 25 августа 1940 г., Верховные Советы Прибалтийских республик избрали Президиумы Верховных Советов в составе 11 человек каждый. Председателями Президиумов Верховных Советов были избраны авторитетные общественные и политические деятели республик, которые возглавляли народные правительства своих республик: в Литве — Ю. Палецкис, в Латвии — А. Кирхенштейн, в Эстонии — И. Варес. После избрания Президиумов Верховных Советов во всех трех республиках были образованы прави-

тельства — Советы Народных Комиссаров. В Литве председателем СНК избран М. Гедвилас, в Латвии — В. Лацис, в Эстонии — И. Лауристин.

Верховный Совет Литовской ССР на своем заседании 25 августа 1940 г. рассмотрел вопрос о переводе правительства и центральных государственных учреждений из прежней столицы Литвы Каунаса в Вильнюс, который был передан Литве Советским Союзом в 1939 г. Принятое Верховным Советом постановление обязывало республиканские органы закончить перевод всех учреждений в Вильнюс до 1 мая 1941 г.

27 августа 1940 г. тексты конституций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР были напечатаны в газетах, выходивших в Прибалтийских республиках, для ознакомления с ними трудящихся. Трудящиеся массы Советской Прибалтики горячо приветствовали принятие новых конституций. На фабриках, заводах, в городах, в сельской местности состоялись митинги, собрания. Введение в действие конституций Прибалтийских советских республик сыграло огромную роль в укреплении и совершенствовании советского общественного и государственного строя в этих республиках в 1940—1941 гг.

Конституции Литовской, Латвийской и Эстонской ССР были приняты в начальный период социалистического строительства, когда рано было еще говорить о победе социализма. Общественное устройство Прибалтийских советских республик отличалось в это время от общественного устройства других советских республик, где социализм в основном был уже построен. Тем не менее конституции Литвы, Латвии и Эстонии 1940 г. имели гораздо больше общих с конституциями союзных республик черт, свойств и особенностей, чем различий.

В конституциях Прибалтийских республик 1940 г. давалась четкая социально-политическая характеристика новых советских республик. В них было записано, что Литовская, Латвийская и Эстонская ССР являются социалистическими государствами рабочих и крестьян, что их политическую основу составляют Советы депутатов трудящихся, а экономическую основу — социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, что хозяйственная жизнь республик определяется и направляется государственными народнохозяйственными планами, а руководящим ядром всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных являются коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии. Так же как и конституции других союзных республик, Конституции Прибалтийских республик закрепили демократические принципы организации и деятельности органов государственной власти и управления республик, провозгласили и гарантировали демократические права и обязанности граждан, всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании.

---

[122] Хронологическое собрание законов Литовской ССР, Указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства Литовской ССР, т. 1. Вильнюс, 1957, с. 28—29.

Вместе с тем конституции Литовской, Латвийской и Эстонской ССР имели целый ряд особенностей, обсусловленных более поздним вступлением республик Прибалтики в состав Союза ССР [123]. Наиболее отчетливо эти особенности конституций Прибалтийских советских республик проявились в главах, посвященных общественному устройству.

Так, в статьях, закреплявших классовую структуру республик, говорилось о том, что каждая из них «есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Однако эта формулировка по своему содержанию отличалась от аналогичной формулировки в Конституции СССР и конституциях других союзных республик. В конституциях Украины, Белоруссии и других союзных республик выражение это означало, что все эксплуататорские классы ликвидированы, общество свободно от антагонистических классовых противоречий, оставшиеся классы — рабочие и крестьяне являются дружественными классами. Прибалтийские республики к моменту принятия конституций только вступили на путь строительства социализма. Поэтому формула «социалистическое государство рабочих и крестьян» свидетельствовала о том, что у власти стоят рабочие и крестьяне, которые твердо решили под руководством рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии окончательно ликвидировать эксплуататорские классы и условия, их порождающие, что трудящиеся этих республик поставили себе целью добиться решения основной задачи — построения социализма и приступили к практическому осуществлению этой задачи.

В соответствии с конституциями Прибалтийских республик политической основой их являлись Советы депутатов трудящихся. Но в отличие от конституций других союзных республик, где о Советах депутатов трудящихся говорилось как о выросших и окрепших уже органах государственной власти, в конституциях Литовской, Латвийской и Эстонской ССР указывалось об утверждении власти Советов. Это объяснялось тем, что к моменту принятия конституций в республиках Прибалтики создание Советов только начиналось, а о создававшихся Советах депутатов трудящихся преждевременно было говорить как об окрепших органах государственной власти.

Конституции Прибалтийских республик закрепляли ряд особенностей и в экономическом строе. В них нашел отражение тот исторический факт, что конституции принимались в период, когда социалистический сектор в экономике республик Прибалтики еще не стал всеобъемлющим. Победа социалистической революции произвела глубочайший экономический переворот в Прибалтике, ликвидировала крупную частную собственность на орудия и средства производства. Однако полностью ликвидировать капиталистическую систему хозяйства сразу же после социалистической революции было невозможно.

К моменту принятия конституций экономика Прибалтийских советских республик была многоукладной. Наряду с социалистическим укладом существовали также уклады частнокапиталистический (кулацкие хозяйства в деревне и мелкие капиталистические предприятия в городе) и

мелкотоварный (крестьянские хозяйства, кустари, ремесленники). Социалистический уклад хозяйства являлся уже преобладающим в экономике Прибалтийских республик. Основой его стала государственная социалистическая собственность на основные средства производства — землю, ее недра, воды, леса, крупные заводы и фабрики, транспорт, банки, средства связи и т. д. Эта форма собственности не отличалась от аналогичной формы собственности, имевшейся в тот период в других союзных республиках. Существенно отличалась лишь кооперативная форма социалистической собственности. Во-первых, она возникла на базе существовавших еще в условиях буржуазной экономики кооперативных объединений. Во-вторых, она была именно кооперативной, а не кооперативно-колхозной собственностью, так как в Литве, Латвии и Эстонии к моменту принятия конституций не было еще колхозов, а следовательно, не могло быть и колхозной собственности.

Хотя победа Советской власти и переход основных средств производства в общенародное достояние и нанесли сокрушительный удар частнокапиталистическому сектору, но конституции Прибалтийских республик в соответствии с действительностью отразили факт его существования в 1940 г. Этот сектор, охватывавший кулацкие хозяйства, мелкие и средние частные промышленные и торговые предприятия с числом рабочих до 20, ремесленные и кустарные мастерские, применявшие наемный труд, и после проведения национализации основных средств производства продолжал занимать в народном хозяйстве определенное место. В Латвийской ССР в июне 1941 г. частнокапиталистический сектор в промышленности давал еще около 7% валовой продукции. В Литве в области торговли частный сектор составлял 20—25% [124], примерно такой же была его доля в промышленном производстве. В Эстонии сектор государственной промышленности быстрее наращивал темпы и очень скоро вытеснил частный сектор, валовая продукция которого к 1 марта 1941 г. составляла всего 1% общей валовой продукции республики [125].

Таким образом, контитуции закрепили переходный характер экономики новых советских республик, установив, что наряду с социалистической системой хозяйства в Прибалтийских республиках существуют частные хозяйства единоличных крестьян, ремесленников и кустарей, мелкие частные промышленные и торговые предприятия в пределах, установленных законом. Оговорка эта, ставившая деятельность частно-

---

[123] Об особенностях конституций Прибалтийских республик см.: *Трайнин И. П.* Конституции прибалтийских советских социалистических республик.— «Большевик», 1940, № 22; Конституции новых союзных республик.— «Советское государство и право», 1940, № 11; *Ошеров С. Я.* Союзная республика в социалистической федерации. М., 1948; *Миллер В. О.* Роль Конституции Латвийской ССР в строительстве социалистической экономики республики в 1940—1941 гг.— «Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки», т. 39. Рига, 1958; *Левин Б. И.* Развитие советской государственности в Эстонии. М., 1961; и др.

[124] Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е, т. 25, с. 259.

[125] *Veimer A.* Eesti NSV sotsialistlik industrialseerimine. Tallinn, 1958, lk. 80.

го сектора под контроль советского законодательства, означала, что в условиях, когда все ключевые позиции в народном хозяйстве находятся в руках государства, частнокапиталистический сектор не может развиваться безгранично.

Конституциями Прибалтийских республик в отличие от Конституции СССР и конституций других союзных республик земля закреплялась за крестьянами, причем закреплялась за ними (в пределах, установленных законом) в бесплатное и бессрочное пользование без употребления формулы «навечно». Это свидетельствовало о том, что форма ведения хозяйства в деревне, существовавшая в 1940 г. и закрепленная в конституциях Прибалтийских республик, не предполагалась неизменной. Республики Прибалтики прочно вступили на социалистический путь развития, поэтому мелкие крестьянские хозяйства рано или поздно должны были объединиться в колхозы, а следовательно, должна была измениться и форма ведения хозяйства в деревне. Конституции Литовской, Латвийской и Эстонской ССР четко и ясно определяли, что экономическую основу Прибалтийских советских республик составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства на крупных промышленных предприятиях и национализации этих предприятий, банков, транспорта и средств связи в целях полного уничтожения эксплуатации человека человеком, а также в целях построения социалистического общества. К моменту принятия советских конституций в республиках Прибалтики эксплуатация еще не была уничтожена окончательно и социалистическое общество полностью построено не было. Конституции выдвигали полное уничтожение эксплуатации и построение социалистического общества в качестве важнейшей задачи, стоящей перед победившим трудовым народом.

Отличались от соответствующих статей Конституции СССР и большинства союзных республик и статьи конституций Прибалтийских республик, закреплявшие право личной собственности. Они устанавливали право личной собственности не только на «предметы домашнего хозяйства и обихода», как это делалось в аналогичных статьях Конституции СССР и других союзных республик, но и на «хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода». Тем самым закреплялась личная собственность крестьян, кустарей, ремесленников на хозяйственный инвентарь, приобретенный их личным трудом и применяемый в производственной деятельности, исключающей эксплуатацию чужого труда.

Поскольку социалистический сектор в советских республиках Прибалтики с первого дня своего существования выступал как руководящая сила в народном хозяйстве, подчиняя и ограничивая развитие мелкотоварного и частнокапиталистического сектора, была создана твердая база планового ведения народного хозяйства. Конституциями было установлено, что хозяйственная жизнь республик определяется и направляется государственными народнохозяйственными планами.

Принципы общественного устройства республик были зафиксированы и в статьях конституций, закрепивших победу социализма в области организации труда и распределения продуктов («от каждого по его способностям, каждому по его труду»).

Конституции закрепили добровольное государственное объединение Литвы, Латвии и Эстонии с другими советскими социалистическими республиками в одно союзное государство, установили права Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (в лице их высших органов государственной власти и управления), определили административно-территориальное деление республик (они сохранили административно-территориальное деление, существовавшее в буржуазных республиках) и основные принципы их гражданства. В этой части конституции Прибалтийских республик менее всего отличались от Конституции СССР и других союзных республик.

К моменту принятия конституций государственное объединение Литовской, Латвийской и Эстонской ССР с другими советскими социалистическими республиками в едином союзном государстве было уже совершившимся фактом. В конституциях в связи с этим подчеркивалась добровольность объединения в целях осуществления экономической, политической и оборонной взаимопомощи.

Все особенности конституций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, отличавшие их от конституций других советских социалистических республик, были обусловлены конкретной исторической обстановкой, сложившейся ко времени их принятия. Но определяющая роль в конституциях Прибалтийских республик 1940 г. принадлежала не этим особенностям, а той принципиальной общности и единству, которые были у них с Конституцией СССР 1936 г. и конституциями других союзных республик. Важнейшее значение новых конституций состояло в законодательном закреплении революционных завоеваний трудящихся Литвы, Латвии и Эстонии, главным из которых было создание советских республик.

Прибалтийские советские республики в составе Советского Союза являются равноправными суверенными государствами. В советской федерации не существует отношений господства одного государства над другими, для нее характерно правовое равенство всех союзных республик, которые обладают равными правами независимо от размеров их территории, количества населения, развития экономики, уровня культуры и других признаков. Несмотря на то что территория Латвийской ССР, например, почти в 270 раз меньше территории РСФСР, а ее население в 56 раз меньше населения РСФСР, обе эти республики, как и все другие союзные республики, пользуются в составе Союза ССР одинаковыми правами. В Советском союзном государстве неукоснительно соблюдается принцип, о котором в свое время писал В. И. Ленин: «Федерация есть союз равных, союз, требующий *общего* согласия» [126].

---

[126] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 235.

Правовое равенство Литовской, Латвийской и Эстонской ССР с другими союзными республиками выражается в том, что каждая из них в одинаковой степени использует политическое, экономическое и военное могущество Союза ССР для защиты своих интересов и прав, своего государственного суверенитета, на равных основаниях участвует в выработке и осуществлении внутренней и внешней политики Советского Союза, в формировании центральных высших представительных органов. Прибалтийские советские республики, как и все другие союзные республики, имеют право требовать проведения всенародного опроса (референдума) по любому законопроекту или иному вопросу, созыва внеочередной сессии Верховного Совета ССР, сохраняют за собой право свободного выхода из Союза.

Правовое равенство Прибалтийских республик с другими союзными республиками проявляется также в том, что каждая из них осуществляет государственную власть самостоятельно, одновременно в одинаковой с другими союзными республиками степени, отказываясь от некоторых своих прав в пользу Союза. Правовое равенство Прибалтийских советских республик с другими союзными республиками не только законодательно закреплено в Конституции СССР и конституциях Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и других общесоюзных и республиканских законодательных актах, но и существует в жизни, в повседневной практике государственного строительства. Без этого были бы немыслимы те успехи, которых достигли республики Прибалтики в братской семье советских народов в подъеме экономики, культуры и других областях общественной и государственной жизни.

Литовская, Латвийская и Эстонская ССР не только пользуются равными с другими союзными республиками правами, но и являются, так же как и эти республики, суверенными государствами.

Важнейшими признаками, характеризующими Прибалтийские республики как суверенные государства, являются следующие:

1. Литовская, Латвийская и Эстонская ССР как государства, возникшие в соответствии с суверенной волей литовского, латышского и эстонского народов, имеют собственную, не производную от общесоюзной власти и не делегированную этой властью государственную власть. Это власть суверенных государств, созданная по воле народов. Она обладает верховенством, единством, независимостью, т. е. необходимыми свойствами суверенитета.

2. Не менее важным признаком суверенности Литовской, Латвийской и Эстонской ССР является наличие системы высших и местных органов государственной власти и управления, отражающих национальные, экономические, политические и исторические особенности республик. Именно через эту систему органов Прибалтийские республики практически осуществляют определенные Конституцией СССР и конституциями Латвийской, Литовской и Эстонской ССР правомочия союзных республик. Государственные органы Прибалтийских советских республик входят в единую систему органов Советского союзного государства, осуществ-

ляют в присущих им государственно-правовых формах функции единой государственной власти.

3. Литовская, Латвийская и Эстонская ССР как суверенные республики самостоятельно принимают и изменяют свои конституции (основные законы). Конституции Прибалтийских республик закрепляют не только создание в республиках советского социалистического общественного и государственного строя, систему, принципы организации и деятельности государственных органов и их компетенции, основные права и обязанности граждан, избирательную систему, но и правовой статус Литовской, Латвийской и Эстонской ССР как суверенных государств, входящих в состав Союза ССР.

4. Прибалтийские советские республики как суверенные союзные республики издают законы по широкому кругу вопросов, составляющих их полномочия. В Советском союзном государстве существует единая система советского права, в которую входят нормы права, издаваемые как органами Союза ССР, так и органами союзных республик. Но все союзные республики, в том числе и Прибалтийские республики, имеют свою систему права, состоящую из законов и иных актов нормативного характера, изданных республиканскими государственными органами.

5. Суверенитет Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выражается также в существовании определенной территории (включая сушу, недра, воды, воздушное пространство), внешние пределы которой определяются государственными границами. Правда, границы, отделявшие прежде Прибалтийские республики друг от друга и от других союзных республик, после победы Советской власти утратили свое былое политическое значение. На этих границах нет уже больше пограничной охраны, таможенных досмотров и т. д., они приобрели в основном административное значение. Территория Прибалтийских республик, их внешние и внутренние границы в соответствии с Конституцией СССР и конституциями республик не могут быть изменены без согласия Верховных Советов этих республик. Решение вопросов об изменении своей территории является неотъемлемым правом самой союзной республики как суверенного государства.

6. Не менее важным признаком суверенности Прибалтийских республик является наличие у этих республик собственного населения, граждан. Но Литовская, Латвийская и Эстонская ССР являются членами федеративного государства, и поэтому их граждане одновременно являются гражданами СССР. Принцип единого союзного гражданства законодательно закреплен в статье 33 Конституции СССР (1977 г.) и в соответствующих статьях конституций союзных республик.

7. Суверенный характер Литовской, Латвийской и Эстонской ССР проявился и в том, что они добровольно вступили в состав СССР на равных правах с другими союзными республиками, в равной мере с ними передали часть своих прав в ведение Союза ССР и сохранили за собой такие же права, как и другие союзные республики.

Литовская, Латвийская и Эстонская республики сохранили за собой право свободного выхода из Союза ССР. Это право законодательно закреплено за союзными республиками в Конституции СССР и конституциях союзных республик. Право республик на выход из состава СССР не может быть ни отменено, ни изменено, оно не ограничено никакими сроками и оговорками. Однако выход из Союза ССР для Прибалтийских республик, как и для любых других союзных республик, практически нецелесообразен, поскольку в составе СССР для них имеются самые широкие возможности дальнейшего экономического, политического и культурного развития.

8. Прибалтийские республики самостоятельно определяют символы своей государственной самостоятельности и суверенитета — герб, флаг и гимн.

Суверенные права союзных республик, согласно статье 81 союзной конституции, охраняются Союзом ССР. Советский Союз гарантирует суверенные права Прибалтийских республик своей военной мощью, внешней и внутренней политикой, направленными на защиту прав и интересов, свободы и независимости всех советских социалистических республик, своей последовательной политикой мира и мирного сосуществования.

Провозглашение Прибалтийских республик советскими социалистическими республиками и вступление их в состав Советского Союза положило начало процессу становления и укрепления в Литве, Латвии и Эстонии советской государственности. С этого времени история развития и упрочения Советской Литвы, Советской Латвии и Советской Эстонии как социалистических государств диктатуры пролетариата неразрывно связана с развитием и укреплением всего Советского Союза.

Несмотря на известную специфику перехода политической власти в Прибалтике в 1940 г. в руки рабочего класса, уже в первые месяцы социалистического строительства в молодых советских Прибалтийских республиках полностью проявились общие закономерности, характерные для стран, совершающих переход от капитализма к социализму. Переход власти из рук буржуазии в руки рабочего класса в Литве, Латвии и Эстонии, так же как и в любой другой стране, совершающей переход от капитализма к социализму, произошел в результате пролетарской социалистической революции и установления диктатуры пролетариата, основой которой стал союз рабочего класса с трудовым крестьянством и другими слоями трудящихся. В процессе революции и строительства социализма руководство трудящимися массами осуществлял рабочий класс, авангардом которого являлись компартии Литвы, Латвии и Эстонии. Социалистическая революция здесь была связана с такими важнейшими экономическими мероприятиями, как ликвидация капиталистической собственности на основные средства производства, подготовка постепенного социалистического преобразования сельского хозяйства, планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма, на повышение жизненного уровня трудящихся. Полное раз-

витие получили в республиках Прибалтики и общие закономерности социалистической революции в области идеологии и культуры. Революция была связана также с ликвидацией всякой национальной дискриминации, с установлением равноправия и братской дружбы между народами Прибалтики и народами других республик Советского Союза.

В государственно-правовом развитии Литовской, Латвийской и Эстонской ССР так же ярко проявились закономерности, присущие и другим союзным республикам Советского Союза, ранее вступившим на путь строительства социализма. Так же как и в других республиках, входящих в состав Советского Союза, процесс становления советской государственности в Литве, Латвии, Эстонии сопровождался формированием новых, советских государственно-правовых институтов, сломом старого и созданием нового, советского государственного аппарата.

В 1940—1941 гг. сложился и укрепился не только прочный государственный союз Советской Литвы, Латвии и Эстонии с другими союзными республиками, но и отношения братской дружбы между литовским, латышским, эстонским и другими народами Советского Союза. Прибалтийские республики стали действительно суверенными государствами в братской семье равноправных советских республик, и трудовой народ Прибалтики во главе с рабочим классом стал подлинным хозяином своих социалистических государств.

8

Организационно-партийная и идеологическая деятельность коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии (июнь 1940 — июнь 1941 г.)

Организационно-партийная работа коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии после выхода из подполья • Рост партийных рядов и воспитание коммунистов (июнь — декабрь 1940 г.) • Принятие коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в состав ВКП(б) • Отчеты и выборы в первичных, городских, уездных и районных партийных организациях • Съезды коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии • XVIII Всесоюзная партконференция • Дальнейшее идейное и организационное укрепление коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии • Подбор, расстановка и воспитание руководящих кадров • Идейно-теоретическая учеба коммунистов и беспартийного актива • Вопросы идеологической работы компартий Латвии, Литвы и Эстонии.

1. Организационно-партийная работа коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии после выхода из подполья

Переход власти в руки рабочего класса коренным образом меняет положение Коммунистической партии, которая становится правящей партией, руководящей и направляющей силой социалистического строительства. После установления диктатуры пролетариата перед ней встают значительно более трудные и сложные задачи, чем свержение власти буржуазии, поэтому возрастает роль партии, усиливается ее воздействие на развитие всех сторон общественной жизни.

В. И. Ленин подчеркивал, что конечной целью марксистской партии является построение коммунистического общества. В партии коммунистов, как отмечал Ленин, трудящиеся увидели «авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [1].

Революционные события в Литве, Латвии и Эстонии в 1940 г. развертывались под руководством коммунистических партий. В первые дни бурного революционного подъема создалось своеобразное положение — официальная легализация коммунистических партий произошла уже после их фактической легализации, т. е. после того, как компартии, по существу, стали уже действовать открыто. Это объясняется расстанов-

кой политических сил в канун революции, когда реальная сила находилась в руках рабочего класса, возглавляемого коммунистами.

24 июня 1940 г. ЦК КП Литвы вручил министру внутренних дел все документы, необходимые для оформления легализации Коммунистической партии. К ним был приложен Устав партии, принятый на пленуме ЦК КП Литвы в январе 1938 г.[2]. На следующий день ЦК КП Литвы получил сообщение об официальной легализации Компартии. 26 июня он выпустил воззвание, посвященное этому событию.

Всего вышло из подполья и было освобождено из тюрем и концентрационных лагерей свыше 2 тыс. коммунистов Литвы [3]. К моменту выхода из подполья численность партийных организаций составляла: в Каунасе — около 250, в Алитусском, Каунасском и Кедайнском уездах — до 200 коммунистов в каждом, в Вилкавишском, Мажейкском и Рокишкском уездах менее чем по 90 коммунистов, в Таурагском, Расейнском и Вильнюсском уездах — менее 10 в каждом [4]. Ряды коммунистов многих уездов и городов Литвы сразу же пополнились возвратившимися из тюрем и концлагерей более чем 400 революционерами.

В числе требований о демократизации общественной жизни, с которыми 21 июня 1940 г. обратилась к только что созданному Народному правительству Компартия Латвии, также было требование о легализации партии. Такие же требования направляли правительству многие массовые собрания трудящихся [5]. К этому времени Компартия Латвии фактически уже вышла из подполья. Члены ЦК КП Латвии О. Аугусте, Я. Калнберзин, А. Яблонский, активные партийные работники М. Биркенфелде, А. Калнынь, Э. Анкупе, П. Плесум, К. Приеже и другие коммунисты были освобождены из тюрем. Партия открыто развернула свою деятельность, не дожидаясь формального издания законодательного акта об ее легализации, тем более, что в буржуазной Латвии, где Коммунистическая партия никогда не действовала легально, не издавался и какой-либо акт об ее запрещении. Косвенно 28 июня можно считать днем легализации КП Латвии. В этот день Народное правительство внесло изменение в закон об обществах и союзах [6].

К моменту выхода из подполья партия насчитывала в своих рядах около 1 тыс. человек. Сюда не входили те члены партии, которые по разным причинам потеряли связь с партийными организациями и работали обособленно. Самой крупной была Рижская партийная организация, насчитывавшая до 500 коммунистов [7].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 26.
[2] «Tiesa», 26.VI.1940.
[3] Už socializmo sukūrimą Lietuvoje. Vilnius, 1969, p. 226—227.
[4] Партийный архив Института истории партии (далее — ПА ИИП) при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 3, л. 4—7; д. 34, л. 14; д. 40, л. 31; д. 45, л. 27; д. 47, л. 31; д. 49, л. 40; д. 51, л. 25; д. 52, л. 36; д. 53, л. 18; д. 57, л. 30; д. 59, л. 41; д. 61, л. 19.
[5] Sociālistikās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20.VI—5.VIII). Dokumenti un materiāli. Rīga, 1963, 52., 60., 81.lpp.
[6] Очерки истории КП Латвии, ч. 2. Рига, 1966, с. 435, 439.
[7] Там же, с. 446.

Компартия Эстонии фактически стала действовать легально еще за несколько дней до образования революционного правительства 21 июня 1940 г. Официально КПЭ была легализована 4 июля 1940 г.[8] К моменту выхода из подполья партия объединяла в своих рядах не более 150 коммунистов, из которых в Эстонии в то время находилось 133, в том числе примерно 60 коммунистов — в Таллине, по 13—17 — в уездах Тартумаасколи, Пярнумаасколи и Сааремаа и более 10 коммунистов — в Нарве. В нескольких уездах — Валгамааском, Вырумааском, Ляэнемааском, Ярвамааском и Вильяндимааском — было лишь по одному коммунисту[9].

Таким образом, коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии, особенно последняя, к 1940 г. не были массовыми. Главные их силы были сосредоточены в столицах — Риге, Каунасе, Таллине.

Основной причиной относительной малочисленности компартий стран Прибалтики являлись в первую очередь жестокие полицейские репрессии, в условиях которых им пришлось действовать примерно двадцать лет.

Хотя сила и влияние партии отнюдь не определяются количеством ее членов, все же совершенно ясно и то, что столь небольшим по составу коммунистическим партиям трудно было обеспечить высокоэффективное партийное руководство народными массами. Расширение партийных рядов на основе ленинского принципа индивидуального отбора стало крайне необходимым с первых же дней революции. Прежде всего ставилась задача — принять в партию многочисленный актив, долгие годы участвовавший в революционной борьбе под руководством коммунистов. В июле 1940 г. во всех трех коммунистических партиях начался прием новых членов без прохождения кандидатского стажа.

В свете задач социалистической революции, с учетом условий легальности необходимо было также перестроить структуру партийных организаций, создать достаточно гибкий и надежный партийный аппарат.

В Литве и Латвии работой компартий и всей революционной борьбой руководили Центральные Комитеты этих партий, а в Эстонии функции ЦК с 1938 г. выполняло Нелегальное Бюро КПЭ. В первый же день деятельности в легальных условиях ЦК Компартии Латвии, избранный в 1939 г. XXVI партийной конференцией, сформировал Секретариат ЦК в составе первого секретаря Я. Калнберзина, второго секретаря Ж. Спуре и секретарей А. Яблонского и О. Аугусте. Первым секретарем ЦК КП Литвы в то время являлся А. Снечкус, вторым секретарем — И. Мескупас, третьим секретарем с середины июля 1940 г.— К. Прейкшас. 26 сентября 1940 г. начало функционировать Бюро ЦК КП Литвы, в которое вошли А. Снечкус, И. Мескупас, К. Прейкшас, Ю. Палецкис, М. Гедвилас, А. Гузявичюс и Д. Шупиков; в этом составе Бюро работало до очередного V съезда Компартии Литвы. В состав Нелегального Бюро (с 21 июля 1940 г. оно именовалось Центральным Комитетом) Компартии Эстонии входили: с 1938 г.— Х. Аллик, И. Лауристин, П. Кээрдо, Х. Арбон, П. Петрее, а с мая 1940 г.— и О. Сепре. Секретарем Нелегального Бюро являлся Х. Аллик.

Местные партийные организации в Литве и Эстонии возглавлялись уездными и городскими комитетами партии, в Латвии — районными, городскими и областными комитетами (обком партии существовал и в Литве на территории Вильнюсской области, воссоединенной с Литвой).

В Литве с самого начала революции комитеты Компартии развернули активную деятельность во всех уездах. Алитусский уездный комитет КП Литвы возглавлял Т. Тамулявичюс, Биржайский — П. Паункснис, Мажейкский — А. Кондратас, Паневежский — К. Петраускас, Расейнский — С. Филипавичюс, Тельшяйский — Д. Роцюс, Утенский — Ю. Груодис и др. Секретарем Каунасского горкома работал А. Петраускас. После образования в сентябре 1940 г. самостоятельного Каунасского укома партии его первым секретарем стал В. Петрайтис. Для руководства Шяуляйской парторганизацией в августе 1940 г. был образован оргкомитет, в состав которого вошли П. Карецкас, И. Соловьев, П. Залецкас и др.[10]. В Вильнюсской области до 9 октября 1940 г. руководство партийной работой осуществлял обком партии, первым секретарем которого был П. Балтрушка. В августе 1940 г. решением ЦК КП Литвы в Вильнюсской области был образован Тракайский уком, секретарем которого стал С. Шадявичюс.

В Латвии в начальный период революции сохранялась структура партийных организаций, которая существовала в период подполья. Действовали областные комитеты и Рижский городской комитет партии. 30 июня Секретариат ЦК КП Латвии утвердил первых секретарей — организаторов областных комитетов. Первым секретарем Даугавского обкома партии была утверждена М. Биркенфелде (Дзервите), Латгальского — Р. Нейланд, Малиенского — И. Плиесмане, Видиенского — А. Калнынь, Вентспилсско-Талсинско-Тукумского — И. Палдынь, Земгальского — К. Платер, Леяскурземского — П. Плесум[11]. Рижскую парторганизацию возглавлял секретарь ЦК КП Латвии Ж. Спуре. Это организационное мероприятие имело большое значение. В отчетном докладе ЦК КП Латвии IX съезду партии, с которым выступил Я. Калнберзин, подчеркивалось: «В первые дни после легализации наша партия, особенно в провинции, шла вперед ощупью. Партийную работу на местах Центральный Комитет доверил не вполне проверенным людям. Но после того, как были назначены областные комитеты с выдержанными и способными работниками во главе, допущенные ошибки были исправлены»[12].

В соответствии с требованиями новой обстановки было изменено организационное строение парторганизаций. В период подолья в Лие-

---

[8] Центральный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (далее — ЦГАОР ЭССР), ф. 852, оп. 1, д. 2357, л. 1.

[9] *Панксеев А.* На основе ленинских организационных принципов. Таллин, 1967, с. 83—86.

[10] «Už socializmo sukūrimą Lietuvoje», p. 226—227.

[11] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 5.

[12] «Пролетарская правда», 1940, 21 декабря.

пае, например, было 5 партийных районов. Теперь построение парторганизаций по территориальному принципу было заменено построением по производственному принципу. Низовая партийная работа сосредоточивалась в партийных ячейках, которые создавались при предприятиях. К 26 июля уже действовало 12 партийных ячеек (первичных организаций) [13].

В Риге первоначально также сохранялась прежняя структура партийных организаций. В последний период подполья в Риге действовало 10 партийных районов, не связанных с административным делением. С развертыванием революции такая структура себя уже не оправдывала, поскольку вела к чрезмерной раздробленности сил партии. Поэтому в сентябре 1940 г. вместо десяти в Риге было создано три партийных района — Пардаугавский (Задвинский), Центральный и Московский [14]. Реорганизация подняла значение районного комитета как руководящего органа. К моменту реорганизации в Центральном р-не было 70 первичных организаций с 626 членами и 270 кандидатами в члены партии, в Пардаугавском — 30 первичных партогранизаций со 171 членом и 141 кандидатом в члены партии, в Московском р-не было 78 членов и 80 кандидатов в члены партии [15]. В дальнейшем, в связи с ростом численного состава партии и в целях улучшения руководства первичными парторганизациями, решением Бюро ЦК КП(б) Латвии от 29 декабря 1940 г. Центральный и Задвинский р-ны Риги были разукрупнены. Деление городской парторганизации стало соответствовать новому административному делению территории Риги (Кировский, Пролетарский, Ленинский и другие районы) [16].

Совершенствуя структуру партийных органов, ЦК КП Латвии в августе принял решение ликвидировать областные и создать уездные комитеты КП Латвии. К этому времени в Латвии работало 7 областных, 3 городские и 40 районных организаций партии.

В Компартии Эстонии ко времени выхода из подполья партийные комитеты функционировали в Таллине, Нарве, уездах Тартумааском и Пярнумааском. В других уездах партийной работой руководили уполномоченные Нелегального Бюро КП Эстонии. В Эстонии также укреплялись имевшиеся партийные комитеты, состав которых менялся, и создавались новые комитеты. 18 июля 1940 г. на общем собрании коммунистов Таллинской партийной организации в состав горкома партии были избраны Ф. Окк, В. Янус и С. Тельман [17]. В Тарту в городской партийный комитет входили В. Сасси, И. Круус и Я. Троос, в Нарве — А. Паук, К. Паас, А. Вельман, в Пярну — В. Реа, И. Тамм и В. Витс. В июле 1940 г. во всех уездах Эстонии были организованы уездные комитеты КПЭ. Их возглавляли опытные коммунисты-подпольщики: Харьюмааский уком — К. Томинг, Вирумааский — А. Штамм, Ярвамааский — Л. Вальтс, позднее Э. Сяремат, Валгамааский — И. Ойнас, позднее А. Пясс, Вильяндимааский — О. Абори, Ляэнемааский — О. Шер, Сааремааский — А. Муй; лишь первым секретарем Петсеримааского укома КПЭ являлся молодой коммунист, вступивший в партию в 1940 г.[18]

Особенностью формирования руководящих партийных органов компартий Латвии, Литвы и Эстонии в это время было частое применение метода кооптации и назначения в состав партийных органов. В первые недели после выхода из подполья еще не представлялось возможным повсеместно осуществлять выборность партийных органов. К тому же следует учесть частые перемещения коммунистов в связи с переменой работы, выдвижением на более ответственные должности и т. д. После каждого выбытия члена партийного комитета на его место нередко кооптировался или назначался новый. Однако в большинстве случаев партийные комитеты создавались путем избрания их на городских и уездных собраниях коммунистов.

Следует сказать, что как ранее существовавшие, так и вновь созданные партийные комитеты были малочисленными, в подавляющем большинстве случаев они состояли из 3—7 человек. Помимо секретарей партийных комитетов в их состав входили председатели соответствующих исполкомов, заведующие отделами укомов, горкомов и райкомов партии, руководители административных органов, а позднее также секретари комитетов комсомола, руководители предприятий. Немногочисленность партийных комитетов позволяла быстро собираться и оперативно решать вопросы. Позднее составы партийных комитетов несколько расширились.

Секретари укомов, горкомов и райкомов партии, а также составы партийных комитетов утверждались Центральными Комитетами коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии.

Как известно, в годы буржуазной диктатуры коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии имели очень небольшой партийный аппарат. Теперь, в условиях развертывания социалистической революции, в легальной обстановке, появилась необходимость, а также возможность создать более широкий партийный аппарат. Его создание началось с первых же дней революции, происходило одновременно с образованием руководящих партийных органов и в основном было завершено ко времени принятия коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии в состав ВКП(б) в октябре 1940 г. При создании партийного аппарата были решены две основные задачи: 1) определена структура и функции аппарата партийных комитетов и 2) проведена основная работа по комплектованию партийного аппарата. Партийный аппарат имел целью способствовать партийным органам в выполнении ими руководящих функций, в укреплении связей партии с массами трудящихся, в улучшении повседневной практической партийной работы.

В процессе работы по созданию партийного аппарата была определе-

---

[13] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 105, оп. 1, д. 3, л. 8.

[14] Там же, ф. 101, оп. 2, д. 32, л. 5, 10.

[15] Там же, ф. 101, оп. 2, д. 32, л. 16—17, 20.

[16] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 12, л. 17.

[17] «Kommunist», 19.VII.1940.

[18] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 10; оп. 3, д. 176, л. 4—5.

на структура ЦК компартий трех республик, а также укомов, горкомов, райкомов, волкомов и других партийных комитетов.

В ЦК всех трех компартий были созданы отделы: агитации и пропаганды, кадров, оргинструкторский, сельскохозяйственный, школ, военный и общий отдел. Промышленные отделы создавались по-разному: в ЦК Компартии Латвии к 25 декабря 1940 г. был создан промышленно-торговый отдел [19], в ЦК компартий Литвы и Эстонии в конце 1940 г. имелись общие промышленно-транспортные отделы. Позднее были созданы еще финхозсекторы.

В укомах и горкомах, как правило, были созданы три отдела — организационно-инструкторский, пропаганды и агитации, кадров. Позднее эта структура менялась в зависимости от развития экономики уезда или города, количества их населения и других обстоятельств. Соответственно определялось и число освобожденных партийных работников. В Литве, например, в укомах первой группы предусматривалось 16 должностей освобожденных ответственных работников, второй группы — 13 и третьей — 12 [20].

Общее количество штатных работников как в аппаратах ЦК коммунистических партий, так и в горкомах, райкомах и укомах было небольшим. Например, решением Секретариата ЦК КП Литвы от 11 сентября 1940 г. численность ответственных работников аппарата ЦК определялась в 50 человек, аппарата двадцати двух укомов КП Литвы — в 300 человек.

В Компартии Латвии до ноября 1940 г. штаты не были установлены и комплектование их проводилось по мере создания соответствующих отделов. В конце ноября 1940 г. штат ЦК Компартии Латвии был утвержден в количестве 45 ответственных и 18 технических работников. Штаты аппаратов пяти горкомов партии были определены в 45 человек, всех девятнадцати укомов партии — в 248 человек, шести райкомов города Риги — в 20 человек [21].

Аппарат ЦК КП Эстонии первоначально состоял лишь из нескольких человек, затем он расширился. 11 декабря 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело штаты ЦК, а также уездных и городских комитетов Компартии Эстонии. В аппарате ЦК предусматривалось иметь 40 ответственных работников [22].

Характерной чертой реорганизации аппарата компартий Прибалтийских республик в 1940—1941 гг. было возрастание удельного веса института инструкторов. Инструктор партийного комитета превращался в центральную фигуру партийной работы в массах, ему принадлежала ведущая роль в деле создания и укрепления первичных партийных организаций.

Руководящие партийные органы компартий Литвы, Латвии и Эстонии прилагали большие усилия для комплектования и совершенствования деятельности партийного аппарата. На работу в аппарат было выдвинуто много инициативных и энергичных коммунистов. Среди них было немало бывших подпольщиков, прошедших школу классовых битв

в условиях буржуазной диктатуры. Наряду с опытными коммунистами на партийную работу выдвигались и молодые члены партии.

Заведующими отделами ЦК КП Литвы работали такие опытные коммунисты, как Д. Шупиков, Х. Айзенас, И. Зданавичюс, М. Чиблис, К. Диджюлис и т. д. Ответственные посты аппарата ЦК КП Латвии были укомплектованы коммунистами с большим опытом подпольной борьбы и коммунистами, имевшими опыт руководящей работы в старших братских республиках СССР. В их числе были А. Пельше, К. Гайлис, Я. Авотынь, Я. Сална, Г. Петерс, Э. Цекулиня, П. Литвинов и др. Заведующими отделами ЦК КП Эстонии являлись опытные коммунисты К. Кангер А. Рауд, В. Новиков, А. Павлов и др.

Коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии в формировании руководящих партийных органов, в создании и налаживании работы партийного аппарата и во всей своей деятельности получали значительную помощь от Центрального Комитета ВКП(б). По просьбе ЦК коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии ЦК ВКП(б) направил в молодые советские республики значительное число коммунистов, имевших большой опыт партийной, советской и хозяйственной работы.

Все же в целом комплектование партийного аппарата проходило с большими трудностями, прежде всего из-за нехватки опытных работников. С целью обеспечения партийного руководства большое число коммунистов направлялось на работу в государственные и хозяйственные органы, причем иногда они переводились туда из партийного аппарата. К концу 1940 г. во всех трех республиках Прибалтики партийный аппарат был укомплектован далеко не полностью. И хотя в 1941 г., также благодаря помощи ЦК ВКП(б), комплектование партийного аппарата проходило успешнее, к началу Великой Отечественной войны значительная часть штатных должностей в ЦК, укомах, горкомах и райкомах оставалась вакантной.

Неотложной задачей коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии после выхода из подполья, в первые месяцы революции, было укрепление имевшихся и создание новых партийных ячеек, которые после принятия коммунистических партий республик Прибалтики в состав ВКП(б) стали называться первичными партийными организациями. Коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии исходили из того, что первичные организации являются основой партии. В условиях коренных социалистических преобразований, в обстановке классовой борьбы, которая остро проявлялась на предприятиях, особенно в волостях, первичным организациям принадлежала особая роль.

При создании партийных ячеек (первичных партийных организаций) учитывались конкретные условия и возможности. Например, в Риге в на-

---

[19] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 20, л. 9—10.

[20] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 1, л. 44—46.

[21] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 90, л. 5, 9.

[22] Очерки истории КП Эстонии, ч. 3. Таллин, 1970, с. 21.

13 Заказ № 2523

чальный период низовые парторганизации в своем большинстве строились еще не по производственному, а по отраслевому принципу. Такие организации (ячейки) иногда объединяли до 40 коммунистов нескольких предприятий одной отрасли. Это затрудняло работу организаций. Поэтому они были разукрупнены и перестроены по производственному принципу. Например, в Московском р-не вместо двух отраслевых ячеек стало 16 первичных парторганизаций и кандидатских групп [23]. Это приблизило коммунистов к производственным коллективам.

В более сложной обстановке протекала работа по созданию и укреплению низовых партийных организаций на селе. Здесь коммунистов было особенно мало, поэтому в большинстве волостей отсутствовали партийные организации. Свое влияние и руководство массами на тех участках, где не было первичных партийных организаций, КП Латвии обеспечивала через парторгов. Проводилась большая работа по подбору парторгов, причем из-за недостатка кадров парторгами утверждались не только члены, но и кандидаты в члены партии.

В Литве новые партийные ячейки стали создаваться в июле — августе 1940 г. Они организовывались обычно в уездных и волостных центрах, а также в учреждениях и на предприятиях. В сентябре 1940 г. в Рокишкском уезде уже действовало 25 партийных ячеек, в Мажейкяйском — 27 [24]. В Утенском уезде к этому времени партийные ячейки были созданы в 9 волостях из 12. В Паневежисе имелось 11 ячеек, Алитусе — 6, Пренай — 4 ячеек [25].

Партийные ячейки осенью 1940 г. функционировали на крупных предприятиях Каунаса и других городов. Имели место случаи, когда партийные ячейки возникали стихийно и состояли частью из беспартийных или лиц, организационно еще не оформивших свою принадлежность к КП Литвы. Позднее такие ячейки были упразднены.

Первые итоги работы партийных ячеек промышленных предприятий Каунаса обсуждались на совещаниях секретарей ячеек и активистов 28 августа и 19 сентября 1940 г. На этих совещаниях секретари партийных ячеек рассказали о своей работе, о трудностях и недостатках, которые приходилось преодолевать. Особое внимание обращалось на повышение авангардной роли коммунистов на производстве.

В июле 1940 г. началось создание новых партийных ячеек и в Компартии Эстонии. В течение августа — октября эта работа развернулась особенно интенсивно. К началу ноября на предприятиях Таллина было создано 48 первичных партийных организаций с 800 коммунистами [26]. Осенью 1940 г. первичные партийные организации функционировали на таких крупных предприятиях Таллина, как машиностроительный завод «Пунане Крулль» (43 коммуниста), Балтийская хлопчатобумажная фабрика (16 коммунистов) и т. д. [27] Тартумааский уком КП Эстонии первоначально, не имея возможности создать первичные партийные организации, назначил на многие предприятия парторгов. К началу 1941 г. в Тартумааском уезде и в г. Тарту имелось 13 первичных партийных организаций. В четырех из них были избраны партийные бюро [28].

Партийные ячейки создавались и на селе. Но во многих волостях коммунистов еще не было. Вот, например, как выглядела расстановка партийных сил в Ляэнемааском уезде Эстонской ССР осенью 1940 г. В уездном центре — г. Хаапсалу насчитывалось 12 коммунистов, в волости Мартна — 6, Ридала — 7, Кирбла — 4, Ригульди — 6, Лихула — 6, Карусе — 4, Пийрсалу — 4, Вигала — 5, Кулламаа — 7, Марьямаа — 3, Кярдла, Ноароотси, Варбла и Асукюла — по 1 коммунисту; в 8 волостях — ни одного. К концу 1940 г. в Ляэнемааском уезде действовало 12 первичных партийных организаций, 1 партийно-кандидатская группа и 8 коммунистов-одиночек; в целом коммунисты имелись в двух городах и 14 волостях, а в 7 волостях членов партии не было[29]. Примерно таким же оставалось положение и в других уездах Эстонской ССР.

В целом можно сказать, что создание первичных партийных организаций было сопряжено с большими трудностями, обусловленными прежде всего относительно малой численностью коммунистов. Тем не менее из месяца в месяц на предприятиях, в волостях, учреждениях и организациях создавались новые организации. Первичные партийные организации постепенно накапливали опыт работы. Они немало сделали для укрепления связей с массами, решения хозяйственных и политических вопросов.

Партийные комитеты уделяли большое внимание подбору секретарей первичных партийных организаций, их обучению и воспитанию. В практике работы коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии должное место заняли совещания и семинары секретарей первичных партийных организаций.

Таким образом, после выхода из подполья коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии перестроили всю свою организационную структуру и партийный аппарат в соответствии с новыми условиями и задачами. Однако этого было недостаточно. Требовалось повысить уровень работы руководящих органов, партийного аппарата и первичных партийных организаций, все полнее проводить в жизнь принципы демократического централизма, коллективности в работе, обращать особое внимание на подбор людей и проверку исполнения.

С целью повышения уровня всей партийной работы стали регулярно проводиться заседания Бюро и Секретариата ЦК компартий Литвы, Латвии и Эстонии, которые функционировали как коллективные органы руководства. При этом руководящие органы воспитывали партийные организации и членов партии в духе сочетания коллегиальности с личной

---

[23] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 9, л. 6.

[24] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 9, л. 1, 21, 23; д. 11, л. 17, 34.

[25] «Труженик», 1940, 13 августа, 16 августа, 7 сентября, 4 октября.

[26] «Советская Эстония», 1940, 5 ноября.

[27] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 90.

[28] Там же, д. 28, л. 48—49.

[29] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, д. 82, л. 14, 19.

ответственностью, исходя из ленинского указания, что «коллегиальность необходима для решения дел государства рабочих и крестьян. Но всякое раздувание коллегиальности, всякое извращение ее, ведущее к волоките, к безответственности, всякое превращение коллегиальных учреждений в говорильни является величайшим злом, и с этим злом надо покончить во что бы то ни стало, как можно скорее, не останавливаясь ни перед чем» [30].

Для обобщения опыта партийной работы, определения очередных задач широко практиковались собрания уездных, городских и районных партийных активов. Например, в соответствии с решением Секретариата ЦК КП Литвы с 12 по 18 сентября 1940 г. во всех уездах республики были проведены собрания партийного актива, на которых обсуждались наиболее важные вопросы партийной работы и текущие хозяйственно-политические задачи. Эти собрания способствовали оживлению всей партийно-организационной работы.

ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии постоянно проводили также работу с секретарями укомов, горкомов и райкомов партии. Так, Центральный Комитет Компартии Латвии неоднократно ставил на совещаниях секретарей укомов, горкомов и райкомов важные вопросы, давая руководящие указания. Можно сослаться, например, на августовское совещание 1940 г., которым руководил первый секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин. Были заслушаны доклады наркома земледелия Я. Ванага о ходе земельной реформы, наркома просвещения П. Валескална о перестройке учебы в школах и Я. Калнберзина о структуре республиканской партийной организации. На совещании были даны исчерпывающие ответы на многие вопросы партийно-организационной и идеологической работы, а также текущей политики [31].

ЦК КП Эстонии осенью 1940 г. два раза в месяц проводил инструктивные совещания секретарей укомов и горкомов партии. В сентябре на таком совещании с докладом о задачах партийных организаций по проведению советской земельной реформы выступил нарком земледелия Г. Абельс. Председатель Центрального Совета профессиональных союзов Эстонии Х. Арбон сделал доклад о выборах фабрично-заводских комитетов и месткомов в учреждениях. Много внимания такие совещания уделяли вопросам перестройки партийной работы в соответствии с новыми условиями, а затем в связи с обменом партийных документов КПЭ на партийные билеты общесоюзного образца [32].

Большое внимание уделял инструктивным совещаниям секретарей укомов и горкомов также ЦК КП Литвы. Плодотворное влияние на совершенствование деятельности партийных органов оказало созванное ЦК КП Литвы 10 августа 1940 г. в Каунасе совещание первых секретарей укомов и горкомов партии. На этом совещании, проведенном под руководством секретаря ЦК КП Литвы К. Прейкшаса, секретари укомов и горкомов партии обменялись мнениями по важнейшим вопросам партийного строительства. На совещании были определены главные задачи партийных органов на ближайший период.

Огромное принципиальное значение для коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, всех партийных комитетов и всего актива имело изучение и применение опыта Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Ознакомление с опытом ВКП(б) выразилось также и в изучении Программы и Устава партии. Они в числе первых переводились на литовский, латышский и эстонский языки. Так, ЦК КП Литвы летом 1940 г. создал специальную комиссию, которая перевела на литовский язык Устав ВКП(б). На национальные языки переводились и другие документы и инструкции для партийных организаций. Постепенно создавались кружки для изучения Программы, Устава и других документов ВКП(б).

Для изучения и творческого применения опыта ВКП(б) большое значение имело прибытие в молодые республики значительного числа коммунистов из других союзных республик, главным образом лиц литовской, латышской и эстонской национальностей. Многие из них как политэмигранты покинули Латвию, Литву и Эстонию в годы гражданской войны и позднее из-за преследований за революционную деятельность. Они много лет принимали активное участие в социалистическом строительстве в СССР. После возвращения в Литву, Латвию и Эстонию эти товарищи энергично включались в работу партийных, советских, хозяйственных и других органов, передавая свой ценный опыт другим работникам.

Большой вклад в дело распространения опыта ВКП(б) внесли партийные организации, политработники и командиры частей Красной Армии, дислоцированных на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Политработники Красной Армии делились опытом партийно-политической работы с партийными работниками Литвы, Латвии и Эстонии, выступали с лекциями и докладами по истории партии, Программе и Уставу ВКП(б), решениям Коммунистической партии. Первый секретарь ЦК КП(б) Латвии Я. Калнберзин говорил на IX съезде Компартии Латвии: «В такие моменты, когда в партийной работе у нас встречаются тяжелые минуты в проведении кампаний, мы всегда обращаемся к работникам Красной Армии, к политработникам, и они помогают нам каждый раз. Еще не случалось ни разу, чтобы они отказались нам помочь»[33]. Все это способствовало укреплению принципов интернационализма в работе республиканских партийных организаций Литвы, Латвии и Эстонии.

---

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 45.

[31] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 17, л. 1—23.

[32] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 3—4, 6—11.

[33] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 1, л. 330.

2. Рост партийных рядов и воспитание коммунистов (июнь — декабрь 1940 г.)

После восстановления Советской власти еще больше возрос авторитет коммунистов среди широких масс трудящихся, усилилась тяга рабочих, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции к вступлению в ряды Коммунистической партии. Задачи осуществления коренных социалистических преобразований в новых советских республиках диктовали необходимость расширения партийных рядов. Изменились также условия и расширилась социальная база роста партии.

Увеличение численности, рост сознательности и активности рабочего класса, социальные изменения в крестьянстве, активное участие прогрессивной интеллигенции в социалистическом строительстве — все это создавало несравненно более благоприятные условия для пополнения партийных рядов лучшими людьми из числа рабочих, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции. Вместе с тем усилилась также опасность проникновения в партию случайных, карьеристских и даже враждебных элементов, ибо, как учил В. И. Ленин и показал исторический опыт, к правящим партиям всегда стараются примазаться различные карьеристские элементы. Поэтому коммунисты Латвии, Литвы и Эстонии руководствовались указанием В. И. Ленина: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым...» [34]

Первоначально во всех трех компартиях, как уже отмечалось, прием производился прямо в члены партии, без кандидатского стажа. В тех условиях это было, безусловно, необходимой мерой, способствовавшей быстрому пополнению партийных рядов лучшими силами.

Прием новых членов в коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии начался в июле 1940 г. Вопросы регулирования количественного и качественного состава партийных рядов постоянно находились в центре внимания руководящих органов республиканских партийных организаций.

Секретариат ЦК КП Латвии 30 июня 1940 г. определил условия приема в партию новых членов и создал комиссию по рассмотрению дел, принимаемых в партию [35]. Комиссия приняла в партию многих революционных борцов, которые в период подполья утратили связь с партийными организациями и работали вне рядов партии [36]. По решению Секретариата ЦК КП Латвии новые члены в партию должны были приниматься только в индивидуальном порядке через партийные ячейки и утверждаться в райкомах и укомах партии. При вступлении в партию требовались рекомендации двух членов партии с партийным стажем не менее шести месяцев. Но на практике в июле 1940 г. имели место некоторые отступления от этих правил приема. С одной рекомендацией

были приняты в партию те лица, которые в условиях подполья имели тесную связь с партией.

Большую работу по приему новых членов развернули комитеты и первичные организации Компартии Литвы. Новые члены из числа рабочих и трудящихся крестьян принимались партийными ячейками при наличии хотя бы одной рекомендации. Там, где не было партийных ячеек, новых членов принимали в партию укомы или горкомы КП Литвы. Летом и осенью 1940 г. ряды Компартии Литвы увеличивались довольно быстрыми темпами.

Быстрый рост партийных рядов происходил и в Компартии Эстонии. 12 июля 1940 г. газета «Коммунист» напечатала извещение Таллинского горкома КП Эстонии о начале перерегистрации старых членов партии и приеме новых. Тогда же, 12 июля, состоялось первое заседание Таллинского горкома, посвященное приему в партию. 19 июля в «Коммунисте» была опубликована редакционная статья «Прием новых членов в партию», в которой указывалось, что одной из первоочередных задач партии надо считать укрепление ее организаций, а это требует притока в партию новых сил. Всем партийным организациям и каждому коммунисту предлагалось энергично работать в этом направлении, уделяя особое внимание пополнению партийных рядов за счет рабочих. «В то же время,— отмечала газета «Коммунист»,— долг всех членов партии и партийных организаций — тщательно следить за тем, чтобы лица, боровшиеся против народа, действовавшие заодно с реакционной кликой, или прямые враги народа не проникали в ряды Коммунистической партии» [37].

Работа по приему в партию занимала значительное место в деятельности городских и уездных комитетов КП Эстонии. Так, например, на заседаниях Таллинского горкома КП Эстонии в июле 1940 г. вопросы о приеме в партию рассматривались почти ежедневно, причем в некоторые дни было по два заседания. Во второй половине июля, в основном в конце месяца, начали прием новых членов партии все укомы и горкомы КП Эстонии. В течение июля — августа 1940 г. в КП Эстонии было принято 1220 человек. За короткое время ее ряды увеличились почти в десять раз.

Из числа принятых в июле — августе 1940 г. в ряды коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии выросло много руководящих работников партийного, советского, профсоюзного, комсомольского и хозяйственного аппарата, внесших большой вклад в проведение коренных социалистических преобразований в первый год Советской власти, в годы войны занимавших видные командные посты в эстонских, литов-

---

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 290.

[35] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 6.

[36] Очерки истории КП Латвии, ч. 2, с. 446.

[37] «Kommunist», 19.VII.1940.

ских и латышских национальных частях Красной Армии, а в послевоенное время успешно руководивших социалистическим строительством в молодых советских республиках Прибалтики.

Большая работа партийных организаций Литвы, Латвии и Эстонии по регулированию роста своих рядов дала положительные результаты, но в ходе ее имели место и нарушения ленинского принципа индивидуального отбора в партию.

В деятельности партийных органов Литвы по приему в партию проявились две нежелательные крайности. На совещании первых секретарей укомов и горкомов партии 10 августа 1940 г. отмечалось, что Биржайский уком партии и местные партийные ячейки принимали в партию людей без должного отбора и тщательной проверки [38]. Аналогичные явления наблюдались в Паневежском, Кретингском, Вилкавишкском, Расейнском, Шакяйском уездах [39]. Это таило в себе опасность засорения рядов партии случайными, недостойными или даже враждебными элементами. Иногда на собраниях ячеек и на заседаниях партийных комитетов рассматривалось сразу по 20—30 и более заявлений. Так, 28 августа 1940 г. собрание партийной ячейки железнодорожников Каунаса рассмотрело 54 заявления [40]. При таком массовом разборе заявлений нарушался принцип строгого индивидуального подхода к каждому вступающему. Каунасский горком партии допускал случаи приема в партию без личного участия принимаемых, а иногда и без рекомендаций [41]. Кроме того, некоторые партийные комитеты и ячейки, как, например, в Таурагском уезде, подолгу не рассматривали поданные заявления о приеме в партию [42].

Серьезные отклонения от ленинского принципа индивидуального отбора в партию имели место в Коммунистической партии Эстонии. Они выражались в необоснованном форсировании приема в партию, в недостаточном изучении некоторыми партийными комитетами политических и деловых качеств вступающих в партию, в недостаточной принципиальности при оценке компрометирующих данных, известных о вступающих в партию.

Немалые трудности при приеме в партию вызывала необходимость получения рекомендации. Во многих уездах и волостях рекомендующими оказывались все время одни и те же коммунисты. Например, в Вырумаском уезде Эстонской ССР десятки людей были приняты в партию по рекомендации руководящих работников уезда. При таком положении рекомендующие не могли должным образом знать рекомендуемых и нередко подобные рекомендации носили формальный характер.

Одной из проблем, возникших в деятельности партийных организаций Латвии, Литвы и Эстонии по приему в партию, был вопрос об отношении к выходцам из других политических партий, об условиях приема их в ряды Коммунистической партии. В этом вопросе компартии также руководствовались ленинскими принципами и установками.

Постоянное расширение партийных рядов, прием в партию сотен лучших рабочих, трудящихся крестьян и представителей интеллигенции со-

здавали более благоприятные возможности для подбора и выдвижения кадров.

В августе 1940 г. во всех трех коммунистических партиях республик Советской Прибалтики условия приема в партию были изменены: вводился кандидатский стаж.

Первым был введен кандидатский стаж в Компартии Латвии. 2 августа 1940 г. Секретариат ЦК КП Латвии принял постановление о новых условиях приема в партию. Для вступления в Компартию Латвии требовалось представить две рекомендации от коммунистов, имеющих партийный стаж не менее года. Эти условия не распространялись на выходцев из других политических партий [43]. Они принимались в партию на более строгих условиях.

Новый порядок приема в КП Латвии был обсужден на совещании секретарей областных, городских и районных комитетов партии 5 августа 1940 г. Совещанием руководил первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Калнберзин. Центральный Комитет разъяснил партийным организациям, что установление кандидатского стажа нужно рассматривать как повышение требований и серьезное испытание для вступающих в партию; кандидатский стаж должен обеспечить проверку деловых и политических качеств будущих коммунистов.

На совещании был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с ростом партийных рядов. Особое внимание было обращено на регулирование социального состава партии, на возрастание в ней удельного веса рабочих. Наряду с этим Центральный Комитет КП Латвии потребовал от партийных организаций повысить бдительность каждого коммуниста и строго следить за тем, чтобы в ряды партии не проникали классово чуждые и случайные элементы.

Совещание рассмотрело вопрос о партийных билетах. При существовавшем в то время порядке каждый райком мог изготовлять партийные документы и выдавать их на руки коммунистам. Совещание установило единый порядок выдачи и хранения партийных документов. Отныне временные партийные билеты и кандидатские карточки изготовлялись исключительно Центральным Комитетом КП Латвии и выдавались секретарями укомов, горкомов и райкомов партии [44].

Для вступающих в КП Литвы с августа 1940 г. также был введен кандидатский стаж. Однако на первых порах партийные органы, как отмечал секретарь ЦК КП Литвы И. Мескупас, после ознакомления с практикой приема в партию, еще не имели четкого представления о на-

---

[38] *Butkute-Rameliene A.* Lietuvos KP kova už Tarybu valdžios įtvirtinimą respublikoje. Vilnius, 1958, p. 152.

[39] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 9, л. 57; д. 40, л. 31; д. 53, л. 18; д. 61, л. 18.

[40] «Труженик», 1940, 31 августа.

[41] «Tiesa», 28.I.1941.

[42] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 66, л. 24; «Труженик», 1940, 13 августа.

[43] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 18.

[44] «Cīņa», 7.VIII.1940.

значении кандидатского стажа. Некоторые партийные органы считали кандидатами всех, кто заполнил анкеты для вступления в партию, но еще не был принят партийными ячейками и комитетами. В Каунасе кандидатами в члены партии считались те лица, которым не было отказано в приеме в партию, но вопрос о приеме в то же время по различным причинам не был решен положительно [45].

Вопрос о том, принимать ли данное лицо в партию членом или кандидатом решался на партийных собраниях с последующим рассмотрением и утверждением решений партийных ячеек комитетами партии. Введение кандидатского стажа способствовало лучшему отбору в партию, более тщательной проверке лиц, подавших заявление о приеме в партию. Внимательное рассмотрение этих заявлений на собраниях партийных ячеек активизировало их работу и в значительной степени преградило путь для проникновения в партию случайных элементов.

ЦК КП Литвы уделял вопросам роста рядов партии большое внимание. В сентябре 1940 г. эти вопросы подробно обсуждались на совещаниях и собраниях партийного актива уездов и городов республики и изучались представителями ЦК КП Литвы.

Работа партийных ячеек и комитетов по приему в партию освещалась в партийной печати. Летом 1940 г. Каунасский горком партии выпустил типографским способом специальное издание «Что нужно знать вступающим в Коммунистическую партию» [46], в котором в популярной форме излагались цели и задачи, а также роль партии в жизни общества, характеризовались источники ее силы, давался четкий ответ на вопрос — кто может быть членом партии.

Решение ЦК КП Эстонии о введении кандидатского стажа было принято 16 августа 1940 г. Орган ЦК КП Эстонии газета «Коммунист», комментируя это решение, 20 августа писала: «Прежде всего нужно было увеличить число членов партии. Теперь оно увеличилось в несколько раз. Лучшие люди, борцы за интересы трудового народа вступили в партию. Это та часть рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции, которая была известна партии и которая работала вместе с партией еще в подполье. Эти товарищи принимались в партию в упрощенном порядке, т. е. требовалось две рекомендации, причем прием производился прямо в члены партии». После того, как наиболее известные активисты были приняты в ряды партии, следовало изменить порядок приема, привести его в соответствие с новой обстановкой. «Это нужно для того,— отмечал «Коммунист»,— чтобы избежать проникновения в партию случайных людей».

В той же редакционной статье «Коммуниста» подчеркивалось, что кандидатский стаж нужен для того, чтобы вступающий в партию имел возможность подробнее ознакомиться с программой, уставом и тактикой Коммунистической партии, а партийная организация могла изучить политические и личные деловые качества коммуниста.

Наряду с приемом в партию республиканские партийные организации проводили немалую работу по идейно-политическому воспитанию

молодых коммунистов. Воспитание этих людей, многие из которых не имели большого опыта политической деятельности, недостаточно знали марксистско-ленинскую теорию, приобрело первостепенное значение.

В октябре 1940 г. ЦК КП Латвии провел собрание республиканского партийного актива, на котором рассматривался вопрос о работе с кандидатами в члены партии. Собрание поставило задачу — создать такую обстановку и условия воспитания молодых коммунистов, чтобы они идейно росли и закалялись, чтобы после получения кандидатской карточки они на деле играли авангардную роль, как это подобает коммунистам [47].

Комитеты и первичные организации Компартии Латвии также принимали необходимые меры для подготовки из кандидатов стойких коммунистов, преданных делу партии. Характерным в этом отношении является установка общего отчетно-выборного партийного собрания Абренской уездной партийной организации от 6 декабря 1940 г., которое считало необходимым «обратить особое внимание на большевистское воспитание вновь принятых в партию коммунистов и кандидатов, вовлечь каждого из них в активную партийную жизнь, воспитывать их в духе строжайшего соблюдения Устава партии и повышения революционной бдительности, помогая им в росте и повышении теоретической подготовки» [48].

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии в первые месяцы после выхода из подполья и прихода к власти сделали важный шаг в создании боеспособных республиканских партийных организаций, готовых к решению задач социалистического строительства. К началу 1941 г. коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии объединяли в своих рядах более 7 тыс. коммунистов, в том числе в Компартии Литвы было 2486 коммунистов (из них — 1968 членов партии и 518 кандидатов в члены партии) [49], в Компартии Латвии соответственно — 2798 (1597 и 1201) [50], в Компартии Эстонии — 2036 (1169 и 867) [51].

Численный состав коммунистических партий республик Прибалтики увеличился с июня по декабрь 1940 г. более чем в 2 раза, в том числе Компартии Эстонии — в 14 раз, Компартии Латвии — почти в 3 раза и Компартии Литвы — почти на 500 человек.

Коммунистические партии республик Советской Прибалтики приобрели опыт по регулированию роста своих рядов в условиях социалистического строительства.

---

[45] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 9, л. 61.

[46] Ką reikia žinoti stojntiems į Komunistų partiją. Kaunas, 1940.

[47] «Cīņa», 8.X.1940.

[48] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 40, л. 6.

[49] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 9, л. 49.

[50] Коммунистическая партия Латвии в цифрах (1904—1971 гг.). Рига, 1972, с. 31.

[51] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 84, л. 1.

3. Принятие коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в состав ВКП(б)

8 октября 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило принять коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии в состав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Это было событием огромной исторической важности. После принятия в начале августа 1940 г. Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в состав Советского Союза воссоединение коммунистических партий этих республик с ВКП(б) было естественным и закономерным явлением.

Коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии были приняты в состав ВКП(б) на правах ее республиканских организаций. Теперь они стали называться: Коммунистическая партия (большевиков) Латвии, Коммунистическая партия (большевиков) Литвы и Коммунистическая партия (большевиков) Эстонии.

С вхождением в состав ВКП(б) республиканские партийные организации новых советских республик взяли на себя и новые обязанности, повысилась ответственность каждого коммуниста перед партией и народом. Вместе с тем создавались несравненно более благоприятные условия для деятельности партийных организаций, для проведения всей организационно-партийной и идеологической работы. Вся внутрипартийная жизнь строилась теперь в соответствии с Уставом ВКП(б), принятым XVIII съездом партии. Задача коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии состояла в том, чтобы творчески применять Устав партии с учетом конкретных условий каждой из республик.

В Центральном Комитете КП(б) Латвии в октябре 1940 г. было образовано Бюро ЦК в составе Я. Калнберзина, Ж. Спуре, В. Лациса, Ф. Деглава, П. Плесума, А. Новикова, А. Яблонского [52]. Партийные ячейки были переименованы в первичные партийные организации и построены по производственному принципу. Проводилась работа по переучету коммунистов и по подготовке к выдаче партийных билетов общесоюзного образца. Порядок выдачи партийных документов членам и кандидатам в члены КП(б) Латвии был установлен специальной инструкцией ЦК ВКП(б).

Процесс проверки и упорядочения состава коммунистов фактически начался сразу же после выхода партии из подполья, но лишь сейчас эта работа была завершена. Результаты проверки рассматривались на бюро укомов и горкомов партии, где одновременно решался вопрос о выдаче единого партийного билета или кандидатской карточки. И только после того, как решение укомов и горкомов о выдаче партийных документов утверждалось на Бюро ЦК КП Латвии, коммунист считался принятым в ВКП(б).

Вопросы о выдаче партийных документов общесоюзного образца ЦК КП(б) Латвии рассматривалась очень тщательно. И хотя численно Компартия Латвии сократилась, ее качественный состав улучшился.

Всего укомы и горкомы представили в ЦК КП(б) Латвии для утверждения на предмет выдачи партийных документов 3327 дел, из них 2021 на членов и 1306 — на кандидатов в члены партии. ЦК КП(б) Латвии персонально рассмотрел все предложения горкомов и укомов и принял решение выдать партийные документы 2889 коммунистам, в том числе 1635 членам и 1254 кандидатам в члены партии [53]. Таким образом, число членов партии значительно сократилось, так как многие из них были переведены в кандидаты как неподготовленные к тому, чтобы быть членами партии, и не прошедшие необходимого кандидатского стажа. Часть принятых в партию не была переведена в ВКП(б) по политическим мотивам. Многие дела были отложены для выяснения некоторых вопросов. Все они были возвращены укомам и горкомам для вторичного рассмотрения и последующей передачи вновь в ЦК КП(б) Латвии.

Предъявляя высокие требования при выдаче партийных документов, ЦК КП(б) Латвии в то же самое время внимательно относился к каждому человеку и принимал необходимые меры, чтобы избежать неправильных решений. Для этого при оргинструкторском отделе ЦК КП(б) Латвии была создана апелляционная группа, которая изучала и рассматривала все жалобы.

Опыт работы партийных организаций по выдаче партийных документов был обобщен в Постановлении Бюро ЦК КП(б) Латвии от 19 февраля 1941 г. «Об итогах выдачи партийных документов в связи с приемом КП Латвии в ВКП(б)» [54].

ЦК КП Литвы, придавая огромное политическое значение постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 октября 1940 г., предложил всем секретарям укомов и волкомов партии до 20 октября 1940 г. провести собрания партийных организаций, на которых обсудить историческое решение Политбюро ЦК ВКП(б) о принятии КП Литвы в состав ВКП(б), а также задачи по подготовке к выдаче партийных документов и проведению выборов партийных органов [55].

Проверка, наведение точного учета коммунистов и выдача партийных документов были важнейшим политическим мероприятием, дававшим ЦК КП(б) Литвы возможность укрепить свои ряды, очистить их от случайных и нежелательных элементов. В инструкции ЦК ВКП(б) «О порядке выдачи партийных документов членам и кандидатам КП(б) Литвы», утвержденной Политбюро ЦК ВКП(б) 8 октября 1940 г., предусматривалась выдача партийных документов членам и кандидатам в члены партии после принятия соответствующего решения ЦК КП(б) Литвы о каждом члене и кандидате в отдельности на основе предложе-

---

[52] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 1, л. 431.

[53] Коммунистическая партия Латвии в цифрах, с. 32.

[54] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 19, л. 106.

[55] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 1, л. 119.

ний укомов и горкомов партии. Партийный стаж в ВКП(б) исчислялся со дня вступления в ряды КП Литвы [56].

15 октября 1940 г. по вопросу о выдаче новых партийных документов было проведено совещание секретарей укомов и горкомов КП Литвы, на котором присутствовало 45 человек. 17 октября по этому вопросу было принято постановление Бюро ЦК КП(б) Литвы. В нем предусматривалось во всех горкомах и укомах партии провести совещания секретарей волкомов и партийных организаций с обсуждением конкретных планов подготовки и выдачи партийных документов в каждой организации [57]. ЦК КП(б) Литвы требовал от партийных органов провести работу по выдаче партийных документов в обстановке повышения бдительности, укрепления партийных организаций и подъема всей партийно-политической работы. ЦК КП(б) Литвы в своей директиве рекомендовал партийным органам временно воздержаться от приема в партию новых членов.

В октябре — ноябре 1940 г. партийные органы Литвы проделали значительную работу по проверке коммунистов каждой партийной организации, ознакомлению с их производственной и общественной деятельностью. Вся работа по проверке и учету коммунистов в партийных организациях, укомах и горкомах партии была в основном закончена к 1 декабря 1940 г. [58] С каждым коммунистом проводилась индивидуальная беседа. Тот, кто не смог документально доказать свою принадлежность к партии, партийных документов не получал. Встречались и такие лица, которые не могли доказать свою принадлежность к партии, потому что те, кто принимал их в партию в условиях подполья, сами уже не были ее членами. В таком случае партийные органы требовали у этих коммунистов документы, подтверждавшие их членство в партии в последующем. Партийный же стаж обычно исчислялся с момента оформления документа о принадлежности к партии. Были люди, которые активно работали в нелегальных условиях, но затем по различным причинам отошли от партии. Когда же партия стала руководящей силой, они всеми способами стремились доказать свою былую партийную принадлежность. Таким лицам партийные документы не выдавались. Им предлагалось вступать в партию на общих основаниях. Принятые горкомами и укомами партии решения о членстве лиц, представивших необходимые документы, рассматривались и окончательно утверждались на заседаниях Бюро ЦК КП(б) Литвы.

В декабре 1940 г. и январе 1941 г. ЦК КП(б) Литвы в основном завершил рассмотрение дел о выдаче партийных документов. До февраля 1941 г. ЦК КП Литвы рассмотрел 4017 заявлений. Было решено выдать 2522 коммунистам партийные документы, в том числе 2012 партийных билетов и 510 кандидатских карточек [59].

Укомы, горкомы и ЦК КП(б) Литвы в целом внимательно и тщательно обсуждали дела о выдаче партийных документов. Правда, некоторые партийные органы и отдельные руководящие работники имели в то время несколько преувеличенное представление о засоренности партийных

рядов в период подполья и в условиях легальной деятельности, поэтому вне партии оказалась часть рабочих, мелких торговцев, ремесленников и крестьян, работавших в свое время в условиях подполья. Следует учесть, что в период подпольной деятельности не всегда велся надлежащий учет, что осложняло решение вопроса о выдаче партийных документов. По мере выявления дополнительных данных о лицах, которым было отказано в выдаче документов, ЦК КП(б) Литвы пересматривал постановления укомов и горкомов партии, а также сьои собственные решения. В отдельных случаях вопрос о принадлежности к партии решался после Великой Отечественной войны. В результате проверки коммунистов и выдачи партийных документов ряды КП(б) Литвы укрепились, возросли монолитность и сплоченность партийных организаций, повысилась партийная дисциплина. Компартия Литвы стала более боеспособной.

Компартия Эстонии уже заранее начала подготовку к предстоящему обмену партбилетов КП Эстонии на общесоюзные партдокументы. 12 сентября 1940 г. на Бюро ЦК КП Эстонии обсуждался вопрос об определении партийного стажа членам КП Эстонии. Было решено просить ЦК ВКП(б) установить партийный стаж коммунистам с момента их вступления в КП Эстонии[60]. Эти предложения были приняты Центральным Комитетом ВКП(б).

В Эстонии существовал такой же порядок перевода коммунистов в состав ВКП(б) и выдачи партийных билетов и кандидатских карточек, как и в других республиках Советской Прибалтики. Уездные и городские комитеты основательно проверяли материалы и изучали все данные о каждом коммунисте, а затем решали вопрос о его партийности. Все материалы представлялись затем в ЦК КП(б) Эстонии, который принимал окончательное решение о каждом члене и кандидате в члены партии. Три четверти членов и кандидатов в члены Компартии Эстонии были переведены в состав ВКП(б), и им были выданы партийные билеты и кандидатские карточки общесоюзного образца. Несколько сот человек, принятых в КП Эстонии, партийных документов ВКП(б) не получили, как не заслуживающие политического доверия или попавшие в ряды партии случайно. В их число входили и те, кто был уличен в обмане партии, недостойном поведении и т. п. Как и в других республиканских партийных организациях Советской Прибалтики, некоторая часть дел коммунистов была отложена для дополнительного изучения. Практиковался также перевод из членов в кандидаты партии. Однако в Компартии Эстонии имело место и явно непринципиальное, либеральное отношение к отдельным коммунистам при решении вопроса об их партийности.

В целом обмен партийных документов коммунистических партий

---

[56] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 7, л. 1.
[57] Там же, д. 1, л. 119.
[58] Великий Октябрь и Прибалтика, с. 44.
[59] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 9, л. 52.
[60] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 22, д. 3773, л. 3.

Литвы, Латвии и Эстонии на партийные билеты и кандидатские карточки общесоюзного образца проводился в духе партийной принципиальности и требовательности и имел огромное положительное значение для повышения боеспособности молодых республиканских партийных организаций. Характерной в этом отношении является оценка, данная в январе 1941 г. Вильяндимааской уездной партийной конференцией Эстонской ССР: «Был удален из партии нечестный, пассивный и не подчиняющийся дисциплине элемент. Все, кто не был способен или не хотел выполнять те обязанности, которые возлагает партия на своего члена, или кто впадал в оппортунизм и недисциплинированность, удалены. В результате мы добились больших успехов в работе, укрепили дисциплину и единство нашей партии» [61].

Обмен партийных документов и исключение из партии значительного числа недостойных звания коммуниста лиц внесли значительные изменения в расстановку партийных сил. Часть партийных ячеек распалась. К концу 1940 г. в трех республиканских партийных организациях насчитывалось 669 первичных партийных организаций и 178 партийно-кандидатских и партийно-комсомольских групп.

Одной из особенностей партийного строительства в рассматриваемый период было наличие относительно большого количества коммунистов-одиночек, не входивших в первичные партийные организации. В последующие месяцы, по мере создания новых первичных партийных организаций, процент коммунистов-одиночек во всех трех республиканских партийных организациях снижался, что значительно повысило боевитость и авторитет первичных парторганизаций среди трудящихся.

4. Отчеты и выборы в первичных, городских, уездных и районных партийных организациях. Съезды коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии

После того как партийные организации Латвии, Литвы и Эстонии пополнили свои ряды, окрепли организационно и приобрели первый опыт работы в новых условиях, появилась необходимость подвести ее итоги и избрать в уставном порядке руководящие партийные органы. Эту задачу призвана была выполнить первая в легальных условиях отчетно-выборная кампания — отчетно-выборные партийные собрания, уездные, городские и районные партийные конференции и очередные съезды коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии. В соответствии с постановлением ЦК КП(б) Литвы от 11 декабря 1940 г., отчетно-выборные собрания в первичных партийных организациях Литвы проводились с 15 до 30 декабря 1940 г. Одновременно происходили и волостные собрания коммунистов. В Латвии отчетно-выборные собрания в первичных партийных организациях также были проведены в декабре 1940 г., а в Эстонии — в январе 1941 г.

Отчетно-выборные собрания в первичных партийных организациях, как правило, прошли организованно, при высокой активности коммунистов. На них подводились первые итоги деятельности недавно созданных организаций, обобщался их опыт работы, анализировались недостатки, определялись очередные задачи. Собрания в первичных организациях проводились под руководством укомов, горкомов и райкомов партии.

Многие первичные партийные организации к тому времени накопили немалый опыт работы. Такими были первичные партийные организации бумажной фабрики им. Ю. Янониса и заводы «Ливела» в Каунасе, хлебокомбината им. В. Кингисеппа и «Балтийской мануфактуры» в Таллине, текстильной фабрики «Большевичка», велосипедного завода «Саркана звайгзне» в Риге и многие другие организации.

Результаты отчетно-выборных собраний в Компартии Литвы, например, свидетельствовали о большой активности коммунистов. Во многих партийных организациях была обеспечена стопроцентная явка коммунистов на отчетно-выборные собрания. Всего по республике на отчетно-выборных партсобраниях присутствовало 90,2% всех коммунистов, из них 43,2% выступило в прениях при обсуждении отчетных докладов. В Латвийской ССР в отчетно-выборных партийных собраниях участвовало 89,4% коммунистов, в прениях по отчетам секретарей выступило 58,9% присутствовавших на собраниях.

Наряду с обобщением положительного опыта отчетно-выборные собрания в первичных организациях выявили серьезные недостатки. В ряде партийных организаций была запущена внутрипартийная работа, партийные собрания проводились редко, коммунисты не имели партийных поручений и редко отчитывались об их выполнении. В Компартии Литвы работа была признана неудовлетворительной в 27 первичных партийных организациях, в Компартии Латвии — в 47 организациях.

В подавляющем большинстве первичных партийных организаций из-за их малочисленности были избраны не бюро, а секретари парторганизаций. Так, в Компартии Литвы из 307 первичных партийных организаций бюро были избраны лишь в 14, в Компартии Латвии из 263 в 38 организациях.

Среди секретарей и членов бюро первичных партийных организаций преобладали молодые коммунисты, вступившие в партию после победы революции, но были и опытные работники с подпольным стажем. В Компартии Литвы, например, из 307 секретарей 239 не имели стажа партийной работы, 64,4% секретарей были избраны на этот пост впервые.

В Компартии Латвии 40% секретарей первичных партийных организаций были избраны впервые. Среди секретарей и членов бюро первичных партийных организаций были выходцы из всех трудовых социальных слоев, однако преобладали рабочие, что следует считать весьма

---

[61] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 31.

положительным явлением. Так, в Компартии Латвии среди избранных секретарей первичных партийных организаций рабочие составляли 77%, крестьяне — 16% и служащие — 17%. В Компартии Литвы 55,6% секретарей первичных партийных организаций были рабочими.

Наряду с проведением отчетно-выборных собраний в первичных партийных организациях шла интенсивная подготовка к уездным, городским и районным партийным конференциям и общим отчетно-выборным собраниям [в малочисленных уездных, городских и районных партийных организациях вместо партконференций проводились общие отчетно-выборные собрания].

Центральные Комитеты КП(б) Литвы, КП(б) Латвии и КП(б) Эстонии специально обсудили вопрос о проведении партийных конференций и подготовке к очередным съездам республиканских партийных организаций. Так, ЦК КП(б) Литвы 29 декабря 1940 г. принял решение о проведении уездных и городских партийных конференций и собраний в период с 15 по 21 января 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Латвии в своем решении от 25 ноября 1940 г. указало, что отчеты и выборы руководящих партийных органов, уездных, городских и районных парторганизаций следует провести до 10 декабря 1940 г. ЦК КП(б) Латвии установил, что в организациях с количеством членов партии менее 100 человек созываются уездные, городские или районные партсобрания, при наличии же более 100 коммунистов созываются партийные конференции. Для участия в работе отчетно-выборных собраний и конференций были командированы члены ЦК КП(б) Латвии и ответственные работники аппарата ЦК[62].

Одновременно ЦК КП(б) Латвии рассмотрел вопрос о созыве IX съезда КП(б) Латвии. Было решено созвать его 17 декабря 1940 г. На IX съезде КП(б) Латвии от каждых 50 членов партии избирался один делегат с правом решающего голоса и от каждых 150 кандидатов в члены партии — один делегат с совещательным голосом. Кроме того, в организациях, в которых сверх указанного количества имелось более 25 членов партии, избирался еще один делегат с решающим голосом, а на 75 кандидатов в члены партии — один делегат с совещательным голосом. Малочисленные уездные и городские партийные организации, где количество членов и кандидатов партии было ниже установленных норм, посылали на съезд одного делегата с решающим голосом и одного делегата с совещательным голосом.

ЦК КП(б) Эстонии также рассмотрел вопрос о проведении городских и уездных партийных конференций и партсобраний. Было решено созвать IV съезд КП(б) Эстонии 5 февраля 1941 г., отчеты и выборы в первичных партийных организациях провести с 3 по 20 января, отчеты и выборы уездных и городских комитетов партии — с 23 января по 3 февраля[63]. Первая в истории Компартии Эстонии отчетно-выборная кампания была проведена в эти сроки.

Для IV съезда Компартии Эстонии были установлены следующие нормы представительства: на каждые 25 членов партии — один делегат

с решающим голосом, при наличии в организации более 25 членов партии — еще дополнительно один делегат с решающим голосом не менее чем на 13 членов ВКП(б). На каждые 40 кандидатов в члены партии избирался один делегат с совещательным голосом, а при наличии в организации более 40 кандидатов — еще один делегат с совещательным голосом не менее чем на 20 кандидатов[64]. ЦК КП(б) Эстонии в своем решении о созыве очередного съезда партии подчеркнул, что выборы руководящих органов проводятся в легальных условиях и партийные оганизации должны это учитывать. «Они проходят в условиях,— говорилось в решении ЦК,— когда КП(б) Э, как неотъемлемая часть Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), является единственной партией, руководящей социалистическим строительством в Эстонской Советской Социалистической Республике. Это возлагает на все партийные организации особенно большую ответственность...»[65]

Партийные конференции и отчетно-выборные общие собрания во всех трех республиканских партийных организациях проходили в обстановке широко развернувшихся социалистических преобразований, в условиях обострившейся классовой борьбы. Делегаты всех этих конференций и собраний проявили высокую активность.

Итоги и значение партийных конференций и отчетно-выборных уездных и городских общих собраний, которые были проведены в коммунистических партиях Литвы, Латвии и Эстонии в конце 1940 — начале 1941 г., сводились к следующему.

Во-первых, это были первые отчеты и выборы руководящих партийных органов после восстановления Советской власти. Поэтому естественно, что на них подводились и итоги примерно двадцатилетней героической борьбы латвийских, литовских и эстонских коммунистов в условиях буржуазной диктатуры.

Во-вторых, партийные конференции и отчетно-выборные собрания подводили итоги работы уездных и городских партийных организаций в условиях диктатуры пролетариата, обобщая опыт перехода от нелегальной работы к открытой деятельности во главе масс в ходе социалистической революции. Коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии действовали в условиях диктатуры пролетариата уже более полугода и накопили первый опыт руководства социалистическим строительством. На партийных конференциях и отчетно-выборных собраниях были определены очередные конкретные задачи социалистического строительства, задачи партийных организаций в промышленности, на транспорте, в строительстве и в сельском хозяйстве.

В-третьих, значительное место в работе конференций и отчетно-выборных собраний занимали вопросы идеологической работы, вопросы

---

[62] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 8а, л. 31—33.

[63] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 22, д. 3773, л. 231.

[64] «Советская Эстония», 1941, 3 января.

[65] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 178, л. 88.

коммунистического воспитания трудящихся и идейно-теоретической закалки коммунистов, а также перспективы развития науки, литературы и искусства. При этом подчеркивалась важность повышения уровня партийного руководства культурной жизнью и идеологической работой.

В-четвертых, конференции и собрания подвели итоги внутрипартийной и организационно-партийной работы первичных партийных организаций и партийных комитетов. Смысл решений конференций и собраний по этим вопросам сводился к подчинению всей организационной и внутрипартийной работы задачам социалистического строительства. Для этого в первую очередь необходимо было коренным образом улучшить подбор и воспитание кадров. Во время выборов усилилась роль первичных парторганизаций.

В-пятых, большое место в работе партийных конференций и отчетно-выборных собраний занимали вопросы партийного руководства профсоюзами, комсомолом и другими массовыми организациями трудящихся.

В-шестых, партийные конференции и отчетно-выборные собрания уделили значительное внимание вопросу членства в партии, улучшению работы по приему в партию и качественного состава принимаемых.

В-седьмых, партийные конференции и партсобрания продемонстрировали крепнущие узы дружбы и сотрудничества местных партийных организаций с политорганами и парторганизациями частей Красной Армии и Военно-Морского Флота. Делегаты от частей Красной Армии и Флота присутствовали на многих отчетно-выборных собраниях и конференциях.

Участие армейских коммунистов в конференциях и собраниях сыграло важную роль в деловом обсуждении вопросов. Принципиальные и содержательные выступления делегатов от воинских частей выслушивались коммунистами с большим вниманием.

На партийных конференциях и отчетно-выборных собраниях избирались руководящие органы уездных, городских и районных партийных организаций в составе от 3 до 27 членов и 5—9 кандидатов. На пленумах этих комитетов были избраны секретари и составы бюро укомов, горкомов и райкомов партии.

Секретарями и членами уездных, городских и районных (г. Риги) комитетов компартий Литвы, Латвии и Эстонии были избраны проверенные и закаленные на революционной работе коммунисты, пользующиеся уважением и доверием своих партийных организаций. Так, секретарем Центрального райкома (г. Рига) КП Латвии был избран И. Тринклер, член партии с 1920 г., секретарем Московского райкома — М. Яковлев, член партии с 1926 г., Вентспилсского укома — И. Палдынь, член партии с марта 1917 г., Валкского укома — Ф. Берг, член партии с 1920 г., Валмиерского укома — А. Калнынь, член партии с 1921 г. Наряду со старыми опытными кадрами к партийной работе привлекались и молодые коммунисты. Секретарем Абренского укома партии коммунисты избра-

ли 22-летнего Е. Каупужа, члена партии с 1939 г., Лиепайского горкома — 30-летнего М. Буку, члена партии с 1939 г. Среди первых секретарей укомов, горкомов, райкомов КП Латвии рабочие по социальному положению составляли 76,9%, крестьяне — 7,7% и служащие — 15,4%. Партийный стаж первых секретарей составлял: свыше 15 лет — 30,8%, от 10 до 15 лет — 38,5%, от 5 до 10 лет — 11,5% и менее 5 лет — 19,2% [66]. В Компартии Литвы 52,8% всех избранных членов горкомов и укомов партии по всему своему социальному положению были рабочие, 38,3% имели высшее или среднее образование, 53,1% принадлежали к литовской национальности, 24,3% были в возрасте до 30 лет. Партийный стаж основной части членов горкомов и укомов партии превышал 5 лет. На партийных конференциях и отчетно-выборных общих собраниях уездных и городских партийных организаций были избраны делегаты на очередные съезды коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии.

Важнейшим событием в жизни латвийских коммунистов явился IX съезд Компартии Латвии, проходивший с 17 по 19 декабря 1940 г. На съезде присутствовали 161 делегат с решающим и 49 делегатов с совещательным голосом, которые представляли все уездные и городские организации КП Латвии, а также парторганизации воинских частей. Ко времени съезда в рядах КП Латвии числилось около 1600 членов и 1200 кандидатов в члены партии. К этому времени было создано 19 уездных и 4 городские партийные организации, которые включали 270 первичных парторганизаций. Более половины (147) из них находилось в Риге [67].

По партийному стажу делегаты IX съезда КП(б) Латвии распределялись следующим образом: вступили в партию до 1917 г.— 6 человек, с 1917 по 1924 г.— 41, с 1925 по 1930 г.— 79, с 1930 по 1936 г.— 30, с 1937 по 1939 г.— 28 и в 1940 г.— 26 человек. Таким образом, большинство делегатов имели более чем десятилетний партийный стаж. На съезде присутствовали 98 делегатов, которые за свою революционную деятельность многие годы провели в тюрьмах и на каторге. Рабочих среди делегатов было 132 (62,8%), крестьян — 26 (12,4%), служащих — 52 (24,8%).

С отчетным докладом Центрального Комитета КП(б) Латвии на IX съезде партии выступил первый секретарь ЦК Я. Калнберзин.

5—9 февраля 1941 г. в Каунасе состоялся V съезд КП(б) Литвы. Со времени IV съезда КП Литвы, проходившего в июле 1924 г., минуло более 16 лет. В работе съезда участвовали 277 делегатов с решающим и 65 с совещательным голосом. Наиболее представительной на съезде была делегация городской парторганизации Каунаса.

Делегаты V съезда КП(б) Литвы по социальному положению распределялись следующим образом: рабочих — 149 человек, крестьян — 57,

---

[66] «Коммунист Советской Латвии», 1973, № 4, с. 48.

[67] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 1, л. 131, 132, 183.

служащих — 136 человек[68]. Присутствующие на съезде 79 делегатов вступили в партию до 1927 г., 110 делегатов стали членами КП Литвы в условиях подполья, а 10 вступили в нее в легальной обстановке.

С отчетным докладом на съезде выступил первый секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус.

5—8 февраля 1941 г. в Таллине состоялся IV съезд КП(б) Эстонии. На съезде присутствовало 284 делегата с решающим и 144 делегата с совещательным голосом. Наиболее крупной делегацией на съезде была делегация коммунистов Таллина. Среди делегатов IV съезда Компартии Эстонии были партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные работники, представители партийных организаций промышленности, транспорта, сельского хозяйства, кооперации, торговли, культуры, а также армии. По партийному стажу делегаты распределялись следующим образом: вступили в партию до 1917 г.— 3 делегата, с 1917 по 1920 г.— 32, с 1921 по 1930 г.— 119, с 1931 по 1939 г.— 52, в 1940 г.— 74, в 1941 г.— 1 делегат[69].

Съезды отметили огромное историческое значение принятия коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии в состав ВКП(б).

Одно из центральных мест на съездах коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии занимали вопросы экономического развития новых союзных республик. Съезды подвергали анализу состояние промышленности, транспорта, строительства, торговли и сельского хозяйства, подвели итоги проделанной в этой области работы и определили задачи на будущее.

На съездах рассматривались многие вопросы партийной пропаганды, массово-политической работы и идеологической жизни в целом. Например, IX съезд коммунистов Латвии поставил перед партийной организацией республики задачу усилить работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, развернуть широкую борьбу с буржуазным национализмом, подчеркнув, что, разоблачая его реакционную сущность, необходимо одновременно вести широкую воспитательную, массово-политическую работу, чтобы помочь отсталым людям быстрее преодолеть буржуазные предрассудки. IV съезд Компартии Эстонии предложил партийным организациям наладить систематическую работу по марксистско-ленинскому воспитанию руководящих партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных кадров.

Успехи социалистического строительства в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР во многом определялись правильной политикой в отношении кадров, их подбором и воспитанием, организацией проверки исполнения. Поэтому не случайно на съездах компартий Прибалтийских республик вопросам работы с кадрами было уделено значительное внимание.

На съезде Компартии Латвии были определены конкретные задачи по расстановке, выдвижению и воспитанию партийных, советских и профсоюзных руководящих кадров. Съезд поручил партийным организациям улучшить изучение и подбор кадров, смелее выдвигать на руко-

водящие посты молодых работников из числа коммунистов и передовых беспартийных рабочих, крестьян и советской интеллигенции, доказавших на деле свою преданность Советской власти. Съезд потребовал повысить личную ответственность руководителей партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций за подбор и расстановку кадров на соответствующих участках.

V съезд КП(б) Литвы, положительно оценив деятельность партийных организаций по выдвижению на партийную, советскую и хозяйственную работу новых кадров и их воспитанию, признал, что партийные органы еще систематически не изучили людей на практической работе и не успели создать продуманной системы подготовки кадров.

На IV съезде КП(б) Эстонии была осуждена проявленная некоторыми работниками излишняя осторожность при выдвижении на руководящую работу молодых активистов из среды рабочих и крестьян. Съезд потребовал более решительно направлять на руководящую работу в государственный аппарат и хозяйственные органы рабочих, бедняков и середняков, служащих и интеллигентов, показавших себя достойными советскими патриотами и способными работниками.

Съезды коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии предложили шире привлекать к партийной работе, к участию в государственном, хозяйственном и культурном строительстве женщин, проводить с ними повседневную политико-воспитательную работу.

В условиях развернувшегося в новых союзных республиках Прибалтики социалистического строительства большое значение имело широкое вовлечение в экономическую и общественно-политическую деятельность профсоюзов, комсомола и других массовых организаций трудящихся, что в свою очередь зависело от уровня партийного руководства этими организациями. Поэтому не случайно на съездах коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии вопросы партийного руководства массовыми организациями трудящихся занимали важное место. На съездах рассматривалась проделанная партийными организациями работа по перестройке деятельности профсоюзов, комсомола и других массовых организаций в свете задач социалистического строительства.

В дни социалистической революции 1940 г. была проведена большая работа по идейному и организационному сплочению комсомола Прибалтийских республик. Комсомольские организации Латвии, Литвы и Эстонии 18 октября 1940 г. были приняты в состав ВЛКСМ. Это сыграло большую положительную роль в перестройке комсомольской жизни в Прибалтийских республиках на основе общих принципов Ленинского комсомола. Во всех трех комсомольских организациях был осуществлен учет комсомольцев и выдача комсомольских билетов общесоюзного образца. В конце 1940 г. в комсомольских организациях Латвии, Литвы и Эстонии были проведены отчеты и выборы.

---

[68] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 14, л. 1, 4.

[69] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 174, л. 5—6.

Съезды компартий Прибалтийских республик признали необходимым расширить ряды республиканских комсомольских организаций, принимая в ряды ВЛКСМ достойную молодежь. Съезды компартий Латвии, Литвы и Эстонии предложили всем партийным организациям улучшить руководство комсомолом, исправить допущенные в их работе ошибки, оказывать всемерную помощь в организации и воспитании молодежи, всемерно поощрять инициативу комсомольских организаций. Ставилась задача добиться, чтобы комсомол на деле стал активным проводником партийных директив во всех областях социалистического строительства.

Успех социалистического строительства в молодых советских республиках во многом зависел и от качественного состава партии, расстановки партийных сил, от организационного и идейного уровня партийных организаций, их боеспособности и деловитости. Съезды коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии уделили этим вопросам особое внимание.

В то время рабочие и крестьяне в компартиях Литвы и Эстонии составляли три четверти, а в Компартии Латвии — почти четыре пятых всего состава. Съезды обратили также внимание партийных органов на необходимость увеличения прослойки коммунистов на решающих участках народного хозяйства.

Значительное внимание съезды коммунистических партий Латвии Литвы и Эстонии уделили укреплению руководящих партийных органов. Было отмечено, что горкомы и укомы партии наряду с решением повседневных вопросов внутрипартийной жизни, стали активнее осуществлять и руководство хозяйственно-культурным строительством, однако в целом партийные органы еще в недостаточной степени контролировали и направляли работу советских и хозяйственных органов на местах.

На съездах были отмечены и серьезные недостатки во внутрипартийной работе. В некоторых организациях партийные собрания еще не стали действенной школой воспитания коммунистов. Не все коммунисты имели конкретные партийные поручения.

Съезды коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии избрали руководящие органы республиканских и партийных организаций. Центральный Комитет КП(б) Латвии был избран в составе 35 членов и 11 кандидатов в члены, а центральная ревизионная комиссия — 5 членов [70]; Центральный Комитет КП(б) Литвы — в составе 47 членов и 16 кандидатов в члены, ревизионная комиссия — 11 членов [71]; Центральный Комитет КП(б) Эстонии в составе 33 членов и 7 кандидатов в члены, ревизионная комиссия — 9 членов [72]. В Центральные Комитеты коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии вошли лучшие коммунисты с большим партийным стажем и опытом подпольной и руководящей работы, способные возглавлять проведение коренных социалистических преобразований в молодых союзных республиках. Руководящие партийные органы этих республиканских партийных организаций значительно расширились, пополнились новыми людьми.

После съездов состоялись организационные пленумы вновь избранных Центральных Комитетов коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии. На Пленуме ЦК Компартии Литвы было избрано Бюро ЦК, в которое вошли 11 человек: А. Снечкус, И. Мескупас, Н. Гридин, К. Прейкшас, М. Гедвилас, Ю. Палецкис, Д. Шупиков, А. Гузявичюс, В. Морозов, П. Гладков, Ю. Григалавичюс. Первым секретарем ЦК КП(б) Литвы стал А. Снечкус, вторым — И. Мескупас, секретарем по кадрам — Н. Гридин и секретарем по пропаганде и агитации — К. Прейкшас. На Пленуме ЦК КП(б) Эстонии 8 февраля 1941 г. в состав Бюро ЦК было избрано 9 членов: И. Лауристин, Н. Каротамм, А. Паук, И. Варес, Б. Кумм, В. Трибуц, Х. Арбон, О. Шер, К. Сяре [73] и 2 кандидата — Ф. Окк и А. Багнюк. Первым секретарем ЦК КП(б) Эстонии был избран К. Сяре, вторым секретарем — Н. Каротамм, секретарем по кадрам — А. Паук. На Пленуме ЦК КП(б) Латвии 21 декабря 1940 г. было избрано Бюро ЦК из 9 членов (Я. Калнберзин, Р. Нейланд, Ж. Спуре, О. Аугусте, В. Лацис, Ф. Деглав, Ф. Шаманин, А. Новик, П. Плесум) и 2 кандидатов (К. Пуго и Д. Лестьев). На этом же Пленуме был избран Секретариат ЦК КП Латвии: первый секретарь — Я. Калнберзин, второй секретарь — Р. Нейланд, секретарь по пропаганде и агитации — Ж. Спуре, секретарь по кадрам — О. Аугусте. На организационных пленумах были также утверждены заведующие отделами ЦК и редакторы республиканских партийных газет.

Съезды коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии сыграли большую положительную роль в работе республиканских партийных организаций. Они прошли в обстановке высокой активности делегатов, принципиальной критики и самокритики.

На съездах были обобщены итоги первых социалистических преобразований в молодых союзных республиках, опыт социалистического строительства, рассмотрены дальнейшие задачи во всех областях экономики и культуры. В качестве одной из первоочередных задач выдвигалось коренное улучшение всей организационной и идеологической деятельности партийных организаций.

Съезды коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии продемонстрировали единство и сплоченность рядов республиканских партийных организаций, их верность принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Итоги съездов обсуждались на собраниях партийных активов республик, городов, уездов, на собраниях первичных партийных и комсомольских организаций. В партийных организациях выступали делегаты съездов, члены и кандидаты в члены ЦК и другие руководящие работники.

---

[70] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 1, л. 398—403.

[71] «Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje». Vilnius, 1967, p. 60.

[72] Советская Эстония», 1941, 9 февраля.

[73] К. Сяре в начале Великой Отечественной войны, оставшись в Эстонии в качестве руководителя подпольного партийного центра, отдался в руки гестапо и стал предателем.

Итоги съездов коммунистических партий Прибалтийских советских республик и обсуждение этих итогов убедительно показали готовность коммунистов Латвии, Литвы и Эстонии добиваться новых успехов в строительстве социализма.

5. XVIII Всесоюзная партконференция. Дальнейшее идейное и организационное укрепление коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии

15—20 февраля 1941 г. в Москве состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б). Конференция рассмотрела следующие вопросы: 1) о задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта; 2) хозяйственные итоги 1940 г. и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г.; 3) организационные вопросы [74].

XVIII партконференция отметила большие достижения советского народа в области развития промышленности и транспорта. Одновременно на конференции были вскрыты причины отставания некоторых отраслей промышленности в выполнении намеченных производственных планов.

Как известно, по Уставу ВКП(б), принятому XVIII съездом партии, делегаты на всесоюзные партконференции избирались на пленумах обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик; порядок выборов и нормы представительства устанавливались Центральным Комитетом ВКП(б) [75]. Делегаты XVIII партийной конференции от коммунистических партий Прибалтийских республик были избраны после съездов этих партий, на организационных пленумах ЦК.

Представители коммунистических партий советских Прибалтийских республик приняли деятельное участие в обсуждении рассматриваемых XVIII партконференцией вопросов. Первый секретарь ЦК КП(б) Латвии Я. Калнберзин в своем выступлении рассказал о тех изменениях, которые произошли в Латвии в течение полугода, т. е. со дня приема ее в состав СССР. Опираясь на братскую помощь Советского Союза, латышский народ навсегда покончил с эксплуататорским строем и твердо встал на социалистический путь. На конференции выступил также первый секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус. Он рассказал о проделанной КП(б) Литвы после выхода из подполья работе по осуществлению национализации предприятий и банков, проведению аграрной реформы, укреплению социалистического строя.

XVIII Всесоюзная партконференция обновила центральные органы ВКП(б). В состав ЦК ВКП(б) были избраны также представители коммунистических партий республик Прибалтики. Кандидатами в члены ЦК ВКП(б) были избраны Я. Калнберзин и А. Снечкус [76].

В соответствии с решением XVIII Всесоюзной партконференции в коммунистических партиях Литвы, Латвии и Эстонии были произведены изменения в структуре партийного аппарата. Были учреждены дополнительно должности секретарей ЦК коммунистических партий. Напри-

мер, в ЦК КП(б) Литвы были установлены должности секретаря ЦК по промышленности, секретаря ЦК по пищевой промышленности, секретаря ЦК по транспорту. II Пленум ЦК КП(б) Литвы избрал секретарем ЦК по промышленности М. Чиблиса, секретарем по пищевой промышленности — А. Петраускаса; 23 апреля 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Литвы утвердило секретарем ЦК КП(б) Литвы по транспорту А. Зубова[77]. В составе секретариата ЦК КП Латвии также произошли некоторые изменения. Секретарем ЦК по пропаганде и агитации был утвержден А. Пельше, секретарем по промышленности — Ж. Спуре, секретарем по строительству — Э. Америк, секретарем по транспорту — П. Плесум[78]. Секретарем ЦК КП(б) Эстонии по промышленности был избран Х. Арбон, секретарем по транспорту — Ф. Окк[79]. Должности секретарей по промышленности и транспорту были введены также в ряде горкомов партии.

Решения XVIII Всесоюзной партконференции сыграли большую положительную роль в жизни коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии, способствовали повышению уровня партийного руководства хозяйственным строительством.

В первой половине 1941 г. происходил дальнейший рост рядов коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, наблюдалось их организационное и идейно-политическое укрепление.

Прием в ряды коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии в первой половине 1941 г. значительно сократился. За первые пять месяцев во всех трех республиканских партийных организациях в кандидаты партии было принято 1324 человека. Это было связано прежде всего с повышением требовательности партийных организаций к принимаемым в партию.

Вместе с тем многие укомы и горкомы партии ослабили работу по приему в партию. Недостаточно активно еще проводился отбор в партию представителей рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, в ряде партийных организаций Латвии, Литвы и Эстонии имели место факты погони за количеством принимаемых в партию.

В начале 1941 г. стало ясно, что рост рядов коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии тормозится и объективными причинами. После легализации партий их численный состав значительно обновился. Во всех трех республиканских партийных организациях большая часть членов партии не имела трехлетнего партийного стажа, предусмотренного Уставом ВКП(б) для рекомендующего в партию. Кроме того, необходимо учесть, что после свержения диктатуры буржуазии происходило

---

[74] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 3. М., 1954, с. 425.

[75] Там же, с. 387.

[76] «Правда», 1941, 21 февраля.

[77] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 31, л. 552.

[78] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 20, л. 1.

[79] Очерки истории КП Эстонии, ч. 3, с. 22.

значительное передвижение коммунистов внутри республик: многие члены партии получили новые назначения на важные участки работы в различные города и уезды. В итоге большая часть коммунистов сменила местожительство и место работы. Если прибывшие на новое место работы коммунисты и имели необходимый партийных стаж, то все равно по Уставу ВКП(б) они в течение года не могли давать рекомендации вступающим в партию.

Учитывая названные обстоятельства, Центральные Комитеты коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой ввести в трех республиканских партийных организациях льготные условия приема в партию. ЦК ВКП(б) отнесся к этим предложениям с большим вниманием. Было временно разрешено укомам и горкомам партии трех республиканских партийных организаций принимать в партию по рекомендациям членов партии, имеющих как минимум полугодовой партийный стаж и знающих рекомендуемых по совместной работе также не менее шести месяцев. Тем самым республиканским партийным организациям новых советских республик были оказаны большая помощь и доверие, созданы благоприятные условия для приема в партию лучших людей из среды рабочих, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции.

Вопрос о приеме в ряды ВКП(б) обсуждался во всех трех республиканских партийных организациях. Центральными Комитетами коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии были приняты соответствующие решения. ЦК КП(б) Эстонии принял постановление о приеме членов и кандидатов в члены ВКП(б), в котором укомам и горкомам партии предлагалось обеспечить использование льготных условий дачи рекомендаций для приема в партию проверенных, активных и верных делу коммунизма рабочих, крестьян, интеллигенции. Для выходцев из других политических партий были сохранены более строгие условия приема в партию, от них требовалось представление пяти рекомендаций [80]. ЦК КП(б) Литвы рекомендовал горкомам и укомам партии до 1 апреля 1941 г. обсудить этот вопрос на партактивах и уездных партийных собраниях, на совещаниях секретарей первичных парторганизаций. ЦК КП(б) Литвы потребовал от горкомов и укомов партии и первичных партийных организаций усилить воспитательную работу с беспартийным активом и улучшить работу по отбору в ВКП(б) проверенных, доказавших на деле свою преданность делу партии активистов из числа рабочих, крестьян и интеллигенции, строго соблюдать ленинский принцип индивидуального отбора в партию [81]. За два месяца (апрель—май 1941 г.) в результате применения льготных условий первичными организациями, а также горкомами и укомами Компартии Литвы было принято в ряды партии в 4 раза больше людей, чем в первом квартале 1941 г.

В условиях молодых союзных республик было совершенно ясно, что применение льготных условий приема в партию должно сочетаться с повышением бдительности партийных органов, чтобы в существующей

сложной обстановке оградить партию от проникновения в ее ряды чуждых элементов. Партийные органы учитывали это. ЦК компартий Литвы, Латвии и Эстонии не раз обращали внимание партийных органов на то, что временно разрешенный прием в партию на льготных условиях ни в коем случае не снижает, а, наоборот, увеличивает ответственность первичных парторганизаций, укомов и горкомов за всестороннюю и глубокую проверку каждого принимаемого в партию.

28 мая 1941 г. ЦК КП(б) Литвы обсудил работу Вильнюсского горкома и Кретингского укома партии по пополнению рядов партии. Выяснилось, что эти партийные комитеты недостаточно занимались работой по воспитанию беспартийного актива и вовлечению его в партию. Слабо проводилась работа по приему в партию рабочих промышленных предприятий. ЦК КП(б) Литвы предложил Вильнюсскому горкому и Кретингскому укому партии улучшить работу по вовлечению в партию передовых рабочих, крестьян и представителей интеллигенции. Горкомам, укомам и райкомам партии рекомендовалось в дальнейшем на каждом пленуме обязательно ставить вопрос о результатах работы по расширению рядов партии за истекший период. В связи с немногочисленностью партийной прослойки на крупных промышленных предприятиях и слабой постановкой массово-политической работы на них партийным органам было предложено временно прикрепить к фабрикам и заводам ответственных партийных работников для проведения систематической воспитательной работы. Учитывая, что в Вильнюсе было немало людей, состоявших ранее в Коммунистической партии Западной Белоруссии и изъявивших желание остаться в рядах партии, ЦК КП(б) Литвы поручил Вильнюсскому горкому партии взять на учет всех этих людей и поставить вопрос об их партийности через ЦК КП(б) Литвы перед специально созданной комиссией в БССР[82].

Некоторые партийные комитеты КП(б) Эстонии не совсем верно выполняли установленные льготные условия приема в партию. Орган ЦК КП(б) Эстонии газета «Коммунист» в апреле 1941 г. опубликовала статью заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП Эстонии А. Резева «О некоторых вопросах роста партийных организаций». Облегчение условий приема в партию, указывалось в статье, не отменяет, а обязательно предполагает строгое соблюдение принципа индивидуального отбора. Проводя в жизнь этот принцип, уездные и городские комитеты обязаны обеспечить прием в партию только проверенных, активных строителей коммунизма — рабочих, крестьян и представителей трудовой интеллигенции.

В статье еще раз обращалось внимание на недопустимость другой крайности при приеме в партию. Некоторые партийные комитеты иног-

---

[80] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 3, д. 177, л. 142.

[81] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—16, д. 4, л. 58.

[82] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—16, д. 4, л. 86.

да устраивали вступающим настоящий экзамен, задавая им большое число сложных теоретических вопросов.

В работе по регулированию приема в партию накапливался опыт, здесь применялись различные формы и методы. Так, Ляэнемааский уком КП(б) Эстонии образовал комиссию в составе трех человек «для рассмотрения заявлений, анкет и других материалов вступающих в партию». В одном из решений Бюро ЦК КП(б) Латвии говорилось: «Рекомендовать, как одну из важнейших задач каждой партийной организации, выращивать беспартийный актив вокруг партийных организаций. Умело и смело, по-большевистски, выдвигать на руководящую советскую, хозяйственную и профсоюзную работу проверенных людей, тем самым создавая резерв для роста партии» [83]. Бюро также обязало членов партии, работающих на отдельных участках, создавать вокруг себя беспартийный актив из проверенных на практике людей с целью рекомендации их в партию. В соответствии с указаниями ЦК Компартии Латвии первичные партийные организации фабрик и заводов, парторги волостей создавали вокруг себя беспартийный актив из числа передовых рабочих и крестьян, пользующихся доверием в рабочем коллективе, среди трудящихся.

Группы беспартийного актива под руководством партийных организаций проводили широкую агитационную работу в коллективах предприятий, в волостях. Они осуществляли также индивидуальную агитацию, связывая ее как с производственными, так и с личными и бытовыми вопросами. Группы беспартийного актива являлись не только хорошим резервом для пополнения партийных рядов. С помощью этих групп Компартия Латвии поддерживала тесную связь с народом и осуществляла свое влияние на массы. Поэтому не только ЦК Компартии Латвии, но и местные партийные организации уделяли работе групп беспартийного актива большое внимание. Укомы, горкомы и райкомы партии имели конкретные планы работы с беспартийным активом и неоднократно рассматривали их на своих заседаниях. Например, Елгавский горком партии специально рассмотрел вопрос о работе с беспартийным активом. Было установлено, что в городе имеются сотни беспартийных активистов, все они заняты общественной работой и повышают свой идейно-теоретический уровень. Лучших активистов приглашали в горком партии, для более детального знакомства с ними проводили индивидуальные беседы, изучали их деловые и политические качества.

Особое место в деятельности коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии занимала работа с кандидатами в члены партии, которые составляли весьма значительную часть численного состава республиканских партийных организаций. Задача состояла в максимальном использовании кандидатского стажа, для того чтобы дать кандидату в члены партии возможность ознакомиться «с программой, Уставом, тактикой партии и обеспечить парторганизации проверку личных качеств кандидата» [84].

Партийные организации Литвы, Латвии и Эстонии постоянно зани-

мались воспитанием кандидатов в члены партии, применяя самые разнообразные формы работы. Так, например, первичные партийные организации, укомы и горкомы КП(б) Литвы вовлекали их в общественную работу, давали конкретные партийные поручения. Многие укомы и горкомы партии регулярно рассматривали на заседаниях бюро вопросы, связанные с работой среди кандидатов в члены партии. Практиковались специальные собрания кандидатов, индивидуальные беседы с ними. Часть кандидатов в члены партии была выдвинута на руководящую государственную и хозяйственную работу. Опыт Компартии Литвы показывает, что там, где укомы и горкомы партии повседневно проявляли заботу и внимание к кандидатам в члены партии, установленный для них кандидатский стаж стал серьезным испытанием.

Однако в Литве в то время немалая часть кандидатов в члены партии еще имела просроченный кандидатский стаж. ЦК КП(б) Литвы не раз обращал внимание партийных органов на то, что повседневная работа с кандидатами в члены партии, составляющими треть всего состава парторганизации республики, является важнейшей задачей. ЦК требовал от партийных органов не допускать превращения кандидатского стажа в пустую формальность и сделать его действенной школой воспитания молодых коммунистов, активного приобщения их к общественной и политической жизни.

Большая работа с кандидатами партии проводилась в Компартии Латвии. Бюро ЦК КП(б) Латвии в постановлении от 10 февраля 1941 г. обязало укомы, горкомы и райкомы партии организовать для кандидатов в члены партии изучение Программы и Устава партии по особому плану, разработанному отделом пропаганды и агитации Центрального Комитета[85]. Повышение идейно-политического уровня кандидатов в члены партии являлось важным мероприятием в работе местных партийных организаций, которые занимались этим вопросом повседневно. Заслуживает внимания опыт работы Московского райкома партии г. Риги. Бюро райкома в апреле 1941 г. рассмотрело вопрос о политико-воспитательной работе с кандидатами в члены партии. Этот же вопрос обсуждался на собраниях всех первичных партийных организаций. В результате кропотливой работы в Московском р-не Риги были достигнуты значительные успехи в воспитании кандидатов в члены партии. Они привлекались к активной работе в партийных организациях — регулярно присутствовали на партийных собраниях, активно участвовали в общественной работе, имели постоянные партийные поручения и т. д.

В Компартии Эстонии отдельные партийные комитеты истолковали льготные условия приема в партию — снижение стажа для рекомендующих до шести месяцев — как сведение и кандидатского стажа к шести

---

[83] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 12, л. 28.

[84] КПСС в резолюциях..., ч. 3, с. 383.

[85] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 28, л. 55.

месяцам. Петсеримааский уком КП(б) Эстонии начал форсировать прием в члены партии лиц с полугодовым кандидатским стажем. Тем самым нарушалось требование Устава ВКП(б) о прохождении вступающими в члены партии годичного кандидатского стажа. Было совершенно ясно, что, несмотря на льготные условия приема в партию, в коммунистических партиях Латвии, Литвы и Эстонии не было оснований для сокращения кандидатского стажа. В обстановке острой классовой борьбы, при наличии обширной мелкобуржуазной массы, в условиях, когда к правящей партии нередко старались примазаться различные карьеристы и случайные люди, прохождение кандидатского стажа имело важное значение.

В целом можно сказать, что работа коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии по расширению своих рядов дала положительные результаты — республиканские партийные организации за весну 1941 г. заметно выросли, окрепли организационно и идейно. В целом за первое полугодие 1941 г. численный состав трех республиканских партийных организаций увеличился почти вдвое. Численность Компартии Литвы возросла с 1 января по 1 июня 1941 г. с 2486 до 4625 коммунистов, при этом число членов партии — с 1968 до 3184, а кандидатов в члены партии — с 518 до 1441 [86]. Число коммунистов в Компартии Латвии возросло соответственно с 2798 до 5057 (членов партии — с 1597 до 3059, кандидатов — с 1201 до 1998) [87], Компартии Эстонии — с 1169 до 2043 (кандидатов — с 867 до 1689) [88].

Рост рядов республиканских партийных организаций позволил партийным комитетам проделать большую работу по более правильной расстановке партийных сил, по созданию новых первичных партийных организаций, кандидатских и партийно-комсомольских групп. Коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии добились значительных успехов в деле дальнейшего организационного укрепления своих организаций.

6. Подбор, расстановка и воспитание руководящих кадров. Идейно-теоретическая учеба коммунистов и беспартийного актива

В условиях развернувшихся в новых союзных республиках коренных социалистических преобразований первостепенное значение имела работа по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных, советских, комсомольских, профсоюзных, хозяйственных кадров, специалистов различных отраслей народного хозяйства, работа по идейно-теоретическому воспитанию коммунистов и беспартийного актива. При этом партийные организации Латвии, Литвы и Эстонии исходили из того, что сравнительно малочисленные республиканские партийные организации не смогут обеспечить на всех участках руководства коммунистов, что наряду с расширением численного состава партийных организаций требует-

ся привлечь к управлению государственными и общественными делами тысячи и десятки тысяч беспартийных рабочих, крестьян и служащих. Их нужно было учить управлению, приобщать к государственной и общественной жизни. Но и сами коммунисты, прошедшие школу подпольной борьбы, в новых условиях должны были перестроиться, усвоить ленинские принципы руководства социалистическим строительством.

Употребляя выражение В. И. Ленина, можно сказать, что коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии твердо исходили из того, что «гвоздь для всей работы — это в подборе людей и в проверке исполнения» [89]. Вопросы подбора людей и проверки исполнения являлись коренными проблемами, которые остро встали перед партийными организациями Советской Прибалтики.

В Латвийской ССР, например, в номенклатуру ЦК КП(б) Латвии входили руководящие кадры более чем ста наркоматов, организаций, предприятий и учреждений. При подборе и расстановке кадров ЦК Компартии Латвии опирался прежде всего на партийное ядро, прошедшее большую школу подпольной работы. Но таких людей было недостаточно для того, чтобы обеспечить руководящими кадрами наиболее важные участки работы. Кроме того, они, как правило, не обладали опытом социалистического строительства. Необходимые навыки приходилось приобретать в ходе развертывания социалистической революции.

В этой сложной обстановке ЦК КП Латвии поставил задачу в первую очередь укомплектовать кадрами и укрепить партийный аппарат. ЦК КП Латвии подобрал и выдвинул на руководящую партийную работу значительное количество работников, но тем не менее в декабре 1940 г. аппарат ЦК был укомплектован лишь на 71%, а аппараты укомов партии — на 62% [90].

Большую помощь в решении проблемы кадров оказал ЦК ВКП(б). По просьбе ЦК КП(б) Латвии из других республик в Латвийскую ССР были командированы хорошо подготовленные партийные и советские работники, преимущественно латышской национальности. В их числе находились бывшие латышские красные стрелки, которые с оружием в руках боролись за Советскую власть на фронтах гражданской войны и потом остались в Советском Союзе, а также коммунисты, вынужденные выехать из Латвии в годы буржуазной диктатуры как политэмигранты. Эти товарищи имели большой опыт партийной, советской, хозяйственной и научной работы, приобретенный в ходе социалистического строительства в СССР. Они помогли в организации работы партийного и советско-

---

[86] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 9, л. 49.
[87] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 526, л. 6.
[88] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 20, д. 13, л. 1; оп. 19, д. 3, л. 1.
[89] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 113.
[90] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 90, л. 5—6.

14 Заказ № 2523

го аппарата, передавая свои знания местным товарищам. Это позволило парторганизации республики избежать многих ошибок и сравнительно быстро справиться со сложными задачами социалистического строительства.

Примером может служить А. Я. Пельше, который был командирован в Латвийскую ССР на партийную работу и в марте 1941 г. был избран секретарем ЦК КП(б) Латвии по пропаганде и агитации. А. Я. Пельше прошел большую жизненную школу и накопил богатый опыт партийной деятельности. Вступив в партию в 1915 г., он после Февральской революции 1917 г. был избран депутатом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и делегатом исторического VI съезда партии. В январе 1919 г. А. Я. Пельше был командирован в Советскую Латвию, где работал ответственным секретарем комиссариата государственных сооружений. В мае 1919 г. он вступил в ряды Красной Армии, участвовал в боях против интервентов и внутренней контрреволюции под Ригой и на Юго-Западном фронте. В Советской Армии А. Я. Пельше прослужил десять лет, занимая ответственные должности. После учебы в Институте красной профессуры он преподавал марксизм-ленинизм в высших учебных заведениях Москвы. По призыву партии А. Я. Пельше активно участвовал в политическом и организационном укреплении колхозов и совхозов, пройдя путь от начальника политотдела совхоза до руководящего работника политуправления Наркомата совхозов СССР.

Многие направленные в Латвийскую ССР работники заняли ответственные посты в партийном аппарате, в наркоматах и вузах республики. Так, Я. Авотынь стал заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Латвии, И. Павлов — заведующим транспортным отделом, Ф. Домбровскис — школьным отделом и др. На советскую работу были направлены П. Валескалн (нарком просвещения), Я. Вимба (заместитель наркома лесной промышленности), Р. Блау (заместитель наркома земледелия), В. Мейер (заместитель председателя СНК Латвийской ССР) и многие другие. Большая помощь кадрами была оказана научным учреждениям и вузам республики.

Однако, несмотря на все предпринимавшиеся меры, потребность в кадрах оставалась неудовлетворенной не только в 1940 г., но и в 1941 г. Во всех звеньях партийного аппарата, начиная с ЦК КП(б) Латвии и кончая парторганами волостей, ощущался острый недостаток практических работников. Неукомплектованность партийного аппарата особенно остро ощущалась в уездных комитетах партии. Из 305 штатных должностей аппарата укомов партии было укомплектовано 212 [91].

Для работы в государственном аппарате Советская власть использовала старых специалистов и новые кадры из среды трудящихся масс. Центральный Комитет Компартии Латвии смело выдвигал на ответственные посты людей от станка и плуга, создавая все необходимые условия для того, чтобы они стали настоящими организаторами масс. При этом партия руководствовалась указанием В. И. Ленина о том, что среди трудящихся имеется огромное число хороших организаторов: «Капита-

лизм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе» [92].

Важную роль в подготовке руководящих партийных и советских кадров для молодой Советской Латвии сыграли партийно-советские школы и система различных краткосрочных курсов. Уже в сентябре 1940 г. Секретариат ЦК КП(б) Латвии принял решение организовать трехмесячные краткосрочные курсы при ЦК КП(б) Латвии в составе 50 человек. Одновременно было решено направить 30 человек в Москву на годичные курсы в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). В январе 1941 г. была создана Рижская вечерняя партийно-советская школа с годичным сроком обучения. Тогда же Бюро ЦК КП(б) Латвии приняло Постановление «О подготовке кадров для партийной, советской и комсомольской работы», в соответствии с которым партийно-советские школы без отрыва от производства открылись в Риге — на 250 человек, в Даугавпилсе — на 150 человек и в Лиепае — на 100 человек. Особенно широкая сеть курсов, которые в 1941 г. должны были пройти 64 726 человек, была создана при Наркомземе Латвийской ССР по различным специальностям сельского хозяйства [93].

Коммунистическая партия Литвы стремилась охватить своим влиянием все стороны политической и общественной жизни республики. Она также уделяла много внимания подбору, расстановке и воспитанию кадров, проверке их работы, осуществлению контроля. К социалистическому строительству привлекались старые специалисты. ЦК КП(б) Литвы регулярно обсуждал вопросы работы с кадрами. В ноябре 1940 г. были проведены совещания актива, на которых рассматривались конкретные вопросы подготовки, обучения и выдвижения на руководящую работу наиболее сознательных представителей рабочего класса, крестьян и трудовой интеллигенции. На ответственную работу в первую очередь выдвигались коммунисты и комсомольцы. В конце 1940 г. руководителями и их заместителями в государственных, общественных и хозяйственных учреждениях работало уже 640 коммунистов. Всего на руководящую работу в государственном аппарате и общественных организациях до конца 1940 г. было выдвинуто 1100 членов Компартии Литвы [94].

У многих коммунистов и комсомольцев для работы в различных звеньях государственного и хозяйственного аппарата зачастую еще не было достаточного опыта и необходимых навыков. Поэтому они стремились поближе познакомиться с практикой работы государственного аппа-

---

[91] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 90, л. 37.

[92] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 235.

[93] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 38; д. 12, л. 27, 49; д. 90, л. 7, 15.

[94] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—5, д. 1, л. 22.

рата в других советских республиках. С этой целью в сентябре 1940 г. группа народных комиссаров Литовской ССР побывала в Белоруссии и изучила опыт организации работы народных комиссаров в этой республике.

Большую помощь центральным государственным учреждениям Литовской ССР оказывали соответствующие народные комиссариаты СССР. Они рекомендовали на ответственную работу в Литву опытных и квалифицированных специалистов, помогали народным комиссариатам республики на месте решать сложные задачи. По просьбе Компартии Литвы ЦК ВКП(б) направил на партийную работу в Литовскую ССР значительную группу опытных партийных работников, умелых организаторов масс из различных областей и городов СССР. В их числе были руководители и работники обкомов, горкомов и райкомов партии, секретари парторганизаций. По направлению ЦК ВКП(б) в Литву приехала и группа литовцев, работавших в то время в различных партийных и советских органах СССР: К. Прейкшас, Ю. Мацияускас, А. Скардис, К. Плёплис, М. Чиблис, Б. Беспарайтис, Ю. Гладутис, П. Балтрушка и др.[95] Уже к началу 1941 г. в распоряжение ЦК КП(б) Литвы прибыло из других республик 83 коммуниста, причем 15 из них были оставлены для работы в аппарате ЦК КП(б) Литвы, 6 были избраны первыми секретарями, а 18 — вторыми секретарями укомов и горкомов партии[96]. Часть коммунистов после демобилизации из Красной Армии стала также работать в партийном аппарате.

Значительный отряд коммунистов прибыл на постоянную работу в Литовскую ССР в феврале — мае 1941 г. За первый квартал 1941 г. на учет встали 398 членов и 90 кандидатов в члены партии, приехавших из других областей, краев и республик. Кроме того, 213 коммунистов были приняты на учет после демобилизации из Красной Армии[97]. Партийная организация республики увеличилась еще на 184 коммуниста за счет членов партии нескольких районов БССР в результате их присоединения к Литовской ССР. В этих районах проживало в основном население литовской национальности[98]. В 1941 г. в аппарате ЦК КП(б) Литвы плодотворно трудились прибывшие в республику Н. Гридин (секретарь ЦК по кадрам), М. Чиблис (секретарь ЦК по промышленности), А. Зубов (секретарь ЦК по транспорту), Д. Шуциков (заведующий оргинструкторским отделом), А. Скардис (заведующий сектором партийных кадров). Секретарями укомов и горкомов партии работали П. Балтрушка (первый секретарь Вильнюсского горкома), И. Иодагальвис (первый секретарь Укмергского укома), А. Петров (заместитель председателя Госплана) и др.

Благодаря более активному выдвижению коммунистов республики на ответственную партийную работу, а также за счет коммунистов, приехавших из других областей и краев СССР, Компартии Литвы удалось в значительной мере укомплектовать партийный и советский аппарат республики руководящими кадрами. В конце января 1941 г. в аппарате ЦК КП(б) Литвы уже работало 74 ответственных работника[99]. Руко-

водящими кадрами в основном были укомплектованы укомы и горкомы партии. Однако в 1941 г. в Литве, так же как в Латвии и Эстонии, во многих укомах партии еще не хватало инструкторов и в волостях — парторгов. Для полного укомплектования партийного аппарата требовалось более длительное время.

Компартия Литвы проделала также немалую работу по подбору и расстановке советских, хозяйственных и комсомольских кадров. Была развернута широкая сеть курсов и семинаров. Об итогах работы республиканской партийной организации Литвы свидетельствуют данные об укомплектованности аппарата советских учреждений руководящими кадрами к середине 1941 г. Так, из 3598 руководящих должностей наркоматов, республиканских ведомств и местных органов было укомплектовано 3215 — примерно 90% [100].

Первый опыт в подборе, расстановке и воспитании руководящих кадров и специалистов народного хозяйства приобрела также Коммунистическая партия Эстонии, которая в этом деле испытывала особенно значительные трудности, так как была самой малочисленной из компартий республик Прибалтики. Аппарат руководящих партийных и советских органов республиканского масштаба комплектовался из старых коммунистов-подпольщиков, а также выдвинутых на руководящие должности молодых коммунистов. Аппарат уездных и городских партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов пополнялся коммунистами, принятыми в партию в основном уже в ходе революции и после ее победы. Вместе с ними в советских учреждениях работали беспартийные активисты из числа рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

В декабре 1940 г. ЦК КП(б) Эстонии проанализировал положение с кадрами в народных комиссариатах легкой и местной промышленности [101]. Цель этой проверки состояла в налаживании работы с кадрами в соответствии с рекомендациями XVIII съезда ВКП(б), совершенствовании деятельности отделов кадров. Ставилась задача смелее выдвигать на руководящие должности представителей рабочих и инженерно-технических работников.

Состоявшийся 5—8 февраля 1941 г. IV съезд КП(б) Эстонии потребовал решительного выдвижения на руководящие посты в государственный аппарат и хозяйственные учреждения рабочих, крестьян-бедняков, батраков, интеллигентов, зарекомендовавших себя достойными советскими гражданами, истинными патриотами. Съезд признал необходимым шире привлекать к партийной работе, к участию в государствен-

---

95 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—11, д. 8, л. 17.
96 Там же, оп. 1771—5, д. 4, л. 17.
97 Там же, д. 1, л. 16.
98 Там же, д. 4, л. 17.
99 «Už socializmo sukūrimą Lietuvoje», p. 231.
100 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—2, д. 37, л. 53.
101 ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1—3, д. 718, л. 57.

ном, хозяйственном и культурном строительстве женщин, проводить с ними повседневную политическую и воспитательную работу [102].

30 апреля 1941 г. ЦК КП(б) Эстонии обсудил вопрос о подготовке медицинских кадров в республике.

Партийные органы Эстонии определили номенклатуру руководящих должностей, подлежащих утверждению или согласованию в ЦК, укомах, горкомах и райкомах партии. Эта номенклатура менялась в зависимости от задач и условий социалистического строительства. Так, в мае 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Эстонии вновь рассмотрело перечень номенклатурных должностей, подлежащих утверждению в ЦК, укомах, горкомах и райкомах Компартии Эстонии. В номенклатуру ЦК КП(б) Эстонии было включено около 200 руководящих должностей, а в номенклатуру укомов и горкомов партии — около 130 руководящих должностей партийного, советского, хозяйственного, профсоюзного, комсомольского аппарата и других ведомств [103].

По просьбе ЦК КП(б) Эстонии в республику были направлены из различных районов СССР сотни опытных партийных, советских, хозяйственных и других руководящих работников. Среди них было немало эстонских коммунистов, покинувших свою родину в гражданскую войну или в годы буржуазной диктатуры и активно работавших в Советском государстве. В первом квартале 1941 г. в КП(б) Эстонии было принято на учет 1029 коммунистов, из них 539 из других республик, краев и областей СССР. Кроме того, 188 коммунистов перешли на партийный учет в укомы и горкомы партии из партийных организаций воинских частей [104].

В числе приехавших в 1940—1941 гг. в Эстонию из братских республик СССР были И. Кэбин — ныне первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии и член ЦК КПСС, Н. Каротамм, ставший вторым секретарем ЦК КП(б) Эстонии, А. Кресс и Э. Пялль, назначенные заместителями председателя СНК ЭССР, А. Рауд, возглавивший школьный отдел ЦК КП(б) Эстонии и др. Большинство из них имело многолетний опыт руководящей работы. Ф. Окк стал работать секретарем ЦК КП(б) Эстонии, И. Лаубе — секретарем Таллинского горкома партии, секретарями укомов КП(б) Эстонии были К. Мянниксон, А. Якобсон, Э. Авальд, А. Курме и др. Кроме того, в партийном аппарате работали старые коммунисты К. Кангер, О. Штейн, а также Л. Ламбакахар, П. Павлов, В. Мююрисеп, О. Тулль, Я. Оттендер, В. Вески, А. Паас, Г. Андрусов, В. Новиков и др. На руководящей работе в советских, хозяйственных, комсомольских органах и других ведомствах находились А. Радик, А. Кони, М. Орк, Н. Рауд, Э. Удрас, Р. Штокберг, И. Волин (Тенг) и многие другие. Но, несмотря на большую работу республиканской партийной организации Эстонии по подбору и воспитанию руководящих кадров и специалистов различных отраслей народного хозяйства, к середине 1941 г. их все еще не хватало.

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии в вопросах кадровой политики руководствовались ленинским принципом подбора людей по их политическим и деловым качествам. Наряду с людьми, предан-

ными делу партии, к социалистическому строительству привлекались старые специалисты, на работу в советские учреждения старались не допускать враждебные элементы. Между тем это не всегда удавалось. В республиках Советской Прибалтики наблюдались случаи проникновения в руководящие органы случайных людей и даже враждебно настроенных. Поэтому наряду с расстановкой и выдвижением кадров проводилась большая работа по очистке советского и особенно хозяйственного аппарата от карьеристских, нечестных и классово чуждых элементов.

Характерен в этом отношении пример с аппаратом Наркомата госконтроля Латвийской ССР, который был сильно засорен чуждыми элементами. Учитывая это, ЦК КП(б) Латвии в январе 1941 г. принял специальное постановление об аппарате этого комиссариата. Аппарат Наркомата госконтроля был более чем на 50% обновлен за счет людей, пользующихся доверием партии или, по крайней мере, лояльно относящихся к Советской власти [105].

В государственный аппарат подбирались кадры за счет резерва, создаваемого Центральным Комитетом партии и местными партийными организациями. ЦК КП(б) Латвии внимательно относился к молодым специалистам, оказывал им большое доверие и смело выдвигал на ответственную руководящую работу на различных участках.

ЦК КП(б) Литвы 5 ноября 1940 г., обсудив вопрос об укреплении советского аппарата в республике, предложил наркоматам земледелия, государственного контроля, торговли, пищевой промышленности и другим отстранить от руководящей работы бывших капиталистов, помещиков и активных деятелей сметоновского режима. Одновременно ЦК предупредил народные комиссариаты и партийные органы о недопустимости применения подобных санкций в отношении старых специалистов, добросовестно трудящихся на различных участках государственной и хозяйственной работы. Руководителям наркоматов и центральных учреждений ЦК КП(б) Литвы рекомендовал наметить в ближайшее время группы выдвиженцев (30—50 человек в каждом наркомате) на руководящую работу [106].

Компартия Эстонии также неоднократно рассматривала вопрос о качественном составе руководящих кадров, ведя борьбу против проникновения на руководящие должности случайных и враждебных людей. Вместе с тем нельзя было игнорировать старых специалистов. Так, IV съезд КП(б) Эстонии предложил смелее привлекать к работе старых специалистов, лояльно и честно желающих работать на благо трудового народа, Советской власти, всячески их поддерживать, но в то же время про-

---

[102] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1—3, д. 179, л. 65.
[103] Там же, д. 180, л. 16—29.
[104] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 85, л. 1.
[105] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 90, л. 15—16.
[106] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 1, л. 253—254.

верять по результатам практической деятельности в социалистическом строительстве[107].

Известно, что задача партийных организаций в работе с кадрами состоит не только в подборе и расстановке людей, но и в их повседневном воспитании. В условиях развернувшегося социалистического строительства, в обстановке острой классовой борьбы, когда на руководящую работу во всех звеньях партийного, государственного и хозяйственного строительства были выдвинуты тысячи людей из числа рабочих, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции, их марксистско-ленинское воспитание приобрело первостепенное значение.

Компартия Латвии исходила из того, что новые задачи, вставшие перед партийной организацией республики, требуют коренной перестройки и улучшения идеологической работы, особенно работы по марксистско-ленинскому воспитанию коммунистов. Изучение марксистско-ленинской теории должно было поднять революционную бдительность коммунистов в условиях, когда буржуазия не сдавала своих позиций без боя, всячески сопротивлялась мероприятиям Советской власти. Центральный Комитет Компартии Латвии, горкомы, райкомы и укомы приняли необходимые меры для повышения идейно-теоретического уровня коммунистов.

В основу партийного просвещения было положено изучение трудов классиков марксизма-ленинизма. Много внимания уделялось формам учебы. Первоначально ориентировались на кружки. Но партийные организации на местах встретились с серьезными трудностями, связанными с нехваткой подготовленных пропагандистских кадров. Поэтому ЦК КП Латвии и местные партийные комитеты основной формой повышения уровня теоретических знаний наметили самостоятельную учебу коммунистов. Но для молодых коммунистов, которым было еще трудно самостоятельно изучать первоисточники, создавались кружки текущей политики. Намечалось планомерное изучение коммунистами и беспартийными активистами теории марксизма-ленинизма. Первым шагом в этом направлении явилось создание отделов пропаганды и агитации в ЦК КП Латвии, горкомах и уездных комитетах партии.

Важной мерой, способствовавшей теоретическому росту коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива, явилось создание в августе 1940 г. Дома партийного актива ЦК КП Латвии и выпуск теоретического журнала ЦК КП Латвии «Пропагандистс ун агитаторс» в сентябре 1940 г. При всех укомах и горкомах партии были организованы парткабинеты, которые широко и гостеприимно открыли свои двери перед членами и кандидатами в члены партии, комсомольцами, беспартийными активистами, оказывая им действенную помощь путем организации лекций и консультаций. Во всех вузах, а также в народных университетах читались лекции и проводились семинары по марксизму-ленинизму. Большую помощь в организации партийного просвещения оказали политработники Красной Армии. Уже в августе 1940 г. 149 лекторов Рижского гарнизона читали лекции по путевкам ЦК КПЛ и горкома партии.

Принимались и другие важные меры, содействующие повышению идейно-теоретического уровня коммунистов. При ЦК КП Латвии была создана лекторская группа в помощь самостоятельно изучающим марксистско-ленинскую теорию. Было организовано партийное издательство, которое приступило к изданию на латышском языке трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Советская власть открыла трудящимся широкий доступ к марксистско-ленинской литературе.

Большое значение придавалось подготовке кадров пропагандистов. В соответствии с решением Бюро ЦК КП Латвии все пропагандисты подбирались и утверждались горкомами, райкомами и уездными комитетами партии. Для подготовки пропагандистов была создана 3-месячная партийная школа [108]. На местах были организованы семинары пропагандистов. Например, в Лиепае 40 человек два раза в неделю без отрыва от производства посещали семинарские занятия, где слушали теоретические лекции и участвовали в собеседованиях. Большую помощь пропагандистам оказал военный гарнизон Лиепаи, посылая для чтения лекций лучших лекторов [109]. В газетах «Циня» и «Пролетарская правда» печатались теоретические статьи и консультации «В помощь пропагандисту и агитатору». В октябре 1940 г. ЦК КП(б)Л созвал совещание заведующих отделами пропаганды и агитации горкомов и укомов партии, на котором с докладом о задачах пропаганды и агитации выступил первый секретарь ЦК Компартии Я. Калнберзин. Совещание дало четкие и ясные установки по всем актуальным вопросам партийной пропаганды.

В идеологической деятельности КП Литвы марксистско-ленинское образование коммунистов также занимало весьма важное место. Этот участок идеологической работы приобрел особое значение потому, что многие коммунисты республики в условиях подполья не имели возможности глубоко усвоить марксистско-ленинскую теорию. В 1940 и 1941 гг. сама жизнь потребовала от коммунистов республики творчески, с учетом конкретных условий, срочно решать многие сложные вопросы. Это было невозможно без вооружения коммунистов и беспартийного актива марксистско-ленинской теорией, расширения его политического кругозора, формирования идейной убежденности. «Успешно разрешить огромные задачи, которые стоят перед нами,— говорил первый секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус на V съезде Компартии Литвы,— мы сможем только в том случае, если наши кадры будут постепенно и упорно повышать свой идейно-политический уровень, если они серьезно, систематически будут изучать марксизм-ленинизм» [110].

Организация учебы коммунистов Литовской ССР в 1940—1941 гг. имела свои особенности. Прежде всего большое внимание уделялось изучению коммунистами Устава и Программы ВКП(б), истории ВКП(б),

---

[107] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1—3, д. 179, л. 65—66.

[108] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 46; д. 29, л. 55.

[109] «Cīņa», 16.X.1940.

[110] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 9, л. 60.

а также развития революционного движения в Литве. Необходимо было подробно ознакомить коммунистов с принципами внутренней и внешней политики СССР, основными положениями Конституции СССР и ее качественным отличием от конституций капиталистических стран. Изучение этих проблем легло в основу политической учебы коммунистов республики. В деле организации политического просвещения коммунистов партийные органы Литвы руководствовались указаниями V съезда КП(б) Литвы о необходимости неустанной работы каждого коммуниста над усвоением основ марксизма-ленинизма, об оказании действенной помощи партийному активу, самостоятельно изучающему теорию научного коммунизма.

На организации политической учебы коммунистов в то время отрицательно сказывалось отсутствие опытных, квалифицированных кадров пропагандистов, недостаток политической литературы на литовском языке, отсутствие у партийных органов республики соответствующего практического опыта.

КП(б) Литвы под руководством ЦК ВКП(б) за короткий срок проделала значительную работу по преодолению возникавших трудностей. Все горкомы и укомы партии организовали на местах чтение лекций и докладов по Уставу ВКП(б), по вопросам истории партии. Отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Литвы разработал примерную тематику лекций и докладов по вопросам теории марксизма-ленинизма. При Каунасском горкоме партии был создан воскресный университет марксизма-ленинизма с тремя факультетами: истории партии, философии и политической экономии. В начале 1941 г. в этом университете занималось 730 человек, в том числе 145 коммунистов и 97 комсомольцев; 300 из слушателей этого университета были руководящими работниками центральных государственных учреждений, 250 — представителями интеллигенции [111]. В марте 1941 г. университет марксизма-ленинизма был открыт в Вильнюсе. Всего в университет было принято 750 человек, в том числе 52 коммуниста и 56 комсомольцев. Занятия проводились по воскресеньям на литовском и русском языках. Программа Вильнюсского университета марксизма-ленинизма была рассчитана на год. В университете изучались основы марксизма-ленинизма, история партии, внутренняя и внешняя политика СССР, актуальные вопросы культуры, литературы и искусства. При укомах и горкомах партии для партийного и советского актива создавались вечерние партийные школы. В начале 1941 г. такие школы уже работали при 7 укомах партии [112].

Партийные организации одновременно создавали различные политкружки. Больше всего в городах и уездах Литовской ССР было создано кружков по изучению текущей политики СССР. Это объяснялось тем, что для таких кружков легче было подобрать пропагандистов. К февралю 1941 г. в республике действовало уже 250 кружков по изучению Устава партии, 75 кружков по изучению истории партии, несколько сот кружков по вопросам текущей политики и политграмоте [113]. В кружке обычно занималось от 8 до 25 человек. Во всех политкружках изучались также

материалы XVIII Всесоюзной партийной конференции и V съезда КП(б) Литвы. Для ознакомления с этими материалами широких слоев трудящихся партийные органы создали на промышленных предприятиях, в учреждениях, волостных центрах, совхозах и МТС широкую сеть новых политкружков.

24 марта 1941 г. ЦК КП(б) Литвы обсудил вопрос об организации политической учебы руководящих партийных и советских кадров. В марте — апреле 1941 г. вопросы организации политической учебы коммунистов и комсомольцев обсуждались на собраниях партийных и комсомольских организаций, на совещаниях партийного актива.

Проблемы организации учебы коммунистов и комсомольцев всесторонне рассматривались на трехдневном семинаре, организованном ЦК партии для заведующих отделами пропаганды и агитации укомов и горкомов партии. По инициативе ЦК КП(б) Литвы для секретарей и заведующих отделами укомов и горкомов партии, председателей горисполкомов и уездных исполкомов в Каунасе, Вильнюсе, Мариямполе, Паневежисе и Шяуляй с 1 апреля 1941 г. были организованы зональные семинары, которые проходили один раз в месяц. Эти семинары проводили лекторы ЦК КП(б) Литвы.

КП(б) Литвы уделяла постоянное внимание также работе с пропагандистами. Руководствуясь ленинскими указаниями о необходимости сугубо бережного отношения к пропагандистам и недопустимости «обычного *переполнения* этой профессии малоспособными людьми и принижения этим уровня пропаганды»[114], КП(б) Литвы стремилась в первую очередь выдвигать пропагандистами наиболее подготовленных руководящих партийных работников. Одновременно им оказывалась практическая помощь. Партийные органы заботились и о повышении теоретического уровня пропагандистов. Так, в августе 1940 г. Каунасский горком партии провел 10-дневные курсы пропагандистов. Курсы посещали 50 человек, в основном рабочие промышленных предприятий. В октябре 1940 г. отдел пропаганды и агитации Каунасского горкома партии организовал двухнедельные курсы пропагандистов и партийных активистов города. 23 сентября 1940 г. в Каунасе начали работать республиканские курсы пропагандистов, программа которых была рассчитана на 30 дней. 80 партийных активистов республики изучали историю партии, Конституцию СССР, решения Народного сейма Литвы, международное положение[115]. С 21 октября 1940 г. при ЦК КП(б) Литвы работали 4-месячные курсы по подготовке пропагандистов и партийных работников. На них занималось 136 человек[116]. Большую помощь пропагандистам оказывал созданный 20 сентября 1940 г. при ЦК КП(б) Лит-

---

[111] «Труженик», 1941, 22 апреля.
[112] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—13, д. 11, л. 18.
[113] «Tiesa», 12.II.1941.
[114] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 15.
[115] «Труженик», 1940, 24 сентября.
[116] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—13, д. 13, л. 22.

вы Дом политического просвещения и работавшие с марта — апреля 1941 г. при горкомах и укомах партии партийные кабинеты.

Дом политического просвещения и парткабинеты проводили циклы лекций по вопросам марксистско-ленинской теории, организовывали для коммунистов, изучающих марксизм-ленинизм, индивидуальные и групповые консультации. В библиотеках Дома политпросвещения и парткабинетов коммунисты и беспартийные активисты могли познакомиться с работами классиков марксизма-ленинизма, читать республиканские и центральные газеты и журналы, углублять свои знания, пользуясь богато иллюстрированными альбомами, различными атласами и диаграммами.

В целом партийным и комсомольским организациям Литовской ССР в 1941 г. удалось вовлечь в политическую учебу основную часть коммунистов и комсомольцев, а также немало беспартийных активистов. В республике в то время практически все коммунисты повышали свой идейно-политический, идейно-теоретический уровень, расширяли кругозор.

Однако в содержании партийной пропаганды в 1940—1941 гг. имелись еще существенные недостатки. Занятия в политкружках и школах нередко проводились на низком идейно-теоретическом уровне, без активного участия коммунистов. Партийные органы стремились устранить выявленные недостатки, улучшить качество политического просвещения, повысить активность коммунистов в овладении марксистско-ленинской теорией.

Коммунистическая партия Эстонии, как и другие республиканские партийные организации, создавала сеть политического просвещения коммунистов и беспартийного актива. При Таллинском и Тартуском горкомах партии начали работать вечерние университеты марксизма-ленинизма [117]. В них занимались многие руководящие работники партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов. При других горкомах и укомах партии были созданы партийные школы и политкружки.

В начале сентября 1940 г. вопросы политической пропаганды рассматривались на совещании секретарей укомов, горкомов и райкомов партии. В докладе секретаря ЦК КП(б) Эстонии по пропаганде и агитации Н. Рууса был обобщен первый положительный опыт в этой области и даны указания об исправлении имевшихся недостатков. В феврале 1941 г. в ЭССР функционировало 104 кружка по истории ВКП(б) и 493 кружка по текущей политике с общим числом слушателей около 13 тыс.[118]

В конце сентября 1940 г. ЦК ВКП(б) Эстонии рассмотрел и утвердил программы вечерних совпартшкол. Слушатели должны были изучать историю партии, общую историю, историю СССР, экономическую географию, конституции СССР и ЭССР, а также Программу и Устав ВКП(б). Для комсомольских работников предполагалось еще изучение Устава ВЛКСМ. Для подготовки лекторов совпартшкол ЦК КП(б) Эстонии должен был провести пятидневный семинар [119].

В феврале 1941 г. ЦК КП(б) Эстонии обсуждал работу вечерних университетов марксизма-ленинизма и вечерних совпартшкол. Отделам агитации и пропаганды ЦК, укомов, горкомов и райкомов партии было предложено усилить руководство совпартшколами. Обращалось внимание на посещаемость вечерних университетов и совпартшкол. Профсоюзные организации должны были следить за аккуратным посещением занятий своими членами. Занятия и итоговые экзамены в совпартшколах заканчивались к 15 июня 1941 г.

Политическая учеба коммунистов и беспартийного актива могла стать успешной лишь при наличии трудов классиков марксизма-ленинизма на национальных языках.

Во всех республиках был организован перевод и издание трудов классиков марксизма-ленинизма, решений Коммунистической партии и Советского государства и других материалов. Несмотря на серьезные трудности, в течение первого года Советской власти была проделана большая работа в этой области.

КП(б) Эстонии для пропаганды марксизма-ленинизма и освещения важнейших теоретических вопросов широко использовала печать и радио. IV съезд КП(б) Эстонии обязал Госполитиздат республики обеспечить в короткий срок издание трудов классиков марксизма-ленинизма и другой необходимой литературы на эстонском языке[120]. В марте 1941 г. ЦК КП(б) Эстонии рассматривал план республиканского Госполитиздата, определив главные направления его работы.

В Латвии также уделялось большое внимание переводу и изданию трудов классиков марксизма-ленинизма на латышском языке. Для повышения качества переводов трудов Маркса, Энгельса, Ленина Бюро ЦК КП(б) Латвии приняло специальное Постановление «О редакционной комиссии по проверке переводов на латышский язык трудов классиков марксизма-ленинизма». В редакционную комиссию вошли три секретаря ЦК — Р. Нейланд, А. Пельше и Ж. Спуре[121]. Во второй половине 1940 г. и в первой половине 1941 г. на латышском языке были изданы «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Диалектика природы» Ф. Энгельса и 10 других работ основоположников научного коммунизма. Основное внимание уделялось изданию на латышском языке произведений В. И. Ленина. Было издано несколько десятков его работ, среди них «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Задачи союзов молодежи», «Юбилейному номеру «Циня», «Как организовать соревнование», «О государстве», «Третий Интернационал и его место в истории» и др. Кроме того, были изданы на латышском языке четыре сборника трудов

---

[117] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Изд. 2-е. Таллин, 1958, с. 608.

[118] Очерки истории КП Эстонии, ч. 3, с. 97—98.

[119] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1—3, д. 176, л. 13—14.

[120] Там же, д. 179, л. 63.

[121] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 22, л. 73.

В. И. Ленина: «О молодежи» (20 тыс. экз.), «Первое мая» (10 тыс. экз.), «К международному дню работниц», «Социализм и религия»[122]. На латышский язык было переведено много литературы по истории партии. В газетах и журналах систематически печатались консультации по марксистско-ленинской теории и истории партии.

На литовском языке в 1940—1941 гг. был издан «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Об историческом материализме» Ф. Энгельса, работы В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», «Великий почин», «Фридрих Энгельс», «Как организовать соревнование», «Очередные задачи Советской власти», «О кооперации», «О праве наций на самоопределение», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Три источника и три составные части марксизма», «Государство и революция» и др. Всего в 1940—1941 гг. отдельными изданиями на литовском языке было выпущено 9 ленинских работ общим тиражом почти 150 тыс. экземпляров, кроме того, в 24 периодических изданиях за это время появилось 70 ленинских работ, из них 29 были опубликованы полностью и 41 — частично[123]. На литовском языке были изданы Устав ВКП(б), Конституция СССР, биография В. И. Ленина.

7. Вопросы идеологической работы компартий Латвии, Литвы и Эстонии

В период развития революции и после ее победы идеологическая работа коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии являлась важнейшим орудием в привлечении масс на сторону компартий, идейно-политическом воспитании и закалке масс. Центральное место в идеологической деятельности латышских, литовских и эстонских коммунистов занимало разоблачение сущности буржуазного строя, человеконенавистнической идеологии и политики буржуазии, разъяснения характера и особенностей революционного процесса, политики Коммунистической партии, сущности Советской власти, ее целей и задач.

Для того чтобы сознательно бороться за построение социализма, необходимо было овладеть научным мировоззрением, пониманием законов общественного развития и политики партии. Вся идеологическая работа партийных организаций должна была помочь трудящимся освободиться от буржуазно-националистической идеологии, религиозно-идеалистического миропонимания, частнособственнической индивидуалистической психологии, создать условия для вступления их в ряды активных и сознательных строителей новой жизни. Исключительную важность в новых условиях приобрела работа партийных организаций по воспитанию у трудящихся сознательной дисциплины, бережливости, заботы о сохранности и умножении общественного богатства, об экономии материальных и финансовых ресурсов страны.

Учитывая, что на протяжении десятилетий буржуазия старалась прививать трудящимся идеи национализма и шовинизма, ненависть к СССР — первому в мире социалистическому государству, коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии в своей идеологической работе много внимания уделяли воспитанию тружеников республик в духе животворного советского патриотизма и пролетарского интернационализма, преданности социалистическому строю, идеям научного коммунизма.

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии заимствовали богатый опыт идеологической работы ВКП(б), они пользовались формами и методами идеологической работы партийных организаций других братских республик СССР с учетом конкретных условий и своих особенностей. Содержание массово-политической работы партийных организаций Литвы, Латвии и Эстонии определялось теми задачами, которые осуществлялись в ходе решения коренных социально-экономических преобразований, быстрого развития экономики и культуры, повышения активности и сознательности трудящихся. Партийные организации добивались, чтобы с помощью различных форм массово-политической работы перед трудящимися глубоко раскрывались преимущества социализма, источники советского патриотизма и пролетарского интернационализма, убедительно показывались достижения Советского Союза, доходчиво разъяснялись актуальные вопросы марксистско-ленинской теории, важнейшие решения партии и правительства, чтобы разоблачалась антинародная политика правящих кругов в годы буржуазной диктатуры и во всем давался должный отпор враждебно настроенным лицам, пытавшимся задержать проведение социалистических преобразований. Ставилась задача как можно шире ознакомить трудящихся с героической борьбой и славными революционными традициями рабочего класса, с основными этапами жизни и деятельности коммунистов Латвии, Литвы и Эстонии, с организаторской работой партийных организаций республик после их выхода из подполья.

Коммунисты Латвии, Литвы и Эстонии имели богатейший опыт работы в массах в условиях подполья. Невзирая на террор буржуазии, различные махинации и фальсификации апологетов буржуазной идеологии, коммунисты Прибалтийских стран проводили повседневную организационную и идеологическую работу среди широких слоев трудящихся масс, готовили массы к революции, к восстановлению Советской власти. Однако теперь обстановка коренным образом изменилась — идеологическое воздействие на массы имело целью не свержение существующего строя, а его укрепление. В этих условиях следовало всю идеологическую работу подчинить упрочению диктатуры пролетариата, проведению коренных социалистических преобразований. Коммунисты Литвы, Латвии и Эстонии для решения стоявших перед новыми республиками за-

---

[122] *Paeglis J., Druva M.* K. Markss, F. Engelss, V. I. Lenins latviešu valoda. Riga, 1969, 49.—47.lpp.

[123] V. I. Lenino raštai lietuvių kalba. Vilnius, 1970, p. 329.

дач использовали все формы и методы массово-политической работы, идеологического воздействия на массы, в частности печать, радио, культурно-просветительные учреждения, общественные организации трудящихся.

Наиболее распространенной и эффективной формой массово-политической работы коммунистов и активистов были собрания, митинги и демонстрации трудящихся, которые особенно бурно проходили летом 1940 г. в период подготовки и осуществления революции. После восстановления Советской власти, в условиях социалистического строительства, эти формы массово-политической работы продолжали оставаться действенными. Массовые собрания, митинги, демонстрации служили делу политического воспитания масс. На собраниях и митингах коммунисты и комсомольцы разъясняли трудящимся происходящие события, информировали их о принятых решениях партии и правительства, рассказывали о планах развития народного хозяйства республики, лучшие народные представители избирались здесь в различные органы власти. На собраниях и митингах обсуждались злободневные вопросы, принимались важные и своевременные постановления, на них рассматривались производственные планы, итоги работы предприятия, принимались социалистические обязательства, награждались победители в соцсоревновании.

Собрания и митинги проходили и в связи с революционными праздниками, знаменательными датами. В 1940 г. трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии впервые вместе со всеми народами Советского Союза в условиях Советской власти отмечали 23-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Во всех городах, уездах, волостях, селах были созданы специальные комиссии по подготовке к празднованию Великого Октября. 5—6 ноября 1940 г. повсюду состоялись торжественные собрания, а 7 ноября во всех городах и во многих волостных центрах были проведены демонстрации и митинги трудящихся. Многочисленные собрания были проведены и в 1941 г. Они были приурочены ко дню памяти В. И. Ленина, ко дням Красной Армии, Парижской Коммуны, Международному женскому дню, к Первому мая. Первого мая торжественные собрания прошли на всех предприятиях Вильнюса, Риги, Таллина, Каунаса, Даугавпилса, Лиепаи, Паневежиса, Шяуляй, Тарту, Нарвы; в городах состоялись многолюдные демонстрации.

Массовые собрания, митинги и демонстрации проходили организованно. Вопросы о проведении праздников и других больших политических кампаний, как правило, рассматривались на бюро ЦК, укомов, горкомов и райкомов коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, где утверждались планы организационных мероприятий. Итоги этих мероприятий анализировались и докладывались Центральным Комитетам коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии, которые в свою очередь постоянно информировали об этих мероприятиях ЦК ВКП(б).

Враждебные элементы нередко пытались сорвать собрания, митинги, демонстрации трудящихся или помешать их успешному проведению.

Коммунисты и беспартийные активисты пресекали эти попытки классового врага и обеспечивали успешное проведение этих мероприятий.

Достойное место среди форм массово-политической работы занимала лекционная пропаганда. Республиканские партийные организации Литвы, Латвии и Эстонии, партийные комитеты придавали ей большое значение, рассматривая вопросы о составе лекторов и проведении лекций на своих заседаниях. Для ведения лекционной пропаганды при ЦК, укомах, горкомах и райкомах партии были созданы лекторские группы из наиболее опытных и теоретически подготовленных коммунистов. Только до 15 января 1941 г. лекторы партийных комитетов Компартии Литвы прочитали около 500 лекций. В уездах и городских центрах лекции и доклады регулярно читались 10 лекторами ЦК КП(б) Литвы. В лекционной пропаганде принимали участие комсомольские и профсоюзные работники, представители интеллигенции. В Латвийской ССР при ЦК КП(б) Латвии к работе в лекторских группах были привлечены сотни теоретически подготовленных коммунистов. В лекторские группы при партийных комитетах КП(б) Эстонии наряду с опытными работниками были включены и молодые коммунисты, быстро приобретавшие опыт лекционной работы. В целом можно сказать, что лекционная работа становилась более действенной, доступной и приобретала популярность в массах. Вместе с тем следует отметить, что в лекционной работе сказывалось отсутствие должного опыта. Лекции и доклады в основном были посвящены знаменательным датам, праздникам и событиям, а также отдельным вопросам теории марксизма-ленинизма. Тематика лекций была относительно узкой.

Большой интерес у трудящихся Прибалтийских республик вызывали лекции и доклады политработников Красной Армии. Они рассказывали трудящимся о международном положении СССР, о росте мощи Красной Армии, укреплении обороноспособности страны. Многие из них читали также лекции по марксистско-ленинской теории, истории ВКП(б). Нередко проводились встречи трудящихся с военнослужащими, с художественными ансамблями частей Красной Армии и Военно-Морского Флота, которые выступали перед населением с концертами. Практиковалось также направление агитбригад в города и уезды, причем в Эстонии, например, в массово-политической работе агитбригад активно участвовали политработники Краснознаменного Балтийского флота. В состав таких агитбригад входили киномеханики, лекторы и др.

Важную роль в массово-политической работе играли выступления руководящих партийных и советских работников. Руководящие деятели КП(б) Литвы А. Снечкус, К. Прейкшас, К. Диджюлис, М. Гедвилас, Ю. Палецкис, В. Нюнка, КП(б) Латвии — Я. Калнберзин, А. Пельше, В. Лацис, Р. Нейланд, Ж. Спуре, П. Плесум, КП(б) Эстонии — И. Лауристин, Н. Руус, Н. Каротамм, Х. Аллик, Х. Арбон, Ф. Окк, А. Паук и многие другие регулярно выступали перед партийным и советским активом, а также городскими и сельскими трудящимися, информировали коммунистов, комсомольцев, партийных и советских работников и тру-

дящихся республик о важнейших решениях партии и правительства, разъясняли суть происходящих социалистических преобразований, рассказывали о перспективах развития народного хозяйства и культуры страны, давали ответы на вопросы, волновавшие население.

Наряду с лекциями и докладами применялись и многие другие формы массово-политической работы. Компартия Литвы, например, в 1940—1941 гг. использовала такую важную форму массовой пропаганды и агитации, как народные университеты. В 1941 г. в Литве уже действовали 8 народных университетов, в которых обучалось около 6 тыс. человек [124].

Одно из центральных мест в идеологической деятельности коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии занимала работа по подбору агитаторов и руководству ими.

В первые недели после выхода из подполья политические беседы с трудящимися проводил партийный и комсомольский актив. Осенью 1940 г. партийные организации стали подбирать из коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов людей для работы в качестве агитаторов. С ними партийные органы проводили семинары и совещания, на которых определялись основные направления их работы.

Особенно широкий размах приобрела массовая агитация в период подготовки к выборам депутатов от Прибалтийских республик в Верховный Совет СССР, которые проводились в январе 1941 г. В период предвыборной кампании в Литве, например, работало свыше 40 тыс. агитаторов, 3 тыс. доверенных лиц, 15 тыс. членов избирательных комиссий. Было создано 12 тыс. кружков по изучению Конституции СССР и Положения о выборах. В то же время издавалась большими тиражами различная литература по вопросам избирательной кампании [125]. Итоги агитационно-массовой работы были подведены на совещании заведующих отделами пропаганды и агитации укомов и горкомов КП(б) Литвы 20 февраля 1941 г. На совещании присутствовали представители республиканских идеологических учреждений.

На V съезде КП(б) Литвы отмечалось, что массовая агитация нередко еще страдает отвлеченностью, не всегда связывается с решением конкретных задач, агитаторы часто еще говорят лишь об успехах и не раскрывают причин встречающихся трудностей, агитационная работа зачастую проводилась бессистемно. Съезд потребовал от партийных организаций закрепить тот большой размах агитационно-массовой работы, который был достигнут в период выборов в Верховный Совет СССР, и систематически повышать ее качество. На 1 июня 1941 г. в Литовской ССР функционировало 496 агитколлективов с 10 151 агитатором [126].

Латвийская республиканская партийная организация, опираясь на помощь ВКП(б), также проделала огромную работу по политическому воспитанию трудящихся масс. Такие крупные социальные преобразования, как, например, восстановление Советской власти, национализация земли, банков, промышленности, требовали проведения среди населения большой разъяснительной работы. Этим ежедневно занимались агитаторы и пропагандисты. Рабочим приходилось разъяснять задачи в связи с

национализацией промышленности. Особенно большая агитационно-массовая работа была проведена во время выборов депутатов от Латвийской ССР в Верховный Совет СССР. В период подготовки к выборам массово-политическую работу с трудящимися проводила большая армия агитаторов — коммунистов и беспартийных. Всего в агитационно-массовой работе в республике участвовало свыше 30 тыс. человек [127]. Большинство из них впервые приобщалось к массовой работе и становилось в ряды активных строителей социализма.

Компартия Эстонии также добилась положительных успехов в подборе агитаторов, в организации их работы. Во время выборов депутатов от ЭССР в Верховный Совет СССР в республике работало около 30 тыс. агитаторов и членов избирательных комиссий [128]. Крепкие и организованные агитколлективы действовали на «Балтийской мануфактуре» и в Главных железнодорожных мастерских в Таллине, на «Кренгольмской мануфактуре», на многих предприятиях Тарту, Пярну и других городов. Душой и организующей силой агитколлективов были партийные организации, коммунисты и комсомольцы.

Компартия Латвии, так же как КП Литвы и КП Эстонии, удачно использовала в массово-политической работе профсоюзы, насчитывавшие в декабре 1940 г. в своих рядах 265 тыс. рабочих и служащих городов и деревни [129]. Профсоюзы наряду с решением производственных вопросов все активнее участвовали в массово-политической работе — в подготовке и проведении митингов, собраний, демонстраций, лекций и докладов. Многие профсоюзные активисты были агитаторами, участвовали в различных комиссиях. То же самое можно сказать о комсомоле Латвии, Литвы и Эстонии, являвшемся активным участником и нередко организатором многих массово-политических мероприятий и кампаний.

Влиятельными очагами социалистической идеологии, местом культурно-массовой работы среди трудящихся должны были стать культурно-просветительные учреждения Литвы, Латвии и Эстонии. «В партийной работе,— указывал В. И. Ленин,— мы выработали свои навыки широкого воздействия на массы, но их нужно соединить с методами культурно-просветительными...» [130]

Хороший опыт в использовании культурно-просветительных учреждений в идеологической работе накопила Компартия Литвы. В 1940—1941 гг. она уделяла значительное внимание быстрейшему созданию и расширению сети культурно-просветительных учреждений. 8 декабря 1940 г. ЦК КП(б) Литвы поручил Наркомпросу республики во всех во-

---

[124] «Труженик», 1941, 5 апреля.

[125] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 9, л. 63.

[126] Там же, оп. 1771—13, д. 15, л. 28.

[127] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 32, л. 64.

[128] *Kutsar-Zabrodskaja S.* Eestimaa Kommunistlik partei 1940. aasta sotsialistlikus revolutsioonis. Tallinn, 1960, lk. 153.

[129] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 1, л. 247.

[130] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 463—464.

лостях и местечках организовать читальни, а в городах — дома культуры. В начале 1941 г. в Литве уже действовало 500 изб-читален. Расширилась сеть библиотек. В то время имелось уже 200 массовых библиотек с общим фондом 585 тыс. книг, брошюр и журналов [131]. На предприятиях и в учреждениях, совхозах и МТС открывались красные уголки, клубы.

Культурно-просветительные учреждения Литвы, Латвии и Эстонии создавали различные кружки художественной самодеятельности, организовывали вечера отдыха, вечера вопросов и ответов, проводили беседы, информировали население о важнейших событиях в стране. Партийные организации интересовались работой культурно-просветительных учреждений, оказывали им нужную помощь, стремились превратить их в опорные пункты политического воспитания населения, действенные очаги социалистической культуры. Плодотворную работу проводили музеи. Мощным средством идейно-политического воспитания масс являлось кино. Особое внимание обращалось на расширение сети киноустановок в сельской местности. В 1940—1941 гг. во всех городах и во многих сельских местностях кинофильмы для населения регулярно демонстрировали киномеханики частей Красной Армии. Эти киносеансы посещали десятки тысяч жителей Литвы, Латвии и Эстонии. Они с восторгом смотрели такие фильмы, как «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Чапаев», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Яков Свердлов», «Броненосец Потемкин» и др.

Республиканские партийные организации в идеологической работе использовали и радиопередачи, проявляя заботу об укомплектовании радиокомитетов квалифицированными кадрами.

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии придавали важное значение партийной печати как мощному средству идеологического воздействия на массы, идейно-политического воспитания коммунистов, беспартийного актива и всех трудящихся масс. Буржуазная печать, находившаяся на службе эксплуататорских классов, в обстановке развития революции, осуществления коренных социалистических преобразований, естественно, была ликвидирована. Коммунистическую же партийную печать пришлось перестраивать и расширять, так как существовавших изданий компартий в новых условиях было явно недостаточно.

Орган ЦК КП Латвии газета «Циня» в это время уже имела за своими плечами почти сорокалетний опыт подпольной борьбы против царизма и националистической буржуазии. С 22 июня 1940 г. «Циня» стала выходить легально и получила широкое распространение по всей Латвии. Уже в июле ее тираж достиг 50—60 тыс. экземпляров [132]. В условиях подполья «Циня» имела сравнительно узкий круг корреспондентов, теперь же в ее работе стали участвовать широкие массы рабочих, трудящихся крестьян и интеллигенции. Наряду с «Циней» с 23 июня 1940 г. стала выходить на русском языке газета «Пролетарская правда» — орган Рижского комитета Коммунистической партии Латвии (с сентября

1940 г.— орган Центрального Комитета и Рижского комитета КП Латвии). Издавались и другие газеты, часть из которых выходила уже в годы подполья. Постепенно стали издаваться и уездные газеты.

В 1940—1941 гг. в Латвийской ССР широкое распространение получили журналы. К январю 1941 г. в республике издавалось 16 журналов, из них 3 издавал ЦК КП(б) Латвии и 2 — Союз советских писателей Латвии. Свои журналы издавали Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомзем и др. Принимались меры для того, чтобы печать на деле стала действенным средством коммунистического воспитания. Вопросы работы газет и журналов неоднократно рассматривались на Бюро ЦК КП(б) Латвии, по ним принимались конкретные решения. Уже в августе 1940 г. решением Секретариата ЦК КП Латвии был создан отдел печати при ЦК. В марте 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Латвии приняло решение об организации при ЦК шестимесячной школы работников печати на 50 человек[133].

В Литве буржуазная пресса также перестала существовать, одновременно создавалась новая, партийно-советская печать. Вышла из подполья «Тиеса» — орган ЦК КП Литвы. Тираж газеты достигал 35 тыс. экземпляров. Были организованы и стали выходить новые газеты. В конце 1940 г. в Советской Литве издавалось 14 газет, в том числе 12 ежедневных. Одновременный тираж всех газет превышал 330 тыс. экземпляров. Газеты выходили на литовском (7), русском (2), еврейском (2) и польском (3) языках. В то же время выходило 17 журналов. В 1941 г. начал выходить теоретический журнал ЦК КП(б) Литвы «Коммунист», двухнедельный экономический журнал «Ляудес укис» («Народное хозяйство»).

КП(б) Литвы проявляла большую заботу об издании газет также в уездных центрах. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях Бюро ЦК КП(б) Литвы. Было намечено организовать прежде всего издание газет в Мариямполе, Тельшяй, Паневежисе и Шяуляй. Но издание газет в уездных центрах задерживалось из-за отсутствия подготовленных кадров. Поэтому еще в конце 1940 г. при ЦК КП(б) Литвы начали работать двухмесячные курсы для работников газет, на которых обучалось 35 человек[134]. После окончания курсов основная часть их слушателей была направлена во вновь организуемые редакции уездных газет.

Компартии Литвы, Латвии и Эстонии совершенствовали руководство партийной и советской печатью. Партийные органы занимались подбором и воспитанием кадров журналистов. Они направляли деятельность редакций газет и журналов, рассматривали и утверждали планы их работы, обсуждали отчеты о творческом труде журналистов. Партийные

---

[131] Просвещение и культура Литовской ССР. Статистический сборник. Вильнюс, 1964, с. 149.

[132] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, рукописный фонд, д. 471, л. 28.

[133] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 25, л. 17; д. 7, л. 21; д. 20, л. 95.

[134] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 9, л. 67.

органы указывали на упущения, ошибки газет и журналов, боролись за действенность критических материалов. Большое внимание уделялось укреплению полиграфической базы, решению финансовых вопросов. На издание газет и журналов в 1941 г. были выделены большие суммы.

Большую помощь печати Прибалтийских республик оказывали центральные газеты и журналы, пресса других советских республик. В центральной печати были опубликованы обзоры, в которых анализировалась работа, отмечались положительные стороны и упущения печати Прибалтийских республик. С 20 августа 1940 г. газета «Правда» стала присылать в Литву, Латвию и Эстонию свои бюллетени. Часть журналистов республик проходила стажировку в редакциях центральных изданий.

На страницах газет и журналов Литвы, Латвии и Эстонии широко освещался процесс социалистического строительства. Газеты и журналы подробно рассказывали о ходе национализации промышленных предприятий и банков, проведения аграрной реформы, о мероприятиях по развитию различных отраслей народного хозяйства и культуры, стремились популяризировать опыт передовиков, разъяснять смысл и значение социалистического соревнования, показывать работу органов Советской власти. Особое внимание партийная печать уделяла укреплению дружбы и сотрудничества рабочего класса и трудового крестьянства. На страницах газет и журналов популяризировались достижения Советского Союза в области экономики и культуры, разъяснялось значение помощи Литве, Латвии и Эстонии других советских республик. В периодической печати разоблачались попытки враждебных, антисоветских элементов, представителей свергнутых эксплуататорских классов заниматься подрывной деятельностью.

На страницах газет и журналов печатались произведения известных писателей и поэтов СССР: М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Твардовского и др. В Литовской ССР газеты и журналы публиковали художественные произведения своих писателей — П. Цвирки, И. Марцинкявичюса, Ю. Балтушиса, С. Нерис, В. Монтвилы, Л. Гиры и других. В Эстонской ССР со своими произведениями в печати выступали И. Барбарус, А. Якобсон, Я. Кярнер, Ю. Сютисте и другие эстонские писатели и поэты. В латышских газетах и журналах печатались произведения писателей и поэтов А. Упита, В. Лациса, Я. Судрабкална, Ф. Рокпелниса, А. Григулиса, Ю. Ванага и многих других.

Коммунистические партии обращали внимание периодической печати на необходимость усиления борьбы против буржуазной идеологии, глубокого разъяснения вопросов марксистско-ленинского мировоззрения, основных направлений политики партии, сущности происходящих социально-экономических преобразований. В борьбе против буржуазной идеологии большое значение имела публикация на страницах газет и журналов произведений классиков марксизма-ленинизма, партийных документов, творческих статей. Много внимания периодическая печать уделяла пропаганде дружбы народов и пролетарского интернационализма. В этом отношении значительный интерес представляют помещенные в

газетах и журналах статьи по истории революционного движения России и Прибалтики.

В целом партийно-советская печать в 1940—1941 гг. играла важную роль во всей идеологической работе партии. Интересные репортажи и статьи, корреспонденции, в которых освещались важные события, связанные с явлениями прошлого и настоящего, оказывали большое воздействие на сотни тысяч людей.

Успехи печати находились в прямой зависимости от уровня партийного руководства. Компартии Литвы, Латвии и Эстонии повседневно занимались вопросами печати. Бюро ЦК КП Эстонии, например, во второй половине сентября 1940 г. утвердило редакторов, заместителей и членов редакционных коллегий основных республиканских газет, а также тартуской газеты [135]. Решением Бюро ЦК КП(б) Эстонии от 8 октября 1940 г. были утверждены названия и редакторы 8 городских и уездных газет. Партийные комитеты КПЭ постоянно работали над повышением эффективности печатной продукции в республике, они рассмотрели многие вопросы, связанные с улучшением работы печатных органов. 19 июня 1941 г. было принято специальное постановление Бюро ЦК КП(б) Эстонии о работе газет республики [136]. Партийные и советские органы принимали также меры по улучшению распространения и розничной продажи периодических изданий.

Решающим условием выполнения партийной печатью своей высокой миссии в идеологической жизни молодых союзных республик было широкое распространение рабселькоровского движения, родившегося вместе с расширением партийной печати коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии. В этом движении участвовали десятки тысяч трудящихся.

В целом можно сказать, что коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии после выхода из подполья в новых условиях деятельности развернули широкую идеологическую работу, используя самые различные средства, формы и методы для воспитания трудящихся в духе коммунистической идеологии. В этой работе коммунисты Прибалтийских советских республик добились немалых успехов.

Первый год после восстановления Советской власти в республиках Прибалтики явился не только годом бурной ломки буржуазного экономического уклада и политического строя, но и годом развития социалистической экономики, становления и укрепления государства диктатуры пролетариата, государства рабочих и крестьян. Год этот явился также временем испытаний и экзамена для республиканских партийных организаций. За это небольшое время был накоплен опыт партийного руко-

---

[135] ЦПА ИМЛ, при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 22, д. 3773, л. 9.

[136] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1—3, д. 180, л. 103—105.

водства проведением коренных социалистических преобразований во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Этот год был также годом быстрого количественного роста, организационного и идейного укрепления коммунистических партий республик Советской Прибалтики.

Событием исторического значения в жизни и деятельности латвийских, литовских и эстонских коммунистов было принятие коммунистических партий республик Прибалтики в состав ВКП(б). Это событие наложило свой положительный отпечаток на всю организационную и идеологическую деятельность, всю внутрипартийную жизнь коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии. Происходил процесс выработки необходимой структуры трех республиканских партийных организаций, создания и укрепления их партийного аппарата. В новых условиях работы происходило расширение рядов партийных организаций путем осуществления ленинского принципа индивидуального отбора в партию лучших людей из среды рабочих, крестьян и интеллигенции.

Первый год работы в условиях Советской власти был для коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии также периодом приобщения к ленинским принципам кадровой политики в условиях строительства социализма. Он явился для них и годом многогранной идеологической деятельности, годом развертывания широкой массово-политической работы среди трудящихся и укрепления связей с ними.

9

Первые социалистические преобразования

Строительство советского государственного аппарата • Социалистическая национализация банков и крупной промышленности • Советская аграрная реформа • Начало культурной революции • Повышение материального благосостояния трудящихся • Наступление на классового врага

1. Строительство советского государственного аппарата

Мирная победа социалистической революции дала рабочему классу Прибалтики возможность сразу же сосредоточить усилия на проведении революционных преобразований, необходимых для строительства социализма. Всю эту работу возглавила Коммунистическая партия. Ее руководящая роль во всех сферах общественной деятельности была законодательно закреплена в новых конституциях.

Осуществляя революционные преобразования и приступая к строительству социализма, коммунистические партии Эстонии, Латвии и Литвы руководствовались марксистско-ленинской теорией, они учли как собственный опыт, накопленный в 1917—1919 гг., так и опыт других союзных советских республик.

«Пролетариату,— учил В. И. Ленин,— необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства» [1]. Старый государственный аппарат не мог выполнять задачи, стоявшие перед диктатурой пролетариата. Для ее функционирования требовался новый аппарат государственной власти. Поэтому одной из самых первых задач после провозглашения Советской власти была ломка старой, буржуазной государственной машины и создание нового, советского государственного аппарата, при строительстве которого использовались формы и структура, сложившиеся в братских советских республиках. Эта работа во всех Прибалтийских республиках шла интенсивно и была проведена в короткие сроки. В Эстонии, например, только в течение одного месяца, с 21 июля по 25 августа 1940 г., Советская власть издала 334 законода-

тельных акта; значительная их часть была направлена на осуществление коренных преобразований в государственном аппарате[2]. В состав кадров государственного аппарата широко выдвигались в первую очередь рабочие, а также представители трудового крестьянства и прогрессивной интеллигенции.

Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственная дума Эстонии, утвердив 25 августа 1940 г. конституции Прибалтийских советских республик, постановили принять наименование Верховных Советов. Были избраны Президиумы Верховных Советов. Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР стал И. Варес, Латвийской ССР — А. Кирхенштейн, Литовской ССР — Ю. Палецкис. Были сформированы и новые, советские правительства — Советы Народных Комиссаров. В Латвии новое правительство возглавил В. Лацис, в Эстонии — И. Лауристин, в Литве — М. Гедвилас.

Наркоматы — органы руководства отдельными отраслями государственного управления и экономики — организовывались с учетом местных нужд, особенностей той или иной республики. Так, во всех трех республиках был создан Наркомат труда, какого не было в других советских республиках: в прибалтийских республиках перед рабоче-крестьянскими правительствами стояла задача ликвидации безработицы, строгого соблюдения советского законодательства о труде не только на государственных, но и на частных предприятиях[3]. Наркомат мясо-молочной промышленности был создан в Литовской ССР и в Латвийской ССР, но правительство Эстонской ССР не сочло нужным его создание. В Эстонской ССР в отличие от Латвийской и Литовской ССР не было и Наркомата лесной промышленности. В Литовской ССР отсутствовал Наркомат легкой промышленности, существовавший в Латвийской и Эстонской ССР.

Вскоре после принятия конституций, в августе-сентябре 1940 г., началась работа по созданию советской милиции, в состав которой влились организации трудящихся, возникшие на добровольных началах в дни свержения фашизма для защиты интересов революции (Народная самозащита в Эстонии, вспомогательная служба полиции в Латвии, народная милиция в Литве). В Латвии на страже революционного порядка наряду с государственными органами продолжала оставаться вооруженная организация рабочего класса — Рабочая гвардия, созданная в июле 1940 г. по решению ЦК КП Латвии. В Риге в ее составе насчитывалось 10 батальонов, которые находились до осени 1940 г. в подчинении райкомов партии; затем число батальонов увеличилось до 12 (3500 человек). В 1940—1941 гг. батальоны, роты или отдельные отряды Рабочей гвардии были созданы также в Лиепае (360 человек), Даугавпилсе (900), Елгаве (400) и во многих других уездах и промышленных центрах. В Бауском уезде действовала бригада Рабочей гвардии в составе трех батальонов. Рабочегвардейцы охраняли фабрики и заводы, мосты, электростанции, помещения рабочих организаций. Общее число членов Рабочей гвардии весной 1941 г. составляло около 10 тыс. человек. С осе-

ни 1940 г. Рабочая гвардия поступила в подчинение органов НКВД, для руководства ею был создан Главный штаб во главе с коммунистом А. Страупе. Рабочая гвардия Латвии существовала до середины мая 1941 г.

Осенью 1940 г. в республиках Прибалтики подверглась преобразованию судебная система. На местах правосудие осуществлялось народными судами. В систему судоустройства входили также окружные суды — по 5 в Литве и Латвии, 4 — в Эстонии. Высшим судебным органом в каждой из республик стал Верховный суд, избранный Верховным Советом республики сроком на пять лет. В конце 1940 г. в прибалтийских республиках стал функционировать и аппарат советской прокуратуры.

С начала ноября 1940 г. на Советскую Прибалтику временно было распространено действие кодексов РСФСР — уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального, кодекса законов о труде и кодекса законов о браке, семье и опеке.

Исполнительные комитеты местных органов государственной власти создавались на основе указов Президиумов Верховных Советов (исполнительные комитеты уездов и городов республиканского подчинения) или постановлений уездных исполкомов (в городах уездного подчинения и волостях, а в Литве — и в апилинках, т. е. в селах). Эти органы были укомплектованы временно, до проведения выборов в местные Советы (первые выборы местных органов власти состоялись по окончании Великой Отечественной войны).

12 января 1941 г. народы Прибалтийских республик избрали своих представителей в состав Верховного Совета СССР. Выборы прошли в обстановке большого политического и трудового подъема трудящихся масс. Председатели Президиумов Верховных Советов Прибалтийских советских республик — Ю. Палецкис, А. Кирхенштейн и И. Варес — вошли в состав Президиума Верховного Совета СССР в качестве заместителей его председателя.

Продолжался начавшийся уже в июне 1940 г. процесс очищения литовской, латвийской и эстонской армий от реакционных элементов, коснувшийся главным образом генеральского и офицерского состава. В Эстонии, например, в 1940 г. было уволено в общей сложности около 30% офицеров. На офицерские должности выдвигались портупей-аспиранты (курсанты военных училищ) и унтер-офицеры сверхсрочники, перешедшие в ходе революции на сторону трудового народа [4].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 26.

[2] Riigivolikogu II koosseis. I instungjärk. 1.—13. koosolek. Stenograafilised aruanded. Tallinn, 1940, lk. 200.

[3] Очерки развития государственности Советских Прибалтийских республик (1940—1965 гг.). Таллин, 1965, с. 51—52.

[4] *Манг К. К.* Создание народной армии в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии. Автореф. канд. дис. Таллин, 1971, с. 21—22.

Советское правительство создало Прибалтийский особый военный округ. Национальные сухопутные воинские соединения Эстонии, Латвии и Литвы после их коренной демократизации и переформирования вошли в состав войск этого округа в качестве отдельных Эстонского, Латвийского и Литовского территориальных стрелковых корпусов Красной Армии с непосредственным подчинением командующему округом. Морские и воздушные силы Эстонии, Латвии и Литвы были переданы в подчинение командованию Краснознаменного Балтийского флота и Военно-Воздушных Сил [5].

В условиях вхождения Прибалтийских республик в состав СССР такая реорганизация бывших буржуазных армий полностью себя оправдала.

К концу 1940 г. создание советского, рабоче-крестьянского государственного аппарата в Эстонии, Латвии и Литве было в основном завершено, однако его совершенствование и особенно комплектование представителями рабочего класса продолжалось.

Государственный аппарат, созданный в республиках Советской Прибалтики, стал верным орудием диктатуры пролетариата.

2. Социалистическая национализация банков и крупной промышленности

Одними из коренных задач социалистической революции являлись создание высшего по сравнению с капитализмом общественно-экономического уклада — социалистического уклада — в экономике республик и поднятие производительности труда. Задача эта не могла быть решена без социалистической национализации крупной капиталистической собственности.

Декларациями, принятыми народными парламентами Латвии (22 июля 1940 г.), Литвы и Эстонии (23 июля 1940 г.), были национализированы частные банки и крупная промышленность. Отныне трудящиеся становились хозяевами основных богатств своих республик. Народные правительства республик Прибалтики, руководствуясь опытом Октябрьской революции, «Положением о рабочем контроле» Совнаркома РСФСР от 14 (27) ноября 1917 г., ленинским декретом от 28 июня 1918 г. о национализации крупных отраслей промышленности, приняли прежде всего меры по предотвращению возможности злоупотребления со стороны предпринимателей. В Эстонской ССР министр экономики издал распоряжение о запрещении бесконтрольной продажи продукции предприятий и ее выдачи со складов, направил в национализируемые банки и кредитные учреждения доверенных лиц для контроля за их деятельностью. Премьер-министр И. Варес подписал указ, согласно которому крупные промышленные и торговые предприятия должны были сдавать в банк 90% средств, полученных от торговых операций за день и остающихся после затрат, необходимых для нормальной деятельности предприятия [6].

Народное правительство Латвии еще за день до провозглашения Советской власти издало закон об обеспечении нормальной деятельности предприятий, который запретил также ликвидацию предприятий, временно приостановил осуществление крупных денежных операций.

Коммунистические партии республик Прибалтики уделяли практическому осуществлению национализации самое серьезное внимание. Центральный Комитет Компартии Латвии дал всем партийным организациям указание внимательно относиться к вопросам, связанным с проведением национализации. ЦК подчеркнул, что национализация должна быть проведена в кратчайшие сроки, но при этом не следует проявлять и излишней торопливости; ни одно предприятие не должно прекратить свою деятельность; акты саботажа или вредительства должны быть исключены; следует широко разъяснять трудящимся политическое и экономическое значение этого мероприятия; нельзя допускать третирования и изгнания с национализируемых предприятий технических специалистов, к ним следует отнестись внимательно, надо использовать их знания и опыт в интересах строительства социализма; в ходе национализации следует выявлять возможности дальнейшего развития производства. 1 августа 1940 г. на Пленуме ЦК КП Латвии было заслушано сообщение министра финансов коммуниста К. Карлсона о ходе национализации промышленных предприятий и банков[7]. 8 августа, учитывая успешный ход национализации, Секретариат ЦК Компартии Латвии принял решение завершить ее в основном к 15 августа 1940 г. 15 августа Центральный Комитет обсудил вопросы, связанные с работой национализированных предприятий[8].

Активное участие в осуществлении национализации приняли профсоюзные организации. В Литве уже во второй половине июня 1940 г., т. е. еще до провозглашения Советской власти, по инициативе профсоюзных организаций на крупнейших предприятиях («Кауно аудиняй», «Нерис», «Металас» и др.) были созданы комитеты рабочих и служащих, которые установили контроль над производством[9]. В начале июля рабочий контроль стал вводиться и на других промышленных предприятиях, а также на торговых предприятиях, в кредитных учреждениях, в крупных имениях. Центральное бюро профсоюзов Литвы совместно с Министерством труда разработали специальную инструкцию о правах и обязанностях комитетов рабочих и служащих. Эти комитеты функциони-

---

[5] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 1. М., 1960, с. 258.

[6] *Васьк А. А.* Рабочий класс Эстонии и первые социально-экономические преобразования в республике в 1940—1941 годах.— В кн.: Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР. М., 1962, с. 68.

[7] «Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā (20.VI—5.VIII)». Dokumenti un materiali. Rīga, 1963, 375.—377.lpp.

[8] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Латвии (далее — ПА ИИП Латвии), ф. 101, оп. 1, д. 6, л. 20—23.

[9] «Darbininkų žodis», 6.VII.1940; «Lietuvos aidas», 1.VII.1940.

ровали как самостоятельные органы контроля за деятельностью предприятий и администрации. Без их согласия администрация не могла вносить изменений в производственный процесс, увольнять рабочих и служащих, они установили контроль и над финансовыми операциями.

Аналогичные органы рабочего контроля были созданы и в Латвии на основе закона «О рабочих комитетах», утвержденного Народным правительством 26 июня 1940 г. Состав комитетов избирался самими рабочими. В Эстонии рабочий контроль над производством и распределением был введен на большинстве предприятий за несколько дней до начала национализации[10]. Комитеты рабочих и служащих предотвратили саботаж владельцев предприятий, обеспечили нормальное функционирование предприятий.

После установления Советской власти профсоюзные организации провели среди рабочих и служащих большую разъяснительную работу. Центральный совет профсоюзов Эстонии обратился 25 июля 1940 г. ко всем трудящимся республики, призывая их по-хозяйски относиться к имуществу национализируемых предприятий, давать отпор предпринимателям, которые, как свидетельствовали факты, нередко пытались разбазаривать имущество и средства. Аналогичное обращение издало Центральное организационное бюро профсоюзов Литвы. В нем говорилось: «О производительности труда должны заботиться как предприниматели, так и рабочие»[11]. В состав комитетов и комиссий по национализации профсоюзы выдвинули тысячи своих представителей.

Общее руководство работой по национализации осуществляли правительства республик.

В банках и на предприятиях, уже принадлежавших государству, с объявлением национализации произошла главным образом смена администрации, частные же и акционерные банки и предприятия подлежали изъятию у их прежних владельцев.

Правительство Эстонской ССР образовало 25 июля 1940 г. при Министерстве экономики Главный комитет по национализации. Его председателем был назначен опытный революционер, экономист по образованию, О. Сепре, заместителями председателя — А. Веймер, также активный участник революционной борьбы, и Р. Махл — коммунист, прибывший по просьбе руководства Компартии республики на работу в Эстонию из Ленинграда. Главный комитет руководил непосредственно национализацией банков, крупных промышленных и транспортных предприятий. Были созданы и уездные комитеты по национализации. На предприятиях организовывались комиссии по национализации, возглавляемые назначаемыми комиссарами по национализации; в состав комиссии обычно входил и представитель профсоюза, и представитель рабочих, избранный на общем собрании рабочих национализируемого предприятия[12]. 26 июля был опубликован список национализируемых банков и предприятий.

В Латвийской ССР закон «О национализации банков и крупных промышленных предприятий на территории Латвийской ССР» был принят

правительством 25 июля. В законе говорилось: «1. Национализировать все банки, страховые общества, ломбарды и сейфы частных лиц. 2. Немедленно национализировать промышленные предприятия по прилагаемому списку...»[13]. Список национализируемых предприятий составило Министерство финансов. Закон предусматривал назначение на национализируемые предприятия государственных комиссаров, создание на предприятиях комиссий из 3—5 человек во главе с комиссаром для принятия всего имущества предприятия и делопроизводства у прежних владельцев и администрации. Все драгоценные металлы и камни, находящиеся в ювелирных магазинах, подлежали сдаче в банк. Министерство финансов учредило должность старшего комиссара по национализации промышленности, который практически непосредственно руководил национализацией в объеме всей республики. Старшим комиссаром был назначен коммунист, член партии с 1917 г., инженер Я. Вимба.

26 июля закон о национализации банков и крупной промышленности был принят и в Литве[14], а через 4 дня здесь была создана Государственная комиссия по национализации.

Прежде всего национализации подверглись банки и другие кредитные учреждения. В Эстонской ССР было национализировано 104 банка и отделения банков[15], в Латвийской ССР — 4 частных банка, одна частная банковая контора и 27 обществ взаимного кредита[16], в Литовской ССР — 46, а с отделениями — 202 кредитных учреждения[17]. Из предприятий промышленности во всех трех республиках национализации подлежали те, на которых работало 20 и более человек, а также те, на которых работало не менее 10 рабочих и имелись механические двигатели. Типографии национализировались вне зависимости от количества занятых в них рабочих, что полностью лишало буржуазию возможности использовать печатное слово в своих интересах.

Национализация проводилась организованно, без остановки предприятий, причем буржуазия не оказывала серьезного сопротивления, хотя отдельные случаи вредительства, разбазаривания средств, хищения денег и т. п. все же имели место. Подписание акта о национализации обычно происходило в торжественной обстановке, на собраниях коллективов рабочих и служащих национализируемого предприятия, повсеместно одобрявших это мероприятие революционной власти. В целом ряде случаев рабочие тут же принимали обязательства повысить производительность труда, развернуть социалистическое соревнование, укреплять трудовую дисциплину.

---

[10] *Васьк А. А.* Указ. соч. с. 81.
[11] «Amatininkas», 1940, Nr. 13, p. 203.
[12] *Васьк А. А.* Указ. соч., с. 69.
[13] Хронологическое собрание законов Латвийской ССР, указов Президиума Верховного Совета Латвийской ССР и постановлений правительства Латвийской ССР.—1940—1959. Рига, 1960, с. 9.
[14] «Vyriausubės žinios», 1940, Nr. 721.
[15] *Васьк А. А.* Указ. соч., с. 70.
[16] *Жагар Э. А.* Проведение социалистической национализации промышленности Латвии в 1940—1941 гг.— «Известия АН Латвийской ССР», 1967, № 10, с. 25.
[17] «Darbo Lietuva», 10.IX.1940.

В Латвийской ССР число национализированных промышленных предприятий достигло к концу 1940 г. 992. В начале 1941 г. было национализировано еще 1648 предприятий. Удельный вес частного сектора в промышленности сократился до 5% [18]. В Литовской ССР с июля 1940 г. по май 1941 г. было национализировано 860 промышленных фирм (заводов, фабрик и других предприятий), на которых было занято около 40 тыс. человек производственного персонала. В Литве к началу лета 1941 г. на долю национализированных предприятий приходилось около 70% промышленного производства. В Эстонской ССР в течение одного месяца были переданы в собственность государства предприятия, дававшие свыше 90% всей промышленной продукции. К началу лета 1941 г. было национализировано 991 предприятие [19], на долю частного сектора промышленности теперь здесь приходилась лишь мизерная часть. Столь высокий удельный вес государственной промышленности объясняется тем обстоятельством, что были национализированы и многие мелкие предприятия — по настойчивым просьбам рабочих или по той причине, что их владельцы явно разоряли предприятия, сокращали выпуск продукции, растрачивали денежные средства, необходимые для продолжения производственной деятельности.

После проведения национализации в промышленности сохранился все же и частный сектор — в обувной, швейной и мебельной промышленности, в ремесленном производстве, в отраслях, где преобладали мелкие предприятия, обслуживавшие повседневные потребности населения,— мельницы, небольшие лесопильни, парикмахерские.

Параллельно с национализацией банков и промышленности происходила национализация морского, речного и автомобильного транспорта. Железнодорожный транспорт (за небольшим исключением), равно как и средства связи, во всех трех республиках и при власти буржуазии находился в ведении государства. Национализация транспорта коснулась главным образом флота. Следует, однако, отметить, что транспортных средств, особенно в Эстонии и Литве, было мало, и они в большинстве своем устарели. Из национализированных в Эстонской ССР в 1940 г. 536 судов 70 вообще не были пригодны к плаванию, 120 нуждались в капитальном ремонте [20]. В Литовской ССР были национализированы 6 небольших морских и несколько речных судов, судоремонтные мастерские в Каунасе. Наиболее крупным морским флотом обладала Латвия. В состав созданного в начале 1941 г. Латвийского государственного морского пароходства наряду с 8 государственными пароходами и 2 ледоколами было передано также 65 национализированных торговых судов [21].

Во второй половине сентября 1940 г. началась национализация торговых предприятий. В Эстонской ССР были национализированы предприятия с годовым оборотом свыше 50 тыс. крон (1 крона при переходе с 25 ноября 1940 г. на советскую денежную систему была приравнена к 1 руб. 25 коп.). К июню 1941 г. сохранилось еще более 3 тыс. мелких частных розничных магазинов, оборот которых составлял 10—15% от

всего розничного оборота [22]. Президиум Верховного Совета Литовской ССР 27 сентября 1940 г. издал указ «О национализации частных торговых предприятий» [23], согласно которому в собственность государства перешли те торговые предприятия, годовой товарооборот которых составлял 150 тыс. литов и больше (1 лит был приравнен к 90 коп.). Всего в 1940 г. в Литве было национализировано 1597 крупных магазинов. Национализированные предприятия составили лишь около 7% имевшихся в республике торговых предприятий, но их доля в общем товарообороте достигала 75—80% [24]. В Латвийской ССР общее число национализированных с сентября 1940 г. по май 1941 г. торговых предприятий составило 3905 [25]. Национализированы были предприятия с годовым оборотом свыше 50 тыс. латов (1 лат=1 руб.). На долю частников после национализации и самоликвидации многих мелких магазинов и лавок приходилось 7—10% от общего оборота торговли Латвии.

Частный сектор вытеснялся и кооперативной торговлей. Во всех трех республиках Прибалтики была организована советская централизованная кооперативная торговля, объединенная в потребительскую кооперацию. На селе в Эстонской ССР, например, кооперативный сектор торговли охватил примерно 90% розничного товарооборота [26].

На внешнюю торговлю Советская власть с первых же дней своего существования установила свою монополию. Таким образом, в течение 1940 г. и первой половины 1941 г. почти вся торговля в Прибалтике сосредоточилась в руках государства и кооперативных предприятий.

Наиболее крупные частные гостиницы и заезжие дома, рестораны и кафе, больницы и поликлиники, аптеки и аптечные склады, предприятия химико-фармацевтической промышленности также были переданы из частного владения в общенародную собственность. В Латвии, например, в октябре — ноябре 1940 г. были национализированы все частные больницы (23) и аптеки (618). В конце 1940 г. были упразднены больничные кассы и в крупных городах организованы поликлиники. Вся система здравоохранения была подвергнута полной реорганизации. Для трудящихся было введено бесплатное медицинское обслуживание.

Организация потребительской кооперации в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР в январе 1941 г. способствовала улучшению состояния

---

[18] *Жагар Э. А.* Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны.— В кн.: В дни войны. Рига, 1964, с. 39.

[19] *Васьк А. А.* Указ. соч., с. 77.

[20] *Эхин П. Э.* Индустриализация Эстонской ССР. Канд. дисс. М., 1952, с. 152.

[21] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР (далее — ЦГАОР ЛатвССР), ф. 270, оп. 1, д. 45, л. 174—176.

[22] *Васьк А. А.* Указ. соч., с. 78.

[23] «Lietuvos TSR AT žinios», 1940, Nr. 1, p. 9.

[24] *R. Šarmaitis.* LKP(b) V suvažiavimas.— В кн.: Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 578.

[25] ЦГАОР ЛатвССР, ф. 992, оп. 2а, д. 1, л. 101.

[26] *Руус В. Ю.* Деятельность и опыт КП Эстонии по социалистическому преобразованию торговли (1940—1941). Автореф. канд. дис. Таллин, 1964, с. 20.

15 Заказ № 2523

сельской торговли и организации заготовок. Только в Латвийской ССР к началу 1941 г. было открыто 416 новых магазинов потребительской кооперации, численность ее членов достигла 60 тыс.[27] В середине июня 1941 г. в Латвийской ССР насчитывалось 232 потребительских общества с 1656 магазинами, число членов потребительских кооперативов в конце марта 1941 г. составляло 135 тыс. Потребительская кооперация превратилась в массовую организацию трудящихся и в Литовской ССР. На 1 апреля 1941 г. в кооперативах здесь числилось 537 тыс. членов. К 1 июня того же года было открыто 2293 магазина, из них 230 — в городах [28]. В Эстонской ССР уже в марте 1941 г. было 126 тыс. членов потребительской кооперации [29].

В октябре 1940 г. началась национализация жилых домов. В Эстонской ССР в городах Таллине, Тарту, Нарве и Пярну в собственность государства передавались дома, полезная жилая площадь которых превышала 220 кв. м, а в более мелких городах и рабочих поселках — 170 кв. м. К 1 марта 1941 г. в Эстонии было национализировано свыше 11 тыс. домов, жилая площадь которых составляла около 50% от всей жилой площади городов и рабочих поселков республики [30]. В Латвийской ССР национализация жилого фонда была проведена в 9 наиболее крупных городах и промышленных центрах. Национализировано было свыше 11,6 тыс. домовладений с общей жилой площадью 4770 тыс. кв. м.[31] В Литве к весне 1941 г. было национализировано 12,5 тыс домовладений с 4 млн. кв. метров жилой площади, что составило более половины жилой площади городов и рабочих поселков республики [32].

Национализация промышленных и торговых предприятий, жилых домов и т. п. во всех трех республиках была осуществлена без какого-либо материального возмещения прежним владельцам. В Эстонской ССР практиковалась скупка государством мелких розничных магазинов, которые по закону не подлежали национализации. Было скуплено несколько сотен таких мелких магазинов и лавок. В Литовской ССР предусматривался выкуп государством частных автобусов и грузовиков, а также выплата 25% стоимости судов морского и речного флота [33]. Практическому осуществлению этих решений помешала начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война. Правительство Эстонской ССР обязало национализированные промышленные предприятия урегулировать финансовые отношения, сложившиеся до революции 1940 г. А. Веймер, нарком легкой промышленности Эстонской ССР в 1940—1941 гг., отмечал позднее, что обязывать социалистические предприятия выплачивать долги частных владельцев было нецелесообразно. Правительства Латвийской и Литовской ССР решения о выплате старых долгов не принимали [34].

Национализация банков, промышленных и торговых предприятий положила конец засилию иностранного капитала в экономике Прибалтийских республик. Защитники интересов иностранного капитала протестовали против мероприятий рабоче-крестьянской власти. Правительст-

ву Латвийской ССР 29 июля 1940 г. ноту протеста против национализации направила дипломатическая миссия США, 30 июля — миссия Италии, 1 августа — миссия Франции, Дании и некоторых других государств[35]. Однако принять какие-либо решительные меры в защиту своих интересов иностранный капитал был бессилен: весь советский народ стоял на страже интересов трудящихся Прибалтики. Однако там, где иностранные империалисты были в состоянии нанести ущерб власти рабочих и крестьян, они это делали.

На VII сессии Верховного Совета СССР в начале августа 1940 г. председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов отметил, что в США и Англии власти незаконно задержали золото, принадлежащее банкам Литвы, Латвии и Эстонии. В портах США, Англии и других капиталистических государств было задержано значительное число морских судов Прибалтийских республик. В перуанском порту Кальяо, например, был задержан крупнейший латвийский пароход «Герцог Екаб». Его команду запугивали и склоняли к измене родине. В декабре 1940 г. команда «Герцога Екаба» сумела тайком вывести судно из порта и направила его в Мексику, а оттуда — во Владивосток. Мужественные моряки были с почетом встречены на родине, где судно было переименовано в «Советскую Латвию»[36]. Стойко выдержали все испытания и вернулись на родину также команды ряда других судов Латвии и Эстонии.

Важную роль в проведении национализации сыграли комиссары. Они не только руководили работой комиссий по национализации предприятий, были не только политическими руководителями, но до назначения директора являлись фактически и хозяйственными руководителями. Период с июля по декабрь 1940 г. в то время нередко называли комиссарским периодом управления промышленностью.

Большинство комиссаров было выдвинуто из числа рабочих национализируемых предприятий; многие из них прежде активно участвовали в революционном движении. Комиссаром одного из эстонских заводов был назначен П. Петрее, приговоренный буржуазным судом в 1924 г. за участие в революционном движении к пожизненной каторге, комиссаром завода «Ильмарине» — рабочий этого завода К. Рятсепп, комиссаром фабрики «Лютер» — рабочий этой фабрики А. Веэберман[37]. В Кау-

---

27 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 7, д. 353, л. 11.
28 «Труженик», 1941, 19 июня.
29 «История Эстонской ССР, т. 3. Таллин, 1974, с. 587.
30 История Эстонской ССР, т. 3. Таллин, 1934, с. 587.
31 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 513, л. 2.
32 «Komunalinis ūkis», 1941, Nr. 3, p. 61—63.
33 Lietuvos TSR įstatymu. Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo įsaku ir Vyriausybės nutarimų chronologinis rinkinys, 1 t., 1940—1947, p. 36.
34 *Васьк А. А.* Указ. соч., с. 80.
35 *Жагар Э. А.* Проведение социалистической национализации промышленности Латвии в 1940—1941 гг.— «Известия АН Латвийской ССР», 1967, № 10, с. 17.
36 «Komunists» (Лиепая), 23.IV. 1941.

насе комиссаром фабрики «Дробе» был назначен рабочий В. Литвинавичюс, фабрики «Ливела» — металлист С. Лукашявичюс, фабрики «Плуоштас» — бывшая работница А. Швелнене[38]. В Латвийской ССР комиссары возглавляли и отрасли промышленности, они координировали работу комиссаров родственных предприятий, решали вопросы, связанные с использованием сырья и т. п. Так, комиссаром предприятий металлообрабатывающей промышленности был назначен А. Дамбур, шерстяной и льнообрабатывающей промышленности — М. Закис, электротехнических предприятий — В. Мейер, конфетных фабрик — О. Спрогис, фанерной и мебельной промышленности — А. Пайпал и т. д.

В ходе национализации и при переходе к социалистической реконструкции встал вопрос об отношении к буржуазным специалистам, к технической интеллигенции. Коммунистические партии республик Прибалтики руководствовались при решении этого вопроса указаниями В. И. Ленина, использовали опыт строительства социализма в других советских республиках.

Ленинское указание об использовании буржуазной интеллигенции в ходе социалистического строительства нашло свое выражение в принятой на VIII съезде РКП(б) Программе партии: «Задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазным миросозерцанием и навыками... Партия должна в тесном союзе с профессиональными объединениями вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой — так же беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними»[39].

В Прибалтике в условиях быстрого укрепления позиций Советской власти буржуазные специалисты открыто не бойкотировали новую власть, хотя, естественно, далеко не всем из них она пришлась по вкусу. Советская власть стремилась их всех привлечь к строительству социализма. Отдельные рабочие, однако, не хотели доверять всем старым специалистам, особенно тем, кто до этого усердно служил капиталистам. Иногда такое отношение рабочих к старым специалистам порождалось агитацией, которую вели среди наименее сознательных рабочих враждебные элементы, пытавшиеся натравить рабочих на техническую интеллигенцию. Имели место случаи, когда рабочие требовали убрать с предприятия всех прежних мастеров, инженеров и т. д. Наиболее характерно, пожалуй, это было для Латвии. Поэтому уже 17 июля 1940 г., т. е. за несколько дней до провозглашения Советской власти, секретарь ЦК КП Латвии Ж. Спуре опубликовал в газетах «Циня» и «Пролетарская прав-

да» статью «Как ЛКП смотрит на то, что на некоторых предприятиях рабочие требуют смены технических работников». В дальнейшем были опубликованы и другие статьи на эту тему. В их основу были положены ленинские идеи об использовании старых специалистов в интересах социализма. Об изменениях, происходивших в процессе революционных преобразований в облике бывшей буржуазной интеллигенции, о всесторонней работе коммунистов со старыми специалистами рассказал на V съезде КП Литвы (1941 г.) первый секретарь ЦК КП Литвы А. Снечкус.

У новой власти не было, да и не могло быть своих готовых кадров специалистов и руководителей. На посты директоров выдвигались прежде всего представители рабочего класса, бывшие подпольщики, активисты рабочего движения. Так, в Латвийской ССР директором завода «Латвелло» был назначен А. Бобров, завода «Металлист» — А. Янсон, стекольного завода «Эмолип» — К. Зуймач; директором завода «Эренпрейс» стал представитель прогрессивной технической интеллигенции К. Силниек, суперфосфатного завода в Милгрависе — А. Виксна и др. Нередко на посты директоров назначились комиссары по национализации. Но на первых порах приходилось оставлять у руководства предприятиями и бывших их владельцев или доверенных лиц бывших хозяев. В январе 1941 г. из 126 директоров предприятий Народного комиссариата местной промышленности Латвийской ССР бывшими владельцами предприятий были 38, из 75 директоров предприятий Наркомата пищевой промышленности — 21, из 145 директоров предприятий легкой промышленности — 41 [40]. Не всегда рабочие были довольны таким отношением к бывшим владельцам, случалось, что они требовали скорейшего устранения бывших хозяев. Рабочие даугавпилсской льняной фабрики «Ударник» собирались своего директора, бывшего владельца фабрики, вывезти за ворота на тачке. В Литовской ССР бывшие владельцы назначались директорами предприятий только в исключительных случаях. К руководству заводами и фабриками были привлечены вчерашние рабочие — ткачи, сапожники, слесари, столяры. Директором фабрики «Кауно аудиняй» стал рабочий А. Сушинскас, текстильной фабрики «Лима» — ткач К. Юрявичюс, завода металлических изделий «Ливела» — комиссар по национализации этого предприятия, металлист С. Лукашявичюс и т. д.

Из 374 директоров предприятий системы Наркомместпрома Литовской ССР 248 были бывшие рабочие, 125 были выдвинуты из числа служащих и только 1 являлся прежде владельцем предприятия [41]. Совет-

---

[37] ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 166, л. 147.

[38] Центральный государственный архив Литовской ССР (далее — ЦГА ЛитССР), ф. Р—754, оп. 3, д. 25, л. 67.

[39] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1. М., 1954, с. 423.

[40] ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 1, д. 17, л. 13.

[41] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 15, д. 8, л. 11.

ское правительство Литвы стало практиковать выдвижение на директорские посты женщин — явление до того времени небывалое.

Передача во всенародную собственность банков, промышленности, транспорта и ряда других объектов лишила городскую буржуазию ее экономической мощи.

В Литве, например, во всенародную собственность были переданы материальные ценности на сумму 550 млн. литов, составлявшие одну треть всего национального богатства страны, которая прежде была сосредоточена в руках 2,5 тыс. капиталистов[42] (при общем количестве населения Литвы 2880 тыс. человек).

В результате социалистической национализации новая власть — диктатура пролетариата — получила экономическую основу для своего укрепления. Социалистическая национализация положила начало созданию в Прибалтике социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, дала возможность начать социалистическую реконструкцию и индустриализацию республик Прибалтики, приступить к решению задач переходного от капитализма к социализму периода.

Ключевой задачей в строительстве социализма в Прибалтике, как и в старших советских республиках, явилась социалистическая индустриализация. Прибалтийские советские республики, особенно Литва, приступая к строительству социализма, обладали, однако, сравнительно слабой крупной машинной промышленностью. К тому же большинство предприятий Эстонии, Латвии и Литвы было оборудовано устаревшей и изношенной техникой. На ряде заводов и фабрик Литвы оборудование представляло собой случайный набор машин и станков различных марок и типов, многие из которых были убраны с предприятий Германии и Англии как морально изношенные. Владельцы текстильных фабрик Латвии пользовались обветшалым оборудованием закрывшихся рижских фабрик или закупали столь же старое оборудование у эстонских и польских предпринимателей.

Промышленность Прибалтики характеризовалась не только технико-экономической отсталостью, но и раздробленностью. Поэтому прежде всего была проведена большая работа по концентрации производства путем укрупнения однородных предприятий за счет слияния нескольких мелких в одно, более крупное. Так, в Вильнюсе на базе 11 небольших кожевенных заводов были созданы 3 более крупных; в Каунасе на базе 4 мелких предприятий был создан завод металлических изделий[43]. В первом квартале 1941 г. в Литовской ССР было уже объединено 90 мелких предприятий. В Таллине с текстильной фабрикой «Коммунар» были объединены 15 других текстильных предприятий, с трикотажной фабрикой «Юуни выйт» («Июньская победа») — 20 трикотажных предприятий. Такое укрупнение однородных предприятий на основе территориальной близости было проведено во всех трех республиках и почти во всех отраслях промышленности.

Началась и реорганизация ремесленного производства, объединение кустарей в промартели.

Одновременно с укрупнением предприятий были приняты меры к расширению производства на действующих предприятиях за счет полного использования имевшихся производственных мощностей. Только на «Кренгольмской мануфактуре» в Нарве более 100 тыс. веретен и свыше 3 тыс. ткацких станков до этого не использовалось. Закрытые прежде из-за недостатка сырья и узости рынков предприятия вновь вводились в строй действующих. В Литовской ССР к февралю 1941 г. было вновь пущено 23 предприятия, на которых получили работу 2660 человек [44]. Некоторые заводы и фабрики перешли на двух- и трехсменную работу. Ускорилось строительство незавершенных промышленных объектов. В декабре 1940 г. был сдан в эксплуатацию Паневежский сахарный завод, тогда же вступил в строй стекольный завод в Радвилишкисе.

Заметно оживился товарооборот на железных дорогах, увеличились морские перевозки. Началась модернизация подвижного состава.

В. И. Ленин, выступая в 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна, отмечал, что проведение социалистических преобразований в Советской России затрудняется отсутствием необходимых средств. Для того чтобы восстановить разрушенную промышленность, первое рабоче-крестьянское правительство вынуждено было экономить буквально «на всем, даже на школах» [45]. В Прибалтийских советских республиках социалистическая реконструкция промышленности была значительно облегчена материальной помощью, оказанной им правительством СССР, братскими советскими республиками. Уже в 1940 г. промышленность Советской Прибалтики реально ощутила поддержку братских республик. В Эстонию, Латвию и Литву поступало из других республик СССР сырье, а также промышленное оборудование, прибыли опытные инженеры, техники. В Литву, например, из братских республик с 1 августа по 1 декабря 1940 г. было доставлено 970 т чугуна, 647 т железа, 6355 т цемента, 1053 т бензина, 4400 т угля и разные другие товары [46]. В Латвийской ССР сразу же после восстановления Советской власти с помощью правительства СССР и братских союзных республик были пущены в эксплуатацию десятки ранее бездействовавших заводов и фабрик. Началась кипучая работа по реконструкции рижских вагоностроительного завода «Вайрогс» и электротехнического завода «ВЭФ», завода «Сарканайс металургс» в Лиепае и ряда других предприятий [47]. Исчезли основные препятствия, тормозившие развитие промышленности в период диктатуры буржуазии,— узость рынка, нехватка сырья и капитальных вложений, закабаляющее влияние иностранного капитала.

---

[42] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, оп. 1771, д. 38, л. 423.

[43] «Darbininkų žodis», 2.II.1941.

[44] *Butkutė-Ramelienė A.* Lietuvos KP kova už Tarybų valdžios įtvirtinimą respublikoje. Vilnius, 1958, p. 85.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 287.

[46] «Tarybų Lietuva», 13.VII.1940; «Tiesa», 7.II.1941.

[47] *Калнберзин Я.* Десять лет Советской Латвии. Рига, 1950, с. 74.

Накануне восстановления Советской власти в городах Литвы насчитывалось около 75 тыс. безработных[48], в Латвии — около 20 тыс. Значительное число безработных было и в Эстонии. В 1940—1941 гг. в Латвии и Эстонии безработица была ликвидирована, в этих республиках стала ощущаться даже нехватка рабочей силы. В Литве к началу мая 1941 г. были обеспечены работой 44,9 тыс. рабочих[49]. Быстрое осуществление мероприятий по ликвидации безработицы явилось большим достижением Советской власти.

На промышленных предприятиях Эстонской ССР на 1 января 1941 г. работало уже на 38 тыс. рабочих и служащих больше, чем за год до этого[50]. В Литовской ССР промышленно-производственный персонал возрос за первый год Советской власти с 43 тыс. до 72 тыс., т. е. на 67,4%[51]. В Латвии, по данным статистики, в 1939 г. в промышленности было занято 117 529 человек, в том числе рабочих — 97,5 тыс.[52], а на 1 июня 1941 г.— уже 170 892 человека, в том числе рабочих — 117 тыс.

Подготовка новых контингентов рабочих осуществлялась на первых порах непосредственно на предприятиях. В 1941 г. в республиках Прибалтики началась организация специальных учебных заведений по подготовке кадров квалифицированных рабочих. Всего в трех республиках намечалось открыть 79 школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ[53].

В основу народнохозяйственных планов на 1941 г., разработанных на месте в соответствии с конкретными условиями, было положено намерение немедленно приступить к индустриализации и в ближайшие 4—5 лет превратить Литву, Латвию и Эстонию в передовые индустриальные республики с высокоразвитым сельским хозяйством. При составлении народнохозяйственных планов учитывалось, что Прибалтийским республикам нет надобности создавать и развивать все отрасли тяжелой промышленности. Единственно правильным и целесообразным путем развития производительных сил в республиках Прибалтики являлся путь тесного социалистического сотрудничества со всеми республиками СССР. Планы были разработаны исходя из расчета, что экономика каждой республики будет развиваться как неотъемлемая часть единой экономики Советского Союза. Главное внимание уделялось тем отраслям тяжелой и легкой промышленности, для развития которых здесь имелись наиболее благоприятные условия. «Народное хозяйство Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР,— отмечал Н. А. Вознесенский в своем докладе на XVIII Всесоюзной партконференции в феврале 1941 г.,— будет впервые выполнять программу строительства социалистических предприятий. Большое развитие получают здесь машиностроение, топливная промышленность, электростроительство и текстильная промышленность»[54].

На развитие промышленности в Прибалтике правительство СССР отпустило крупные средства. Общая сумма капитальных вложений на 1941 г. по Литовской ССР была определена в 273 млн. руб.[55], из них в промышленность направлялось 99,6 млн. руб. В капитальное строитель-

ство и реконструкцию народного хозяйства Латвийской ССР планировалось вложить в 1941 г. свыше 300 млн. руб., из них более 50% — в промышленное строительство. Общая сумма капитальных затрат по Советской Эстонии на 1941 г. была определена в 241 млн. руб., в том числе на развитие промышленности — 112,3 млн. руб.[56] Особое внимание в Эстонии уделялось сланцевой промышленности.

Производственная инициатива и активность рабочего класса Советской Прибалтики ярко проявлялись в развертывании социалистического соревнования. Уже 25 июля 1940 г. рабочие трикотажной фабрики «Эска» в Риге постановили по примеру рабочих других советских республик включиться в социалистическое соревнование и обратились к коллективу ленинградской трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя» с просьбой ознакомить их с опытом организации социалистического труда[57]. В Эстонской ССР инициаторами социалистического соревнования выступили рабочие «Балтийской мануфактуры» в Таллине, обратившиеся 3 августа 1940 г. ко всем рабочим республики с призывом вступить в социалистическое соревнование, начать борьбу за повышение производительности труда. Коллективы заводов «Ильмарине», «Вольта» и ряда других откликнулись на этот призыв. Их инициативу одобрили ЦК КП Эстонии и Центральный совет профсоюзов республики[58].

ЦК КП Литвы 4 августа 1940 г., на второй день после принятия Литовской ССР в состав Союза ССР, обратился с воззванием к трудящимся, призывая их учиться у стахановцев братских республик и развернуть социалистическое соревнование[59]. Инициаторами социалистического соревнования в Литве стали строители г. Алитус. В социалистическом соревновании в честь 23-й годовщины Октябрьской революции участвовали уже сотни коллективов промышленных, строительных, транспортных и других предприятий Советской Прибалтики. Зародились движения многостаночников, рационализаторов, ударников, стахановцев, принявшие массовый размах. В Латвийской ССР вошли в практику коммунистические субботники рабочих.

---

48 Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 m. Dokumentų rinkinys. Vilnius, 1965, p. 184—185; *Шаджюс Г.* К вопросу о ликвидации безработицы в Советской Литве в 1940—1941 гг.— В кн.: Прибалтийским советским республикам тридцать лет. Вильнюс, 1970, с. 5.

49 «Tiesa», 9.V.1941.

50 *Веймер А.* Комплексное развитие и специализация промышленности Эстонского экономического административного района. Таллин, 1961, с. 85.

51 *Truska L.* Указ. соч., с. 216.

52 Latvijas PSR statistikas tabulas 1940. g. Rīga, 1940, 137.lpp.

53 ПА ИИП при ЦК КП Эстонии, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 164; ЦГА ЛитССР, ф. 357, оп. 1, д. 19, л. 68.

54 «Правда», 1941, 19 февраля.

55 Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс, 1967, с. 84.

56 *Маамяги В. А.* О некоторых особенностях перехода Прибалтийских советских республик к строительству социализма (1940—1941 гг.).— «История СССР», 1962, № 6, с. 10.

57 *Дризул А. А.* Установление Советской власти в Латвии (1940—1941).— «Исторические записки», № 45, 1954, с. 68.

58 *Васьк А. А.* Указ. соч., с. 85.

59 «Труженик», 1940, 4 августа.

Многие предприятия вступили в социалистическое соревнование с предприятиями других союзных республик. Так, коллектив рижской текстильной фабрики «Саркана текстилниеце» установил дружеские связи с «Трехгорной мануфактурой» в Москве. Оба коллектива регулярно обменивались информацией о своей работе, многие рабочие завязали дружескую переписку, представители рижских рабочих вместе с трехгорцами участвовали в первомайской демонстрации в Москве. В апреле 1941 г. между этими двумя предприятиями был подписан договор о социалистическом соревновании.

Производственная активность рабочего класса позволила заметно повысить производительность труда, снизить себестоимость продукции, ускорить развитие производства.

Советский Союз, братские советские республики смогли практически начать борьбу за социалистическую реконструкцию промышленности с середины 20-х годов. Около 7 лет ушло на то, чтобы отстоять в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией завоевания Октября, заставить капиталистический мир признать факт возникновения первого рабоче-крестьянского государства, восстановить разрушенное в ходе империалистической и гражданской войн народное хозяйство, создать источники капитальных вложений, необходимых для решения задач социалистической индустриализации. В Прибалтийских советских республиках переход к решению задач социалистической реконструкции промышленности потребовал всего лишь полгода. Столь благоприятные условия для создания социалистической промышленности были обеспечены фактором вступления этих республик в состав страны победившего социализма.

3. Советская аграрная реформа

После восстановления власти Советов в Прибалтике начался постепенный процесс становления социалистического строя и в деревне. Декларации о земле, принятые народными сеймами Латвии и Литвы 22 июля и Государственной думой Эстонии 23 июля 1940 г., объявляли всю землю всенародной, государственной собственностью. В результате национализации земли были созданы предпосылки для социалистического преобразования деревни. В. И. Ленин отметил, что в результате национализации земли в 1917 г. в России был «создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму», подчеркнув, что именно «национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»[60].

Первым мероприятием Советской власти в области аграрной политики, осуществленным после объявления земли национализированной, было проведение аграрной реформы. В крупные имения (в Литве) сразу же были назначены комиссары с целью сохранения имущества и обеспечения нормальной деятельности имений. Максимальные размеры крестьянских хозяйств во всех трех республиках были определены в 30 га.

Все земли сверх этой нормы передавались в государственный земельный фонд. В государственный фонд были переданы и все помещичьи земли вместе с постройками, инвентарем и скотом, все церковные и монастырские земли, земли религиозных общин, земли тех лиц, которые сами землю не обрабатывали, а имели другие источники существования, земли выехавших из Прибалтики лиц немецкой национальности. В Литовской ССР размеры государственного земельного фонда составили 607,5 тыс. га[61], в Латвийской ССР — 961,4 тыс. га[62], в Эстонской ССР — 742,2 тыс. га[63].

Местные условия порождали некоторые различия в проведении аграрной политики. Правительство Литовской ССР, приняв во внимание пожелания религиозно настроенных крестьян, разрешили оставить духовным лицам, имевшим ранее собственные земельные владения, участки размером до 30 га. Кроме того, ранее имевшим землю ксендзам были оставлены в пользование участки приходской земли размером до 3 га[64]. Мелким литовским помещикам также было оставлено по 30 га земли, весь их скот, инвентарь и постройки с условием, что они будут лояльно относиться к Советской власти и жить на трудовые доходы[65]. Исключение было сделано также в отношении лиц некрестьянского происхождения — рабочих, служащих, учителей и других, которые имели заслуги перед литовским народом, наукой, искусством и владели участками и усадьбами размером не более 10 га.

Для непосредственного руководства проведением аграрной реформы при министерствах земледелия были созданы соответствующие органы (в Литве — Государственная земельная комиссия во главе с А. Жукаускасом, в Латвии — Главный землеустроительный комитет, который возглавлял министр земледелия Я. Ванаг, в Эстонии — Главный комитет по обеспечению землей безземельных и малоземельных крестьян во главе с министром земледелия Г. Абельсом). На местах были созданы волостные (в Эстонии и Литве — еще и уездные) землеустроительные комиссии. К работе по проведению реформ было привлечено значительное количество землемеров, агрономов, чертежников и других специалистов (всего по трем республикам — свыше 4 тыс. человек). Активное участие в этой работе принимали деревенская беднота и сельскохозяйственные рабочие. Все расходы, связанные с реформой, государство взяло на

---

60 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 326, 327.

61 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—19, д. 2, л. 18.

62 *Удачин С. А.* Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948, с. 176.

63 История Эстонской ССР, т. 3, с. 592.

64 *Ефременко А.* Аграрные преобразования и начало социалистического строительства в литовской деревне в 1940—1941 гг. Вильнюс, 1972, с. 96.

65 *Трайнин И.* Конституции Прибалтийских советских социалистических республик.— «Большевик», 1940, № 22, с. 81; *Тишкевич К. Е.* Борьба Коммунистической партии Литвы за социалистические преобразования в 1940—1941 годах.— «Ученые записки кафедр истории КПСС Высшей партийной школы при ЦК КПСС и местных высших партийных школ». М., 1959, вып. 1, с. 128.

себя. Проведение аграрной реформы стало центральной задачей уездных и волостных партийных органов. Ход ее осуществления и ее результаты обсуждались на пленумах Центральных Комитетов республиканских партийных организаций.

В условиях проведения аграрных преобразований в деревне обострилась классовая борьба. Юхан Смуул много лет спустя вспоминал обстановку в эстонской деревне в 1940 г.: «Осенью 1940 г. в Эстонии была проведена земельная реформа. Деревня разделилась — хозяева и новоземельцы. Идея национального единства, которая нам внушалась со школьной скамьи, полетела ко всем чертям. На раскаленных докрасна сходках эстонцы ругали эстонцев. Ругали яростно, от всего сердца, очень убежденно...»[66].

Крупные землевладельцы пытались оказать влияние на бедняков, заставить их отказаться от получения земли. В Елгавском уезде Латвии, например, под влиянием кулацкой агитации и по другим причинам к весне 1941 г. 567 батраков и малоземельных крестьян отказались от получения участков[67]. Имели место случаи фиктивных разделов крупных хозяйств между родственниками, разбазаривания скота, инвентаря, уничтожения урожая.

Всего в землеустроительные комиссии в трех республиках поступило 456 525 заявлений о получении наделов и прирезков. Больше всего заявлений (261 722) было подано в Литве, причем обоснованные просьбы здесь составили 53,5% [68]; часть заявлений пришлось отклонить как необоснованные, но и не все обоснованные заявления удалось удовлетворить. В Латвийской и Литовской ССР земельная реформа в основном была завершена в конце сентября — октября 1940 г. В Эстонии ее проведение затянулось на более длительный срок. В общей сложности в Советской Прибалтике свыше 200 тыс. батраков, безземельных и малоземельных крестьян (в Литовской ССР — 75,6 тыс., в Латвийской ССР — 75 тыс., в Эстонской ССР — 52,4 тыс.) получили свыше 1370 тыс. га земли[69].

В Советской России в свое время осуществлялось уравнительное перераспределение земли, крестьяне делили землю «по едокам»; в Прибалтике принцип уравнительного землепользования не применялся. При хуторской системе расселения делить землю по едокам было нецелесообразно и неудобно, к тому же этот принцип укрепил бы мелкобуржуазные иллюзии, затянул бы процесс перехода к коллективному землепользованию. А главное, в Прибалтике, где крестьянское землепользование было основано не на общинном, а на подворном земледелии, требование уравнительного землепользования не имело широкого распространения и в 1917—1919 гг., в 1940 г. оно не выдвигалось вообще.

Средние размеры вновь созданных крестьянских хозяйств в Эстонии составили 10,54 га, в Литве с ее более густым сельским населением — 7,53 га, в Латвии — 10,1 га[70]. Эти хозяйства по своим размерам в целом ряде случаев были меньшими, чем многие старые. Аграрные реформы и не преследовали абсолютного уравнения всех крестьянских хозяйств.

Аграрные преобразования ликвидировали помещичье землепользование (в Литве), урезали масштабы кулацкого землевладения и удовлетворили в значительной мере требования сельской бедноты, что было основной целью реформы. Настроение крестьян, получивших землю от Советской власти, хорошо выразили новоземельцы Лубанской волости Мадонского уезда Латвии, принявшие на своем собрании следующую резолюцию: «Мы, новые трудовые крестьяне Лубанской волости, выражаем свою радость в связи с получением земли и шлем товарищеский привет через Мадонский уездный комитет КПЛ Центральному Комитету КП Латвии»[71]. Подобных заявлений было много.

Аграрные реформы привели к росту удельного веса средних слоев крестьянства в Прибалтике. В Латвийской ССР, например, до реформы крестьянские хозяйства площадью до 5 га составляли, по данным статистики 1939 г., 26,52% всех хозяйств, а после ее проведения — 10,9%. Хозяйства размером от 5 до 20 га прежде составляли 44,64% всех хозяйств, и объединяли они 32,6% всей крестьянской земли, после реформы же их доля повысилась соответственно до 63,1 и 50%[72]. В Литве до реформы крестьянские хозяйства площадью до 5 га составляли 27,4% всех хозяйств, а после ее проведения — 17,2%. На долю хозяйств размером от 5 до 20 га прежде приходилось 55,3% всех хозяйств, что равнялось 48,5% всей земли, а после реформы эти цифры выразились соответственно в 67,1 и в 59,2%[73].

Проведя земельные реформы, коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии исправили допущенные ими в 1917—1919 гг. в аграрном вопросе ошибки. Учтя опыт социалистического переустройства сельского хозяйства в братских республиках, руководствуясь указанием В. И. Ленина о том, что переход от мелких единичных хозяйств к общественной обработке земли «ни в коем случае не может быть совершен сразу»[74], коммунистические партии республик Прибалтики стали постепенно подготавливать условия для социалистического преобразования деревни. При этом они постоянно подчеркивали и разъясняли крестьянам, что переход к коллективной обработке земли может быть совершен только в добровольном порядке. «Всякие попытки захвата личной собственности крестьян,— говорилось в соответствующей декларации Государственной думы Эстонии,— либо навязывания трудящимся крестья-

---

66 «Литературная газета», 1972, 12 января.

67 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 57, л. 17.

68 «Исторический архив», 1960, № 3, с. 38.

69 Там же, с. 42; *Удачин С. А.* Земельная реформа в Советской Латвии, с. 180; *Олескас П. И.* Борьба Коммунистической партии Литвы за преобразование сельского хозяйства.— «Вопросы истории», 1959, № 6, с. 45—46.

70 *Маамяги В. А.* Указ. соч., с. 36.

71 ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 101, оп. 2, д. 153, л. 1.

72 История Латвийской ССР, т. 3. Рига, 1958, с. 507—508.

73 *Gregorauskas M.* Tarybu Lietuvos žemės ūkis (1940—1960). Vilnius, 1960, p. 80.

74 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 356.

нам против их воли организации в колхозы решительно пресекаются, ибо они вредны интересам государства и народа»[75].

Советская власть приняла срочные меры, направленные на повышение жизненного уровня трудящегося крестьянства, помогла новым хозяйствам экономически укрепиться. Народные сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии постановили полностью освободить крестьянские хозяйства от выкупных платежей, связанных с проведенными ранее буржуазными аграрными реформами, снять с трудящихся крестьян большие суммы задолженности по налогам, по полученным ими ранее ссудам, а также по штрафам. Для оказания помощи новоземельцам были выделены кредиты, основная часть которых предназначалась для строительства жилых домов и надворных построек, для приобретения скота, инвентаря, семян, удобрений.

Следует отметить, что уже в 1940 г. на нужды кредитования новоземельцам Латвии было отпущено 14 млн. руб.[76] В январе 1941 г. Латвийская республиканская контора Сельскохозяйственного банка СССР выдала им ссуду в размере 7200 тыс. руб. на покупку лошадей, инвентаря, для нужд строительства[77]. 2668 безземельных крестьянских семей Латвии с помощью государства были переселены в другие уезды, где имелись излишки земли, и им были выделены средства и кредиты на обзаведение, на приобретение семян, удобрений. В Эстонской ССР трудящимся крестьянам в 1940—1941 гг. было выдано кредитов не менее чем на 30 млн. руб., не считая различной другой помощи. Правительство Литовской ССР отпустило крестьянам, получившим землю на обзаведение постройками и инвентарем 20 млн. литов.

Лето 1940 г. на северо-востоке Европы было неурожайным, кормов для скота крестьяне собрали мало. Поэтому из других советских республик в Прибалтику было завезено значительное количество концентрированных кормов, которые по дешевой цене продавались крестьянам. «Концентрированный корм спас наше животноводство от тяжелого кризиса, и мы смогли сохранить свой скот»,— отмечал в марте 1941 г. эстонский журнал «Большевик». В Литве крестьянам на покупки кормов был выделен специальный кредит в сумме 2 млн. руб.[78]

На основе принятого в феврале 1941 г. Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи сельскому хозяйству Прибалтийских республик» трудовому крестьянству Эстонии, Латвии и Литвы снова была оказана значительная помощь. Десятки тысяч хозяйств сумели благодаря этому обзавестись лошадьми и коровами. На землях государственного земельного фонда в республиках Прибалтики было создано 105 совхозов (51 — в Литве, 33 — в Латвии и 21 — в Эстонии), 117 МТС и 1003 машинно-коннопрокатных пунктов (в Литве соответственно — 42 и 263, в Латвии — 50 и 502, в Эстонии — 25 и 238). Создавались также подсобные хозяйства. Оборудование МТС в подавляющем большинстве было доставлено из других советских республик. Во всех трех республиках принимались меры по подготовке кадров сельских механизаторов.

Создание материально-технической базы социалистического земледе-

лия в Прибалтике стало возможным еще до коллективизации, ибо оно опиралось на социалистическую промышленность братских республик. Если в СССР в конце 1929 г. один трактор приходился на 3234 га посевной площади, то в Прибалтике уже в конце 1940 г., т. е. до создания здесь МТС,— на 1171 га посевной площади[79]. Промышленность Прибалтийских республик также учитывала нужды сельского хозяйства. Так, промышленные предприятия Литвы получили задание изготовить в 1941 г. 16 тыс. плугов, 6 тыс. борон, 2 тыс. культиваторов, 500 молотилок, столько же сеялок и т. п.[80]

Движение за создание колхозов в Прибалтике зародилось по инициативе самих трудящихся крестьян вскоре после установления власти Советов. Коммунистические партии, пропагандируя успехи колхозного строя в братских союзных республиках, поддерживали инициативу крестьян, выступавших за переход к коллективному земледелию, но подчеркивали необходимость строго соблюдать при этом принцип добровольности.

Зачинатели колхозного движения в Литве свою первую сельскохозяйственную артель назвали именем В. И. Ленина. Этот колхоз был организован в Акмянской волости Мажейкского уезда[81]. Накануне Великой Отечественной войны в Советской Прибалтике насчитывалось уже свыше 30 колхозов (не считая рыболовецких артелей), из них в Литве — около 20, в Латвии — 3, в Эстонии — 8. Кроме того, было образовано большое количество товариществ по совместной общественной обработке земли, которые зачастую являлись этапом на пути к объединению в колхоз.

Кулачество делало попытки организации своих, чисто кулацких, а также фиктивных «колхозов», равно как и товариществ по совместной обработке земли. В Латвии в Деменской волости Илукстского уезда группа даугавпилсских торговцев уже в конце июля 1940 г. оформила создание «колхоза» и привлекла к обработке его земли несколько батрацких семей. Кулак В. Данненберг (Смардеская волость Тукумского уезда), эксплуатировавший до аграрной реформы 12 батраков, выступил инициатором создания товарищества по совместной обработке земли с целью использовать крестьян-бедняков в качестве даровой рабочей силы в своем хозяйстве[82]. В Мажейкском уезде Литовской ССР неко-

---

[75] Хронологическое собрание законов Эстонской Советской Социалистической Республики, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства Эстонской ССР, т. 1, 1940—1941. Таллин, 1953, с. 10.

[76] ЦГАОР ЛатвССР, ф. 270, оп. 1, д. 16, л. 40.

[77] «Brīvais Zemnieks», 16.V.1941.

[78] Собрание постановлений и распоряжений Правительства Литовской ССР, 1941, № 7 (10), с. 428.

[79] *Маамяги В. А.* Указ. соч., с. 38.

[80] Государственный план народного хозяйства Литовской ССР на 1941 год и I квартал 1941 года. Каунас, 1941, с. 10, 22, 23.

[81] ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771, д. 8, л. 148.

[82] *Жагар Э. А.* Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны.— В кн.: В дни войны, с. 44.

торые кулаки, землевладения которых при проведении аграрной реформы были сокращены, пытались создать коллективное хозяйство путем объединения всех своих бывших земель, т. е. «колхоз», по их замыслу, должен был объединить кулаков, а также и батраков, и бедняков, получивших наделы за счет сокращения кулацких хозяйств [83].

Хотя позиции кулачества в Прибалтике в результате мероприятий Советской власти в 1940—1941 гг. были в некоторой мере ослаблены, оно все еще представляло собой серьезную силу в деревне. В Литовской ССР в конце 1940 г. насчитывалось 70,3 тыс. крестьянских хозяйств (около 19% общего числа хозяйств), применявших труд постоянных наемных рабочих. По найму в крестьянских хозяйствах работало 106 тыс. батраков, из них 62,2 тыс. работали в 26,5 тыс. хозяйств, эксплуатировавших по 2—4 работника [84]. В целях прекращения жестокой эксплуатации батраков правительство Литовской ССР разработало и утвердило «Правила найма сельскохозяйственных рабочих в частных хозяйствах».

Ликвидация крупнокапиталистической системы в сельском хозяйстве и сокращение кулацкого землепользования, положившее начало политике ограничения и вытеснения кулачества, а также резкое увеличение удельного веса середняка явились большим завоеванием Советской власти в республиках Прибалтики. Это подняло авторитет власти Советов в глазах трудящихся крестьян, которые все больше убеждались, что ее политика полностью соответствует их интересам — интересам сельских рабочих, батраков, бедняков и середняков. В Прибалтике, в отличие от других братских республик в период Октября, в 1940—1941 гг. не было необходимости в нейтрализации середняка. Он уже на выборах в народные сеймы Латвии, Литвы и в Государственную думу Эстонии в июле 1940 г. выступал союзником рабочего класса. Конечно, не все середняки активно поддерживали новую власть; часть из них в силу двойственной природы крестьянина заняла выжидательную позицию. Но против Советской власти середняки не выступали, ее мероприятий не саботировали. Аграрная политика Советской власти способствовала дальнейшему сплочению всех трудящихся. Секретарь ЦК КП Литвы А. Снечкус отметил на V съезде Компартии Литвы: «Мы добились больших побед, укрепляя союз рабочих и крестьян — крепчайшую основу советского строя во всей стране» [85]. Это был большой успех. В. И. Ленин, говоря в марте 1919 г. о значении союза рабочего класса и крестьянства, указывал: «В этом союзе — вся главная сила и опора Советской власти, в этом союзе — залог того, что дело социалистического преобразования, дело победы над капиталом, дело устранения всякой эксплуатации будет доведено нами до победного конца» [86].

Национализация земли и проведение советской аграрной реформы явились мощным ударом по частной собственности крупных эксплуататоров в деревне, они укрепили союз рабочего класса и крестьянства и знаменовали собой шаг на пути к социализму.

4. Начало культурной революции

В докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Л. И. Брежнев отметил, что Латвию, Литву и Эстонию к моменту вхождения в Союз ССР нельзя было причислить к отсталым национальным окраинам [87]. Но тем не менее культурная революция в Прибалтике, как и повсюду, где народ встает на путь строительства социализма, была исторически необходима. Процесс революционных преобразований коснулся буквально всех сторон культурной жизни, он был тесно связан с процессом борьбы за создание советской системы народного образования, за переход интеллигенции, ранее служившей интересам буржуазии, на советские позиции, за создание новой, социалистической интеллигенции, с борьбой за полное освобождение народа от дурмана, который распространяла буржуазно-националистическая пропаганда, за воспитание народа в духе социалистической идеологии; он оказал свое влияние на литературу и печать в целом, на работу театров и музеев, на все виды искусства и науку.

Коммунистические партии Прибалтики в работе с интеллигенцией опирались прежде всего на представителей пролетарской культуры, находившихся уже ранее в рядах Коммунистической партии или близко примыкавших к ней по своим убеждениям.

В Эстонии это были прежде всего пролетарский писатель коммунист И. Лауристин-Мадарик, возглавивший Совет Народных Комиссаров республики, пролетарский писатель П. Кээрдо, демократические писатели И. Варес-Барбарус — глава народного правительства, А. Якобсон, И. Семпер, Ю. Сютисте, активно овладевавшие методом социалистического реализма; руководящие деятели революции А. Веймер, И. Саат, Х. Хаберман — коммунисты с подпольным стажем, впоследствии ставшие академиками Академии наук ЭССР; Х. Круус, И. Вабель, Ю. Нут — видные ученые Тартуского университета и Таллинского политехнического института; художники А. Йохани, А. Бах, К. Лийманд и многие другие.

В Латвии Советская власть могла надежно опираться на таких деятелей культуры, как писатели А. Упит, В. Лацис (председатель СНК республики), Э. Бирзниек-Упит; режиссеры Э. Смилгис и А. Амтманис-Бриедитис; композиторы Е. Медынь, М. Заринь, Алфр. Калнынь, Э. Мелнгайлис; художники Х. Ликумс, А. Лапинь, В. Владманис, О. Скулме; скульпторы Э. Мелдерис, Т. Залькалн; ученые А. Кирхен-

---

[83] *Ефременко А.* Указ. соч., с. 210.

[84] ЦГА ЛитССР, ф. 764, оп. 1, д. 127, л. 44.

[85] Цит. по кн: Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 4. М., 1955, с. 108.

[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 237.

[87] *Брежнев Л. И.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 17.

штейн, Арв. Калнынь; историк и педагог Я. Лиекнис; врач П. Страдынь и многие другие.

В Советской Литве в созидательную работу без колебаний включилась большая часть прогрессивной интеллигенции: писатели С. Нерис, П. Цвирка, А. Венцлова, К. Корсакас, Т. Тильвитис, Ю. Балтушис; художники В. Мацкявичюс, В. Юркунас, Л. Вайнейките, И. Тречекайте-Жебенкене, В. Грибас, Ю. Микенас; композиторы С. Шимкус, Б. Дварионас; ученые А. Пуренас, В. Кузьма, Ю. Матулис, Т. Иванаускас, П. Пакарклис и др. Журналист-антифашист Ю. Палецкис стал главой Народного правительства.

Активно помогали работе по созданию основ социалистической культуры прибывшие в Прибалтику из других советских республик деятели культуры, ученые, журналисты, партийные работники (эстонской, латвийской и литовской национальностей): Р. Антонс, К. Куре, И. Кэбин, Э. Пялль (Х. Ангервакс), А. Рауд — в Эстонии; А. Пельше, П. Валескалн. Я. Остров, Я. Страздынь, Я. Юрген, В. Мишке, К. Граудин, Я. Авотынь — в Латвии; К. Прейкшас, Э. Озарскис, И. Гашка, Ю. Витас, М. Ходосайте, В. Вишняускайте — в Литве. Многие из них были политэмигрантами, а также участниками Октябрьской революции и гражданской войны. Имея за плечами солидный опыт участия в строительстве социализма, идеологической работы, они сразу же развернули активную деятельность и внесли много ценного и полезного в дело строительства социализма в Прибалтике.

Хотя случаев открытого саботажа мероприятий Советской власти в области культуры со стороны буржуазной интеллигенции было немного, все же процесс строительства новой культуры протекал в острой борьбе с носителями буржуазной идеологии, прежде всего с буржуазными националистами. «Одна часть интеллигенции, верно служившая буржуазии,— писал в 1940 г. эстонский писатель, министр просвещения в Народном правительстве И. Семпер,— несомненно, враждебна новому строю» [88].

Основные массы интеллигенции Эстонии, Латвии и Литвы пошли за Коммунистической партией, активно участвуя в строительстве советской культуры, способствуя укреплению советского строя. Прежние иллюзорные надежды интеллигенции на создание «независимых» буржуазных государств, которые-де приведут к расцвету национальных культур, давно уже развеялись. И в то же время опыт строительства социалистической культуры в СССР наглядно убеждал в правильности социалистического пути развития, создающего условия для быстрого прогресса национальной культуры. Интеллигенция постепенно порывала со старыми взглядами, истинами, у нее вырабатывалось новое отношение к окружающей действительности.

В первые годы существования Советской России ресурсы страны в результате длительной изнурительной войны не давали возможности полностью удовлетворить тягу трудящихся к просвещению, а порой правительство вынуждено было даже идти на сокращение ассигнований для

нужд образования[89]. В Прибалтийских советских республиках в 1940—1941 гг. положение было иным. Переход власти к Советам совершился мирным путем, без гражданской войны, не нанося какого-либо ущерба экономике. К тому же существенное значение имела помощь, оказанная правительством СССР.

В начале 1939/40 учебного года в Литве работало 27 неполных средних школ (прогимназий) и 69 средних школ (гимназий), в которых обучалось 20 тыс. учеников[90]. На 1 января 1941 г. в Литве действовали уже 52 неполные средние школы и 72 средние школы (44 тыс. учеников)[91]. Число учителей увеличилось на 1300 человек. В вузах Литовской ССР в 1940/41 учебном году обучалось 6 тыс. человек, тогда как в последний год господства буржуазии число студентов составляло лишь 3990. В буржуазной Литве насчитывалось 181 тыс. неграмотных и 223 тыс. малограмотных. Теперь развернулась большая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения[92]. Представители прогрессивной интеллигенции Литвы обратились к трудовым интеллигентам республики с призывом включиться в кампанию по ликвидации неграмотности и малограмотности в республике[93].

В Латвийской ССР, особенно в ее восточной части — Латгалии, где 27,1% населения не владело грамотой, ликвидации неграмотности также уделялось серьезное внимание, однако этот вопрос не был главным даже в самом начале культурной революции. По данным статистики, в 1935 г. неграмотные среди населения Латвии в возрасте старше 10 лет составляли 11,15%[94], в возрасте 15—50 лет не умели писать 106,5 тыс. человек, читать — 78,4 тыс.[95] 11 ноября 1940 г. Совнарком Латвийской ССР постановил ликвидировать неграмотность среди взрослого населения (в возрасте от 15 до 50 лет) к 1 мая 1942 г. Руководство этой работой было возложено на Наркомат просвещения. В работу по ликвидации неграмотности включились около 40 тыс. человек[96].

В Латвийской ССР численность учеников в школах за год Советской власти возросла: в неполных средних школах — на 17 тыс., в средних — на 8200 человек. Была открыта 51 новая школа с 467 классами. В 1941 г. предусматривалось построить и завершить строительство 9 новых средних школ и, кроме того, 29 школ в сельской местности на 6 тыс. учеников[97]. Увеличилось, в сответствии с пожеланиями родителей, число школ, в которых обучение велось на русском и белорусском языках. Шестилетняя неполная средняя школа была преобразована в семилетнюю,

---

88 «Looming», 1940, № 9, lk. 960.

89 Съезды Советов в документах, т. 1. М., 1959, с. 218.

90 «Lietuvos statistikos metraštis», t. 12, 1939, p. 73, 75.

91 Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, t. 1 (16), 1968, p. 77.

92 ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 13, д. 16, л. 102.

93 «Tiesa», 3.IV.1941.

94 «Latvijas statistikas gada gramata, 1939.g.». Rīga, 1939, 8.lpp.

95 ЦГАОР ЛатвССР, ф. 765, оп. 1, д. 43, л. 1.

96 Там же, л. 13.

97 «Jaunais Komunārs», 28.III.1941.

была введена единая двенадцатилетняя общеобразовательная школа (в отличие от десятилетних школ в большинстве других союзных республик).

В Эстонии, где еще в доктябрьский период почти все население было грамотным, проблемы ликвидации неграмотности не существовало (хотя незначительное количество неграмотных имелось и здесь). В республике упор делался на изучение русского языка, как языка межнационального общения народов СССР. Это было крайне необходимо, поскольку в годы буржуазно-националистической диктатуры правящие круги преднамеренно препятствовали изучению русского языка и распространению сведений о советской действительности. Численность учеников в общеобразовательных школах в Эстонской ССР за первый год Советской власти увеличилась на 33%. Всеобщее обязательное образование было продлено на один год — до 7 лет. Были выделены средства на строительство 20 новых школ.

Дети трудящихся были освобождены от платы за обучение в средних общеобразовательных и специальных школах, а также в вузах. Дети родителей, живших не на свои трудовые доходы, за обучение в средней школе и вузах должны были платить. Дети нуждающихся родителей обеспечивались бесплатными завтраками, снабжались за счет государства одеждой и обувью. В техникумах и вузах студенты из среды трудового народа обеспечивались стипендиями.

В школах были созданы комсомольские и пионерские организации. В мае 1941 г. в Литве было 43,5 тыс. пионеров. В Риге под Дворец пионеров, который стал центром массовой пионерской работы в Латвии, было отдано здание Рижского замка. Летом 1941 г. начали работу пионерские лагеря, около половины пионеров, приехавших в лагеря, отдыхали по бесплатным путевкам.

Следует отметить, что в первые годы после революции в Советской России для обучения детей и молодежи не хватало пролетарских кадров. Поэтому В. И. Ленин в 1922 г. отмечал, что «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом, в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»[98]. В Прибалтийских республиках в 1940—1941 гг. благодаря существованию братских советских республик, построивших основы социализма, условия были иными. Сразу же были приняты меры, направленные на то, чтобы закрыть в учебных заведениях пути к развращению молодежи буржуазной идеологией. В старой школе правящая верхушка стремилась втянуть все учительство в свои националистические организации, не брезгая при этом и методами прямого принуждения. Советская власть сменила реакционных директоров школ и учителей, вернула на работу в школу преподавателей, уволенных в годы разгула фашистской реакции. В Эстонской ССР на основе Постановления Совнаркома республики от 15 октября 1940 г. «О мерах против антисоветских элементов в школах Эстонской ССР» было отстранено от работы 5% учителей на-

чальных и 15% учителей средних школ [99]. Принимались меры к подготовке учителей из среды верных Советской власти людей, для чего организовывались курсы подготовки учителей. В Латвийской ССР на базе учительских институтов были созданы государственные педагогические институты в Елгаве и Резекне.

Значительным событием в идейной жизни явились съезды учителей, состоявшиеся во всех республиках Советской Прибалтики в 1940 г. Они ознаменовали активный поворот учительства к строительству новой жизни, одобрение им мероприятий Советской власти в области просвещения. Большое значение имели разработка новых учебных программ, подготовка новых учебников. При этом был учтен опыт школ и вузов братских республик. Поповщине доступ в школы был закрыт. Народное правительство Литвы уже 1 июля 1940 г. порвало соответствующий конкордат с Ватиканом, подписанный фашистским правительством.

Важным мероприятием Советской власти в области народного просвещения была и организация школ для взрослых. В Литовской ССР, например, было организовано 146 начальных, 11 неполных средних и 2 средние школы, в которые поступили около 22 тыс. человек.

Широкое распространение в Латвии и Литве получили народные университеты. В Латвии на 1 декабря 1940 г. работало 20 народных университетов, причем при них были группы, готовившие слушателей к экзаменам в объеме средней школы. Кроме того, осенью 1940 г. начали работу 8 народных консерваторий и 2 музыкальные школы. В Литовской ССР действовали 8 народных университетов, насчитывающих 5770 слушателей и 173 лектора [100].

Реорганизация работы вузов, особенно университетов, происходила в условиях острой идеологической борьбы. Ректоры университетов были сменены, лишились кафедр наиболее реакционно настроенные профессора, теологические факультеты были ликвидированы. Прекратили свою деятельность буржуазно-националистические и клерикальные организации, общества, корпорации, прививавшие студенчеству чуждые трудящимся идеи, нравы, обычаи. Высшие школы подверглись реорганизации в соответствии с общесоюзной структурой: утвердились курсовая система, экзаменационные сессии, обязательное посещение лекций; во всех вузах были созданы кафедры марксизма-ленинизма.

Принимались меры к изменению социального состава студенчества. Для подготовки детей рабочих и трудовых крестьян к поступлению в вузы были открыты специальные подготовительные курсы, слушатели которых содержались за счет государства. Однако сразу же добиться резкого перелома было трудно. В Латвийском государственном университете дети рабочих составляли всего лишь 17% студентов, примерно

---

[98] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 52.

[99] *Tomasson E.* Eesti NSV üldhariduslikud koolid ja õpetajaskond Noukogude võimu esimesel aastal 1940—1941. Tallinn, 1966, lk. 92.

[100] «Tarybų Lietuva», 18.IV.1941.

столько же детей рабочих было в Сельскохозяйственной академии в Елгаве.

16 января 1941 г. была основана Академия наук Литовской ССР. В начале 1941 г. был учрежден оргкомитет для создания Академии наук Латвийской ССР. Предполагалось осенью 1941 г. открыть в Риге медицинский институт. При Тартуском государственном университете стал действовать научно-исследовательский институт — предшественник Академии наук Эстонской ССР.

Создавалась широкая сеть культурно-просветительных учреждений. В Эстонской ССР были основаны Музей истории и революции, Музей естественных наук, Музей театра, Тартуский художественный музей, Мемориальный музей Ф. Р. Крейцвальда — отца эстонской песни. В Латвии во второй половине 1940 г. были основаны Музей революции, Центральный музей краеведения. В Литовской ССР был издан закон об охране культурных памятников [101]. Многие культурные ценности, прежде не доступные народу, стали теперь его достоянием. Во дворце графа Тышкевича в Паланге, например, были обнаружены коллекции картин, гравюр, уникальная мебель. Подобные ценности были найдены и во многих других имениях. Уполномоченные учреждения охраны памятников культуры посетили около 1 тыс. имений, зарегистрировали культурные и исторические ценности. Часть из них была передана музеям. Заметно расширилась сеть библиотек, было открыто 398 изб-читален, ставших очагами советской культуры на селе. Был основан Дом народного творчества. В сельских местностях были созданы сотни красных уголков. Они получили большое распространение в восточных уездах Латвийской ССР. В уездах западной части Латвии в 1940—1941 гг. популярность у крестьян завоевали «красные вечера», на которых слушались лекции на политические и сельскохозяйственные темы.

В 1940—1941 гг. в республиках Прибалтики велась пропаганда революционных традиций. Большую работу в этом направлении осуществляли организации МОПР, особенно в Литовской ССР. В Латвийской ССР устраивались шествия к местам захоронения борцов революций 1905—1907 и 1917—1919 гг. и митинги, организовывались встречи с участниками революционного движения. У трудящихся эстонского города Валга и латвийского города Валки установилась традиция совместно отмечать революционные праздники.

Началась интенсивная работа по изданию трудов классиков марксизма-ленинизма на латышском, литовском и эстонском языках. Традиции пролетарской культуры, большевистская принципиальность и боевитость способствовали росту авторитета советской печати. В Литве, например, только за 6 месяцев количество подписчиков на газеты и журналы увеличилось вдвое. На языки латышский, литовский и эстонский переводились и издавались массовыми тиражами произведения советских писателей — М. Горького, А. Фадеева, В. Маяковского, Н. Островского, А. Серафимовича и др. В то же время издавались произведения классиков народов Прибалтики, пролетарских писателей и поэтов.

В Литве ярко раскрылось дарование замечательного литовского поэта В. Монтвилы, который воспел величие недавних революционных событий, показал глубину и размах совершившейся революции. В стихотворениях «Ленину», «Песня о Ленине» поэт создал образ великого революционного вождя. Стихотворение С. Нерис «Путь большевика», «Четыре», «Слово о Ленине», поэма Т. Тильвитиса «Пахари» и другие произведения имели большое идейно-политическое значение.

Поэма Ю. Сютисте «Земля поворачивается на восток» остается до наших дней непревзойденным поэтическим произведением, отражающим революционные события 1940 г. в Эстонии. Его же стихотворение «Грузия», пронизанное идеей дружбы советских народов, также занимает выдающееся место в эстонской советской поэзии. Стихотворение «Воссоединение» Я. Кярнера, посвященное вступлению Эстонской ССР в состав Советского Союза, отражало чувство единства с братскими советскими народами:

Велик Союз сплоченностью народной,
единством сил, отвагой огневой;
исполненный любовью благородной,
народ готов отдать стране родной
все, что Отчизне надо для цветенья:
упорство, силу, волю, вдохновенье.
Моя душа трепещет новой силой:
я — тоже сын той трудовой семьи,
что творческой рукой преобразила
и подняла шестую часть земли [102]

И. Барбарус, М. Рауд и многие другие эстонские поэты столь же горячо воспевали новую эпоху в жизни эстонского народа.

В Латвии были изданы произведения латышского революционного писателя Л. Паэгле, расстрелянного буржуазными палачами в 1921 г. писателя-коммуниста, члена ЦК КП Латвии А. Берце-Арайса. Широкую популярность среди трудящихся в 1940—1941 гг. завоевала поэзия великого латышского революционного поэта Я. Райниса. Было издано 11 отдельных его работ и сборников стихов. 11 сентября 1940 г., в годовщину смерти Я. Райниса, Президиум Верховного Совета Латвийской ССР присвоил ему (посмертно) звание народного поэта Латвии, было принято решение об открытии Музея Райниса. На могиле поэта состоялся митинг, сотни трудящихся Риги во главе с членами правительства и ЦК КП Латвии почтили память Я. Райниса.

В октябре 1940 г. начал свою деятельность оргкомитет Союза писателей Латвийской ССР, подготовивший создание Союза советских писа-

---

[101] «Vyriausybės žinios», 1940, Nr. 720.
[102] *Кярнер Яан.* Избранное. Таллин, 1949, с. 101—102. (Пер. с эст. яз. А. Соколов).

телей Латвии. Его ядро составили плодотворно работавшие революционные писатели А.Упит (председатель союза), В. Лацис, Я. Ниедре, Ю. Ванаг, И. Леманис, А. Балодис, Я. Судрабкалн, В. Лукс и др. Союз писателей провозгласил в своей декларации, что писатели Советской Латвии не могут стоять в стороне от повседневной работы народа. Как члены семьи народов Советского Союза, они должны активно участвовать в строительстве социалистического общества. В середине июня 1941 г., за несколько дней до нападения фашистской Германии на СССР, состоялся I съезд советских писателей Латвии. В решениях съезда подчеркивалось, что основная задача советской литературы заключается в служении народу и социалистической Родине. В работе съезда приняли участие писатели братских республик — А. Фадеев, Н. Тихонов, А. Прокофьев, А. Корнейчук, Янка Купала и др.

В конце 1940 г. был основан Союз советских писателей Литовской ССР. Его ядро составили П. Цвирка (председатель), С. Нерис, В. Монтвила, Т. Тильвитис, А. Венцлова, К. Корсакас, Ю. Балтушис, И. Шимкус, К. Борута, И. Марцинкявичюс, ранее принадлежавшие к антифашистскому крылу литовской литературы. К ним присоединились многие писатели старшего поколения.

В октябре 1940 г. Совет Народных Комиссаров Эстонской ССР утвердил оргкомитет Союза советских писателей Эстонской ССР. В него вошли А. Якобсон (председатель), А. Алле, Э. Хийр, М. Юрна, П. Кээрдо, Ф. Туглас, О. Ургарт — цвет писательских сил республики.

С вступлением Прибалтийских республик в состав СССР литература Прибалтийских республик обрела миллионы новых читателей, она стала составной частью многонациональной советской литературы. Уже осенью 1940 г. в Москве был издан однотомник избранных произведений Я. Райниса, печатались рассказы других писателей Прибалтики. Семидесятилетие латышского писателя Э. Бирзниека-Упита отмечалось не только в Латвии, но и в Москве.

Заметно оживился интерес населения Прибалтики к театральному искусству. В дополнение к имевшимся 25 театрам было основано еще 11 новых, из них 7 — в Литовской ССР. Особой популярностью пользовались советские пьесы. Во всех трех республиках была поставлена опера И. Дзержинского «Тихий Дон», пьеса Б. Лавренева «Разлом», В. Иванова «Бронепоезд 14-69». В Эстонской ССР с успехом шла и новая пьеса местного автора — М. Рауда «Меч в воротах». Ленинградский режиссер А. Винер поставил в театре «Эстония» оперу «Травиата». Эта постановка явилась наиболее грандиозной и успешной во всей истории эстонского оперного театра. Удачный выбор репертуара, четкая идейно-художественная направленность и высокий профессиональный уровень постановок обеспечили театральному сезону 1940/41 г. одно из самых почетных мест в истории театрального искусства Эстонии. В республиках Прибалтики побывали многие ведущие актеры и исполнители Москвы (Д. Ойстрах, Я. Флиэр, Э. Гилельс, Л. Орлова и др.). Актеры МХАТ дали в городах Латвии в июле — августе 1940 г. около 20 спектаклей. Зрители

тепло встретили выступления ансамбля песни и пляски Красной Армии под руководством А. В. Александрова и других коллективов.

В Латвийской ССР в 1940—1941 гг. были закончены съемки и монтаж первого латышского советского кинофильма «Каутурнеши» — о восстании крестьян в 1802 г.

Были заложены основы союзов советских композиторов Латвии, Литвы и Эстонии. В Риге, Вильнюсе и Таллине были созданы государственные филармонии. Композиторы отражали в своем творчестве новую жизнь на своей родине. В Эстонской ССР был объявлен конкурс на лучшую массовую советскую песню, в которой приняли участие 72 композитора и музыканта, представившие 99 произведений. Произведение В. Ыунапуу, занявшее первое место, называлось «Песня рабочих». В нем говорилось о счастье освобожденного труда, о рабочем человеке, стряхнувшем со своих плеч гнет буржуазии и смело устремляющемся в свое счастливое будущее. Песню подхватила молодежь и понесла ее в народ [103].

Творческой активностью характеризовалась и деятельность художников. График А. Бах-Лийманд, народный художник ЭССР, вспоминая события 1940 г., позднее писала: «Дышать стало сразу легче, будто вышла из душного чулана, и это повлияло головокружительно. Наступило время, которого мы ждали и на которое надеялись. Мир стал просторнее, жизнь — перспективнее, почва под ногами — тверже» [104]. Началась организация союзов художников Латвии, Литвы, Эстонии. Каунасская и Вильнюсская художественные школы были преобразованы в художественные институты. Художественно-промышленная школа в Таллине была реорганизована в Государственное художественно-прикладное училище имени Я. Коорта, которому были предоставлены права вуза. В Риге Государственная академия художеств была переведена в одно из самых красивых зданий города.

Художники также овладевали методом социалистического реализма. Литовский художник П. Калпокас работал над тематической картиной «Встреча Красной Армии в Каунасе в 1940 году», В. Мацкявичюс создал панно «Раздел помещичьей земли». Эстонский художник А. Йохани вдохновенно писал картину «Демонстрация трудящихся Тарту 21 июня 1940 года», график Р. Кальо создал графический лист «Освобождение политзаключенных». Известнейший латышский скульптор Т. Залькалн начал работу над памятником В. И. Ленину.

Новым явлением в художественной жизни явилось зарождение агитационного искусства, наглядной пропаганды.

Подобно буйному росту зеленой листвы после благодатного весеннего дождя, раскрывались художественные способности трудящихся. Интенсивно развивалась художественная самодеятельность, открыва-

---

[103] *Карпенко П.* Первая скрипка.— «Советская Эстония», 1967, 5 января.

[104] *Bach-Liimand A.* Elu läks avaraks.— «Sirp ja Vasar», 3.XI.1967.

лись народные дома и клубы, множились кружки народного танца, драматические коллективы, хоры. Широкий размах приняла подготовка к декадам латвийской, литовской и эстонской литературы и искусства, которые намечено было провести в Москве во второй половине 1941 г.

Культуры народов Прибалтики переживали подлинный подъем. Они развивались в направлении углубления своих прогрессивных черт и традиций, стали отражать интересы трудящихся и были поставлены на службу широких народных масс. Одновременно начался процесс обогащения и приобщения к социалистическим по своему содержанию культурам братских советских народов, закладывались основы и создавались условия для взаимообогащения культур народов Прибалтики и других народов СССР.

5. Повышение материального благосостояния трудящихся

С первых же дней своей деятельности советские правительства Прибалтийских республик приняли меры к повышению жизненного уровня трудящихся. Заработная плата рабочих и служащих была увеличена на 30—60%. Оплата женского труда была уравнена с оплатой труда мужчин. В ноябре 1940 г., после введения в обращение советских денежных знаков, заработная плата рабочих Эстонии, Латвии и Литвы достигла уровня заработной платы в других советских республиках. Введение общесоюзных розничных цен на промышленные товары привело к повышению цен на некоторые товары (в Эстонской ССР, например, на кожаные изделия, электроприборы и радиотовары, предметы украшения, сельскохозяйственные машины), однако это не сказалось существенно на уровне материального положения населения. В апреле 1941 г. председатель СНК ЭССР. И. Лауристин отметил на сессии Верховного Совета ЭССР, что реальная заработная плата эстонского рабочего класса по сравнению с маем 1940 г. возросла на 25—30% [105].

Повышению материального благосостояния трудящихся способствовали значительные успехи в деле ликвидации безработицы, введение для трудящихся бесплатного среднего и высшего образования, установление стипендий студентам, значительное расширение круга лиц, получающих государственные пенсии, пособия в случаях болезни, инвалидности, государственная помощь многодетным матерям, система государственных мероприятий, направленных на охрану материнства и детства, введение бесплатной медицинской помощи. Расходы государства на социальное обеспечение населения возросли во всех трех республиках. В Литовской ССР они, например, в 1941 г. увеличились почти в 6 раз. Была значительно расширена сеть лечебных и профилактических учреждений. На крупных предприятиях создавались профилактории. На 1 февраля 1941 г. только в Каунасе имелось 9 профилакториев, которые обслуживали 53 предприятия с 8869 рабочими.

С первых же дней своего существования Советская власть стала уделять серьезное внимание улучшению жилищно-бытовых условий трудящихся. Резко снизилась квартирная плата, а также плата за коммунальные услуги. Началось переселение семей рабочих из трущоб, бараков и подвалов в благоустроенные квартиры и комнаты. В Литве в национализированных домах для этого было выделено до февраля 1941 г. 12,5 тыс. комнат; около 2 тыс. семей переселилось в новые квартиры. Принимались меры к интенсификации жилищного строительства. К концу апреля 1941 г. было построено 784 новые квартиры [106].

Советская аграрная реформа и оказание материальной помощи беднейшим слоям крестьянства положительно сказались на жизненном уровне значительного слоя сельского населения. В Прибалтийских республиках начался быстрый процесс ликвидации батрачества — самой нищенской и бесправной категории сельских тружеников в капиталистическом обществе. В Литовской ССР в 1940—1941 гг. численность батраков сократилась почти наполовину. И в то же время складывался качественно новый отряд сельских рабочих, работников совхозов, МТС и других социалистических предприятий.

6. Наступление на классового врага

Процесс вытеснения капиталистических элементов из экономики и начавшийся перевод народного хозяйства на социалистические рельсы, вовлечение трудящихся масс в активное участие в управлении государством и работа по коммунистическому перевоспитанию народа неизбежно должны были и действительно встретили яростное сопротивление свергнутых эксплуататоров. IV съезд Компартии Эстонии (февраль 1941 г.) отметил: «Съезд предупреждает партийные организации, что решение этих задач будет связано с неизбежными трудностями, бешеным сопротивлением классового врага» [107].

Мирная победа социалистических революций в Эстонии, Латвии и Литве дала буржуазии и ее приспешникам возможность сохранить некоторые позиции в экономике, государственном аппарате, сохранить кадры, служившие прежде эксплуататорским классам. Такой резкой поляризации классовых сил, какая имеет место в ходе гражданской войны, в Прибалтике в 1940 г. не произошло. Учитывая еще и то обстоятельство, что буржуазия не подняла в июне — июле 1940 г. оружия против трудящихся, Советская власть предоставила основной массе сотрудников бывшего буржуазного государственного аппарата возможность проявить себя на работе в пролетарской государственной системе. Однако некоторая часть представителей старого режима и носителей бур-

---

[105] *Lauristin J.* Esimene nõukogude aasta. Tallinn, 1946, lk. 148.

[106] *Surblys K.* Tarybų Lietuvos darbininkų klasė. Vilnius, 1965, p. 54.

[107] 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis, Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, lk. 365.

жуазной идеологии злоупотребляла этим гуманным отношением Советской власти.

Классовый враг вел борьбу против власти Советов повсюду, он никак не хотел примириться с тем, что капиталистический строй канул в вечность. Классовая борьба шла в городах и селах, на заводах и в учреждениях, в школах и университетах. Силы старого мира оказывали новому, социалистическому строю упорное сопротивление. Но открыто враги выступали редко, они действовали больше исподтишка, запугивая трудящихся расправой, распуская различного рода провокационные слухи, раздувая националистические настроения, составляя для вражеских разведок списки и картотеки на активных сторонников рабоче-крестьянской власти. В период национализации владельцы предприятий нередко переставали заботиться о пополнении запасов сырья и топлива, пытались утаить и разбазарить готовую продукцию. Имели место факты саботажа и даже поджогов. В Литве, например, прокуратура привлекла к ответственности за вредительство и саботаж более 20 бывших хозяев предприятий [108]. При проведении аграрной реформы имели место случаи включения представителями старого режима, работавшими в землеустроительных комиссиях, в государственный земельный фонд худших земель вместо наиболее плодородных участков, принадлежащих крупным землевладельцам с целью сохранения этих участков за их прежними хозяевами [109].

В начале 1941 г. на Прибалтику была распространена система обязательных поставок государству крестьянскими хозяйствами зерна, картофеля, мяса, молока, шерсти. Была установлена прогрессивная норма обязательных поставок в зависимости от размера хозяйства: чем крупнее было хозяйство, тем выше была и норма поставок, причем для кулацких хозяйств эта норма резко увеличивалась. Кулаки пытались саботировать поставки, а в ряде случаев отказывались их выполнять. Саботаж государственных поставок представлял собой одну из форм классовой борьбы, к которым прибегало кулачество. Служащие соответствующих органов, ранее связанные с кулацкими элементами, в ряде случаев нарочито искажали политику Советской власти, неправильно начисляя госпоставки середнякам. Кулаки вели агитацию за срыв весеннего сева 1941 г., агитировали против МТС и МКПП, призывали бедняков и новоземельцев не брать ссуд у государства, отказываться от предоставляемой помощи.

Органы Советской власти, коммунистические партии Латвии, Литвы и Эстонии мобилизовали трудящихся на борьбу против враждебных сил. V съезд Компартии Литвы (февраль 1941 г.) отметил: «В нашей деревне сейчас имеются пролетарские и полупролетарские элементы — батраки и беднейшее крестьянство, середняки,— которые составляют основную массу деревни, и кулаки. Между этими группами всегда происходила борьба не на жизнь, а на смерть. Эта борьба не исчезла и сейчас и не исчезнет, пока в деревне будет кулак» [110]. В Латвийской ССР весной 1941 г. было национализировано 476 наиболее крупных, широко исполь-

зовавших наемный труд кулацких хозяйств. На их базе были созданы машинно-коннопрокатные пункты, а часть их земель и скота перешла во владение совхозов. Над кулаками-вредителями проводились показательные судебные процессы. Три таких процесса состоялись весной 1941 г. в Резекнеском уезде Латвийской ССР [111].

Классовые враги действовали и в государственных учреждениях, в учебных заведениях. Осенью 1940 г. в ряде школ Латвии произошли антисоветские вылазки и демонстрации. Инициаторами их, как правило, выступали отпрыски буржуазных элементов. Активную антисоветскую деятельность в подполье вели бывшие члены фашистской организации «Перконкрустс», лидер которой Г. Целминь перебрался в фашистскую Германию и пошел в услужение к гитлеровцам. Горстка реакционных литовских офицеров, придерживавшихся националистических взглядов, сеяла семена национальной вражды среди солдат, вела антисоветскую агитацию, распространяла подстрекательские слухи. Классовые враги — члены националистических военизированных организаций, распущенных народными правительствами, припрятали часть оружия в надежде на «лучшие времена», когда можно будет им воспользоваться для вооруженной борьбы против рабоче-крестьянского правительства с целью реставрации капиталистического строя.

Классовых врагов подстрекал и искусно направлял капиталистический мир. В период революции ряд буржуазных деятелей Литвы нашел убежище в гитлеровской Германии. Несколько высокопоставленных офицеров и чиновников сбежали из Эстонии и Латвии еще до революции и в ходе ее развития (полковник Р. Маазинг — первый заместитель начальника штаба эстонской армии, А. Берзинь — бывший министр общественных дел Латвии и др.). Подавляющее большинство буржуазных дипломатов Латвии, Литвы и Эстонии отказались вернуться на родину, встав на путь измены своему народу. Империалистические правительства оказывали им всемерную поддержку и использовали предателей интересов народов Прибалтики в своих антисоветских целях, финансировали их, продолжая признавать дипломатическими представителями Прибалтийских государств.

В ноябре 1940 г. в Берлине была создана контрреволюционная националистическая организация «Фронт литовских активистов», которую возглавил бывший посланник буржуазной Литвы в Германии К. Шкирпа, мечтавший стать при помощи Гитлера после реставрации капитализма премьер-министром Литвы. Большая часть латышских и эстонских эмигрантов также пошла в услужение фашистской Германии. Возникли многие контрреволюционные организации — «Легионерское движение

[108] *Surblys K.* Указ. соч., с. 40.
[109] *Ефременко А.* Указ. соч., с. 99.
[110] *Sniečkus A.* Ataskaitinis pranešimas V-me LKP(b) suvažiavime apie LKP(b) CK darbą. Kaunas, 1941, p. 23—24.
[111] *Жагар Э. А.* Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны.— В кн.: В дни войны, с. 45.

востока», «Комитет спасения», «Эстонская военно-разведывательная организация» и др.[112], объединявшие представителей реакционной части прибалтийских немцев, прибалтийскую контрреволюционную эмиграцию, русских, украинских и белорусских белогвардейцев. Эти организации, а также германские разведывательные органы создавали в Прибалтике свои центры. Так, «Фронт литовских активистов» организовал свои филиалы в Вильнюсе и Каунасе. Буржуазно-националистические и шпионские подпольные группы в Литве, Латвии и Эстонии объединяли враждебно настроенные против Советской власти элементы — членов бывших националистических организаций, буржуазных политических партий, полицейских, офицеров старых армий, бывших служащих государственного аппарата. Все эти организации и группы представляли собой в целом гитлеровскую пятую колонну в Прибалтике. Их члены питали лютую ненависть к советскому строю, ожидая лишь момента для выступления. Таким моментом могла быть только война.

Советские патриоты в обстановке напряженной классовой борьбы бдительно следили за происками врага, повышали свою готовность к отпору ему. В начале 1941 г. в республиках Прибалтики были созданы организации Осоавиахима, проводилась большая работа по подготовке допризывников к службе в Красной Армии, началось военное обучение коммунистов. Органы государственной безопасности раскрыли и обезвредили в 1940—1941 гг. в Прибалтике значительное количество гитлеровских агентов[113].

В обстановке, когда развязанная Гитлером война грозила переброситься на территорию СССР, терпеть существование гитлеровской пятой колонны и ее потенциального резерва на советской территории было бы крайней беспечностью. Серьезная угроза требовала принятия решительных мер. Степень сопротивления классового врага определила характер мер предупреждения. За несколько дней до нападения фашистской Германии на СССР наиболее скомпрометировавшие себя антинародной деятельностью лица — бывшие руководители контрреволюционных и националистических организаций, полиции, некоторые крупные капиталисты и землевладельцы, реакционные офицеры, крупные чиновники буржуазного государственного аппарата были временно переселены в глубинные районы СССР. В ходе проведения этого мероприятия были допущены отдельные просчеты. Но в целом оно было необходимым. В результате его осуществления гитлеровцы потеряли бóльшую часть своей агентуры в Литве, Латвии и Эстонии.

Все же некоторая часть враждебных антисоветских элементов, прежде всего из среды буржуазной молодежи, осталась на месте, в Прибалтике. С началом Великой Отечественной войны остатки контрреволюционных сил Эстонии, Латвии и Литвы (бывшие офицеры, студенты-корпоранты, кулаки и др.) встали на путь бандитизма, начав вооруженную борьбу против Советской власти. Эти контрреволюционные выступления и подавление их силами советских патриотов представляли собой, по существу, гражданскую войну в малых размерах, которая происходи-

ла в рамках Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков. Благодаря предупредительным мерам рабоче-крестьянской власти эта гражданская война не приняла широких размеров.

В. И. Ленин, говоря о возможности, в виде исключения, мирной уступки власти буржуазией в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее, большое, уже совершило социальную революцию, если буржуазия убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы, отметил: «Гораздо вероятнее, конечно, что и в мелких государствах без гражданской войны социализм не осуществится...» [114] История перехода народов Прибалтики на путь социализма подтвердила, что буржуазия пытается использовать для реставрации своей власти любую возможность.

Трудящиеся массы Прибалтики поддерживали мероприятия Советской власти. Советская власть добилась значительных успехов во всех областях деятельности — в создании рабоче-крестьянского государственного аппарата, в строительстве фундамента социалистической экономики, в советском культурном строительстве, в деле повышения материального благосостояния трудящихся. На фоне картины двадцатилетнего хозяйничанья буржуазии эти успехи, достигнутые всего лишь за один год существования Советской власти, убедительно продемонстрировали преимущества рабоче-крестьянского государства. Коммунисты Прибалтики за короткое время сумели укрепить Советы, комсомольские организации, в рядах которых в трех республиках насчитывалось свыше 30 тыс. членов, и значительно укрепить свои позиции в профсоюзах. Эти успехи способствовали сплочению трудящихся вокруг Коммунистической партии.

Мирное строительство шло на фоне разрушительной войны, развязанной силами империализма на Западе. И это обстоятельство говорило в пользу Советской власти, как власти, всемерно стремящейся к защите интересов народных масс, к защите мира. И поэтому, когда в результате предательского нападения гитлеровской Германии на СССР началась Великая Отечественная война, трудовой народ Прибалтики вместе со всем советским народом поднялся на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, чтобы отстоять свою Родину и завоевания власти Советов.

---

[112] *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971, с. 72.

[113] См.: Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны.— «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 20—39.

[114] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

Заключение

Восстановление Советской власти в 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии и их вступление в состав Союза ССР создали наиболее благоприятные условия для развития Прибалтийских стран во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Народы Советской Прибалтики при братской помощи других народов Советского Союза с энтузиазмом приступили к строительству новой жизни, к строительству социализма.

Латыши, литовцы и эстонцы в едином строю со всеми народами нашей многонациональной страны встали на защиту своего социалистического отечества, когда мирный созидательный труд всего советского народа был прерван вероломным нападением фашистской Германии на СССР. В рядах Красной Армии отважно сражались Латышский и Эстонский корпуса и Литовская дивизия, партизаны наносили удары по врагу на оккупированной территории, десятки тысяч эвакуированных литовцев, латышей, эстонцев в советском тылу своим трудом помогали ковать победу. Победа Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне дала возможность народам Советской Прибалтики сохранить свою свободу и независимость и продолжить начатое в 1940—1941 гг. строительство социализма.

Благодаря заботе ЦК ВКП(б), правительства СССР, помощи братских советских республик Латвия, Литва и Эстония после окончания Великой Отечественной войны смогли за короткий срок не только залечить нанесенные войной раны, восстановить народное хозяйство, но и осуществить его социалистическое преобразование.

В годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства Прибалтийские советские республики по размерам капитальных вложений на душу населения находились на первых местах среди союзных республик. «Встав на социалистический путь,— отмечал Л. И. Брежнев в докладе на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском дворце съездов 31 декабря 1972 г.,— они (Литва, Латвия, Эстония.— Ред.) показали самые высокие в Союзе темпы развития. Объем промышленной продукции в сравнении с 1940 г. вырос в Латвии в 31 раз, в Эстонии — в 32, в Литве — в 37 раз»[1]. По темпам роста производительности труда в промышленности Эстонская, Латвийская и Литовская ССР заняли среди союзных республик соответственно первое, второе и пятое места[2]. Особенно быстро развивались в Прибалтике машиностроение, металлообработка, электротехническая промышленность,

Демонстрация трудящихся Риги 1 Мая 1923 г.

16 Заказ № 2523

Рабочие Таллинского порта загружают суда.
Фото 20-х годов.

Семья эстонского безработного выселена из квартиры.
Фото 20-х годов.

Члены коммунистической рабочей фракции I государственного собрания Эстонии (1920—1921 гг.).
Слева направо: П. Раудсепп, Я. Рейнберг, Я. Санта, И. Соанс, И. Алликсо, И. Ванья, Я. Трууман, технический работник Э. Прейсман.

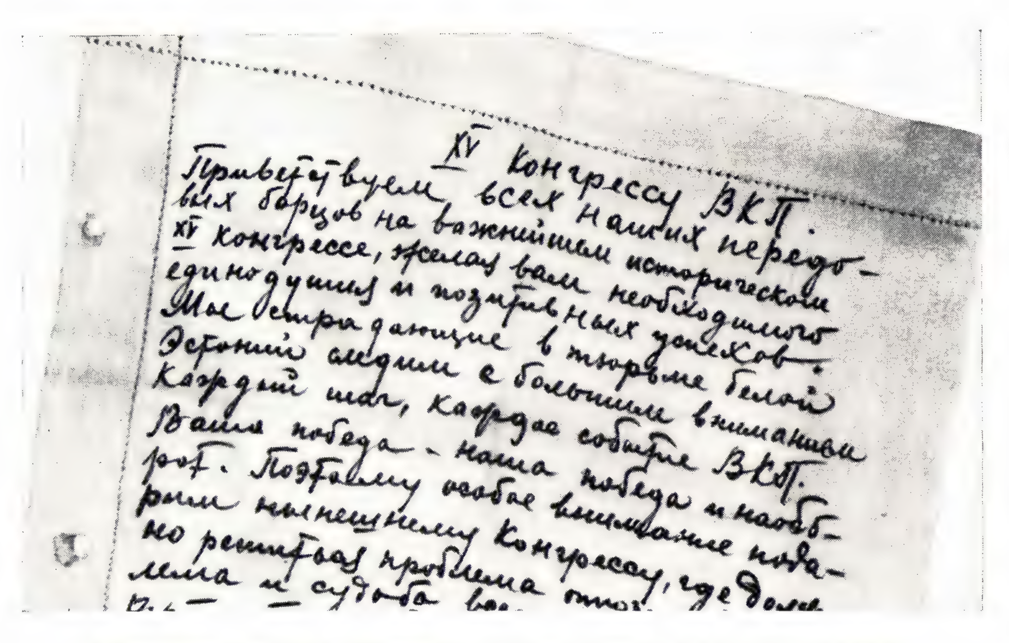
Группа делегатов IV съезда КП Литвы (1924 г.).
В первом ряду слева направо:
Б. Пушинис, З. Алекса-Ангаретис, В. Мицкявичюс-Капсукас, К. Пожела.
Во втором ряду: Ю. Грейфенбергерис М. Йонелайтис, В. Кнорин, А. Стасюнас.

Тов. Ленину.
I конгресс КСМ Эст. шлет свои горячие привет вождю Совроссии и мировой революции.
Комм. мол. Эст. с тревогой наблюдает за ходом болезни тов. Ленина и пожелает дорогому вождю международ. пролетариата скорого выздоровления.
Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин. —
Сент. 22 г. I к КСМ Э.

Приветствие В. И. Ленину
I съезда Коммунистического союза молодежи Эстонии. 1922 г.

Эстонские легальные коммунистические газеты, выходившие в 1922—1924 гг.

XV Конгрессу ВКП.
Приветствуем всех наших передо-
вых борцов на важнейшем историческом
XV конгрессе, желая вам необходимого
единодушия и позитивных успехов.
Мы, страдающие в тюрьме белой
Эстонии, следим с большим вниманием
каждый шаг, каждое событие ВКП.
Ваша победа — наша победа и наоб-
рот. Поэтому особое внимание
рим нынешнему конгрессу, где долж-
но решиться проблема

Приветствие эстонских коммунистов-политзаключенных XV съезду ВКП(б), написанное на носовом платке. 1927 г.

Группа политзаключенных в Таллинской тюрьме. 1925 г.

Открытка, посвященная памяти четырех коммунистов, расстрелянных в 1926 году: Р. Чарнаса, Ю. Грейфенбергериса, К. Пожелы, К. Гедриса. На открытке текст предсмертного письма секретаря ЦК КП Литвы К. Пожелы.

Слово к товарищам

Товарищи! Работал, сколько мог,
умираю за наше общее дело.
Призываю и вас работать, работать,
бороться до победы.

К. Пожела

Демонстрация 1 Мая 1927 г. в Таллине.

Подпольная типография ЦК КП Литвы «Кова», разгромленная полицией. Слева работники типографии: К. Крастинайте, Д. Кучинскас. Каунас. 1928 г.

LIETUVOS KOMUNISTŲ PARTIJA

Tiesa

LIETUVOS KOMUNISTŲ PARTIJOS CENTRO KOMITETO ORGANAS

Sausio 9 ir sausio 15 dienos.

KOMUNISTAS

Lietuvos Komunistų Partijos Centro Komiteto organas.

N 2 (237) kovas-balandis 1929 m. XII metai

Kominterno kovos šūkis.

Visų šalių proletarams, visų šalių pavergtiesiems ir išnaudojamiems!

Kareiviu

TIESA

Lietuvos Komunistų Partija.

LKP Centro Komiteto organas kareiviams.

Nr 1. IV metai.

Atnaujinam darbą.

„Iš kibirkšties užsidegs liepsna".

KIBIRKŠTIS

Dailiosios literatūros, meno, gamtos ir visuomenės moksl... iliustruotas darbininkų žurnalas.

Nr. 2. Balandis-Birželis 1924 m. Nr. 2

Visų šalių proletarai, vienykitės!

BALSAS

10 sausio

Darbininkų ir kalmo biednuomenės dvisavaitinis laikraštis

Visų šalių proletarai vienykitės!

DARBININKŲ ATSTOVAS

Darbininkų savaitinis laikraštis.

1926 m. gegužio mėn. 7 d

TIESA

VISŲ ŠALIŲ PROLETARAI, VIENIKITĖS!

PRIEKALAS

Nº 3 (45) KOVAS, 1935 V m

Lietuvos komunistų partijos Centro komiteto pranešimas

Литовский журнал „Коммунар".

KOMUNARA

Rusijos Komunistų Partijos Centro Komiteto Lietuvių Sekcijos mėn...

Периодические партийные издания КП Литвы в 1920—1940 годах.

Kõigi maade proletaarlased, ühinege!

KOMMUNIST

Eestimaa Kommunistliku Partei (Kominterni Sekts) häälekandja.

Maha Eesti härrasriik! Elagu Eesti nõukogude wabariik!

1. mail meie palavamad tervitused rahvusvahelise proletariaadi löök-brigaadile -- N. Liidu töölisklassile!

Wastulöök märatsewale fašismile.

1. Mal.

Первомайское приветствие рабочим СССР — ударному отряду международного пролетариата, помещенное в органе КП Эстонии («Коммунист»).

VESTURES LOZUMA BRĪDĪ.

NEATDOSIM LATVIJU HITLERAM!

Latvijas strādnieki, zemnieki, kalpotāji, inteligence, kara vīri! Latvijas jaunatne! Visi, kam dārga tautas neatkarība un brīvība! Pie jums, pie visas tautas griežas abas Latvijas Strādnieku šķiras partijas un jaunatnes savienība ar nopietnāko brīdinājumu:

Mūsu tautas dzīvības intereses ir apdraudētas! Hitlers un viņa sabiedrotie — Polijas fašisti — gatavojas okupēt un sadalīt Baltijas valstis un Latviju.

Bet Latvijas fašistu vadoņi, viņu prese un radiofons cenšas jums iegalvot, ka nekādas kara briesmas mūsu zemi neapdraudot, ka Ulmaņa „tautas valdība" nepieslienoties nevienam blokam un piekopjot neitrālitātes

diezgan plaša Hitlera jaunatnes organizācija. Zem dažādo vietējo baltvācu organizāciju maskas slēpjas īstas Hitlera spiegu centrāles. Hitlerieši Latvijā arī bruņojas un izved savas militārās apmācības, jau tagad vingrinoties Latvijas tautas slepkavošanā. Viņi organizē arī savas šūnas vairāk uzņēmumos. Viņi vervē sev aģentus armijas virsniekos, aizsargos, valsts aparātā. Viņi uzpērk Latvijas fašistisko presi, arī Ulmaņa ministrus un policiju, kura kļuvusi galīgi akla un kurla pret šo Latvijas tautas nikno ienaidnieku plašo sazvērniecisko darbību.

Latviju apdraud nevien Hitlers, bet arī viņa sabiedrotie — Polijas fašisti.

Обращения ЦК КП, ЦК СРКП и ЦК СТМ Латвии «На историческом переломе» и «Не отдадим Латвию Гитлеру!». 1938 г.

Латышские добровольцы — бойцы интернациональных бригад в Испании.
В первом ряду слева направо:
Б. Цинис, Ю. Климкан,
во втором ряду —
Э. Якобсон, Я. Аболс, Я. Тилак.

Группа литовцев — воинов интернациональных бригад в Испании, интернированных и помещенных во французский лагерь «De Milie». 1939 г.

Я. Анвельт

В. Кингисепп

Х. Пегельман

Я. Креукс

П. Стучка

Я. Берзинь-Андерсон

Я. Круминь-Пилат

Э. Зандрейтер

Я. Шилф-Яунзем

А. Берце-Арайс

Л. Лайцен

А. Яблонский

В. Мицкявичюс-Капсукас

З. Алекса-Ангаретис

К. Пожела

Ю. Грейфенбергерис

Ю. Гарялис

К. Прейкшас

И. Мескупас

К. Диджюлис

Манифестация трудящихся Риги у Дома правительства 21 июня 1940 г.

Демонстрация в Риге 14 июля 1940 г. в день выборов в Народный сейм Латвии

Рабочая гвардия Риги в 1940 г.

А. Деглав

Р. Лапинь

К. Платер

А. Калнынь

В. Клементи

Ю. Тельман

Х. Аллик

И. Лауристин

Заседает Народный сейм Литвы. Июль 1940 г.

Члены Президиума Народного сейма Литвы подписывают декларации, принятые 21—23 июля 1940 г.
Слева направо: М. Гедвилас, А. Венцлова, Л. Адомаускас, А. Гудайтис, П. Цвирка.

Президиум Верховного Совета Литовской ССР.
Избран 25 августа 1940 г. в Каунасе.

Митинг трудящихся Таллина на площади Победы в связи с провозглашением Эстонии Советской социалистической республикой. Июль 1940 г.

Делегация Эстонской ССР возлагает венок к Мавзолею В. И. Ленина.
Август 1940 г.

Члены делегации Народного сейма Латвии на митинге трудящихся в Москве на Белорусском вокзале 31 июля 1940 г.

Делегация Народного сейма Литвы в зале Кремля. Август 1940 г.

Делегация Эстонской ССР на VII сессии Верховного Совета СССР. Август 1940 г.

А. Снечкус

Ю. Палецкис

М. Гедвилас

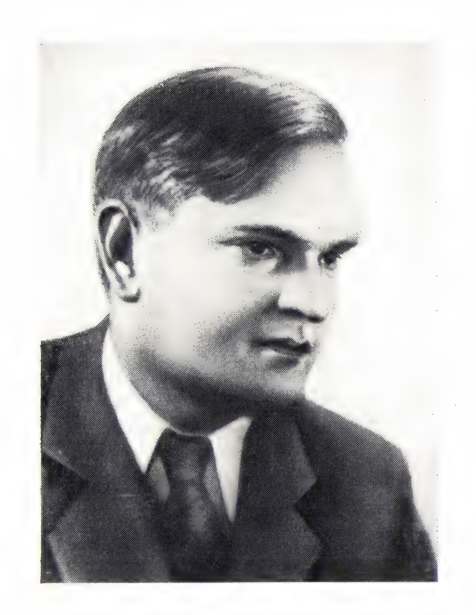
А. Пятраускас

М. Шумаускас

А. Гудайтис-Гузявичюс

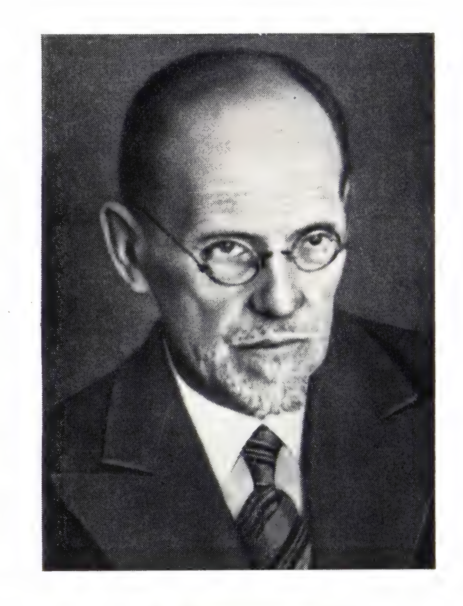
А. Венцлова

П. Гловацкас

Я. Калнберзин

А. Кирхенштейн

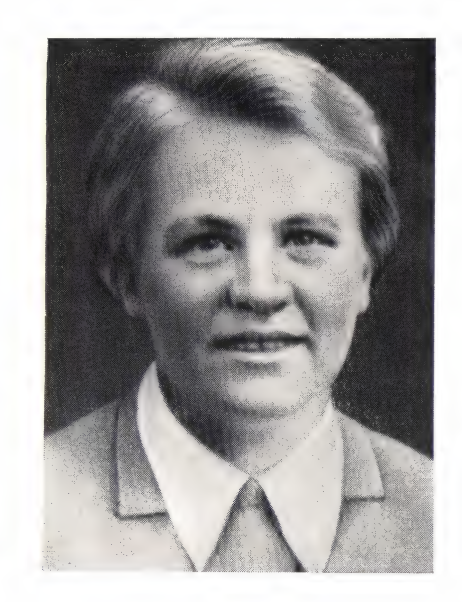
В. Лацис

А. Пельше

И. Палдыня

И. Плиесмане

М. Биркенфельде (Дзервите)

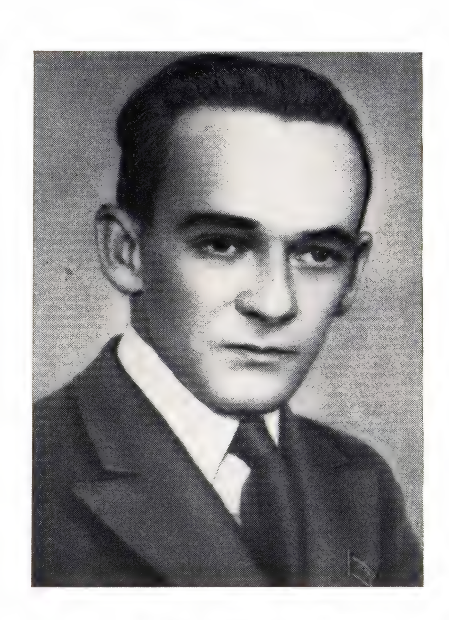
П. Плесум

Ж. Спуре

Р. Нейланд

Ф. Деглав

Г. Ликум

А. Веймер

О. Сепре

Х. Арбон

П. Кээрдо

Бригада стахановцев-строителей г. Алитуса.
Во втором ряду третий слева — бригадир И. Щербаков. 1940 г.

Новоселы получают землю от Советской власти. 1940 г.

Занятия на курсах ЦК ЛКСМ Литвы в Каунасе для секретарей уездных и первичных организаций. 1940 г.

Рабочие Каунасского мясокомбината — участники художественной самодеятельности в выходной день. 1940 г.

Встреча делегации Народного сейма Литвы в Москве на Белорусском вокзале. Выступает секретарь МГК ВКП(б) А. С. Щербаков. 1940 г.

Работницы — ударницы текстильного предприятия «Пунане Койт». 1940 г.

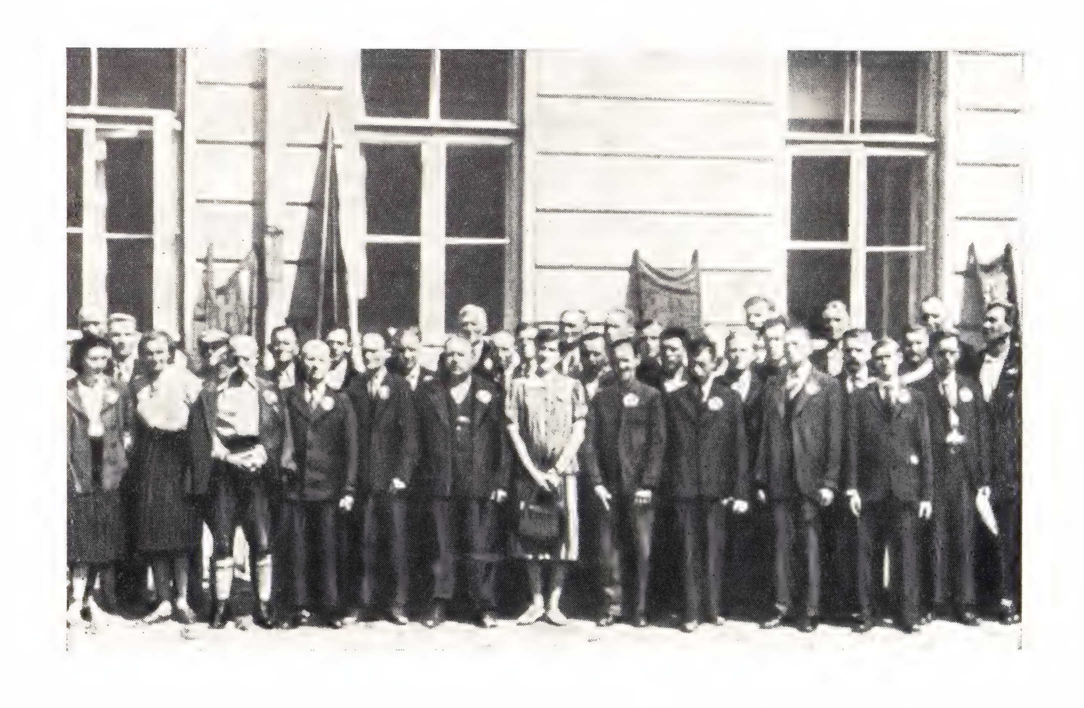
Комсомольцы завода «Вольта». Таллин. 1940 г.

Бойцы Народной армии Латвии — участники народной манифестации в Риге. Август. 1940 г.

Праздничная демонстрация в Риге 1 Мая 1941 г.

Делегация литовских крестьян, направляющихся на сельскохозяйственную выставку в Москву. Июль 1940 г.

Демонстрация трудящихся Таллина 7 ноября 1940 г.

Делегаты I конференции Таллинской организации КП(б) Эстонии.
Февраль 1941 г.

приборостроение, судостроение, химическая, газосланцевая, текстильная, деревообрабатывающая, пищевая промышленность.

Под руководством Коммунистической партии крестьянство Прибалтики перешло на путь колхозного производства. Помощь, оказанная сельскому хозяйству Прибалтики правительством СССР и братскими союзными республиками, явилась одним из важнейших факторов, ускоривших здесь становление и развитие социалистического сельского хозяйства. В конце 1971 г. в Прибалтийских республиках имелось 2988 крупных социалистических сельских хозяйств — колхозов (2295) и совхозов (693)[3]. Социалистические преобразования в деревне привели к подъему уровня сельскохозяйственного производства, увеличению производства сельскохозяйственных продуктов. Коллективизация облегчила труд крестьянина, оказала положительное влияние на культурный облик деревни. Вместо разбросанных хуторских поселений появились современные благоустроенные колхозные и совхозные центры. Сельское хозяйство электрифицировано, сделан крупный шаг вперед в ликвидации существенных различий между городом и деревней.

Претворяя в жизнь ленинскую программу культурной революции, Советская власть создала благоприятные условия для развития культуры и науки. В конце 60-х годов в республиках Прибалтики всеми видами обучения было охвачено около 1925 тыс. человек. Численность учащихся старших (5—11-х) классов общеобразовательных школ в 1968 г. в Литовской ССР по сравнению с 1940 г. увеличилась в 4 раза, в Латвийской ССР — в 3 раза, в Эстонской ССР — в 2,6 раза[4]. В расчете на 10 тыс. человек населения в Литве обучалось в эти годы студентов почти в 2 раза больше, чем во Франции, в 3 раза больше, чем в Австрии и Норвегии, в 3,5 раза больше, чем в ФРГ; в Латвии на 10 тыс. человек населения приходилось 173 студента, что в 2,5—3,5 раза больше, чем во Франции, Швеции и Финляндии; в Эстонии на 10 тыс. человек населения обучалось студентов больше, чем в любой капиталистической стране Европы[5].

Эпоха социализма ознаменовала новый этап в развитии науки в Прибалтике. Академии наук и другие научные центры, созданные в Прибалтийских советских республиках, способствовали быстрому развитию науки. В 1970 г. в Эстонии, Латвии и Литве насчитывалось 22 580 научных сотрудников (в 1940 г.— 2305)[6]. В Советской Прибалтике сложились научные школы, вклад которых в науку положительно оценен как отечественной, так и зарубежной общественностью.

---

[1] *Брежнев Л. И.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 17

[2] Народное хозяйство СССР. 1922—1972. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с. 150.

[3] Там же, с. 268, 276.

[4] СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сборник. М., 1970, с. 285, 291, 307.

[5] Там же.

[6] Народное хозяйство Эстонской ССР в 1971 году. Статистический ежегодник. Таллин, 1972, с. 326.

1/4 19 Заказ № 2523

Тесное содружество с братскими советскими народами содействовало интенсивному прогрессу социалистических культур народов Прибалтики, которые обогащались за счет лучших достижений культур братских народов, передавая одновременно и другим народам свои культурные достижения. Русский язык, способствующий межнациональному общению советских народов, а также общесоюзные организации и учреждения культуры всемерно содействовали вовлечению культур народов Прибалтики в орбиту единой советской культуры. При этом культуры народов Прибалтики не утратили своих национальных качеств, своей национальной формы.

В ходе послевоенного строительства социализма в СССР продолжался сложный и многогранный исторический процесс социально-экономической, политической и духовной жизни советских народов, процесс складывания и укрепления новой исторической общности — советского народа. В ходе этого процесса у эстонского, латышского и литовского народов укрепилось сознание, что Родина — это не только своя национальная обособленная республика, а Союз Советских Социалистических Республик в целом. У граждан Прибалтики развилось чувство патриотической гордости за весь социалистический Советский Союз.

Основная и важнейшая черта общенародного патриотизма советских людей — это преданность делу коммунизма, Коммунистической партии — организатору коммунистического строительства.

Исторический опыт говорит о том, что небывалые социально-экономические и культурные достижения, которых достигли и которыми так гордятся народы Прибалтики — это результат революционного творчества всех советских народов во главе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии. Это результат сложившейся экономической и духовной общности всех советских людей. Это результат интенсивного труда всех тружеников Прибалтики — эстонцев, латышей, литовцев, русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей СССР. В братской семье народов Советского Союза под руководством Коммунистической партии народы Прибалтики самоотверженно борются за осуществление великой цели — построение коммунизма в нашей стране.

Библиография

Источники и литература

Произведения В. И. Ленина[1]

Две тактики социал-демократии в демократической революции, т. 11, с. 1—131.

Юбилейному номеру «Zihņa», т. 19, с. 305—309.

Мертвый шовинизм и живой социализм, т. 26, с. 98—105.

Социалистическая революция и право наций на самоопределение, т. 27, с. 252—266.

Письма из далека, т. 31, с. 9—59.

О задачах пролетариата в данной революции, т. 31, с. 113—118.

Письма о тактике, т. 31, с. 131—144.

О двоевластии, т. 31, с. 145—148.

Задачи пролетариата в нашей революции, т. 31, с. 149—186.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г., т. 31, с. 339—453.

Заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 30 мая (12 июня) 1917 г., т. 32, с. 223—228.

Восемнадцатое июня, т. 32, с. 360—362.

К лозунгам, т. 34, с. 10—17.

О конституционных иллюзиях, т. 34, с. 33—47.

О компромиссах, т. 34, с. 133—139.

Задачи революции, т. 34, с. 229—238.

Марксизм и восстание, т. 34, с. 242—247.

Кризис назрел, т. 34, с. 272—283.

Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области, т. 34, с. 385—390.

Советы постороннего, т. 34, с. 382—384.

Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 г., т. 34, с. 391—393.

Письмо к членам ЦК, т. 34, с. 435—436.

К гражданам России, т. 35, с. 1.

Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, т. 35, с. 102—104.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г., т. 35, с. 259—290.

О революционной фразе, т. 35, с. 343—353.

Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире, т. 35, с. 382—392.

Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. т. 36, с. 1—76.

О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, т. 36, с. 283—314.

Речь на митинге в Сокольническом районе 9 августа 1918 г., т. 37, с. 43—44.

Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г., т. 37, с. 74—78.

VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г., т. 37, с. 135—168.

Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. 37, с. 235—338.

Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г., т. 38, с. 1—21.

Успехи и трудности Советской власти, т. 38, с. 39—73.

Проект директивы ЦК о военном единстве, т. 38, с. 400—401.

Все на борьбу с Деникиным! т. 39, с. 44—63.

Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., т. 39, с. 318—331.

VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г., т. 39, с. 339—371.

VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г., т. 39, с. 385—436.

Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. 40, с. 1—24.

Деклад на I Всероссийском съезде трудо-

[1] Произведения В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений.

19* Заказ № 2523

вых казаков 1 марта 1920 г., т. 40, с. 166—187.
IX Всероссийская конференция РКП(б) 22—25 сентября 1920 г., т. 41, с. 279—294.
Московская губернская конференция РКП(б) 20—22 ноября 1920 г., т. 42, с. 17—40.
VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г., т. 42, с. 89—199.

Документы и материалы партии и советского государства

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1939. 742 с.
Резолюции XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1952, 62 с.
XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1956. 640 с.; т. 2. 559 с.
Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1959. 592 с.; т. 2, 615 с.
XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1962. 608 с.; т. 2, 608 с.; т. 3, 592 с.
XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1966. 640 с.; т. 2, 672 с.
XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1971, 598 с.; т. 2, 529 с.
XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1976, 472 с.; т. 2, 599 с, т. 3, 311 с.
50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967. 64 с.
К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, 64 с.
О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972. 30 с.
О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977. 32 с.
Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр., т. 2—5. М., 1970—1971.
Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933. 1007 с.
VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975. 527 с.
Верховный Совет СССР. Седьмая сессия 1—7 августа 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. 208 с.
Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и нормативных актов. М., 1972, 343 с.
Документы внешней политики СССР. В 18-ти т. М., 1957—1973.
СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 г.— август 1939 г. Документы и материалы. М., 1971. 736 с.

*

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. В 5-ти т. М., 1970—1976.
Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, 126 с.
Суслов М. А. Избранное. Речи и статьи. М., 1972. 695 с.

Общая литература

Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая социалистическая система. Материалы научной конференции. М., 1969. 471 с.
Великий Октябрь. Сборник статей. М., 1958. 744 с.
Великий Октябрь и мировой революционный процесс. (Пятьдесят лет борьбы рабочего класса во главе революционных сил современной эпохи). М., 1967. 464 с.
Всемирная история, т. 8—10. М., 1961—1965.
История Великой Октябрьской социалистической революции. Изд. 2-е. М., 1967. 671 с.
История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 1. М., 1963. 532 с.
История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1976. 782 с.
История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1—2. М., 1967—1968. 607 с.; 607 с.; т. 5, кн. 1, 723 с.

История международных отношений и внешней политики СССР. Изд. 2-е, т. 2. М., 1967, 375 с.

История СССР. С древнейших времен до наших дней. Вторая серия, т. 7. М., 1967, 751 с.; т. 9, 552 с.

Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, 599 с.

Ленинская теория социалистической революции и современность. Изд. 2-е, М., 1975. 535 с.

Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. Материалы международной научной конференции, состоявшейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 12—13 марта 1974 г. М., 1975. 319 с.

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. Доклады на пленарных заседаниях научной конференции. М., 1968. 508 с.

Международное коммунистическое движение. Очерк стратегии и тактики. М., 1974. 544 с.

Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах. Сборник статей. М., 1960. 236 с.

Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября. М., 1968. 615 с.

Лейбзон Б. М. и *Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна. Изд. 2-е. М., 1975. 420 с.

Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, 930 с.; т. 2, 1151 с.; т. 3, 1007 с.

Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года. (Документальный обзор). М., 1970. 125 с.

Сиполс В. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974. 428 с.

Чиркин В. Е. Формы государства, переходного к социалистическому типу. М., 1966. 223 с.

Šteimanis I. V. I. Ļeņins par Komunistiskās Internacionāles stratēģiju un taktiku. (В. И. Ленин о стратегии и тактике Коммунистического Интернационала). Rīgā, 1969, 240 lp.

Кузьмичев И. Н. Борьба Советского Союза за мир и безопасность, против распространения фашистской агрессии (апрель 1940 — июнь 1941 г.) — «История СССР», 1974, № 1, с. 26—47.

Документы и литература по Прибалтике

К истории первых аграрных преобразований в Прибалтике (1940—1941 гг.). Публикация документов.— «Исторический архив», 1960, № 3, с. 35—60.

Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967. 627 с.

Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941—1945, кн. 1. Рига, 1966. 369 с.

Великий Октябрь в Прибалтике. Сборник статей. Вильнюс, 1968. 143 с.

К вопросу об истории народного хозяйства. Таллин, 1956. 184 с.

К 50-летию образования СССР. Материалы межреспубликанской научной конференции отделений общественных наук академий наук Прибалтийских Советских республик, посвященной 50-летию образования Союза ССР. 6—7 июня 1972 г. Таллин, 1973. 171 с.

Очерки развития государственности Советских Прибалтийских республик (1940—1965 гг.). Таллин. 1965. 243 с.

Прибалтийским Советским республикам тридцать лет. Материалы к научной конференции институтов истории академий наук Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (20—21 окт. 1970 г.). Вильнюс, 1970. 105 с.

Прибалтика в семье народов СССР. Доклады научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вильнюс, 1973. 199 с. Ротапринт.

Развитие государственно-правовых наук в Советских Прибалтийских республиках в 1940—1975 гг. Материалы научной конференции, посвященной 35-летию восстановления Советской власти в Прибалтике, 21—22 марта 1975 г. Тарту, 1975. 183 с.

VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1935. 79 с.

Советская Прибалтика в братской семье народов СССР. (Материалы межреспубликанского семинара-совещания в г. Риге 6—10 июня 1960 г.) I Рига, 1960. 95 с.

Миллер В. О. Победа Советской власти в Прибалтике в 1940 году. Учебное пособие. Рига, 1974. 121 с.

Панксеев А., Сурблис К., Эльвих А. Жизненная сила ленинских принципов партийного строительства. (О некоторых вопросах партийного строительства в коммунистических партиях Литвы, Латвии и Эстонии (июнь 1940 — июнь 1941 гг.). Таллин, 1975. 288 с.

Вилнис Я. О попытках вмешательства во внутренние дела народов Прибалтики.— «Международная жизнь», 1956, № 9, с. 27—36.

Дауге П. Прибалтика в 1917—1940 годах.— «Историк-марксист», 1941, № 1, с. 3—42.

Дризул А., Маамяги В. В согласном и могучем хоре. Историческое значение вступления республик Прибалтики в состав СССР.— «Коммунист» (Вильнюс), 1972, № 8, с. 11—17.

Дризул А., Маамяги В. Историческое значение вступления республик Прибалтики в состав СССР.— В кн.: К 50-летию образования СССР. Таллин, 1973, с. 106—116.

Каммари М. О пролетарском интернационализме и советском патриотизме.— «Большевик», 1940, № 15—16, с. 28—42.

Клява Г. Я., Миллер В. О. Славное двадцатилетие Прибалтийских советских республик. (Восстановление Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии).— «Советское государство и право», 1960, № 8, с. 11—21.

Кольцов П. С., Томан Б. А. Проблемы истории социалистической революции 1940 г. в Прибалтике.— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 11, с. 148—153.

Кооп А. О некоторых зарубежных «изысканиях» в области истории Прибалтики.— «Коммунист Эстонии», 1959, № 6, с. 30—42.

Крастынь Я. Некоторые итоги земельной реформы в Прибалтике.— «Социалистическое сельское хозяйство», 1941, № 1, с. 89—91.

Либман А. Б., Малюкявичюс Р. И., Штейман И. А. III конгресс Коминтерна и Коммунистические партии Прибалтики.— В кн.: Третий конгресс Коминтерна. Развитие Коминтерном политической линии коммунистического движения. Коммунисты и массы. М., 1975, с. 527—561.

Маамяги В. А. О некоторых особенностях перехода Прибалтийских советских республик к строительству социализма (1940—1941 гг.) — «История СССР», 1962, № 6, с. 27—43.

Миллер В. О. Развитие советской национальной государственности в республиках Прибалтики.— «Советское государство и право», 1972, № 12, с. 79—83.

Миллер В. Становление советской государственности в Прибалтике и зарубежные фальсификаторы.— «Коммунист Советской Латвии», 1974, № 7, с. 72—78.

Миллер В. Становление советской государственности народов Прибалтики.— «Советское государство и право», 1967, № 11, с. 67—75.

Мицкевич-Капсукас В. Октябрьская революция и рабочее движение прибалтийских стран.— «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 10, с. 399—406.

Панксеев А., Либман А. Г. Димитров и некоторые вопросы революционного движения в Прибалтике.— В кн.: Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. М., 1974, с. 246—258.

Пельше А. Великая Октябрьская социалистическая революция и ее значение для народов Прибалтики.— «Коммунист Советской Латвии», 1954, № 11, с. 10—19.

Сиполс В. Борьба СССР за мир в Прибалтике в 1933—1940 гг.— «Коммунист Советской Латвии», 1959, № 9, с. 25—32.

Сурблис К. К вопросу о социалистической индустриализации Прибалтийских республик.— «История» (Вильнюс), 1974, т. 14, тетр. 2-я, с. 57—73.

Трайнин И. Конституции Прибалтийских Советских Социалистических Республик. — «Большевик», 1940, № 22, с. 71—84.

Ульрис Я. Советские социалистические республики в Прибалтике.— «Коммунистический Интернационал», 1940, № 7, с. 23—33.

Шаджюс Г. Промышленность и рабочий класс Прибалтийских республик после восстановления Советской власти (1940—1965).— «История СССР», 1966, № 1, с. 24—41.

Штейман И. А. На основе свободного волеизъявления.— «Коммунист Советской Латвии», 1972, № 7, с. 24—31.

Штейман И. А. Социалистическая революция 1940 г. в Прибалтике.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6, с. 55—69.

Шугал М., Афонин М. СССР и Прибалтика.— «Большевик», 1940, № 11—12, с. 83—90.

Яанверк Э., Ахелик С. О спорных вопросах истории социалистической револю-

ции 1940 года в Прибалтике.— «История СССР», 1969, № 6, с. 242—245.
Bacys A. Kominterno Vykdomojo Komiteto Lenkijos ir Pabaltijo šaliu sekretariato sudėtis ir oganizacine veikla 1926—1924 metais. (Состав и организационная деятельность Польско--прибалтийского лендер-секретариата Исполкома Коминтерна в 1926—1929 годах) —«LKP istorijos klausimai», (Vilnius), 1974, t. 15, p. 29—41.
Schteiman I. Charakter und Besonderheiten der Revolution 1940 in den Baltischen Ländern. (Характер и особенности революции 1940 года в Прибалтийских странах).— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1971, Heft 3, S. 386—397.

Литовская ССР

Источники

Liaudies seimo stenogramos. l-oji sesija 1940 m. liepos 21—23 d.— Nepaprastoji sesija 1940 m. rugp. 24—25 d. (Стенограммы Народного сейма). Kaunas, 1940. 226 p.
Lietuvos Komunistų partija skaičiais. 1918—1975. Statistikos duomenų rinkinys. (Коммунистическая партия Литвы в цифрах. 1918—1975. Статистический сборник). Vilnius, 1976. 288 p.
Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai, t. 1—4. (Листовки Коммунистической партии Литвы, т. 1—4). Vilnius, 1962—1964. XX, 672 p.; XII, 740 p.; XIV, 745 p.; XX, 956 p.
Lietuvos Tarybų Socialistinė Respublika pilnateisis Sovietų Sąjungos narys. (SSSR Vyriausiosios Tarybos VII-sios sesijos stenogr. medžiaga Tarybų Lietuvos priėmimo klausimu). (Литовская Советская Социалистическая Республика— полноправный член Советского Союза). Kaunas, 1940. 37 p.
Lietuvos TSR įstatymų, Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo įsakų ir vyriausybės nutarimų chronologinis rinkinys, t. 1. 1940—1947. (Хронологическое собрание законов Литовской ССР, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства Литовской ССР, т. 1). Vilnius, 1956. 320 p.
Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, t. 4. Lietuva buržuazijos valdymo metais (1919—1940). (Источники истории Литовской ССР, т. 4). Vilnius, 1961. 864 p.
Lithuania in 1939—1940. The historic turn to socialism. Edited, with introduction and comments by Vytautas Kancevičius. (Литва в 1939—1940 гг.). Vilnius, 1976. 232 p.— На англ. яз. Издано также на немец. яз.
LTSR Aukščiausiosios Tarybos stenogramos. I sesija 1940 m. rugp. 25—26 d. (Стенограммы Верховного Совета Литовской ССР). Kaunas, 1941. 71 p.— Парал. текст на рус. яз.
Sniečkus A. Ataskaitinis pranešimas V-me LKP(b) suvažiavime apie LKP(b) CK darbą. 1941 m. vasario 5 d. (Отчетный доклад на V съезде КП(б) Литвы о работе ЦК КП(б) Литвы. 5 февраля 1941 г.). Kaunas, 1941. 120 p.
Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje 1940—1941 m. Dokumentų rinkinys. (Восстановление Советской власти в Литве в 1940—1941 гг. Сборник документов). Vilnius, 1965. 347 p.
Литовские буржуазные националисты и захват Клайпеды фашистской Германией. (Публикация документов).— «Исторический архив», 1961, № 1, с. 54—65.
Билявичюс Э. Весне навстречу. Воспоминания подпольщика. М., 1961. 270 с.
Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920—1939 гг.). Вильнюс, 1966. 398 с.
Палецкис Ю. В двух мирах. М., 1974. 527 с.
Палецкис Ю. Жизнь начинается. Воспоминания. Вильнюс, 1961. 332 с.
Стимбурис Ю. Другой жизни у меня нет. Воспоминания. Вильнюс, 1961. 332 с.
Шумаускас М. В водовороте борьбы. (Воспоминания). М., 1975. 336 с.
Aleksandravičiūtė L. Negaliu užmiršti. (Не могу забыть). Vilnius, 1964. 300 p.
Banaitis V. Už akmeninių sienų. (За каменными стенами). Vilnius, 1969. 167 p.
Baranauskas B. Devyniolika metų pogrindyje. (Девятнадцать лет в подполье). Vilnius, 1965. 244 p.
Gaška I. Kovų augintiniai. (Выросшие в борьбе). Vilnius, 1965. 204 p.

Gedvilas M. Lemiamas posūkis. 1940—1945 m. (Atsiminimai). (Решающий поворот. (Воспоминания)). Vilnius, 1975. 391 p.
Kaplanas Ch. Kareivinėse neramu. Iš atsiminimų. (1918—1927). (В казармах неспокойно. Из воспоминаний). Vilnius, 1961. 404 p.
Karosas J. Kalba Vilniaus akmenys. (Iš 1926—1931 m. atsiminimų). (Говорят камни Вильнюса. Из воспоминаний 1926—1931 гг.). Vilnius, 1963. 328 p.
Kličius J. Net ir žydro dangaus pavydėjo. (Отняли даже неба синеву). Vilnius, 1963. 384 p.
Kučinskas D. Mirtininkų vienutėje. (В одиночке для смертников). Vilnius, 1964. 263 p.
Macevičius K. Ilgai brandintas grūdas. (Долго зревшее зерно). Vilnius, 1964. 323 p.
Meškauskienė M. Žvelgiu į tolius. (Гляжу вдаль). Vilnius, 1969. 611 p.
Paleckis J. Žingsniai smėly. 1926 m. (Шаги по песку. 1926 г.) Vilnius, 1968. 344 p.
Pranckūnas J. Pavasario vėjas gaivus. Atsiminimai. (Живительный ветер весны. Воспоминания). Vilnius, 1960. 363 p.
Pranskus-Žalionis B. Artimieji toliai. Atsiminimai. (Близкие дали. Воспоминания). Vilnius, 1962. 428 p.
Pušinienė E. Siunčiu naujus adresus. Atsiminimai. (Даю новые адреса. Воспоминания). Vilnius, 1975. 407 p.
Šumauskas M. Gyvenimo prasmė. Atsiminimai. (Смысл жизни. Воспоминания). Vilnius, 1975. 280 p.
Tautkaitė E. Takais takeliais į didį kelią. (По тропам-тропинкам на большую дорогу). Vilnius, 1957. 256 p.
Venclova A. Vidurdienio vėtra. [1940—1947 m.] (Буря в полдень). Vilnius, 1971. 672 p.
Vildžiūnas J. Kova be atvangos. Atsiminimai. (1927—1944 m.). (Нет отдыха в борьбе. Воспоминания). Vilnius, 1971. 487 p.
Vildžiūnas V. Pakelti kumščiai. Atsiminimai. (Сжав кулаки. Воспоминания). Vilnius, 1964. 267 p.
Vinickis J. Duonos nebuvo per daug. (Хлеба была нехватка). Vilnius, 1960. 576 p.
Мяшкаускене М. Компартия Литвы сплачивала силы интеллигенции. (Из воспоминаний об антифашистской деятельности в буржуазной Литве).— «Коммунист» (Вильнюс), 1966, № 10, с. 66—71.

Литература

Очерки истории Коммунистической партии Литвы, т. 1. 1887—1920. Вильнюс, 1973. 576 с.
Lietuvos pramonė ikisocialistiniu laikotarpiu. (Промышленность Литвы в досоциалистический период). Vilnius, 1976. 478 p.— Aut.: *Meškauskas K., Puronas V., Meškauskienė M.* ir *Jurginis J.*
Lietuvos TSR istorija, t. 3—4. (История Литовской ССР, т. 3—4). Vilnius, 1958—1975. T. 3. Nuo 1917 iki 1940 metų. (От 1917 до 1940 г.). 408 p. T. 4. 1940—1958 metai. (1940—1958 годы). 367 p.
Lietuvos TSR istorija. Nuo seniausių laikų iki 1957 metų. (История Литовской ССР. С древнейших времен до 1957 года). Vilnius, 1958. 520 p.
Vilniaus miesto istorija, t. 2. Nuo Spalio revoliucijos iki dabartinių dienų. (История города Вильнюса, т. 2. От Октябрьской революции до наших дней). Vilnius, 1972. 332 p.
Атамукас С. Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961. 264 с.
Гришкявичюс П. В семье единой, братской. Вильнюс, 1975. 132 с.
Ефременко А. П. Аграрные преобразования и начало социалистического строительства в литовской деревне в 1940—1941 годах. Вильнюс, 1972. 264 с.
Жюгжда Р., Смирнов А. Литовская ССР. (Краткий историко-экономический очерк). М., 1957. 184 с.
Калинин М. Литовский народ на новом пути. Изд. 2-ое. [Вильнюс], 1946. 20 с.
Максимайтис М. Государственный строй буржуазной Литвы. Вильнюс, 1969. 92 с.
Снечкус А. Советская Литва на пути расцвета. Вильнюс, 1970. 157 с.
Шумаускас М. Литва социалистическая. Вильнюс, 1975. 160 с.
Яцовскис Е. Я. За решеткой. Борьба политических заключенных против реакции фашизма в буржуазной Литве (1919—1940 гг.). М., 1972. 160 с.
Angarietis Z. Agrarinis klausimas Lietuvoje. (Raštų rinkinys). (Аграрный вопрос в Литве). Vilnius, 1972. 492 p.
Angarietis Z. Už liaudies veiksmų vienybę. (Straipsnių rinkinys). (За единство действий народа). Vilnius, 1968. 380 p.
Aničas J. Katalikiškasis klerikalizmas Lietuvoje 1940—1944 metais. (Католиче-

ский клерикализм в Литве в 1940—1944 гг.). Vilnius, 1972. 256 p.

Arvasevičius J. Karolis Požela. Gyvenimo ir veiklos bruožai. (Каролис Пожела. Черты жизни и деятельности). Vilnius, 1976. 240 p.

Atamukas S. Nauja Lietuva — nauji kadrai. (LKP darbas, ugdant respublikos kadrus.) (Новая Литва — новые кадры). Vilnius, 1974. 239 p.

Balevičius Z. Darbininkų padėtis buržuazinėje Lietuvoje. (Положение рабочих в буржуазной Литве). Vilnius, 1960. 224 p.

Bartninkas M. Laisvamanybė Lietuvoje (1924—1941). (Вольнодумие в Литве (1924—1941)). Vilnius, 1964. 52 p.

Bendžius A. Bendrojo lavinimo ir aukštoji mokykla Tarybų Lietuvoje 1940—1970 m. (Общеобразовательная и высшая школа в Советской Литве в 1940—1970 гг.). Kaunas, 1973. 336 p.

Beržinskaitė A. LKP veikla auklėjant Lietuvos darbo žmones proletarinio internacionalizmo dvasia (1927—1940). (Деятельность КП Литвы по воспитанию трудящихся в духе пролетарского интернационализма (1927—1940)). Vilnius, 1962. 151 p.

Bulavas J. Lietuvos darbo valstiečių ekonominė padėtis fašistinės valdžios metais. (Экономическое положение трудового крестьянства Литвы в годы фашистской власти). Vilnius, 1955. 75 p.

Bulavas J. Rinkimai ir «tautos atstovavimas» buržuazinėje Lietuvoje. (Выборы и «народное представительство» в буржуазной Литве). Vilnius, 1956. 183 p.

Bulota A. Nuo baltojo žirgo iki svastikos. (От белого коня до свастики). Vilnius, 1962. 179 p.

Burokevičius M. Lietuvos KP ideologinis darbas su inteligentija 1940—1965 m. (Идеологическая работа Коммунистической партии Литвы среди интеллигенции в 1940—1965 гг.). Vilnius, 1972. 199 p.

Butkutė-Ramelienė A. Lietuvos Komunistų partijos kova už Tarybų valdžios įtvirtinimą respublikoje (1940—1941 m.). (Коммунистическая партия Литвы в борьбе за упрочение Советской власти в республике (1940—1941 гг.)). Vilnius, 1958. 208 p.

Čepulienė S. Profsąjungis judėjimas Lietuvoje (1919—1926 m.). (Профсоюзное движение в Литве (1919—1926 гг.)). Vilnius, 1964. 120 p.

Černiauskas S. Profsąjunginio judėjimo vystymasis Lietuvoje 1927—1940 metais. (Развитие профсоюзного движения в Литве в 1927—1940 гг.). Vilnius, 1966. 63 p.

Česnavičius V. Ekonominės Z. Angariečio pažiūros. (Экономические взгляды З. Ангаретиса). Vilnius, 1976. 183 p.

Didžiulis K. Už liaudies laimę. Atsiminimai, straipsniai, laiškai, kalbos. (За счастье народа). Vilnius, 1963. 359 p.

Dirvelė E. Klasių kova Lietuvoje 1926 metais. (Классовая борьба в Литве в 1926 году). Vilnius, 1961. 196 p.

Domaševičius K. Tarybinio valstybingumo vystymasis Lietuvoje. (Развитие советской государственности в Литве). Vilnius, 1966. 196 p.

Freidheimas P. Marksizmo-leninizmo pradininkų veikalai Lietuvoje. (Произведения основоположников марксизма-ленинизма в Литве). Vilnius, 1964. 120 p.

Gaigalaitė A. Darbininkų judėjimo pakilimas Lietuvoje 1929—1934 metais. (Подъем рабочего движения в Литве в 1929—1934 гг.). Vilnius, 1957. 171 p.

Gaigalaitė A. Klerikalizmas Lietuvoje. 1917—1940. (Клерикализм в Литве. 1917—1940). Vilnius, 1970. 312 p.

Germanas V. Lietuvos KP veikla, stiprinant darbininkų klasės ir valstietijos sąjungą (1944—1965). (Деятельность КП Литвы по укреплению союза рабочего класса и крестьянства (1944—1965)). Vilnius, 1974. 207 p.

Glovackienė J. Lemiamas posūkis. Kominterno vaidmuo LKP kovoje dėl antifašistinio liaudies fronto, prieš fašizmą ir karą (1933—1937). Komunistų Internacionalo 55-osioms metinėms. (Решающий поворот). Vilnius, 1974. 112 p.

Gregorauskas M. Tarybų Lietuvos žemės ūkis 1940—1960. (Сельское хозяйство Советской Литвы 1940—1960). Vilnius, 1960. 464 p.

Griškevičius P. Lenino keliu didžiuoju. (Ленинским путем великим). Vilnius, 1975. 218 p.

Gulbinskienė A. Kovingas partijos žodis. Komunistinės spaudos vaidmuo kovoje prieš fašizmą Lietuvoje (1927—1940). (Боевое слово партии. Роль Коммунистической партии в борьбе против фашизма в Литве (1927—1940)). Vilnius, 1960. 151 p.

Jacovskis E. Uždangą nuplėšus... Gruodžio 17 d. fašistinis perversmas ir visiškas atstovavimo teisės likvidavimas Lietuvoje 1926—1940 m. (Занавес сорван...). Vilnius, 1959. 180 p.
Jurginis J. Kauno įgulos kareivių sukilimas 1920 metais. (Восстание солдат Каунасского гарнизона в 1920 г.). Vilnius, 1955. 71 p.
Kancevičius V. 1940 metų birželis Lietuvoje. (Июнь 1940 года в Литве). Vilnius, 1973. 112 p.
Kapsukas V. Raštai, t. 9—11. (Соч., т. 9—11). Vilnius, 1970—1975. 670 p.; 564 p.; 734 p.
Každanas V. Prekybiniai Lietuvos ir Tarybų Sąjungos santykiai iki 1940 metų. (Торговые отношения Литвы и Советского Союза до 1940 года). Vilnius, 1967. 56 p.
Knyva A., Žiugžda J. Švietimas Tarybų Lietuvoje. 2-asis leid. (Просвещение в Литовской ССР). Vilnius, 1950. 148 p.
Lempertas I. Fašistinis režimas Lietuvoje. (Фашистский режим в Литве). Vilnius, 1975. 199 p.
Leonavičius J., Maksimavičius J. Valstiečių streikas Suvalkijoje ir Dzūkijoje 1935 metais. (Забастовка крестьян Сувалкии и Дзукии в 1935 году). Vilnius, 1958, 128 p.
Lopajevas S. Lietuvos Komunistų partijos idėjinis ir organizacinis stiprėjimas (1919—1924). (Идейное и организационное укрепление Коммунистической партии Литвы (1919—1924)). Vilnius, 1964. 111 p.
Lopajevas S. LKP požiūris į buržuazines partijas Lietuvoje. (Отношение КП Литвы к буржуазным партиям Литвы). Vilnius, 1974. 232 p.
Maiminas J. Teorijos ir tikrovė. Buržuazinių ekonominių teorijų ir programų Lietuvoje kritika (1919—1940 m.). (Теории и действительность. Критика буржуазных экономических теорий и программ в Литве (1919—1940 гг.)). Vilnius, 1960. 232 p.
Mančinskas Č. Socialinis draudimas Lietuvoje ir kova dėl jo 1919—1940 metais. (Социальное страхование в Литве и борьба за него в 1919—1940 годах). Vilnius, 1971. 220 p.
Marcelis A. Už proletariato ir darbo valstiečių sąjungą. LKP kova už darbininkų klasės ir darbo valstiečių sąjungą fašizmo viešpatavimo metais (1927—1940). (За союз пролетариата и трудящихся крестьян. Борьба КП Литвы за союз рабочего класса и трудящихся крестьян в годы господства фашизма (1927—1940)). Vilnius, 1976. 368 p.
Meškauskas K. Tarybų Lietuvos industrializavimas. (Индустриализация Советской Литвы). Vilnius, 1960. 263 p.
Navickas K. TSRS vaidmuo ginant Lietuvą nuo imperialistinės agresijos 1920—1940 metais. (Роль СССР в защите Литвы от империалистической агрессии в 1920—1940 годах). Vilnius, 1966. 336 p.
Niunka V. Tarybų Sietuvos metai (Год Советской Литвы). [M.], 1943. 28 p.
Niunka V. Tarybų valdžios įsikūrimo Lietuvoje trisdešimtosios metinės. Lietuvos KP(b) CK sekretoriaus drg. V. Niunkos pranešimas iškilmingame posėdyje Vilniuje. (Тридцатилетие провозглашения Советской власти в Литве). Vilnius, 1949. 23 p.
Požarskas M. Tarybų valdžios atkūrimas Lietuvoje (1940—1941 m.). (Восстановление Советской власти в Литве (1940—1941 гг.)). Vilnius, 1955. 144 p.
Požela K. Raštai. (Соч.). Vilnius, 1966, 480 p.
Preikšas K. Raštai. (Соч.). Vilnius, 1964. 352 p.
Pušinis B. Raštai. Atsiminimai. Straipsniai. Laiškai. (Соч.). Vilnius, 1973. 296 p.
Rakūnas A. Klasių kova Lietuvoje 1940—1951 metais. (Классовая борьба в Литве в 1940—1951 гг.). Vilnius, 1976. 216 p.
Ruželytė O. Bažnyčia ir minties laisvės slopinimas buržuazinės Lietuvos mokyklose. (Церковь и подавление свободы мысли в школах буржуазной Литвы). Vilnius, 1973. 154 p.
Sniečkus A. Broliškoje TSRS tautų šeimoje. (В братской семье народов СССР). Vilnius, 1972. 76 p.
Sudavičius B. LKP kova už darbininkų klasės vienybę (1934—1937 m.). (Борьба КП Литвы за единство рабочего класса (1934—1937 гг.)). Vilnius, 1961. 155 p.
Surblys K. Tarybų Lietuvos darbininkų klasė. (Рабочий класс Советской Литвы). Vilnius, 1965. 252 p.
Šarmaitis R. Lietuvos Komunistų partijos kova dėl lietuvių tautos laisvės ir nepriklausomybės. (Борьба Коммунистической партии Литвы за свободу и независимость литовского народа). Vilnius, 1947. 23 p.
Šarmaitis R. Pirmosios fašizmo aukos Lietuvoje. (Первые жертвы фашизма в Литве). Vilnius, 1946. 32 p.

Staras P. Visuotinis politinis darbininkų streikas Kaune 1936 metais. (Всеобщая политическая забастовка рабочих в Каунасе в 1936 г.). Vilnius, 1956. 40 p.
Treigienė V. LKP — socialistinės revoliucijos pergalės 1940 m. organizatorė. (КП Литвы — организатор победы социалистической революции в 1940 г.). Vilnius, 1975. 20 p.
Vansevičius S. Lietuvos valstiečių teisinė padėtis buržuazijos valdymo metais (1919—1940 m.). (Правовое положение литовских крестьян в годы господства буржуазии (1919—1940 гг.)). Vilnius, 1968. 148 p.
Vansevičius S. Teisinis režimas Vilniaus krašte 1920—1939 metais. (Правовой режим в Вильнюсском крае в 1920—1939 гг.). Vilnius, 1973. 75 p.
Žepkaitė R. Lietuva tarptautinės politikos labirintuose (1918—1922 m.). (Литва в лабиринтах международной политики (1918—1922 гг.)). Vilnius, 1973. 196 p.
Žiugžda J. Lietuvos kaimo darbo žmonių kova dėl žemės buržuazijos viešpatavimo metais. (Борьба трудящихся литовской деревни за землю в годы господства буржуазии). Vilnius, 1952. 127 p.
Žiugžda J. Tarybų Sąjungos pagalba lietuvių tautai apginant savo laisvę ir nepriklausomybę 1939 ir 1940 metais. (Помощь Советского Союза литовскому народу в защите своей свободы и независимости в 1939—1940 гг.). Vilnius, 1949. 70 p.
Žiugžda R. Po diplomatijos skraiste. Klaipėdos kraštas imperialistinių valstybių planuose 1919—1924 m. (Под сенью дипломатии. Клайпедский край в планах империалистических держав в 1919—1924 гг.). Vilnius, 1973. 240 p.

*

Бабичас А. Организационная структура Коммунистической партии Литвы в 1918—1924 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1975.
Бацис А. Роль Польско-Прибалтийского лендер-секретариата Исполкома Коминтерна в деятельности Коммунистической партии Литвы в 1926—1929 годах. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1975.
Большаков В. И. Зависимость буржуазной Литвы от иностранного капитала. Автореф. канд. дис. М., 1954.
Бурокявичюс М. Идеологическая работа Коммунистической партии Литвы среди интеллигенции в 1940—1965 годах. Автореф. докт. дис. М., 1975.
Бяряснявичюс П. Использование легальных возможностей в деятельности Компартии Литвы в 1919—1926 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1972.
Вянгрис А. Экономическая теория марксизма-ленинизма — идеологическое оружие КП Литвы в борьбе за диктатуру пролетариата в 1918—1940 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1961.
Жеймантас Л.-В. Подпольные типографии КП Литвы в 1918—1940 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1970.
Завяцкене Ж. Печать комсомола Литвы. (1919 — июнь 1940 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1966.
Канцявичюс В. Революционная ситуация в Литве и перерастание ее в 1940 году в социалистическую революцию. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1968.
Киликявичене М.-Г. Местное самоуправление в Литве в 1919—1940 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1973.
Кмеляускас В.-Й. Журнал «Прекалас» и рабочее движение в Литве. (1931—1938 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1972.
Лямпяртас И. Стратегия КП Литвы и ее тактика единого и народного фронта в борьбе против фашизма в 1926—1940 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1960.
Макаускас С. Партийная и советская печать Литвы в борьбе за строительство основ социализма в республике в 1940—1941 годах. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1969.
Марцинкявичюс Ю. Революционная и национально-освободительная борьба в Вильнюсском крае в 1920—1928 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1973.
Норейкене С. Революционное движение в буржуазной Литве (конец 1919—1926 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1956.
Расин Б. Экономические преобразования в Советской Литве в 1940—1941 гг. Автореф. канд. дис. М., 1956.
Станисловайтис Р. Осуществление функции подавления сопротивления свергнутых классов в Советской Литве в 1940—1951 годах. Автореф. канд. дис. Тарту, 1970.
Сурблис К. Деятельность КП Литвы по формированию и развитию социалистического рабочего класса республики.

(1940—1965 гг.). Автореф. докт. дис. Вильнюс, 1973.

Сябяжянковайте Т. Борьба Коммунистической партии Литвы за союз рабочего класса и крестьянства в 1935—1940 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1969.

Тамошюнас М. Интернациональные связи революционного рабочего движения Литвы в 1918—1940 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1967.

Трейгене В. Промышленность и рабочие Советской Литвы в начальный период строительства социализма в республике. (1940—1941 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1968.

Труска Л. Изменение классовой структуры общества в Литве в период строительства социализма. 1940—1951 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1966.

Хоманскене Л. Идеологическая работа Коммунистической партии Литвы в 1940—1941 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1975.

Циртаутас А. Образование и деятельность временных исполнительных комитетов в Литовской ССР. (1940—1948 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1966.

Чернявская Н. П. Борьба литовского народа за восстановление и укрепление Советской власти в Литве. (1939—июнь 1941 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1952.

Чяпас Р. Антифашистское движение в Литве в 1927—1929 гг. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1969.

Шармайтис-Ромайтис Р. Образование и большевизация Коммунистической партии Литвы. (1918—1924 гг.). Доклад об опубл. работах по теме канд. дис. Вильнюс, 1961.

Шармайтис-Ромайтис Р. Распространение идей марксизма-ленинизма в Литве (до 1940 года). Доклад об опубл. работах по теме докт. дис. Вильнюс, 1975.

Юкнене Г. Борьба Коммунистической партии Литвы против идеологии и политики социал-демократов. (1920—1926 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1967.

Янкунас С. Роль листовок КП Литвы в распространении влияния партии в массах в годы фашистской диктатуры. (XII.1926—VI.1940 гг.). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1970.

*

Вопросы истории Коммунистической партии Литвы. (Сборник статей в помощь изучающим историю КПСС). Вильнюс, 1961. 224 с.

История. Конференция молодых ученых, посвященная 25-летию Советской Литвы. 16—19 июня [1965 г.]. Тезисы докладов. Вильнюс, 1965. 100 с.

Buržuazinės valstybinės teisinės koncepcijos, jų taikymas Lietuvoje ir kritika. (Straipsnių rinkinys). (Государственно-правовые концепции в буржуазной Литве, их применение и критика. (Сборник статей)). Vilnius, 1972. 204 p.

20 metų Tarybų Lietuvos liaudies ūkiui. (20 лет народному хозяйству Советской Литвы). Vilnius, 1960. 316 p.

Ketvirtis amžiaus socializmo keliu. (Четверть века по пути социализма). Vilnius, 1965. 336 p.

Klestėk, Tarybų Lietuva. (Цвети, Советская Литва). Vilnius, 1966. 280 p.

Leninizmo pergalė Lietuvoje. (Триумф ленинизма в Литве). Vilnius, 1970. 376 p.

Lietuvos komjaunimas. Straipsnių rinkinys. (Комсомол Литвы. Сборник статей). Vilnius, 1962. 564 p.

Lietuvos komjaunimui 50 metų. Moksl. konferencijos medžiaga. (1969 m. bal. 17—18 d.). (Комсомолу Литвы — 50 лет. Материалы научной конференции. (17—18 апреля 1969 г.)). Vilnius, 1969. 488 p.

Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos dešimtmetis. (Десятилетие Литовской Советской Социалистической Республики). Vilnius, 1950. 115 p.— Aut.: *Gedvilas M., Paleckis J., Sniečkus A.*

Lietuvos TSR Mokslų akademija. XXV. (Академия наук Литовской ССР. XXV). Vilnius, 1967. 468 p.

Mokslas Tarybų Lietuvoje. (Наука в Советской Литве). Vilnius, 1961. 335 p.

Partijos ir liaudies tribūna. «Pravda» — Lietuvai. (Трибуна партии и народа. «Правда» — Литве). Vilnius, 1962. 96 p.

Reakcinės katalikų dvasiškijos kova prieš Lietuvos liaudį. (Борьба реакционного католического духовенства против литовского народа). Vilnius, 1947. 72 p.

Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Straipsnių rinkinys. (Революционное движение в Литве. Сборник статей). Vilnius, 1957. 916 p.

Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje. Moksl. konferencijos medžiaga. (1967 m. gruod. 6—8 d.). (Октябрьская революция и общественные науки в Литве. Материалы научной конферен-

ции. (6—8 дек. 1967 г.)). Vilnius, 1967. 662 p.

Spalio revoliucijos keliu. Moksl. konferencijos medžiaga. (1967.II.8—9). (По пути Октябрьской революции. Материалы научной конференции. (8—9.II.1967 г.)). Vilnius, 1967. 102 p.

Tarybų Lietuvos valstybės ir teisės dvidešimtmetis. (Двадцатилетие государства и права Советской Литвы). Vilnius, 1960. 304 p.

Už socialistinę Lietuvą. (За социалистическую Литву). Vilnius, 1960. 296 p.

Už socializmo sukūrimą Lietuvoje. Moksl. konferencijos medžiaga. (1968 m. gruod. 26—27 d.). (За построеие социализма в Литве. Материалы научной конференции. (26—27 дек. 1968 г.)). Vilnius, 1969. 663 p.

*

Анбиндерис Т. О некоторых особенностях социалистической революции 1940 года в Литве.— «Коммунист» (Вильнюс), 1958, № 9, с. 18—24.

Атамукас С. Забота о независимости Литвы. (По документам внешней политики СССР 1917—1928 гг.).— «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 1, с. 56—64.

Баркаускас А. Положение рабочего класса Литвы накануне крушения буржуазного господства.— «Коммунист» (Вильнюс), 1955, № 7, с. 28—39.

Булота А. К вопросу о правовом регулировании земельных отношений в буржуазной Литве.— «Право» (Вильнюс), 1970, т. 9, с. 69—78.

Булота А., Фейгельсонас Г. Буржуазные суды и революционное движение [в Литве в 1919—1940 гг.].— «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 1, с. 33—39.

Буткуте-Рамялене А. Ленинская теория социалистической революции и ее осуществление в Литве.— «Коммунист» (Вильнюс), 1970, № 7, с. 14—21.

Вайткявичюс Б. Борьба литовского народа за государственный союз с народами Союза ССР (1918—1940).— В кн.: К 50-летию образования СССР. Таллин, 1973, с. 79—92.

Гайгалайте А. Забастовка крестьян в Литве в 1935 г.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960». Киев, 1962, с. 547—555.

Гинайте С. Положение промышленных рабочих в Литве в годы господства буржуазии и сейчас.— «Коммунист» (Вильнюс), 1958, № 12, с. 70—82.

Грицевич Ю. А. Антинародная политика христианско-демократической партии в Литве за время пребывания у власти (1920—1926).— В кн.: Вопросы истории религии и атеизма, т. 2. М., 1954, с. 293—319.

Гущин В. В. Борьба рабочего класса Литвы против антинародной внешней политики буржуазного правительства (1939—1940 гг.).— В кн.: Вопросы современного международного коммунистического и рабочего движения. М., 1961, с. 179—231.

Жюгжда Р. Рука помощи в грозный час. К годовщине договора о взаимопомощи между СССР и Литвой. [10 окт. 1939 г.].— «Коммунист» (Вильнюс), 1972, № 10, с. 15—23.

Жюгжда Ю. Уничтожение фашистского режима и восстановление Советской власти в Литве. (Доклад на 3-й объедин. науч. сессии по истории народов Прибалтики послеоктябрьского периода. Окт. 1954 г.).— «Доклады и сообщения Ин-та истории (АН СССР)», 1955, вып. 4, с. 85—99.

Жяпкайте Р. К вопросу о позиции Советского государства в польско-литовском конфликте.— «Труды АН ЛитССР. Серия А», 1971, т. 2, с. 147—160.

Зиманас Г. Борьба Коммунистической партии Литвы за интернациональное воспитание трудящихся.— «Коммунист» (Вильнюс), 1959, № 1, с. 16—26.

Каросас Й. Борьба крестьянства Вильнюсского края в 1919—1924 гг.— «Коммунист» (Вильнюс), 1961, № 2, с. 22—30.

Максимайтис М. Чрезвычайные меры в осуществлении функции подавления в буржуазной Литве. (1926—1940 гг.).— «Право», 1972, т. 11, с. 47—54.

Марцялис А. Борьба КП Литвы за восстановление и идейно-организационное укрепление партийных организаций после фашистского переворота. (1927—1931 гг.).— «Ученые записки Вильнюсского ун-та», 1958, т. 18. Серия ист.-филол. наук, т. 4, с. 27—64.

Марцялис А. Борьба КП Литвы против мелкобуржуазных партий в 1927—1931 гг.— «Вопросы истории КП Литвы» (Вильнюс), 1959, т. 1, с. 91—137.

Норейкене С. События 1926 года в Литве.— «Коммунист» (Вильнюс), 1956, № 12, с. 27—35.

Нюнка В. Борьба Коммунистической партии Литвы за укрепление союза рабочего класса с крестьянством.— «Доклады и сообщения Ин-та истории (АН СССР)», 1955, вып. 4, с. 100—114.

Нюнка В. Как монополистический капитал эксплуатировал трудящихся крестьян буржуазной Литвы.— «Коммунист» (Вильнюс), 1948, № 9, с. 24—35; № 12, с. 24—34; 1949, № 2, с. 6—18; № 6, с. 17—26.

Расин Б. О предпосылках и некоторых особенностях социалистической революции в Литве в 1940 г.— «Труды Каунасского политехнического ин-та», 1958, т. 8, с. 123—134.

Симонавичюс В. Экономический кризис перепроизводства 1929—1933 годов в промышленности Литвы.— «Ученые записки Вильнюсского ун-та», 1958, т. 15. Серия экономических наук, т. 3, с. 113—147.

Снечкус А. Во главе трудового народа. (К 25-летию приема КП Литвы в состав КПСС).— «Коммунист» (Вильнюс), 1965, № 10, с. 7—18.

Тамошюнас М. Компартия Литвы и Коминтерн.— «Коммунист» (Вильнюс), 1969, № 2, с. 18—26.

Тамошюнас М. С чувством интернациональной солидарности. (О связи компартий Латвии, Эстонии и Литвы в 1919—1940 гг.).— «Коммунист» (Вильнюс), 1970, № 11, с. 74—79.

Тишкевич К. Борьба Коммунистической партии Литвы за социалистические преобразования в 1940—1941 годах.— «История КПСС» (М.), 1959, вып. 1, с. 114—143.

Фейгельсонас Г. Административные репрессии против революционного движения в Литве (1919—1940 гг.).— «Коммунист» (Вильнюс), 1968, № 11, с. 55—58.

Шармайтис Р. От первого до шестого съезда Коммунистической партии Литвы.— «Коммунист» (Вильнюс), 1949, № 2, с. 19—33.

Шармайтис Р. Распространение в Литве произведений В. И. Ленина.— В кн.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960, с. 191—202.

Apanavičius M. Kariniai teismai — buržuazijos įrankis kovoje prieš revoliucinį judėjimą Lietuvoje fašistinio režimo metais. (Военные суды — орудие буржуазии в ее борьбе против революционного движения Литвы в годы фашистского режима).— «Teisė» (Vilnius), 1964, t. 4, p. 119—135.

Atamukas S. Žvalgybos archyvai apie Lietuvos Komunistų partiją. (Архивы охранки о Коммунистической партии Литвы).— «Pergalė» (Vilnius), 1968, Nr 9, p. 76—94.

Bauža Č. Kai kurie LKP antifašistinės taktikos klausimai liaudininkų ir socialdemokratų partijų atžvilgiu 1926—1927 metais. (Некоторые вопросы антифашистской тактики КП Литвы в отношении партий ляудининков и социал-демократов в 1926—1927 годах).— «LKP istorijos klausimai» (Vilnius), 1974, t. 16, p. 5—18.

Bauža Č. LKP taktika buržuazinės ir smulkiaburžuazinės opozicijos atžvilgiu, kovojant už demokratiją ir šalies nacionalinę nepriklausomybę 1927—1940 metais. (Тактика Коммунистической партии Литвы по отношению к буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции в борьбе за демократию и национальную независимость страны в 1927—1940 гг.) — «LKP istorijos klausimai», 1976, t. 18, p. 21—38.

Bložė M. LKP veikla, telkiant inteligentiją į antifašistinę kovą 1927—1934 m. (Деятельность КП Литвы по вовлечению интеллигенции в антифашистскую борьбу в 1927—1934 годах). «LKP istorijos klausimai», 1975, t. 17, p. 45—60.

Bulota A. Agrarinis klausimas Lietuvoje 1918—1919 ir 1940—1941 m. (Аграрный вопрос в Литве в 1918—1919 и 1940—1941 гг.).— «Teisė», 1961, t. 2, p. 37—57.

Bulota A., Feigelsonas G. Buržuazijos teisminės represijos prieš revoliucinio ir antifašistinio judėjimo dalyvius Lietuvoje 1919—1940 m. (Судебные репрессии буржуазии против участников революционного и антифашистского движения в Литве в 1919—1940 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1967, t. 6, p. 198—200.

Butkus G. Valstiečių ūkių kolektyvizacijos idėjų propagavimas Lietuvoje. (1. Buržuazijos valdymo metais). (Пропаганда идей коллективизации крестьянских хозяйств в Литве. (1. Годы господства буржуазии)).— «LTSR MA darbai. Serija A» (Vilnius), 1973, t. 3, p. 183—193.

Chomanskienė L. Lietuvos KP veikla organizuojant partinio švietimo sistemą respublikoje 1940—1941 metais. (Деятельность КП Литвы по организации систе-

мы партийного просвещения в республике в 1940—1941 годах).— «LKP istorijos klausimai», 1974, t. 16, p. 35—46.
Chomanskienė L. LKP ideologinis darbas per Liaudies seimo rinkimus (1940 m.) (Идеологическая работа КП Литвы во время выборов в Народный сейм (1940 г.)).— «LKP istorijos klausimai», 1972, t. 12, p. 83—97.
Cirtautas A. Lietuvos TSR vietinių valstybinės valdžios organų susidarymas ir veikla 1940—1941 metais. (Образование и деятельность местных органов государственной власти Литовской ССР в 1940—1941 гг.).— «Teisė», 1965, t. 5, p. 5—20.
Čepas R. Dokumentai apie darbininkų streikus Lietuvoje 1932—1939 metais. (Документы о забастовках рабочих в Литве в 1932—1939 годах).— «LKP istorijos klausimai», 1974, t. 16, p. 129—141.
Čepulienė S. Darbininkų komitetai buržuazinėje Lietuvoje (1919—1926 m.). (Рабочие комитеты в буржуазной Литве (1919—1926 гг.)).— «LKP istorijos klausimai», 1975, t. 17, p. 19—31.
Čepulienė S. Lietuvos profesinės sąjungos pirmaisiais Tarybų valdžios metais (1940—1941). (Профсоюзы Литвы в первые годы Советской власти (1940—1941)).— «LKP istorijos klausimai», 1971, t. 10, p. 51—64.
Čepulienė S. Tarybų Lietuvos profesinių sąjungų organizaciniai persitvarkymai 1940—1941 metais. (Организационное преобразование профсоюзов Советской Литвы в 1940—1941 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1973, t. 13, p. 29—40.
Česnavičius V. Z. Angarietis apie buržuazinės Lietuvos ekonominį vystymąsi. (З. Ангаретис об экономическом развитии буржуазной Литвы).— «Ekonomika» (Vilnius), 1965, t. 6, sąs. 1, p. 5—19.
Česnavičius V. Lenininės imperializmo ir socialistinės revoliucijos teorijos klausimai Z. Angariečio raštuose. (Вопросы ленинской теории империализма и социалистической революции в трудах З. Алексы-Ангаретиса).— «Ekonomika», 1963, t. 4, sąs. 1, p. 19—34.
Česnavičius V., Buračas A. Z. Angarietis apie 1929—1933 metų pasaulinės ekonominės krizės pasireiškimą Lietuvoje. (З. Агнаретис о проявлении мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. в Литве).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1970, t. 2, p. 61—75.
Dagys J. Ekonominis Lietuvos atsilikimas buržuazijai valdant ir Tarybų Lietuvos liaudies ūkio suklestėjimas. (Экономическая отсталость буржуазной Литвы и расцвет народного хозяйства Советской Литвы).— «Mokslo darbai (Vilniaus untas)», 1954, t. 4. Visuomeninių mokslų serija, t. 1, p. 56—83.
Dagys J. Vilniaus miesto pramonė 1938—1940 metais. (Промышленность города Вильнюса в 1938—1940 гг.).— «Ekonomika», 1968, t. 8, sąs. 3, p. 5—16.
Dagys J. Žemės ūkio skaidymasis buržuazinėje Lietuvoje. (Расслоение сельского хозяйства в буржуазной Литве).— «Ekonomika», 1965, t. 5, sąs. 2, p. 127—134.
Dičius P. Tarybinė žemės reforma Lietuvoje 1940—1941 metais. (Советская земельная реформа в Литве в 1940—1941 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1958, t. 1, p. 19—30.
Dirvelė E. Tarybų Sąjungos ir Lietuvos nepuolimo sutarties sudarymas 1926 m. (Заключение договора о ненападении между Советским Союзом и Литвой в 1926 г.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1961, t. 2, p. 185—199.
Gaigalaitė A. Buržuaziniai nacionalistai hitlerinės Vokietijos tarnyboje 1939—1941 m. (Буржуазные националисты на службе гитлеровской Германии в 1939—1941 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1960, t. 2, p. 133—151.
Grakauskas B. Buržuazinė agrarinė reforma Lietuvoje (1919—1940). (Аграрная реформа в буржуазной Литве (1919—1940).— «Lietuvos žemės ūkio akad. moksliniai darbai» (Kaunas), 1959, t. 6, sąs. 2, p. 75—89.
Grakauskas B. Socialinė-ekonominė buržuazinės Lietuvos kaimo darbininkų ir darbo valstiečių būklė. (Социально-экономическое положение сельских рабочих и трудовых крестьян в буржуазной Литве).— «Lietuvos žemės ūkio akad. moksliniai darbai», 1959, t. 6, sąs. 2, p. 53—74.
Grakauskas B. Tarybinė žemės reforma Lietuvoje. (1940 ir 1944—1948 m.). (Земельная реформа в Советской Литве. (1940 и 1944—1948 гг.)).— «Lietuvos žemės ūkio akad. moksliniai darbai», 1961, t. 8, sąs. 2, p. 17—33.
Gregorauskas M. Socialistiniai pertvarkymai Tarybų Lietuvos žemės ūkyje 1940—1941 metais. (Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Советской Литвы в 1940—1941 годах).—

«LTSR MA Ekonomikos in-to darbai» (Vilnius), 1956, t. 2. Žemės ūkio ekonomikos klausimai, p. 5—28.

Grunskis E. Kapitalinė statyba ir statybininkų kadrai Tarybų Lietuvoje 1940—1941 m. (Капитальное строительство и кадры строителей в Советской Литве в 1940—1941 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1973, t. 1, p. 121—133.

Jančiauskas E. Lietuvos KP politika socialinio aprūpinimo srityje 1940—1941 bei pirmaisiais pokario metais. (Политика КП Литвы в области социального обеспечения в 1940—1941 гг. и первые послевоенные годы).— «LKP istorijos klausimai», 1972, t. 12, p. 99—113.

Jukniene G. Lenininiai kovos su dešiniuoju oportunizmu principai Lietuvos KP veikloje buržuazijos valdymo metais. (Ленинские принципы в борьбе Коммунистической партии Литвы против правооппортунистической идеологии).— «LKP istorijos klausimai», 1970, t. 9, p. 19—30.

Kanopa P. Lietuvos darbininkų streikai 1919—1923 m. (Забастовки трудящихся Литвы в 1919—1923 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1959, t. 1, p. 65—89.

Karakozova E. Ateistinės minties vystymasis buržuazinėje Lietuvoje. (Развитие атеистической мысли в буржуазной Литве).— Кн.: Religijos ir ateizmo klausimai. Vilnius, 1963, p. 293—308.

Kašauskienė V. Lietuvos KP veikimas, pertvarkant mokymo-auklėjimo darbą respublikos mokyklose (1940—1941 m.). (Деятельность КП Литвы по преобразованию учебно-воспитательной работы в школах республики в 1940—1941 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1971, t. 11, p. 29—43.

Krutulytė R. 1940—1941 m. žemės reforma Tarybų Lietuvoje. (Земельная реформа в Советской Литве в 1940—1941 гг.).— «Mokslo darbai» (Vilniaus un-tas), 1958, t. 20. Ist.-filol. mokslų serija, t. 5, p. 41—52.

Lazutka S., Kuliešiuvienė A. Kauno įgulos kareivių sukilimas 1920 metais. (Istoriografija ir kai kurie klausimai). (Восстание солдат Каунасского гарнизона в 1920 г. (Историография и некоторые вопросы)).— «Istorija» (Vilnius), 1969, t. 10, p. 79—99.

Lempertas I. Fašistinės diktatūros Lietuvoje klasinės esmės klausimu. (К вопросу о классовой сущности фашизма в Литве).— «LKP istorijos klausimai», 1959, t. 1, p. 161—180.

Lempertas I. LKP apie svarbiausiąjį darbininkų klasės tikslą kovos prieš fašistinę diktatūrą laikotarpiu. (1926—1940 m.). (КП Литвы о главной цели рабочего класса в период борьбы против фашистской диктатуры. (1926—1940 гг.)).— «LKP istorijos klausimai», 1964, t. 4, p. 37—53.

Lempertas I. LKP taktika kovojant dėl lietuvių tautos laisvės ir nepriklausomybės 1938—1940 m. (Тактика КП Литвы в борьбе за свободу и независимость литовского народа в 1938—1940 гг.).— «Istorija», 1962, t. 3, p. 57—75.

Lempertas I. Revoliucijos varomosios jėgos ir proletariato sąjungininkai Lietuvoje fašistinės diktatūros laikotarpiu (1926—1940). (Движущие силы революции и союзники пролетариата в период фашистской диктатуры в Литве (1926—1940)).— «Istorija», 1960, t. 2, p. 25—57.

Lempertas L. Tarybinė kredito politika Lietuvos kaime 1940—1941 m. ir 1944—1948 m. laikotarpiu. (Советская кредитная политика в литовской деревне в 1940—1941 гг. и 1944—1948 гг.).— «Mokslo darbai» (Vilniaus un-tas), 1958, t. 15. Ekonomikos mokslų serija, t. 3, p. 51—68.

Makauskas St. Komunistinio liaudies auklėjimo problemos 1940—1941 m. Tarybų Lietuvos spaudoje. (Проблемы коммунистического воспитания народа в печати Советской Литвы в 1940—1941 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1968, t. 7, p. 93—106.

Maksimaitis M. Buržuazijos diktatūros Lietuvoje 1926—1940 m. socialinės bazės klausimu. (К вопросу о социальной базе диктатуры буржуазии в Литве в 1926—1940 гг.).— «Teisė», 1972, t. 11, p. 21—30.

Maksimaitis M. 1936—1940 metų Lietuvos seimo fašistiniai bruožai. (Фашистские черты сейма Литвы 1936—1940 гг.).— «Teisė», 1970, t. 9, p. 95—104.

Marcelis A. LKP veikla, vadovaujant darbininkų ekonominiams ir politiniams streikams bei demonstracijoms pirmaisiais fašistinės diktatūros metais (1927—1931 m.). (Деятельность КП Литвы по руководству экономическими и политическими забастовками и демонстрациями рабочего класса в первые годы фашистской диктатуры. (1927—1931 гг.)).—

«LKP istorijos klausimai», 1966, t. 5, p. 23—41.

Meskauskas K., Garuolienė B. 1929—1933 m. pasaulinės ekonominės krizės pasireiškimas Lietuvos pramonėje. (Проявление мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. в промышленности Литвы).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1969, t. 3, p. 15—36.

Micelmacheris V. Tarybinė sveikatos apsauga Lietuvoje 1940—1941 m. (Советское здравоохранение в Литве в 1940—1941 гг.).— «Medicina» (Vilnius), 1962, t. 1, p. 181—190.

Mickevičius J. «Balso» vaidmuo, stiprinant Lietuvos darbo žmonių solidarumą su TSRS ir kitų šalių darbo žmonėmis (1928—1933 m.). (Роль «Балсаса» в укреплении солидарности трудящихся Литвы с трудящимися СССР и других стран (1928—1933 гг.)).— «LKP istorijos klausimai», 1968, t. 7, p. 67—77.

Misevičienė S. Lietuvos Raudonosios pagalbos spauda. (Печать организаций Красной помощи Литвы).— «LKP istorijos klausimai», 1974, t. 16, p. 19—33.

Misiūnaitė E. Reakcinis katalikų bažnyčios vaidmuo fašistų valdomos Lietuvos mokykloje. (Реакционная роль католической церкви в школах фашистской Литвы).— «Istorija», 1965, t. 7, p. 53—68.

Noreikienė S. Lietuvių draugija TSRS tautų kultūrai pažinti. (Литовское общество по изучению культуры народов СССР).— «Lietuvos istorijos metraštis. 1972». Vilnius, 1973, p. 105—118.

Noreikienė S. Lietuvos Komunistų partija rinkimuose į 1-jį ir 2-jį seimus (1922—1923 m.). (Коммунистическая партия Литвы на выборах в первый и второй сеймы (1922—1923 гг.)).— «Kauno Politechnikos in-to darbai», 1958, t. 8, p. 19—28.

Pauliukonis V. Kooperacijos įaugimas į valstybinio-monopolistinio kapitalizmo sistemą buržuazinėje Lietuvoje. (Врастание кооперации в систему государственно-монополистического капитализма в буржуазной Литве).— «Ekonomika», 1962, t. 2, p. 89—111.

Pavilonis V. Buržuazinio demokratinio režimo Lietuvoje klausimu. (К вопросу о буржуазно-демократическом режиме в Литве).— «Teisė», 1966, t. 6, p. 29—43.

Pilkauskas Z. Liaudies švietimo klausimai Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimuose 1919—1940 metais. (Вопросы народного образования в воззваниях Коммунистической партии Литвы в 1919—1940 годах).— «LKP istorijos klausimai», 1976, t. 18, p. 5—20.

Pričinauskas J. Ekonominė darbo valstiečių padėtis Lietuvoje buržuazijos valdymo metais. (Экономическое положение трудового крестьянства в Литве в годы господства буржуазии).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1955, t. 1, p. 7—42.

Ragaišienė V. Lietuvos TSR vietiniai valstybinės valdžios organai 1940—1941 m. (3. Miestų vykdomųjų komitetų veikla). (Местные органы государственной власти Литовской ССР в 1940—1941 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1975, t. 1, p. 93—102.

Rasinas B. Darbo našumo kilimas LTSR socialistinėje pramonėje 1940—1941 metais. (Повышение производительности труда в социалистической промышленности Литовской ССР в 1940—1941 гг.).— «Moksl. metod. darbai (Lietuvos Vaist. kuno kultūros intas)» (Kaunas), 1960, rink. 3, p. 5—22.

Sebeženkovaitė T. LKP vaidmuo valstiečių revoliuciniame judėjime 1936—1940 m. (Роль КП Литвы в революционном крестьянском движении 1936—1940 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1966, t. 5, p. 59—77.

Simonavičius V. 1940 m. socialistinės revoliucijos Lietuvoje socialinių-ekonominių prielaidų klausimu. (К вопросу о социально-экономических предпосылках социалистической революции 1940 года в Литве).— «Ekonomika ir teisė» (Vilnius), 1959, t. 4, p. 5—53.

Sinkevičius V. Lietuvos Komunistų partijos organizatorinis darbas tarp valstiečių fašistinės diktatūros metais (1927—1935 m.). (Организаторская деятельность Коммунистической партии Литвы среди крестьян в годы фашистской диктатуры (1927—1935 гг.)).— «LKP istorijos klausimai», 1975, t. 17, p. 61—74.

Sinkevičius V. Lietuvos valstiečių dalyvavimas revoliuciniame ir antifašistiniame judėjime 1927—1940 metais. Fašistinės diktatūros metais teistų ir administracine tvarka baustų valstiečių statistika. (Участие крестьян Литвы в революционном и антифашистском движении в годы фашистской диктатуры. Статистика осужденных и наказанных в административном порядке крестьян в 1927—1940 гг.).—

«Istorija», 1975, t. 15, sąs. 2, p. 39—50.
Stačiokas S. Teisinės priemonės Lietuvos TSR socialistinės pramonės pagrindams sukurti 1940—1941 m. (Правовые меры по созданию основ социалистической промышленности в Литовской ССР в 1940—1941 гг.).— «Teisė», 1965, t. 5, p. 21—32.
Šarmaitis R. Įamžinant keturių komunistų atminimą. (Iš pranešimo, skaityto atsiminimų vakare Kauno profsąjungų rūmuose 1973 m. gruodžio 27 d., atidengus paminklinį monumentą keturiems komunistams. (К увековечению памяти четырех коммунистов).— «LKP istorijos klausimai», 1975, t. 17, p. 33—44.
Šarmaitis R. Istoriniai Liaudies seimo nutarimai. (Исторические постановления Народного сейма).— Кп.: Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 567—574.
Šarmaitis R. Lietuvos komjaunimo kelias. (Путь комсомола Литвы).— Кп.: Lietuvos komjaunimui 50 metų. Vilnius, 1969, p. 11—50.
Šarmaitis R. Lietuvos Komunistų partija liaudies revoliucinės kovos ir socialistinės statybos priešakyje. (Компартия Литвы во главе революционной борьбы народа и социалистического строительства в республике).— Кп.: Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje. Vilnius, 1967, p. 11—69.
Šarmaitis R. Lietuvos Komunistų partijos ketvirtasis suvažiavimas. (Четвертый съезд Коммунистической партии Литвы).— Кп.: Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 358—364.
Šarmaitis R. Lietuvos Komunistų partijos trečiasis suvažiavimas. (Третий съезд Коммунистической партии Литвы).— Кп.: Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 323—335.
Šarmaitis R. LKP(b) penktasis suvažiavimas. (Пятый съезд КП(б) Литвы).— Кп.: Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1957, p. 575—582.
Tamošiūnas M. Lietuvos Komunistų partijos knygnešių keliais. (По путям книгонош Коммунистической партии Литвы).— «LKP istorijos klausimai», 1964, t. 4, p. 201—206.
Tamošiūnas M. Revoliucinės politinės emigracijos vaidmuo Lietuvos darbo žmonių išsivadavimo kovoje 1919—1923 m. (Роль революционной политической эмиграции в освободительной борьбе трудящихся Литвы в 1919—1923 гг.).— «LKP istorijos klausimai», 1966, t. 5, p. 7—21.
Tiškevičius K. Fašistinės santvarkos krizė Lietuvoje Tarybų valdžios atkūrimo išvakarėse (1938—1940 m.). (Кризис фашистского строя в Литве накануне восстановления Советской власти (1938—1940 гг.)).— Кп.: Už socialistinę Lietuvą. Vilnius, 1960, p. 261—295.
Treigienė V. Tarybų valdžios priemonės 1940—1941 m. darbininkų materialinei gerovei ir kultūriniam lygiui kelti. (Мероприятия Советской власти по повышению материального благосостояния и культурного уровня рабочих в 1940—1941 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1968, t. 2, p. 113—129.
Truska L. Visuomenės klasinės sudėties pakitimas Lietuvoje socializmo statybos metais. (1. Paskutiniai buržuazinės santvarkos metai). (Изменение классовой структуры общества в Литве в годы строительства социализма (1. Последние годы буржуазного строя)).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1965, t. 1, p. 109—133.
Truska L. Visuomenės klasinės sudėties pakitimas Lietuvoje socializmo statybos metais. (1940—1941 m.). (Изменение классовой структуры общества в Литве в годы строительства социализма. (1940—1941 гг.)).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1965, t. 2, p. 193—211.
Vederaitė D. V. Kapsukas apie darbininkų klasės ekonominę padėtį buržuazijos valdomoje Lietuvoje. (В. Мицкявичюс-Капсукас об экономическом положении рабочего класса в буржуазной Литве).— «Ekonomika», 1970, t. 10, sąs. 1, p. 5—22.
Venckus A. Prekybinės kooperacijos socialinis bei ekonominis vaidmuo buržuazinėje Lietuvoje. (Социально-экономическая роль торговой кооперации в буржуазной Литве).— «Ekonomika», 1963, t. 3, sąs. 2, p. 67—84.
Vengrys A. Lietuvos Komunistų partija apie buržuazinės Lietuvos ekonominės raidos etapus. (Коммунистическая партия Литвы об этапах экономического развития буржуазной Литвы).— «Ekonomika», 1964, t. 4, sąs. 2, p. 39—49.
Vitkūnas A. Imperializmo požymių pasireiškimas buržuazinės Lietuvos ekonomikoje. (Проявление признаков империализма в экономике буржуазной Литвы).— «LTSR

MA darbai. Serija A», 1959, t. 1, p. 25—43.
Vitkūnas A. Žemės ūkio gamybos padėtis buržuazinėje Lietuvoje. (Состояние сельскохозяйственного производства в буржуазной Литве).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1959, t. 1, p. 3—24.
Žepkaitė R. Fašistinis perversmas Lietuvoje. (Фашистский переворот в Литве).— Кп.: Lietuvos TSR istorijos bruožai. Kaunas, 1965, p. 84—97.
Žepkaitė R. Priešiška Lietuvai Vatikano politika 1918—1927 metų laikotarpiu. (Враждебная Литве политика Ватикана в период 1918—1927 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1962, t. 1, p. 149—171.
Žilėnas A. Mokesčių politika kaime Tarybų valdžios atkūrimo Lietuvoje metais (1940—1941). (Налоговая политика в деревне при восстановлении Советской власти в Литве (1940—1941 гг.)).— «Ekonomika ir teisė», 1968, t. 8, sąs. 2, p. 33—41.
Žiugžda J. Buržuazinės santvarkos Lietuvoje krizė ir fašistinės diktatūros nuvertimas. (1939—1940 metai). (Кризис буржуазного строя и свержение фашистской диктатуры в Литве (1939—1940 гг.)).— Кп.: Mokslas Tarybų Lietuvoje. Vilnius, 1961, p. 5—29.
Žostautaitė P. Klaipėdos krašto ekonomika ir kultūra 1923—1939 m. (1. Pramonė). (Экономика и культура Клайпедского края в 1923—1939 гг. (1. Промышленность)).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1972, t. 4, p. 159—179.
Žostautaitė P. Klaipėdos krašto ekonomika ir kultūra 1923—1939 m. (2. Žemės ūkis). (Экономика и культура Клайпедского края в 1923—1939 гг. (2. Сельское хозяйство)).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1973, t. 1, p. 103—120.
Žostautaitė P. Lietuvos TSR švietimo liaudies komisariato sukūrimas ir jo darbo planai 1941—1942 m. (Создание Народного комиссариата просвещения Литовской ССР и планы его работы на 1941—1942 гг.).— «LTSR MA darbai. Serija A», 1969, t. 2, p. 131—142.

Латвийская ССР

Источники

Коммунистическая партия Латвии в цифрах (1904—1971 гг.). Рига, 1972. 189 с.
Хронологическое собрание законов Латвийской ССР и постановлений правительства Латвийской ССР. 1940—1959. Рига, 1960. 430 с.
Latvijas Komunistiskās partijas VII kongress. Protokoli un rezolūcijas. (VII съезд КПЛ. Протоколы и резолюции (М.), 1924. 88 lpp.
Latvijas Komunistiskās partijas VIII kongress. Protokoli un rezolūcijas. (VIII съезд КПЛ. Протоколы и резолюции). (М.), 1931, 717 lpp.
Kalnbērziņš J. Ziņojums LK(b)P IX kongresā par partijas darbību. (Отчетный доклад IX съезду КП(б)Л о работе партии). Rīga, 1940. 23 lpp.
Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. 1904.—1940. (Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПЛ. 1904—1940). Rīga, 1958. 642 lpp.
LKP 25 gadi. Rakstu un materiālu krājums. (25 лет КПЛ. Сборник материалов и статей). М., 1929. 674 lpp.
LKP, LKJS un Sarkanās Palīdzības revolucionārās lapiņas, 1—3. (Революционные листовки КПЛ, ЛКСМ и Красной помощи, 1—3). Rīga, 1959.—1963. 816 lpp.; 806 lpp.; 721 lpp.
Latvijas Komjaunatnes vēsture dokumentos. 1917.—1970. (История Комсомола Латвии в документах. 1917—1970). Rīga, 1973. 362 lpp.
Latvijas PSR Mazā Enciklopēdija, 1—3. (Малая энциклопедия Латвийской ССР). Rīga, 1967.—1970.
Latvijas PSR statistikas tabulas. (Статистические таблицы Латвийской ССР). Rīga, 1940. 223 lpp.
Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā (1917.—1957.). (Конституционные акты Советской власти в Латвии (1917—1957)). Rīga, 1957. 417 lpp.
Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. Dokumenti un materiāli. (Победа социалистической революции в Латвии в 1940 году. Документы и материалы). Rīga, 1963. 544 lpp.
«Viva republica!» (Воспоминания участни-

ков антифашистской войны в Испании). Рига, 1957. 392 с.
Борцы Латвии в Испании. 1936—1939. Воспоминания и документы. Рига, 1970. 560 с.
За свободу и жизнь. Воспоминания комсомольцев-подпольщиков. Рига, 1958. 582 с.
Коммунисты Латгалии в годы подполья. 1920—1940. Воспоминания. Рига, 1960. 328 с.
Мы наш, мы новый мир построим. Социалистическая революция и социалистическое строительство в Латвии в 1940—1941 годах. Сборник воспоминаний. Рига, 1975, 296 с.
Невлер (Вилин) В. Е. Дни и годы в революционном подполье. Рига, 1962. 113 с.
Рапопорт Г. Будни подполья. Рига, 1970. 346 с.
Aiz restēm. Latvijas politisko ieslodzīto rakstu krājums. (За решеткой. Сборник статей латвийских политзаключенных). (М.), 1929. 192 lpp.
Cīņas balsis. Apcerējumu un atmiņu krājums par revolucionāro presi latviešu nacionālistiskās buržuāzijas kundzības laikā. 1920.—1940. (Голоса борьбы. Сборник статей и воспоминаний о революционной печати). Rīga, 1959, 574 lpp.
Mēs jaunu pasauli sev celsim. Atmiņu krājums, 1. (Мы новый мир себе построим. Сборник воспоминаний). Rīga, 1972. 374 lpp.
Mēs jaunu pasauli sev celsim. Atmiņu krājums, 2. (Мы новый мир себе построим. Сборник воспоминаний). Rīga, 1975. 312 lpp.
Nost važas! Atmiņu krājums. (Долой оковы! Сборник воспоминаний). Rīga, 1970. 245 lpp.
Revolucionārā Pārdaugava. Cīnītāju atmiņas, 2. 1920.—1940. (Революционное Задвинье. Воспоминания борцов). Rīga, 1963. 350 lpp.
Revolucionārās Liepājas un Lejaskurzemes pagrīde 1918.—1940. g. cīņa. Cīnītāju atmiņas. (Подполье революционной Лиепаи и Леяскурземе в борьбе. 1918—1940. Воспоминания борцов). Rīga, 1977. 235 lpp.
Vidiena liesmo. Atmiņu krājums. (Видиена в огне. Сборник воспоминаний). Rīga, 1966. 322 lpp.
Iljins G. Šodienai mēs nākam līdzi. Atmiņas par LKP Ķaunatas rajona organizācijas darbību buržuāziskajā Latvijā (1925.—1940.). (Мы идем в ногу с сегодняшним днем. Воспоминания). Rīga, 1973. 159 lpp.

Литература

История Латвийской ССР, т. 3. Рига, 1958. 798 с.
История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1971. 621 с.
Латвия и ее армия. М., 1938. 91 с.
Очерки истории Коммунистической партии Латвии, ч. 2. Рига, 1966. 472 с.
15 лет Советской Латвии. Сборник статей. Рига, 1955. 270 с.
Рига. Очерки по истории города. Рига, 1967. 319 с.
Славный путь газеты «Циня». В связи с 70-летием со дня выхода первого номера. Рига, 1974. 268 с.
Бирон А. К., Дорошенко В. В. Советская историография Латвии. Рига, 1970. 498 с.
Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Рига, 1970. 931 с.
Варславан А. Английский капитал в буржуазной Латвии. 1920—1929. Рига, 1972. 220 с.
Варславан А. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920—1923). Рига, 1966. 181 с.
Варславан А. Я. Английский империализм и буржуазия Латвии. Политико-дипломатические взаимоотношения (1924—1929 гг.) Рига, 1975, с. 287.
Восс А. По заветам Ленина. Рига, 1968. 135 с.
Гиршфельд Б. С. Рабоче-крестьянская фракция Латвийского сейма. Рига, 1960. 144 с.
Государственно-правовое строительство Латвийской ССР. Рига, 1968. 312 с.
Гулян П. В. Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1967. 386 с.
Деглав Фр. Кто были подлинные хозяева буржуазной Латвии? Рига, 1947. 318 с.
Дризул А. А. В. И. Ленин и революционная Латвия. Рига, 1970. 239 с.
Дризул А. А. Латвия под игом фашизма. Рига, 1960. 388 с.
Дризул А. А. Очерки истории рабочего движения в Латвии. М., 1959. 168 с.
Дризул А. А. Установление Советской власти в Латвии в 1940 году. Таллин, 1954. 24 с.
Зиемелис С. Хроника пламенных дней.

(Несколько дней из истории Латвии). М., 1976. 94 с.
Калнберзин Я. Десять лет Советской Латвии. Рига, 1950. 1972 с.
Клява Г. Что собой представляла так называемая «демократия» в буржуазной Латвии. Рига, 1946. 39 с.
Крастынь Я. П. Рабочее движение в буржуазной Латвии. Таллин, 1954. 20 с.
Ланцер Б. Борьба продолжается. Комсомол Латвии в борьбе против господства буржуазии в годы экономического кризиса (1930—1934). Рига, 1959. 58 с.
Марков М. Советская Латвия. М., 1940. 64 с.
Маркон И. Очерки истории промышленности Латвии. Рига, 1951. 129 с.
Миллер В. О. Развитие советской государственности в Латвии. М., 1961. 176 с.
Миллер В. О. Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967. 528 с.
Пилат (*Круминьш Я.*). Фашистская диктатура в Латвии и задачи рабочего класса. (М.), 1934. 16 с.
Райнес Г. Борьба комсомола Латвии против фашистской диктатуры. 1934—1940. Рига, 1959. 110 с.
Ринг И. Г. Латвия. Л., 1936. 281 с.
Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1968. 347 с.
Споге О. Первые шаги социалистического строительства. Комсомол Латвии в борьбе за восстановление Советской власти и строительство социализма в Латвии в 1940—1941 гг. Рига, 1960. 85 с.
Спруж Ю. Мы, молодая гвардия... Комсомол Латвии в борьбе за трудовую молодежь в 1919—1929 гг. Рига, 1959. 58 с.
Стародубский Л. В. Упадок фабрично-заводской промышленности в буржуазной Латвии. Рига, 1952. 221 с.
Стумбина Э. Я. Суд и прокуратура Латвийской ССР. Рига, 1962. 156 с.
Стучка П. За Советскую власть в Латвии 1918—1920. Сборник статей. Рига, 1964. 732 с.
Удачин С. А. Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948. 447 с.
Фридман Г., Фридман Ф. Революционная молодежь Латгалии. Рига, 1959. 290 с.
Хенинь А. Пылали факелы во тьме. Рига, 1974. 236 с.
Штейман Н., Музыкантик Я., Пакалн Я. Даугавпилс в прошлом и настоящем. Рига, 1959. 119 с.
Штейман И. А. Тактика Компартии Латвии в социалистической революции 1940 года. Рига, 1977. 168 с.
Cēsis senāk un tagad. (Цесис прежде и теперь). Rīga, 1960. 212 lpp.
Cīņa par padomju varu Latvijā. Rakstu krājums. (Борьба за Советскую власть в Латвии. Сборник статей). Rīga, 1955. 186 lpp.
Cīņa par padomju varu Latvijā. Izraksti no revolucionārās periodikas (1920.—1940.). Literatūras rādītājs. (Борьба за Советскую власть в Латвии. Указатель литературы и материалов по революционной периодике. (1920—1940)). Rīga, 1969. 496 lpp.
Sociālisma uzvara Latvijā. Rakstu krājums. (Победа социализма в Латвии. Сборник статей). Rīga, 1960. 232 lpp.
Balevics Z. Baznīca un valsts buržuāziskajā Latvijā. 1920.—1940. (Церковь и государство в буржуазной Латвии 1920—1940 гг.). Rīga, 1964. 270 lpp.
Berkovičs B. Fašistiskais apvērsums Latvijā un LKP taktika. (Фашистский переворот в Латвии и тактика КПЛ). Rīga, 1960. 193 lpp.
Birziņa L. Padomes — Latvijas PSR politiskais pamats. (Советы — политическая основа Латвийской ССР). Rīga, 1972. 264 lpp.
Brolišs J. Antikomunisms un nacionālais jautājums. (Антикоммунизм и национальный вопрос). Rīga, 1970. 139 lpp.
Daniševskis J. Latvijas iekšējais un starptautiskais stāvoklis. (Внутреннее и международное положение Латвии). (М.), 1928. 46 lpp.
Deglavs Fr. Rakstu izlase, 1.—2. (Собр. соч.). Rīga, 1959.—1960. 279 lpp.; 306 lpp.
Dzērve P. 1929.—1933. g. ekonomiskā krīze buržuāziskajā Latvijā un tās īpatnības. (Экономический кризис 1929—1933 гг. в буржуазной Латвии и его особенности). Rīga, 1953. 239 lpp.
Drīzulis A. Buržuāziskās Latvijas pirmie gadi. (Первые годы буржуазной Латвии). Rīga, 1948. 22 lpp.
Drīzulis A. Cīņā par brīvību. (В борьбе за свободу). Rīga, 1956. 179 lpp.
Drīzulis A. Cīņa par fašistiskās diktatūras gāšanu un Padomju Latvijas nodibināšanu 1940. gadā. (Борьба за свержение фашистской диктатуры и образование

Советской Латвии в 1940 году). Rīga, 1951. 73 lpp.

Drīzulis A. Padomju Latvijas sociālistiskās celtniecības pirmie soli (1940.—1941.). (Первые шаги социалистического строительства Советской Латвии 1940—1941 гг.). Rīga, 1952. 83 lpp.

Himelreihs L. Tā ausa brīvības rīts. LKP cīņa par sociālistiskās revolūcijas uzvaru 1940. gadā. (Так занималось утро свободы. Борьба Коммунистической партии Латвии за победу социалистической революции в 1940 году). Rīga, 1966. 149 lpp.

Jablonskis A. Buržuāzijas terors un strādnieku šķiras stāvoklis tā sauktajā «demokrātiskajā» Latvijā. (Буржуазный террор и положение рабочего класса в так называемой «демократической» Латвии). Rīga, 1947. 34 lpp.

Kalnbērziņš J. Latvju tauta cīņā ar vācu iebrucējiem. (Латышский народ в борьбе с немецкими захватчиками). M., 1943. 24 lpp.

Kalniņš J. Latvijas Komunistiskās partijas ekonomiskā platforma 1920.—1940. g. (Экономическая платформа Коммунистической партии Латвии в 1920—1940 гг.). Rīga, 1959. 205 lpp.

Kanāle V. Fašistiskās diktatūras sabrukums Latvijā. (Крах фашистской диктатуры в Латвии). Rīga, 1960. 103 lpp.

Kiršs J. Agrārjautājums Latgalē. (Аграрный вопрос в Латгалии). (M.), 1927. 90 lpp.

Krastiņš J. Latvija buržuāziskās republikas laikā (1929.—1934.). (Латвия во время буржуазной республики (1923—1934)). Rīga, 1949. 95 lpp.

Krastiņš J. Latvija fašistiskās diktatūras laikā (1934.—1940.). (Латвия во время фашистской диктатуры (1934—1940). Rīga, 1949. 87 lpp.

Lācis V. Latvija priekš gada un tagad. (Латвия год назад и теперь). M., 1942. 15 lpp.

Leits A. Buržuāziskā Latvija ārzemju kapitāla jūgā (1921.—1929.). (Буржуазная Латвия под игом иностранного капитала (1921—1929)). Rīga, 1957. 157 lpp.

Leits A. Buržuāziskās Latvijas ekonomika un saimnieciskie sakari (1929.—1939.). (Экономика и хозяйственные связи буржуазной Латвии (1929—1939)). Rīga, 1958. 236 lpp.

Miške V. Buržuāziskās Latvijas pirmā sociāldemokrātiskā valdība. (Первое социал-демократическое правительство буржуазной Латвии). (M.), 1928. 255 lpp.

Niedre J. Diena dienu māca. (День за днем. Воспоминания). Rīga, 1969. 312 lpp.

Pilats (Krūmiņš) J. Politiskās partijas un strādnieku šķiras cīņa Latvijā. (Политические партии и борьба рабочего класса в Латвии). (Pleskava), 1921. 53 lpp.

Počs K. «Sanitārā kordona» valgos. Baltijas savienības jautājums buržuāziskās Latvijas ārpolitikā 1919.—1925. (В сетях «санитарного кордона». Вопрос о Балтийском союзе во внешней политике буржуазной Латвии). Rīga, 1971. 262 lpp.

Rudevics A. Fašistiskā diktatūra Latvijā (1934.—1940.). (Фашистская диктатура в Латвии (1934—1940)). Rīga, 1961. 185 lpp.

Rudevics A. Meņševisma bankrots Latvijā. (Банкротство меньшевизма в Латвии). Rīga, 1957. 142 lpp.

Rudevics A. Pārdomas par buržuāzisko Latviju. (Раздумья о буржуазной Латвии). Rīga, 1971. 156 lpp.

Samsonova L., Hiršfelds B. Caur restēm. No Latvijas Sarkanās Palīdzības vēstures. (Сквозь решетки. Из истории латвийской Красной помощи). Rīga, 1961. 151 lpp.

Sīpols V. Dzimtenes nodevība. Buržuāziskās Latvijas ārpolitika no 1933. līdz 1940. gadam. (Измена родине. Внешняя политика буржуазной Латвии в 1939—1940 гг.). Rīga, 1963. 260 lpp.

Sīpols V. Latvijas buržuāziskā diplomātija. (Буржуазная дипломатия Латвии). Rīga, 1969. 148 lpp.

Sīpols V. Slepenā diplomātija. Buržuāziskās Latvijas ārpolitika 1919.—1932. gadā. (Тайная дипломатия. Внешняя политика буржуазной Латвии в 1919—1932 гг.). Rīga, 1965. 258 lpp.

Sprēslis A. Strādnieku kustība buržuāziskajā Latvijā pasaules ekonomiskās krīzes gados (1929.—1933.). (Рабочее движение в буржуазной Латвии в годы мирового экономического кризиса (1929—1933)). Rīga, 1958. 171 lpp.

Stučka P. Latvijas Komunistiskās partijas programmas projekts. (Проект программы КПЛ). (M.), «Spartaks», 1930. 62 lpp.

Stučka P. Par pilsonisko demokrātiju — uz padomju varu. (За буржуазную демократию — к власти Советов). (M.), «Spartaks», 1925. 36 lpp.

Sviķis A. Agrārais jautājums buržuāziskajā Latvijā (1920.—1934.). (Аграрный вопрос в буржуазной Латвии (1920—1934)). Rīga, 1960. 262 lpp.

Šteimanis J. Cīņā pret kapitālu. Arodkustība Latvijā no 1920. gada līdz 1940. gadam. (В борьбе против капитала. Профсоюзное движение Латвии в 1920—1940 гг.). Rīga, 1959. 191 lpp.

Šteimanis J. Jūnija dienās. (В июньские дни). Rīga, 1960. 76 lpp.

Šteimanis J. Latvijas Komunistiskā partija cīņā par strādnieku šķiras vairākumu (1920.—1940.). (Коммунистическая партия Латвии в борьбе за большинство рабочего класса (1920—1940 гг.)). Rīga, 1957. 260 lpp.

Šteimanis J. Latvijas Komunistiskās partijas taktika cīņā par padomju varas atjaunošanu 1920.—1940. g. (Тактика КПЛ в борьбе за восстановление Советской власти в Латвии в 1920—1940 гг.). Rīga, 1965. 140 lpp.

Zeile P. Estētiskā doma Latvijā (līdz 1940. gadam). (Эстетическая мысль в Латвии до 1940 года). Rīga, 1976. 507 lpp.

Ziemelis S. Jānis Bērziņš Ziemelis. Dzīves un darba apskats. (Янис Берзинь-Зиемелис). Rīga, 1971. 255 lpp.

Ziemelis S., Gusevs A. Pīlādzis. Jāņa Krūmiņa-Pilāta dzīves apraksts. (Пиладзис. Очерк жизни Я. Круминя-Пилата). Rīga, 1967. 172 lpp.

Zīle Ļ. Strādnieku šķiras izaugsme Padomju Latvijā. (Развитие рабочего класса в Советской Латвии). Rīga, 1967. 134 lpp.

Žagars E. Sociālistiskie pārveidojumi Latvijā 1940.—1941. (Социалистические преобразования в Латвии 1940—1941). Rīga, 1975. 252 lpp.

*

Аболинь Я. К. Деградация и упадок промышленности буржуазной Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1951.

Арнте А. Я. Коммунистическая партия Латвии — руководитель борьбы левых профсоюзов за единство рабочего класса (1920—1929). Автореф. канд. дис. Рига, 1964.

Бамбитис П. Б. Борьба СССР против агрессивных планов империалистических держав в отношении Латвии (1939—1940). Автореф. канд. дис. М., 1958.

Беркович Б. Ц. Фашистский переворот в Латвии и тактика КПЛ. Автореф. канд. дис. Рига, 1961.

Буль А. К. Латгальская организация Коммунистической партии Латвии в борьбе против диктатуры буржуазии (1920—1929 гг.). Автореф. канд. дис. Рига, 1967.

Варславан А. Я. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920—1925). Автореф. канд. дис. Л., 1963.

Гудзука В. Я. Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г. Автореф. канд. дис. Рига, 1955.

Дризул А. Советско-латвийские отношения в 1939—1940 гг. Автореф. канд. дис. М., 1947.

Жагар Э. А. Социалистические преобразования в Латвийской ССР в 1940—1941 гг. Автореф. канд. дис. Рига, 1974.

Зиемелис С. В. Коммунистическая партия Латвии в период экономического кризиса и накануне фашистского переворота (1930—1934 гг.). Автореф. канд. дис. Рига, 1964.

Калнынь Дз. Я. Аграрный вопрос в буржуазной Латвии в годы фашистской диктатуры (1934—1940). Автореф. канд. дис. Рига, 1955.

Капениек И. В. Использование Компартией Латвии легальных возможностей в буржуазном сейме в 1928—1934 гг. Автореф. канд. дис. Рига, 1970.

Крупников П. Я. Легальная революционная печать Латвии в период временной стабилизации капитализма (1924—1929). Автореф. канд. дис. Рига, 1962.

Латковскис А. В. Экспансия США в Прибалтике (после первой мировой войны). Автореф. канд. дис. Л., 1954.

Левитан С. А. Коммунистическая нелегальная печать Латвии в борьбе за Советскую власть в 1919—1940 гг. Автореф. канд. дис. Рига, 1965.

Лейт А. И. Иностранный капитал в Латвии (1919—1939 гг.). Автореф. докт. дис. Рига, 1956.

Лидаце Э. Р. Коммунистическая партия Латвии в первые годы буржуазной диктатуры (1920—1923). Автореф. канд. дис. Рига, 1964.

Медведева К. М. Борьба Коммунистической партии Латвии за создание и проведение единого фронта пролетариата против фашистской диктатуры (1934—1938 гг.). Автореф. канд. дис. Рига, 1954.

Миллер В. О. Создание Конституции Латвийской ССР. Автореф. канд. дис. Рига, 1954.

Миллер В. О. Создание Советской государственности в Латвии. Автореф. докт. дис. М., 1966.
Никитин В. Н. Коммунистическая нелегальная печать Латвии в 1919—1929 гг. Автореф. канд. дис. Даугавпилс — Рига, 1962.
Партизпанян Я. Н. Культурное строительство в Советской Латвии в 1940—1941 годах. Автореф. канд. дис. Рига, 1965.
Почс К. Я. Вопрос о польско-балтийском антисоветском союзе во внешней политике буржуазной Латвии (1920—1925). Автореф. канд. дис. Рига, 1966.
Райнес Г. Комсомол Латвии под руководством Коммунистической партии в борьбе против фашизма (1934—1940 гг.). Автореф. канд. дис. Рига, 1959.
Савченко В. И. Союз рабочего класса и крестьянства в период борьбы за построение социализма в Латвийской ССР (1940—1950 гг.). Автореф. канд. дис. Рига, 1956.
Сиполс В. Я. Антинародная внешняя политика правящих кругов буржуазной Латвии 1918—1940 гг. Автореф. докт. дис. М., 1965.
Скултынь В. Образование Латвийской ССР в 1940 г. Автореф. канд. дис. М., 1960.
Спруж Ю. Ю. Борьба Коммунистического Союза молодежи Латвии под руководством Коммунистической партии против диктатуры буржуазии в 1919—1929 годах. Автореф. канд. дис. Рига, 1954.
Стумбина Э. Я. История суда Советской Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1953.
Химелрейх Л. П. Коммунистическая партия Латвии — вдохновитель и организатор борьбы трудящихся за победу социалистической революции в 1940 году. Автореф. канд. дис. М., 1966.
Шмулдер М. Роль финансовой политики государства буржуазной Латвии в перераспределении национального дохода в пользу эксплуататорских классов и в ограблении трудящихся. Автореф. канд. дис. Рига, 1963.
Штейман И. А. Тактика Коммунистической партии Латвии в борьбе за восстановление Советской власти (1920—1940 гг.). Автореф. докт. дис. М., 1965.
Яунземе Л. Я. Экономика буржуазной Латвии в период фашизма (1934—1940 гг.). Автореф. канд. дис. Рига, 1953.

*

Арнте А. Я. Коммунистическая партия Латвии в борьбе за организационное единство профсоюзного движения в 1920—1928 гг.— «Ученые записки Латв. ун-та», 1964, т. 62, с. 111—125.
Бамбитис П. Б. Советско- латвийский пакт взаимопомощи 5 октября 1939 г.— В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. М., 1958, с. 371—391.
Бамбитис П. Угроза агрессии фашистской Германии в буржуазной Латвии в 1939 году.— «Учен. зап. Латв. ун-та», 1958, т. 18, с. 149—178.
Бирон А. К. Вопросы истории буржуазной Латвии (1920—1940 гг.) в освещении советских историков.— «Известия АН ЛатвССР», 1966, № 1, с. 3—20.
Варславан А. Я. К вопросу о влиянии английского капитала на экономику Латвии (1920—1923 гг.).— «Учен. зап. Латв. ун-та», 1963, т. 50, с. 83—131.
Горис А. Латышские буржуазно-националистические эмигранты — орудие антикоммунистической политики.— В кн.: Антикоммунизм — орудие империалистической реакции. М., 1967, с. 198—226.
Граматниек П. Июньские дни сорокового...— «Коммунист Советской Латвии», 1970, № 7, с. 24—28; № 8, с. 40—45.
Гудзука (Канале) В. Победа Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Коммунист Советской Латвии», 1955, № 7, с. 19—26.
Дауге П. Латвия с 1918 по 1940 гг.— «Вестник АН СССР», 1940, № 11/12, с. 51—67.
Дауге П. Октябрьская революция в Латвии.— «Исторический журнал», 1940, № 11, с. 33—44.
Дризул А. А. Борьба антифашистского народного фронта Латвии под руководством Коммунистической партии против фашистской диктатуры.— «Вопросы истории», 1958, № 11, с. 62—89.
Дризул А. А. Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Доклады и сообщения Института истории (АН СССР)». М., 1955, вып. 4, с. 68—84.
Дризул А., Спреслис А. Из истории борьбы рабочего класса Латвии за свержение фашистской диктатуры (1934—1940 гг.).— «Коммунист Советской Латвии», 1953, № 11, с. 18—30.
Дризул А. А. Извращение истории социалистической революции в Латвии в эмигрантской буржуазной историографии.— В кн.: Зарубежная литература об Ок-

тябрьской революции. М., 1961, с. 299—305.

Дризул А. А. Историческая закономерность.— «Коммунист Советской Латвии», 1965, № 7, с. 13—18.

Дризул А. А. К вопросу о фальсификации истории буржуазной Латвии в зарубежной историографии.— «Известия АН ЛатвССР», 1960, № 5, с. 5—12.

Дризул А. Политические выступления и стачечная борьба пролетариата Латвии в годы временной частичной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.),— «Известия АН ЛатвССР», 1955, № 11, с. 21—35.

Дризул А. Рига — центр революционного рабочего движения в борьбе за Советскую власть.— «Известия АН ЛатвССР», 1951, № 12, с. 1841—1854.

Дризул А. А. Создание Союза трудовой молодежи Латвии (СТМЛ).— Известия АН ЛатвССР», 1958, № 11, с. 5—15.

Дризул А. А. Установление Советской власти и первые шаги социалистического строительства в Латвии (1940—1941 гг.).— «Исторические записки», М., 1954, т. 54, с. 201—207.

Жагар Э. А. Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны.— В кн.: В дни войны. Рига, 1964, с. 27—56.

Жагар Э. А. Победа социалистической революции в Латвии в 1940 году.— «Известия АН ЛатвССР», 1965, № 8, с. 3—17.

Жагар Э. А. Подготовка социалистической национализации промышленности Латвии в 1940—1941 гг.— «Известия АН ЛатвССР», 1967, № 9, с. 17—30.

Жагар Э. А. Проведение социалистической национализации промышленности Латвии в 1940—1941 гг.— «Известия АН ЛатвССР», 1967, № 10, с. 16—36.

Жагар Э. А. Укрепление и развитие связей Латвийской ССР с братскими республиками Советского Союза. (1940—1941 гг.).— «Известия АН ЛатвССР», 1968, № 3, с. 74—92.

Жагар Э. А. Исторические решения Народного сейма Латвии,— «Коммунист Советской Латвии», 1976, № 7, с. 56—57.

Жагар Э. А. История организации совхозов в Латвийской ССР (1940—1941 гг.).— «Известия АН ЛатвССР», 1968, № 7, с. 19—31.

Жагар Э. А. Периодическая печать Латвии как источник по истории социалистической революции и социалистического строительства в 1940—1941 гг.— Тезисы докладов и сообщений конференций по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968, с. 100—104.

Жагар Э. А. Создание производственных кооперативных объединений в сельском хозяйстве Латвии в 1940—1941 гг.— «Известия АН ЛатвССР», 1969, № 1, с. 68—86.

Жагар Э. А. Организация и деятельность машинно-тракторных станций (МТС) и машинно-коннопрокатных пунктов (МКПП) в Латвийской ССР в 1940—1941 гг.— «Известия АН ЛатвССР», 1970, № 6, с. 41—64.

Жагар Э. А. Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 году.— «Известия АН ЛатвССР», 1970, № 8, с. 3—29.

Жагар Э. А. Вступление Латвийской ССР в состав СССР в 1940 году.— «Известия АН ЛатвССР», 1972, № 12, с. 97—114.

За правильное освещение истории Компартии Латвии.— «Коммунист», 1964, № 12, с. 65—69.

Каралюн В. Ю. Зарождение социалистических аграрно-индустриальных связей в Латвийской ССР (1940—1950 годы).— «Известия АН ЛатвССР», 1974, № 6, с. 63—81.

Курпниек А. IX съезд Коммунистической партии (большевиков) Латвии.— «Большевик Советской Латвии», 1950, № 24, с. 9—19.

Лейт А. Монополия и государственно-монополистический капитализм в буржуазной Латвии.— «Известия АН ЛатвССР», 1956, № 8, с. 5—27.

Мелькисис Э. Создание и деятельность органов государственного контроля в 1940—1941 годах в Латвии.— «Известия АН ЛатвССР», 1965, № 9, с. 3—10.

Миллер В. О. Государственность Советской Латвии в 1940—1941 гг.— «Ученые записки Латв. ун-та», 1964, т. 64, с. 21—76.

Миллер В. Развитие государственно-правовых взглядов Коммунистической партии Латвии в 1920—1940 гг.— «Правоведение», 1966, № 4, с. 30—39.

Миллер В. О. Роль Конституции Латвийской ССР в строительстве социалистической экономики республики в 1940—

1941 гг.— «Ученые записки Латв. ун-та», 1958, т. 24, с. 159—172.
Очерки истории Коммунистической партии Латвии, ч. III, гл. XVI. Деятельность Коммунистической партии Латвии после восстановления Советской власти (июль 1940 г.— июнь 1941 г.). (Макет).— «Коммунист Советской Латвии», 1977, № 4, с. 40—49; № 5, с. 28—38; № 6, с. 29—43; № 7, с. 35—43; № 8, с. 50—59.
Савченко В. Компартия Латвии в борьбе за трудовое крестьянство в период создания народного антифашистского фронта (1938—1940).— «Известия АН ЛатвССР», 1957, № 8, с. 5—14.
Савченко В. О некоторых мероприятиях по социалистическому строительству в сельском хозяйстве Латвийской ССР в 1940—1941 гг.— «Известия АН ЛатвССР», 1958, № 3, с. 9—16.
Сиполс В. Внешняя политика правящих кругов буржуазной Латвии — политика измены народу (1939—1940 гг.).— «История СССР», 1963, № 1, с. 48—64.
Сиполс В. Как клика Ульманиса предавала латышский народ.— «Коммунист Советской Латвии», 1962, № 8, с. 50—56.
Скултыня Я. Как проводились выборы в Народный сейм в Латвии в 1940 году.— «Коммунист Советской Латвии», 1957, № 7, с. 65—71.
Скултыня В. Экономические мероприятия Народного правительства Латвии в июне — июле 1940 года.— «Известия АН ЛатвССР», 1959, № 6, с. 5—10.
Спреслис А., Дризул А. Из истории рабочего движения в буржуазной Латвии в годы послевоенного экономического кризиса революционного подъема (1920—1923 гг.).— «Большевик Советской Латвии», 1951, № 14, с. 31—41.
Спреслис А., Дризул А. Из истории рабочего движения в буржуазной Латвии в период частичной стабилизации капитализма (1924—1928 гг.).— «Большевик Советской Латвии», 1952, № 8, с. 14—26.
Спреслис А., Дризул А. Рабочее движение в буржуазной Латвии в годы мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.).— «Большевик Советской Латвии», 1952, № 9, с. 16—31.
Стумбина Э. Создание органов советской юстиции в Латвии в 1940—1941 гг.— «Ученые записки Латв. ун-та», 1958, т. 24, с. 101—117.
Штейман И. А. Из истории борьбы Коммунистической партии Латвии за массы (1924—1928).— «Коммунист Советской Латвии», 1955, № 6, с. 32—39.
Штейман И. А. О восстановлении Советской власти в Латвии.— «Ученые записки Даугавпилсского педагогического ин-та» (Рига), 1959. Серия гуманитарных наук, вып. 2, с. 5—20.
Штейман И. А. Нелегальная деятельность Коммунистической партии Латвии в период буржуазной республики.— «Вопросы истории КПСС», 1960, № 5, с. 80—94.
Штейман И. А. Освещение тактики КПЛ 1920—1940 гг. в работах историков Советской Латвии.— «Ученые записки Даугавпилсского педагогического ин-та» (Рига), 1965. Серия обществ. наук, вып. 2, т. 12, с. 63—80.
Штейман И. А. Многообразие форм перехода к социализму и социалистическая революция 1940 года в Латвии.— В кн.: Годы борьбы и побед. Рига, 1968, с. 91—105.
Apsītis R. Valsts un tiesības Latvijā padomju varas atjaunošanas un sociālisma pamatu izveidošanas posmā. (Государство и право в Латвии в период восстановления Советской власти и создания основ социализма).— В кн.: Latvijas PSR valsts un tiesību vēsture. Rīga, 1970, 85.—130.lpp.
Arnte A. Latvijas Komunistiskās partijas Centrālās Komitejas Ārzemju biroja darbs marksistiskās literatūras izdošanā (1920.—1921.). (Деятельность Заграничного бюро ЦК КПЛ по изданию марксистской литературы (1920—1921)).— В кн.: Из истории борьбы КПЛ. Рига 1973, с. 129—148.
Arnte A. Latvijas kreisās arodbiedrības un strādnieku vienotā rīcība ekonomiskajā cīņā ar kapitālu 1924.—1928. g. (Левые профсоюзы Латвии и единые действия рабочих в экономической борьбе с капиталом в 1924—1928 гг.) Rīgas Politehniskā institūta zinātniskie raksti, 1963, № 13, 171.—197.lpp.
Arnte A. Latvijas kreiso arodbiedrību sakari ar Padomju zemes strādnieku šķiru (1920.—1929.). (Связи левых профсоюзов Латвии с рабочим классом Советской страны (1920—1929 гг.)).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1964, № 6, 3.—12.lpp.
Birziņa L. Latvijas PSR vietējie valsts orgāni 1940.—1941. gadā. (Местные органы государственной власти Латвийской

ССР в 1940—1941 гг.).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1960, № 2, 19.—33.lpp.
Birziņa L. Pašvaldības iestāžu demokratizācija Latvijā pēc fašistiskās diktatūras gāšanas 1940. gadā. (Демократизация учреждений самоуправления Латвии после свержения фашистского режима в 1940 г.).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1959, № 10, 15.—24.lpp.
Drīzulis A. Antifašistiskās tautas frontes cīņa pret fašistisko diktatūru, par padomju varas nodibināšanu Latvijā. (Борьба антифашистского народного фронта против фашистской диктатуры, за установление Советской власти в Латвии).— В кн.: Sociālisma uzvara Latvijā. Rīga, 1960, 27.—62. lpp.
Drīzulis A. Padomju varas nodibināšana un sociālisma celtniecības pirmie soli Latvijā (1940.—1941.). (Установление Советской власти и первые шаги в строительстве социализма в Латвии (1940—1941 гг.)).— В кн.: Cīņa par padomju varu Latvijā. Rīga, 1955, 79.—138.lpp.
Dumpe L. Sociālistisko darbu attieksmju veidošanās Latvijā 1940.—1941. gadā. (Формирование социалистических трудовых отношений в Латвии в 1940—1941 гг.).— «Arheologija un etnogrāfija», 6. Rīgā, 1964, 181.—191.lpp.
Graužinis S. Piezīmes par Latvijas PSR prokuratūras izveidošanu un attīstību 1940. un 1941. gadā. (Заметки о создании и развитии прокуратуры Латвийской ССР в 1940 и 1941 гг.).— «Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti», 1962, № 44, 185—199.lpp.
Kanāle V. Latvijas reakcionārā buržuāzija ārzemju imperiālistu kalpībā. (Реакционная буржуазия Латвии на службе иностранного империализма).— «Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti», 1958, № 26, 3.—20.lpp.
Kapeniece I. LKP vadīto kreiso frakciju darbība pilsētu domēs (1928.—1934.). (Деятельность левых фракций руководимых КПЛ, в городских думах (1928—1934)).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1973, № 2, 25.—35.lpp.
Kurpnieks A. Latvijas darbalaužu cīņa par padomju varas nodibināšanu un nostiprināšanu. (Борьба трудящихся Латвии за установление и укрепление Советской власти).— «Padomju Latvijas Skola», 1952, № 6, 7.—15.lpp.
Levitāns S. Kalnciema katorgas gals (1940.). (Конец Калнциемской каторги (1940)).— В кн.: Pa vēsturisko notikumu pēdām, 1. Rīga, 1972. 118.—122.lpp.
Levitāns S. Latvijas komunistiskā prese cīņā par Latvijas brīvību un neatkarību fašistiskās diktatūras laikā (1934.—1940. g.). (Коммунистическая печать Латвии в борьбе за свободу и независимость Латвии в период фашистской диктатуры (1934—1940)).— «Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti», 1959, № 26, 21.—49.lpp.
Levitāns S. Nelegālā komunistiskā prese cīņā par strādnieku šķiras ikdienas prasībām buržuāziskajā Latvijā (1920.—1940.). (Нелегальная коммунистическая печать в борьбе за насущные требования рабочего класса Латвии (1920—1940 гг.)).— «Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti», 1961, № 40, 3.—42.lpp.
Levitāns S. Piezīmes par komunistiskās preses pagrīdes izdevumiem Latvijā 1919.—1940. g. (Заметки о подпольных изданиях Коммунистической печати в Латвии в 1919—1940 гг.) — «Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti», 1957, № 16, 37.—64.lpp.
Līdace E. Latvijas Komunistiskās partijas nelegālās organizācijas izveidošana buržuāziskās diktatūras pirmajos gados (1919.—1922. g.). (Создание нелегальной организации Коммунистической партии Латвии в первые годы буржуазной Латвии (1919—1922 гг.)).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1959, № 2, 15.—26.lpp.
Partizpanjana J. Latvijas Komunistiskās partijas un Padomju valdības pasākumi augstskolu darba reorganizācijā 1940/1941. gadā. (Мероприятия Коммунистической партии Латвии и Советского правительства по реорганизации работы высшей школы в 1940—1941 гг.).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1965, № 1, 3.—13.lpp.
Partizpanjana J. Padomju varas pasākumi tautas izglītības sistēmas pārkārtošanā Latvijā 1940.—1941. g. (Мероприятия Советской власти по перестройке системы народного образования Латвии в 1940—1941 гг.) — «Rīgas Politehniskā institūta zinātniskie raksti», 1964, № 13, 57.—84.lpp.
Počs K. Četru valstu ārlietu ministru Helsinku konference 1925. g. janvārī un im-

periālistisko valstu mēginājums iesaistīt Latviju pretpadomju savienībā. (Конференция министров иностранных дел четырех стран в Хельсинки в январе 1925 г. и попытки империалистических государств вовлечь буржуазную Латвию в антисоветский союз).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1965, № 8, 33.—44.lpp.
Počs K. Pretpadomju Polijas — Baltijas valstu savienības jautājums buržuāziskās Latvijas ārpolitikā 1920.—1923. g. (Вопрос о польско-балтийском антисоветском союзе во внешней политике буржуазной Латвии в 1920—1923 гг.).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1966, № 1, 21.—29.lpp.
Prēdele J. Latvijas Komunistiskās partijas attieksme pret buržuāzisko demokrātiju Latvijā (historiogrāfisks apskats). (Отношение КПЛ к буржуазной демократии в Латвии (историографический обзор)).— В кн.: Из истории борьбы КПЛ. Рига, 1973, с. 149—165.
Rainesa G. Latvijas komjaunatne cīņā par strādnieku šķiras vienoto fronti (1934.—1936.). (Комсомол Латвии в борьбе за единый фронт рабочего класса (1934—1936)).— «Учен. зап. Рижского пед. ин-та», 1958, № 7, с. 309—338.
Rainesa G. Oktobra ideju īstenošana 1940. gada revolūcijā Latvijā. (Воплощение идей Октября в революции 1940 года в Латвии).— В кн.: No LKP cīņas par padomju varas uzvaru, sociālisma uzcelšanu un komunisma materiāli tehniskās bāses radīšanu. Rīga. 1970, 107.—129. lpp.
Rainesa G. Par dažiem Latvijas Komunistiskās partijas vēstures periodizācijas jautājumiem (1920.—1940.). (О некоторых вопросах периодизации истории КПЛ (1920—1940)).— В кн.: Из истории борьбы КПЛ. Рига, 1973, с. 95—113.
Straume A. LKP darbība tautas masu solidaritātes jūtu audzināšanā ar kapitālistisko zemju darbalaudīm. (Деятельность КП Латвии по воспитанию солидарности трудящихся Латвии с трудящимися капиталистических стран).— В кн.: Годы борьбы и побед. Рига, 1968, с. 45—61.
Svikis A. Agrārās reformas raksturs buržuāziskajā Latvijā. (Характер земельной реформы в буржуазной Латвии).— «Latvijas Valsts universitātes Zinātniskie raksti», 1958, № 18, 99.—114.lpp.
Šmulders M. Valsts kapitālisma tendenču pastiprināšanās fašistiskajā Latvijā. (Усиление тенденций государственного капитализма в фашистской Латвии).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1958, 8, 5.—13.lpp.
Varslavāns A. Anglijas cīņa par buržuāziskās Latvijas iesaistīšanu kopējā imperiālisma pretpadomju frontē (1920.—1923.). (Борьба Англии за вовлечение буржуазной Латвии в единый империалистический антисоветский фронт (1920—1923)).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1962, № 8, 18.—23.lpp.
Valeskalns P. Sociālistiskās tautas izglītības sistēmas izveidošana Latvijā 1940. un 1941. gadā. (Создание социалистической системы народного образования в Латвии в 1940 и 1941 гг.).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1970, № 6, 16.—19.lpp.
Žagars E. Latvijas Komunistiskā partija sociālistisko pārveidojumu laikā 1940. gada augustā — decembrī. (Коммунистическая партия Латвии в период социалистических преобразований в августе — декабре 1940 года).— «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1973, № 6, 45.—62.lpp.
Žagars E. Revolucionāro tradīciju izmantošana komunistiskās audzināšanas darbā Padomju Latvijā 1940. un 1941. gadā. (Использование революционных традиций в коммунистическом воспитании трудящихся Советской Латвии в 1940 и 1941 гг.).— «Arheologija un etnogrāfija» (Rīgā), 1970, № 9, 135.—193.lpp.

Эстонская ССР

Источники

Хронологическое собрание законов Эстонской Советской Социалистической Республики, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства Эстонской ССР, т. 1. 1940—1941. Таллин, 1953, 444 с.
О революционной ситуации в Эстонии накануне восстановления Советской власти в 1940 г. (Документы). «Исторический архив», 1960, № 3, с. 3—34.

Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. Dokumente ja materjale. (Восстание эстонского пролетариата 1 декабря 1924. Документы и материалы). Tallinn, 1974. 236 lk.

Eestimaa Kommunistliku Partei I kongress. Dokumente ja materjale. (I съезд Коммунистической партии Эстонии. Документы и материалы). Tallinn, 1960. 147 lk.

Eestimaa Kommunistliku Partei II kongress. Dokumente ja materjale. EKP tegevusest ajavahemikul 1921. aasta jaanuarist 1922. aasta aprillini. (II съезд Коммунистической партии Эстонии. Документы и материалы). Tallinn, 1962. 444 lk.

Eestimaa Kommunistliku Partei III kongress. Dokumente ja materjale. EKP tegevusest ajavahemikul 1922. aasta maist 1924. aasta aprillini. (III съезд Коммунистической партии Эстонии. Документы и материалы). Tallinn, 1975. 422 lk.

Nõukogude Eesti konstitutsioonilise seadusandluse ajaloost. Dokumentide kogumik. (Из истории конституционного законодательства Советской Эстонии. Сборник документов). Tallinn, 1960. 439 lk.

Riigivolikogu II koosseis. I istungjärk. 1.—13.koosolek. Stenograafilised aruanded. (Государственная дума II созыва. I сессия. 1—13-е заседания. Стенографические отчеты). Tallinn, 1940. 204, IV lk.

1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. (Социалистическая революция 1940 года в Эстонии. Документы и материалы). Tallinn, 1960. 500 lk.

Веймер А. Мечты и свершения. М., 1974. 240 с.

Знаменосцы революции. Краткие биографии выдающихся революционеров, действовавших в Эстонии. 1. Таллин, 1964. 207 с.

Кингисепп В. Борьба против иностранных империалистов и их пособников. Сборник статей и листовок. Таллин, 1956. 140 с.

Кингисепп В. Под игом независимости. Таллин, 1955. 246 с.

Наступил день... Воспоминания участников революционных событий 1940 года в Эстонии. Таллин, 1969. 360 с.

Анвельт Я. Вооруженное восстание в Эстонии и его предпосылки.— «Коммунист Эстонии», 1959, № 11, с. 25—35.

Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente J. Anveldist. (Яан Анвельт. Воспоминания и документы о нем.) Tallinn, 1965. 255 lk.

Eesliinil. 50 aastat «Pravda» jälgedes. Artikleid ja mälestusi. (На передовой линии. 50 лет по пути «Правды». Статьи и воспоминания). Tallinn, 1962. 455 lk.

Elukutse — riigikukutaja. Mälestusi ja dokumente V. Kingissepast (75.sünnipäevaks). (Профессия — сокрушитель государства. Воспоминания и документы о В. Кингисеппе). Tallinn, 1963. 280 lk.

Lauristin J. Esimene nõukogude aasta Eestis. (Первый год Советской власти в Эстонии). Tallinn, 1946. 180 lk.

Revolutsiooni lipukandjad. Lühikesi ülevaateid Eestis tegutsenud väljapaistvate revolutsionääride elust ja tegevusest, 1—2. (Знаменосцы революции. Краткие биографии выдающихся революционеров, действовавших в Эстонии, 1—2). Tallinn, 1962—1972. 195 lk.; 176 lk.

Rästas O. Põrandaalused. Üks etapp Eestimaa KP põrandaalusest tööst. (Подпольщики. Один этап подпольной деятельности КП Эстонии). Tallinn, 1961. 207 lk.

Trellide taga. Mälestusi ja dokumente Eesti kommunistide võitlusest kodanlikus vanglas. (За решеткой. Сборник воспоминаний и документов о борьбе коммунистов Эстонии в буржуазной тюрьме). Tallinn, 1962. 704 lk.

Vares J. Aasta nõukogude võimu Eestis. (Год Советской власти в Эстонии). М., 1942. 51 lk.

Vares J. Nõukogude Eesti taassünd. Valimik artikleid ja sõnavõtte (1942—1945). (Возрождение Советской Эстонии). Tallinn, 1945. 192 lk.

Литература

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1958. 750 с.

Очерки истории Коммунистической партии, ч. I—II. Таллин, 1963—1970. 460 с.; 556 с.

Очерки истории Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Эстонии, ч. 1. Таллин, 1976, 364 с.

Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945. В 2-х т., т. 1. Эстонский народ в борьбе за свободу и независимость Советской Родины в 1941—1943 годах. Таллин, 1973. 616 с.

История Эстонской ССР, т. 3. Таллин, 1974. 856 с.

Leninlik etapp eesti ajalooteaduses. Histo-

riograafilisi artikleid. (Ленинский этап в эстонской исторической науке). Tallinn, 1970. 448 lk.
Viis aastat Nõukogude Eestit. 1940—1945. (Пять лет Советской Эстонии. 1940—1945). Tallinn, 1945. 143 lk.
Meie komsomol. Artikleid ELKNÜ ajaloost. (Наш комсомол). Tallinn, 1968. 243 lk.
Арумяэ Х. За кулисами «Балтийского союза». (Из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920—1925 гг.). Таллин, 1966. 282 с.
Варман-Зильбер А. Сильнее смерти. Биография Вильхельмине Клементи. Таллин, 1966. 379 с.
Куули О., Тоом В. В интернациональном строю. Боевой путь эстонской секции Коммунистического Интернационала Молодежи. 1920—1940. Таллин, 1971. 88 с.
Кэбин И. Великий Октябрь и Эстония. Таллин, 1975. 180 с.
Кэбин И. Октябрьская революция и эстонский народ. Таллин, 1967. 168 с.
Кэбин И. Эстония — прошлое, настоящее. Таллин, 1970. 184 с.
Леббин Х.-А. КПЭ в борьбе против реформистской деятельности мелкобуржуазных партий. Таллин, 1972. 248 с.
Левин В. Развитие советской государственности в Эстонии. М., 1961. 136 с.
Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Таллин, 1976. 228 с.
Панксеев А. В едином строю к общей цели. (К 50-летию Компартии Эстонии). Таллин, 1970, 80 с.
Панксеев А., Сурблис К., Эльвих А. Жизненная сила ленинских принципов партийного строительства. (О некоторых вопросах партийного строительства в коммунистических партиях Литвы, Латвии и Эстонии июнь 1940 — июнь 1941 гг.). Таллин, 1975. 288 с.
Пуллат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года. Таллин, 1976. 224 с.
Рянжин В. Кризис буржуазной конституционной законности и восстановление советской государственности в Эстонии. Л., 1971. 71 с.
Сепре О. Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран. Таллин, 1960. 124 с.
Allik H. Võrdlusi tööstustöölise elatustasemest Eestis. (Сравнительные данные об уровне жизни промышленных рабочих в Эстонии). Tallinn, 1957. 44 lk.
Ant J. Sõjariist kodanluse vastu. (Оружие против буржуазии. Легальная рабочая печать в Эстонии 1926—1929 гг.). Tallinn, 1975, 150 lk.
Antons R. Agraarsuhted kodanlikus Eestis. (Аграрные отношения в буржуазной Эстонии). Tallinn, 1957. 269 lk.
Brandt E. Eesti majanduse olukord kodanliku diktatuuri perioodil. (Состояние экономики Эстонии в период буржуазной диктатуры). Tallinn, 1955. 56 lk.
Elango O. Eesti kapitalismi ajutise, ebakindla stabilisatsiooni aastail (1925—1929). (Эстония в годы временной, непрочной стабилизации капитализма (1925—1929). Tallinn, 1958. 155 lk.
Kahk J., Laasi E., Suusmann A. Eesti talurahvas teel sotsialismile. (Эстонское крестьянство на пути к социализму). Tallinn, 1965. 231 lk.
Kask K. Tööstustööliste majanduslikust olukorrast kodanlikus Eestis. (Об экономическом положении промышленных рабочих в буржуазной Эстонии). Tallinn, 1957. 74 lk.
Kodres M. Kodanliku Eesti riigieelarve valitsevate klasside teenistuses (1918—1934). (Государственный бюджет буржуазной Эстонии на службе правящих классов (1918—1934)). Tallinn, 1971. 132 lk.
Koop A. NSV Liidu ja kodanliku Eesti suhted aastail 1920—1928. (Отношения между СССР и буржуазной Эстонией в 1920—1928 гг.). Tallinn, 1966. 232 lk.
Krinal V., Loone L., Soidra J. Majandusliku mõtte põhijooni kodanlikus Eestis (1920—1940). (Основные черты экономической мысли в буржуазной Эстонии (1920—1940)). Tallinn, 1968. 256 lk.
Kutsar-Zabrodskaja S. Eestimaa Kommunistlik Partei 1940. aasta sotsialistlikus revolutsioonis. (Коммунистическая партия Эстонии в социалистической революции 1940 года). Tallinn, 1960. 163 lk.
Kuuli O. Vapsidest Isamaaliiduni. (От вапсов до «исамаалийт». Об истории фашизма и антифашистской борьбы в буржуазной Эстонии). Tallinn, 1976. 238 lk.
Kuuli O. Ühise võitluslipu alla. (Eestimaa KP võitlus sidemete tugevdamise eest töörahva hulkadega aastail 1929—1934). (Под единое боевое знамя). Tallinn, 1961. 214 lk.
Kuuli O., Liebman A., Saarniit H. Töörahva riigi eest. Eesti ametiühingute võitlusest aastatel 1918—1940. (За государство

трудового народа. О борьбе эстонских профсоюзов в 1918—1940 гг.). Tallinn, 1967. 452 lk.
Lebbin A. Eestimaa Kommunistlik Partei võitluses töörahva ühisrinde eest (1921—1924). (Коммунистическая партия Эстонии в борьбе за единый фронт трудящихся (1921—1924)). Tallinn, 1961. 240 lk.
Lebbin H.-A. Sotsiaaldemokratismi pankrot Eestis. (Банкротство социал-демократизма в Эстонии). Tallinn, 1970. 451 lk.
Liebman A. Eestimaa Kommunistlik Partei sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail. (Veebruar 1920 — detsember 1924). (Коммунистическая партия Эстонии в годы послевоенного революционного кризиса. (Февраль 1920—декабрь 1924)). Tallinn, 1961. 172 lk.
Liebman A. Eestimaa Kommunistliku Partei loomise ajaloost. (Veebruar 1920 — aprill 1922). (К истории создания Коммунистической партии Эстонии. (Февраль 1920 — апрель 1922)). Tallinn, 1960. 344 lk.
Lillemäe V. Otto Rästas. (Отто Рястас). Tallinn, 1976. 300 lk.
Orgmäe E. EKP tegevus Eesti NSV kohtuorganite loomisel ja sotsialistliku õigusemõistmise korraldamisel (aastad 1940—1949). (Деятельность КПЭ по созданию судебных органов и организаций социалистического правосудия в Эстонской ССР (1940—1949 гг.)). Tallinn, 1969. 72 lk.
Pesti M. Rahvuslik reetmine «rahvusluse» sildi all. (Kodanliku Eesti välispoliitikast aastail 1934—1940). (Национальное предательство под флагом «национальной политики». (О внешней политике буржуазной Эстонии в 1934—1940 гг.)). Tallinn, 1960. 240 lk.
Plotnik E. Hans Pöögelmann. Elu ja tegevus. 1919—1938, II. (Ханс Пегельман. Жизнь и деятельность 1919—1938, ч. II). Tallinn, 1975. 368 lk.
Raadik A. Fašismi tekkimise ja tugevnemise protsess kodanlikus Eestis. (Процесс возникновения и усиления фашизма в буржуазной Эстонии). Tallinn, 1959. 34 lk.
Saarniit H. Kodanlik Eesti sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail (1920—1924). (Буржуазная Эстония в годы послевоенного революционного кризиса (1920—1924)). Tallinn, 1958. 208 lk.
Saarniit H. Kommunistliku fraktsiooni tegevusest Eesti Riigikogus sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail (1920—1924). (О деятельности коммунистической фракции эстонской Государственной думы в годы послевоенного революционного кризиса (1920—1924)). Tallinn, 1961. 64 lk.
Saat J. Eesti rahva võitlus EK(b)P juhtimisel nõukogude võimu kehtestamise eest. (Борьба эстонского народа под руководством КП(б) Эстонии за установление Советской власти). Tallinn, 1948. 91 lk
Saat J. Johannes Lauristin. Lühike elulugu. (Иоханнес Лауристин. Краткая биография). Tallinn, 1946. 64 lk.
Sauks F. Kaubanduse arengust Eestis kapitalismi tingimustes (1900—1940). (О развитии торговли в Эстонии в условиях капитализма (1900—1940)). Tallinn, 1968. 239 lk.
Sepre O. Eesti kodanlik riik monopolide teenistuses. (Буржуазное государство Эстонии на службе у монополий). Tallinn, 1963. 188 lk.
Sepre O. Kodanliku Eesti sõltuvus imperialistlikest maadest. (Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран). Tallinn, 1964. 112 lk.
Sildmäe I. Fašistlik eesti kodanlus imperialistliku agressiooni teenistuses Nõukogude — vastase sõja ettevalmistamisel (1934—1940). (Эстонская фашистская буржуазия на службе империалистической агрессии в подготовке войны против Советского Союза (1934—1940)). Tallinn, 1953. 40 lk.
Sunila A. 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. (Восстание 1 декабря 1924 года). Tallinn, 1974. 159 lk.
Tammistu K. «Saarlaste Matsist» «Sõnumini». Legaalne revolutsiooniline töölisajakirjandus kodanlikus Eestis (1920—1924). (От «Матса сааремаасцев» до «Сынум». Легальная революционная рабочая печать в буржуазной Эстонии (1920—1924)). Tallinn, 1971. 303 lk.
Tiido H. Nõukogude maareform Eestis. (Советская земельная реформа в Эстонии). Tallinn, 1960. 80 lk.
Tiido H. Talurahva olukorrast kodanliku Eestis. (О положении крестьянства в буржуазной Эстонии). Tallinn, 1959. 40 lk.
Vihalem P. Eesti kodanluse üleminek saksa fašismi teenistusse. (Переход эстонской буржуазии на службу германскому фашизму). Tartu, 1963. 184 lk.

Vihalem P. Valimised kodanlikus Eestis. (Выборы в буржуазной Эстонии). Tallinn, 1963. 176 lk.
Zabrodskaja S. Eestimaa Kommunistlik Partei fašistliku diktatuuri kukutamise ja nõukogude võimu taastamise ajajärgul. (Коммунистическая партия Эстонии в период свержения фашистской диктатуры и восстановления Советской власти). Tallinn, 1954. 36 lk.
Ант Ю. М. Легальная революционная рабочая печать в Эстонии в 1926—1930 гг. Автореф. канд. дис. Таллин, 1969. 30 с.
Арумяэ X. Т. Внешняя политика буржуазной Эстонии в 1920—1925 годах. Автореф. канд. дис. Таллин, 1960. 28 с.
Клемент А. Борьба Коммунистической партии Эстонии против фашизма за восстановление и упрочение Советской власти (1934—1941 гг.). (По материалам Нарвы и Принаровья). Автореф. канд. дис. Таллин, 1966, с. 23.
Либман А. Б. Тактика Компартии Эстонии в борьбе против буржуазии в 1920—1929 гг. Автореф. докт. дис. М., 1970. 130 с.
Лиллемяэ В. Э. Роль Отто Рястаса в борьбе за власть трудящихся в Эстонии. Автореф. канд. дис. Тарту, 1972. 32 с.
Мартинсон К. Коммунистическое движение молодежи Эстонии в 1925—1940 гг. Автореф. канд. дис. Таллин, 1965. 23 с.
Плотник Э. Ю. Крушение буржуазного парламентаризма в годы мирового экономического кризиса и установление фашистской диктатуры в Эстонии (1929—1934). Автореф. канд. дис. Тарту, 1954. 18 с.
Радик А. Борьба трудящихся Эстонии за свержение фашистской диктатуры (1939—1940 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1957. 23 с.
Райд Л. Борьба Коммунистической партии Эстонии против клерикализма и ее деятельность по атеистическому воспитанию масс (1920—1963 годы). Автореф. канд. дис. Таллин, 1968. 23 с.
Руус В. Ю. Деятельность и опыт КП Эстонии по социалистическому преобразованию торговли (1940—1941). Автореф. канд. дис. Таллин, 1964. 24 с.
Силласте X. Б. Правовое регулирование взаимоотношений между лютеранской церковью и государством в буржуазной Эстонии. Автореф. канд. дис. Тарту, 1974.
Тидо Г. К. Аграрная политика КП Эстонии в 1940—1941 гг. Автореф. канд. дис. Таллин, 1961, 30 с.
Толк А. Я. Тактика Коммунистической партии Эстонии в борьбе против буржуазии в 1930—1940 гг. Автореф. канд. дис. Таллин 1967. 28 с.
Тоом В. Документальные материалы партийных органов и организаций как источники по истории Коммунистической партии Эстонии (1920—1923). Автореф. канд. дис. Таллин, 1967. 16 с.
Эланго Ы. Ю. Эстония в годы временной частичной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.). Автореф. канд. дис. Таллин, 1954. 18 с.
Аллик X. Крушение государства толстосумов.— «Коммунист Эстонии», 1960, № 6, с. 20—31.
Ант Ю. Революционная печать Эстонии о В. И. Ленине и его идеях.— «Коммунист Эстонии», 1968, № 12, с. 15—20.
Антонс Р. И. Аграрные отношения в буржуазной Эстонии.— В кн.: К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. Таллин, 1956, с. 124—138.
Архангельский В. Некоторые вопросы временной, частичной стабилизации капитализма в Эстонии в 1925—1929 гг.— «Труды Таллинского политехн. ин-та. Серия Б», 1960, № 1, с. 21—24.
Васьк А. Как родилась социалистическая государственность в Эстонии в 1940 году.— «Коммунист Эстонии», 1962, № 4, с. 64—74.
Грюнберг В. Пропагандистская и организаторская работа коммунистов в эстонской буржуазной армии.— «Коммунист Эстонии», 1974, № 11, с. 39—46.
Кирис А. Не демократия, а авторитарный режим.— «Коммунист Эстонии», 1968, № 5, с. 19—29.
Куули О. Борьба Коммунистической партии Эстонии против фашизма в 1933—1939 годах.— «Коммунист Эстонии», 1963, № 6, с. 26—36.
Куули О. Интеллигенция в революции 1940 года.— «Коммунист Эстонии», 1970. № 7, с. 15—22.
Куули О. Коминтерн и антифашистская борьба.— «Коммунист Эстонии», 1969, № 2, с. 5—12.
Куули О. Национальная политика Компартии Эстонии в 30-х годах.— «Коммунист Эстонии», 1967, № 6, с. 30—36.
Куули О. Пролетарский интернационализм и «национальная целостность».— «Коммунист Эстонии», 1971, № 8, с. 13—22.

Куули О. Что принесла фашистская диктатура эстонскому народу.— «Коммунист Эстонии», 1964, № 5, с. 45—55.

Куули О., Либман А. Борьба за большинство рабочего класса.— «Коммунист Эстонии», 1966, № 9, с. 14—23.

Куули О., Либман А. Из прошлого рабочего движения в Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1961, № 6, с. 25—37.

Куули О., Резев А. Расстановка сил Компартии Эстонии в революции 1940 года.— «Коммунист Эстонии», 1968, № 7, с. 12—22.

Куули О., Резев А. Расстановка сил Компартии Эстонии перед революцией 1940 года.— «Коммунист Эстонии», 1965, № 5, с. 10—19.

Кэбин И. Боевой отряд великой партии Ленина.— «Коммунист Эстонии», 1970, № 10, с. 3—13.

Кэбин И. Боевой отряд великой партии Ленина. К 50-летию КП Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1970, № 16, с. 23—35.

Кэбин И. Двадцать советских лет.— «Коммунист Эстонии», 1960, № 7, с. 1—8.

Леббин Х.-А. КП Эстонии — организатор и руководитель социалистической революции в Эстонии.— «Труды по истории КП Эстонии», 6. Таллин, 1972, с. 55—70.

Леббин Х.-А. Что представлял собой Социалистический Союз Молодежи Эстонии? — «Коммунист Эстонии», 1972, № 2, с. 28—39.

Леббин Х.-А. Крах социал-демократизма в Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1970, № 6, с. 42—46.

Либман А. Борьба трудящихся буржуазной Эстонии в защиту Советской страны.— «Коммунист Эстонии», 1967, № 8, с. 11—18.

Либман А. В составе Коминтерна.— «Коммунист Эстонии», 1969, № 2, с. 13—19.

Либман А. Тактика вооруженного восстания Компартии Эстонии в 20-е годы.— «Коммунист Эстонии», 1974, № 10, с. 30—49.

Либман А. Документы о солидарности и и пролетарском интернационализме рабочего класса Эстонии.— «Töid EKP ajaloo alalt», 2. Tallinn, 1966, lk. 76—109.

Либман А. Интернациональные связи КПЭ в 1920—1940 гг.— «Коммунист Эстонии», 1968, № 5, с. 8—18.

Либман А. Конституирование КП Эстонии и его историческое значение.— «Труды по истории КП Эстонии», 6. Таллин, 1972, с. 29—43.

Либман А. Ленинская тактика единого фронта в деятельности КПЭ. (К 50-летию III конгресса Коминтерна).— «Коммунист Эстонии», 1971, № 5, с. 32—40.

Либман А. Об изучении ленинских трудов в буржуазной Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1969, № 12, с. 3—13.

Либман А. Об особенностях тактики Компартии Эстонии по отношению к мелкобуржуазным партиям в 1921—1922 гг.— «Коммунист Эстонии», 1958, № 1, с. 57—72.

Либман А. Рабочие делегации буржуазной Эстонии в Советском Союзе.— «Коммунист Эстонии», 1963, № 6, с. 15—25.

Либман А. Революционная борьба.—В кн.: История Таллина. Таллин, 1972, с. 204—234.

Либман А. Революционная борьба эстонских трудящихся в 1920—1929 гг.— В кн.: Под знаменем Октября. М., 1959, с. 92—144.

Либман А., Маамяги В. Борьба трудящихся Эстонии за вхождение в состав Союза ССР.— «Вопросы истории», 1972, № 5, с. 23—41.

Либман А., Малюкявичюс Р., Штейман И. III конгресс Коминтерна и коммунистические партии Прибалтики.— В кн.: Третий конгресс Коминтерна. М., 1975, с. 527—561.

Маамяги В. К трактовке революционных событий 1940 года в Эстонии.— «Известия АН ЭССР». Серия обществ. наук, 1966, № 3, с. 314—338.

Маамяги В. О разработке истории социалистического и коммунистического строительства историками Эстонской ССР.— В кн.: Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962, с. 170—178.

Манг К. Создание эстонской народной армии в 1940 году.— «Коммунист Эстонии», 1967, № 9, с. 35—41.

Матсулевич А. Брошюры о В. И. Ленине, запрещенные в буржуазной Эстонии.— «Советские архивы», 1966, № 5, с. 100—101.

Панксеев А. 50 лет Коммунистической партии Эстонии.— «Труды по истории КП Эстонии», 6. Таллин, 1972, с. 7—28.

Пести М. Об антинародной внешней политике эстонской буржуазии накануне и в начале второй мировой войны.— «Коммунист Эстонии», 1956, № 7, с. 20—35.

Пести М. Победа Советской власти в Эстонии.— В кн.: Под знаменем Октября. М., 1959, с. 145—199.
Радик А. К. Характеристика антинародной экономической политики эстонской буржуазии в период фашистской диктатуры (1934—1940).— «Ученые записки Таллинского педагогического ин-та им. Э. Вильде», 1956, т. I, вып. I, с. 247—274.
Райд Я. Прибалтийские немцы накануне и в период переселения из Эстонии (1934—1941).— «Ученые записки Тартуского ун-та», 1972, вып. 290, с. 88—123.
Рянжин В. Социалистическая революция 1940 г. в Эстонии и преобразование Государственной думы Эстонии в Верховный Совет Эстонской ССР.— «Известия вузов. Правоведение», 1960, № 4, с. 113—122.
Саарнийт Х. В боевом союзе с рабочим классом.— «Коммунист Эстонии», 1970, № 7, с. 5—14.
Саарнийт Х. Деятельность Компартии Эстонии среди трудового крестьянства в 1920—1924 гг.— «Коммунист Эстонии», 1974, № 11, с. 29—38.
Саат И. Как мы изучали труды Ленина в буржуазной Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1960, № 4, с. 46—51.
Сойдра И. Марксистско-ленинская экономическая мысль в буржуазной Эстонии (до 1929 года).— «Коммунист Эстонии», 1956, № 11, с. 35—44.
Тидо Г. Создание партийных организаций и беспартийного актива на селе в 1940 году.— «Ученые записки Тартуского ун-та», 1961, Труды по истории КПСС, 1, вып. 109, с. 73—84.
Тийдо Х. Борьба КП Эстонии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в период господства буржуазии.— «Коммунист Эстонии», 1971, № 7, с. 12—21.
Томассон Э. Что дала учительству Эстонии революция 1940 года.— «Коммунист Эстонии», 1967, № 7, с. 28—32.
Тоом В. На основе ленинских организационных принципов.— «Коммунист Эстонии», 1969, № 10, с. 3—8.
Тоом В. Организационная структура КП Эстонии в период буржуазной диктатуры.— «Труды по истории КП Эстонии», 6. Таллин, 1972, с. 44—54.
Шмидт Э. Начало реорганизации образования и первые шаги в подготовке педагогических кадров в Советской Эстонии (1940—1941 гг.).— «Труды Таллинского политехн. ин-та. Серия Б», 1960, № 1, с. 42—81.
Янковский И. Революция 1940 года в Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1955, № 7, с. 22—34.
Янковский И. Революция 1940 года в Эстонии в оценках ее современников.— «Коммунист Эстонии», 1973, № 7, с. 65—75.
Янковский И., Куули О. Фашизм на международной арене и в буржуазной Эстонии.— «Коммунист Эстонии», 1973, № 10, с. 17—27.
Ahelik S., Karma O. Töölisvanemate tegevusest Eestis. Töölisvanemate nõukogude kujunemisest. (О деятельности рабочих старост в Эстонии).— «Eesti NSV Teaduste Akadeemia» — далее «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1972, Nr. 1, lk. 29—50.
Ahelik S. Üleminek nõukogude tervishoiu-Korraldusele Eestis aastail 1940—1941. (Переход на советскую систему здравоохранения в Эстонии в 1940—1941 гг.).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused». 1972, Nr. 3, lk. 270—286.
Ant J. Eesti revolutsioonilise töölisliikumise saadikud III ja IV Riigikogus. (Депутаты революционного рабочего движения Эстонии в III и IV Государственной думе).— «Tartu Riiklik Ülikool» — далее «TRU Toimetised, vihik 287. Töid NLKP ajaloo alalt, 9. Tartu» 1971, lk. 52—69.
Ant J. Eesti legaalne revolutsiooniline töölisajakirjandus marksismi — leninismi õpetuse kaitsel (1925—1929). (Эстонская легальная рабочая печать на защите марксистско-ленинского учения (1925—1929)).— «TRÜ Toimetised, vihik 202. Töid NLKP ajaloo alalt», Nr. 6, 1968, lk. 31—46.
Ant J. EKP programmilistest ja taktikalistest nõudmistest rahvusküsimuse valdkonnas aastail 1920—1940. (Программные и тактические требования КП Эстонии по национальному вопросу в 1920—1940 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 299. Töid NLKP ajaloo alalt», 1972, Nr. 10, lk. 23—36.
Ant J. Osalised nõudmised Kommunistliku Internatsionaali ühisrinde taktikas ja Eestimaa Kommunistlik Partei aastail 1920—1930. (Частичные требования Коминтерна в отношении тактики единого фронта и Компартии Эстонии в 1920—1930 гг.). Töid EKP ajaloc alalt», Nr. 5, Tallinn, 1970, lk. 162—174.

Ant J. Tööliskontrolli küsimus ja Eestimaa Kommunistlik Partei 1920-ndatel aastatel. (Проблемы рабочего контроля и КПЭ в 20-е годы).— Rmt. Revolutsioonist revolutsioonini 1905—1940. Tallinn, 1975, lk. 155—168.

Ant J. Töörahva ülddemokraatlike nõudmiste käsitlusest EKP häälekandjas «Kommunist» aastatel 1920—1924. (Общедемократические требования трудящихся на страницах органа КПЭ «Коммунист» в 1920—1924 гг.).— Rmt. Töid EKP ajaloo alalt VII. Tallinn, 1975, lk. 139—141.

Arumäe H. Kodanliku Eesti poliitilistest suhetest imperialistlike suurriikidega 1920. aastal. (О политических отношениях буржуазной Эстонии с империалистическими державами в 1920 году).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1960, Nr. 1, lk. 34—51.

Boikov V. Eesti ametiühingute võitlus fašistliku diktatuuri vastu (1934.—1940.a.). (Борьба профсоюзов Эстонии против фашистской диктатуры (1939—1940 гг.)) — «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1961, Nr. 3, lk. 206—223.

Boikov V. Eesti nõukogude ametiühingute organiseerimine ja tegevus aastail 1940—1941. (Создание и деятельность эстонских советских профсоюзов в 1940—1941 гг.).— Rmt. 50 aastat Eeesti ametiühingute I kongressist. Tallinn, 1970, lk. 56—62.

Elango Õ. Eesti loova intelligentsi organisatsioonid 1940. aasta sotsialistliku revolutsiooni eel. (Организации эстонской творческой интеллигенции накануне социалистической революции 1940 г.).— Rmt. Revolutsioonist revolutsioonini 1905—1940. Tallinn, 1975, lk. 212—244.

Elango Õ. Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni ideede mõjust kodanliku Eesti õpetajaskonnale ja koolipoliitikale. (О влиянии идей Великой Октябрьской социалистической революции на учительство и школьную политику буржуазной Эстонии).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1967, Nr. 4, lk. 402—425.

Esser M. Eesti kommunistlike noorsoo-organisatsioonide internatsionaalsetest sõprussidemetest aastail 1920—1930. (Об интернациональных связях коммунистических молодежных организаций Эстонии в 20—30-х годах).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1958, Nr. 3, lk. 167—182.

Jaanson K. Rootsi kaubanduslik krediit kodanlikule Eestile aastail 1923—1927. (Торговый кредит Швеции буржуазной Эстонии в 1923—1927 гг.).— «TRÜ Toimetised», vihik 371, 1976, lk. 125—136.

Jankovski I. Mõningaist 1940. a. revalutsiooni küsimustest. (О некоторых вопросах революции 1940 г.).— «Looming», 1957, Nr. 7, lk. 1074—1083.

Karma O. Riigimonopolistlik kapitalism Eestis 1940. aasta sotsialistliku revolutsiooni objektiivse eeldusena. (Государственно-монополистический капитализм — объективная предпосылка социалистической революции в Эстонии).— Rmt. Revolutsioonist revolutsioonini. 1905—1940. Tallinn, 1975, lk. 186—211.

Kalits J. EKP tegevus Tartu Ülikooli kujundamisel kõrgemaks kooliks (1940—1941). (Деятельность КПЭ по преобразованию Тартуского университета в советскую высшую школу 1940—1941).— «TRÜ Toimetised», vihik 173. Töid NLKP. ajaloo alalt, 1965, Nr. 3, lk. 85—100.

Keerdo P. Eesti NSV 1941. aasta eelarve. (Бюджет Эстонской ССР на 1941 год).— «Bolševik», 1941, Nr. 1/2, lk. 114—117.

Kessel E. Andmeid Eestimaa Kommunistliku Partei rahvusvahelistest sidemetest aastatel 1920—1924. (О международных связях Компартии Эстонии в 1920—1924 гг.).— «Töid EKP ajaloost», 1975, Nr. 7, lk. 104—118.

Kinkar F. EKP võitlusest revolutsiooniliste ümberkorralduste eest kultuuri alal 1940—1941.a. (Борьба КП Эстонии за революционные преобразования в области культуры в 1940—1941 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 173. Töid NLKP ajaloo alalt», 1965, Nr. 3, lk. 66—83.

Kiris A. Kodanliku Eesti riigivanema õigused ametnikkonna ja sõjaväe suhtes 1934—1937.a. (Правовое положение главы государства буржуазной Эстонии в отношении чиновничества и армии в 1934—1937 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 230. Õigusteaduslikke töid», 1969, Nr. 9, lk. 194—213.

Kuuli O. Eestimaa Kommunistliku Partei tööst intelligentsi seas kolmekümnendatel aastatel. (О работе Коммунистической партии Эстонии среди интеллигенции в тридцатые годы).— «Looming», 1960, Nr. 7, lk. 1079—1088.

Kuuli O. EKP väljaanded fašismist Eestis (1930—1940). (Издания КПЭ о фашизме в Эстонии (1930—1940)).— «Töid

ЕКР ajaloo alalt», 1975, Nr. 7, lk. 190—205.

Kuuli O. Fašismivastane rahvarinne Eestis. (Борьба за антифашистский народный фронт в Эстонии).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1970, Nr. 5, lk. 195—209.

Kuuli O. 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. (Historiograafiline ülevaade). (Социалистическая революция 1940 года в Эстонии. (Историографический обзор)).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1965, Nr. 1, lk. 108—136.

Kuuli O., Toom V. EKP Keskkomitee Välismaa Büroo (1919—1937). (Заграничное бюро Центрального Комитета КП Эстонии (1919—1937 гг.)).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1970, Nr. 4, lk. 107—126.

Lamp E. Kunstielu arganisatsioonilistest ümberkorraldustest 1940.—1941. aastal. (Реорганизация творческой жизни в области изобразительного искусства Эстонии в 1940—1941 гг.).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1965, Nr. 2, lk. 188—196.

Lebbin H.-A. Eesti sotsialistide suhtumine fašismivastasesse ühisrindesse aastail 1934—1940. (Отношение социалистов Эстонии к антифашистскому единому фронту в 1934—1940 гг.).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1970, Nr. 5, lk. 175—194.

Lebbin H.-A. Eesti Sotsialistliku Tööliste Partei tegevus 1930—ndail aastail Nõukogude Eesti ajaloolaste käsitluses. (Деятельность Эстонской социалистической рабочей партии в 30-е годы в разработке историков Советской Эстонии).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1975, Nr. 7, lk. 208—234.

Levin B. Nõukogude ehitustöö Eestis 1940—1941. aastal. (Советское строительство в Эстонии в 1940—1941 гг.).— «Eesti Bolševik», 1950, Nr. 13, lk. 67—80.

Liebman A. Eestimaa Kommunistliku Partei esimene kongress. (Первый съезд Коммунистической партии Эстонии).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1971, Nr. 1, lk. 22—23.

Liemban A. Eestimaa Kommunistlik Partei Kommunistliku Internatsionaali koosseisus. (КП Эстонии в составе Коммунистического Интернационала).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1970, Nr. 5, lk. 84—104.

Liemban A. EKP taktika III ja IV Riigikogu valimistel. (Тактика КПЭ на выборах в III и IV Государственную думу).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1968, Nr. 3, lk. 183—217.

Liebman A. Kominterni Täitevkomitee Poola — Baltimaade Sekretariaat ja EKP taktika lüsimused. (Польско-Прибалтийский лендерсекретариат ИККИ и некоторые вопросы тактики Компартии Эстонии).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1975, Nr. 7, lk. 156—185.

Liebman A. Muudatustest Eestimaa Kommunistliku Partei taktikas 1928.—1929.a. (Об изменениях в тактике Коммунистической партии Эстонии в 1928—1929 гг.).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1968. Nr. 3, lk. 264—279.

Liebman A. Parteiorganisatsioon Tallinna Keskvanglas. (Партийная организация в Таллинской центральной тюрьме).—Rmt. Revolutsioonist revolutsioonini 1905—1940. Tallinn, 1975, lk. 136—154.

Liemban A. Revolutsioonilised sündmused Eestis 1940. aasta suvel. (Революционные события лета 1940 г. в Эстонии).— «Eesti Bolševik», 1949. Nr. 12, lk. 40—56.

Liebman A., Maamägi V. Eesti töörahva võitlus riikliku liidu eest NSV Liidu rahvastega. (Борьба трудящихся Эстонии за вхождение в состав СССР).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1972, Nr. 4, lk. 375—390.

Lõhmus M. Sotsialistlikud ümberkujundused Kreenholmi Manufaktuuris 1940.—1941. aastal. (Социалистические преобразования на Кренгольмской мануфактуре в 1940—1941 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 114, Eesti NSV ajaloo küsimusi», 1961. Nr. 2, lk. 3—40.

Maamägi V. Eesti töörahva võitlus riikliku liidu eest NSV Liidu rahvastega. (Борьба эстонских трудящихся за государственный союз с народами Советского Союза).— Rmt. Eesti ühendamisest Venemaaga, selle ajaloolisest tähtsusest. Tallinn, 1960, lk. 249—269.

Maamägi V. Kultuurirevolutsioonn Eestis. (Культурная революция в Эстонии).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused». 1960, Nr. 2, lk. 182—209.

Maamägi V. Opteerimiskampaania ja eesti kodanluse Nõukogudevastased mahhinatsioonid 1920.—1923.a. (Об оптационной кампании и антисоветских происках эстонской буржуазии в 1920—1923 гг.).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1962. Nr. 1, lk. 28—48.

Moosberg H. Eesti revolutsioonilise liiku-

mise ajaloo uurimisest NSV Liidus aastail 1918—1937. (Об изучении в СССР в 1918—1937 годах истории революционного движения Эстонии).— «TRÜ Toimetised, vihik 114. Eesti NSV ajaloo küsimusi», 1961. Nr. 2, lk. 78—97.

Mäsak E. Tööliste korterioludest Eestis aastail 1920—1940 kodanliku ajakirjanduse valgusel. (О жилищных условиях рабочих Эстонии по материалам буржуазной прессы 1920—1940 гг.).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1968, Nr. 2, lk. 160—174.

Pesti M. Kodanliku Eesti majanduslik ja poliitiline allutamine hitlerlikule Saksamaale (1935—1938). (Экономическое и политическое подчинение буржуазной Эстонии гитлеровской Германии (1935—1938)).— «ENSV TA Toimetised», 1955, Nr. 3, lk. 347—361.

Plotnik E. EKP ajaloo komisjoni tegevus 1925—1937. (Деятельность Комиссии истории КПЭ (эстонского истпарта) (1925—1937 гг.)).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1968, Nr. 3, lk. 218—259.

Plotnik E. Töölisliikumine Eestis majanduskriisi aastail (1929—1934). (Подъем рабочего движения в Эстонии в годы экономического кризиса (1929—1934)).— «TRÜ Toimetised, vihik 43. Ajaloo — keeleteaduskonna töid», 1956, Nr. 1, lk. 40—60.

Rekker G. Tööpuudus kodanlikus Eestis. (Безработица в буржуазной Эстонии).— Rmt. Vabariikliku majandusteadusliku konverentsi materjalid. Tallinn, 1962, lk. 88—101.

Ruus V. Eestimaa Kommunistliku Partei tegevus tarbijate kooperatsiooni sotsialistlikul ümberkorraldamisel Eesti NSV-s aastail 1940—1941. (О деятельности Коммунистической партии Эстонии по социалистическому преобразованию потребительской кооперации в Эстонии в 1940—1941 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 109. Töid NLKP ajaloo alalt», 1961, Nr. 1, lk. 56—72.

Ruus V. EKP tegevus sotsialistliku majanduse organiseerimisel ja juhtimisel (1940—1941). (Деятельность КП Эстонии по организации и руководству социалистическим хозяйством (1940—1941)).— «TRÜ Toimetised, vihik 202. Töid NLKP ajaloo alalt», 1968, Nr. 4, lk. 49—68.

Ruus V. EKP tegevusest sotsialistliku võistluse organiseerimisel rahvamajanduses (1940—1941). (О деятельности КП Эстонии по организации социалистического соревнования в народном хозяйстве (1940—1941)).— «TRÜ Toimetised, vihik 203. Töid NLKP ajaloo alalt», 1967, Nr. 5, lk. 103—110.

Ruus V. Lenin ja revolutsioonilised ümberkorraldused Eestis 1940—1941. (В. И. Ленин и революционные преобразования в Эстонии в 1940—1941 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 238. Töid NLKP ajaloo alalt», 1969, Nr. 7, lk. 3—34.

Ruus V. ja M. EKP ja Nõukogude valitsuse abinõud sotsialistliku sektori rajamiseks rahvamajanduses (1940—1941). (Мероприятия КПЭ и Советского правительства по созданию социалистического сектора в народном хозяйстве (1940—1941)).— «TRÜ Toimetised, vihik 299. Töid NLKP ajloo alalt», 1972, Nr. 10, lk. 53—79.

Saarniit H. Kommunistliku Internatsionaali agraarprogramm ja Eestimaa Kommunistliku Partei tegevus selle elluviimisel. (Аграрная программа Коминтерна и аграрная политика КП Эстонии).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1970, Nr. 5, lk. 122—137.

Sepre O. Madalapalgaliste tööliste reaalpalk kodanlikus Eestis. (О реальной заработной плате низкооплачиваемых рабочих в буржуазной Эстонии).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1960, Nr. 4, lk. 232—242.

Sildmäe I. Nõukogude võimu taaskehtestamine Eestis 1940. a. suvel. (Восстановление Советской власти в Эстонии летом 1940 г.).— «TRÜ Toimetised, vihik 61. Õigusteaduskonna töid», 1959, Nr. 1, lk. 3—24.

Sunila A. Eesti proletariaadi 1924. a. 1. detsembri relvastatud ülestõusu objektiivsetest ja subjektiivsetest tingimustest. (Об объективных и субъективных условиях вооруженного восстания эстонского пролетариата 1 декабря 1924 г.).— «ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused», 1957, Nr. 1, lk. 3—15.

Tammistu K. Komintern ja legaalne revolutsiooniline töölisajakirjandus kodanlikus Eestis (1920—1924). (Коминтерн и легальная рабочая печать в буржуазной Эстонии (1920—1924)).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1970, Nr. 5, lk. 150—161.

Tammistu K. Legaalne revolutsiooniline töölisajakirjandus — Eesti töörahva kasvataja proletaarse internatsionalismi vaimus (1920—1924). (Легальная револю-

ционная рабочая печать — воспитатель эстонских трудящихся в духе пролетарского интернационализма (1920—1924)).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1968, Nr. 3, lk. 118—154.

Tiido H. Maa natsionaliseerimine Eestis 1940. a. (Национализация земли в Эстонии в 1940 г.).— Eesti Põllumajanduse Akadeemia teaduslike tööde kogumik», Tartu, 1963, Nr. 34, lk. 90—99.

Tolk A. Eestimaa Kommunistliku Partei taktikast 1940. a. revolutsioonis. (О тактике Коммунистической партии Эстонии в революции 1940 г.).— «TRÜ Toimetised, vihik 173. Toid NLKP ajaloo alalt», 1965, Nr. 3, lk. 18—47.

Tolk A. Kominterni ning EKP taktika arengukäigust aastail 1919—1939. (О развитии тактики Коминтерна и КПЭ в 1919—1939 гг.).— «Eesti Põllumajanduse Akadeemia teaduslike tööde kogumik», 1970, Nr. 68, lk. 4—43.

Tolk A. Ühisrinde leninliku taktika võit töölisklassi parteides ning ametiühingutes Eestis aastail 1933—1935. (Победа ленинской тактики единого фронта в партиях рабочего класса и профсоюзах Эстонии в 1933—1935 гг.).— «TRÜ Toimetised, vihik 109. Töid NLKP ajaloo alalt», 1961, Nr. 1, lk. 23—55.

Toom V. Eestimaa Kommunistliku Partei III kongress (aeg, koht, osavôtjad). (III съезд Коммунистической партии Эстонии (время, место проведения, делегаты).— «Töid EKP ajaloo alalt», 1968, Nr. 3, lk. 159—182.

Toom V. EKP I ja II kongressi protokollid. (Протоколы I и II съездов КПЭ).— «TRÜ Toimetised, vihik 203. Töid NLKP ajaloo alalt», 1967, Nr. 5, lk. 94—102.

Тоом В. Организационная структура КП Эстонии в период буржуазной диктатуры.— Труды по истории Коммунистической партии Эстонии, 6. Таллин, 1972, с. 44—54.

Truuväli E.-J. Kodanliku Eesti ühiskondlikpoliitilised organisatsioonid ja nende likvideerimine 1940. aastal. (Общественно-политические организации буржуазной Эстонии и их ликвидация в 1940 году).— «TRÜ Toimetised, vihik 298. Õigusteaduslikke töid», 1972, Nr. 4, lk. 34—50.

Truuväli E.-J. Rahva Omakaitse 1940. aasta sotsialistlikus revolutsioonis Eestis. (Организация народной самозащиты в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии).— «TRÜ Toimetised, vihik 197. Õigusteaduslikke töid», 1967, Nr. 7, lk. 3—16.

Vihalem P. Proletariaadi diktatuuri kehtestamine Eestis 21. juunil 1940. (Установление диктатуры пролетариата в Эстонии 21 июня 1940 г.).— «TRÜ Toimetised, vihik 199. Õigusteaduslikke töid», 1967, Nr. 6, lk. 3—23.

Указатель имен

В

Г

Л

М

С

Т

Ы

Э

Ю

Я

Оглавление

5

Назревание революционного кризиса в странах Прибалтики после начала второй мировой войны

6

Начало социалистических революций. Их основные черты и движущие силы

7

Восстановление Советской власти в Прибалтике

8

Организационно-партийная и идеологическая деятельность коммунистических партий Литвы, Латвии и Эстонии (июнь 1940 — июнь 1941 г.)

Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии.

Восстановление Советской власти

Утверждено к печати
Институтом марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
и Академией Наук СССР

Редактор издательства
Д. И. Жеребкина

Художник
Э. Л. Эрман

Художественный редактор
Ю. П. Трапаков

Художественно-технический редактор
А. П. Гусева

Корректоры
Ф. А. Дебабов, Л. А. Сулханова

ИБ № 5501

Сдано в набор 22.06.77.
Подписано к печати 27.12.77. Т-16897.
Формат 70×90 1/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура латинская. Печать высокая.
Усл. печ. л. 41,83. Уч.-изд. л. 44,2.
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 2523. Цена 3 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

LAI DZĪVO
LATVIJAS PADOMJU
SOCIALISTISKĀ REPUBLIKA

Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии